

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

НА 1862 ГОДЪ.

Начиная четвертый годъ своего изданія, РУССКОЕ СЛОВО заявляетъ тѣмъ твердую увѣренность въ сочувствіи къ нему публики и въ своемъ возрастающемъ успѣхѣ. Этотъ успѣхъ, въ послѣдніе мѣсяцы, превзошелъ наши ожиданія; ему отвѣчало и будетъ отвѣчать искреннее желаніе Редакціи оправдать довѣріе нашихъ читателей; ихъ голосъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, есть единственный голосъ, которымъ мы дорожимъ.

Редакція «РУССКАГО СЛОВА» остается въ прежнемъ составѣ, и потому направленіе журнала не измѣняетъ своей главной цѣли. Вѣроятно, наши возрѣнія на различные вопросы жизни, науки и искусства, наши симпатіи и антипатіи обозначились довольно ясно; полное же выясненіе ихъ будетъ зависѣть отъ времени. Къ наукѣ мы относимся не

для самой науки, а съ серьезными и практическими требованіями, составляющими отличительную черту современной эпохи; за общественнымъ движеніемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы слѣдили съ любовью и тревожнымъ ожиданіемъ, сосредоточивая особенное вниманіе не столько на внѣшнихъ явленіяхъ, сколько на внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи; отъ произведеній искусства, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, мы требовали идеи и художественной правды, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго искусства. Во всѣхъ сферахъ умственной и эстетической дѣятельности мы искали общечеловѣческихъ началъ и отъ нихъ старались перейти къ сближенію съ тѣмъ народомъ, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ; къ его интересамъ была направлена наша основная мысль; мы раздѣляли и будемъ раздѣлять его радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю.

Всякая односторонность, рутинная и праядная игра въ отвлеченныя теоріи, задерживающія наше социальное развитіе, не найдутъ въ РУССКОМЪ СЛОВѢ ни одобренія, ни сочувствія. Авторитеты, системы и отдѣльныя личности, какъ бы высоко они ни были поставлены, для насъ имѣютъ цѣну только тогда, когда они содѣйствуютъ своимъ талантомъ и трудами общему дѣлу. Въ наше время, внѣ общественныхъ интересовъ почти не возмжно представить себѣ поэта или ученаго, потому что только одно холодное равнодушіе, несовмѣстное съ истиннымъ дарованіемъ, духъ касты и партіи могутъ отдѣлять умственную дѣятельность отъ самой жизни общества.

Объяснивъ нашимъ читателямъ основной характеръ РУССКАГО СЛОВА, мы надѣемся остаться ему вѣрны, и не пренебречь ничѣмъ, что можетъ улучшить второстепенныя достоинства журнала. Главныя отдѣлы его—*беллетристическій и ученый, политика, критика, иностранная литература, внутреннее обозрѣніе и дневникъ темнаго чело-вѣка*—сохранятъ свой прежній видъ, но обогатятся новыми дѣятелями, на которыхъ мы имѣемъ основаніе рассчитывать.

Шахматный листокъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ постоянно прилагаться къ РУССКОМУ СЛОВУ.

III

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА» — 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря*, получаютъ премію — третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію cadaго подписчика. При этомъ редакция проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакция допускаетъ рассрочку въ уплатѣ денегъ — для служащихъ — по третямъ черезъ ихъ казначеевъ, — для всѣхъ прочихъ — по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к.
 Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к.
 Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 4 р. 50 к.
 Разказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ.
 М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ
 (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ
 перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ
 перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ правовъ ТЕККЕРВЯ. (Перев. съ англійскаго).
 Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ
 сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р.
 съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель графъ Г. А. Кушелевъ-Везбередко.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

въ типографіи Н. ТИШЛЕВА и комп. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

IX.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕБНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. БУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗВОРОДКО.

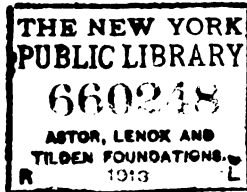
1861.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволено съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 26 сентября 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ*.

БѢГЛЯНКА.

РОМАНЪ.

(Окончаніе.)

XII.

..... Только грѣтъ ее миленькой дружочекъ
Молодецкою, сердечною любовью...

(Русская пѣсня).

Быстро смѣнялись окрестные виды. Вотъ уже кончилась луговая равнина и залило ее всю густымъ туманомъ, волны котораго, — видно, не къ вѣдру, — поднялись въ иныхъ мѣстахъ высоко и заволокли часть неба. Дорога пошла въ гору; начались поля подъ хлѣбами и подъ паромъ; замелькали по обѣимъ сторонамъ деревушки съ плакучими ивами и кудрявыми березами; дальше, — стали попадаться зыбкіе, грѣмучіе мостики черезъ рѣчки и овраги да тряскія гати черезъ болотца. Но на все это бѣглянка не обращала вниманія. Крѣпко прильнула она къ груди Алексѣя Алексѣича. Разгорѣвшаяся голова ея нѣсколько кружилась; отъ быстрого ли бѣга тройки, или отъ внезапно-нахлынувшихъ на душу ея новыхъ впечатлѣній; сердце замирало-замирало, но не отъ горя, не отъ предчувствія бѣды какой-нибудь, оно было полно такой радостью, какой никогда еще, во всю жизнь

свою, она не знала. Невольно слезы набѣгали ей на глаза, но слезы счастья и свободы... — И позабылась она подъ вліяніемъ одного глубокаго, тёплага, радостнаго, умиляющаго чувства, чувства, которое удерживало ее на груди молодого барина, ея заступника, человѣка, уже милаго ей больше всего на свѣтѣ.

А барину весело, очень весело.

— Эхъ!... — покрикиваетъ онъ на лошадей: эхъ, дружки-соколики!.. Поскорѣй бы добраться домой!.. Ну, ну, Андрюшка!.. пошолъ да пошолъ!..

И въ то же время онъ крѣпко и нѣжно прижимаетъ Марью къ груди своей, да изрѣдка заглядываетъ ей въ лицо.

— Не спишь ли, милая моя?.. — спрашиваетъ онъ.

— Нѣту, не сплю... отвѣчаетъ она шопотомъ, и тихая, нѣжная улыбка освѣщаетъ лицо ея чуднымъ свѣтомъ.

— Ну, вотъ и Подберезники... наконецъ—таки доѣхали,— сказалъ баринъ.

Марья приподняла голову и съ любопытствомъ взглянула впередъ.

На самой дорогѣ показалось небольшое селеніе; дворовъ съ—тридцать было раскидано по отлогому, песчаному берегу рѣчки. Дома крестьянскіе всѣ были новенькіе, съ-иголочки, а у многихъ изъ нихъ дворы еще не были обгорожены и крыши даже не покрыты. Вся улица была запружена обгорѣлыми бревнами, балками, столбами; кучами угольевъ, расколотыми воротами, опрокинутыми скамьями, всякимъ разбитымъ и поломаннымъ имуществомъ крестьянскимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ—новыми досками и лѣсомъ, все больше вершинникомъ, да кучами моху и соломы. Посередь деревушки, въ трехъ—четыре мѣстахъ, копошился и гомонилъ людъ православный,—тамъ только—что еще ставили новые срубы.

— Видно пожаръ былъ недавнышко... — тихо молвила Марья, и на сердцѣ у ней защемило, словно дѣло шло о родимой деревушкѣ; погорѣли—то какъ, горемышныя, — вишь, всю деревню выхватило...

— Бабѣнка проклятая спалила, — вынесла золу подъ навѣсъ... — отвѣчалъ баринъ; слава Богу, усадьба моя уцѣлѣла... Эй, Андрюшка! пошолъ-ко лучше задами...

Гасподская усадьба была расположена за деревней, на отлогомъ пригоркѣ. Посреди многихъ, невзрачныхъ на видъ, надворныхъ построекъ занималъ мѣсто большой, одноэтажный домъ, съ бельведеромъ. По одну сторону дома стоялъ высокой, темнозеленой стѣною старинный садъ. Обширно-завесенная усадьба, огромный фасадъ дома, съ толстыми колоннами, балкономъ и широкой террасой, спускавшейся въ двѣтникъ, видимо поразили Марью.

— Экой домина!.. невольно вымолвила она.

— Строилъ дѣдушка-бояринъ, — отозвался Алексѣй Алексѣичъ; а у него было нѣсколько тысячъ душъ...

Кучеръ шибко подкатилъ къ крыльцу. Выскочивъ изъ тарантаса, баринъ помогъ выдти и Марьѣ.

На крыльцѣ уже дожидалась прислуга. Прежде всѣхъ выбѣжалъ навстрѣчу старикъ-лакей, легкій еще на ногу, съ виду благообразный, хотя съ лукавымъ и льстивымъ нѣсколько выраженіемъ въ глазахъ. За нимъ, и словно прячась за спиной его, держался молодой малый, въ изодранномъ, испачканномъ сертучишкѣ, съ заспаннымъ, измятымъ и пьянымъ лицомъ. Сзади всѣхъ выплывала важной поступью высокая, сухоощавая старуха, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, съ платкомъ на головѣ, повязаннымъ по-кучечески. Ядовитымъ взглядомъ окинула она Марью и поджала какъ-то особенно тонкія губы.

— Готова моя комната? — спросилъ на-скоро Алексѣй Алексѣичъ.

— Готова-съ... пожалуйста, батюшка Алексѣй Алексѣичъ... Благополучно ли съѣздить изволили?.. проговорилъ старикъ-лакей, цѣлуя барина въ локоть.

— А мы васъ, батюшка, совсѣмъ заждались... начала старуха и хотѣла-было тоже приложиться къ барину.

Но баринъ не удостоилъ своихъ вѣрныхъ домочадцевъ ни словечкомъ, ни даже взглядомъ; держа крѣпко Марью за руку, онъ чуть-не-бѣгомъ пустился по длинному и темному корридору. А Марья не смѣла глазъ поднять, не смѣла взглянуть на сторону. Она шла за Алексѣемъ Алексѣичемъ, дрожма-дрожа; въ головѣ у ней звѣнѣло; передъ глазами бѣгали красныя искорки; сердце хотѣло выскочить изъ гру-

*

ди. Не видала и не слыхала она, какъ вошли въ большую комнату, окнами въ садъ.

Баринъ задернулъ окны гардинами, сѣлъ на постель и притянулъ къ себѣ Марью. Обнялъ онъ ее, цѣловалъ, ласкалъ...

Ни жива, ни мертва, блѣдная, какъ полотно, сидѣла она возлѣ него. Глаза у ней остановились, — она трудно дышала, не могла слова выговорить.

— Чтѣ съ тобой, милая моя Маша?.. — шепнулъ баринъ, выпей водицы... постой... я подамъ тебѣ...

И онъ далъ ей напитокъ и лицо вспрыснулъ. Она вся вздрогнула — и нѣсколько опаматовалась...

— Не бойся... ангелъ мой, — говорилъ онъ, осыпая ее поцѣлуями; ты полюбила съ мнѣ. . тебѣ хорошо будетъ жить у меня...

Вдругъ она выскользнула изъ его объятій и обхватила его ноги.

— Родимый мой... касатикъ, ненаглядный... — шептала она, сквозь рыданія, не погуби меня... а я тебѣ покорилась...

— Не бойся... никого не бойся... — говорилъ онъ, поднимая ее; я полюбилъ тебя... я твой заступникъ...

Вся объятая огнемъ страсти, она вскинула руки вокругъ его шеи и замерла...

Баринъ заснулъ крѣпко и сладко; Марья же не спала и не могла заснуть. Въ душѣ ея неслись игривыя мысли, летучія, какъ весеннія облака. Полная свѣтлаго счастья, она была бодра и бодро прислушивалась и приглядывалась ко всему, что было вокругъ. Вотъ слышитъ она: дробный дождикъ журчитъ на дворѣ, листья деревьевъ тихо лепечуть. Но скоро замолкли это журчанье и лепетъ, зато гдѣ-то, — должно быть на деревнѣ, — пѣтухи стали громко перекликаться. И все то были — знакомые, отрадныя звуки.

Сквозь темныя занавѣски оконъ лучъ свѣта днезнаго пробрался будто—украдкой. Сначала проложилъ онъ себѣ ломаную, блестящую дорожку поверхъ баночекъ, стекляночекъ, ящичковъ и разныхъ бездѣлушекъ, которыми былъ заваленъ столъ, стоявшій въ простѣнкѣ, а потомъ ударился въ одинъ

изъ угловъ комнаты, засвѣтилъ тамъ радужнымъ свѣтомъ слоистый столбъ легкой пыли и разыгрался на мѣдныхъ пуговкахъ по краямъ диванчика, на серебряной оковкѣ сѣдель, лежавшихъ на полу, да на ярко-красныхъ узорахъ небольшого ковра, висѣвшаго на стѣнѣ. Но Марья могла разглядѣть не одни тѣ предметы, на которыхъ весело разыгрывался лучъ свѣта, ей были видны на стѣнахъ ружья, пистолеты, кривыя турецкія сабли, рога охотничьи, узды и уздечки. Все это привлекало къ себѣ полное ея вниманіе, а особенно заглядѣлась она на одну странную фигуру, стоявшую тоже въ углу: то былъ словно человѣкъ, одѣтый въ какую-то рубашку изъ колечекъ, съ чудной шапкой на головѣ, съ лицомъ, закрытымъ рѣшеткою. И не утерпѣла Марья, встала потихоньку съ постели и, оглянувшись съ любовью на спящаго барина, подкралась къ этому человѣку въ кольчатой рубашкѣ и чудной шапкѣ. Подошла она къ нему смѣло и близѣхонько, потрогала рукой его одѣжу и хотѣла было приподнять съ лица рѣшетку, только не смогла этого сдѣлать.

— Вишь, какое чучело поставлено... прошептала она, почти съ досадою; ну, зачѣмъ оно тутъ понадобилось?..

Вдругъ, въ стѣнѣ, у которой стоялъ человѣкъ-чучело, замѣтила она маленькую дверь, толкнула ее полегоньку и дверь отворилась. Передъ Марьей была длинная, высокая, свѣтлая комната, съ большими окнами, передъ которыми росли огромныя деревья стараго сада.

Марья вошла въ эту комнату и притворила дверь за собою. Женское любопытство ея сильно разыгралось; ей хотѣлось познакомиться съ жилищемъ ея милаго барина.

«Экія просторныя горницы!... молвила она про себя, весело оглядывая комнату; вотъ ужъ точно барскія палаты... а садъ-то... а садъ-то... словно лѣсъ густой стоитъ!»...

Вдоль стѣнъ тянулись огромныя дубовыя шкафы съ книгами; только не въ большомъ порядкѣ была бібліотека Алексѣя Алексѣевича. Шкафы эти были расперты, у иныхъ дверцы висѣли на одной петлѣ, а стекла во всѣхъ почти дверцахъ были перебиты. Книги,—все больше въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ и съ краснымъ обрѣзомъ по краямъ,

лежали и стояли на полкахъ въ самомъ странномъ безпорядкѣ; многія же изъ нихъ и на полу валялись.

Посерединѣ комнаты стоялъ большой биллиардъ, покрытый пожелтѣлою парусиною. Марья съ негодованіемъ взглянула на него: ей вдругъ вспомнился трактиръ, гдѣ пировалъ ея Кузька.

«Чортово игрище!.. промолвила она довольно громко: и сюда-то его угораздило... а кажись, не слѣдъ бы ему тутъ быть»...

И нѣсколько сурово оглянула она опять всю комнату. На этотъ разъ какъ-то не понравился ей весь видъ ея, а особенно было ей не-по-сердцу, что всѣ эти книги разбросаны да и вся комната такъ не въ приборѣ. Но она не захотѣла остановиться на чувствѣ недовольства, нечаянно шевельнувшись въ душѣ ея,—и проворно вышла изъ комнаты.

Она вошла въ длинный и темный корридоръ. При входѣ въ него, она остановилась минуты на двѣ, на три. Какъ-то непріятно было ей смотрѣть въ глубь этого корридора и она пошла впередъ потихоньку, словно оцупью. Въ концѣ корридора была большая, грязнал передняя, въ которой на ту пору никого не было. Высокія двери вели изъ нея въ огромную комнату: то была зала.

Мрачный видъ этой комнаты поразилъ Марью. Большія окна освѣщали залу съ двухъ сторонъ, но въ ней было почти темно. Иныя окна притворены были ставнями, для того, должно быть, что въ нихъ стекла были перебиты, и во всѣхъ окнахъ, плотно-затворенныхъ, стекла не были мыты, казалось, съ незапамятнаго времени. Въ одномъ углу лежало много кусковъ отпавшей съ потолка штукатурки, и возлѣ этой кучи мусора стояло корыто, вполонину наполненное водою: тутъ свободно пробиралась капель черезъ ветхую крышу дома. Болѣзненно сжалось сердце Марьи, при видѣ этого запустѣнія, и на мгновеніе она закрыла глаза рукою.

Но открывъ снова глаза, съ жаднымъ любопытствомъ стала она оглядывать все, что было вокругъ. Сначала пристально смотрѣла на толстыя колонны у входа въ залу, надъ которыми были устроены хоры для музыкантовъ, на высо-

кій, темный потолокъ, на стѣны, покрытыя грязно-сѣроватымъ цвѣтомъ съ прозеленью; потомъ начала она переходить съ мѣста на мѣсто, словно хотѣла найти такое мѣстечко, съ котораго вся комната могла бы представиться ей въ лучшемъ видѣ. Разщелившійся паркетный полъ трещалъ и скрипѣлъ подъ ея черевиками; гулко отдавалась походка ея въ пустой, огромной залѣ и стало Марьѣ въ ней холодно, душно и жутко.

Наконецъ подошла она къ окну. Изъ него была видна большая часть полисадника. Дорожки въ немъ заросли; отъ мѣстъ, гдѣ были клумбы съ цвѣтами, остались едва приметные признаки, но смотрѣть на него было весело; весь онъ обратился въ сплошной зеленый лугъ, посреди котораго три, случайно уцѣлѣвшіе, розовые куста были усыпаны роскошными цвѣтами; а по краямъ полисадника густо разрослись акаціи, сирень и другія кустовыя растенія. Кругомъ виднѣлись слѣды ограды, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее замѣнялъ простой плетень, и-то недодѣланный. Видъ этого мѣста, покрытаго свѣжей, густою зеленью, живительно подѣйствовалъ на Марью.

Изъ окна видѣнъ былъ уголъ террасы, выходившей въ полисадникъ. Марья смекнула, что выходъ на террасу долженъ быть изъ слѣдующей комнаты. Любопытство нашей бѣглянки еще не утомилось; оно поманило ее заглянуть и въ эту комнату.

То была гостиная, огромная тоже комната, и видъ ея былъ несравненно лучше залы, въ ней нисколько не замѣчалось запусѣнія. Тутъ находилось много старинной, великолѣпной мебели, чинно стояли кресла и диваны, обитые малиновымъ штофомъ, огромныя зеркала занимали простѣнки у балконной двери, на другихъ стѣнахъ висѣли большія картины въ позолоченныхъ рамахъ, на подзеркальникахъ стояли прекрасныя часы и большіе, бронзовые подсвѣчники; вездѣ, несмотря на густую пыль, просвѣчивала позолота. Марья нѣсколько смугилась, при видѣ этой роскоши, и хотѣла-было выйдти изъ комнаты, но не удержалась и взглянула въ зеркало. Покрытое густымъ слоемъ пыли, оно тускло отразило ея фигуру. Марья оглянулась, никого за ней

и передъ ней не было, осторожно смахнула она пыль съ зеркала и невольно засмотрѣлась на себя.

Странно было ей видѣть себя въ чужомъ, цыганскомъ нарядѣ, съ непокрытой головой, съ распущенными косами, странны даже показались ей черты собственнаго лица. Разнообразныя впечатлѣнія отражались на немъ и словно боролись между собою, а глубокой взглядъ ея черныхъ, глазъ былъ полонъ какого-то недоумѣнія.

Все глядя въ зеркало, задумалась она глубоко. Мысли бѣгло смѣнялись—смѣнялись и, незамѣтно для ней самой, вдругъ остановились на томъ человѣкѣ, котораго внезапно и такъ сильно она полюбила.

«Полюбилася я ему... думала она, полюбилася... касатикъ мой, ненаглядный, ласковый!...»

Въ эту минуту дверь гостиной шибко распахнулась и вошелъ баринъ подберезниковскій. Онъ былъ совсѣмъ по-домашнему: въ бѣломъ, полотняномъ пальто на-распашку, въ красной, шелковой рубашкѣ, косной воротъ которой былъ отстегнуть, въ широчайшихъ, полосатыхъ шараварахъ, завязанныхъ толстымъ шнуркомъ съ кистями, да въ шитыхъ золотомъ торжковскихъ туфляхъ на босую ногу. Лицо барина было свѣжо и весело, но въ движеніяхъ отражалась какая-то лѣнь и истома. Глаза его нѣсколько щурились. Волосы на головѣ были всклокочены.

— А!... вотъ гдѣ ты обрѣтаешься!... сказалъ баринъ, подойдя къ Марьѣ и обнимая ее; стоитъ себѣ, моя красавица, передъ зеркаломъ, стоитъ да любитъ на себя.

Марья крѣпко застыдилась и закрылась рукавомъ.

— Ну, вотъ это ужъ не хорошо, молвилъ онъ, смѣясь: чего жъ ты стыдишься и закрываешься, словно вотъ мои... и онъ рукой махнулъ въ ту сторону, гдѣ была деревня. Тебѣ это вовсе не къ лицу, ты вѣдь разбитная, бѣдовая, да и важная персона... какъ-бишь тебя?.. Ахъ, да... вспомнилъ... Марья Трентебулаевна...

Марья тоже засмѣялась.

— Какая тамъ Трентебулаевна... возразила она, вишь что старый бѣсъ выдумалъ!.. Зовутъ меня взаправду Марьей, только по отцу—то Ефимовна я была.

— Была,—а теперь какъ стала?

— Да и теперича все также.

— Ну, и прекрасно!.. Ефимовна такъ Ефимовна... А по-ди-ка сюда, садись ко мнѣ поближе... Любовалась ты на себя тутъ вдоволь, дай же мнѣ теперь полюбоваться...

Обнялъ онъ ее и насильно усадилъ на диванъ, и самъ сѣлъ тутъ же, какъ могъ поудобнѣе. Опять жаркимъ по-лымемъ обхватило Марью и она опустила на грудь помутившуюся голову.

— Чтожъ... и поцѣловать-то меня не хочешь?.. сказалъ онъ.

Марья взглянула на него, глаза ея засвѣтились мягкимъ, нѣжно-ласкающимъ блескомъ и сама она поцѣловала барина долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ...

И ласкалъ онъ ее нѣжно, то осыпая жаркими поцѣлуями, то смотря ей прямо въ глаза и глядя по головѣ, какъ любимаго ребенка...

— Ахъ ты прелесть моя, чудная Маша!.. — проговорилъ онъ. И гдѣ ты такая родилась?.. а?.. ну, скажи же мнѣ....

— Чай, неподалечку отсюда... — отвѣчала она полупшепотомъ и словно въ раздумьи.

— А ты мнѣ скажи, кто ты и откудава?..

— Ненаглядный мой!.. — сказала она и хотѣла-было встать, но онъ не пустилъ ее. Не спрашивай меня... Дай ты мнѣ какую нинаестъ работу — въ полѣ, аль въ саду работатъ, за птицей, чтоль, за коровами ли ходить... каменя ворочать заставъ — все я смогу... Не прогоняй только меня, горькую!...

Алексѣй Алексѣичъ съ безпокойствомъ, даже подозрительно, поглядѣлъ на нее и призадумался.

— Да ты бѣдъ какихъ не надѣлала ли? — тихо промолвилъ онъ наконецъ; ради Бога, лучше скажи... Можетъ, и большихъ бѣдъ ты натворила?.. Становые, исправники!.. стражнй у насъ лихой такой... — привяжутся, пожалуй... И такъ не мало возни мнѣ съ ними...

Она поглядѣла на него пристально и задумчиво.

— Нѣту, баринъ, не опасайся,—твердо молвила она,—ни-какихъ бѣдъ я не надѣлала. Изъ дому только ушла и ушла-

то самой не въ-домѣкъ... не-въ-моготу стало—жила-жила, терпѣла-терпѣла... А вотъ же тебѣ право-слово и сама не знаю, какъ это ушла... И не украла я синя-пороха, ничего ихняго мнѣ ненадобно, — пропадай они пропадомъ!.. Нѣту, касатикъ, нѣту, родимый!.. не положила я грѣха на душу...

— И то сказать, — возразилъ баринъ вдругъ развеселившись, — такая ты красавица, взгляды у тебя свѣтлый и нѣжный... Нѣтъ! быть не можетъ, чтобы ты была способна на что-нибудь такое!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Ну, да и полно же объ этомъ... Теперъ вотъ-что лучше: ѣсть, пить мнѣ хочется...

Онъ вскочилъ съ дивана, засвисталъ, въ ладоши захлопалъ и сталъ звать громогласно: «эй вы!.. люди!.. человѣки!.. Прощка!.. Антонъ!.. Мотыка!.. чаю давай на террасу!»

Сильный голосъ барина звонко раздавался по всему дому; но «люди-человѣки» не скоро-таки явились. Алексѣй Алексѣичъ самъ наконецъ изволилъ отправиться на крыльцо и уже оттуда докликался. Прежде всѣхъ прибѣжалъ старикъ Антонъ, и баринъ, выбравъ его порядкомъ, отдалъ приказанія о чаѣ.

Между-тѣмъ Марья стояла у дивана, угрюмо потупясь въ землю. Ей было неловко и жутко; даже робость какая-то напала на нее. Думала она и передумывала все о вопросѣ, сдѣланномъ бариномъ, а особенно о томъ вопросѣ — не надѣлала ли она какихъ-нибудь важныхъ бѣдъ.—«Вишь, чего опасается!.. а говорилъ, что полюбилася ему...»—размышляла она про себя. И стало ей такъ горько, обидно и ужъ Богъ знаетъ на кого досадно, — а досада сильная кипѣла у ней на сердцѣ.

Баринъ опять разлегся-себѣ на диванѣ. Онъ хотѣлъ-было усадить Марью возлѣ себя, но она не сѣла и съ силою выдернула руку свою изъ его рукъ.

— Видишь, какая сильная. . замѣтилъ баринъ разсмѣявшись, потомъ сталъ барабанить по столу и насвистывать какую-то пѣсенку.

Старикъ-Антонъ скорѣхонько приготовилъ столъ для чаю, да поглядѣвъ, нѣсколько съ раздумьемъ, на Марью, вдругъ

догадался, барину самъ поставилъ кресло, а Мотькѣ приказалъ принести на террасу еще стулъ изъ залы. Наконецъ выплыла и Кузьминична, съ связкой ключей въ одной рукѣ и большою чашкой въ другой. За нею Прошка несъ огромный самоваръ; за Прошкой шелъ Антонъ съ корзинкой для хлѣба и бутылкой рома; шествіе замыкалъ Мотька съ ящичкомъ для чаю и сахару.

— Анфиса Кузьминична!.. — сказалъ Антонъ полусшепотомъ, другую бы чашку еще надоть...

— Вотъ еще!.. — отвѣчала она, сквозь зубы, — пускай *самъ* прикажетъ.

— Пойдемъ, Маша, чаи китайскіе распивать... сказалъ баринъ, лѣниво приподнимаясь съ дивана, — и, взявъ ее за плечи, ввелъ на террасу. Онъ сѣлъ на свое кресло и указалъ Марьѣ на стулъ. Въ эту минуту Кузьминична не утерпѣла и окинула ее опять недобримъ взглядомъ, но Марья сама такъ взглянула на нее, что та какъ-разъ потупилась въ землю. Сердито всполохнулось сердце бѣглянки; она не сѣла на указанное ей мѣсто и отошла на другой конецъ террасы.

Передъ домомъ была большая луговина, посередь которой росъ только одинъ огромный, развѣсистый вязъ. За луговиной тянулась извилинами проселочная дорога, а дальше раскидывалась бугристая полевая мѣстность, съ двумя неказистыми рощами да съ малыми кой-гдѣ кустиками по лощинкамъ. Вправо, за обширнымъ прудомъ, съ нѣсколькими островками, заросшими ивами и вѣтлами, видѣлись два ряда строящихся избъ погорѣлой деревни. Взоръ Марьи бѣгло окинулъ всю окрестность и остановился на деревнѣ: слышенъ былъ тамъ стукъ топоровъ и шумъ народа за работою.

Этотъ, видимо, спѣшный трудъ, передъ самой *страдной* порою, этотъ трудъ, для поправки большой бѣды, занялъ все вниманіе бѣглянки. Тамъ, на деревнѣ, было вдоволь дѣла и старому и малому. Дѣло это не чужимъ показалось ей. Призадумалась она о причинѣ пожара и зло взяло ее на бабѣнку, вынесшую золу съ горячими угольями подъ навѣсъ. А то и самый пожаръ живо представлялся ей воображенію.

Захотѣлось ей на деревнѣ побывать, посмотрѣть на работу. «И помочь можно было бы кому нинаесть...». думала она.

Но ни работа на деревнѣ, ни поля и луга, освѣженные утреннимъ дождемъ, не занимали барина. Бѣловатый свѣтъ солнца, лившійся сквозь тонкія облачка, словно мѣшалъ ему смотрѣть на окрестность,—Алексѣй Алексѣичъ все щурился да позѣвывалъ. Зато взоры его съ полнымъ вниманіемъ перенеслись на чашку чаю, которую налила ему Кузминична. Чашка эта оказалась, по его обзору, черезчуръ полна; онъ отлилъ изъ ней половину чаю и долилъ ромомъ. Опершись головою на бѣлую руку, онъ позабылъ, казалось, все, что было вокругъ, весь предался любимому бездѣлью и впалъ въ сладкую дремоту, которая не отрывала его, однако, отъ крѣпкаго напитка;—онъ, и сквозь дремоту, частенько прихлѣбывалъ изъ чашки...

Такъ прошло не мало времени. Марья, мысли которой стали спокойны, хоть и не веселы, все глядѣла на деревню. Баринъ словно дремалъ, но и усердно потягивалъ пуншикъ. Кузминична поглядывала изподлбья то на барина, то на Марью, да изрѣдка пожевывала губами,

— Эй, Мотька!... крикнулъ вдругъ Алексѣй Алексѣичъ,—трубку!.. трубку, разбойникъ!.. самъ бы долженъ былъ догадаться, что барину угодно трубку курить...

Мотька мигомъ явился съ трубкою.

Возгласъ барина заставилъ Марью оглянуться, и опять засмотрѣлась она на него съ любовью. Что-то молодецкое, хоть и беззаботное, выразалось въ оживившейся внезапно физиономіи Алексѣя Алексѣича; глаза его ярко сверкали, — онъ недаромъ допивалъ уже четвертый стаканъ пуншу.

— Но ты, кажется, чаю не пила?... замѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ; да тебѣ и чашки—то не подали!.. Кузьминична! ты чегожь смотрѣла?... Могла бы догадаться.. Ну, живо!.. изволька сама теперь принести для ней чашку...

Подвыпивши, много ли, мало ли, баринъ всегда говорилъ съ разстановкою и очень серьезно. И трезвый, и пьяный, онъ бывалъ тихъ, не боекъ на руку и даже не бранчивъ, однако, лишь только подвыпьетъ, что бывало частенько, — всѣ нѣсколько побаивались его, можетъ—быть оттого, что

любилъ онъ тогда силу свою показывать, а сила у него была такая, что не стыдно было бы употребить ее и на хорошее трудовое дѣло...

Кузьминична, хотъ и съ крайней неохотою, однако же очень скоро исполнила приказаніе барина.

«Вотъ еще какой баринъ привелъ Богъ служить!..» злобно подумала она и трусливо покосилась на Марью.

— И мнѣ тоже стаканчикъ налей, — сказалъ Алексѣй Алексѣичъ Кузьминичнѣ; лишній будетъ, — да нынче можно... По старой, гусарской привычкѣ... добавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ, какъ-будто въ извиненіе себѣ.

Марьину чашку старуха налила неполною и должно быть сдѣлала это съ такого расчета: «чтобы жить-то тебѣ, дескать, во-вѣки-вѣковъ, неполнымъ домоу!».. Какъ ни бойка была Бѣглянка, а ей стало какъ-то неловко: она не рѣшилась даже достать себѣ кусокъ сахару изъ сахарницы, которую подвинула ей Кузьминична; не-по-нутру ей былъ чай, пила она его черезъ-силу, — и блюдечко дрожало у ней въ рукѣ. — «Вишь, старая колдовка, все торчитъ тутъ передъ глазами...» думала она о Кузьминичнѣ, не оставаясь, какъ видно, у ней въ долгу.

Выпивъ чашку, Марья обернула ее вверхъ-дномъ, въ знакъ того, что не хочетъ больше. Кузьминична тотчасъ же ушла съ террасы.

— Ну, Маша... чернобровая, пригожая моя... заговорилъ баринъ, растягивая слова еще длиннѣе, — чтожъ мы дѣлать теперь станемъ?.. Ужъ нечего сказать, скучновато у васъ жить... А не хочешь ли, покажу тебѣ мое хозяйство... мое житье-бытье?.. Да, да, точно, надо тебѣ показать... Псарня у меня новѣхонькая, лучшая псарня въ цѣломъ околоткѣ!.. Несчастье только мое, чума недавно была, многихъ собакъ лишился...

Марья, молча, поднялась съ мѣста. Онъ тоже всталъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и, осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, молвилъ, къ великому ея смущенію:

— Ну, Маша, чортъ знаетъ, что за негодное тряпье виситъ на тебѣ!.. Нѣтъ ли у тебя во чтонибудь другое переодѣться?

— Гдѣ жъ мнѣ взять?—отвѣчала она,—Цыгане-то до-чиста обобрали всю мою одѣжу... Вотъ дослать бы къ нимъ,—отдадутъ, авось...

— Какъ же! что къ нимъ попало, пиши—пропало... Но, голубка моя, ты не печалься: сошью я тебѣ такихъ нарядовъ, всѣмъ на заглядѣнье...

— Ничего мнѣ не надобно...

— Какъ ничего?... вотъ пустяки!.. надо и... надо!.. разодрѣну я тебя, моя голубка, на славу! — Хочу, чтобы ни объ чемъ ты не тужила...

— Что мнѣ тужить?... не тужу я.... Что ужъ теперича тужить?—возразила она задумчиво.

— Значить, ты довольна, что ко мнѣ попала?

— Чтожъ... довольна... тихо промолвила она наконецъ, а сердце у ней вдружь защемило.

О чемъ бы такъ? Кажись, все теперь есть у ней чего душа желала: и воля, и покой, и любовь.....

Баринъ, конечно, не замѣтилъ грустнаго настроенія Марьи. Обнявъ онъ ее и пошелъ съ нею съ террасы.

— Пойдемъ-ка, посмотримъ что есть у меня лучшаго,—сказалъ онъ; а тамъ, покажу тебѣ, пожалуй, и весь домъ... кромѣ одной только комнаты... добавилъ онъ, понизивъ нѣсколько голосъ.

Въ залѣ Марья увидала, что корыто уже прибрано, но мокрые слѣды отъ него еще оставались, да и штукатурка съ потолка все лежала на полу. Алексѣю Алексѣичу словно и дѣла нѣтъ ни до чего, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на беспорядки въ залѣ; но Марью это опять заняло. «Какой поль-то хорошій, узорчатый,—какъ бы не пожалѣть такого добра!».. подумала она.

Черезъ переднюю прошли на широкое крыльцо. Ступени на лѣстницѣ подгнили и перекошились; Алексѣй Алексѣичъ велѣлъ Марьѣ осторожнѣе переступить черезъ одну ступень, видно, не совсѣмъ-то надежную.

— Починить бы надо... промолвила Марья.

— Мало-ль тутъ надо починить,—отвѣчалъ онъ,—да такъ, все вотъ времени нѣтъ... Да и когда мнѣ заниматься разными пустяками?...

Дворъ, большой и широкій, но страшно засоренный, былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ людскими избами, сараями, погребами, конюшнями, да разными мелкими строеніями, и все это было ветхо и въ высшей степени запущено. У въѣзда на дворъ держались кой-гдѣ остатки забора; подгнившіе столбы его нагнулись въ разныя стороны и грозили паденіемъ; а отъ рѣшетчатыхъ воротъ оставалась одна только половинка, другая же совсѣмъ исчезла. Въ углу двора, за дрянными хлѣвушками, высилась новенькая, обширная и нарядная псарня самой фантастической формы.

Алексѣй Алексѣичъ направился прямо къ псарнѣ, но Марья отстала отъ него и остановилась посередь двора.

Непріятно ей было смотрѣть на полуразрушенныя надворныя службы; но барскій домъ, съ его обширнымъ фасадомъ, казался ей почтеннымъ и величавымъ. Привлекали тоже все ея вниманіе: какая-то стеклянная будка надъ домомъ, до сихъ поръ никогда еще невиданная ею и объ которой не знала она что и подумать, да сѣнистыя верхушки деревьевъ сада, примыкавшаго съ одной стороны вплоть къ дому. А какія большія окна! жаль только, что много стеколъ повывито, а иныя и совсѣмъ заколочены досками. Тонкая рѣзьба надъ окнами во многихъ мѣстахъ обвалилась. Тесовая обшивка стѣнъ тоже кой-гдѣ, какъ будто нарочно, отодрана.

Баринъ слѣпно дошелъ до любимой своей псарни. Съ прыжками и ласковымъ визгомъ выбѣжали къ нему пять-шесть борзыхъ собакъ крупной породы. Онъ прищелкивалъ пальцами; собаки вились около него, лизали его руки, прыгали ему на грудь и на плеча. Алексѣй Алексѣичъ былъ очень веселъ и отъ всей души потѣшался любимыми псами.

Наконецъ онъ замѣтилъ, что Марья нѣтъ съ нимъ, и вышелъ опять на дворъ.

— Чтожь ты?—крикнулъ онъ Марьѣ, которая, стоя посередь двора, все смотрѣла на домъ;—поди-ка сюда!.. Вотъ полюбуйся собаками—то... не бойся, онѣ не кусаются.

— Ну, чего бояться?..—отвѣчала она; да нѣтъ, не пойду... Что мнѣ на собакъ смотрѣть?..

— Какъ-же такъ?—я зову тебя, а ты и нейдешь?...

— А зачѣмъ я пойду? возразила она нѣсколько сурово, ты вотъ лучше приказаль бы починить кое-что... Правослово, жалостно...

Онъ подошелъ и посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вѣдь какія важныя хоромы-то! замѣтила она опять.

— Какой-важныя... отвѣчалъ онъ, смѣючись,—плоховаты стали, больно плоховаты, ну, и пускай ихъ догниваютъ... Вотъ, погоди, новый домъ выстрою... я ужъ думалъ объ этомъ... право, выстрою, если только... Авось, какъ-нибудь и сберуся... Да ты странная бабѣнка, добавилъ онъ: капризна ты, что-ль, или же... ужъ Богъ тебя знаетъ...

— Ахъ, жалостно смотрѣть!.. повторила она, хоромы такія, что въ нихъ надо бы вѣкъ изживать...

— Да, точно... сказалъ онъ нѣсколько грустно, славный былъ домъ... матушка какъ его любила!.. Вонъ, крыша вся худа, потолокъ обваливается, полы, печи... да и все, все... А ты знаешь-ли сколько денегъ надо, чтобы все это исправить?..

Съ минуту онъ стоялъ, потупившись въ землю, потомъ тряхнулъ головою, явно отгоняя докучную мысль, и сказалъ какъ-то очень не весело:

— Эхъ, чортъ возьми! надо вотъ было заговорить обо всемъ этомъ... ты, пожалуй, хандру на меня такъ-то нагонишь...

И подхвативъ ее на руки, онъ поднялъ ее какъ малаго ребенка. Она отбивалась изо всей мочи, но видя, что силъ не хватаетъ, засмѣялась и обвила руками его шею.

Но у крыльца онъ выпустилъ Марью,—тутъ невзначай онъ натолкнулся на троихъ мужиковъ.

— Чтò надо?... зачѣмъ опять?... спросилъ онъ ихъ довольно сердито.

— Къ вашей милости, батюшка... отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Ну, говорите же скорѣе!...

— Да лѣску, батюшка, нехватаетъ... началъ одинъ мужичокъ, старикъ дряхлый и слабый.

— Такъ и есть,—сказалъ баринъ, съ досадою: такъ и есть... а я-то гдѣ возьму для васъ лѣсу?... И такъ давалъ-давалъ...

— Какъ же быть-то, батюшка?... молвилъ другой мужикъ, съ виду крѣпкій и пасмурный: вонъ въ Озерецкомъ лѣсу больно строго стали смотрѣть... А силъ нашихъ нехватаетъ... купить, знамо, не на что...

— Планида господня захватила... печально сказалъ старикъ, вѣдь, все до тла, батюшка, погорѣло, совсѣмъ—таки отощали... Безъ вашей милости хотъ ложись да и умирай...

Старикъ повалился барину въ ноги; двое другихъ сдѣлали то же. Въ это мгновеніе Алексѣй Алексѣичъ невзначай взглянулъ на Марью. Въ глазахъ ея бѣгали слезы и у него самого сердце какъ-то особенно вдругъ встрепенулось.

— Вставай, ребята!.. тихо промолвилъ онъ; вставай, чтó ваяться—то въ ногахъ... Такъ и быть, еще разъ дамъ вамъ лѣску... Вѣдь вотъ въ чемъ дѣло-то, ребята: сами знаете, лѣсу у меня немного осталось... а я на него, въ случаѣ особенной крайности, рассчитываю...

— Батюшка, на вашу долю Господь пошлетъ... отозвался старикъ, а мы-то вѣчно будемъ Бога молить за вашу милость...

— Ну, хорошо, хорошо... берите, сколько кому еще нужно, только смотрите, пожалѣйте и меня...

Съ этими словами, баринъ проворно, чуть не бѣгомъ, ушелъ въ домъ.

Отраднымъ, сладкимъ чувствомъ переполнилось сердце бѣглянки. Она спѣшно тоже пошла въ комнаты и ей такъ хотѣлось броситься на грудь къ этому доброму, къ этому любимому ею барину.

Она нашла его въ библиотекѣ. Онъ доставалъ изъ шкафовъ билліардные шары и кѣи, хранившіеся наряду съ произведеніями человѣческаго ума.

— А, Маша милая, Маша ягодка моя,—сказалъ баринъ: поиграемъ-ко вотъ на билліардѣ...

— Да я не умѣю... отвѣчала она, улыбаясь.

— А ты учись и выучишься.

Онъ сорвалъ парусину, разставилъ шары и прицѣлился.

— Смотри,—говорилъ онъ, вотъ концомъ этой палки надо ударить въ шаръ такъ, чтобы онъ могъ вогнать другой шаръ въ какую нибудь лузу.

— Видать—то я видала, замѣтила Марья.

— А гдѣ?

— Въ нашемъ трактирѣ.

— Э, да ты и по трактирамъ хаживала...

— Не по своей охотѣ, отвѣчала она, понахмурившись.

Но Алексѣю Алексѣичу скоро надоѣло играть въ—одиночку; онъ бросилъ кій, потянулся, зѣвнулъ и сказалъ Марьѣ:

— Обѣдать еще рано, пойдемъ—ко въ садъ...

— Сюда вотъ идти? спросила Марья, указывая на дверь, противоположную той, которая вела въ залу.

— Нѣтъ... эта дверь всегда заперта... торопливо отвѣчала Алексѣй Алексѣичъ.

— А что тамъ?

— Тамъ спальня моей матери... отвѣчалъ онъ, и лицо его вдругъ приняло особенно серьезное выраженіе.

И пошли они въ садъ. Лучезарно сіяло надъ ними уже совоѣмъ безоблачное, ярко—голубое небо. Ладно были настроены ихъ молодыя сердца; «идутъ они словно голубь съ голубкою», сказалъ бы, глядя на нихъ, простой человѣкъ, у кого есть способность сочувствовать молодой любви, у кого взоръ незавидливо смотритъ на чужое счастье.

Въ эти минуты Марья забыла все прежнее, всѣ тревоги, всѣ маленькія разочарованія, уже испытанныя ею въ домѣ любимаго человѣка. Опять предалась она полному чувству любви. Опять уживалась имъ, не уставая, ея бодрая душа. И баринъ тоже все позабылъ, кромѣ милой ему простой крестьянки... Что жъ онъ?—нашелъ ли забаву потѣшнѣе всѣхъ старыхъ забавъ, понадоѣвшихъ ему, или же чувство его настолько еще бодро и свѣжо, чтобы и не дѣлать изъ любви потѣхи?... Нѣтъ, и его любовь хороша въ эту минуту. Добрыя, свѣтлыя мысли вьются вокругъ его беззаботной головушки; отрадная тишина наполняетъ его душу.

Обширный, старый садъ принялъ ихъ привѣтнымъ, тихимъ лепетомъ, переливавшимся по вершинамъ деревьевъ, онъ словно заманивалъ въ свою темную чащу. Въ этой ча-

нѣ, подѣ вѣтвями огромныхъ липъ и кленовъ, лежали прохладныя тѣни, лежали, тихо дрожа и качаясь, когда западали къ нимъ лучи солнца, стоявшаго на-подняхъ. За прохладными плечами, на малыхъ полянкахъ, заросшихъ высокою травою, ярко и свободно разигрывался солнечный свѣтъ. Хорошо и привольно было въ саду! Богъ послалъ такую благодатную теплыню, что всѣ растенія шли быстро въ ростъ. Зеленымъ покровомъ разостлались ползучія травы по кучамъ хворосту на полянкахъ, и тутъ, бойко чиликая, весело прыгали воробьи. А стрекозамъ какое было раздолье въ густой травѣ! трещали они во всю мочь и безъ-умолку. На сторонѣ аллей, освѣщенной полнымъ сіяніемъ солнца, жужжали рои пчелъ за работою. А чуть гдѣ просвѣтъ въ аллеяхъ, и лучи свѣта играли тамъ искристо—толклись въ тѣхъ мѣстахъ золотистыя мошки. Въ этомъ старомъ, запущенномъ саду чудно слаживались тогда тѣни и свѣтъ, глубокая тишь и жизнь, полная движенія да звуковъ.

Алексѣй Алексѣичъ приказалъ разостлатъ коверъ подѣ тѣнью огромной липы, одиноко росшей на одной изъ полянокъ. Тутъ онъ разлегся и Марья сѣла возлѣ него. Полузажмурясь, онъ глядѣлъ на свою подругу и чему-то тихо улыбался; улыбкою же и она отвѣчала ему. И долго не говорили они ничего.

— Маша... промолвилъ онъ наконецъ, любишь ты меня?..

— Полюбила... отвѣчала шепотомъ бѣглянка.

— Ахъ, Маша! надивиться не могу... ты ничего не боишься,—прямо, какъ-то твердо говоришь... Ты какъ-будто не крестьянка...

— Что же бояться-то?—спросила она съ удивленіемъ.

— Да вонъ другія изъ васъ боятся чего-то, кобенятся, слова путнаго отъ нихъ не добьешься...

— А я-то, развѣ умѣю я говорить?.. Спросишь ты, — я и отвѣчу по-просту, только по-правдѣ... А то гдѣ жъ мнѣ самой рѣчь начинать?—я и словъ то не приберу...

— Нѣтъ, ты не такъ это говоришь... Ну, попробуй, начни сама рѣчь,—скажи мнѣ что-нибудь...

— Чтожъ мнѣ сказать теперича?.. молвила она, безъ смущенія, глядя ему прямо въ глаза; да, вотъ что: милѣй

*

ты мнѣ роду—племени... Добрый ты, ласковый, ненаглядный мой баринь!...

— Не называй меня баринь, Маша. Какой для тебя я бариць? Зови меня просто, по имени: Алексѣемъ, Алёшой, пожалуй...

— Какъ же такъ? словно не приходится... отвѣчала она, засмѣявшись; ты вѣдь вправду баринь, а я—что?... я простал мужичка.

— И, вздоръ какой! Помни только, что я люблю тебя...

— Вправду ты это говоришь?... спросила она, глядя на него задумчиво и пристально.

— Да я говорю тебѣ вправду...

— Право слово—великое дѣло... тихо сказала она и призадумалась.

И опять они замолчали. Мысль Марьи продолжала трудно работать надъ послѣдними рѣчами ея милого, а онъ, положивъ голову ей на колѣни, предался сладкой дремотѣ.

Такъ прошло часа два. Наконецъ Марья устала думать да и проголодалась порядочно; она рѣшилась разбудить барина.

— Алёша... сказала она несовсѣмъ твердо и остановилась на этомъ словѣ.

— Что, милая?—спросилъ съ улыбкой проснувшійся баринь.

— Ъсть хочется....

Изъ-за обѣда баринь хлопоталъ очень уседрно: самъ бѣгалъ въ домъ раза два съ разными приказаніями. За столомъ, накрытымъ въ саду подъ липою же, онъ ухаживалъ за Марьей, какъ—будто за барыней—гостьей, хотя и подсмѣивался надъ тѣмъ, что она, съ-непривычки, обожгла себѣ ротъ серебряной ложкой. И странное дѣло: онъ не подпилъ за обѣдомъ, какъ это прежде случалось, и даже почти не притронулся до любимого своего хереса.

Незамѣтно прошло время до вечера; еще незамѣтнѣй миновалъ вечеръ. Баринь и Марья весело и радостно провели все это время, то бродя по саду, то болтая, на коврѣ, подъ липою о всякой всячинѣ. Полный ладъ былъ между ними.

Настала ночь. Весь садъ одѣлся мрачною тѣнью. Тревожно стали перелетывать летучія мыши. И наконецъ наши влюбленные ушли въ домъ.

ХІІІ.

Скорѣхонько наша Марья Ефимовна освоилась съ новымъ бытомъ. Въ первые же дни этотъ барскій домъ, обширный, старый и мрачный, сталъ казаться ей уже не чужимъ домомъ. Взоръ ея какъ-то сразу привыкъ къ огромнымъ комнатамъ съ высокими потолками и большими, какъ двери, окнами. Къ одному только не могла она привыкнуть, это—къ беспорядку, къ запустѣнію, къ нечистотѣ, ко мраку въ домѣ. И тутъ не сидѣла она, сложивши руки. Въ кабинетѣ Алексѣя Алексѣича, служившемъ ему и спальнею, она сама все убрала: пыль обмела вездѣ, перетерла баночки, сткляночки и всякія бездѣлушки,—и все здѣсь приняло новый, щеголеватый видъ. При уборкѣ въ кабинетѣ, смѣло касалась рука Марьи даже къ уздамъ, пистолетамъ и саблямъ,—только бумаги и книги опасалась она трогать, и тутъ ужъ просила самого Алексѣя Алексѣича помочь ей привести и эту часть въ порядокъ. Онъ смѣялся, но слушался ея. И не одинъ кабинетъ захотѣла Марья привести въ порядокъ. Во всемъ дому полы были вычищены, стекла перемыты и двойныя рамы выставлены; двери и ставни поправлялись, даже худая часть крыши надъ залой чинилась. Съ указанія Марьи и самъ Алексѣй Алексѣичъ началъ видѣть необходимость и возможность исправленій. Онъ уже толково сталъ приказывать, что и какъ дѣлать. Закипѣла работа, и барской, лежebочкой дворнѣ вдругъ нашлось много дѣла.

И крѣпко не-по-нутру пришлися дворнѣ всѣ эти новые порядки. Сразу догадались, кто затѣялъ такія новости—и всѣ не влюбились Марью, а особенно старуха Кузьминична, у которой сердце словно почувало что-то неладное, когда еще въ самый первый разъ окинула она эту пришлицу своимъ

недобрымъ взглядомъ. Однако, дворовые, и не влюбивъ Марью, тѣмъ не менѣе всѣ, кромѣ Кузьминичны, сами напращивались къ ней на услугу. Первый примѣръ въ этомъ подалъ лакей. Антонъ—старикъ былъ умница и какъ—разъ догадался, что этой простой крестьянкѣ суждено было имѣть въ ихъ домѣ большое значеніе. Глядя на Антона, и каждый спрашивалъ Марью по своему дѣлу: «Марья Ефимовна, дескать, какъ вы приказать изволите?»... Даже поваръ приходилъ—было къ ней за приказаніями насчетъ стола, но она весьма благоразумно отклонила отъ себя эту честь. А впрочемъ она распорядилась и приказывала такъ, какъ—будто весь вѣкъ только и дѣлала, чтó приказывала.

А ужъ какъ доставалось Марѣ за глаза отъ этой дворни! Всѣ ее бранили, ругали, называли «бѣглою», «цыганкою», подозрѣвали, что околдовала барина, проклинали ее подчасъ всячески, но никогда не смѣялись насчетъ ея,—знать не было въ ней ничего, вызывающаго на насмѣшку. Но вышелъ скоро такой случай, что и сама Кузьминична должна была покориться передъ Марьей Ефимовной, а отъ этого и заглазное возстаніе противъ послѣдней значительно притихло.

Сталось это вотъ изъ—за чего:

Какъ—то Кузьминична разливала квасъ, то есть, разливала—то его толстая Нимфодора, дворовая дѣвка, находившаяся у нея подь—рукою, а сама старуха только присматривала за дѣломъ. Она сидѣла при входѣ въ погребъ; около нея вертѣлся внучекъ ея, Моська, и, кривляясь, приставалъ, чтобы она достала ему вареньица. Въ эту минуту подошла къ нимъ Марья.

Увидавъ ее, мальчишка перевернулся на одной ножкѣ и убѣжалъ, а Нимфодора, поставивъ мѣдную ядовую на опрокинутую кадку, зазѣвалась во всѣ глаза на Марью.

— Ну, ты! прикрикнула на дѣвку Кузьминична, не вставая съ мѣста и едва кивнувъ головою Марѣ, чего стала?.. Нешто спрашиваютъ тебя, разиню?..

— Я пришла спросить, гдѣ шелковый спорокъ съ халата Алексѣя Алексѣича? сказала Марья.

— Какой тамъ спорокъ?—возразила Кузьминична, никакого спорка я не видала.

— Алексѣй Алексѣичъ приказалъ спросить, да велѣлъ мнѣ тоже, вмѣстѣ съ тобою, бабушка, въ кладовой поприбраться...

Лицо Кузьминичны перекопилось, а глазами она словно съѣсть хотѣла Марью.

— Чего тамъ еще прибираться? сказала она глухимъ голосомъ, да вотъ квасъ еще у меня не разлить...

— Я подожду, пожалуй, молвила Марья, опираясь на приголовку, и заглядывая внутрь погреба, а Кузьминична, отвернувшись къ ней спиною, принялась ворчать себѣ что-то подъ-носъ.

— Вишь, у васъ много—таки припасено всякой всячины, замѣтила Марья.

— Да, матушка, припасено, отвѣчала Кузьминична, вставши съ мѣста и запирая погребъ, слава тебѣ, Господи,— всего вдоволь! только вотъ наша бѣда, станеть такое добро уходить не за своихъ домашнихъ, а тоже за пришлыхъ... Ну, пойдете же, что-ль, добавила она грубымъ голосомъ и повела Марью къ кладовой.

Охъ, какъ трудно было Кузьминичнѣ отпирать для «цыганки» эту дубовую, окованную желѣзомъ, дверь, въ которую она одна входила вотъ уже столько лѣтъ!

«Дай срокъ,—твердила она себѣ на умѣ,—отважу я тебя отъ охоты совать носъ куда не спрашиваютъ!»..

Спорокъ не отыскался; онъ уже давно перешелъ во владѣніе одной изъ дочерей Кузьминичны, зато Марья увидала много вещей, о которыхъ, конечно, Алексѣй Алексѣичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Сундуки были завалены полотномъ, холстиною, скатертями, а баринъ всегда нуждался въ бѣльѣ.

— Вотъ бы Алексѣю Алексѣичу рубашекъ нашить, сказала Марья.

— Господа носятъ сорочки, а не рубашки, строго замѣтила Кузьминична.

— Ну, хоть сорочекъ, по-вашему, отвѣчала Марья, улынувшись, только сшить—то надо безиремѣнно.

— Извѣстно, сошьются сорочки, вымолвила старуха, а сама подумала: вишь тебѣ, чортовой колдовкѣ, до всего дѣло есть!...

— Но Марья не унималась, ей все хотѣлось знать, все видѣть. Напрасно Кузьминична старалась припрятать отъ ней и то и другое.

— Нѣтъ, покажи—ко, покажи—ко, твердила Марья и до всего доходила подробно. Но наконецъ Кузьминична окончательно взбелѣнилась.

— И, матушка! злобно сказала она, чего еще тутъ смотрѣть? Лихой болѣсти, что ли, отыскивать?.. Цѣлый вѣкъ мы господамъ служили, а ужъ вдругъ и вѣры намъ не стало—Богъ вѣсть отъ кого!.. Тѣфу, ты пропасть! срамота какая! Да эдакъ и жить нельзя... Нѣтъ ужъ, воля твоя, гогубушка, мнѣ некогда больше возиться: вонъ повару провизию надо отпускать... Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, прости Господи!.. Пойдемте—ко, пойдемте—ко отсюда...

Съ тѣмъ и выпроводила она Марью изъ кладовой.

— Залетѣла ворона въ высокія хоромы, говорила старуха въ полголоса (и Марья слышала эти слова), вишь ты, вороньи глаза, проклятые!..

Но Марья и сама наконецъ расходилась. Досадила ей старуха нестолько злобными рѣчами, сколько недонущеніемъ осмотрѣть и прибрать все въ кладовой.

— Коли такъ, сказала она Кузьминичнѣ, пускай я ворона, а пойдемъ—ко ты со мною теперича же къ барину! Не отпущу я тебя, не отцѣплюся, коли не пойдешь со мною...

Дѣлать было нечего, и старуха должна была явиться на барскій судъ. Марья рассказала Алексѣю Алексѣичу обо всѣхъ беспорядкахъ въ его кладовой и о томъ, что Кузьминична не хотѣла показатъ ей всѣ вещи, не только—что прибрать ихъ вмѣстѣ съ нею; не потаила также и про то, что старуха выбранила ее «вороной» и «вороньими глазами».

Откуда прыть взялась у Алексѣя Алексѣича! Грозно накинулся онъ на старуху и напустилъ на нее такого страха, какого она отродясь не видала. Марья принуждена была даже унимать расходившійся черезчуръ барскій гнѣвъ, но и тутъ Кузьминичнѣ стало не легче: къ довершенію ея горя,

онъ отнялъ ключи у ней ото всего и передалъ ихъ въ распоряженіе Марьѣ. Напрасно старуха жалобно твердила передъ баринѣмъ «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», онъ лишилъ ее вдругъ всѣхъ своихъ милостей.

Съ этаго разу значеніе Марьи Ефимовны въ глазахъ всѣхъ домочадцевъ усилилось чрезвычайно; они стали бояться ее. Они перестали заговаривать съ нею и уже смотрѣли на нее пуще, чѣмъ на настоящую барыню. «Тутъ ничего не подѣлаешь! толковали они промежь себя, заворожила совѣсть барина цыганская колдовка!.. Вотъ, колибъ нашелся добрый человѣкъ, да отворожилъ бы... только гдѣ найдешь такого человѣчка?..»

Марья какъ разъ смекнула, что дворовые не долюбиваютъ ее, но ей было довольно и того, что они ее побаиваются.

«Мнѣ что на нихъ глядѣть? думала она. Вишь они, дармоѣды, имъ бы только на печи день-деньской лежать, да пить-ѣсть до-отвалу, а отъ дѣла-то все отлыниваютъ... У эдакаго барина не умѣютъ жить!»..

Пожаловаль къ ней наконецъ самъ староста подберезниковскій, Селифонтъ Максимычъ, мужикъ пахмурый и вздорливый, недаромъ прозванный отъ крестьянъ своихъ «завидущими глазами»,—пожаловаль и сталъ просить Марью Ефимовну, чтобы передъ баринѣмъ потянула ему на руку, а надо, дискать, и ему лѣску на исправку. Чтобы задобрить Марью, пришелъ онъ не съ пустыми руками, принесъ ей на поклонъ большую чашку сотоваго меду. Но Марьѣ это грѣпко не полюбилось, не приняла она приносу, однако сказала Алексѣю Алексѣичу о просьбѣ старосты.

— Вотъ шельма Селифонтъ! отвѣчалъ баринъ, радъ слушаю что-нибудь выканючить себѣ. Только не дамъ я ему и хворостинки...

— А что жъ такъ?.. спросила Марья.

— Да вѣдь я ужъ два раза давалъ ему лѣсу, и давалъ-то больше, чѣмъ всѣмъ другимъ... А онъ, каналья, какой мнѣ слуга: наровитъ всячески обмануть! Мало ли ловилъ я его на воровствѣ!..

— Такъ зачѣмъ же ты держишь его старостою? Другаго бы поставилъ.

— Ну, вотъ еще!... Онъ тѣмъ хороше, что мужикамъ не потакаетъ, они боятся его пуще чѣмъ меня...

Марью не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ, ей вздумалось самой повѣрить старосту, и разъ пошла она на гумно. Шла она туда и думала, что скирдовъ на гумнѣ должно быть не мало, анъ пришла и видитъ: на всемъ гумнѣ хотъ шаромъ покати.

— «Что жъ бы такое это значило? спрашиваетъ она себя, неужли таки весь хлѣбъ прошлогоднїй обмолоченъ и проданъ?... Имѣнье не маленькое, а хлѣба ровнѣшенько ничего нѣту... Да и диковина, право: и соломы-то не видать...

На ту пору шелъ мимо гумна мужичокъ.

— Здравово, Марья Ефимовна! молвилъ онъ, снимая шляпенку и низко кланяясь.

— Здравствуй, касатикъ, отвѣчала она, а почемъ ты знаешь, какъ меня звать по имени, по отчеству?

— Какъ не знать?... Мы, вѣдь, здѣшніе... А ты, то-ись, у нашего барина...

Мужикъ недокончилъ рѣчи, ухмыляясь и лукаво поглядывая на Марью, а ей стало очень неловко и она хотѣла уйдти, да вспомнила опять про гумно и остановилась.

— Я, вотъ, дивуюсь, молвила она, какъ это вамъ Богъ въ работѣ помогаетъ?

— А чтò?

— Да какъ-же: у иныхъ прочихъ господъ, чай, и половина прошлогодняго хлѣба не обмолочена, а у васъ подикося все чисто и соломенки нигдѣ не валяется...

— Баринъ, что-ли, сдогадался прислать тебя приглядѣть на гумнѣ? спросилъ мужикъ, подозрительно понахмурившись.

— Нѣту, не баринъ... Я такъ, сама по себѣ, шла да и заглянула.

— Я тѣ вотъ чтò скажу, касатка: шла бы ты въ садъ, али въ лѣсъ по ягоды, а сюда, на гумно, да въ амбары, да въ кладовыя, я чай, тоже лучше бы тебѣ не заглядывать, не-то староста и Анфиса Кузьминична поѣдомъ съѣдятъ...

— Наплевать мнѣ на нихъ! баринъ не дастъ меня никому въ обиду...

— Подикося, надѣйся ты на барина!.. Вѣдь они у насъ больно лихи, такіе, то-ись, люди, что коли ненавидствуютъ кому нинаестъ, такъ тотъ человекъ не живи лучше на свѣтѣ...

Марья не повѣрила этимъ рѣчамъ словоохотливаго мужика, но съ той поры особенно не взлюбила старосту. И ужъ какъ жалѣла она о баринѣ, котораго всѣ обманываютъ да обкрадываютъ! Но не приходило ей въ голову, что баринъ вѣдь не малодѣтокъ же, что у него и время и всѣ средства есть подъ рукою для того, чтобы самому позаботиться о своемъ добрѣ. Любовь сбивала съ толку здоровый, твердый смыслъ Марьи. Она видѣла только доброту барина и преувеличивала ее, а многія плохія его качества если и чувствовала иной разъ неволью, то не признавала ихъ какъ слѣдуетъ. Вообще, кромѣ старосты и Кузьминичны, не любила она всѣхъ дворовыхъ, не исключая старика Анто́на, который всячески старался подслужиться къ ней; не любила за ихъ плохую службу барину, за то, что они, по ея понятію, были просто-напросто дармоѣды. Она не скрывала этого отъ дворовыхъ, а тѣ, въ свою очередь, платили ей темной ненавистью. Зато она непрочь была помогать мужикамъ всѣмъ, чѣмъ могла; они знали про это и поминали ее добромъ зачастую.

— Погорѣлымъ своимъ крестьянамъ ужъ какъ не помочь!.. твердила она Алексѣю Алексѣичу при всякомъ случаѣ; добрые люди, при эдакомъ разѣ не то, что своимъ, а и чужимъ помогаютъ... Вѣдь просить-то, докучаетъ ихъ кровная нужда!..

— Маша, милая ты моя, возражалъ баринъ, радъ бы я итъ во всемъ помочь, да деньжонокъ у меня маловато. Дѣла мои не то, чтобы хороши, малоль на что нужно... Вотъ въ опекунскій совѣтъ надо внести, а то становой покою не даетъ насчетъ описи... Всякій день собираюсь въ городъ ѣхать, чтобы отправить деньги по почтѣ, да все не хочется съ тобой разставаться...

— А зачѣмъ деньги вносить?

— Имѣнье заложено, ну и накопилась недоимка таки-порядочная; хорошо еще, что поправился недавно: выигралъ, хлѣбъ запродавъ, а то просто бѣда...

Эти слова встревожили Марью, хоть она и не поняла хорошенько въ чемъ дѣло. Она стала, настаивать, чтобы Алексѣй Алексѣичъ немедленно ѣхалъ въ городъ. Онъ почти обрадовался случаю къ поѣздкѣ,—засѣла ему въ голову мысль порадовать Марью.

Послѣ этого разговора, онъ на другой же день поѣхалъ въ городъ. На этотъ разъ онъ остановился не у исправника, большого своего пріятеля по картамъ и кутежамъ, а на постояломъ дворѣ. Ему не хотѣлось попасться на глаза исправнику и подобнымъ же пріятелямъ: бѣднякъ не надѣялся на себя. «На грѣхъ мастера нѣтъ», думалъ онъ: обдуютъ, пожалуй, до-чиста.. Нѣтъ ужъ, надо скрѣпиться...

И онъ скрѣпился. Конечно, этой благой рѣшимости больше всего помогла мысль закупить для Марьи нарядовъ.

Впрочемъ, онъ отправилъ въ опекунскій совѣтъ не всю недоимку, а только ту часть ея, уплата которой могла задержать опись имѣнія еще на четыре мѣсяца. Онъ рассчитывалъ, что между тѣмъ и пожаръ деревни ему поможетъ: основываясь на немъ, можно будетъ испросить отсрочку и въ остальной недоимкѣ.

Затѣмъ онъ обходилъ всѣ лавки съ красными товарами и чего-чего ни закупилъ для своей любезной! На счастье его, исправника не было въ городѣ, да и съ другими пріятелями не довелось ему встрѣтиться, всѣ они были на именинахъ, у одного изъ подгородныхъ помѣщиковъ, котораго, въ другой разъ, никакъ не миновалъ бы и Алексѣй Алексѣичъ.

На возвратномъ пути изъ города, проѣзжая уже подъ вечеръ, мимо гостепріимной усадьбы Мотовилова, опять пришелъ ему въ голову соблазнъ, да такой сильный, что баринъ не утерпѣлъ и заговорилъ съ кучеромъ:

— Андрюшка, сказалъ онъ, вѣдь Василій Семенычъ врядъ ли поѣхалъ на именины къ Петру Никанорычу?..

— Извѣстно, сударь, отвѣчалъ Андрюшка, они весь вѣкъ въ ссорѣ пребываютъ...

— Значить, онъ теперь дома, какъ думаешь? не захать ли?

— Какъ прикажете. Отчего-жь, сударь, не захать!.. Василій Семенычъ оченно рады будутъ...

Но Алексѣй Алексѣичъ и тутъ крѣпился. Зажмурился онъ вдругъ, какъ будто для того, чтобы не видѣть соблазна, представлявшагося въ мотовиловской усадьбѣ, привсталъ въ тарантасѣ и гаркнулъ во весь голосъ:

— Пошелъ мимо!.. Эхъ, вы, дружки-соколики!..

Въ первую минуту Марья обрадовалась подаркамъ, но тотчасъ же стало ей неловко и какъ-то тоскливо посмотрѣла она на нихъ. Алексѣй Алексѣичъ подмѣтилъ это не безъ досады: ему такъ хотѣлось вмѣстѣ съ нею порадоваться, а она вотъ не радуется!

— Что жъ ты, Маша, сказалъ онъ съ упрекомъ, развѣ не рада моимъ подаркамъ?

— На сердцѣ что-то... отвѣтила она.

— Ахъ ты, мудреная бабѣнка!.. не придумаю, право...

— Нѣту, не придумывай... я сама не знаю, съ-чего... а то бы сказала...

И онъ не добился отъ ней отвѣту. Во весь этотъ вечеръ была она безпокойна и печальна, но на другой же день все какъ рукой сняло. По приказанію Алексѣя Алексѣича, дворовые дѣвки засѣли за шитье сарафановъ, тонкаго бѣлья, кисейныхъ пышныхъ рукавовъ для Марьи, и сама она усердно и весело помогала имъ въ работѣ.

Появились у Марьи наряды отличные: сарафанъ не сарафанъ, шубка не шубка! Любила она рядиться въ нихъ, и любо ей было, что Алексѣй Алексѣичъ не на радуется на нее нарядную. Невольно и ее самоё тянетъ къ зеркалу, тому большому зеркалу, въ которомъ можетъ она видѣть себя съ головы до ногъ. Какъ хороша она была въ пышномъ шелковомъ сарафанѣ, подпоясанномъ золотымъ торжковскимъ поясомъ, въ тонкой, полотняной рубашкѣ, сквозь которую соблазнительно сквозили ея плечи полныя и бѣлыя, какъ кипѣнь!..

Но наряжаясь по-праздничному, и любуясь собою, не забывала она и о дѣлѣ: безъ-устали хлопотала по дому

дому все для того, чтобы завести порядокъ, все для того, чтобы сдѣлать для милаго друга жизнь попокойнѣе. Сначала онъ и самъ хлопоталъ вмѣстѣ съ нею, по-крайней-мѣрѣ подсматривалъ за тѣмъ, какъ идутъ разныя поправки въ домъ и вокругъ дома; но скоро понадоѣли ему всѣ эти заботы. Онъ даже началъ скучать, что и Марья частенько отрывалась отъ него для хозяйственныхъ распоряженій. Особенно тяжело было ему видѣть часто-озабоченное ея лицо. И такъ, по характеру своему, бывала она большею-частью серьёзна, — значить не приучила его къ своей веселости; но тѣмъ больше дорожилъ онъ немногими проблесками ея веселости, тѣмъ больше желалъ ихъ видѣть, — и приписывалъ домашнимъ хлопотамъ то, что она не часто весела.

— Ну, что ты все хлопочешь? — говорилъ онъ ей, есть изъ-за чего мыкаться да тревожить себя! Надо жить весело, а ты изъ-за разныхъ пустяковъ не даешь себѣ покою... Что въ этомъ толку?..

— Какъ же такъ, Алексѣй Алексѣичъ? — возражала она, вѣдь надобно дѣло дѣлать...

— Говорю тебѣ, надо весело жить!.. Посмотри-ка вокругъ: намъ съ тобой просторно, нѣту надъ нами барина никакого... молоды мы, здоровы, любимъ другъ-друга... Пить-ѣсть, что-ли, не чего?.. Эхъ, Мама! проживемъ же какъ-нибудь: только надобно намъ самимъ-то жить весело...

— Не могу я съ тобой сговорить, — молвила она нѣсколько печально; право-слово, рѣчей не найду... а все стою на своемъ: надо жить дѣло-дѣлаючи; вѣдь пословица-то говорить: жизнь прожить-то не поле перейти...

Съ той поры она, словно въ первый разъ, почувствовала, что для Алексѣя Алексѣича всего нужнѣе — ея любовь и ласка. Какъ-то жалчѣе сдѣлался онъ для нея и стала она голубить его больше прежняго.

Любила она быть съ нимъ въ саду: тамъ она чувствовала больше простора, больше свободы.

— Отчего тебѣ такъ домъ не взмилился? — однажды спросилъ ее Алексѣй Алексѣичъ.

— Невпримѣръ лучше въ саду, — отвѣчала она, — тутъ мы одни-одинѣхоньки...

— Люди, чтоль, тебѣ надоѣдаютъ?

— Знамо, они...

— Отчего жъ такъ?.. Ты ничего не скрывай отъ меня. Можетъ, плохо слушаются?

— Какъ не слушатся?—слушаются! съ-виду-то они на ручку миѣ порхають... Да не обмануть имъ меня!..

— Ты только скажи миѣ, кто тебѣ сгрубить, или же... Ты только скажи, расправа будетъ короткая: какъ-разъ со двора сгоню!

— Нѣту, молвила Марья, подумавъ, никого не прогоняй, не хочу я, чтобы на меня плакались... А коли вздумаешь ты изъ-за меня какое-нинаестъ зло имъ сдѣлать—уйду отъ тебя—и поминай какъ звали!..

Алексѣй Алексѣичъ заспорилъ-было съ нею, но Марья наотрѣзъ объявила, что сказала она такія рѣчи подумавши; а потомъ жарко-жарко обняла его и не дала больше говорить. Не спокойно было на сердцѣ у барина; но онъ уже привыкъ слушаться Марьи.

— Маша, другъ мой,—сказалъ онъ,—миѣ что-то грустно стало отъ твоихъ словъ... Развесели меня, пожалуйста... Вотъ еслибы ты миѣ пѣсенку спѣла...

— Я все съ бабами и дѣвками пѣвала, отвѣчала Марья, а одной-то словно неловко пѣть... Наши пѣсни вѣдь простыя, деревенскія добавила она.

— Что за дѣло, я люблю простыя пѣсни.

— Какую же пѣсню бы спѣть?, молвила Марья, въ раздумьи, развѣ «во саду ли, во садикѣ, во зеленомъ виноградикѣ...» Да это пѣсня свадебшная.

— Ну, хотъ свадебшную...

— Нѣтъ, свадебшную не стану, да и вовсе не могу пѣть, когда нибудь послѣ...

Упряма была наша бѣглянка, и какъ ни просилъ ее Алексѣй Алексѣичъ спѣть хотъ какую-нибудь пѣсенку, она наотрѣзъ отказалась. Онъ было-понасунился, но она стала ластиться къ нему и онъ опять повеселѣлъ.

— Руки у тебя бѣлыя, говорила она, глядя его руки, словно изъ крупитчатой муки испечены, а у меня-то какія черныя да жесткія...

— Поживешь здѣсь годокъ—другой, и у тебя будутъ бѣлыя...

— Невпримѣръ ты лучше меня!..

— Нѣтъ, Маша, ты красивѣе. Черты лица у тебя правильныя, носикъ прямой, а глаза—то, глаза!..

— Утебя жъ глаза, словно васильки въ полѣ... Постою, взаправду, что—ль, какъ шла я сюда, все видѣла васильки во ржахъ, аль это сонъ такой мнѣ припомнился?..

И она задумалась. Но вдругъ тяжелая мысль мелькнула у ней въ головѣ.

— Цыганка мнѣ сказывала, молвила она, Цыганка сказывала, что надо мнѣ опасаться свѣтлыхъ глазъ... А у тебя глаза свѣтлые... Ну, да вретъ же, проклятая Цыганка!.. добавила она рѣшительнымъ голосомъ.

— Развѣ можно вѣрить цыганскимъ предсказаніямъ? произнесъ онъ наставительно.—А вотъ что, Маша, пойдемъ—ко лучше въ комнаты. Не хотѣла ты пѣть, такъ я спою тебѣ, пожалуй...

Онъ взялъ гитару и началъ наигрывать какую—то заунывную мелодію. Марья внимательно слѣдила за его игрою.

— Больно хорошо ты играешь, — замѣтила она, когда онъ кончилъ играть.

Это наивное замѣчаніе разсмѣшило Алексѣя Алексѣича. Онъ сдѣлалъ Марьѣ преуморительную гримасу и вдругъ заигралъ веселую, плясовую пѣсню.

— Ну же, ну!.. Маша! говорилъ онъ, пой скорѣе, а я буду тебѣ подыгрывать.

— Не умѣю, нѣсколько угрюмо отвѣчала она.

— Ты попробуй, авось съумѣешь. Вотъ слушай меня, я стану пѣть, а ты за мною.

У Алексѣя Алексѣича былъ голосъ не дурной, хоть испорченный цыганскимъ порывистымъ напѣвомъ. Марья стала—было подпѣвать ему, но какъ—разъ пошолъ у нихъ разладъ. Тотчасъ—же напалъ на нее упрямый «стихъ», отошла она отъ барина и усѣлась въ уголь.

— Ну, чтожъ ты перестала? спросилъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Гдѣ ужъ тутъ! отвѣчала она, вишь, пѣсни-то ваши не подь ладь нашимъ пѣснямъ...

Онъ подошелъ къ ней и сталъ подсмѣиваться.

— Такъ какъ же? твердилъ онъ, не подь ладь ваши пѣсни нашимъ?

Марья все молчала; но вдругъ лицо ея поблѣднѣло, губы вздрогнули и глаза потускли.

— И въ пѣсняхъ-то не ладится, молвила она глухимъ голосомъ; вотъ, словно не пара я тебѣ.

Она встала и пошла вонъ изъ комнаты.

— Кудажь ты, куда, Маша? спросилъ баринъ торопливо.

— Сейчасъ приду, отвѣчала она и проворно ушла.

Больно сжалось сердце у Марьи, ужъ Богъ знаетъ отчего такого. Тяжко, душно ей было. Войдя въ кабинетъ барина, она сѣла подь открытое окно и жадно стала впитать въ себя прохладный вечерній воздухъ. Тихій говоръ листьевъ подь окномъ началъ—было успокоивать ея взволнованную душу. Но вдругъ послышалось изъ дома: гонить пастухъ стадо, хлопая изрѣдка кнутомъ и наигрывая на рожкѣ короткія пѣсенки, мычатъ коровы, блеять овцы,—и эти знакомые звуки опять расшевелили тоску въ душѣ бѣглянки. Она шопотомъ начала причитать про мать свою старуху, про свою головушку бѣдную, про родимую сторону. Заплакала она горько, навзрыдъ; но слезы облегчили ея печаль. Она стала прислушиваться къ отдаленному гулу засыпающей заботы деревенской, и глубоко задумалась. Слезы все еще текли полегоньку изъ глазъ, а душа уже не покорялась печали, рвалась только изъ ней какая-то жалоба, и невольно Марья зацѣла, вполголоса, про чужедальную сторонушку:

«Я сама знаю чужую сторонушку,

Чужедальную, незнакомую...

Ужъ какъ чужая-то сторонушка

Горемъ вся изнасяна.

Горемъ изнасяна,

Слезами поливана...

Слезами поливана,

Печалью огорожена...»

За этой грустной пѣсней, не слыхала она, какъ дверь отворилась и вошелъ Алексѣй Алексѣичъ. Онъ съ-разу замѣтилъ, что Марья плачетъ. Мягкое сердце его было поражено печалью любимой женщины. Онъ обнималъ, цѣловалъ ее, цѣловалъ ея жесткія руки; онъ спрашивалъ ее, утѣшалъ не впопадъ и не зналъ, что дѣлать. Она же была блѣдна и безотвѣтна. На ласки его она не могла отвѣчать.

— Маша, ужъ не соскучилась ли ты со мною? спросилъ онъ ее, съ безпокойствомъ.

— Нѣту, не соскучилась, отвѣчала она, отирая слезы, а такъ, вотъ, не знаю съ чего...

— Ради Бога, скажи, отчего же сгрустнулось тебѣ?

— Жалко мнѣ стало, отвѣчала она, сперва-наперво словно матушку, родимую сторону, а опосля стало жалко... тебя...

— Кого?.. кого стало жалко?.. переспросилъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Тебя... сказала она нерѣшительно.

— Ахъ, Маша, заговорилъ Алексѣй Алексѣичъ, не подѣстать ему, умилительно: коли-бъ ты жалѣла, то не стала бы огорчать, тревожить меня своею печалью... Вѣдь я люблю тебя... ужъ не знаю какъ и выразить! я люблю тебя, ну, просто люблю всей душою!... Дружокъ мой, слезы твои прискорбнѣй мнѣ видѣть... чѣмъ... чѣмъ... Да вотъ что, Маша: когда я служилъ въ гусарахъ, я былъ ужасно... ахъ! какъ бы это найдти понятное для тебя выраженіе?... однимъ словомъ, я былъ ужасно впечатлителенъ, то есть, обидчивъ... чуть, бывало, что нибудь такое со стороны товарищей, я тотчасъ же прихожу въ пассію, то есть, разогорчаюсь и, изъ-за огорченія, готовъ хоть сію же минуту выходить на дуэль!... Говорю тебѣ, Маша, твои теперешнія слезы пуще для меня всякой горькой минуты! Ну, скажи, чѣмъ досадилъ я тебѣ? чѣмъ ты огорчилась? Чтожъ мнѣ дѣлать теперь?

Положивъ руку на плечо Алексѣю Алексѣичу и глядя ему прямо въ глаза, Марья, казалось, чрезвычайно внимательно слушала полупонятныя его рѣчи, но мысль ея, между тѣмъ, далеко летала. Вилась эта мысль, словно ласточка, вокругъ родимой крыши. Видѣлась Марья, какъ сквозь ту-

мамъ какой-то, совсѣмъ на бокъ покачнувшаяся избѣнка матери. Чудился ей тихій вечеръ, съ синими сумерками, съ алой зарёю. Чудилось, что вотъ мать выходитъ къ околицѣ, одна—одинёхонька, выходитъ и садится тамъ, за околицею, приклонивъ къ сырой землѣ свою старую голову, а вдругъ встаетъ и какъ-будто прислушивается... Марья тоже прислушивается и слышитъ: льютъя рѣкою несовсѣмъ понятныя ей, но утѣшающія рѣчи ея милаго друга. Отраднo ей слышать ровный и мягкій голосъ его, и, успокоенная, она прильнула къ его груди...

То была словно первая размолвка, но она миновала, какъ вѣшній дождикъ на солнцѣ. И снова мирно потекла жизнь барина и Марьи. Съ каждымъ днемъ онъ все больше привыкался къ своей подружѣ. Сдѣлалась она ему необходима, чѣмъ была въ недавнее еще время бесѣда разгульныхъ пріятелей, шумный кутежъ, съ цыганскимъ пѣньемъ и пляскою, даже псовая охота въ просторномъ полѣ. Онъ пересталъ ѣздить къ сосѣдямъ; не манило его ни къ игрѣ, ни къ охотѣ, ни къ кутежу; обо всемъ этомъ только изрѣдка просыпались въ немъ однѣ воспоминанія; но уже вовсе не соблазняло его желаніе опять потѣшиться прежними потѣхами. Сталъ онъ рѣдко заглядывать на псарню еще рѣже бывалъ на-веселѣ, подмѣтилъ онъ, что все это не по нраву Марьѣ, и легко преодолѣлъ свои старыя привычки. Правда, дѣломъ-то онъ все-таки не занимался, да и то сказать, развѣ легко было его натурѣ окунуться въ трудовую жизнь? развѣ легко тоже и всякому челоуѣку найти себѣ трудъ по сердцу и по силамъ?.. И вотъ, нашъ баринъ, съ утра, пускается въ обходъ вокругъ дома, надворныхъ построекъ, да по деревнѣ (лишь на гумно не заглядываетъ, потому что на гумно нечего и заглядывать: весь хлѣбъ на корню ужъ запроданъ); затѣмъ, если погода дозволяетъ, уходитъ въ садъ и остается тамъ вплоть до тѣмной ночи. Въ саду, коли Марья не съ нимъ, а хозяйничаетъ по домашнему дѣлу, онъ лежитъ растянувшись на коврѣ, подъ любимую свою липою, да предается лѣнливимъ и легкимъ мыслямъ: вообще о томъ, что вотъ же пріятно, спокойно, славно живется ему теперь на бѣломъ свѣту, а въ

частности о томъ, что какъ нибудь надо будетъ опять съѣздить въ городъ и купить Марьѣ новыхъ нарядовъ; и какъ, дескать, хороша она будетъ тогда... и долго, долго думается ему все въ томъ же родѣ. А коли придутъ ему въ голову неважныя думы про что нибудь другое, онъ какъ разъ догадывается и скорехонько ихъ прогоняетъ. Тутъ-то иногда беретъ онъ книжку и читаетъ тоже, для развлеченія, или, лучше сказать, для усыпленія себя.

Марья, съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ, смотритъ на Алексѣя Алексѣича, когда застаётъ его съ книжкой въ рукахъ.

— Вотъ, колибъ я умѣла читать, проговорилась она однажды, всѣ бы книжки, чтó есть на свѣтѣ, перечитала!

— Для чего жъ такого? спросилъ ее, смѣясь, баринъ.

— А не знаю, право... Только, чай, въ книжкахъ про все, про все на свѣтѣ писано?

Этотъ разговоръ вдругъ навелъ барина на мысль. Онъ тотчасъ же отправилъ въ городъ нарочнаго купить азбуку и самъ изволилъ обучать Марью грамотѣ. Дѣло пошло на ладъ съ перваго же раза: ученица оказалась понятлива чрезвычайна. Какъ радовался Алексѣй Алексѣичъ ея быстрымъ успѣхамъ! Какъ радъ тоже бывалъ онъ, когда ему доводилось поправить какую нибудь ея ошибку!

Съ этихъ поръ, увидавъ въ рукахъ Алексѣя Алексѣича книгу, она уже всегда спрашивала, о чемъ въ ней нарисано? а онъ охотно пускается въ рассказы. Изъ того немногаго, чтó онъ зналъ, про что когда-то читывалъ, все было невѣдомо Марьѣ; значить, было чтó пересказать. Не всегда, даже довольно рѣдко, понимала она вполнѣ рассказы барина, но зато слушала всегда съ величайшимъ вниманіемъ.

И съ тѣхъ поръ повеселѣла Марья Ефимовна. Какъ рукой сняло съ нея не только грусть-тоску, но даже раздумье о прошлой жизни и о теперешнемъ житьѣ-бытьѣ. Въ домѣ и надворѣ поубралось все замѣтно; домашнее дѣло пошло по порядку; оттого прибавилось досуга у Марьи и стала она чаще бывать съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, какъ будто больше заниматься имъ самимъ, стала вообще разговорчивѣе и уже отъ пѣсенъ теперь не отказывалась. Въ ея живой и

твердой рѣчи, въ ея ровной, тихой веселости было что-то особенное, недопускавшее барина до жалкаго сна, возбуждавшее къ чему-то его умъ и волю. Смѣло и охотно говорила она съ нимъ; ей все какъ-будто хотѣлось договориться до чего-то. Оттого, коли не договорить она чего нибудь словами, старается допѣть пѣснею. Но мало были развиты жизненныя силы бѣглянки,—вотъ въ чемъ была бѣда ея. Гдѣжь было ей, бѣдной, подѣйствовать тутъ, хоть она и приложила къ дѣлу весь разумъ свой, все свое чувство? Темная мысль безотвязно шептала ей, что ей надо какъ-то особенно потрудиться, чтобы подсобить своему милому другу, но какъ тутъ быть и что дѣлать — она не знала и не догадывалась. И не напрасно ли она хлопотала? Полно, можно ли было сладить съ бариномъ, имѣя у себя и большія средства для борьбы безпощадной со всѣмъ, что съ-измаательства и глубоко въѣлось въ его лѣнивую натуру?..

Но какъ любить онъ марьину пѣсню, рѣдко бойкую и звонко-голосистую, но чаще-тихую, протяжную, иной-разъ больно за сердце хватающую! И что бы не случилось съ Марьей, — пѣсня ея навсегда съ нимъ останется, такъ глубоко она врѣзалась въ его сердце... Слушая пѣсни марьины, онъ всякій разъ какъ-то особенно призадумывался, а разъ испугала его внезапно мысль, что Марья вдругъ исчезнетъ, какъ улетѣлъ изъ саду соловей, спугнутый въ прошломъ году дворовыми ребятишками...

Онъ ходитъ за нею словно малый ребенокъ за мамкою. И всѣ мысли его тянутся къ ненаглядной Машѣ. Любо ему думать про молодую красу ея: «ахъ, что, дескать, за щечки у ней, что за глазки,—и губки алія и зубы, что твой жемчугъ... Вотъ бы позавидовали Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ, Ошанкинъ, колибъ увидали такую красавицу!.. Ну-да нѣтъ! лучше не добиваться ихъ зависти,—вѣдь, тепло, уютно, нескудно нисколько, чего жъ еще надо?»..

Молодецъ былъ на ту пору Алексѣй Алексѣичъ — не допустилъ онъ себя соблазниться желаніемъ похвастать своей любезною передъ старыми пріятелями-холостяками и гуляками. Напротивъ, онъ наказалъ всей своей дворнѣ строго-на-

строго — отказывать всѣмъ и каждому, кто бы къ нему ни заѣхалъ.

Э, ну ихъ къ чорту!.. заканчивалъ онъ свои размышленія на этотъ счетъ: еще пріѣдутъ, пожалуй... И по правдѣ сказать, скучно съ ними, иной-разъ невыносимо... Глупыя ссоры чортъ знаетъ изъ-за-чего затѣваютъ... Нѣтъ, нѣтъ! ни самъ къ нимъ долго не поѣду, ни ихъ покуда принимать къ себѣ не буду.»..

XIV.

Чужедальняя сторонюшка
 Безъ вѣтру сушить,
 Безъ вѣтру сушить —
 Безъ мороза знобить..

Русская пѣсня.

Жили наши влюбленные такимъ образомъ недѣль семь или восемь. А между-тѣмъ миновала «страдная пора», убрались съ озимымъ и яровымъ хлѣбами.

Урожай въ Подберезникахъ вышелъ очень порядочный. Только ни Алексѣй Алексѣичъ, ни Марья не радуются на него. Баринъ, когда пришелъ къ нему староста, при началъ жнитва, съ докладомъ про то, сколько копенъ становится на десятинѣ,—лишь рукою махнулъ, свистнулъ и прочь пошолъ, не дослушавъ доклада; Марья же, какъ узнала, что Алексѣй Алексѣичъ еще на корню запродавъ весь свой хлѣбъ, уже не заглядывала на гумно, даже мимо его не хотѣлось ей пройти. Много горевала она про-себя объ этомъ хозяйственномъ распоряженіи, а разъ даже попеняла и Алексѣю Алексѣичу, но онъ возразилъ, что дѣло это совсѣмъ поконченное, что ужъ по этому одному и поминать о немъ не стоитъ.

Злобно взглянула Марья на купца Макара Огурѣева, купившаго весь хлѣбъ подберезниковской *экономіи*, когда онъ пріѣхалъ справиться о результатахъ уборки. Алексѣй Алек-

сѣичъ принялъ его очень ласково, пригласилъ чай пить и поподчивалъ пуншикомъ.

Марья сидѣла за самоваромъ и плохо исполняла свою обязанность разливанія чаю. Сначала ей было какъ-будто стыдно посторонняго человѣка, а потомъ страшная досада закипѣла въ ней, когда она услышала, что Макаръ Огурѣвъ, съ шуточками да прибауточками, отказываетъ Алексѣю Алексѣичу въ деньгахъ.

— Макаръ Огурѣичъ, пріятель дорогой, говорилъ баринъ, ну, что тебѣ стоитъ дать мнѣ теперь же сотняжку-другую? вѣдь не займы прошу, вѣдь въ счетъ же пойдеть? мѣсяца черезъ два, черезъ три долженъ же ты будешь разомъ отдать мнѣ всю договорную цѣну... За мной не пропадетъ, росписку тебѣ дамъ...

— Нѣтъ-съ, ужъ помилуйте! возражалъ Макаръ Огурѣвъ, ухмыляясь, поглаживая бородку и подмигивая то тѣмъ, то другимъ глазкомъ, — никакъ эвто невозможно... Мы люди-съ коммерческіе, расчитываемъ тоже. Вотъ, колибъ мы были дворяне-помѣщики, — а извѣстно-съ, этой чести не имѣемъ...

— Не понимаю, къ чему ты припутываешь тутъ дворянъ-помѣщиковъ? — молвилъ баринъ, съ досадою.

— А какъ-же-съ, сударь!.. помѣщики деньги легко добываютъ, просто лопатами гребутъ... Земли, луговъ, лѣсовъ пропасть у нихъ, ужастенное дѣло-съ! Крестьяне тоже даромъ на нихъ работаютъ и послать они могутъ ихъ хоть за тридевять земель!.. А мы что! мы всякаго работника найми, да ему, шельмецу, заплати что онъ хочетъ... Вонъ, недавнесь, Алексѣй Иванычъ, Герасимъ Иванычъ, Давыдъ Иванычъ — можетъ, слышали, сударь? — обдѣлали-было важную статью: откупили у разныхъ помѣщиковъ крестьянъ да и приписали ловкимъ манеромъ къ фабрикѣ, — оно и на благодѣянице походило, и лучше было крѣпости, можно бы, то есть... а нѣтъ! не пришлось и эдакимъ тузамъ попользоваться... Я къ тому, сударь, рѣчь веду, что мы сами себѣ крестьяне, что выторгуемъ, то и наше-съ...

— Эхъ, Макаръ Огурѣичъ!.. что ты мнѣ лазаря поешь?

Говори дѣло, даешь или не даешь впередъ деньжонокъ малую-толику? Я въ честь прошу...

— Да извольте-съ, можемъ сдѣлать уваженіе... только и безъ этого нельзя-съ, чтобы не было выгодишки: извольте скостить въ нашу позъзу изъ главной-то суммы-съ... Вѣрите Богу, безъ этого невозможно-съ... торговое дѣло-съ ..

— Ты жидоморь!.. какъ!.. еще скостить?.. Что жъ, — развѣ дорого купилъ ты у меня?.. Побойся Бога!..

— Тѣ торговое дѣло-съ... На томъ торговля стоитъ-съ...

— Знаемъ мы вашу торговлю: «купилъ-облупилъ, продалъ-ободралъ» — вотъ на чемъ стоитъ ваша торговля!..

— Какъ угодно говорите, а по нашему торговля таковское дѣло: никакъ нельзя-съ безъ выгоды... Такъ испоконъ-вѣку ведется...

Баринъ надѣялся было смягчить купца-кулака пуншикомъ, но куда! тотъ чѣмъ больше пилъ, тѣмъ крѣпче становился. Съ величайшимъ негодованіемъ слушала Марья рѣчи Макара Огурѣича, когда онъ, ухмыляясь лукаво и нѣсколько небрежно, подавалъ ей пустую чашку, она сердито взглядывала на него и глаза ея словно искры метали. Возненавидѣла она этого человѣка, съ козлиной бородкой; уморительныя ужимки его казались ей не смѣшными, а чрезвычайно обидными и для Алексѣя Алексѣича и для ней самой. Возненавидѣла она его съ-разу, и это подмѣтилъ купецъ.

«Злющая какая бабѣнка!.. думалъ онъ про себя, поглядывая на нее искоса:—жалко ей, что-ли, чаю-сахару про меня?.. Глядитъ, словно съѣсть хочетъ!.. Эвто мудрѣная оказія! ну, съ чего такого взѣлася?..»

Алексѣй Алексѣичъ не рѣшился покончить дѣло съ купцомъ о деньгахъ, безъ совѣта съ Марьей. Она наотрѣзъ ему объявила, что не слѣдуетъ денегъ брать на такомъ договорѣ, и что лучше прогнать купчишку скорѣхонько, чтобы и духу его не было въ домѣ. Баринъ послушался, весьма сухо простился съ Макаромъ Огурѣичемъ, но въ душу его проникло при этомъ нѣкоторое уныніе. Дѣло въ томъ, что, прося деньжонокъ у Макара Огурѣича, онъ имѣлъ особенные виды: хотѣлось ему угодить Марьѣ опять обновами и,

что грѣха таить!—стало ему тоже думаться, что, при поѣздкѣ въ городъ за обновами, можно рискнуть нѣсколько, — можно, эдакъ, съ «фараономъ» возобновить знакомство: понтирнуть съ выдержкою, аккуратно, *zieflich—mannevlisch*», а коли удачно пойдетъ, то и «брандера» пустить молодецки. Онъ вспоминалъ съ нѣкоторымъ самоуслажденіемъ, — что понтировкой «брандеромъ» приобрѣлъ онъ въ околоткѣ заслуженную извѣстность, что на игру его подходили смотрѣть заклятые «сералашники» и «преферанщики», что не разъ случалось ему видать, какъ у банкомета противъ него «манжетки трясутся».

Алексѣй Алексѣичъ, бывшій гусаръ и герой «брандеровъ», крѣпко было—обжился въ безмятежномъ и сладострастномъ теперешнемъ бездѣльи, но съ самаго посѣщенія Макара Огурѣича, взманившего его чутье возможностью добыть деньжонокъ душа его безсознательно — и слегка покуда — стала уже порываться къ прежней дѣятельности. Правда, въ мысляхъ объ этой дѣятельности на первомъ планѣ все-таки была Марья съ своими обновами, но въ глубинѣ-то сцены заманчиво рисовались и банчикъ, и «брандеры», и веселая компанія старыхъ пріятелей... Впрочемъ все это еще были досужныя, блажныя мечтанія, — денегъ у него не было — и, можетъ быть, долгонько бы еще оставался онъ въ своей идиллической апатіи, еслибы сама судьба не вызвала его на поле дѣйствія.

Надо сказать здѣсь, что двѣ простыя причины много способствовали устройству романическаго уединенія Алексѣя Алексѣича: во-первыхъ, закадычные его пріятели, Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охалкинъ, не навѣщали его все это время; первый изъ нихъ все еще былъ болѣнъ, а другіе двое «странствовали далече»; то-есть, ѣздили по сосѣднимъ ярмаркамъ, для игры и прочихъ удовольствій; во-вторыхъ, у Алексѣя Алексѣича не было, кромѣ Мотовилова, Бѣлобрысова и Охалкина, близкихъ сосѣдей; всѣ остальные помѣщики жили отъ него верстахъ въ пятнадцать и въ двадцати, а эти разстоянія не допускали подберезниковскихъ дворовыхъ передавать дворовымъ другіхъ помѣщиковъ вѣсти о Марьѣ и объ уединеніи своего барина.

Поэтому заѣзжавшіе къ нему изрѣдка помѣщики думали, что не застаютъ его дома по самой простой причинѣ:— «уѣхалъ, дескать, на ярмарку, или такъ куда-нибудь отлучился». И вотъ чѣмъ спасено было до-поры-до-времени уединеніе Алексѣя Алексѣича.

Конецъ идилліи насталъ самымъ естественнымъ образомъ.

Макаръ Огурѣвъ имѣлъ торговыя сношенія не съ однимъ подберезиновскимъ бариномъ. Вотъ и заѣхалъ онъ отъ Алексѣя Алексѣича къ тому, къ другому, къ третьему помѣщику, и, конечно, между разными новостями, всѣмъ поразказалъ, что, дескать, Алексѣй Алексѣичъ все сидитъ дома и никого не принимаетъ по той причинѣ, что няньчится да прохлаждается съ какой-то цыганкой-бѣглянкой, которую досталъ себѣ въ таборѣ.

— Что-то, эдакъ, худенька, а то бы ничего, изъ лица пригожая,—прибавлялъ купецъ къ своему разсказу о нашемъ баринѣ и Марьѣ,—зато ужъ,—сказываютъ ихніе дворовые,—презлющая, то есть, эхидная бабѣнка... и на меня тоже за что-то озлилася...

Это извѣстіе страшно заинтересовало помѣщиковъ, женатыхъ и холостыхъ, крупныхъ и мелкихъ. И сколько было тутъ смѣху, оханья, пересудовъ, толковъ всяческихъ!

«Нашъ Алексѣй Алексѣичъ,—говорилъ одинъ,—настоящій Иванъ-царевичъ: вотъ досталъ—таки себѣ Елену—прекрасную...»

«Да не досталъ ли онъ себѣ и жарь-птицу»?.. спрашивалъ другой.

«Нѣтъ-съ, толковалъ третій, Цыганка эта и есть сама жарь-птица...»

«Ха, ха, ха! Жарь-птицу досталъ!»

«Какъ-бы узнать, кто она такая?»

«Да, просто, какая-нибудь воровка и потаскушка...»

«А не худо бы становому справиться о ея званіи, ну и о прочемъ... Можетъ, преступница какая...»

«Нѣтъ, господа, погодить нѣсколько надобно: вотъ, придутъ Бѣлобрысовъ и Охалкинъ, имъ надо сказать;—мы имъ предоставимъ дѣйствовать...»

«Въ самомъ дѣлѣ, господа, это срамъ: нашъ братъ

дворянинъ связывается чортъ знаетъ съ кѣмъ!.. Ну, извѣстно, многіе изъ насъ, кто не женатъ, напримѣръ, имѣютъ у себя въ домѣ эдакое развлеченіе, только это дѣло домашнее, выбираемое изъ домашнихъ же средствъ...»

«Еще какъ бы не женился на этой потаскушкѣ!»

«Ну вотъ еще!.. а обокрадетъ она его, такъ это навѣрное...»

Многіе помѣщики, послѣ того, нарочно ѣздили въ Подберезники,—но не добились толку. Прислуга Алексѣя Алексѣича всѣмъ объявляла, что баринъ изволили, дескать выѣхать въ губернской городъ по важному дѣлу и скоро ли воротятся, неизвѣстно.

— Да какъ же это, братецъ, говорили гости Антону лакею или кучеру Андриюшкѣ, да какъ же это?.. Мы слышали навѣрное, что Алексѣй Алексѣичъ дома...

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Чортъ знаетъ что такое!.. Ну, скажи же ты ему, что такъ не дѣлаютъ хорошіе люди, добрые сосѣди... Надо быть совершеннымъ... Хорошо, хорошо!.. мы еще это припомнимъ ему!..

И непрошенные гости удалялись съ крайнимъ неудовольствіемъ. Впрочемъ, обидчивость ихъ не простиралась до той степени, чтобы ужъ и не знаться съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, чтобы прекратить съ нимъ всякія и навсегда отношенія. Нѣтъ, помѣщики никакъ не хотѣли оставить его въ покоѣ. Они посылали къ нему безпрестанно узнавать о пріѣздѣ, о здоровьѣ, не жалѣя своихъ барскихъ трудовъ, писали часто записки, письма, цѣлыя посланія, и никогда, кажется, во всемъ этомъ околоткѣ, не ломались такъ много барскія головы сочинительствомъ, какъ въ описываемую нами минуту. Но Алексѣй Алексѣичъ, хотѣ и много надоѣдали ему каверзы сосѣдскаго любопытства, положилъ твердо держаться своего рѣшенія—не принимать къ себѣ никого, даже самыхъ близкихъ своихъ пріятелей.

Наконецъ воротились во-свои Бѣлобрысовъ и Охапкинъ; къ этому же времени выздоровѣлъ окончательно и Мотовиловъ. Всѣ они трое были люди на свой ладъ находчивые, предприимчивые. Они рѣшились во что бы то ни стало хи-

тостью или насильно пробиться съ перваго же разу къ Алексѣю Алексѣичу. На этотъ счетъ подержали они даже пари съ своими сосѣдями, а коварный Охупкинъ обѣщаль сманить отъ Алексѣя Алексѣича его бѣглянку.

— Ну, а коли не удастся?.. спрашивали нѣкоторые скептики—помѣщики; ну, а коли все-таки не добьетесь вы толку,—что́ тогда?

— Что́ тогда?—отвѣчалъ Охупкинъ, тогда мы напустимъ на этихъ голубковъ лихаго ястреба, въ лицѣ становаго Семена Маркелыча!..

Прежде, чѣмъ дальше рассказывать, мы должны познать, хоть нѣсколько, нашихъ читателей съ господами Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охупкинымъ.

Это были коренные, столбовые, истые помѣщики и притомъ закадычные друзья между собою. По наружности они нисколько не походили другъ на друга, но тѣмъ не менѣе въ нихъ была бездна общаго,—недаромъ говорили про нихъ сосѣди и знакомые, что чортъ связалъ ихъ веревочкою. Весь образъ жизни, занятія, привычки, вкусы, предразсудки, — были у этихъ друзей совершенно одинаковыя. Понятіе о людяхъ, о вещахъ, объ общихъ и о собственныхъ своихъ интересахъ ничуть тоже не разнились у нихъ. Мы было-хотѣли передать кое-что объ этихъ понятіяхъ; да нѣтъ! какъ то ужъ очень неловко становится на душѣ при мысли обо всемъ такомъ, и лучше, на этотъ разъ, станемъ мы рассказывать о внѣшнихъ общихъ чертахъ господъ Мотовилова, Бѣлобрысова и Охупкина.—Даже во всѣхъ ихъ ухваткахъ, а особенно въ разговорѣ и хохотѣ (всѣ они трое были страшные хохотуны) сказывался широкими чертами общій типъ. Мотовиловъ, напримѣръ, говорилъ басомъ и отрывисто; хохоталъ же словно дрова рубилъ, и физиономія его при этомъ оставалась совершенно—неподвижною; Бѣлобрысовъ молотилъ языкомъ, точно барабанилъ, — онъ былъ, что называется, бормотунъ, — а когда смѣялся, то размахивалъ руками будто вѣтряная мельница крыльями; а Охупкинъ, коварный Охупкинъ говорилъ быстро, но плавно, хотя голосомъ хриплымъ, а иногда визгливымъ, и разливался всегда мелкимъ хохотомъ. Вотъ, кажется, большая разница въ рѣчи и смѣ-

хѣ этихъ людей, а между-тѣмъ и тутъ сходство было изумительное. Дѣло въ томъ, что напередъ можно было знать, какъ, при извѣстномъ случаѣ, выскажутся они и порознь и вмѣстѣ: чтó именно заинтересуетъ ихъ, чему они обрадуются, чтó имъ покажется страннымъ, надъ чѣмъ станутъ смѣяться. Вотъ почему они были правы, говоря, что «всегда другъ другу въ тонъ попадаютъ» — хотя и часто они спорили, вздорили и даже ссорились между собою. Они были друзья неразрывные, такъ, по крайней мѣрѣ, думали про нихъ всѣ ихъ знакомые да и сами они. И въ-самомъ-дѣлѣ, эта дружба была даже испытанная: при всякой нуждѣ они усердно помогали одинъ другому, выручая другъ-друга всѣми способами. Впрочемъ, тутъ надо намъ оговориться, ибо мы никакъ не желаемъ, чтобы могли возникнуть какія-нибудь сомнѣнія насчетъ размѣра этихъ жертвъ для дружбы. Начать съ того, что нужды нашихъ друзей, въ которыхъ они могли помогать одинъ-другому, были самага незамысловатаго свойства: дѣло шло только о взаимной помощи въ картахъ, о снабженіи другъ-друга деньжонками для устройства разныхъ общихъ потѣхъ, о пособіи при доставаньи кому-нибудь изъ трехъ друзей новой сожительницы, либо собаки, а то и борзаго щенка знаменитой породы, и наконецъ о заступничествѣ другъ за друга, хоть кулаками, хсть зубомъ, при ссорахъ за разные пустяки съ лицами, принадлежащими къ ихъ шайкѣ. Дальше этого жертвы дружбы не простирались и не могли простираться; дальше этого могла начаться уже не помощь, а, пожалуй, полная вражда, со всѣми ея, у насъ, послѣдствіями...

О наружности нашихъ трехъ друзей мы скажемъ еще нѣсколько словъ, для того, чтобы читатели сохранили о нихъ нѣкоторое воспоминаніе.

Мотовиловъ, при большомъ ростѣ, былъ богатырски сложенъ и глядѣлъ бы вполне молодцомъ, еслибъ физиономія-то его — чтó называется — не подгуляла. Голова его, коротко остриженная, шла клиномъ къ верху; лобъ былъ низенькій и узкій; большіе, блѣдно-голубые глаза смотрѣли крайне тупо. Въ добавокъ къ этому отвислыя, красныя щеки, толстый, нѣсколько вздернутый носъ, пухлыя губы,

осѣненные рыжими, торчащими усами, — значить, физиономія г. Мотовилова была куда-неказиста! въ ней было что-то необыкновенно пошлое и тупое.

Охапкинь смотрѣлъ еще хуже. Это былъ чловѣкъ малаго роста, очень толстый и неуклюжій, но, несмотря на это, чрезвычайно подвижной и суетливый въ движеніяхъ; огромное брюхо его всегда совалось впередъ. Онъ былъ еще молодъ, но дряблъ и старобразъ; его большая голова съ сильно-развитымъ затылкомъ была украшена огромной лысиной. Широкое и плоское лицо его окаймлялось рамкой жиденькихъ, мышинаго цвѣта, бакенбардъ, а посреди его красовался носъ въ видѣ печеной луковицы. Въ маленькихъ, свинныхъ глазкахъ этого господина постоянно отражалось плутовское, трусливое, пакосно-сладострастное выраженіе. Вообще Охапкинь на видъ былъ особенно-гадокъ, хотя онъ былъ несравненно умнѣ своихъ товарищей и владѣлъ гораздо-большими, чѣмъ Мотовидовъ и Бѣлобрысовъ, средствами играть нѣкоторую роль въ томъ обществѣ, гдѣ они всегда вращались: онъ получилъ образованіе въ университетѣ и нѣкоторое время терся въ такъ-называемомъ хорошемъ обществѣ, откуда онъ вынесъ легкую способность любезничать съ женщинами, способность, доставившую ему, какъ было слышно, не одну побѣду надъ ними... Впрочемъ, несмотря на все это, г. Охапкинь какъ нельзя болѣе подлаживался во всемъ къ Мотовилу и Бѣлобрысову.

По нашему мнѣнію, лучшей изъ всѣхъ трехъ друзей былъ Бѣлобрысовъ. Въ его худощавомъ, скулистомъ лицѣ, въ его карихъ глазахъ на выкатѣ, выражалась какая-то рѣшимость и даже твердость. Онъ былъ очень задорнаго нрава, и когда задорился, то уже не было ему удержу... а это намъ нравится до нѣкоторой степени... Впрочемъ, Бѣлобрысовъ былъ простъ на-чистоту — ну, и слава Богу...

Таковы были пріятели Алексѣя Алексѣича. Кстати объ этой пріязни. Странное дѣло, что Алексѣй Алексѣичъ былъ, на такой короткой ногѣ съ Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охапкинымъ. Правда, онъ самъ сильно смахивалъ на нихъ, «убивалъ» время и силы не лучше каждаго изъ нихъ, — но у него были свои, особен-

ныя черты, не общія съ чертами описанныхъ нами трехъ друзей: нравъ у него былъ мягкій, сердце доброе и нѣжное, душа доступная для хорошихъ впечатлѣній; онъ недаромъ свято помнилъ про мать свою, загубленную отцомъ его... Но мы не станемъ останавливаться на объясненіи причинъ сближенія нашего героя съ помѣщиками Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охалкинымъ, одно только скажемъ: въ той средѣ, гдѣ жилъ и развивался Алексѣй Алексѣичъ, не мудрено дойти до всякаго нравственнаго паденія...

Разъ, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ августовскій свѣтлый, но не жаркій день Алексѣй Алексѣичъ и Марья сидѣли въ саду, на любимомъ своемъ мѣстечкѣ; сидѣли попрежнему, тихо и мирно. Марья читала вслухъ, нѣсколько еще не твердо, какую-то мудреную для ней книжку, а Алексѣй Алексѣичъ покуривалъ трубку да позѣвывалъ.

Вдругъ, по дорогѣ изъ деревни къ господской усадьбѣ, раздались дробные перекаты нѣсколькихъ колокольчиковъ.

— Опять нелегкая несетъ кого-то! молвилъ баринъ съ неприятной досадою.

Только-что проговорилъ онъ эти слова, какъ Мотыка прибѣжалъ 'благимъ матомъ въ садъ, крича еще издали:

— Гости ѣдутъ-съ!.. Мотовиловъ съ Охалкинымъ!.. да еще кто-то-съ!..

— Отказать!.. отказать!.. доложить, что уѣхалъ надолго изъ дому!.. поспѣшно крикнулъ Алексѣй Алексѣичъ, вскочивъ съ мѣста отъ волненія.

Мотыка убѣжалъ, а вслѣдъ за тѣмъ влетѣли на дворъ три лихія тройки. Слышно было, что у крыльца завязался горячій споръ: гости кричали и хохотали во все горло. Наконецъ тройки тронулись шагомъ со двора. Чей-то голосъ затянулъ—было протяжную пѣсню, но ее вдругъ перервалъ раскатистый хохоть.

— Ну, слава Богу, уѣхали! произнесъ баринъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Явился старикъ Антонъ и доложилъ, что пріѣзжали Василій Семенычъ Мотовиловъ, Иванъ Лаврентьичъ Бѣлобрысовъ и Андрей Филипычъ Охалкинъ; долго съ нимъ спорить

изволили, не хотѣли вѣрить, что барина нѣтъ дома; и наконецъ уѣхали, «надо быть, въ неудовольствіи-съ»—добавилъ Антонъ, смиренно улыбнувшись.

— Ну тебя къ чорту!.. пошелъ прочь, старый дуракъ!.. ни-съ-того, ни-съ-сего, прикрикнулъ Алексѣй Алексѣичъ. Потомъ беспокойно сталъ онъ расхаживать взадъ и впередъ. Въ недоумѣніи смотрѣла на него Марья и какой-то невольный страхъ мѣшалъ ей заговорить съ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, покуда все слышался тихо-звякающій звонъ колокольчиковъ. Наконецъ не стало слышно этого звона и Алексѣй Алексѣичъ вздохнулъ свободно. Онъ усѣлся опять возлѣ Марьи и положилъ на плечо ея свою голову.

— Ну, Маша, читай дальше, сказалъ онъ, потягиваясь; скучная, дрянная книжонка,—да, можетъ, тамъ позанимательнѣе пойдетъ...

Въ это мгновеніе раздались за ними громкія рукоплесканія и неистовый хохотъ. Баринъ и Марья съ испугомъ оглянулись и увидали, что изъ-за деревьевъ выглядываютъ трое господъ,—незнакомыхъ Марьѣ и очень знакомыхъ Алексѣю Алексѣичу.

То были помѣщики Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охалкинъ, которые рѣшились, во что бы то ни стало, пробраться къ своему старому пріятелю, «съ-дурю» какъ они выражались, полюбившему уединеніе. Имъ было не трудно исполнить это намѣреніе: оставивъ тарантасы свои за деревней, они дошли, крадучись, до саду, перелѣзли черезъ канаву и валъ,—и такимъ образомъ очутились передъ нашими влюбленными.

— Bravo!.. bravo!..—кричали въ одинъ голосъ трое друзей. Здравствуй, Иванъ-царевичъ!..

— Я всегда былъ увѣренъ, что нашъ Алексѣй Алексѣичъ особенно способенъ достать себѣ Елену—прекрасную...—говорилъ Охалкинъ, разливаясь своимъ мелкимъ хохотомъ.

— Нѣтъ, братецъ, тутъ сама жаръ-птица,—басилъ Мотовиловъ, да вотъ она и на-лицо.

— Ну, братъ, удралъ ты штуку!.. удралъ штуку!.. право, удралъ штуку!.. барабанилъ Бѣлобрысовъ.

Алексѣй Алексѣичъ былъ пораженъ до-нельзя нечаяннымъ появленіемъ своихъ пріятелей, и стоялъ передъ ними какъ преступникъ, пойманный на дѣлѣ. Нѣсколько минутъ онъ былъ не въ состояніи даже слова вымолвить—и этимъ воспользовались назойливые гости. Они кричали и хохотали во всю мочь, наперебой другъ передъ другомъ; видимое же смущеніе Алексѣя Алексѣича еще больше тѣшило и подзадоривало ихъ къ шумной веселости.

Марью тоже ошеломило появленіе этихъ господъ. Но этотъ безконечный хохотъ ихъ, эти рѣчи про Елену—прекрасную, про жарь—птицу, которыя, — какъ она тотчасъ поняла, — прямо къ ней относились, разомъ возвратили ей сознаніе. Тоскливо всполохнулось ее сердце, но и такое зло ее взяло, что она на-силу удерживалась отъ того, чтобы не крикнуть на нихъ: «что вы, дескать разорались? чему зубы скалите?» Блѣдная и взволнованная, она неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ, отвернувъ лицо въ сторону, такъ-что его не было видно нашимъ помѣщикамъ.

— Полноте, господа... оглушили совсѣмъ... — промолвилъ наконецъ глухимъ голосомъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Ты не сердись... дай же еще похохотать... — возражалъ Мотовиловъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, постой Василій Семенычъ, — сказалъ Охалкинъ, вдругъ сооривъ серьезную мину, а вмѣстѣ съ тѣмъ подмигивая глазкомъ, — надо теперь дѣльно заняться самымъ дѣломъ... Я принимаю на себя не малый трудъ сказать рѣчь, — слушайте-же всѣ!.. Видимъ мы, во-любленный нашъ Алексѣй Алексѣичъ, видимъ мы, что дѣйствительно ты имѣлъ нѣкоторую причину поступать на основаніи слезной пѣсни: «Я въ пустыню удаляюсь...» Завелся ты Плѣнирой, ну и нельзя же было не уединиться!.. Но знай: наше дружеское великодушіе равняется твоему пастушескому мягкосердечію — и мы даемъ тебѣ торжественное разрѣшеніе во всѣхъ твоихъ уединенныхъ прегрѣшеніяхъ. Такъ, что ли, господа? — добавилъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ разразились громовымъ хохотомъ.

— Тсъ! тсъ!.. — прикрикнулъ на нихъ Охалкинъ: эхъ, братцы! никакъ нельзя вести съ вами важное дѣло.. Слушайте же смиренно, ради купидона и всѣхъ блаженныхъ дѣлъ его!.. Итакъ, Алексѣй Алексѣичъ, къ тебѣ опять обращаю рѣчь мою: мы разрѣшаемъ тебя отъ прегрѣшеній, совершенныхъ въ произвольномъ, надѣмся, уединеніи, но разрѣшаемъ съ слѣдующимъ условіемъ: ты долженъ показать намъ Плѣниру!.. Безъ твоего согласія, мы не смѣемъ приблизиться къ ней, а она, посмотри, отвернула въ сторону свою прекрасную голову: дика, что-ль, она у тебя, «какъ дикая газель», по выраженію поэта?

— Покажи намъ ее! покажи, Алексѣй Алексѣичъ!..—сказали Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

Но Марья встала въ это мгновеніе и пошла къ дому.

— Боже! какой станъ! какая походка!.. Воля твоя, Алексѣй Алексѣичъ, а я не могу не привѣтствовать прекрасную Плѣниру!.. — вскричалъ съ торжественной важностью Охалкинъ, и кинулся догонять Марью.

Догнать ее было не трудно, она шла очень тихо, словно собираясь обернуться зачѣмъ-то. И точно, когда Охалкинъ догналъ ее, она вдругъ обернулась.

— Ну, что ты, лѣшій эдакой, гонишься за мною?.. — сказала она громко и твердо, оглядывая его суровыми, грозно-горящими глазами.

Какъ ни былъ нахаленъ Охалкинъ, но это неожиданное привѣтствіе разомъ осадило его. Изумленный, сконфуженный, онъ остановился и не нашелся даже что сказать, а Марья пошла себѣ дальше. Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ, слышавшіе слова Марьи, хохотали какъ сумасшедшіе, смѣялся тоже и Алексѣй Алексѣичъ.

— Да, братцы,—молвилъ Охалкинъ, подходя къ нимъ и принужденно усмѣхаясь: это, чортъ-знаетъ какая суровая Плѣнира!.. Того и гляди, въ физиономію съѣздить... Алексѣй Алексѣичъ! я посовѣтую тебѣ заказать картину, въ которой Плѣнира твоя была бы изображена въ видѣ Медеи или Клетемнестры... Повѣрьте, господа, это просто ужасная женщина!..

Все еще смущенный, Алексѣй Алексѣичъ добродушно улыбался.

— А какъ зовуть ее?.. кто она такая?.. Правда ли, что ты досталъ ее изъ цыганскаго табора?..—стали осыпать его вопросамъ всѣ трое.

— Зовуть ее Марьей, отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ, не глядя на гостей своихъ, а о прочемъ, господа, начтѣ вамъ знать?.. Пожалуйста, прошу васъ, если любите меня, если вы истинные друзья мнѣ, не спрашивайте дальше и оставьте ее въ покоѣ.

— Чудеса, право! молвилъ Охупкинъ, да ужъ ты не влюбился ли въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, говори, говори, влюбился, что ли?..—стали приставать Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ.

— Хотѣ бы и такъ, господа...—несовсѣмъ твердо отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ, приподнимая опущенную голову, хотѣ бы и такъ... Только я скажу вамъ: ради Бога, не мѣшайтесь во все это... а то... а то придется мнѣ... придется имѣть дѣло съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ старыхъ друзей...

— Ого! ага. эге!..—завопили пріятели, и Мотовиловъ съ Бѣлобрысовымъ принялись—было хохотать, но Охупкинъ былъ смышленѣе ихъ: замѣтивъ, что влюбленный пріятель крѣпко понасупись, онъ унялъ ихъ и сталъ говорить Алексѣю Алексѣичу, чтобы не сердился на пріятелей за шутку, что они любятъ его какъ душу, и прочее, все въ такомъ же родѣ.

Алексѣй Алексѣичъ нѣсколько успокоился и, какъ гостепріимный хозяинъ, пригласилъ своихъ гостей отправиться въ домъ.

— Ахъ, кстати, молвилъ Охупкинъ, лукаво подмигивая глазомъ, ты братъ, Алексѣй Алексѣичъ, жениться не соби-раешься ли? Домъ твой что-то глядитъ не по-старому, по-крайней-мѣрѣ снаружи: и на крышѣ новыя заплаты, и ворота навѣшены, и заборъ поправленъ за ново, и дворъ чисто-на чисто подметень... Право, что-то праздничное, эдакъ, проглядываетъ!

— Ого! вотъ она, штука-то!.. провозгласили въ одинъ голосъ Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ.

*

— Полноте, господа, опять за старое... Правдѣ, скучно... противно становится... сказалъ съ выразительной досадою Алексѣй Алексѣичъ.

На этотъ разъ не только Охалкинъ, но и друзья его какъ-то поняли, что не слѣдуетъ больше приставать къ хозяину съ назойливыми шутками и разомъ унялись.

Прежде всего, конечно, сдѣлали визитъ на псарню. Тутъ гости остались очень недовольны хозяиномъ: по ихъ осмотру оказалось, что онъ вовсе не занимается этой важной частью своего *хозяйства*, которая и точно была, съ нѣкоторыхъ поръ, въ большомъ упадкѣ. Они рѣзко попрекнули его за это; впрочемъ, въ дальнѣйшія объясненія не пускались, по особенной, причинѣ.

— Вотъ что, Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ Мотовиловъ: мы, братъ, ѣдучи къ тебѣ, большую глупость сдѣлали, заѣзжали къ жиждору Аксютину... вѣдь честь ему оказали, а онъ накормилъ насъ мерзѣйшимъ обѣдомъ, да и выпить ровно ничего не далъ... такъ ты, братъ, распорядись—ка на этотъ счетъ.

Хозяинъ, конечно, какъ разъ распорядился. Хозяйская кухня оказалась запаслива насчетъ разныхъ съѣдомыхъ вещей; гости какъ голодные волки накинулись на нихъ. Вслѣдъ затѣмъ поданъ былъ чай, какъ водится, съ ромомъ, а тутъ же пошли въ ходъ и всякія старыя наливки да вина, которыми былъ снабженъ довольно исправно погребъ Алексѣя Алексѣича.

Поработавъ «надъ замореніемъ червячка», гости пришли въ прекрасное, добродушно—веселое расположеніе духа и начали усердно упрашивать хозяина, чтобы онъ познакомилъ ихъ съ его возлюбленной. Эхъ, братъ! веселье съ нею намъ всѣмъ будетъ!.. говорили они и увѣряли притомъ честнымъ словомъ, что никакъ не стануть смѣяться и трунить, что, въ отношеніи къ Марьѣ, будутъ вести себя вполне благоприлично. Долго отбивался Алексѣй Алексѣичъ, но наконецъ уступилъ ихъ просьбамъ и отправился уговаривать Марью, чтобы она показала его пріятелямъ.

Онъ нашелъ ее въ своемъ кабинетѣ. Она стояла у окна, прислонясь головою къ стѣнѣ. Лицо ея было блѣдно, губы

крѣпко сжаты. Крупныя слезы катились изъ ея потускнѣвшихъ глазъ. Алексѣя Алексѣича чрезвычайно смутили эти слезы, эта печаль Марьи и онъ совсѣмъ позабылъ о порученіи своихъ товарищей.

— Маша!.. Маша!.. говорилъ онъ ей тихимъ голосомъ: что ты это?.. о чемъ плачешь?..

Она не отвѣчала и все продолжала плакать. Алексѣй Алексѣичъ не находилъ словъ чѣмъ ее утѣшить. А между тѣмъ какою-то ѣдкой упрекъ жегъ его душу. Но и зло мало-помалу начало разбирать его, зло то на самого себя, то на своихъ назойливыхъ пріятелей, то наконецъ и на Марью. Слезы ея, которыхъ причину не могъ онъ никакъ объяснить, волновали и гнѣвили его.

— Да послушай же, ради Бога,—вымолвилъ онъ наконецъ, съ особенной суровостію, какъ никогда еще съ ней не говорилъ: ну, о чемъ ты плачешь?.. ну, о чемъ?.. Это ни на что не похоже!.. ты мучить меня хочешь, мучить, мучить!.. Будто ты несчастная какая!..

— А то счастье, что-ли, начинается?... отвѣчала она глухимъ голосомъ.

— Господи!.. Господи!.. да что жъ это такое?.. да что жъ это такое?.. твердилъ баринъ, то размахивая руками, то схватывая себя за волосы. Онъ гнѣвался, словно взбалмошный ребенокъ.

Въ это мгновеніе за дверью кабинета послышались возня и шушуканье. И вотъ дверь немного отворилась, изъ-за нея выглянула клинообразная голова Мотовилова.

— Алексѣй Алексѣичъ!.. кроткій голубокъ нашъ!.. произнесъ онъ, фыркая отъ сдержаннаго смѣха: мы къ тебѣ, братъ, на помощь пришли...

Баринъ нашъ стиснулъ зубы, съ отчаяннымъ видомъ махнулъ рукою и кинулся опрометью вонъ изъ комнаты. Размахнувъ дверью, онъ такъ сильно толкнулъ ею Мотовилова, что тотъ чуть-было не упалъ.

— Чортъ возьми, господа!.. вскричалъ онъ; вы меня, просго, преслѣдуете... Вѣдь, говорилъ я вамъ... просилъ... Пойдемте!.. пойдемте!..

И схвативши за плеча Охалкина, онъ съ силою сталъ

выталкивать имъ изъ корридора Мотовилова и Бѣлобрысова. Друзья были порядкомъ озадачены поступками хозяина, и, пожалуй, въ претензію вошли бы, да только некогда было. Втолкнувъ ихъ всѣхъ въ гостиную, Алексѣй Алексѣичъ прямо бросился къ столу, на которомъ стояло еще много недопитаго вина, налилъ себѣ цѣлый стаканъ хересу и, приподнявъ его высоко, сказалъ пріятелямъ дрожащимъ голосомъ:

— Господа!.. еще разъ, и въ послѣдній... говорю вамъ... не приставайте ко мнѣ насчетъ Марьи!.. не приставайте, ради Бога!.. Худо... худо можетъ выдти... А я лучше готовъ съ вами кутить всю ночь; пожалуй, нарѣжусь какъ сапожникъ!.. Ну, что съ вами дѣлать! давайте въ карты играть; я готовъ хоть сейчасъ же!.. Антонъ! Мотыка! картъ скорѣе! картъ!...

Баринъ нашъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, и пріатели не могли этого не замѣтить. Слова его особенно произвели впечатлѣніе на Охалкина, у котораго Богъ знаетъ съ чего какъ-то трусливо ёкнуло сердце. Охалкинъ потихоньку толкнулъ Мотовилова и Бѣлобрысова; тѣ, какъ ни просты были, догадались однакоже, что надо непременно, изъ нѣкоторой предосторожности, сдержать порывы своей веселости и не раздражать больше хозяина.

Друзья почли за лучшее послѣдовать примѣру Алексѣя Алексѣича и принялись усердно за хересь.

Тотчасъ же потомъ началась игра. Какъ водится, сначала засѣли въ преферансъ; Мотовиловъ и Охалкинъ проигрались нѣсколько, понадобилось имъ отыгрываться и вотъ перешли къ «фараону», любимой игрѣ помѣщиковъ. Само-собою разумѣется, игра сопровождалась обильными возліяніями въ честь Бахусу и на пользу уѣзднаго виноторговца, снабжавшаго погребъ Алесѣя Алексѣича разными винами мудренаго, хотъ и незатѣйливаго своего издѣлья. Понатагнулись порядкомъ господа Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охалкинъ, и, что грѣха таить! всѣхъ больше натянулся нашъ мягкосердечный баринъ.

Много было шуму, спору и вздору между игравшими. Тутъ особенно отличился Бѣлобрысовъ, извѣстный спорщикъ

въ игрѣ, съ которымъ даже пріятели его закаявались иногда играть.

Но объ игрѣ въ «фараонъ,» мы хотимъ рассказать по порядку.

Банкъ метали поочередно Мотовиловъ и Охапкинь, опытные, расчетливые, записные банкеты. Смертельно хотѣлось «прометнуть» и Бѣлобрысову, особенно противъ Алексѣя Алексѣича.

— Вѣдь я почему хочу метать? почему хочу?.. бормоталъ Бѣлобрысовъ: а потому, что онъ не «жмотикъ»!... Онъ любитъ брандера иной разъ пустить!.. ну, и я люблю! и я люблю!..

Мотовиловъ и Охапкинь соглашались на то, чтобы металъ Бѣлобрысовъ, но хозяинъ ни за что не хотѣлъ допустить этого.

— Нѣтъ, братъ, говорилъ онъ Бѣлобрысову: ты вообще славный малый, а въ игрѣ съ тобой терпѣнья нѣтъ, придираешься хуже старой бабы и за каждымъ абцугомъ приходится съ тобой вздорить.

Неугомонный Бѣлобрысовъ спорилъ, кричалъ, сердился, но ничто не помогало, и онъ поневолѣ принужденъ былъ довольствоваться скромной ролью понтѣра.

Игра все больше разгоралась. Алексѣю Алексѣичу страшно не везло. Онъ проигралъ Мотовилову росписку его въ трехъ стахъ рублѣхъ, а Охапкину спустилъ остальные чистыя деньжонки, всѣхъ своихъ собакъ, кромѣ одной любимой, и вдобавокъ еще довольно круглую сумму, на полученіе которой далъ тутъ же записку къ Макару Огурѣеву, которому затѣмъ приходилось доплатить за хлѣбъ нашему барину уже очень немного. Винные пары и игра отуманили совѣтъ голову Алексѣя Алексѣича. Никогда еще не бывалъ онъ въ такомъ раздраженіи. Онъ понтировалъ въ высшей степени безтолково и оттого такъ распроигрался. Во время игры не сидѣлось ему на мѣстѣ, онъ безпрестанно вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, проклиналъ судьбу и самого себя, часто спорилъ изъ-за пустяковъ съ банкетами, и однимъ словомъ, бѣсновался пуще Бѣлобрысова.

Мотовиловъ и Охапкинь, несмотря на то, что порядкомъ

подпили, вели игру сдержанно и во-время забастовали. Алексѣй Алексѣичъ уже не упрашивалъ ихъ продолжать игру, онъ вдругъ почувствовалъ совершенное изнеможеніе и утѣлся въ уголь дивана, опустивъ голову на грудь.

— Господа, забормоталъ торопливо Бѣлобрысовъ, вы ужь больше не станете метать? не станете, а? не станете?

— Конечно, не станемъ, отвѣчалъ Оханкинъ: на сей день довольно, курочка по зернышку клюеть... да вонъ и хозяинъ усталъ. Вотъ, завтра съѣдемся всѣ у Василя Семеныча, ну и дадимъ ему тамъ реванжикъ.

— А я теперь хочу метать, кричалъ Бѣлобрысовъ, хочу, непременно хочу! Чтò жь это въ самомъ дѣлѣ, вы метали, а я нѣтъ?.. Это обидно, обидно!.. Какіе же вы мнѣ, послѣ того, друзья? Алексѣй Алексѣичъ, ну давай скорѣе, давай, голубчикъ!.. Штосикъ тебѣ помечу... Господа, и вы тоже понтерните... Отвѣтный мечу, отвѣтный!..

Тотчасъ же принялся онъ самъ счищать со стола и не пожалѣлъ носоваго своего платка для того, чтобы обмахнуть мѣловую пыль; потомъ самъ же пододвинулъ столъ къ дивану, приготовилъ понтерки для Алексѣя Алексѣича, положилъ ему мѣлокъ да щёточку, принасъ и себѣ тоже, стасовалъ карты наскоро и срѣзалъ. Держа колоду въ одной рукѣ, онъ то гладилъ ласково другою по плечу нашего барина, то трясъ его за рукавъ, да при этомъ смотрѣлъ ему въ глаза съ томительнымъ ожиданіемъ.

— Ну же, голубчикъ, ну же!.. повторялъ онъ безпрестанно. Алѣша, другъ, потѣшь меня!.. ну, потѣшь же, хоть немножко...

Оханкинъ и Матовиловъ хохотали во все горло, при видѣ всѣхъ этихъ усилій Бѣлобрысова затянуть хозяина въ игру.

Однако, на этотъ разъ, такія жаркія усилія не пронали даромъ. Алексѣй Алексѣичъ приподнялъ съ нѣкоторымъ усиліемъ отяжелѣвшую свою голову и наконецъ, къ восхищенію новаго банкромета, взялся за понтерки. Но прежде чѣмъ пуститься въ игру, онъ попросилъ знакомъ Оханкина налить ему стаканъ вина, разомъ осушилъ его—и молча сталъ понтировать.

— Я деньгами, Алёша, отвѣчаю, сказалъ очень мягкимъ голосомъ Бѣлобрысовъ, а ты на свою тройку играй... Начнемъ съ правой пристаяжной... принимаю ее во сто цѣлковыхъ... Вѣдь, безобидно для тебя, Алёша, безобидно?.. Такъ что ли, голубчикъ?..

Алексѣй Алексѣичъ молча кивнулъ головою въ знакъ согласія—и игра началась.

Но мы, кажется, слишкомъ уже увлеклись рассказомъ о баринѣ и его пріятеляхъ, надо взглянуть и на то, что дѣлала тѣмъ временемъ наша бѣглянка.

Послѣ ухода Алексѣя Алексѣича, она довольно-долго оставалась въ кабинетѣ. Сердце у ней было не на мѣстѣ, не то отъ страха, не то отъ тоски; ныло оно подъ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Скоро стемнѣло въ комнатѣ. Усталая отъ сильнаго волненія, Марья прилегла на постель. Мысли ея совсѣмъ спутались и стала она позабываться тяжелымъ сномъ... Но какой-то шумный возгласъ Бѣлобрысова, раздавшійся по всему дому, вдругъ пробудилъ ее. Въ страшномъ испугѣ она вбѣжала въ комнату, соседнюю съ гостиной, гдѣ происходила попойка и игра.

Долго прислушивалась она къ отрывистымъ рѣчамъ игроковъ и ничего не могла разобрать изъ нихъ. Но слыша, что Алексѣй Алексѣичъ безпрестанно вскакиваетъ и бѣгаетъ по комнатѣ, слыша его отчаянныя проклятія, она догадалась, что его дѣло плохо, что онъ проигрывается. И сильный страхъ ее бралъ за милаго друга, — словно сидитъ онъ тамъ съ разбойниками, которые, того-и-гляди, вырвутъ его ножомъ! Тоска и зло попеременно волновали ее. Подмывало ее вбѣжать въ гостиную, увести милаго къ себѣ, а недошенныхъ гостей выгнать изъ дому. Раза два, когда Алексѣй Алексѣичъ особенно жалобно проклиналъ свое несчастье, чуть-было не ворвалась она туда, но ее удержала-таки мысль, что опять эти ненавистные гости кинутся къ ней съ своими докучливыми рѣчами и грубымъ хохотомъ, опять стануть приставать къ ней и къ Алексѣю Алексѣичу. Между тѣмъ тоска ея все усиливалась, она не знала что дѣлать и что начать...

Но вотъ старикъ Антонъ, нахмуренный и видимо не въ

духѣ, вошелъ къ ней на ципочкахъ и сказалъ шопотомъ, что надо еще достать вина и наливкоѣ.

— Антонъ.. родимый.. спросила она, дрожа отъ волненія, не потай отъ меня... Чтò они тамъ дѣлають?

— Да чтò дѣлають?—возразилъ сурово Антонъ, который, несмотря на льстивость свою, все-таки былъ привязанъ къ барину за его доброту, извѣстно—балуются: въ карты играютъ да пьютъ. Дѣло плоховатое-сь, Марья Ефимовна: опять повадятся эти господа жалевать... А вѣдь черезъ нихъ-то больше и непорядки пошли..

— Какъ же быть-то, Антонъ?.. Какъ бы отдѣлаться отъ нихъ?.. Можетъ, какъ я войду да скажу...

— А чтò вы скажете?.. сказать нечего!.. Нѣту, не ходите, только на смѣхъ-сь подымуть и барину станетъ за зло... Тутъ-сь теперича ничего не подѣлаешь...

— Отчего онъ такъ... словно кручинится? про несчастье все поминаеть?..

— Знамо, отчего-сь: проигрываетъ...

— Ужъ когда-то унесетъ ихъ отъ насъ!

— Да вотъ-сь, когда обдерутъ барина какъ липку-сь. Безъ того не отстануть,—благо, онъ охмѣлѣлъ... А то, коли бъ не охмѣлѣлъ, баринъ самъ справился бы съ ними, онъ играть-то молодець!

Марья горько заплакала. Антону стало жаль ее. На этотъ разъ, онъ сошелся съ нею въ чувствахъ къ барину.

— Вы не плачьте-сь, Марья Ефимовна, сказалъ онъ ей; подите-ко отсюдова въ кабинетъ, а я постараюсь какъ-нибудь вызвать его къ вамъ; можетъ онъ и самъ выйдетъ изъ гостиной, такъ я провожу его въ кабинетъ, ну, вы и удержите.

Марья послушалась, но напрасно ожидала Алексѣя Алексѣича. Антону никакъ не пришло въ голову вызвать барина, гости помѣшали ему въ этомъ; замѣтивъ, что старикъ увивается все вокругъ барина, они прикрикнули на него и выслали вонъ.

Наконецъ Марья не утерпѣла и опять отправилась въ ту комнату, откуда наблюдала уже за игрою. Она вошла ту-

да въ ту самую минуту, когда между Алексѣемъ Алексѣичемъ и Бѣлобрысовымъ завязалась жаркая ссора.

Баринъ началъ послѣднюю игру подневольно, у него не-
доставало силъ отказаться отъ нея. И стаканъ хересу не оду-
шевилъ его. Съ посоловѣлыми глазами, подперши голову ру-
кою, онъ игралъ машинально, ставилъ карту за картой, ед-
ва различая, какая выиграла, какая проиграла, и ни разу не
прибѣгнувъ къ брандеру. Однако, и тутъ видимо не везло
Алексѣю Алексѣичу,—ужь такой денекъ ему выдался! Ме-
жду-тѣмъ Бѣлобрысовъ, несмотря на то, что выигрывалъ,
былъ крайне недоволенъ подобной игрою.

— Что жъ ты, братъ, — жмотикомъ, чтоли становишь-
ся?.. говорилъ онъ: брандера, брандера пусти!.. А то метать
скучно!.. Да вотъ постой, надо немножко подогрѣть тебя,
подогрѣть...

Бѣлобрысовъ вскочилъ, налилъ полный стаканъ вина и
подавъ Алексѣю Алексѣичу, но у того и на вино пропала
охота: онъ уже не «хватилъ на лобъ» стакана, а сталъ при-
хлѣбывать понемножку. Опьянѣніе, усталость, сонливость
совсѣмъ доконали его.

— Баста! пробормоталъ онъ, не хочу больше играть..

— Какъ не хочешь? вскричалъ съ негодованіемъ Бѣло-
брысовъ, да вѣдь мы на лошадь играемъ! А ты только поло-
вину ея проигралъ. Нѣтъ, я не позволю! нѣтъ, ни за что
не позволю!.. Играй до конца!..

— Баста! протяжно повторилъ Алексѣй Алексѣичъ и
всталъ, сильно покачиваясь:

Бѣлобрысовъ взбѣдился. Онъ топалъ ногами, стучалъ
кулакомъ по столу, на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ Алексѣя
Алексѣича, бранилъ и товарищей своихъ за то, что они ста-
ли между нимъ и хозяиномъ и не допускали его до рукопа-
шной.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ распахнулась и вбѣжа-
ла Марья. Она прямо кинулась къ Алексѣю Алексѣичу, да
схватила его подъ руку—и вбѣ-время: онъ чуть-было не пу-
стилъ шандаломъ въ Бѣлобрысова.

— Маша... Маша... говорилъ онъ, плача навзрыдъ съ
пьяныхъ глазъ, это, это, это... разбойники!.. обыграли меня!..

зарѣзать, зарѣзать хотѣли. Ты пустишь меня или нѣтъ? Я на дуэль, па дуэль съ вами, подлецами, пойду!..

При видѣ Марьи, Мотовиловъ, Охалкинъ, и даже Бѣлобрысовъ перестали кричать. Молча поведла она Алексѣя Алексѣича вонъ изъ комнаты, но сердце ея не вытерпѣло; въ самыхъ дверяхъ она обернулась къ гостямъ и сказала имъ твердымъ, суровымъ голосомъ:

— Бога вы не боитесь, а еще господà!.. Въ гости пріѣхали, ниди—ѣли, да за-хлѣбъ—за-соль ограбить вздумали... Словно разбойники! А еще господà!..

И она захлопнула дверь.

— Чтò, братъ, грибъ съѣлъ!—сказалъ Охалкинъ Бѣлобрысову; вотъ тебѣ и правая пристяжная!

— Ну, чтожъ такое?—замѣтилъ Мотовиловъ, вишь, онъ больно опьянѣлъ, самъ себя не помнитъ.

— Нѣтъ, вотъ чтò, господа, — молвилъ въ какомъ-то раздумьи Бѣлобрысовъ: на меня эта жарь—птица словно ушатъ холодной воды вылила... Я, точно, черезчуръ ужъ погорячился, черезчуръ... А она,—вотъ такъ бабòнка!.. выручила дружка своего, выручила!..

— Насъ—то вотъ, шельма, обругала, замѣтилъ сердито Охалкинъ; да погоди еще, я на эту курицу—насѣдку ястреба нанущу.

На другой день у барина голова смертельно боѣла и сердце ныло отъ неясныхъ упрековъ совѣсти. Стыдно было ему и взглянуть на Марью. А Марья жалѣла, очень жалѣла его, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое и отталкивало ее отъ него. Раза два баринъ робко заговаривалъ съ нею о какихъ-то пустякахъ, но она отвѣчала только «да или нѣтъ» и морщилась да вздыхала. Тяжело было обоимъ; имъ хотѣлось бы и разойтись въ разные комнаты, но, по непонятному чувству, они оставались все вмѣстѣ. Горькія минуты настали для барина и для Марьи. То ужъ не размолвка была, а что-то гораздо похуже: начиналось недовѣріе другъ къ другу, недовѣріе, за которымъ всегда почти настаеъ охлажденіе даже и самой горячей любви.

Алексѣй Алексѣичъ озирался все вокругъ себя, — если хотѣлось найти хоть какое-нибудь занятіе, чтобы развлечьъ

свои тяжелыя мысли о вчерашнемъ проигрышѣ и кутежѣ,— но чтожъ было тутъ дѣлать, за что́ приняться? А надо же было приободриться, а то все тяжелѣй становилось ему при видѣ тревожнаго и печальнаго лица Марьи. Ужъ какъ желалъ онъ узнать что́ у ней на душѣ, какъ она думаетъ теперь о немъ? Чего бы ни далъ онъ, чтобы она хоть сколько-нибудь повеселѣла, хоть бы разокъ улыбнулась! И вотъ пришла ему въ голову блажная мысль—разсмѣшить ее и за смѣхомъ уладить мировую. Схватилъ онъ въ обѣ руки гитару и съ разными ужимками да гримасами подошелъ къ Марьѣ, напѣвая какую-то шутовскую пѣсенку. Но Марья не только не разсмѣялась, а отвернула голову и потупилась въ землю.

«Чортъ знаетъ, какая капризная!» — подумалъ онъ про себя, съ досадою, и съ сердцовъ швырнулъ гитару на столъ.

Марья вовсе не капризничала; она даже не понимала какъ это можно капризничать, она была вѣдь не барыня. Ей и не думалось дуться на своего друга милаго. Колибъ сердита была она на него,—попросту, безъ затѣй, она посчиталась бы съ нимъ, или даже и побранилась бы. А тутъ и сердиться она не могла,—такъ печальна была на ту пору дума ея, и мало того: такъ надорваны были всѣ душевныя ея силы. Она ужъ не вѣрила въ свое счастье, ей ужъ страшно было думать о своей любви...

Пришелъ Антонъ спросить о чемъ-то — и она обрадовалась, что могла уйдти хлопотать по хозяйству.

Алексѣй Алексѣичъ улегся на диванѣ, да зѣвая, лѣниво потягивая дымокъ изъ длиннѣйшаго чубука. Неодолимая скука, какъ черная туча, висѣла надъ нимъ. Онъ начиналъ хандрить—и гораздо сильнѣе, чѣмъ бывало это прежде. Съ маленькой злостью на судьбу и съ великой жалостью къ себѣ, онъ принялся пересчитывать всѣ свои несчастія.

«Все удачи нѣтъ, нѣтъ—таки удачи ни въ чемъ!—думалъ онъ. Отецъ оставилъ растроенное состояніе... ну, и самъ я покутиль—таки въ гусарахъ... а чтожъ? вѣдь нельзя же было — товарищество того требовало, у товарищества свои законы есть... Однако, чортъ ихъ возьми, эти законы!.. Вотъ

поправиться бы надо — да какъ?.. Не въ исправники же идти!.. А тутъ—гдѣ тонко, тамъ и рвется,—проигрался еще этимъ пріятелямъ... Нечего сказать, хороши пріятели! чортъ ихъ принеси!.. Марья разсердилась, можетъ, и печалится, а можетъ просто капризничаетъ... а того не знаетъ, не хочетъ сообразить, что не я же тутъ виноватъ... насильно, проклятые, ворвались!.. А все дуракъ Антонъ — не умѣлъ выпроводить ихъ, какъ слѣдуетъ... Эхъ, эта Маша! больно ужъ сердита она—пошла теперъ дуться... не знаешь, какъ и приступить къ ней... Ей, должно быть, досадно и прискорбно, что я подпилъ такъ и распроигрался... чтожь дѣлать—то! Такое это ужъ мое несчастье!.. Все не ладится, ни въ чемъ ни везетъ...»

За обѣдомъ и послѣ обѣда, никакъ не удалось ему поладить съ Марьей. Она все молчала, не потому, что хотѣла какъ-бы отплатить ему за вчерашнюю гулянку, а потому что словъ не находила. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, о чемъ было говорить? Вчерашняго дня не воротишь, а этотъ день много радостей, много счастья унесъ съ собою!..

Вдругъ опять блажная мысль—и ужъ другаго свойства—озарила голову Алексѣя Алексѣича.

Вышелъ онъ въ переднюю и гаркнулъ во весь голосъ:

— Эй, вы! сейчасъ же! сію минуту лошадей закладывать для меня!.. Да поворачиваться!..

На этотъ разъ слуги поворотились скорѣхонько: черезъ какихъ-нибудь полчаса лихая тройка, запряженная въ тарантасъ, стояла уже у подъѣзда.

Но охота ѣхать было не очень—то сильна у нашего барина, хоть и частенько приходило ему на мысль, что непременно надо попытать отыгаться. Онъ былъ уже не радъ, что такъ распорядился насчетъ поѣздки. Онъ былъ готовъ даже велѣть, чтобы отложили лошадей, — «но чтожь было дѣлать дома—то? Марья — такая пасмурная, не ласкается, не говоритъ даже, а за чтѣ, въ-самомъ-дѣлѣ? Чѣмъ такимъ провинился онъ передъ нею?.. Да и чтожь это она?.. Вздоръ! Не для чего баловать бабѣнку... надо же, чтобы и честь наконецъ знала!..

Онъ подошелъ къ ней бойко и рѣшительно.

— Маша! я ѣду... — сказалъ онъ, стараясь заглянуть ей прямо въ глаза.

— Чтожъ... ступай, съ Богомъ... — отвѣчала она, не поднимая опущенной головы.

— Ну да... таки-ѣду... — продолжалъ, съ гораздо меньшей увѣренностью, Алексѣй Алексѣичъ.

Марья молчала.

— Тѣфу ты пропасть! — сказалъ онъ, опять начиная кляпиться; говорятъ тебѣ: ѣду я... можетъ быть, въ городъ — такъ не велишь ли чего купить?..

Марья отрицательно покачала головой.

«Вотъ упрямая! вотъ взбалмошная!.. подумалъ онъ. Да кланяться, чтоли, ей?.. просить прощенья?.. А пускай дуется!..»

Поворотившись на каблукахъ, онъ проворно вышелъ на крыльцо и ужъ занесъ — было ногу садиться въ тарантасъ, какъ вдругъ одумался и воротился къ Марьѣ.

На этотъ разъ онъ подступилъ къ ней тише и ласковѣе.

— Маша, милый другъ, — молвилъ онъ, обнявши ее, не сердись, пожалуйста... право, я по дѣлу долженъ ѣхать.. Вѣдь, у меня тоже дѣло есть, милая моя... А не хочешь ли со мной?.. Мы тогда въ городъ прямо...

— Нѣтъ... не хочу ѣхать... — сухо отвѣчала она.

— Отчего?..

— Тамъ пріятели къ тебѣ пристануть... а мнѣ что дѣлать?

— Да нѣтъ же, клянусь честью, нѣтъ!.. Ну, ихъ, этихъ пріятелей!.. Поѣдемъ, Маша!..

— Нѣтъ не поѣду.

— Экая ты упрямая!.. ну, по-крайней-мѣрѣ, поѣдуй же меня на дорогу.

Марья очень холодно поцѣловала его. Онъ ушелъ, нето разсерженный, нето смущенный. Впрыгнувъ въ тарантасъ, замахалъ онъ руками и неистово крикнулъ кучеру:

— Валяй, Андрюшка!

Тройка разомъ рванулась и мгновенно скрылась за густымъ облакомъ пыли.

— Кузька!.. Кузька!.. — съ невыразимымъ горемъ шепта-

ла бѣглянка, глядя на облако пыли и вдругъ почему-то вспомнивъ про своего дурака-мужа.

Какъ тѣнь, стала бродить она по опустѣвшему дому, — не находя никакихъ занятій да и не желая ихъ найти. Любовь опять шевельнулась въ душѣ ея, но не та горячая и радостная любовь, которая такъ не давно еще свѣтилась яркимъ пламенемъ, но любовь унылая, уже знакомая съ печалью и сожалѣньями.

«Бросить онъ пить, — аль не бросить?.. Будетъ ли водиться съ этими пріятелями? — спрашивала она самоё-себя. Ахъ, зачѣмъ я съ нимъ не поѣхала!..»

Но не въ натурѣ Марьи было колебаться долго или жалѣть о прошломъ. Чтò сдѣлано, то сдѣлано, и ѣхать ей съ нимъ совсѣмъ не приходилось. Во-первыхъ, свидится онъ безпремѣнно съ товарищами своими, съ этими барями непутѣвыми; а ей чтò при нихъ дѣлать? Во-вторыхъ, онъ сказалъ, что по дѣлу ѣдетъ, такъ и тутъ ей совсѣмъ не мѣсто...

«Лучше, молвила она про себя, пойду разгуляться, авось, разгоню печаль-тоску...»

А ужъ тутъ стерегла ее Анѣиса Кузьминична.

— Марья Ефимовна, сказала ей старуха, слегка вадыхаючи, проводить барина изволили?

— По дѣлу... въ городъ поѣхалъ, отвѣчала Марья съ такимъ смущеніемъ, какъ-будто бы нагала ни вѣсть чтò на свою голову.

— Ну, иѣтъ-съ, худо замѣтили вы это, Марья Ефимовна, возразила старуха, насмѣшливо улыбаясь: баринъ изволили поѣхать дорогою-то не въ городъ... Должно быть, проѣдутъ они сперва-наперво къ Василью Семенычу Мотовилову... А не приказывали вамъ баринъ ничего насчетъ домашняго?

— Ничего, какъ есть, не приказывалъ, отвѣчала Марья, и хотѣла уйти.

— Позвольте-съ, Марья Ефимовна, на минуточку, сказала Кузьминична, желательно бы узнать, скоро-ль баринъ общали воротиться... Чай, вамъ все извѣстно?

— Про то не сказывалъ; хотѣлъ онъ меня взять съ собою, да я не поѣхала...

— Не доѣхали-съ? Да какъ же это баринъ-то хотѣли взять васъ съ собою? замѣтила протяжно и какъ-бы въ раздумьи Кузьминична, лукаво прищуривая ядовитые свои глазки и подминая каждое движеніе Марья.

— А отчего жъ бы не лзя было барину взять меня съ собою? спросила Марья, подозрительно взглянувъ на Кузьминичну.

Старуха пожевала губами: злобный смѣхъ, что-ли, хотѣла она скрыть.

— Я вотъ почему, матушка Марья Ефимовна, сказала такъ-то, отвѣчала Кузьминична съ видомъ глубокаго смиренія, вѣдь, къ пріѣзду барина приготовить, поприбрать въ дому надобно... а вы у насъ на все мастерица, безъ васъ мы всѣ безъ рукъ словно... такъ-то!..

— Да что жъ такое прибрать да готовить тутъ надобно? опять спросила Марья.

— А какъ же-съ!.. мало-ль что теперича... Неровно, и житье барина переменится... Слышала я мелькомъ, люди мотовиловскіе поговаривали, что отъ Василья Семеныча баринъ, вмѣстѣ съ нимъ, изволятъ проѣхать къ ихней, то есть, Василья Семеныча, къ двоюродной сестрицѣ... молодая она вдовушка, богатая-съ, да и оченно хороша изъ себя, сказываютъ... такъ-то, матушка Марья Ефимовна!..

Словно острымъ ножомъ кольнуло вдругъ въ сердце Марью, едва удержалась она отъ громкаго стона.

— Жениться онъ собирается!.. воскричала она и лицо ея покрылось смертной блѣдностью.

— Ахъ, Марья Ефимовна, что вы это? Да развѣ баринъ женится, не опросившись васъ?.. лукаво замѣтила Кузьминична.

— Нельзя статья тому!.. возразила какъ-будто про себя Марья. Нѣтъ!.. нѣтъ, онъ не женится!..

— На то ихъ господская воля-съ... промолвила старуха, и, восхищенная дѣйствиємъ злобнаго намека на ненавистную ей въглянку, шмыгнула въ растворенную балконную дверь и скрылась въ густыхъ аллеяхъ сада.

А Марья неподвижна осталась посередь комнаты. Это но-

вое горе, словно громовой ударъ изъ незамѣченной тучи, неожиданно упало на ея бѣдную голову.

— Покинуть хочеть!.. покинуть!.. шептала она, тяжело рыдая безъ слезъ; за что жъ онъ такъ-то?.. я-ль его не любила?..

Вышла она въ садъ наконецъ, забралась въ самый глухой уголокъ его и тамъ залилась горькими слезами. Некому было утѣшить ее, сердечную, плакала она, плакала, и лишь вѣтеръ осушалъ ея слезы.

Три дня, три ночи не спала она, не ѣла и не говорила ни съ кѣмъ. Жутко было ей взглянуть на людей, словно боялась ихъ. Съ ранняго утра уходила она въ садъ, сидѣла тамъ гдѣ нибудь, прислонившись больною головой къ дереву и плакала, разливалась да шептала про то, зачѣмъ она, безталанная, на свѣтѣ зародилась, да упрекала себя за то, что спозналась съ молодцомъ съ бариномъ, и еще за то, что на свѣтѣ жила и теперь на немъ мается, лишь за то себя не попрекала, что домъ и родимую сторону покинула... А то часто напѣвала она вполголоса горькую пѣсню:

Ахъ, и полно, красна дѣвица, тужити!
 Не наполнишь ты снѣга моря слезами,
 Не воротишь друга милаго словами...
 Говорила я милому, говорила,
 Я въ упросъ ли друга милаго просила:
 Не женися, мой любезный, не женися!..
 Не послушался, душа моя, женился.
 Онъ присыпалъ ко бѣдѣ сердцу печали,
 И онъ налилъ очи ясныя слезами —
 Припечаталъ уста алыя онъ кровью!..

Такъ горевала наша бѣглянка; а въ это самое время баринъ подберезниковскій много тѣшился, забавлялся, и была ему удача во всемъ.

Съ досады и отъ душевной тревоги уѣхалъ онъ изъ дому, и такъ не по душѣ была ему эта поѣздка, что онъ чуть-было не вернулся къ себѣ уже тогда, какъ показалась усадьба Мотовилова. По-крайней-мѣрѣ мысль о возвращеніи вер-

тѣлась у него въ головѣ и, можетъ быть, осилила бы всѣ другія предположенія, еслибы вдругъ не попалась ему на встрѣчу тройка неугомонныхъ друзей его.

— А мы опять къ тебѣ!.. закричалъ Мотовиловъ.

— Чтобъ чортъ васъ побралъ!.. молвилъ отъ всей души Алексѣй Алексѣичъ.

Друзья нисколько не обидѣлись этимъ привѣтствіемъ, а залились громогласнымъ хохотомъ.

— Тамъ ты какъ хочешь посылай насъ къ чорту, а ворота настезь растворяй... молвилъ Охалкинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа!.. торопливо возразилъ Алексѣй Алексѣичъ, видя, что невозможно отъ нихъ отдѣлаться, недаромъ же я изъ дому выѣхалъ... Лучше къ тебѣ, Василий Семенычъ, поѣдемъ.

— Милости просимъ! отвѣчалъ привѣтно, насколько могъ, Мотовиловъ. Ко мнѣ, такъ ко мнѣ... Ворочай домой, Ермошка!

— Пстой, закричалъ Бѣлобрысовъ, дай мнѣ пересѣсть къ Алексѣю Алексѣичу.

Черезъ минуту онъ уже душилъ его въ объятіяхъ и, бормоча больше обыкновеннаго, усовѣщевалъ, извинялся, даже плакалъ отъ непритворнаго умиленія. Алексѣй Алексѣичъ, худо помнившій про вчерашнюю ссору свою съ Бѣлобрысовымъ, какъ разъ помирился съ нимъ.

— Алѣша!.. Алѣшка!.. бормоталъ Бѣлобрысовъ, болванъ ты, скотина эдакая!.. Развѣ я могъ тебя обидѣть, развѣ могъ!.. Ну, ты пьянъ былъ и я тоже!.. Вотъ отчего и весь вздоръ вышелъ... Изъ пустяковъ вышелъ, изъ пустяковъ!.. А ты, дуракъ эдакой, обними меня!.. Я, ей Богу, люблю тебя, какъ душу...

Алексѣй Алексѣичъ отвѣчалъ Бѣлобрысову подобными же нѣжностями. Мировая, какъ видите, легко была заключена.

Конечно, не теряли даромъ времени у Мотовилова и тотчасъ же по приѣздѣ принялись трудиться на зеленомъ полѣ. На этотъ разъ, сильно везло Алексѣю Алексѣичу, который металъ банкъ на свою тройку; онъ на славу обработалъ хозяина дома, Бѣлобрысова, и даже Охалкина.

*

Но мы не станемъ описывать подвиги нашего героя на зеленомъ полѣ, ни того, какъ судьба ему благоприятствовала, можетъ быть, оттого больше, что онъ пилъ очень воздержно; скажемъ только, что жгучія впечатлѣнія удачной игры у Мотовилова разохотили его и еще играть. Друзья, проигравшись до-чиста, легко уговорили его пользоваться «счастливой полосой» и ѣхать въ городъ. Тамъ, у исправника, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ сутокъ, шла ожесточенная игра, въ которой «оборвали» юнаго господина, недавно наслаждаващаго довольно большое состояніе. . Алексѣй Алексѣичъ всѣхъ больше зацѣпилъ его...

Алексѣй Алексѣичъ окончилъ игру во-время. Когда онъ свелъ счеты по выигрышу, оказалось, что судьба послала ему довольно значительную сумму, изъ которой можно было уплатить всю уже недоимку въ опекунскій совѣтъ да закупить нарядовъ для Марьи, разныхъ винъ и всякихъ запасовъ, потребныхъ для барскаго дома. Но и за всѣмъ этимъ, осталось у нашего барина въ распоряженіи еще тысячи полторы рублей. Значить, тужить было не о чемъ...

На четвертый день послѣ отлучки своей баринъ воротился домой. Лишь слышала колокольчикъ, Марья побѣжала встрѣчать Алексѣя Алексѣича: подмывало ее узнать поскорѣе отъ него самого про свою участь. Дико и робко глядѣла она на него, когда онъ шумливо здоровался съ нею. Онъ почти не обратилъ вниманія на ея блѣдность и унылый видъ, онъ весь находился подъ вліяніемъ веселыхъ воспоминаній, онъ радовался своей радости. Въ головѣ у него только и вертѣлась мысль, какъ будетъ онъ показывать Марьѣ и деньги, и все, что купилъ онъ для ней и для дома.

— Смотри, Маша, смотри!.. говорилъ онъ, съ веселымъ смѣхомъ. Да-съ, мы таки-разбогатѣли!.. Съ недоимкой въ совѣтъ раздѣлался; вотъ купилъ тебѣ, моей голубкѣ, кое-чего хорошаго, да еще столько денегъ осталось, что и дѣвать некуда!.. Такъ-то, милая моя! А ты, дурочка, дулась еще на мѣня за то, что я отправился на добычу!.. Ну да и поработалъ же я, Маша! три дня, три ночи почти не отходилъ отъ стола—все на твое счастье игралъ, ангель мой!..

И въ порывѣ веселой нѣжности, онъ обнималъ и цѣловалъ крѣпко Марью.

— Однако, вотъ что, Машенька, — сказалъ онъ вдругъ, посмотрѣвъ на нее попристальнѣе, ты похудѣла очень, глаза у тебя красны... ужь не плакала-ль безъ меня?.. Эхъ, ты, дурочка, дурочка!.. Ну, да это пройдетъ... Ужь, Маша, какъ весело заживемъ мы съ тобою!..

Марья съ робостью слушала всѣ его рѣчи, а между тѣмъ веселость Алексѣя Алексѣича стала понемногу сообщаться и ей; сквозь набѣгавшія ей на глаза слезы, она уже улыбалась слегка.

Баринъ разстидался, какъ школьникъ, вырвавшійся на волю, и строилъ проказы надъ всѣми, кто попадался ему на глаза. Мотыкъ онъ взъерошилъ волоса такъ, что голова его стала овинъ-овиномъ, Антона перевернулъ нѣсколько разъ, а съ Кузминичной до тѣхъ поръ кружился по залѣ, покуда она не приѣхала на полъ.

— Охъ, батюшка, пустите душу на покаяніе!.. визжала старуха, поправляя свалившійся съ головы платокъ. О-охъ, все-то вы такіе же проказники, какіе были еще при покойникѣ папенькѣ... Помните, батюшка, какъ...

— Ну, ну, ну!.. не поминай! не поминай!.. Чтò ужь тутъ поминать?.. возразилъ Алексѣй Алексѣичъ, затыкая себѣ уши.

— Вотъ то-то-съ, не поминай! молвила старуха, лукаво посмѣиваясь: строгой человекъ были вашъ папенька, царство ему небесное!..

— Эхъ, да пошла же ты вонъ, старая болтуня, петерпѣливо крикнулъ баринъ; на вотъ тебѣ ситцу на платышко да и убирайся вонъ!..

А тутъ опять принялся онъ ласкать и тормошить Марью. Онъ навѣшалъ на нее все, чтò попадалось ему подъ руки изъ покупокъ: платки, куски матерій, серги, кольца, браслеты, и отъ всей души смѣялся надъ своей возлюбленной, которая съ какимъ-то ребяческимъ недоумѣніемъ глядѣла и на себя и на него.

— Вотъ, Машенька, будетъ тебѣ въ чемъ пощеголять! говорилъ онъ; чтò ни есть въ городѣ лучшаго, все выта-

щиль... Ужъ какъ будутъ сердиться на меня уѣздныя барыни!..

При словѣ «барыни» Марья опять понахмурилась.

— Больно хороша, сказываютъ.. молвила она прерывающимся отъ волненія голосомъ; сродственница вонъ того барина, Мотовиловъ, что-ль онъ прозывается...

— Разбитная вдовушка-то?.. Анна Яковлевна?.. возразилъ баринъ, засмѣявшись: ну, что въ ней хорошаго?.. Да ты съ какой стати о ней спрашиваешь?..

— Богата, хороша, сказываютъ... отвѣчала Марья, опустивъ голову, а потомъ спросила его шепотомъ: Алексѣй Алексѣичъ... вѣдь не женишься ты на ней?.. не женишься?..

Баринъ расхохотался.

— Да съ чего это пришло тебѣ въ голову? сказалъ онъ. Умора да и только!.. Полно вздоръ городить!.. Чѣмъ пустяки-то болтать, цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче!..

Эти слова несовсѣмъ успокоили Марью: она перестала вѣрить разсказамъ Кузминичны, но еще не вѣрила Алексѣю Алексѣичу. Радость и тоскливая тревога поочередно волновали ее.

Она все еще любила барина, любила много и искренно. Вдругъ обхватила она обѣими руками его голову.

— Касатикъ мой, желанный, «ненаглядный»!.. говорила она, заливаясь горькими слезами: не покидай ты меня!.. Не пусти сиротою по бѣлу свѣту!

Это былъ слабый, словно послѣдній порывъ ея недавней тоски, и скоро онъ разсѣялся подъ жаркими ласками барина.

XV.

Черезъ три поля
 Своего дружка видѣла;
 Черезъ рѣчушку
 Съ нимъ здоровалась, —
 Что здоровадась,
 Низко кланялась,
 Низко кланялась,
 Слезно плакала.....

Русская пѣсня.

Послѣ описанныхъ нами происшествій, нѣсколько дней прошло безмятежно въ усадьбѣ подберезниковскаго помѣщика: и къ нему никто не заѣзжалъ, и самъ онъ никуда не ѣздилъ. Марья начала было успокоиваться, но, разъ поутру, Алексѣй Алексѣичъ объявилъ ей, что послѣ завтра должны съѣхаться къ нему гости, праздновать день его рожденія, и что для празднества этого надобно то и то приготовить.

Каждогодно и про весь міръ праздновалъ нашъ баринъ день своего рожденія. Объ этомъ днѣ знали и твердо помнили помѣщики всего уѣзда. Званые и незваные, они непременно являлись въ Подберезники попить и «убить» время; являлись тѣмъ охотнѣе, что угощенье гостепріимнаго хозяина не стѣснялось присутствіемъ жеманныхъ уѣздныхъ помѣщицъ, ни зачто не рѣшавшихся посѣщать домъ молодаго холостяка.

Больно было Марьѣ услышать, что затѣвается новая пирушка, но она ничего не могла возразить въ этомъ случаѣ. Ей даже казалось, что невозможно не отпраздновать дня рожденія Алексѣя Алексѣича, такъ какъ господа всегда и непременно празднуютъ такіе дни. Затаивъ печальную тревогу въ душѣ, она усердно принялась хлопотать, чтобы всего было вдоволь про многихъ гостей.

Наконецъ насталъ этотъ вождѣльный для многихъ праздникъ; гости-помѣщики нагрянули со всѣхъ концовъ. И разомъ, въ цѣлой усадьбѣ Алексѣя Алексѣича, исчезла чистота, и порядокъ, на-время возстановленные Марьей.

Дворъ былъ заставленъ разнокалиберными экипажами: колясками, тарантасами, бричками, дрожками, долгушами и кростыми телѣгами. Для лошадей не было мѣста въ конюшняхъ, имъ задали корму на дворѣ и мигомъ засорили его кучами соломы и сѣна.

Кучера и лакеи могли разгуляться только къ вечеру, а до тѣхъ поръ толкались они около лошадей, у крыльца да у воротъ. Зѣвая и порастягивая члены, они негромко болтали промежъ себя.

На дворѣ, на крыльцѣ и въ сѣняхъ лежало много собакъ гостинныхъ (нѣкоторые изъ помѣщиковъ никогда не расставались съ милыми своими псами); одна изъ этихъ собакъ сидѣла на заднихъ ногахъ и вчистую жалобно завывала. Худой бы то было примѣтой, да къ счастью, собака была потихоньку: она была изъ благовоспитанныхъ.

Между тѣмъ, въ гостиной и залѣ раздавался нестройный говоръ хрипло-басистыхъ голосовъ, изъ котораго иногда вырывались какія-то неистовыя восклицанія.

Особенно людно было въ гостиной. Тутъ еще не всѣ гости сидѣли за дѣломъ; нѣкоторые изъ нихъ расхаживали медленно по комнатѣ и за ними видся легкими клубами синеватый табачный дымъ. Сквозь этотъ дымъ еле-еле просвѣчивали двѣ засоренныя табакомъ и оплывшія свѣчи. На окнахъ лежали большія кучи пеплу изъ трубокъ и сигарныхъ окурковъ, еще кое-гдѣ непотухшихъ и тлѣвшихъ смрадно.

Мы чувствуемъ себя неспособными, но крайней мѣрѣ на этотъ разъ, изобразить подробно нашимъ слабымъ перомъ благородное собраніе, а поэтому ограничимся только легкими очерками.

Въ гостиной спозаранку, еще до обѣда, «не теряя» драгоценнаго времени. По срединѣ этой обширной комнаты, на главномъ мѣстѣ, за раскрытымъ ломбернымъ столомъ, сидѣлъ господинъ толстый, курносый, съ краснымъ лицомъ, съ взъерошенными рыжими волосами и съ рыжими же жиденькими усиками. То былъ патріархъ всѣхъ уѣздныхъ кутилъ и игроковъ, Яковъ Кузьмичъ Красноятовъ, выразительно прозванный отъ своихъ товарищей «баринномъ»,

за то, что всёхъ потѣшалъ «фараономъ», частенько пощипывалъ и въ «ремнектѣ» всегдашнемъ держалъ. Мохнатыми, жилистыми руками металъ онъ банкъ и дѣйствовалъ не безъ ловкости; любо было смотрѣть, какъ онъ толстыми пальцами протягивалъ «абцугъ». Передъ «барикомъ» лежала большая кина ассигнацій, прикрытая огромной серебряной табатеркой, и, кромя того, (дѣло было десятокъ лѣтъ тому назадъ) много золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Съ правой стороны банкомета стоялъ недопитый стаканъ шампанскаго (гостепріимный хозяинъ уже съ закуски началъ подчивать шампанскимъ); съ лѣвой лежало нѣсколько колодъ нераспечатанныхъ картъ. Кромя знакомыхъ уже намъ, хозяйина дома, Мотовилова, Охупкина и Бѣлобрысова, вокругъ стола сидѣли, кто прямо, кто бокомъ, кто верхомъ на стулѣ, нѣсколько человекъ понтеровъ, всё почти съ озабоченными лицами, съ взъерошенными волосами. Тутъ бѣновался и борготалъ Бѣлобрысовъ, осторожно и ловко понтировалъ Охупкинъ, мурлыкая какую-то пѣсенку, и отличался удалымъ «брандеромъ» нашъ Алексѣй Алексѣвичъ. Тутъ были и сѣдолодые старики, и люди среднихъ лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ, и двое юныхъ помѣщиковъ, у которыхъ усъ только-еще начиналъ пробиваться. На одного изъ послѣднихъ особенно жаль было взглянуть: это былъ юноша, съ лица котораго не успѣло еще слетѣть бойкое и беззаботное выраженіе дѣтства. Видно было, что онъ проигрывалъ: онъ понтировалъ неравнодушно. Темноглубые глаза его ярко блестѣли; нѣжное лицо поминутно вспыхивало; онъ кусалъ иногда губы, схватывалъ себя за свѣтлорусые вьющіеся волосы, рвалъ карты; всё движенія его были рѣзки и порывисты.

Въ углу гостиной, на большомъ кругломъ столѣ, красовались огромные, безъ пробокъ, графины съ водками, а вокругъ графиновъ — нѣсколько пустыхъ бутылокъ хересу и другихъ винъ, да много рюмокъ и стакановъ. Тутъ же, на нѣсколькихъ тарелкахъ, валялись обломанные и огрызанные куски пирога, хлѣба, селедки, сыру, колбасы и ветчины.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ играющихъ потѣшалъ гостей своими рассказами записной бонмотистъ уѣзда, исправникъ Сидоръ Павловичъ Дегововъ, господинъ лѣтъ тридцати съ

чѣмъ—нибудь, довольно—толстый, съ румянымъ и веселымъ лицомъ, съ смѣющимися глазками и съ большою головою, на которой волосы стояли вверхъ, завиваясь мелкими кудряшками, отчего голова эта походила не на голову, а на шапку. Манеры исправника были чрезчуръ даже развязны; онъ имѣлъ нѣкоторую претензію на свѣтскость и слылъ по всему уѣзду за величайшаго остряка и умницу — а эта слава его такъ была велика, что даже въ сосѣдніе уѣзды заходила. Сидоръ Павлычъ тоже любилъ поставить карточку; но слишкомъ поворотливый языкъ его не могъ долго выдерживать напряженнаго вниманія, требуемаго картами. Поэтому исправникъ часто оставлялъ игру, становился обыкновенно посередь комнаты, — и вокругъ его тотчасъ же собиралась толпа слушателей, помиравшихъ со—смѣху отъ его анекдотовъ и прибаутокъ.

— Слышали вы, господа,—разсказывалъ теперь исправникъ, что на—дняхъ приключилось съ нашимъ Өирсомъ Иванычемъ?

Өирсъ Иванычъ Буреломовъ, котораго подь шутливый чась звали Дуроломовымъ, а за что, про что—стоило взглянуть и ужъ нельзя было не догадаться, — сидѣлъ въ это время у стола банкмета и понтировалъ преспокойно; но услышавъ свое имя, онъ повернулъ къ Логовову свое красное, лоснящееся лицо и прохрипѣлъ басомъ довольно сердито:

— Да перестань, побойся Бога, Сидоръ Павлычъ!.. Ну, какъ тебѣ не стыдно?

— Ну, чтожъ?—значить, не выдавать пріятеля? — сказалъ жалобнымъ голосомъ Логововъ, подмигивая своимъ слушателямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. разскажи, Сидоръ Павлычъ!.. заговорили хоромъ всѣ слушатели.

— Өирсъ Иванычъ, голубчикъ! — молвилъ исправникъ, подбѣгая къ Буреломову и строя передъ нимъ уморительныя гримасы: вѣдь они просятъ разсказать... вѣдь общество просить, а я—человѣкъ общественный... ну, какъ же быть—то мнѣ теперь?.. Научи, голубчикъ, уму—разуму...

Но Буреломовъ ничего не отвѣчалъ на выходку Логовова,

онъ только взглянулъ на него нахмуро да просопѣлъ на всю комнату.

— Ну, такъ слушайте же, господа!—возгласилъ исправникъ: я просилъ его разрѣшить мои недоумѣнія, а онъ молчитъ да сонитъ — это сонѣнье я принимаю за знакъ согласія... и начинаю мой рассказъ. Третьяго дня, мечеть банкъ Оирсъ Иванычъ; заложилъ узаконенные свои сто рубликовъ, ну, мы и понтируемъ. . Понтировалъ тоже и Левъ Евтѣичъ: ставитъ да ставитъ свои полтинки и все дожидается, чтобы дали ему сряду семь картъ. Конечно, и не безъ выпивки было... Только Оирсъ Иванычъ нынче слабъ что-то сталъ на выпивку, мы это по одной статьѣ подмѣтили... Такъ, что-ли, господа?..

— Правда! правда! ха, ха, ха, ха!.. отвѣчали хоромъ слушатели.

— Ну, ужъ ты расскажешь... прорычалъ Буреломовъ и рукою махнулъ.

— Заигрались мы, — продолжалъ Логововъ, посылая поцѣлуй по воздуху Буреломову, — заигрались опять далеко за полночь. Шло дѣло къ разсвѣту, — подали намъ чайку, чтобы поосвѣжиться; всѣ почти отстали покуда отъ игры, — только и остались понтировать — вотъ они (онъ указалъ на юношу съ привлекательнымъ лицомъ) да Левъ Евтѣичъ — оба они въ «подмазочкѣ» таки-были. Вдругъ слышимъ: споръ у нихъ вышелъ — и изъ-за чего, какъ-бы вы думали? Оирсъ Иванычъ «семпеля» далъ Льву Евтѣичу, да вдругъ показалось ему, что, напротивъ, онъ убилъ карту, — онъ и давай записывать. Левъ Евтѣичъ — въ споръ, и говоритъ между прочимъ, указывая на лѣвую сторону: «Оирсъ Иванычъ! вѣдь чья это сторона-то?..» А на ту пору Оирса Иваныча постигло умопомраченіе. — «Чья? — отвѣчаетъ онъ: извѣстно, моя.» Левъ Евтѣичъ остолбенѣлъ — было, — помолчалъ, эдакъ съ минутку, да и говоритъ нѣжно и нѣсколько робко: «Ну-съ, хорошо, Оирсъ Иванычъ, а вотъ ужъ правая-то сторона чья?» — Оирсъ Иванычъ подумалъ — подумалъ, да и отвѣтилъ: «какъ чья правая?.. моя!..» — «И лѣвая и правая стороны ваши, — промолвилъ съ уныніемъ Левъ Евтѣичъ: да какую же мнѣ-то вы назначаете-съ?..» — «Нѣтъ тебѣ, грибу эдакому, ни

одной стороны!..»—провозгласилъ торжественно Өирсъ Иванычъ. Мы такъ и покатились со-смѣху.

Всѣ присутствующіе,—кромѣ Буреломова и Льва Евтѣича,—расхохотались до-упаду.

— Но, вѣдь, что особенно смѣшно, — сказалъ исправникъ: — Левъ-то Евтѣичъ чуть не возрыдалъ отъ такого отвѣта!..

— Да помируйте-съ!—вскричалъ искливымъ голосомъ Левъ Евтѣичъ, старичокъ сѣденькій, маленькій, сладко улыбающійся, какъ-будто робкій въ манерахъ, но на видъ весьма-плутоватый: вамъ она ничего-съ, а я не зналъ что и подумать-съ...

— Ну, чтожъ такое!..—промолвилъ протяжно самъ Буреломовъ: заигрались... память-то и подгибло... Чего тутъ смѣяться? — ничего нѣтъ смѣшнаго...

Такъ-то пировали, рѣчь вели, убивали время неугомонные гости нашего гостепріимнаго хозяина. Весело-ль было имъ всѣмъ? а пожалуй и весело! Между ними часто слышался громогдаонцій хохотъ, — но веселость ихъ имѣла странный характеръ. Они шутили другъ надъ другомъ, шутками грубыми и тяжелыми; они поминали одинъ другому про такія вещи, за которыя всѣмъ надо бы краснѣть... За шутками слѣдовали вздорливые споры...

Мы не станемъ рассказывать про обѣдъ, за которымъ выпито пропасть всякихъ винъ, изъ-за котораго всѣ почти встали съ отуманенными головами, съ посоловѣлыми глазами...

Послѣ обѣда опять принялись за прежнія занятія, то-есть за карты. Винные пары свое взяли,—игра стала крупнѣе и оживленнѣе, лица играющихъ приняли особенно-озабоченное, задорное, а у многихъ—и ожесточенное выраженіе.

Алексѣй Алексѣичъ уже не игралъ послѣ обѣда. Онъ остался отъ утренней понтировки въ небольшомъ выигрышѣ—и удовольствовался имъ. Онъ былъ въ блаженномъ расположеніи духа; ему было такъ весело, какъ давно уже не бывало; его занимало задорное, шумливое, нѣсколько пьяное веселье: угощая другихъ, онъ и самъ порядочно наугостился. Расхаживая отъ стола къ столу, онъ заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ гостемъ, смѣялся и другихъ смѣшилъ;

анекдоты и прибаутки онъ разсказывалъ, когда былъ въ ударѣ, не хуже самого Сидора Павлыча Логовова. Но и при всемъ этомъ, мысль, потѣшить гостей—вдоволь, не покидала его—и вотъ, для удовлетворенія гостепримныхъ своихъ пожеланій о весельи гостей, послалъ онъ за всеѣмъ цыганскимъ таборомъ кучера Андриюшку, да всеобщаго прихвостня мелкопомѣстнаго дворянчика, всегда готоваго на всяческія послуги.

А тѣмъ временемъ въ хлопотливомъ умѣ исправника возникъ тонкій замыселъ относительно домашнихъ дѣлъ хозяйства. Охапкинь успѣлъ уже сообщить ему о Марьѣ, о красотѣ ея, о разныхъ предположеніяхъ на ея счетъ, о «крутомъ» обращеніи ея съ нашимъ бариномъ, о томъ наконецъ, что она весь домъ забрала въ руки и—того—гляди—передѣляетъ добраго малаго Алексѣя Алексѣича такъ, что онъ нигдѣ не будетъ годенъ въ ихъ обществѣ.

Сидоръ Павлычъ отвелъ Алексѣя Алексѣича въ—сторону и сказалъ ему очень серьезнымъ тономъ:

— Ну, другъ любезный, хотъ и некстати бы толковать теперь о дѣлѣ, — а ты ужъ не взыщи... я обязанъ поговорить съ тобою...

— Что такое?—спросилъ весело Алексѣй Алексѣичъ, — зтіялъ что—нибудь потѣшное?..

— Ну, нѣтъ, братъ, дѣло не о потѣхѣ идетъ... Я долженъ говорить съ тобой, какъ исправникъ!.. Не смѣйся, не смѣйся!—право, я не шучу... Пожалуйста, выслушай серьезно. Вѣдь экой ты кутила-мученикъ! говорятъ, проживаетъ у тебя какая—то бѣглая женщина... Смотри, любезный, можеть очень худо выдти...

Алексѣй Алексѣичъ страшно переконфузился и не зналъ что отвѣчать.

— Дай-ка мнѣ посмотрѣть на нее, — продолжалъ исправникъ, да надо будетъ сдѣлать это теперь же — нечего откладывать—то .. Что грѣха таить? слышно вездѣ, что она забрала тебя въ руки—эхъ ты! а еще старый гусарь!.. Но я, какъ пріятель тебѣ, не могу не принять нѣкоторыхъ мѣръ: я, братъ, намѣтанный звѣрь, — лишь взгляну — скажу какъ разъ тебѣ, что она за птица... А знаешь ли, что изъ

безразсуднаго увлеченія своего къ какой-то побродягѣ подвергаешься ты великой опасности?..

— Помилуй...—депеталя нашъ баринъ, да какая же тутъ опасность?

— Вотъ толкуй больной съ аптекаремъ!.. Во-первыхъ, обокрасть можетъ тебя до-чиста, да и подожжетъ, пожалуй...

— Что ты, что ты!.. Клянусь тебѣ... ручаюсь честнымъ, благороднымъ словомъ... что она... невиннѣй меня самого...

— Эхъ, ты невинность!.. Оно и видно, что невинный!.. Ну, можно ли такъ увлекаться?.. Нѣтъ у тебя, любезный другъ, ни на грошъ драгоцѣнной этой способности—нюха полицейскаго... Говорю, покажи мнѣ ее!.. По-правдѣ сказать, голубчикъ,—ты хоть сердись-не-сердись,—а я имѣю право посмотреть на эту, въ нѣкоторомъ родѣ, сирену и даже дознать,—понимаешь ли?—дознать, кто она такая?..

— Помилуй, Сидоръ Павлычъ, это... это ужасно-встревожить бѣдняжку... ты и со мной поступаешь какъ-будто враждебно...

— Обязанность, мой другъ, обязанность!.. Впрочемъ, Алексѣй Алексѣичъ, ты вникни хорошенько въ слова мои: я въ твоихъ же видахъ хочу теперь дѣйствовать... Слушай—дѣло нешуточное: говорятъ, что твои люди крайне недовольны ею... вѣдь, тутъ чортъ знаетъ что можетъ произойти!.. На первыхъ порахъ, ты только покажи мнѣ ее,—а я сообщу тебѣ безпристрастное мнѣніе о ней... Ужъ повѣрь, у меня вѣрный взглядъ на людей!..

У Алексѣя Алеѣсѣича даже слезы показались отъ душевнаго волненія.

— А даешь ли ты мнѣ, Сидоръ Павлычъ,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—даешь ли мнѣ слово, что ни въ какомъ случаѣ не станешь придираяться къ ней?.. Я долженъ признаться тебѣ, какъ другу... тутъ дѣло идетъ о моей жизни.

Исправникъ чуть-было не расхохотался, однако превозмогъ себя, и, пожавъ крѣпко руку нашему слабосердому барину, сказалъ торжественно:

— Честное, благородное слово!

Марья въ отдаленной комнатѣ разливала чай гостямъ.

По наружности, она была спокойна, но сердце ея цѣлый день выло отчего-то. Увидавъ входящаго Алексѣя Алексѣича, она было-обрадовалась, — а онъ подошелъ къ ней, окончательно смущенный. Минуты съ двѣ онъ не могъ глазъ поднять на нее — и шепотомъ выслалъ людей изъ комнаты.

— Маша .. — сказалъ онъ наконецъ, нѣсколько заикаясь, я пришелъ сюда... я долженъ сообщить тебѣ... объ очень-важномъ дѣлѣ...

Въ глазахъ Марьи выразилось сосредоточенное вниманіе.

— Маша, ангель мой... — продолжалъ жалобно Алексѣй Алексѣичъ. Еслибъ ты знала, какъ это неприятно... тяжело для меня... просто бѣда!.. Исправникъ, Сидоръ Павлычъ хочетъ... непременно требуетъ, чтобы ты показала ему...

— Какъ-же вотъ! — возразила, съ сердцемъ, бѣглянка: чтó ему отъ меня тамъ надоть?..

— Нельзя, милая, никакъ нельзя!.. онъ — исправникъ... можетъ взять тебя...

Странное движеніе, что-то въ родѣ улыбки, промелькнуло по лицу Марьи. Ея огненные глаза такъ и впились въ барина.

— Чтожь ты... — и выдашь меня?.. — спросила она его.

— Ахъ, Маша!.. — проговорилъ онъ, уже съ досадою; ты лячего понять не хочешь!.. Ну кто тебя выдастъ?.. ну, развѣ выдамъ я тебя?.. Повторяю: нельзя же не исполнить его желанія — нельзя не показаться ему... Да и чтó тутъ за бѣда, съѣстъ онъ тебя что-ли?.. А главное, Маша, онъ — начальникъ уѣзда, въ рукахъ его много средствъ навредить... Но, впрочемъ, онъ отличный малый, весельчакъ, истинный пріятель мнѣ — и, конечно, ничего дурнаго не сдѣлаетъ намъ.

— Пріятель... пріятели.. — прошептала Марья, покачивая головою.

Алексѣй Алексѣичъ, въ большомъ волненіи, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ какъ-будто считалъ себя обиженнымъ. Опустивъ голову, Марья что-то обдумывала — и скоро надумалась.

— Невдомекъ мнѣ — сказала она твердо: зачѣмъ понадобилось ему смотрѣть на меня... Ну, да коли нельзя, такъ

тому дѣлу и быть... Только туда я не пойду, пускай сама придетъ...

Алексѣй Алексѣичъ хотѣлъ—было пуститься въ какія-то объясненія, но Марья принялась за разливаніе чая, не говоря ни слова и даже не глядя на него. Баринъ опять нѣсколько разобидѣлся и, махнувъ сердито рукою, ушелъ къ исправнику.

Онъ скоро воротился въ комнату Марьи, и вмѣстѣ съ нимъ пожаловалъ исправникъ.

Марья стояла у стола. Лицо ея было блѣдно, но на немъ не было видно ни испуга, ни даже смущенія. Голова была смѣло приподнята, брови нѣсколько сдвинуты и наморщены, а глаза сіяли, какъ звѣзды на темно-голубомъ небѣ въ безлунную ночь.

Сидоръ Павлычъ вошелъ въ комнату, посмѣиваясь, но, при видѣ Марьи, вдругъ пересталъ смѣяться. Въ эту минуту онъ такъ позабылъ свое исправничье достоинство, что чуть—было не поклонился бѣглянкѣ.

— Вотъ и Машиа... — началъ опять—тани дрожащимъ голосомъ Алексѣй Алексѣичъ; она предобрая, отличная женщина, Сидоръ Павлычъ...

— О, я увѣренъ,—сказалъ исправникъ, но красавица она, такъ ужъ точно—красавица! Это дѣлаетъ честь твоему вкусу, Алексѣй Алексѣичъ... Однако, извини, любезный другъ, да и красавицу прошу не взыскать... а долженъ я предложить ей нѣсколько вопросовъ.

— Выдти мнѣ, чтоль, надобно? — робко спросилъ нашъ баринъ.

— Какъ хочешь,—отвѣчалъ исправникъ, конечно, лучше...

— Зачѣмъ ему выходить?—рѣзко возразила Марья.— Я и при немъ тоже скажу, что и безъ него.

— Ого! да она — рѣчистая красавица... — проманилъ исправникъ, покачивая головою.

Алексѣй Алексѣичъ совсѣмъ растерялся отъ отвѣта Марьи. — «Господи! — думалъ онъ, погубить она и себя и меня!..»

— Сидоръ Павлычъ!.. голубчикъ!.. — сталъ онъ жалобно упрашивать исправника: кончи, ради Бога, — вѣдь не слѣд-

отвѣ же ты производишь... Пойдемъ къ гостямъ... дожидается... Скоро Цыгане должны явиться... Можетъ, они уже и здѣсь...

— Ну, нѣтъ, братъ, погоди, — сказалъ исправникъ, на-сму удерживаясь отъ смѣху: надо же мнѣ потолковать съ драгоцѣнной твоей красавицей... Ну, голубушка, скажи-ка мнѣ, кто ты такая?

— Мужнина жена, — отвѣчала она; зовутъ меня Марьей Ефимовой...

— Но, — грѣха таить нечего, — говорятъ, ты бѣглая, без-паспортная?

— Ушла я отъ мужа — это точно... и паспорта у меня нѣту... Только я ужъ сказывала Алексѣю Алексѣичу, что нигдѣ ничего не своровала... никакого худа не сдѣлала...

— Отчего жъ ты ушла отъ мужа?..

— Извѣстно, отчего... отъ хорошей жизни не уходить...

— Молодецъ Марья Ефимовна!.. — воскликнулъ исправ-никъ, потирая руки отъ удовольствія; вотъ люблю, когда такъ отвѣчаютъ... Что называется — на-чистоту рѣжетъ... Ну, теперь скажи мнѣ, изъ какой ты деревни, изъ господ-ской или государевой?.. Да смотри, отвѣчай тоже сущую правду.

Этотъ вопросъ взволновалъ видимо Марью.

— Зачѣмъ это онъ меня распрашиваетъ? — сказала она Алексѣю Алексѣичу, что ему еще надо отъ меня?

— Ахъ, какая ты, Марья Ефимовна!.. — замѣтилъ, со смѣхомъ, Сидоръ Павлычъ а, можетъ, тебя разыскиваютъ?..

— Да пуская разыскиваютъ, — возразила Марья: я-то, вѣдь, никого не разыскиваю, — ну и до меня никому дѣла нѣтъ...

Исправникъ расхохотался.

Алексѣй Алексѣичъ довольно-ловко воспользовался этою веселостью Сидора Павлыча.

— Голубчикъ! Сидоръ Павлычъ!.. — говорилъ онъ ему умильнымъ тономъ, — оставь наконецъ ее въ покоѣ... Ну, ви-дѣль, распробуй кой-о-чемъ — и будетъ... Тамъ насъ ждутъ теперь... Вѣдь, ты — душа всей компаніи... Если любишь ме-ня.. ну, для дня моего рожденія!..

— Такъ и быть... — молвилъ смягчившійся начальникъ уѣзда, такъ и быть — уйду, уйду... Однако, я, вѣдь, — исправникъ, надо же мнѣ хоть чѣмъ-нибудь попользоваться... Какъ хочешь, Алексѣй Алексѣичъ, а она должна поцѣловать меня...

— Какъ же вотъ!.. сказала съ сердцемъ Марья.

— Алексѣй Алексѣичъ! а ты не будешь моимъ ходатаемъ передъ гордой красавицей?..

— Голубчикъ! голубчикъ!.. — твердилъ Алексѣй Алексѣичъ, пойдемъ отсюда... Я угощу тебя шампанскимъ... хочешь, зайдемъ теперь же въ кабинетъ и разопьемъ тамъ бутылочку?

— Ну, ну, — нечего дѣлать съ тобою... — отвѣчалъ исправникъ, а самъ, между тѣмъ, началъ уже раздумывать, какъ бы отбить у нашего барина прекрасную его Марью.

Скоро нагрянулъ и весь таборъ цыганскій.

Давно Алексѣй Алексѣичъ не видался съ любезными своими Цыганами и старикъ-набольшій думалъ, что большаго маху далъ, познакомивъ его съ какой-то бѣглянкой, послѣ увоза которой баринъ нашъ совсѣмъ пересталъ наѣзжать въ таборъ. Но вотъ судьба привела-таки свидѣться старымъ пріятелямъ.

И всѣ гости Алексѣя Алексѣича были рады-радѣхоньки Цыганамъ. Даже проигравшіеся съ увлеченіемъ кинулись къ нимъ навстрѣчу. Всѣ тотчасъ же оставили игру, говоря, что «наигратся до-сыта еще и завтра можно, — вѣдь, у добраго хозяина до трехъ дней пируютъ».

Хоръ цыганскій, на ту пору, былъ удовлетворителенъ по своему составу: всѣ почти запѣвалы и главные плясуны находились на-лицо.

Времени и тутъ даромъ не тратили. Живо хоръ грянулъ; въ перемежку съ пѣснями и пляска пошла. Старый нашъ знакомый, бравый Цыганъ Василій плясалъ безъ-устали и со всѣмъ усердіемъ выдѣлывалъ ногами мудреные вензеля. Любаша запѣвала тоже отлично. А гума Матрена расплясалась на-диво: и дергаетъ неистово плечами, и водить рукою да мчится, пуще всякой молодой, по залѣ, хлопая въ ладоши, закинувъ голову съ растрепавшимися изъ-подъ головнаго платка съдыми волосами, и дико вскрикивая

отрывистымъ, отъ одышки, хриплымъ голосомъ; а то вдругъ на-минутку остановится посередь круга, дрожмя-дрожить и поводитъ огненными глазами, а тамъ опять въ плясъ поидеть, да такъ поидеть, что, глядя на удалую старуху, всѣхъ помѣщиковъ, пожилыхъ и молодыхъ, толстыхъ и сухопарыхъ, сильнѣйшій задоръ разбираетъ, у всѣхъ ноги такъ и прыскаются плясать да подплясывать.

— Ай, жги, жги, жги! говори!.. восклицаютъ помѣщики и хлопаютъ въ ладоши, ногами притопываютъ.

Ходить Саша, ходитъ Маша,
Ходитъ милая моя!..

протяжно и дикимъ басомъ поетъ Буреломовъ и, не безъ достоинства, пускаетъ въ плясъ свою громадную, осанистую персону. За нимъ являются на сцену Охапкинь и Бѣлобрысовъ, пляшущіе нѣсколько по-коздиному, а тамъ и другіе, и много, много другихъ.

Да и какъ тутъ всѣмъ не разгуляться? Удалия, голосистыя пѣсни, бѣшеная пляска кипятятъ благородную кровь. Притомъ же вина у хозяина припасено вдоволь и про Цыганя и про гостей; вино льется рѣкою: простячекъ, шампанское и всякое, кто какое любитъ. И всѣ пьютъ, пьютъ-себѣ безъ-устали и иные дотога натянулись, что сидятъ уже на полу, но движеніе плясовое и тутъ одолеваетъ ихъ: ёрзаетъ они по полу, словно тоже пляшутъ.

Собрались смотрѣть на цыганскую пляску, на барское пированье домашніе дворовые, кучера и лакеи гостинные, старыи и малыи, мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти; людъ дворовый биткомъ-набитъ въ передней, а кто побойчѣе, тѣ протѣснились даже въ залу и жмутся у дверей. И всѣмъ, кажется, любо глядѣть, какъ гуляютъ госнода.

На хорахъ тоже есть зрители: туда забрались большею частію старухи, дворовыя женщины. Тамъ присутствуетъ Кузьминична, которую, повидимому, много веселитъ господская забава. Оттуда смотритъ на эту забаву и Марья-Бѣглянка.

Душа Бѣглянки вся потрясена этимъ бѣшенымъ, сата-

*

нинскимъ весельемъ. Голова ея горитъ, сердце бьется, выскочить хочетъ. Страшное зло беретъ ее, и ужъ Богъ знаетъ на кого, но такое зло, что гнѣвное слово такъ бы и кинула она въ лицо всѣмъ этимъ поющимъ, пляшущимъ, пьющимъ и безъ-умолку болтающимъ людямъ. Но какъ кинуть его, это горькое слово? Загреми труба теперь надъ ихъ головами-и ее не услышали бы они сразу. И вотъ шепчуть губы Марьяны что-то недоброе, шепчуть не въ ладъ пѣснямъ, которыя поются внизу. Но не броситься ли съ высокихъ хоръ внизъ бѣдной головою?.. свѣтъ ей такъ опостылѣлъ... Душно, охъ, душно, невыносимо становится ей здѣсь; а она, можетъ, бросились бы, да въ душѣ ея звѣздочкою мерцаетъ бѣглая мысль, что мѣръ-то божій широкъ еще и для ней...

Но изъ всѣхъ господъ, потѣшающихся цыганскими пѣснями и плясаньемъ, лишь одинъ Алексѣй Алексѣичъ что-то несовсѣмъ увлекается ими. Его тоже иной-разъ понимаетъ задоръ: онъ притопываетъ, подкрикиваетъ и посвистываетъ, но зато вдругъ находитъ на него плохой стихъ, понасупится и даже отходить въ сторону, словно не на мѣстѣ его сердце, отчего-то скучно становится ему, отчего-то ноетъ душа его барская. Онъ отмахивается отъ невеселой думы, головою потряхиваетъ, чтобы отогнать эту думу, да не удается! Съ весельемъ его что-то неладное подѣялось...

Кума Матрена скорѣхонько это подмѣтила. Вотъ подлетаетъ она къ нему бочкомъ, прихлопывая въ ладоши и напѣвая:

Ужъ совсѣмъ ты не такой,
Какъ, бывало, холостой!..

Пѣсня Матрены словно по-сердцу пришла нашему барину, онъ развеселился и сталъ смѣяться. Гостямъ тоже понравилась коротенькая пѣсенка, они, съ хохотомъ, гиканьемъ и топаньемъ, повторили пьянымъ хоромъ:

Ужъ совсѣмъ ты не такой,
Какъ, бывало, холостой!..

Слова задорной пѣсенки не пропали даромъ и для на-

приженного слуха бѣглянки. Они возбудили въ душѣ ея цѣлую бурю.

«Такъ вотъ что!.. твердила она про-себя, зная, онъ, точно, жениться задумалъ... И Цыганка проклятая знаетъ, и пьяницы-гости знаютъ, всѣ знаютъ, я только не знала, не вѣдала... Вонъ, онъ смѣется, посмѣивается!.. Весело ему, весело ему мое горе лютое!.. Веселится онъ, холостую жизнь провожаетъ и нѣтъ ему нужды, что мой вѣкъ загубилъ!.. А пускай женится!.. пускай женится!..»

На этотъ разъ слезы ея, горючія слезы, наружу не вылились, но лежали на сердцѣ тяжелымъ камнемъ.

«Чего еще ждать-то? подумала она, чѣмъ еще тутъ любоваться? Пойте, пляшите, веселитесь!..»

И мелькнула—было у ней грозная мысль: «А что, дескать, стали бы дѣлать эти веселые баре, колибъ вдругъ ударилося имъ въ пьяные глаза красное полыми пожара?.. Ну, да пускай себѣ тѣшутся, потѣшаются!..»

Насмотрѣлась она вдоволь на господскую потѣху и пошла съ хоръ.

— Куда жъ это вы, матушка Марья Ефимовна? прошнѣла Кузьминична, а вы бы еще посмотрѣли... Вѣдь, какъ занятно глядѣтъ на веселье эдакое. Слава тебѣ, Господи! опять баринъ нашъ изволили развеселиться.

Марья ничего не отвѣчала, но только такъ поглядѣла на старуху, что та какъ-разъ язычекъ прикусила.

Сойдя съ хоръ, Марья ушла въ ту отдаленную комнату, гдѣ разливала чай гостямъ, и пріютилась тутъ подъ открытымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, впивая жадною грудью свѣжій воздухъ заолодавшей ночи, и все прислушиваясь къ неясному, почти стройному шуму пированья. Этотъ шумъ мучилъ ея воображеніе, тревожилъ сильно душу, а все она не могла его не слушать, не могла уйдти отъ него въ какое нибудь глухое мѣстечко сада.

Между тѣмъ, Алекоѣя Алексѣича не надолго развеселила пѣсня кумы-Матрены. Его все подмывало уйдти отъ пьяной ватаги гостей, и наконецъ онъ успѣлъ кое-какъ увернуться изъ залы. Непреодолимо тянуло его къ Марьѣ. Хотѣлось ему посмотрѣть, что она дѣлаетъ, хотѣлось перемол-

виться съ нею сердечнымъ словомъ, прилечь къ ея плечу и отдохнуть. Онъ пилъ вмѣстѣ съ гостями, и пилъ много, но хмѣль не разобралъ его нисколько, онъ лишь усталъ, измучился не на шутку. И какъ противно стало ему смотрѣть на всю эту безобразную ватагу гостей! Охъ, какъ былъ онъ не радъ, что затѣялъ этотъ безумный праздникъ! Онъ, почти съ ужасомъ, вспоминалъ, что завтра, а, можетъ, и послѣ-завтра все будетъ продолжаться такой же пирь...

Найдя Марью, онъ прямо кинулся къ ней и хотѣлъ—было поцѣловать ея, но она отвернула лицо и какъ-будто глядѣть на него не хотѣла.

— Ахъ, Маша!.. сказалъ онъ печально, ужъ ты и глядѣть—то на меня не хочешь!.. А чѣмъ такимъ провинился я передъ тобою? Право, не знаю, какъ и угодить тебѣ...

Она все молчала, а онъ, разогорченный и нѣсколько раздосадованный, сталъ пѣнять и на нее и на судьбу свою: судьба, вишь, виновата, все какія-то несчастья ему посылаетъ! Говорилъ онъ много въ этомъ родѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позабылъ совершенно о томъ, что хотѣлъ отдохнуть при ней, да и ужъ Богъ знаетъ, какъ пришла ему наконецъ въ голову блажная мысль: вдругъ онъ сталъ упрашивать Марью, чтобы она пошла съ нимъ, хоть на одну минутку, къ гостямъ.

— Презабавную картину ты въ залѣ увидишь, говорилъ онъ; на одну минутку пойдешь, на одну только минутку...

Съ видимымъ отвращеніемъ, она покачала головой.

— Ахъ, Маша! продолжалъ онъ, ну, зачѣмъ ты отъ людей прячешься?..

— Отъ какихъ это людей?.. отъ тѣхъ-то, отъ тѣхъ-то? сурово возразила она и какъ-то особенно заомѣялась.

— Ну, чѣмъ ты недовольна?.. на что такое сердиться? Это даже скучно становится... Ахъ, Господи! что я только вытерплю!..

— Мнѣ что ужъ сердиться!.. прошептала она.

— Полно, полно капризничать!.. продолжалъ онъ, насильственно развеселяясь: что за вздоръ! есть изъ-за чего упрямитесь!.. Я хочу, непременно хочу, чтобы всѣ были веселы, вѣдь, нынче день моего рожденья... Пойдемъ-ко со

мой, милая, голубушка Маша... Тамъ есть и знакомые тебѣ цыга-цыга-цыганята... Они, пожалуй, и рады будутъ увидѣть тебя... А Любаша, ну, эта изорвется отъ зависти, когда увидитъ твой шолковый сарафанъ, твои хорошіе наряды.

Марья быстро посмотрѣла на него. Ей показалось, что онъ издѣвается надъ нею. Но баринъ нашъ былъ совершенно невиненъ въ этомъ и даже для предубѣжденнаго глаза Марьи было замѣтно, что въ его словахъ и тѣни нѣтъ коварнаго намѣка.

Между-тѣмъ, она ничего не отвѣчала на предложеніе Алексѣя Алексѣича. Выраженіе лица ея въ эту минуту было такъ болѣзненно, что баринъ перепугался.

— Маша!.. голубушка!.. родная!.. не заболѣла ль ты?.. — сталъ онъ спрашивать ее.

— Нѣтъ, ничего... — отвѣчала она.

Потомъ, съ какимъ-то отчаяніемъ, и глядя ему пристально въ глаза, она спросила его въ свою очередь:

— А когда господа разъѣдутся?.. скоро?.. сейчас?..

— Право, не знаю, какъ сказать... Глупый этотъ обычай у насъ — до трехъ дней праздновать... Я вовсе не желаю бы, чтобъ они остались на завтра—да, вѣдь, сами намыываются... Впрочемъ, — даю честное слово — что постараюсь отдѣлаться... Охъ, Маша! ты должна пожалѣть меня... Еслибъ ты знала, какъ надоѣло мнѣ это пированье!.. голова разболѣлась... хандра напала...

И онъ опять разсыпался въ жалобахъ. Казалось, Марья слушала ихъ очень внимательно.

— Нѣтъ ужъ тебѣ не слѣдъ выживать ихъ изъ дому... — сказала она: съ ними, вѣдь, не-въ-примѣръ, веселѣе...

— Ахъ, Маня! — жалобно воскликнулъ онъ: вотъ ты и вопрекать мнѣ стала, а напротивъ, — пожалѣть бы должна... Однако, вотъ что, мой другъ: схожу я къ нимъ на-минутку, только провѣдаю—Цыганъ тоже прогоню... Да нѣтъ!.. и не пойду даже—пора тебѣ спать, к мнѣ пора...

— Ночь-то ужъ прошла, возразила Марья. Я не лягу спать—дѣла много для завтрава... Мало-ль что нужно?..

Не успѣлъ онъ сказать что-нибудь на это, какъ вдругъ

въ сосѣднихъ комнатахъ и по корридолу раздались громкіе крики гостей:

— Алексѣй Алексѣичъ!.. хозяинъ!.. Алена!.. гдѣ ты?.. куда запропастился?..

Не желая, чтобы буйная ватага застала его съ Марьей, онъ благимъ матомъ кинулся къ нимъ навстрѣчу.

Но ему скоро удалось опять урваться отъ гостей, да и многіе изъ нихъ уже спать разошлись при помощи своихъ лакеевъ. Алексѣй Алексѣичъ отправился въ кабинетъ. Онъ не нашелъ тамъ Марьи и не сталъ искать: онъ вспомнилъ, что она не хотѣла вовсе ложиться спать изъ-за хлопотъ для завтрашняго дня. Между-тѣмъ, усталость, нравственная и физическая, совсѣмъ одолѣла его — и онъ очень скоро заснулъ...

На дворѣ уже свѣтло. Небо обложено густыми тучами — и мелкій дождикъ, предвѣстникъ осеннихъ, плакучихъ дождей, сбѣтъ да сбѣтъ на землю. Уныло смотреть сѣренькое, ненастное утро...

Марья, какъ-только ушелъ отъ ней Алексѣй Алексѣичъ, пробралась тотчасъ же въ садъ. Нипочѣмъ ей было, что на дворѣ холодно, что всю ее измочило дождемъ. Она вездѣ въ саду побывала, всѣ дорожки исходила. Посидѣла она и подъ липой, гдѣ, бывало, въ счастливые дни, такъ хорошо катилось времечко, подлѣ сердечнаго друга. Поглядѣла тоже и на поздніе цвѣтики, что она какъ-то лѣтомъ посѣяла — не разцвѣли эти цвѣтики, съ чего-то облекли и подъ холоднымъ дождемъ опустили свои головки. «Вотъ въ одинъ-таки денечекъ, словно цвѣтики эти, всѣ мои радости пропали...» — подумала Марья.

И много-много печальныхъ мыслей перебивало тогда въ головѣ горемычной бѣглянки. Но всего больше тягала была ей мысль о томъ, что «безпремѣнно задумалъ жениться ея милъ-сердечный другъ.»

Сначала эта мысль волновала ее страшно.

— «Ой, не хочу... ой, не донущу его жениться!..» — говорила она самой себѣ. Я пойду прямо-таки къ его невѣстѣ, разлучницѣ моей, расскажу ей про все... Я скажу: такъ и такъ, моль, была я его любовница.. Любилъ онъ меня,

миловаль-ласкаль — и я во всемъ ему вѣрила... Охъ, одна душа моя знаетъ-вѣдаетъ, какъ онъ любовь мнѣ былъ...»

Но она не остановилась на этой мысли.

«Нѣтъ, нѣтъ! не годится, эдакъ, — продолжала она думать: коли женится, — значить пересталъ любить.... Колибъ любилъ, не сталъ бы звать на пированье безчинныхъ гостей такихъ — Цыганъ скаредныхъ:.. Колибъ любилъ, — не выдавалъ бы меня на-потѣху, какъ хотѣлъ выдать, своимъ гостямъ проклятымъ!.. А то, вишь, понадобилося показывать меня исправнику...»

«А Господь съ нимъ! пускай его женится, пускай живетъ да тѣшится!.. Помню, говорилъ онъ мнѣ, что, дескать, надобно жить прииѣваючи... а мнѣ гдѣ ужъ такъ жить, какъ господа привыкли жить да тѣшиться... Я простая крестьянка, не умѣю по-ихнему... Вишь, ему все надобно веселье — и веселье-то ихъ, видѣла я теперь, какое!.. Надоѣла я тутъ всякому... А зачѣмъ мнѣ быть имъ помѣхою?..»

Въ домѣ, на дворѣ, и даже въ людскихъ избахъ, никого не было видно на ногахъ, всѣ еще спали-отсыпались отъ вчерашняго пированья: вся дворня Алексѣя Алексѣича, всѣ кучера и лакеи гостинные подгуляли и умаллись не меньше господъ. Марья прошла изъ сада во дворъ — и никто тутъ не замѣтилъ ее. Но не долго гуляла она по двору и за ворота заглянула.

За воротами было также тихо. Долгонько-таки простояла тутъ Марья, все вдаль посматривая. Дождь мочилъ ее, а она все какъ-будто и не чувствовала этого.

Она задумала сама съ собою уйдти отсюда, — покинуть этотъ господскій домъ, который совсѣмъ чужимъ уже сдѣлался для ней; она твердо знала, что непременно уйдеть — только не хватало еще воли, чтобы тронуться съ мѣста. Память ея спуталась, — она все хотѣла припомнить что-то такое, да ни какъ не могла сообразить свои распуганные горемъ мысли.

Вдругъ передъ нею очутился, словно изъ земли выросъ, сѣденькой старичекъ, въ плохомъ армячишкѣ, безъ шапки, въ изтопанныхъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, и съ длинною палкою въ рукахъ.

— Не подашь ли, касатка, — сказалъ онъ; не подашь ли, Христа-ради, на дорогу... на богомолье, къ святымъ мѣстамъ, иду-пробираюсь... Да вотъ — божья воля — захворалъ на дорогѣ и отъ артели-то своей отбился...

Марья сильно обрадовалась: внезапная мысль словно освѣтила ей голову.

— Подать-то я тебѣ, дѣдушка, безпремѣнно подамъ, — отвѣчала она старику: погоди здѣсь — сейчасъ вынесу... Только вотъ-чтò, родимый: возьмешь ли ты меня съ собою?..

— И-и, касатка, вѣдь, я больно-далече бреду...

— А чтожъ такое?.. и я хочу далече идти...

— Да, вѣдь, ты въ барскомъ домѣ живешь?.. Никакъ, въ кормилицахъ... аль въ нянюшкахъ какихъ?..

— Нѣтъ, не въ кормилицахъ и не въ нянюшкахъ... — глухо проговорила она и, застыдившись, опустила голову.

— Ахти, касатка, — молвилъ тихо старикъ: жалко, право-слово, жалко... Ну, да ты въ дѣлѣ, ты и въ отвѣтѣ... Только — гдѣ ужъ тутъ на богомолье идти... чай, и не пустять, касатка, не пустять!..

— Это ужъ мое дѣло... Ты вотъ толкомъ скажи — возьмешь ли меня съ собою?..

— О-охъ, ужъ и не вѣдаю, какія рѣчи говорить... Да ты никакъ, голубка, шутку со мной шутишь?..

Марья слегка улыбнулась.

— Ну, постой же здѣсь, дѣдушка, — сказала она ему торпливо, — погоди, безпремѣнно... Я, вотъ, въ минуту сбѣгаю и вынесу тебѣ...

— Спасибо, касатка, спасибо, — молвилъ старикъ, и усѣлся у воротъ на лавочкѣ; а Марья опрометью кинулась въ домъ...

Прежде всего, сняла она свой нарядный сарафанъ и всю праздничную одежду, а взамѣнъ того, одѣлась во все чтò было у ней поплоче; потомъ разулась и тутъ уже босыми ногами пробралась въ кабинетъ, гдѣ спалъ Алексѣй Алексѣичъ.

Спалъ онъ безпокойнымъ сномъ: видно было, по сбѣтой простынѣ, по скомканнымъ подушкамъ, что онъ не одинъ разъ метался во снѣ. Онъ лежалъ навзничъ; голова была за-

кинула—и прекрасные, свѣтлорусые волосы рассыпались по подушкѣ. Правая рука его поддерживала голову, лѣвая, крѣпко сжатая въ кулакъ, лежала на-отмашь, поверхъ одѣяла.

Нѣсколько времени она стояла неподвижно, все смотрѣла на него, въ послѣдній разъ хотѣла насмотрѣться и глотала слезы. Онъ бредилъ про что-то—и выраженіе лица его показалось ей очень тревожнымъ и печальнымъ.

— Касатикъ мой!..—думала она: знать, тоскуеть о чемъ-то... Слышитъ его душенька, что пришло намъ разставанье... Свѣтъ ты мой!.. ненаглядный!.. охъ, не разъ соскучишься ты обо мнѣ!..

Она нагнулась надъ нимъ — и горячая слеза канула на его лицо. Онъ повернувся, сквозь сонъ, и руками словно искалъ чего-то. Марья перепугалась, присѣла за кроватью и задержулась пологомъ. Но испугъ ея былъ понапрасну: баринъ прошепталъ только ея имя въ-просоньяхъ и сонъ его не прервался.

Марья опять наклонилась надъ нимъ.

— Никогда-то, въ жизнь, не увижу я тебя!..— шептала она; родной ты мой!.. вотъ разлучили—таки насъ, а ужъ какъ любила тебя, какъ любила!.. Господи! сохрани его!.. помоги ему!..

Приподняла она тонкіе усы его и поцѣловала прямо въ губы.

— Прощай.. прощай!.. твердила она шепотомъ: прощай, добрый, ласковый [баринъ!.. не пришлось намъ жить—свѣковать съ тобою... За грѣхи наши, видно, Господь насъ наказываетъ... Прощай! не поминай меня лихомъ, а я — всегда буду помнить тебя добромъ...

Еще разъ взглянула она на спящаго, крѣпко сжала губы, чтобы не вырвалось рыданье — и ушла такъ же тихо, какъ и приходила...

Старичекъ стоялъ, опершись на свою палку. Онъ было-соскучился дожидаться молодежи, обѣщавшей ему вынести подаяніе—и уже собирался уйдти.

— На, вотъ, дѣдушка... — сказала ему, прерывистымъ голосомъ, Марья, подавая новенькій целковый, подаренный ей когда-то Алексѣемъ Алексѣичемъ.

— Ахъ, родимая,—молвилъ изумленный старикъ, создай тебѣ Господи за щедрую милостыню!..

— Ну, пойдемъ теперь, дѣдушка, пойдемъ скорѣе!..

— Неужели—таки, дитятко, ты вправду хочешь идти?

— Да, да!.. пойдемъ же, пойдемъ!..

— Какъ же это, молодка?.. да тебѣ можно ли?.. ну, какъ хватятся...

— Слушай, дѣдушка, — сурово возразила она: самъ Господь вразумилъ меня уйдти отсюда!.. Коли ты не возьмешь меня — можетъ бѣда приключиться, можетъ, придется мнѣ и руки наложить на себя!..

— Господи помилуй!.. Господи помилуй!.. коли такъ,—что ужъ тутъ допытываться... пойдемъ скорѣе!..

И старикъ проворно тронулся съ мѣста.

Дорогою, онъ раза два заговаривалъ съ Марьей, но она ни словечка не вымолвила въ отвѣтъ. Показалось ему это обиднымъ, да и смекалъ онъ тоже, что бабѣнка, ни вѣсть съ чего, больно—назойливо навязалась ему въ сопутницы,—старичокъ не-на-шутку распѣнялся на самого себя за то, что согласился взять ее съ собою.

«Нѣту, голубка,—думалъ онъ: надоть безпремѣнно развязаться съ тобою... Вѣдь, пожалуй, и бѣда какая выйдетъ... Не снесла ль еще чего?.. А то и такъ: баринъ тамъ по ней хватится—полюбовница со двора сбѣжала, — кинется въ погоню... А нагонитъ—Господи помилуй!—дымъ коромысломъ пойдетъ... ни-за-что, ни-про-что бѣды наживешь...»

Такъ прошли наши путники версты три-четыре—и пришлось имъ взбираться на довольно-высокую, крутую гору. Глинистая почва по ней размокла сильно отъ дождя — и Марьѣ было труднѣхонько подниматься въ гору, босыя ноги ея вязли и скользили.

— Ахъ, касатка,—замѣтилъ старикъ, да ты это босикомъ идешь!.. Ну, какъ же эдакъ—то?.. На, вотъ, тебѣ лаптишки—про запасъ съ собой несу...

— Спасибо, дѣдушка—сказала она, садясь обуваться — и тутъ впервой оглянулась назадъ.

Сквозь мелкій дождикъ, сѣявшій на окрестность, все еще видна была господская усадьба и садъ въ Подберезникахъ.

Марья какъ—только взглянула въ ту сторонку, не могла уже удержать своего горя. Упала она лицомъ къ сырой землѣ и долго—долго рыдала.

Доброе сердце старика почувяло, что горе его сопутницы — большое горе. Онъ усердно принялся уговаривать и утѣшать,—но чѣмъ и какъ онъ могъ ее утѣшить?.. Она даже не слыхала его добрыхъ словъ.

До—сыта наплакалась и нагоревалась тутъ бѣглянка. И встала она съ земли, шатаясь, какъ былинка въ полѣ отъ вѣтру.

Съ этой поры стало жалко старичку смотрѣть на нее. Онъ пересталъ уже сомнѣваться насчетъ ея и много уговаривалъ, чтобы не сокрушалась больше.

— Погоди, сердечная, — говорилъ онъ ей: вотъ сходишь поклониться святымъ угодникамъ и легче тебѣ будетъ. Коли и грѣхъ на тебѣ есть—не сокрушайся. Господь и грѣшниковъ прощаетъ и милуетъ... А невзгodu послалъ Господь Милосердный—надоть терпѣть, дѣла добрыя дѣлать да молиться усердно... Такъ—то, касатка! Вотъ я на свѣтѣ пожигъ—таки и много горя видѣлъ: семья вся, почитай, извелася, разорили домишко мой лихіе люди, измывались надо мною всячески,—а все бѣлый свѣтъ не опостылѣлъ мнѣ... Вотъ схожу — помолюсь угодникамъ да воротившись домой, примусь за работишку...

Охотно слушала Марья всѣ такія рѣчи, но часто дума ея летѣла сирой кукушечкой вокругъ дома, гдѣ такъ скоро ея счастье прокатилось. И чѣмъ дальше отходила она отъ этого дома, тѣмъ жалче становился ей Алексѣй Алексѣичъ.

«Что—то дѣлаетъ онъ теперича?.. — думала она: не тоскуетъ ли также, какъ я, вотъ, тоскую?..»

И ни—разу не помянула она его лихомъ. Ни—разу тоже не пришло ей на мысль вернуться въ Подберезники. Она на—вѣкъ простилась съ баринномъ—и никакъ ей не думалось свидѣться съ нимъ опять...

Тѣмъ временемъ все дальше и дальше подвигались наши путники—и шли они въ большомъ ладу между собою. Марья была во всемъ послушна старику и ухаживала за

нимъ какъ за отцомъ. Старикъ тоже сталъ смотрѣть на нее мало-по-малу какъ на близкую сродницу.

На первомъ же ночлегѣ кто-то спросилъ его про Марью:

— А что, дѣдушка, дочку, аль сноху это ведешь съ собою?

— Да, родную... дочку... — отвѣчалъ онъ — и не тяжело было ему сказать эту неправду.

XVI.

На другой день нашимъ странникамъ уже легче было идти. Погода разведрилась; солнце свѣтило во весь свой свѣтъ, а въ полдни даже было жарко, чуть не какъ посередь лѣта; на вѣтру и на солнцѣ дорога скорѣхонько провянула и обсохла. По воздуху стали носиться легкія нити паутины, — признакъ красной, теплой осени.

По обѣ стороны дороги, которою шли Марья и дѣдушка Терентій (такъ звали ея спутника), разстилались широкія равнины, засѣянные озимымъ хлѣбомъ; молоденькая, только-что выбившаяся изъ «краски» озимь одѣвала ихъ зеленымъ, съ серебрястымъ отливомъ, ковромъ. Съ лѣвой стороны, синѣли въ отдаленіи, на самомъ концу небосклона, темныя лѣса, и отъ нихъ разбѣгались по равнинѣ небольшіе перелѣски да рощицы, на ту пору уже запестрѣвшія многоцвѣтными отѣнками осени. Промежъ этихъ перелѣсковъ и рощицъ, по берегамъ мелкихъ рѣчекъ, лѣпились сѣренькія деревушки, вокругъ которыхъ, по дугамъ и по жнивью, бродили стада. Справа, равнина была шире и неогляднѣе и тутъ имѣла бы она однообразный, пустынный видъ, еслибъ не оживляли ее огромныя, широко разметанныя селенія. Посередь неказистыхъ, низенькихъ, часто кривобокихъ и крытыхъ соломою избъ поднимались церкви съ высокими колокольнями, да чванно выступали передъ бѣдными крестьянскими поселками господскія усадьбы... Вкругъ этихъ селеній, словно часовые на сторожевыхъ постахъ,

разбросаны были вѣтряныя мельницы, шибко размахивавшія сквозистыми крыльями. Сторона эта была людная; издавна заселилъ ее русскій народъ и обсеидѣлся тутъ, словно корни пустыль въ родную кормилицу—землю.

Въ ту осень не тяжело было проходить черезъ села и деревни, расположенныя по большой дорогѣ. Прошлое лѣто, съ частыми, въ пору перенадавшими дождями и тепломъ благодатнымъ, принесло обильный урожай. Много скирдовъ понаставилъ на гумнахъ людъ деревенскій и много заботы поотлегло у него; недаромъ, вечерами, на улицахъ, раздавались веселыя пѣсни.

— Слава тебѣ, Господи,—говорилъ Терентій, съ любовью поглядывая на полныя гумна: въ-чуже сердце радуется!.. Урожай Богъ послалъ—отдохнетъ теперь народъ православный.

Радовали тоже добраго старика хорошія озими.

— Вотъ, посмотрика, касатка, частенько говаривалъ онъ Марьѣ, указывая на озимыя поля,—корешокъ-то въ самую пору дождикомъ обмыло, оттого засѣла такая частая зелень. Экую благодать Господь посылаетъ!

Но тоскуетъ душа Марьи. И гдѣ ужъ ей радоваться чужой радостью! Опостылѣлъ ей весь бѣлый свѣтъ. Идутъ ей въ голову лишь печальныя мысли, и не разгоняетъ ихъ видъ привольныхъ, богатыхъ полей и яснаго, синяго неба. Она помнить и думаетъ только о покинутомъ ею полюбовникѣ. Какъ желалось бы ей узнать, помнить ли онъ объ ней, или ужъ забылъ совсѣмъ на-досугѣ.

Въ этотъ день горестъ ея особенно усилилась. Старикъ видѣлъ это и жалѣлъ объ ней отъ всего сердца.

«Хоть бы поплакала опять, авось легче бы стало», думалъ онъ, замѣчая, что ни на какія рѣчи его она не отвѣчаетъ, а идетъ, все потупившись въ землю и тяжело вздыхаючи.

Сталъ онъ придумывать, какъ-бы утѣшить ее—и очень обрадовался, когда, послѣ полднѣ, сошлись съ ними десятка два богомольцевъ.

«На людяхъ—то и смерть красна — подумалъ старикъ:

вотъ побредемъ всё вмѣстѣ — разговоры пойдутъ... авось и затихнетъ тоска-то ея...»

Изъ новыхъ богомольцевъ только двое было мужичиъ, а остальные—все женщины.

— Здорово, добрые люди, — заговорили они съ Терентьемъ и съ Марьей. Вы куда путь держите?

— Въ Воронежъ, родимые, — отвѣчалъ Терентій; а вы куда?

— И мы туда же...—Пойдемъ-ка, дѣдушка, вмѣстѣ.

Марья дернула старика за рукавъ и шепнула ему:

— Ну, зачѣмъ, дѣдушка, съ чужими людьми идти?.. Пойдемъ лучше сторонкой...

— И, что ты, голубка, — отвѣчалъ онъ, да развѣ они намъ помѣха? Вѣдь, они тоже Богу молиться идутъ...

И потянулись они всё длинной вереницею по узенькой тропинкѣ, пробитой между ветель: впереди въ одиночку — мужики, съ толстыми посѣхами въ рукахъ, сзади—женщины, большею частію попарно. Идутъ всё, не спѣша, нога за ногу, переваливаясь по-утиному. Путь—длинный и не легкій. Не одинъ разъ промочить ихъ дождемъ такъ, что сухой нитки не останется; не одинъ разъ продуетъ до костей рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ. А одѣжа и обувь у нихъ не очень-то ладно приспособлена и къ пути и къ погодѣ въ осеннюю пору: на ногахъ у всѣхъ лаптишки истоптанные; мужики въ старенькихъ, худенькихъ свиткахъ, бабы—въ короткихъ бѣлыхъ шушунахъ, подпоясанныхъ красными поясами; за плечами — котомочки, у пояса — узелки да бурачки. Но не въ тягость имъ дальній путь, сырость и холодъ; идутъ по своей охотѣ, по великой душевной нуждѣ.

Мужики бредутъ все молча, все раздумывая про дѣло домашнее, а бабы и тутъ тараторятъ промежь себя о всякой всячинѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее.

Марья шла—было сзади и поодаль отъ всѣхъ, но вскорѣ присосѣдилась къ ней одна изъ богомольцевъ, баба уже старая, но адоровая и бойкая въ рѣчахъ.

— Ты, касатка, отколя?—спросила она Марью.

— Издадеча,—отвѣчала неохотно бѣглянка.

— А, издамечка!.. — повторила богомолка; изъ какой стороны-то, родимая?..

— Да на что тебѣ знать понадобилося — изъ какой я стороны?..

— И-и, молодка, ужъ какая ты, право! словно и спросить-то нельзя! такъ вотъ къ слову молвится... Вѣдь, не убудеть же тебя, коли отвѣтишь... А я, вотъ, про себя ничего не потаю: зовутъ меня Ненилой Семеновой, иду-жъ я съ Пронюхалова—вишь, есть село Пронюхалово подъ самымъ подъ городомъ... Ну, скажи же, касатка, изъ какой ты деревни-то?

— Изъ Касимовки...—наобумъ отвѣчала Марья.

— То-то-же, изъ Касимовки!.. чай, далеко отселя-то?

— Знамо, далеко...

— О-охъ, голубушка! и такой-то трудъ приняла ты на себя!.. Ну, да что и бить—душѣ будетъ во-спасенье... А дома-то у тебя ктожъ остался?.. старшья, чтоль, какая?

— Вѣстимо—старшья.

— Сноха аль свекровь?

— Свекровь...—крикнула, съ досадою, Марья и пустилась обгонять другихъ бабъ, чтобы только отвязаться отъ болтливой Ненилы,—но баба никакъ отъ ней не отставала.

— Чтой-то, касатка, бѣгомъ-бѣжишь!.. Нешто такъ ходить на богомолье!.. какъ-разъ ноги собьешь.

Видя, что не отдѣлаешься отъ Ненилы, — вѣдь, не браниться же стать съ нею,—Марья убавила шагъ.

— Ты впервой, чтоли, идешь на богомолье?—стала Ненила опять приставать съ своими распросами.

— Впервой...—сквозь зубы, отвѣчала Марья.

— Такъ, такъ, голубка, — оно и видно, что въ первой... А ты, вотъ смекай да замѣчай въ дорогъ-то, — для другаго разу тебѣ больно пригодится... О-охъ я-то, грѣшница, ужъ годовъ съ десятокъ будетъ — брожу по святымъ мѣстамъ... ребятишки все не стоятъ, мрутъ да и мрутъ, касатка... вотъ и хожу, все Богу молюся...

И Ненила заплакала. На этотъ разъ Марья внимательно и заботливо посмотрѣла на неотвязчивую свою спутницу.

— Нѣтъ у меня дѣтокъ и не было, молвила Марья, а

все я знаю, что горе твое не малое... Съ чего жъ такого мрутъ они, твои дѣтки?

— Знать, за грѣхи Господь насылаетъ, отвѣчала Ненила, отирая слезы, такъ—то, сердечная!.. вотъ и брожу по святымъ мѣстамъ; привыкла ходить—то на богомолье, и ужъ сколько мѣстовъ исходила!.. Хошь, касатка, поразскажу тебѣ про то, чтó довелось мнѣ видѣть?..

— Ну, разскажи, молвила ласково Марья.

— Вотъ, однава, начала Ненила, переправлялись мы на досчаникѣ черезъ Днѣпръ—рѣку, а было насъ человекъ тридцать, а, можетъ, и больше, все, почитай, богомольцы. Всплыли мы, эдакъ, на середину рѣки, анъ, откуда ни возмись, набѣжала страшная туча, вихорь поднялся и мечетъ нашъ досчаникъ во всѣ стороны, словно перышко!.. Всѣ—то мы перепужались, кто плачетъ—рыдаетъ, кто Богу молится вслухъ, кто ужъ сродниковъ поминаетъ, прощается, ровно передъ смертнымъ концомъ. А тутъ начало насъ нести къ каменнымъ порогамъ, ну, конецъ, значить, пришло, смерть неминуемая!.. Въ тѣ—поры, отъ страха, всѣ пали на колѣни, у всѣхъ языкъ отнялся, молчатъ, да ждутъ смертнаго часа... Только вдругъ приподнялась какая—то женщина, въ темномъ платьѣ, встала на самый край досчаника, да и говоритъ громко: «Народъ православный! за грѣхи наши послалъ Господь бурю страшную, а я всѣхъ грѣшнѣе—мнѣ и умирать за всѣхъ! Помолитесь о душѣ моей окаянной!».. Да съ этими словами бухъ въ воду! И чтожъ, касатка? словно камень, ко дну пошла, ни на единую—то минуту не вынырнула!.. А тѣмъ временемъ, и буря стихла, гребцы—то какъ разъ справились, ну, и спасъ насъ Господь отъ гибели!..

Марья содрогнулась при этомъ разсказѣ. Мысль, что и она грѣшница, наполнила душу ея тяжелымъ чувствомъ. А на ту пору шли наши странники опушкой густаго лѣса, съ обѣихъ сторонъ прилежавшаго вплоть къ дорогѣ. На небѣ стало опять наволочно и сумерки понадвинули разомъ. Ненила замѣтила, что Марья все пугливо озирается.

— Чтó ты все это озираешься? — спросила ее Ненила, аль чтó померещилось?

— Словно жутко стало... отвѣчала Марья, дрожмя—дрожа.

— И-и, касатка, есть чего пужаться! Да по такимъ ли мѣстамъ доводилось мнѣ проходить одной—однѣхонькой, не однава́ тоже ночевывала я въ чистомъ полѣ, подь стогомъ на лугу и въ лѣсу дремучемъ. Вотъ, послушайко, что разь приключилось со мной:—шла я, подь осень, по запрошлымъ лѣтомъ, на богомолье въ Радовицы, да прихватила меня денька на три хворь, я и отстала отъ другихъ.... И пришлось мнѣ идти одной, да все лѣсомъ, по глухой дорогѣ. Оставалось пути верстъ, можетъ, съ дватцать не больше, а съ ночлега—то вышла я ранымъ—рано и мекала, эдакъ, къ вечеру безпремѣнно попасть въ монастырь. Только нѣту, сударка: хворь-то все еще во мнѣ стояла, и брела-брела я, а до мѣста, вижу, далече. И застигла меня, такъ-то, посередь бору, темная ночь. «Господи! думаю, доведется ночевать въ бору... Какъ бы звѣрь лѣсной не напалъ!»—а въ тамошнемъ бору и медвѣдей, касатка, много... Испужалась я, инда дрожь меня проняла, анъ, вдругъ вижу, близѣхонько отъ дороги, огонекъ свѣтитя. Ну, мекаю, угольщики тутъ проживаютъ, переночевать меня авось нустятъ, а обидѣтъ не обидятъ: чтò со старухи—то взять?.. Пошла я на огонь, смотрю, стоитъ избѣночка крохотная, а у дверей старичокъ, съ длинной, бѣлой бородою, и одѣтъ какъ есть монахъ. Поклонилась я, подошла подь благословеніе, да и говорю: «отець честной, а нельзяль мнѣ переночевать здѣсь, въ избѣночкѣ—то?» Онъ ни словечка не промолвилъ въ отвѣтъ, а указалъ только на дверь; я вошла въ избушку, и онъ вошелъ. Гляжу, въ переднемъ углу образовъ много, передъ образами лампадка теплится, подь ними стоитъ налой, и большая книга раскрыта, а во всей избѣночкѣ ни стола, ни скамеекъ вовсе нѣту. Помолилась я на образа усердно, а старичокъ тѣмъ временемъ досталъ съ полки двѣ просвирки, одну мнѣ далъ, другую самъ тутъ же съѣлъ; да потомъ вышелъ изъ избушки, но скорехонько воротился, принесъ три изюминки и подаль мнѣ: «на, говорить, съѣшь теперича же, да и ложись на печку, а я всю ночь простою на молитвѣ.» Тутъ и вышелъ старичокъ вонъ изъ избы. Съѣла я просвиру и изюминки—и ужъ какъ сладки онѣ мнѣ показались!.. Да и скорехонько потомъ крѣпкимъ сномъ заснула; только, утромъ холодно

мнѣ стало. «Чтой-то, думаю сквозь просонья, какъ, за-почь, печь-то простыла?..» Анъ, глядь! лежу я подъ сосною, какъ есть, на голой землѣ и мелкій дождикъ моросить надо мной, а избушка и старичокъ нивѣсть куда подѣвались... Но вотъ диво, касатка: какъ рукой, послѣ того, всю хворь съ меня сняло, и встала я съ земли словно встрепанная!..

Этотъ разсказъ богомолки словно подѣйствовалъ на воображеніе нашей бѣглянки. Новыя мысли быстрымъ потокомъ нахлынули въ ея печальную душу. Уже не пугала ее совсѣмъ понадвинувшая темная ночь. Чувствовала она бодрость и крѣпость и силу въ себѣ. Въ первый разъ проснулось въ ней страстное желаніе помолиться, со всѣмъ усердіемъ, Богу.

«Свѣтъ бѣлый великъ и широкъ! стала она думать: обойду всѣ святаыя мѣста, потружусь и душу спасу!..»

Не высоко могла взлетѣть ея бѣдная мысль, — про трудъ и про волю не могла она надуматься.

Богомольцы прибавили шагу, пора имъ было и на ночлеги. Вотъ мелькнулъ передъ ними огонекъ, а, по вѣтру, донесся до нихъ отдаленный лай собакъ на деревнѣ.

— Надо быть, Хохловка, проговорилъ одинъ изъ мужиковъ. Ну, бабы, скорѣй на ночлеги!

— Великонецъ—таки переходъ мы нонѣча сдѣлали, замѣтилъ другой: чай, версть подъ пятьдесятъ, аль и побольше...

— Ничего, покрѣпче соснешь, молвилъ дѣдушка Терентій.

— А гдѣ жъ, въ Хохловкѣ-то, остановиться? спросила какая-то богомолка.

— Вѣстимо, у Василя Исаева, отвѣчалъ мужикъ, главный вожакъ всей толпы богомольцевъ.

— А мы гдѣ, дѣдушка, станемъ ночевать? — спросила Марья своего старичка—спутника.

— Да вотъ съ ними тоже, отвѣчалъ онъ: не отставать же намъ отъ добрыхъ людей...

Добрались наконецъ богомольцы и до постоялаго двора. Василий Исаевъ встрѣтилъ ихъ ласково. У него, какъ водится, припасенъ незатѣйливый ужинъ, у него можно найти и винца таки—вдоволь. Богомольцы вплотную поужинали,

но къ винцу, какъ ни подчивалъ хозяйинъ, низачто не хотѣли прикоснуться. Послѣ ужина, тотчасъ же всѣ улеглись спать, кто на печкѣ, кто на палатахъ, кто на лавкахъ; Марьѣ досталось мѣсто невыгодное, близъ двери съ надворья. Она тоже заснула, какъ и прочіе ея спутники, только у тѣхъ сонъ былъ крѣнокъ и совсѣмъ безъ грезъ, Марьѣ же худо спалось и много во снѣ видѣлось. Видѣлось ей, что она живетъ все еще въ Заовражѣ; въ этихъ грезахъ повторялась, въ бѣглыхъ очеркахъ, вся ея жизнь съ полюбвиномъ, всѣ тогдашнія радости, тревоги и печали. Но скоро Марья и совсѣмъ не могла уже спать.

Съ полуночи, вдругъ понаѣхали къ Василью Исаеву пятеро бойкихъ молодцовъ, по виду мелкихъ торгашей-мѣщанъ, промышляющихъ на базарахъ и ярмаркахъ кулашничествомъ, перекупомъ и всякимъ мошенничествомъ. Вошли они въ избу съ крикомъ и бранью; съ крикомъ же и бранью стали требовать вина у хозяина.

— Нѣту вамъ вина! отвѣчалъ хозяйинъ, съ видимымъ ожесточеніемъ. Вина еще понадобилося! — и такъ, вишь, понасосались...

— Ахъ, ты такой-сякой, заорали всѣ пятеро; да съ чего ты взялъ!... да какъ ты посмѣлъ-то, собака!..

— Что-о?.. ругаться еще стали?.. возразилъ хозяйинъ гладнокровно: нѣтъ, у насъ буянить не приходится, мы, вѣдь, посередь села живемъ, да и станова я квартира всего черезъ три двора... Вонъ отсюдова, сволочь!..

— Хозяинъ, хозяйинъ!.. а, хозяйинъ! заговорилъ тихими рѣчами и съ умильной улыбочкою кулакъ, съ виду постарше прочихъ, и человекъ, видно, бывалый въ передѣлкахъ: а ты не серчай... ты не серчай на нихъ-то, хозяйинъ... Вишь, люди выпили маненько, да вотъ и взбреднуди... а коли взбреднуди, такъ тому дѣлу и быть... Эхъ, вы черти—дьяволы! въ ножки должны хозяину кланяться!.. А ужъ это, хозяйинъ, словечко таково у нихъ съ языка сорвалось... Ну, хозяйинъ, будь отцомъ роднымъ! отпусти винца намъ, вѣдь деньги заплатимъ...

— Вѣстимо, заплатите, отвѣчалъ сурово несговорчивый хозяйинъ: да мнѣ вашихъ денегъ ненадобно... чортъ васъ но-

ситъ ко мнѣ!.. шли бы къ Терешкѣ Моргачову... У меня про васъ вина нѣту...

— Чтожь, ребята, молвилъ самый задорный изъ всѣхъ, парень съ рыжей бородкой: вѣдь есть съ нами два полуштофика французской водки, для пунштика было—берегли, ну, да и такъ сойдетъ, благо, къ случаю попала... а вина его намъ и ненадобно...

— Какъ же вотъ! такъ и позволю я вамъ пьянствовать у меня... возразилъ Василий Исаевъ.

— Слушай ты, хозяинъ, молвилъ рыжебородый: сколько возьмешь съ насъ за ночлегъ да за ужинъ?

— Знамо, сколько: за ужинъ по полтинѣ съ брата, а за ночлегъ, особо тоже, хотъ по двугривенному... съ васъ меньше брать не приходится....

— Ну, такъ тому дѣлу и быть... вотъ тебѣ деньги, а теперича ужъ не моги ты намъ мѣшать...

Хозяинъ взялъ деньги, постоялъ съ минутку на одномъ мѣстѣ, про что-то раздумывая, и наконецъ ушелъ къ себѣ за перегородку.

Молодцы свободно начали пьянствовать, и допились до того, что крѣпко перессорились между собою.

— Ты что?.. кричалъ одинъ.

— А ты что?

— Да я, малый... вотъ что...

— Знамо, ты, какъ есть, воръ—разбойникъ!..

— Ахъ, ты такой-сякой!..

И отъ попрековъ да гнусныхъ ругательствъ какъ—разъ перешло дѣло къ кулачной расправѣ. Зазвенѣла стеклянная посуда, полетѣвшая со стола на полъ; столъ и скамьи тоже не устояли на мѣстѣ. Между всѣми пятерыми гуляками началась ожесточенная драка.

— Ребята!.. молодцы!.. разбойники!.. милые вы люди!.. уговаривалъ ихъ хозяинъ, прибѣгая то къ ласковымъ словамъ, то къ угрозамъ и брани: побойтесь Бога, вѣдь становой близехонько живетъ!... неровень часъ, бѣда да и только!..

Рьяные ратоборцы не слушали хозяина. Сталъ—было онъ разнимать ихъ, такъ и ему понало нѣсколько тумачковъ: не

будь онъ хозяинъ, и ему, можетъ статься, пришла бы охота посчитаться на кулакахъ съ забіяками.

— Ахъ, вы черти проклятые! ровно собаки!.. вскричалъ онъ отчаянно, отскакивая наконецъ отъ дерущихся.

— Свои собаки грызутся, чужая не приставай! гаркнулъ ему въ отвѣтъ одинъ изъ нихъ.

То была гнусная, бѣшеная свалка, хуже собачьей грызни. Она продолжалась не мало времени, наконецъ одинъ изъ пьяницъ выбилъ другому глазъ. Изувѣченный, съ страшнымъ стономъ упалъ на полъ. Этимъ прекратилась драка, но дѣло-то выходило нешуточное.

— Убилъ! убилъ! ахъ вы, разбойники эдакіе! раздались крики со всѣхъ сторонъ.

Богомольцы, давно уже разбуженные шумомъ попойки, а затѣмъ и драки, хотѣли-было бѣжать изъ избы, но хозяинъ и товарищъ изуродованнаго кинулись къ дверямъ и никого не пустили.

— Нѣтъ, стой, бабы! стой! кричали они: ужъ теперича не пустимъ... вишь, уголовщина вышла!.. Становой свидѣтель въ потребуеть...

Между-тѣмъ на станovou квартиру кто-то далъ уже знать о дракѣ и оттуда былъ присланъ писарь съ разсылнымъ и десятскими. Писарь этотъ забралъ всѣхъ буяновъ мѣщанъ, изуродованнаго ихъ товарища, всѣхъ богомольцевъ и самого хозяина забралъ, да и посадилъ ихъ подъ караулъ, впредь до разбора самимъ становымъ приставомъ. Это распоряженіе было всѣмъ не-по-нутру, встревожило, а особенно хозяина постоялаго двора. Василій Исаичъ твердо зналъ, что дѣльцо недаромъ ему обойдется: становой ужъ давненько, Богъ знаетъ за что, добирался до него.

Становой не очень рано любилъ вставать отъ сна. Онъ еще изволилъ опочивать, а яркое солнце уже довольно высоко стояло на безоблачномъ небѣ и подъ его теплыми лучами давно исчезла съ травы серебристая пелена, за-ночь выброшенная на нее морозомъ. День былъ чудный, свѣтлый, тихій и теплый.

Въ комнатѣ канцеляріи становаго пристава, съ ранняго утра, набилось много народу и духота въ ней была нестер-

пимая. Господинъ становой приставъ, Егоръ Аванасъичъ, человѣкъ тучный и невыносившій жару, какъ только вошелъ въ канцелярію, обругалъ всѣхъ—таки за духоту и тутъ же распорядился, чтобы судъ и расправа производились подъ открытымъ небомъ. Конечно, Егоръ Аванасъичъ не имѣлъ никакого поползновенія подражать нѣкоторымъ изъ древнихъ-древнихъ французскихъ королей, творившимъ также судъ подъ открытымъ небомъ, однако, во всякомъ случаѣ привычка его разбирать дѣла на лужайкѣ, въ проулкѣ передъ своей квартирою и въ тѣни двухъ развѣсистыхъ ивъ, доказывала присутствіе въ душѣ его идилическихъ наклонностей. Мы сдѣлали указаніе на эту характеристическую черту недаромъ, а именно для того, чтобы уже не распространяться больше о личности Егора Аванасъича, во всемъ прочемъ совершенно отражавшей въ себѣ общій типъ, свойственный становымъ приставамъ.

Сцена для дѣйствія—обширная сцена. Правда, съ трехъ сторонъ обставлена она въ узенькомъ проулкѣ тѣснолѣпящимися крестьянскими избами да колодеземъ, что стоитъ по самой серединѣ проулка,—тутъ-то и находятся актеры и зрители; но зато съ четвертой стороны, черезъ улицу, за низкимъ плетнѣмъ, тянутся необозримою ширью поля и дуга.

На первомъ планѣ самъ сановитый Егоръ Аванасъичъ. Наморщивъ лобъ, да покуривая коротенькую трубку, расхаживаетъ онъ мелкими шагами вокругъ стола, за которымъ сидитъ, сгорбившись надъ кипой бумагъ, испитой его писа-ришка. Въ глубинѣ сцены изувѣченный мѣщанинъ съ обвязанной грязною тряпицею головой и съ страшно распухшимъ, кровавымъ глазомъ, для пущей улики нарочно оставленнымъ снаружи; рядомъ съ этой жертвой вчерашней потасовки четверо другихъ мѣщанъ—забѣякъ, съ подбитыми тоже скулами, съ расярепанными, полувыщипанными бородками; да и хозяинъ постоялаго двора тутъ же; стоитъ онъ, опустивъ низко голову, изрѣдка вздыхаетъ и все, эдакъ, пожимается: видно, предчувствуетъ, сердечный, что ему тошнѣе всѣхъ придется... За мѣщанами и Васильемъ Исаичемъ тѣснится плотно сжатая, безмолвная и видимо, съ чего-то, оробѣлая толпа богомольцевъ... А наконецъ замыкаютъ эту толпу смиренные

зрители, двое сотскихъ, невзрачныхъ мужичковъ, съ мѣдными бляхами на груди, нѣсколько десятскихъ съ суковатыми палками въ рукахъ, да десятка два-три бабъ и ребятишекъ, которые все перешептываются между собою, дивятся не дивятся, а такъ-себѣ глазѣютъ, покуда не отогнали ихъ, по приказу становаго, строгіе ревнители порядка—сотскіе и десятскіе. Можетъ, только того и ждуть они, чтобъ на нихъ прикрикнули, а иначе чегобъ тутъ еще высматривать да дожидаться?—драка и судъ становаго дѣло знакомое и даромъ—что бабы и ребятишки, а, чай, и онѣ хорошо вѣдаютъ чѣмъ должно дѣло покончиться.

Судъ становаго начался чинъ-чиномъ, именно съ допроса виновныхъ въ дракѣ. Какъ водится, этотъ допросъ сопровождался все время энергическою оцѣнкою преступленія. Егоръ Аванасъичъ показалъ себя отличнымъ діалектикомъ, да и надо отдать ему справедливость: при эдакихъ случаяхъ не щадилъ онъ вообще своей широкой груди; и теперь, изъ нея безпрестанно вылѣтали могучіе звуки, крупныя слова. На этотъ разъ, нашъ становой былъ что называется въ ударѣ; правда, случай, подавшій поводъ къ теперешнему разбирательству, былъ самый обыкновенный случай, но кровавый глазъ изувѣченнаго мѣщанина и подбитыя скулы его товарищей какъ-то особенно вдохновляли Егора Аванасъича. Онъ доказалъ забіякамъ скорѣхонько, что всѣ они, не исключая и изувѣченнаго, величайшіе мошенники и разбойники, «попросту сказать болванѣ и свиньи», а виноваты они оттого еще болѣе, что затѣяли свою драку на томъ постоломъ дворѣ, который у него, становаго пристава, всегда подъ глазами!..

— Да чтожъ вы, разбойники, покончилъ онъ грозную рѣчь свою, властей-то предержавшихъ, стало-быть, вы и знать не хотите?

— Батюшка... ваше высокоблагородіе... отвѣчали тихимъ голосомъ виноватые, поочередно и земно кланяясь, врагъ, тоись, попуталъ... выпили больно, тово... ужъ помилосердитесь!.. другу и недругу напередки закажемъ.

Кланялся тоже и изувѣченный и просилъ оставить дѣло на томъ основаніи, что онъ прощаетъ своихъ обидчиковъ.

Надо сказать, что они успѣли уже за ночь уговорить его помириться съ ними на двадцати-пяти цѣлковыхъ. Но для Егора Аванасъича было вовсе несподручно такъ вдругъ наотрѣзъ и покончить дѣло мировою..

— Нѣтъ, погоди! молвилъ онъ, эдакъ-то нельзя дѣло ладить: набуянили про весь мѣръ, у самой становой квартиры, да и хотите такъ ни-съ-чѣмъ отъѣхать!.. Шалишь, ребята, шалишь!.. ну, да еще дойдетъ опять до васъ чередъ... А вотъ теперича надо до главнаго разбойника добратъся... Василій Исаевъ! ты мнѣ всѣхъ больше отвѣтишь!.. да вѣдь въ твоёмъ домѣ-то чуть человѣка не убили!..

— Помилуйте, ваше благородіе, возразилъ Василій Исаевъ, замѣтно приободрившійся послѣ того, какъ изувѣченный мѣщанинъ объявилъ, что онъ ни въ какую претензію не входитъ за разбитый глазъ свой,—уголовщины у меня ни на-волосъ не вышло, подрались только съ-пьяну, а я ничѣмъ тутъ, какъ есть, непричиненъ... да вонъ же они и на мировую идутъ.

— Ахъ ты, мошенникъ! прикрикнулъ становой, въ разговоры со мной пустился! оправдываться вздумалъ!.. да вотъ постой!.. Пиши допросъ, Иванъ Спиридонъчъ!.. пиши съ него, мошенника, допросъ построже!.. мы съ него и дѣло-то начнемъ.

Егоръ Аванасъичъ не на-шутку расходился. Онъ кидаль грозные взоры вокругъ, и внезапно обратившись къ зрителямъ, бабамъ и ребятишкамъ, такъ неистово гаркнулъ на нихъ «чего вы тутъ, скоты, глазѣете?», что всѣ они, какъ дождь, рассыпались въ разныя стороны. Сердце у Василья Исаева опять заёкало, и не даромъ. Велѣвъ сотскимъ отодвинуть за кододезь мѣщанъ-забіякъ и богомольцевъ, становой принялся за допросъ въ-плотную. Сначала писаришка распросилъ Василья Исаева, какъ звать его, сколько ему лѣтъ отъ роду, бываетъ ли онъ на исповѣди и у святаго причастія, а тамъ пошли распросы уже самого Егора Аванасъича, да такіе распросы, что Василья Исаича даже холодный потъ прошибъ.

— Ваше благородіе!.. взмолился онъ подконецъ, помилосердуйте... тоишь, дѣло докончить; не извольте, батюшка, и

сами беспокоиться... Что ужъ тутъ! порядки это извѣстные! Мы ужъ не стоимъ за благодарностью.

И онъ что-то прибавилъ шепотомъ становому. Но тотъ былъ неумолимъ, а почему такъ, дѣло скоро объяснилось.

— Я, братъ, давненько до тебя добираюсь,—молвилъ онъ съ ожесточеніемъ; мнѣ такихъ разумниковъ да законниковъ, какъ ты, держать у себя подъ бокомъ не приходится, или ужъ такъ надо проучить, чтобы напредки не повадно было... Она-медни торговалъ я у тебя рыжаго жеребенка,—ты уважилъ меня, что ли?.. Изъ-за двѣнадцати цѣлковыхъ не хотѣлъ уважить, свинья ты эдакая!..

— Батюшка! мы всегда съ нашимъ къ вамъ почтеніемъ, — а ужъ насчетъ жеребчика-то, — провалиться бы ему!—такъ-вотъ затмилось въ умѣ на ту шору... спросту, батюшка, спросту... вишь тогда показалось: дѣло-то словно неподходящее...

— Да вѣдь не въ томъ еще твои провинности! Вспомни, какъ Поликашкѣ похвалялся: что мнѣ, дескать, становой!.. я все по закону...

— Ваше благородіе! помилуйте... сбrehнулъ это. Поликашка... а, точно, однава...

— Хорошо, хорошо... я еще проберу тебя, друга любезнаго... Иванъ Никифоричъ! надо хорошенько посмотрѣть, что это за люди у него ночевали — эти богомольцы-то, свидѣтели... Смотришь, промежь ними бѣглые окажутся,—вѣдь ставется отъ этого мошенника Василья Исаева, что онъ и бѣглымъ притонъ держитъ!..

Грозныя слова эти произвели сильное дѣйствіе на дворника: онъ увидѣлъ, что становой непутемъ добирается до него. Василій Исаевъ хоть и не былъ, что называется, — травленнымъ волкомъ, однако, не разъ доводилось ему видывать, какъ «измываются», при случаѣ, надъ простымъ человекомъ...—такъ тутъ не диво, что жутко стало. Бѣдный мужикъ совсѣмъ растерялся — и вмѣсто того, чтобы пораскинуть разумомъ, какъ и чѣмъ бѣдѣ помочь, онъ сталъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушиваться къ отвѣтамъ богомодокъ, когда начался строгій переборъ ихъ.

Егоръ Аванасъичъ спрашивалъ богомольцевъ не о томъ, что они видѣли насчетъ вчерашней драки, а о томъ — кто они такіе. Впрочемъ, сначала дѣло шло хорошо для Василя Исаева: у всѣхъ, кого спрашивалъ становой, оказывались законные виды на отлучку. Дворникъ начиналъ оживать;— оставалось спросить только трехъ бабъ, между которыми была и наша бѣглянка.

— Ба, ба, ба! — вскричалъ Егоръ Аванасъичъ, взглянувъ въ бѣглянку, вотъ еще какая краля тутъ очутилась!.. Поди-ка сюда, поди-ка... Личико у тебя, право, премилодидное,—а то я ужъ усталъ отъ всѣхъ этихъ харь... Ну, те-перича повѣдай мнѣ, кралячка, кто ты такая, и изъ ка-кихъ тоже мѣстъ?..

Не успѣла Марья отвѣтить, какъ подошелъ къ ней на выручку дѣдушка Терентій.

— Авдотъей, батюшка, зовутъ ее, Авдотъей... она, вотъ, со мною...—началъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Пошелъ прочь, старый грибъ!.. — весело заговорилъ становой, стукнувъ старика трубкой по лбу: ну, куда лѣ-зешь?—развѣ тебя спрашиваютъ?.. чай, и сама она говорить умѣетъ...

Старикъ отступилъ назадъ съ большой неохотою, а усерд-ные сотскіе и десятскіе дернули его за рукава и за полы — и опять поставили въ глубинѣ сцены, за колодеземъ.

Марья одна осталась передъ становымъ, и стояла, угрюмо потупившись въ землю. Вопросъ не пугалъ ее, а такъ вотъ не хотѣлось ей глядѣть на все и на всѣхъ; спутанныя мы-сли не подсказывали никакихъ рѣчей; говорить съ кѣмъ ни-на-есть— было ей и тяжело и противно. Между-тѣмъ Егоръ Аванасъичъ любовался ею по-своему... «Славная бабѣнка, думалъ онъ, перебирая своими толстыми губами: право, слав-ная!.. Должно быть, дворовая,—что-то не крестьянкой смот-реть... Вотъ бы, тово...»

— А какъ тебя звать, голѣбушка? спросилъ онъ Марью, потонивъ до-нельзя свой повелительный голосъ.

— Дѣдушка Терентій ужъ сказывалъ... — отвѣчала она неохотно.

— Экая какая! да ты сама-то скажи...

— Авдотѣй, чтоль... Авдотѣй Ефимовой...—молвила она чуть не шепотомъ и вдругъ вся вспыхнула — такъ тяжело было ей согнать въ эту минуту передъ самой-собою.

— А откуда ты, — то есть, изъ какой деревни?

— Изъ Касимовки...

— Изъ какой это Касимовки? Изъ уѣзда-то какого?

Этотъ вопросъ окончательно смутилъ Марью; она не знала что отвѣчать—и молчала, перебирая концы своего голубнаго платка.

— Отвѣчай же, милая,—повторилъ ласково становой; ну, скажи, какого же уѣзда эта Касимовка?

— А кто ее знаетъ—какого...—отвѣчала она съ досадою.

Становой засмѣялся.

— Вотъ оно что, — сказалъ онъ: оказывается, значить, что ты простуха-бабѣнка, а я было думалъ не то... думалъ, что ты изъ дворовыхъ.. тѣ обыкновенно—многознайки... Ну, да это ничего... Иванъ Никифорычъ! посмотри-ка, братъ, изъ какого уѣзда сказался старикъ, съ которымъ она идетъ на богомолье?

Писаришка справился — и оказалось тутъ, что деревня, изъ которой былъ старикъ, называется не Касимовка, а Торбеяха.

— Какъ же такъ?—спросилъ становой Марью,—вѣдь вы должны быть изъ одной деревни, коли вмѣстѣ идете?

Марья ничего не сказала въ отвѣтъ, а Егоръ Аванасьевичъ вдругъ,—что называется—воззрился: онъ уже заподозрилъ въ Марьѣ безпаспортную, да и всякая блажь пошла ему тутъ въ голову. Все еще ласково, но и настойчиво сталъ онъ приставать къ ней съ вопросами о томъ, изъ одной ли она деревни съ старикомъ Терентьемъ. Страхъ напалъ на Марью; на-силу могла она выговорить:

— Разныхъ... разныхъ мы деревень...

— Разныхъ!.. Эге-ге!.. да ты, голубка моя, что-то путаться начинаешь!.. Покажи-ка мнѣ видъ свой на отлучку.

— Нѣту... у меня...

— А! нѣту! нѣту!.. — произнесъ протяжно становой и потеръ руками отъ удовольствія. Такъ ты, моя лапушка, должно быть—бѣглая... вотъ оно что!.. Bravo, Иванъ Ни-

кизорычь! вотъ одного звѣрка жѣ и заповѣвали,—теперь дѣла наши на-ладѣ пойдутъ... Ну, придется мнѣ задержать тебя, голубушка. Сотскій! отвѣди-ка ее покуда въ сторонку. А поди-ка сюда, старый чортъ! крикнулъ онъ на старика Терентья. Какъ же ты смѣлъ навратъ мнѣ, что изъ однихъ мѣстъ?

— Виноватъ... батюшка... — отвѣчалъ старикъ, по пути она ко мнѣ пристала... А ей-же Богу, она не бѣглая... Ваше благородіе! помилуйте! отпустите бабѣнку—право-слово, Богу идетъ молиться...

— Ахъ ты старый дуракъ! заступаться тоже вздумалъ за побродягу... И тебя-то надо съ нею задержать. Знаю я ваше богомолье! Безъ видовъ шатаетесь, нищенствуете да подѣ-часъ воровствомъ промышляете...—а тутъ изъ-за вашего бродяжничанья отъ начальства выговоры получаешь. Посадить его подѣ-караулъ!

Десятскіе потащили Терентья въ квартиру становаго; Егоръ Аванасъичъ опять принялся за допросъ Марьи.

— Такъ, значитъ, ты бѣглая?—заговорилъ онъ въ-полголоса: ну, только будь ты умна, да со мной откровенна... а послушаешься — такъ и бѣды миновать можно... Расскажи мнѣ сначала, какъ же ты это ушла?

— Просто ушла, — знамо, какъ уходятъ... — отвѣчала Марья, испугъ которой уже прошелъ въ то время.

Къ такимъ отвѣтамъ непривыченъ былъ Егоръ Аванасъичъ: съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на бѣглянку.

— Э, да ты, вижу, бѣдовая: нагулялась на волѣ-то, ну и тово!..—молвилъ онъ, принужденно улыбувшись. Ты послушай-ка, чтѣ я скажу тебѣ: зла я тебѣ не желаю, напротивъ,—добро хочу сдѣлать... Видишь, дѣло уголовное затѣялось изъ-за этой драки вчерашней, — дѣло важное: улика на лицо,—глазъ вышибенъ... по дѣлу ты въ свидѣтели попала, а тутъ оказывается, что ты бѣглая, то есть, бродяга; съ бродягами же, по закону, не шутятъ.. Не хорошее дѣло выходитъ для тебя, душа моя: тутъ, какъ разъ, угодишь въ тюрьму...

— Куда хотите, дѣвайте,—возразила Марья сердито; худыхъ дѣловъ я не сдѣлала... жаловаться на меня не кому...

— Ну, какъ ты смѣешь отвѣчать мнѣ грубо!..—крикнулъ было становой, нѣсколько уже разсерженный;—но эта вспышка гнѣва скоро замерла въ его лакомой душѣ. Онъ сталъ доказывать Марьѣ, и опять все въ полголоса, что онъ власть надъ нею имѣеть, что во власти его помиловать ее и не помиловать, что онъ—человѣкъ-то души доброй и не хочетъ ей зла никакого.

— Авдотья, — заключилъ онъ наконецъ, не будь только ослушницей, я же все готовъ для тебя сдѣлать... Тамъ можно будетъ тебѣ и опять разгуляться на свободѣ... Ты вотъ ночуй у меня на квартирѣ... а поживешь нѣсколько времени... ну, угодишь тоже... такъ я и награжу еще тебя...

Марья вся вспыхнула въ лицѣ; жгучіе глаза ея такъ и впилась въ широкое лицо сластолюбиваго становаго; ей такъ хотѣлось плюнуть въ это гадкое лицо, что она на-силу удержалась.

— Ночевать мнѣ у васъ не приходится... Чтò вы ко мнѣ пристаете?.. Посулили тюрьму, такъ и сажайте туда...—молвила она твердо и громко.

— Тсъ!.. чтò орешь-то такъ! сказалъ становой, погрозившись на нее. Но и тутъ онъ скрѣпился и не изволилъ разгнѣваться, а опять началъ «усовѣщевать» бѣгланку по-своему. Богъ вѣсть, долго ли продолжались бы эти усовѣщеванья и чѣмъ бы покончилъ онъ ихъ, еслибы вдругъ полицейское вниманіе его не было оторвано отъ бѣгланки новымъ предметомъ.

На дорогѣ, проходившей неподалеку отъ мѣста, гдѣ становой нашъ творилъ судъ и расправу, показалась кибиточка, запряженная парой измученныхъ крестьянскихъ лошадей. Изъ кибитки этой выглядывалъ пожилой человѣкъ, въ синей суконной чуйкѣ, подпоясанной полотенцемъ, въ большомъ, истасканномъ картузѣ, и съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ,—однимъ словомъ, по виду управляющій изъ дворовыхъ. Въ разнохарактерной толпѣ у колодезя, проѣзжій какъ разъ обличилъ становаго, человѣка весьма замѣтнаго, и по росту, и по породству.

— Ахъ, батюшка! вѣдь, вотъ я призналъ-таки васъ...— вскричалъ онъ,—стой, стой, Сидоръ!..

Подводчикъ Сидоръ остановилъ лошадей; проворно выскочилъ изъ кибитки проѣзжій и подошелъ къ становому.

— Батюшка, Егоръ Аванасъичъ, говорилъ онъ, отвѣщая нѣзкіе поклоны, — по-добру-ли, по-здорову-ли поживать изволите?... извините, батюшка... не могъ проминовать...

— Ба! да это ты Архипъ Матвѣичъ,—молвилъ становой очень весело и привѣтливо. Вотъ гдѣ довелось свидѣться!... Изъ какихъ странъ плывешь теперича?.. Надѣвай, надѣвай картузь-то,—ну, что мнѣ смотрѣть на твою лысину?.. Э, любезный, больно постарѣлъ ты за это время,—ха, ха, ха, ха!...

То былъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ старый знакомый Архипъ Матвѣевъ.

— Постарѣлъ, батюшка, точно, постарѣлъ, — отвѣчалъ онъ, тоже посмѣиваясь; а тутъ еще, на бѣду, хворь меня прихватила, — думалъ, вовсе не встану, и старыя косточки мои похоронять на чужой сторонѣ.

— Чтожъ ты не скажешь, откуда ѣдешь-то теперь?

— Да изъ саратовской вотчины, Егоръ Аванасъичъ. Баринъ посылалъ меня туда, прикащика провѣрить... слухи прошли, что мужичковъ больно разоряетъ, а главное то, что наши барскія дѣла совсѣмъ запустилъ. Продувная бестія! На-силу съ нимъ сладилъ, ну и карманы его поочистилъ отъ награбленнаго добра... Изъ того больше и прожилъ тамъ долгонько,—а тутъ еще эта хворь лихая...

— Куда жъ теперича?

— Къ барину-съ ѣду... Да какъ увидалъ васъ, батюшка, Егоръ Аванасъичъ, сердце не утерпѣло... не могъ проминовать... Вѣдь я завсегда вашими милостями пользовался: бывало, пріѣдешь, попросишь что-нибудь по господскому дѣлу, все-то вы тотчасъ же исполните... Баринъ нашъ, Сергѣй-то Яковличъ, очень доволенъ вами остаются... я же завсегда понимать долженъ...

Ну, ну, спасибо, спасибо на добромъ словѣ, — говорилъ совсѣмъ развеселившійся становой; мы съ тобой, точно, въ ладахъ жили,—да заходи ко мнѣ... закусишь, рюмочку вин-

ца пропустишь,—съ дороги-то оно хорошо,—ну, и покалякаемъ...

— Да я опасуюсь, батюшка,—вы, кажись, дѣлами изволите быть заняты... такъ помѣшаешь вамъ...

— Ничего, ничего... дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ... Я тутъ съ утра вожусь—пора и закусить...

— Все-то вы, батюшка, трудитесь... вотъ и тешерича слѣдствие, что-ли, какое наводитъ изволите?

— Да, драка вышла, чуть-было не убили одного,—мошеникъ тоже и онъ; а все виноватъ дворникъ: всякую сволочь къ себѣ принимаетъ; вино держитъ на своемъ дворѣ; ну, и завелъ притонъ... кстати вотъ, при сей okazji, безпартная бабенка у него нашлась, да такая, должно быть, разбойница, нагулялась на волѣ-то, отвѣчать даже не желаетъ!...

Архипъ Матвѣичъ оглянулся въ ту сторону, куда указывалъ становой своимъ толстымъ перстомъ,—и вдругъ, къ величайшему своему изумленію, увидалъ Марью, которая стояла въ сторонѣ, потупившись въ землю и закрываясь нѣсколько рукавомъ: неожиданное появленіе крестнаго отца совсѣмъ поразило ее.

— Матушка!—вскричалъ Архипъ Матвѣевъ. Матушка! никакъ это ты?.. Вотъ okazія-то!.. да какъ ты сюда попала?..

— Развѣ ты знаешь ее? — спросилъ удивленный Егоръ Аванасъичъ.

— А какъ же, батюшка! вѣдь она—наша крестьянка, Марья Ефимова... Чай помните крестьянина Царёна Елисея,—ну такъ сноха ему приходится: за сына его была выдана да, и мнѣ тоже крестница...

— Такъ вотъ она кто такая!.. сказала же сначала Авдотей, изъ какой-то Касимовки... потомъ и словечка я отъ ней не могъ добиться...

Архипъ Матвѣичъ разъахался.

— Вотъ дѣла-то! — твердилъ онъ,—что теперь станешь дѣлать? Ваше высокоблагородіе! будьте отцомъ, соблаговолите рассказать мнѣ, на какихъ это дѣлахъ поймали ее, разбойницу?..

— Да дѣль-то еще куда никакихъ не оказывается. Она,

видишь ли, ночевала тоже на постояломъ дворѣ, когда про-
изошла драка; задержали ее, вмѣстѣ съ другими, какъ сви-
дѣтельница, а тутъ, какъ сталь я ее спрашивать по поряд-
ку,—кто она такая, анъ, и путаться стала, вотъ и оказа-
лось, что—бѣглая... Да я еще долженъ пожаловаться тебѣ
на нее: дерзкая бестія! Сначала про побѣгъ свой отозвалась,
что ушла, дескать, просто, знамо какъ уходить, а потомъ...
право, дерзкая бестія!

— Ахъ она мерзкая!.. Ахъ она тварь эдакая! говорилъ
Архипъ Матвѣевъ, покачивая головою. Батюшка, Егоръ
Аванасьичъ!—прибавилъ онъ шепотомъ, умильно ослабив-
шись, окажите божескую милость, позвольте мнѣ переговорить
съ нею... Я ей потачки-то не дамъ, пожалуй, и за косы от-
таскаю, такъ она мнѣ во всемъ сознается...

— Изволь, изволь, отвѣчалъ становой; по правдѣ ска-
зать, мнѣ таки и надобло возиться съ нею... Я пойду тепе-
рича къ себѣ, распоряджусь насчетъ, эдакъ, съѣдобнаго, а
ты приходи, Архинушка, поскорѣе... ну, мы съ тобой и
тово...

Становой пошелъ къ себѣ въ домъ, видимо въ хорошемъ
расположеніи духа; за нимъ тотчасъ же шмыгнули Василій
Исаевъ и двое изъ мѣщанъ—забиякъ. Между—тѣмъ Архипъ
Матвѣевъ отвелъ въ сторону свою крестницу.

— Ахъ ты, безстыжіе твои глаза! началъ онъ рѣчь свою
къ ней: что ты это надѣлала, а? что надѣлала-то?.. Изъ до-
му бѣжала, сдѣлалась бродягой, въ станъ попала... положила
покоръ на всю семью и на всю-то деревню!... Да какъ ты
смѣла это сдѣлать! да на кого ты надѣялась!... Вотъ погоди,
даромъ тебѣ это не пройдетъ!...

Архипъ Матвѣевъ страшно раскипятился и сначала
гнѣвъ его на бѣглянку былъ непритворный. Но и скоро-
хонько сердце его стало утихать. Марья ни въ чемъ не
перечила своему крестному отцу, а стояла такая блѣдная,
такая унылая, что невольно прокралась въ его добрую душу
жалость къ безотвѣтной и безпріютной сиротѣ-крестницѣ.

— Эхъ, матушка, матушка! проговорилъ онъ, глядя за-
чѣмъ-то въ сторону: знаешь-ли ты, какво горько мнѣ тепе-
рича? а такъ горько, такъ горько,—словно надо мной самимъ

грѣхъ-бѣда приключилась!... Что теперича мать-то твоя горемычная скажетъ? Да и каково ей все это время было?..

При этихъ словахъ сердце бѣглянки словно стало разрываться отъ великой тоски. Застонала она и такъ зашаталась, что Архипъ Матвѣевъ долженъ былъ поддержать ее, а-то бы она упала.

Онъ отвелъ ее къ своей кибитчонкѣ, отослалъ подальше подводчика Сидора и принялся утѣшать Марью.

— Полно же, полно... не тоскуй, Машутка... говорилъ онъ тихо: какъ быть-то! какъ быть-то! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!.. Авось, Господь смилуется—баринъ не взыщетъ строго... ну, и семейскіе серчать-посерчаютъ, а тамъ и тово... ужъ нечего дѣлать!—я долженъ буду заступиться, буду просить милости за тебя...

На Марью мало дѣйствовали эти утѣшенія, но наконецъ она заплакала, и легче ей стало на душѣ. Про это не догадался Архипъ Матвѣевъ; горько было ему видѣть слезы бѣдняги-крестницы, и онъ сталъ упрашивать ее, чтобы она не плакала.

— Нѣтъ, ты оставь, батюшка крѣстный, мнѣ такъ-то легче будетъ... проговорила она и скоро потомъ видимо успоковлась.

Тогда Архипъ Матвѣевъ ласково, но настойчиво началъ спрашивать ее о всѣхъ подробностяхъ ея побѣга.

— Допрежь всего былъ его первый вопросъ: ты скажи мнѣ и ничего, Машонька, не потай: съ чего такого бѣжала ты изъ дому?

— Утаивать ничего не стану, отвѣчала Марья: оттого я бѣжала, что не въ моготу стало жить мнѣ въ ихнемъ дому.

— Глупая ты, право, глупая! возразилъ старикъ; а чѣмъ не житье тебѣ было? Старуха Силантьевна баба самая смиренная, лучше свекрови найдти нельзя! Муженекъ же твой—да изъ него могла ты хоть лучины щепать; онъ тебѣ словечка не могъ поперечить; изъ рукъ твоихъ долженъ былъ смотрѣть... А домъ-отъ какой богатѣйшій!

— Пропадай онъ пропадомъ ихній домъ проклятый! Не лежало гъ нимъ мое сердце...

*

— Какъ не лежало? Да вѣдь Кузя-то законъ твой!.. Ахъ, ты, пропащая твоя головушка!.. Ну, да что объ этомъ толковать! Расскажи-ка мнѣ теперича обстоятельно, какимъ, то есть, манеромъ изъ дому ушла и гдѣ все это время пробывала?

Въ немногихъ, но яркихъ чертахъ передала Марья про свое житье-бытье въ семьѣ Большаковыхъ, про то, какъ хотѣла она отъ всей души работать для дома, про то, какъ во всемъ ей тутъ помѣшали; не могла только она объяснить: когда надумалась и какъ это рѣшилась убѣжать изъ дому, покинуть родимую сторону.

— Не въ моготу стало... душа не стерпѣла... сбивчиво повторила она; а и Господь вѣдаетъ, какъ я ушла-то... ушла да и только...

— Диковина! диковина! повторялъ и Архипъ Матвѣичъ, покачивая головою; ну, статочное-ли это дѣло, ну какъ это невзначай такъ-то?...

Марья задумчиво опустила голову, ей самой хотѣлось сообразить, какъ это вдругъ рѣшилась она тогда убѣжать изъ дому, но распуганныя ея мысли безотвѣтно вились надъ прошедшимъ.

— Воля, знать, поманила... прошептала она наконецъ, какъ-будто въ отвѣтъ самой-себѣ.

— Воля! воля! передразнилъ ее крестный отецъ. Надоть бы эту блажнюю волю... Ну, да не хочу ужъ упрекать и бранить тебя—Богъ тебя простить!.. Тепереча расскажи вправду: гдѣ жъ ты проживала, ужли-таки все по-миру бродила?

— У барина... у чужаго барина жила... отвѣчала она, закрывая лицо руками.

— Какъ у барина?.. у какого барина?

— Ничтѣ тебѣ?.. Какъ зовутъ — не скажу... не спрашивай, батюшка крестный...

— Да при чемъ же ты у него жила? что дѣлала?

Марья опять застонала.

— Подлюбовницей... я у него была... отвѣчала она глухимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи!.. Вотъ грѣхъ-то!.. Вотъ она, веля-то до чего доводитъ!.. Ахъ ты срамница, безстыдница!..

Старикъ было-расходился, но замѣтивъ, что Марья впа-
ла опять въ сильную тоску, что ее бѣгъ, какъ въ лихорад-
кѣ, онъ какъ-разъ прекратилъ свои упреки и спросилъ ее
шепотомъ:

— Чтожъ... прогналъ онъ, что-ли, тебя?

— Нѣтъ... сама я ушла, отвѣчала она, глухо рыдая.

Нѣсколько времени оба молчали. Марья живо и со всѣми
подробностями представилось вдругъ то ненастное утро, въ
которое она оставила своего любимаго барина — и зами-
рало ея бѣдное сердце отъ смертной тоски. А старикъ все
думалъ про-себя, тяжело вздыхая: «худо, худо дѣло выхо-
дитъ! не натворила-ли она тамъ, у этого барина, бѣдъ ка-
кихъ-нибудь? Пожалуй, станется отъ эдакой вольницы!...

— Слушай, Марья, сказала онъ наконецъ, ты ужъ мнѣ
покайся все равно что попу на духу: не снесла-ли ты чего
нибудь отъ барина?

Она какъ-то не поняла этого вопроса и, взглянувъ на
Архипа Матвѣева, сама спросила его:

— Что такое?.. о чемъ ты говоришь, батюшка крестный?

— Эхъ ты! словно не понимаешь!.. молвилъ старикъ съ
упрекомъ; рѣчи мои — простыя и больно понятныя. Говорю
тебѣ, не своровала-ли тамъ чего, у своего полюбовника-то?

— Душу свою тамъ я покинула!... возразила она, запла-
кавъ навзрыдъ.

— Ахъ, Господи, Господи! твердилъ старикъ, совсѣмъ
растерявшись и отъ жалости къ крестницѣ и отъ своихъ подо-
зрѣній насчетъ ея. Вѣдь, какъ жаль-то мнѣ тебя! да и въ
голову всякая всячина бредеть... Ну, не плачь же, не плачь,
Машутка!.. Ты не бойся насчетъ наказанья—ужъ я упро-
шу за тебя барина... Вотъ онъ теперича въ городъ, куда и
я къ нему долженъ ѣхать, такъ оно кстати будетъ... А до-
машнихъ тебѣ много опасаться нечего—не таковскіе люди.

Она ничего не отвѣчала на эти утѣшенія.

— Машутка, продолжалъ старикъ,—такъ я теперича въ
городъ проѣду, баринъ меня туда вызывалъ письмомъ къ
10 числу, а ты, пожалуй, коли опасаясь безъ меня до-
мой вернуться, — побудь здѣсь покудова; я попрошу Егора

Аванасъича, становаго, чтобы онъ приказалъ приютить тебя здѣсь гдѣ-нибудь, на денекъ, на другой.

— Нѣту, батюшка крестный, отвѣчала Марья, не хочу я здѣсь оставаться... Нѣту, скорѣй надо ужъ къ одному берегу приплыть... Отсылай меня отсюда... отсылай скорѣе.

— Ну, и то хорошо... Выпрошу я для тебя подводу у становаго—на обывательскихъ доставятъ тебя домой небольшо скоро, а мы съ бариномъ, надо думать, не позамѣшкаемся въ городѣ, такъ я ужогу за тобою какъ-разъ въ Березники.

Затѣмъ Архипъ Матвѣичъ хотѣлъ-было уйти, но Марья удержала его.

— Постой маненько... вотъ, дай, вспомню... проговорила она.

И съ трудомъ успѣла она сообразить, что сказать ей надобно.

— Да, вспомнила теперича, молвила она: ты, батюшка крестный, самъ снаряди меня въ дорогу да и отпусти поскорѣе...

— Какъ самъ? самому мнѣ нельзя, становой тутъ распорядится.

— А онъ, пожалуй, до утра оставитъ, ночевать здѣсь не приходится.

— Отчего жъ бы и не переночевать, такъ-то и кстати было бы: легче подогнать время, чтобы поскорѣй мнѣ за тобою приѣхать въ Березники.

— Нѣту, нельзя... толсторылый становой-то ужъ приставалъ ко мнѣ съ худыми дѣлами...

— Вишь ты! Эхъ, они всё-то на одну колодку сбиты. Ну, да я постараюсь безпремѣнно устроить это дѣльцо... Теперича, Машенька, я ужъ пойду къ становому, а ты ложись-ка въ кибитку, можетъ, соснешь маненько.

И старикъ пошелъ на квартиру становаго. Марья же не безъ труда взобралась въ кибитку. Съ окончаніемъ разговора съ крестнымъ отцомъ, какъ-то вдругъ упали ея нравственныя и физическія силы. Голова у ней сильно разболѣлась и гнетущій жаръ сталъ разливаться по всему тѣлу; сильная жажда томила ее, но выдти изъ кибитки, чтобы

напиться, у ней уже какъ будто недоставало силъ; попросить же у десятскаго, ставшаго на караулъ у кибитки, чтобы онъ принесъ водицы, ни за что не хотѣлось ей. И стала она забываться тяжелымъ сномъ, въ которомъ мрачной вереницею мелькали передъ напряженнымъ ея воображеніемъ жгучія воспоминанія прошедшаго, скорбныя впечатлѣнія настоящаго...

XVII.

Архипъ Матвѣичъ засталъ становаго пристава въ весьма-хорошемъ расположеніи духа. Егоръ Аванасъичъ только-что червячка заморилъ и готовился садиться за сытный обѣдъ; передъ самымъ же обѣдомъ, мирно покончилъ онъ сегодняшнее слѣдственное разбирательство «о битіи мѣщанами такими-то мѣщанина такого-то и о прочемъ», покончилъ въ удовольствіе себѣ, на пользу и во спасеніе на предбудущее время мѣщанамъ-забѣякамъ и особенно дворнику Василью Исаеву.

— Ну, что, Архипъ Матвѣичъ, — спросилъ онъ старика, ладно ли поговорилъ съ бѣглянкою? развѣдалъ ли, какъ она тамъ убѣжала и какъ въ бѣгахъ находилась?

— Какъ же, батюшка, про все распросилъ. Точно-съ, оказывается она совсѣмъ пустышной бабенкой: замѣсто того, чтобы перенестъ, эдакъ, помирнѣе тяготу домашнюю отъ семейскихъ, — а она взяла да и убѣжала! Ужъ я пота-залъ-таки ее на-порядкахъ.

— Главное то: не напроказила ль чего въ бѣгахъ?

— Нѣтъ-съ, ваше высокочлагодіе, — а такъ это она сдѣлала, то есть, съ-дуру... молода еще...

— Ну, не ручайся за нее: продувная бестія! я и не видывалъ такихъ рѣчистыхъ. Сказала ль она, гдѣ проживала во время бѣговъ?

— Да говоритъ, что изъ-за богомолья по разнымъ мѣстамъ таскалась, — и должно быть это такъ-съ точно...

Старикъ дгазь неохотно, но думалъ, что надо непремѣнно солгать; мысленно онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что, дескать, «и ложь иногда во спасеніе».

— А ты и повѣрилъ ей?—молвилъ становой, поспѣиваясь. Знаемъ мы эдакихъ-то богомолокъ! Ты самъ посмотри: у ней и нарядъ и весь видъ—не таковскіе; нарядъ хорошій, праздничный, лицо и руки вовсе не загорѣлыя,—меня даже на первыхъ порахъ ввело это въ сомнѣніе.

Старикъ принялся уговаривать становаго, чтобы онъ не изволилъ сомнѣваться насчетъ его крестницы и заключилъ умильныя рѣчи свои просьбою—отпустить ее домой поскорѣе.

— Да оно можно бы отпустить, — отвѣчала становой, — потому больше, что дѣло о дракѣ позакончилось довольно-благополучно, но вѣдь по-настоящему я долженъ бы задержать бѣглую бабенку—могутъ о ней разныя дѣла оказаться.

— И, батюшка, какія дѣла! коли-жъ, паче чаянія, и окажутся какія дѣла, такъ они и на мѣстѣ ее найдуть.

— Такъ-то такъ... А убѣжить она опять?

— Да пускай ее!.. Значить, худая трава изъ поля вонъ. Убѣжить опять—и охъ не скажемъ.

— Да нѣтъ, братецъ! все такое ты вкривь и вкосъ растолковываешь... Надо, братецъ, предупреждать преступленія,—ну, что ты въ этомъ смыслишь?

И становой поразгорячился-было нѣсколько, но Архипъ Матвѣичъ тотчасъ же принялся за самыя дѣйствительныя средства при переговорахъ подобнаго рода. Онъ откинулъ полу своей чуйки, вытащилъ изъ кармана толстый кошель и между серебряными и мѣдными деньгами отыскалъ платинку; отойдя на минуту въ уголокъ комнаты, Архипъ Матвѣичъ завернулъ монету, для приличія, въ бумажку и съ улыбочкою подалъ ее Егору Аванасичу. Этимъ самымъ найдена была какъ разъ возможность отправленія Марьи въ Березники. Впрочемъ, у становаго бродили еще въ головѣ блажные замыслы: онъ предложилъ-было, чтобы Марья переночевала эту ночь въ Хохловкѣ, но старикъ энергичеики воспротивился этому.

— Нѣтъ, ужъ, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ, рѣшившись еще разъ прилгнуть, позвольте отпустить ее

вынече, что ей время-то терять понапрасну? да къ тому-жъ она разнежогается... А-ахъ, тварь она негодная! вотъ какихъ дѣловъ и хлопотъ понадѣлала! — прибавилъ онъ, въ порывѣ отчего-то вдругъ возобновившагося негодованія.

Становой долженъ былъ согласиться и на послѣднюю просьбу Архипа Матвѣева, а узнавъ, что онъ еще долженъ заѣхать въ городъ, предложилъ отправить нашу бѣглянку подъ надежную охрану.

— Ужь такъ и быть, Архипушка, — сказалъ онъ: помня добро и разныя неоставленія твоего барина Сергѣя Яковлевича, я все это обдѣлаю чинъ-чиномъ: не только сотскаго, но и разсылнаго дамъ для сопровожденія твоей крестницы; старикашка Калинычъ только и годится, что на такія препорученія. Впрочемъ, ты, Архипъ Матвѣичъ, какъ увидишь барина, тотчасъ же и хорошоухонько расскажи ему, какъ я посодѣйствовалъ къ доставленію въ его имѣніе принадлежащей ему бѣглой жонки. Баринъ твой съ губернаторомъ знакомъ, такъ когда придется ему увидѣться съ его превосходительствомъ, куда было-бы хорошо, колибъ за меня словечко замолвилъ... Эхъ! вашъ станъ-то былъ гораздо лучше этого, и чортъ знаетъ, за что перевели меня сюда на сухоядѣніе!

Архипъ Матвѣичъ покончилъ дѣло о своей крестницѣ благополучно. Но онъ былъ старикъ осторожный и считалъ необходимымъ понаблести и за самымъ ея отъѣздомъ. Оборы къ отъѣзду были не долгіе: скорехонько была снаряжена обывательская паѣ малорослыхъ, пузатыхъ лошадей и за разсылнымъ Калинычемъ, получившимъ отъ Архипа Матвѣича четвертакъ на водку, тоже дѣло не стало.

Проводы Марьи совершились нѣсколько торжественно. Самъ Егоръ Аванасиичъ изволилъ выдти посмотрѣть, какъ отправится въ путь Калинычъ съ бѣглянкою; Архипъ Матвѣичъ былъ, конечно, тутъ же съ становымъ; за ними вывозъ зачѣмъ-то безстрастный, какъ судьба, Иванъ Никифориичъ, писаришка. Вдали собралась большая толпа бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ деревенскихъ.

Но на Марью все это не произвело впечатлѣнія. Бѣд-яга уже сильно разнемоглась. Ее обдавало то жаромъ, то

холодомъ; лицо было покрыто тусклой блѣдностью; губы почернѣли; глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, и ей было больно взглянуть вверхъ, хотя на дворѣ уже былъ вечеръ, туманный и пасмурный; въ ней доставало лишь силъ настолько, чтобы удержаться отъ стонувъ, когда перебиралась она въ телѣжонку, верхомъ-набитую соломой по распоряженію предусмотрительнаго, для своего спокойствія, разсыльнаго.

Егоръ Аванасъичъ — видно, недаромъ онъ былъ опытнымъ полицейскимъ чиновникомъ,—какъ разъ увидалъ болѣзненное положеніе Марьи.

— А она, точно, заболѣла, сказалъ онъ Архипу Матвѣичу, почему-то понизивъ нѣсколько голосъ.

Старикъ заботливо подбѣжалъ къ крестницѣ.

— Марья, — молвилъ онъ ей шепотомъ, что ты это? ахъ тебѣ неможется?...

— Ничего, батюшня крестный... отвѣчала она: такъ вотъ, голова чтой-то... словно, маненько... да ничего... А, Христа ради, дайте испить водицы холодненькой...

Съ жадностью пила она холодную воду — и, напившись, нѣсколько оживилась.

— Ваше благородіе, — вдругъ сказала она становому, прикажите ѣхать поскорѣе.

— Ну, ну, отправляйтесь, отвѣчалъ становой; садись, Калинычъ, — точно, ѣхать пора... Эхъ, славная, смѣлая такая бабенка! — прибавилъ онъ, какъ будто про себя.

Калинычъ помѣстился возлѣ Марьи, сотскій, отправлявшійся въ какую-то деревню по дорогѣ въ Березники, усѣлся на облучкѣ, рядомъ съ подводчикомъ; на-скоро простился съ Марьей Архипъ Матвѣевъ, у котораго, при этомъ разставаньи, болѣзненно отчего-то сжималось сердце и телѣга тронулась съ мѣста. Обывательскія лошаденки, тряса головами, побѣжали сначала довольно-шибкой рысцой.

За околицей Хохловки, лошаденки пошли все больше шагомъ, но и отъ такой ѣзды толчки на тряской телѣгѣ были нелегче; у Марьи кружилась и, по-временамъ, страшно болѣла голова отъ нихъ, — только она, стиснувъ зубы, чтобъ не стонать, все крѣпилась и сидѣла прямо. Рада была

она тому, что сосѣдъ ея разсыльный былъ неразговорчивый человѣкъ: угрюмый старикъ Калинычъ все крахтѣлъ, вздыхалъ да бормоталъ сквозь зубы: «Господи помилуй!» Ему крѣпко не-по-нутру была эта поѣздка, — онъ не чаялъ отъ ней никакой благостыни. «Вотъ трясись-себѣ цѣлыя сутки! — думалъ онъ: да только однимъ четвертакомъ и заговѣшься... Чортова эта бѣглянка!» — Зато сотокій и подводчикъ мало-по-малу разговорились промежь себя и потомъ уже ни на минуту не умолкали. Оба они были подь-стать другъ-другу: одинъ, по бездѣльству и балагурству своему, только и годился что въ сотскіе, другой, по тѣмъ же качествамъ, могъ быть настоящимъ кандидатомъ въ эту должность; у обоихъ языкъ вертѣлся не хуже, чѣмъ у рыночной бабы.

— Твоя-то какая лошаденка? — началъ рѣчь сотскій.

— А вотъ пристяжная, отвѣчалъ подводчикъ.

— Ну, она, малый тово... съ лѣнцой, надо быть, да все, кажись, получше коренной... Вишь, братецъ ты мой, коренная-то... хвостомъ машеть, а везеть-не-везеть... Ты кнутикомъ ее, кнутикомъ!..

— Знамо, что кнута жалѣть? да лѣшій ее своротить; — лошадь, дядя Антипъ, больно-наровитая.

— Что-жь, всегда она таковская была?

— А кто жъ ее знаетъ!

— Ой ли, не знаешь? А ты, Ванюха, то разсуди: можетъ, коренная-то смекаетъ, какую-де важную персону везеть, персону, что по свѣту гуляла-отгулялась... оттого, можетъ, и идетъ тихой ходою, что опасается ея милость обезпोकить...

— Экъ ты придумалъ!.. никакъ не можно скоту безсловесному этакія дѣла разумѣть.

— Вотъ и видно, что ты, братъ, тово... материнское, тоись, молоко на губахъ у тебя не обсохло... А мнѣ такъ свѣдомо: что человѣкъ, что скоть — все едино.

— Какъ-такъ, дядя Антипъ?

— Да вотъ какъ: была у меня собаченка, и собаченка-то простая, нашенская, тоись, дворняшка, — ну, малый, была она у меня таъ-то, жила-жила, кормилъ я ее тоже... она взяла да съ двора и сбѣжала... Слышь, малый?

— Слышу-ста... Вишь ты, проклятая!... А отчего жъ она у тебя, дядя Антипъ, со двора-то сбѣжала?

— Вѣстимо, съ чего — съ жиру! Ты думаешь — съ голодухя-то убѣжишь? Нѣтъ, малый, шалишь!.. Вотъ, она меднись, видѣлъ я бабеночку... Спросилъ: чья такая? сказали — твоя, малый, хозяйка... Сухопаровата, сердешная, значитъ, работаетъ въ дому, какъ слѣдуетъ, — вотъ она, небось, не бѣжитъ...

— Дамъ я ей бѣжать! — съ азартомъ возразилъ Ванюха: посмѣй она только подумать, такъ отведу я ее въ лѣсъ, да привяжу къ поганому дереву, къ осинѣ, да такую-то вспорку задамъ, что небо съ овчинку покажется!..

Сотскій залился звонкимъ смѣхомъ. Затѣмъ и онъ и Ванюха разомъ оглянулись на Марью, дядя Антипъ скалилъ зубы и подмигивалъ ей глазкомъ, а Ванюха поглядѣлъ на нее сурово, словно на жену свою.

— Ты чтò думаешь, малый, — продолжалъ сотскій, глядявая прямо въ глаза Марьѣ: не попробовать ли и намъ съ тобою счастьяца, да не дать ли тягу куда-нибудь? Мнѣ, вотъ, смерть надоѣло все дома жить...

Мысль эта очень по праву пришла Ванюхѣ — онъ расхохотался пуще сотскаго.

— Ну, чтò вы, лѣшіе, горло-то дерете?.. Можно бы и тово... Эхъ, вы!.. непривѣтливо отозвался разсылный — и сказалъ онъ такія рѣчи очень кстати: сотскій и Ванюха хоть и не боялись смирнаго Калиныча, но все имъ обоимъ вдругъ стало какъ-то неловко дальше зубоскальничать. Марья слышала весь разговоръ балагуровъ и каждое слово ихъ тяжело ложилось ей на душу. Съ живою благодарностью взглянула она на разсылнаго. И вдругъ мелькнула въ головѣ ея блажная мысль: попросить его, добраго старика, чтобы онъ выпустилъ ее на волю... Эта мысль о волѣ яркимъ пламенемъ освѣтила ея душу, но вспыхнула она только на мигъ и разомъ погасла. Физическія силы ея были надорваны, бодрость совсѣмъ покинула и замерли воякія надежды.

А между тѣмъ настала темная, осенняя ночь; все небо было покрыто тучами; вѣтеръ дулъ съ сѣверной стороны;

холодный дождь мало-по-малу разошелся. На Марьѣ была одежда легкая, и скоро дождемъ пробило ее до костей.

XVIII.

Подошла первая смѣна лошадей въ большомъ помѣщичьемъ селеніи, гдѣ жилъ управляющій, хорошій пріятель нашего становаго. Вліяніе Егора Аванасыча, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ его резиденціи, чувствовалось еще сильно: обывательскую, парную подводу нарядили хоть и не скоро, зато безпрекословно.

Разсылный ушелъ въ барскую контору, сотскій отправился къ себѣ домой; онъ, былъ изъ этого селенія; подводчикъ изъ Хохловки отъѣхалъ на постоянный дворъ, а Марья осталась у воротъ стараго флигеля обширной господской усадьбы, въ которомъ помѣщалась контора,—осталась одна, подъ дождемъ и на вѣтру. Не держали ноги ее, бѣдную; она сѣла на мокрую землю и прислонилась горѣвшюю, какъ въ огнѣ, головою, къ мокрой веревкѣ воротъ. По-временамъ, всю ее потрясала сильная дрожь. Долго, съ болѣзненнымъ усильемъ, смотрѣла она въ ту сторону, гдѣ, по темнымъ домекамъ ея, должно было находиться поле, но вглядывалась она въ мутную мглу ночи безъ всякой мысли, безъ всякаго желанія. Наконецъ голова у ней закружилась и пала она не въ сонъ, а въ какое-то безмятство.

И такъ прошло все время, куда подвода была готова.

Старикъ Калинычъ нисколько не торопился въ путь, у него были на это достаточныя причины: на дворѣ было темно, сыро и холодно, а въ барской конторѣ тепло, свѣтло и пріятно. Управляющаго не было дома, онъ только-что отлучился въ губернской городъ, а безъ него, въ конторѣ и въ людской свободно могла идти шумная, веселая бесѣда. На свободѣ, дворовые и сельскіе начальники поднимали порядокъ и, какъ водится, занялись интересными разговорами о распоряженіяхъ управляющаго: о томъ, что онъ господъ на-

дуваетъ, что крестьянамъ отъ него житье больно-плохое, что себѣ-то набилъ онъ карманъ важно, а нѣтъ того, чтобы подѣлиться съ сельскими да дворовыми начальниками. Конечно, при такихъ разговорахъ, не до того было, чтобы заняться постороннимъ человѣкомъ и никто не позвалъ Марью въ людскую обсушиться и обогрѣться. Разъ только кто-то изъ молодыхъ десятниковъ, пробѣгая мимо въ штофную лавочку за виномъ, окликнулъ ее, но она не отвѣтила, на что и окликнувшій не обратилъ вниманія.

И снова въ путь.

Съ трудомъ разсылный растолкалъ Марью. Вишь ты, молвилъ онъ грубовато, словно барыня разоспалась, не будишься...

— А кто такая?—спросилъ, кто-то изъ сельскихъ начальниковъ, вышедшихъ къ воротамъ провожать разсылнаго.

— Да изъ бѣговъ, что ли, отвѣчалъ онъ, а-то кто ее знаетъ... ну, ну, вставай же ты, барынька! Эхъ-ма! вотъ еще подсаживать приходится.

И, при шумномъ хохотѣ зрителей, Калинычъ подсобилъ-таки Марьѣ усѣсться въ телѣгу.

Между-тѣмъ, дождь понадтихъ, рѣзкій вѣтеръ разогналъ тучки и въ верху неба глянули-было двѣ-три звѣздочки. Разсылный былъ доволенъ сначала погодою; вѣтеръ освѣжалъ его, разгоряченную виномъ, голову, но скоро опять набѣжали тучи и дождь началъ хлестать прямо въ глаза нашимъ путникамъ. Старикъ захохалъ.

— Господи!—кроптался онъ, добро бы подъ Француза, али подъ Турку въ такую непогодь послали, а то вотъ съ бѣглою бабенкою мыкайся... Эхъ, барынька, въ телѣгѣ-то не больно распространяйся...

И онъ посбилъ Марью на самый край телѣги, самъ же разлегся какъ можно спокойнѣе. Впрочемъ, бѣдной бѣглянкѣ было уже все равно: она была почти совсѣмъ безъ памяти; внутренній жаръ надорвалъ окончательно ея силы.

Подъ-утро пріѣхали въ селеніе, гдѣ опять приходилось

свѣять лошадей. Но тутъ начинался другой станъ: мужики тутошніе хотъ и слыхали про сосѣдняго становаго, Егора Аѳанасыча, но не боялись его. Не очень-то ласково приняли они требованіе разсылнаго Калиныча насчетъ парной подводы. Они затѣяли съ нимъ жаркій споръ; сначала совѣмъ-было отказывали дать подводу, потомъ дѣло стало собственно изъ-за пары лошадей, которыхъ требовалъ настоятельно Калинычъ, никакъ нехотѣвшій унижать своего гонору, особенно въ чужомъ стану.

— Ты, вѣдь, то въ толкъ возьми, рыжая борода ты адакая, усовѣщевалъ онъ одного изъ мужиковъ, всѣхъ больше спорившаго съ нимъ и дѣйствительно украшеннаго бородой самаго пламеннаго цвѣта,—ты то разбери,—ѣду я по казенной надобности, по казенному дѣлу, а ты смѣешь мнѣ супротивничить...

— Знаемъ-ста мы ваши казенныя дѣла! возразилъ рыжебородый: ты покажь намъ бумагу изъ стана.

— Какъ же вотъ! стану я показывать всякому свинѣ предписанія начальства! Стоить мнѣ только узнать, какъ ты прозываешься, а ворочусь я къ его благородію, господину становому, да донесу ему, что такъ и такъ, ослушаніе дѣлали, бумагу, молъ, требовали... да онъ тебя подъ судъ упечетъ!.. Давай сейчасъ лошадей, разбойники!

При такой угрозѣ, рыжебородый мужикъ мигомъ спрятался за спину другихъ; другіе, почесавъ затылки, рѣшили дать парную подводу. Но дѣло все-таки сдѣлалось не скоро. Безъ споровъ и вздоровъ никогда не обходится при исполненіи всякой мимозаконной повинности: мужики долго шумѣли и конались, кому ѣхать, и ужъ тутъ нисколько не дѣйствительны были всѣ понуканья Калиныча.

— Вѣдь даемъ мы тебѣ лошадей, говорили мужики на эти понуканья, чего жъ тебѣ еще... а ряду нашу ты не моги ломать.

Такъ дѣло подошло и къ свѣту дневному. Мало-по-малу высынали на улицу бабы и ребятишки и, конечно, шуму и гаму еще больше стало.

Между тѣмъ Марья, сжавшись въ комокъ, сидѣла у плетня огорода. Утренній, свѣжій воздухъ привелъ ее въ

чувство; жаръ у ней поунялся, и только страшную слабость въ рукахъ и ногахъ чувствовала она. Къ-счастью, никто не обращалъ вниманія на нес: мужики были заняты споромъ и сборами подводъ, бабы и ребятишки тоже посматривали издалека на бѣглянку. Но наконецъ подъѣхала подвода въ одну лошадь, а за пристяжной пошли еще въ поле. Разсыльный жалостливо посмотрѣлъ на бѣглянку, измученную свою спутницу, и тотчасъ же усадилъ ее въ телѣгу; тутъ стали подходить поближе къ подводѣ бабы и ребятишки, шутукая, посмѣиваясь надъ чѣмъ-то и поталкивая другъ-друга. И вдругъ бойкій парнишко, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, вспрыгнулъ въ самую телѣгу, наклонился къ лицу Марьи и заглянулъ ей въ глаза.

А куда тебя, тетка-лебедка, везуть?—спросилъ онъ звонкимъ голосомъ.

Въ толпѣ раздался смѣхъ цѣлымъ хоромъ; Марья не отвѣчала и отвернулась. О, какъ хотѣлось бы ей хоть въ мать-сыру-землю уйдти отъ этихъ любопытно-задорныхъ взоровъ! О, какой жгучей обидою отзывался въ душѣ ея этотъ веселый смѣхъ зрителей! Никогда, во всю жизнь свою, не чувствовала она такъ горько всю немочь, всю беззащитность женскую.

— Вишь, она иѣмая, проговорилъ, растягивая слова, какой-то дурноватый съ виду парень, и хохотъ въ толпѣ разомъ усилился.

Но подоспѣлъ къ Марьѣ на выручку добрый Калинычъ.

— Ну, что вы по-вороньи горло-то дерете? прикрикнувъ онъ сердито на бабъ и ребятишекъ, и тутъ-же очень небережно ссадилъ съ телѣги взобравшагося туда задорнаго мальчугана.

— Родименькой... сказала ему Марья почти шепотомъ, лѣтъ ли дерюшки какой мнѣ покрыться? больно я перезябла... Прикрой ты меня, Христа ради, авось тогда и они-то глазѣть не стануть.

Калинычъ заглянулъ ей въ лицо и покачалъ головою.

— Смотри ты, бабенка, сказалъ онъ тихо, смотри, не помри дорогой-то... Вѣдь хлопотъ еще, эдакъ-то, понадѣлаешь... вскрывать стануть...

— Охъ, ужъ лучшебъ, кажись, было... прошептала Марья.

Разсылный, можетъ, и слышалъ эти слова, но ничего не возразилъ и не замѣтилъ на нихъ. Онъ отвернулся отъ Марьи и, понахмурившись, простоялъ минуты двѣ молча.

— Эхъ, вы, вороны! молвилъ онъ, вдругъ оборотившись къ бабамъ; вотъ стоите, глаза только пучите, а нѣтъ, тово... ну, да что ужъ, извѣстное дѣло — бабы!.. вы бы лучше принесли что-нибудь покрыться вотъ ей; чай, видите, что больная бабенка...

Но никто изъ бабъ и съ мѣста не тронулся; сначала поболтали онѣ промежъ себя въ-полголоса, но скороговоркою, а тамъ начался громкій смѣхъ и стали вырываться насмѣшливыя выраженія:— «Вишь ты, проказникъ, говорили бабы про разсылнаго, какую-такую бабёночку-то онъ везетъ? отчего такъ о ней соболѣзнуетъ?»

Сердито махнулъ рукой на бабъ старикъ Калинычъ и пошелъ къ избѣ сотскаго — опять браниться изъ-за того, что долго пристаяжную не ведутъ. Тѣмъ временемъ бабы воспользовались. Тѣсно обступили онѣ телѣгу и закидали Марью вопросами: чья она такая? откуда? куда везутъ ее? попалась что ли въ дѣлѣ какомъ? Но бѣглянка не отвѣчала. Закрывъ лицо обѣими руками, она лежала ничкомъ въ телѣгѣ и тихо, но горько-горько плакала. Не замѣчали, должно быть, этого бабы и не унимались отъ вопросовъ, которые часто пересыпали громкимъ хохотомъ. И, вѣроятно, не отстали бы онѣ отъ предмета своего любопытства и грубой веселости до самаго отъѣзда подводы, но вдругъ подошелъ къ телѣгѣ мужикъ лѣтъ, можетъ, подь-со-рокъ, высокій и плечистый, съ впалыми, умными глазами, съ суровымъ выраженіемъ лица. Заложивъ руку за пазуху, онъ давно уже стоялъ у воротъ своей избы и смотрѣлъ, казалось, безучастно на то, какъ бабы тормошили нашу бѣглянку, но наконецъ, должно быть, онъ не вытерпѣлъ:

— Прочь! молвилъ онъ сердито, раздвигая руками толпу; разсылный-то назвалъ васъ воронами, а вы и того хуже!

Бабы и ребятишки мигомъ и ужъ безъ смѣха отхлынули отъ телѣги, а мужикъ подошелъ къ ней вплотъ; нахло-

нился надъ Марьей и раза два слегка потрогаль ее за плечо, но она все лежала неподвижно.

— Надо быть, не спать, сказалъ онъ въ-полголоса, какъ будто самому себѣ, и, ставъ на колесо, приподнялъ бѣглянку, а потомъ отнялъ ея руку и заглянулъ ей въ лицо. Вишь, бѣдняга все плакала, — молвилъ онъ, опять тихо, а онѣ-то, съ-дуру, смѣялись. Не плачь, слезами не поможешь... А знать, натерпѣлась ты много всякаго горя?..

— Пусти, дядюшка... голова у меня чтой-то... прошептала Марья, и опять ничкомъ упала на свое мѣсто. Мужикъ махнулъ рукой, съ-минуту постоялъ молча у телѣги и пошелъ къ себѣ во дворъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ опять изъ воротъ, таща за собою большую новую циновку; бросилъ онъ ее у калитки, а самъ, прислонившись къ углу избы, сталъ сурово посматривать на толпу бабъ и ребятишекъ, все еще стоявшую посередь улицы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ телѣги. Недолго еще покалякали промежъ себя втихомолку бабы и мало-по-малу разбрелись въ разныя стороны.

Наконецъ привели и другую лошадь, явился и разсылный.

— Эй, служивый, крикнулъ мужикъ Калинычу, подько сюда.

Калинычъ подошелъ.

— На, вотъ циновку, молвилъ ему мужикъ, сквозь зубы словно нехотя, прикрой бабѣнку-то, покрайности не такъ больно промочить... Жаль сердешную! кажись, словно не жилица она на бѣломъ-свѣту. Только ты, служивый, не позабудь, какъ поѣдешь назадъ, доставъ циновку-то, — вишь, она новѣхонькая...

И не дожидаясь отвѣта, онъ проворно ушелъ за ворота.

«Вишь, добрые люди живутъ еще на свѣтѣ», подумалъ разсылный, и бережно укрылъ Марью циновкою. На этотъ разъ онъ постарался и усѣться такъ, чтобъ не тревожить больную.

Дождь совсѣмъ пересталъ, стихъ и вѣтеръ совсѣмъ. Марья согрѣлась подъ циновкою, жаръ уже не такъ мучилъ ее, и головная боль поунялась; но зато муки душев-

ныя терзали ее страшно. Какъ живые, два знакомые образа мелькали безпрестанно передъ ея воображеніемъ: то образъ плачущей матери, истомленной, горемычной старухи, то образъ Алексѣя Алексѣича, тоже мрачный, тоскующій образъ,—и не могла она отогнать ихъ думою о мужниномъ домѣ, о самомъ постыломъ дуракѣ-мужѣ, о томъ даже, какъ встрѣтять ее, бѣглянку, сосѣди и весь людъ деревенскій. Часто стонала она отъ жгучей боли душевной, и разъ жарко помолилась, чтобы далъ Богъ поскорѣе пріѣхать домой, чтобы далъ Богъ скорѣе закрыть глаза на вѣки-вѣчныя.

Но Березники были уже не за горами; сначала показался лѣсокъ, тотъ лѣсокъ съ глубокимъ озеромъ, въ которомъ хотѣла-было утопиться наша бѣглянка; а тамъ выглянула зеленая кровля каменнаго барскаго дома и наконецъ стало видно все селеніе. Подводчикъ сказалъ разсылному, что это — Березники, а разсылный стелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ Марью.

— Глянь-ко, глянь-ко сюда, молодка, говорилъ онъ, расталкивая Марью, а вотъ и ваша деревня видна... Куда же мнѣ везти-то тебя, — къ барину что-ль, али прямо въ домъ вашъ?

Марья быстро взглянула; вспыхнуло лицо ея, какъ отъ полымя; опять стала бить ее лихорадка, и нѣсколько минутъ она не могла отвѣчать.

— Родимый... лепетала она, ты меня къ матушкѣ... добрый человекъ, вези ты меня прямо къ матушкѣ... тамъ помирать будетъ легче...

— А гдѣ мать твоя живетъ? спросилъ жалостливо разсылный.

— Вотъ, какъ вѣдешь въ деревню, первый дворъ на лѣвой рукѣ...

Но не пришлось Марѣ взойти въ домъ матери: въ самой околицѣ встрѣтился съ подводкою староста — и тотчасъ опозналъ, кого везетъ разсылный. Тутъ же, съ-разу, накинулся онъ на Марью: обругалъ ее всячески; много грозилъ и гнѣвомъ барскимъ, и судомъ на міру, и тѣмъ, что самъ мужъ, даромъ-что дуракъ, не дастъ потачки женѣ-бѣглянкѣ за такія худыя ея дѣла. Расходившійся не на-шутку ста-

роста, можетъ, и побилъ бы тутъ бѣглянку, еслибъ не унялъ его разсылный.

— Ты погоди лаяться-то безъ-толку, сказалъ онъ старостѣ, можетъ, она и худыхъ дѣловъ надѣлала, только теперь чѣмъ съ нея взять? Вишь, она чуть дышетъ... из-силу и довезъ-то я ее...

— Между-тѣмъ высыпали изъ всѣхъ дворовъ бабы, ребятишки и даже самые мужики. Телѣга тихо двигалась вдоль по улицѣ, къ двору Большаковыхъ; толпа мужиковъ и бабъ съ шумомъ и бранью провожали ее, а ребятишки сновали взадъ и впередъ, хлопая въ ладоши и крича во все горло: «Машку везутъ! Бѣглянку-Машку везутъ!»

Но кто-то изъ мальчишекъ догадался утѣшить Василису. Опрометью вбѣжалъ онъ къ ней въ избу, въ то время, какъ старуха доставала горшокъ съ щами.

— Баушка, а баушка! крикнулъ мальчуганъ, дочь-то твою, Машку-бѣглянку въ кандалахъ привезли!.. солдатъ, баушка, привезъ!

Старуха помертвѣла отъ ужаса; ухватъ выпалъ у ней изъ рукъ и горшокъ разбился въ-дребезги. Пропали щи бѣдной старухи; но ей ужъ было не до щей, не до ѣды. Всплеснувъ руками, она застонала протяжно, такъ застонала, что мальчуганъ даже оторопѣлъ — и кинулся опрометью, какъ востроногая дѣвчонка, вонъ изъ избы. Она подоспѣла ко двору Большаковыхъ въ ту самую минуту, какъ разсылный и подводчикъ, съ большимъ трудомъ, вынимали изъ телѣги полумертвую Марью-бѣглянку.

И не стыдъ передъ добрыми людьми, а великая скорбь материнская стала терзать душу Василисы. Для ней улица словно пуста была, она видѣла только дочь, измученную отъ горя и болѣзни; она не слыхала укоряющаго голоса всего народа деревенскаго. Бросилась она къ дочери, обхватила ее крѣпко руками и припала вмѣстѣ съ нею на землю.

— И привель-то Господь намъ свидѣться! голосила старуха; и привель-то въ горѣ, а не въ покоѣ-радости!.. Миновались наши красные денечки!.. Сироты мы съ тобою горькія!.. А и нѣтъ намъ съ тобою ни въ чемъ счастья!.. а и добрымъ людямъ мы въ порокъ завсегда!..

Въ объятыхъ матери, Марья лежала блѣдная, безъ рѣчей, безъ слезинки; глаза остановились у ней; почти совсѣмъ потухъ въ нихъ огонь жизни, словно въ эту минуту душа ея была готова разстаться съ тѣломъ, но грудь ея высоко подымалась и дышала она труднѣхонько.

То было горе истинное, великое горе, и передъ нимъ разомъ замолкъ шумъ и гамъ толпы зрителей, даже бабы, ребятишки — и тѣ перестали щебетать.

Тутъ выползла на улицу Силантьевна и тоже принялась голосить, но голосъ ея словно было недоброе: «положила ты срамоты на наши головы, — причитала она, загубила ты сынка моего!.. Домъ-отъ нашъ покинула, въ бѣгахъ была!.. А и чѣмъ мы тебя, змѣю, избидѣли?.. а и что теперь добры люди стануть говорить про насъ!..» Но показался наконецъ изъ-за воротъ и самъ Кузя. Шелъ онъ, переваливаясь, съ ноги на ногу, не торопясь, дожевывая послѣдній кусокъ. Но смекнулъ-таки онъ, что жену къ нему изъ бѣговъ привезли, и тупые глаза его выпучились, ноздри раздулись и ротъ покривился — осклабился.

Одинъ изъ молодыхъ парней подбѣжалъ къ нему, дернулъ за руку и молвилъ ему на ухо:

— Вишь, Кузя, жену тебѣ привезли, — радъ, что ли?

Кузя захохоталъ отрывисто и почесалъ въ затылкѣ.

— А что, продолжалъ молодой парень, поучишь ты свою женушку уму-разуму за то, что въ бѣгахъ была?

— Знамо, поучу!.. во—какъ!.. прибодрившись, сказалъ Кузька, и сжалъ крѣпко кулаки.

— А вотъ я тѣ дамъ, плюгавый дуракъ, прикрикнулъ на него Миронъ Андреевъ; аль ты, животное, не видишь, что она чуть жива!

Кузя мигомъ спрятался за ворота отъ сердитаго мужика.

Миронъ Андреевъ да разсылный высвободили наконецъ Марью изъ объятій Василисы и бережно внесли ее въ избу Большаковыхъ; за ними вошли туда, но безъ шума и молча, много бабъ и мужиковъ. А когда Марья, упавъ ничкомъ на лавку, нѣсколько разъ, съ прерывистымъ рыданьемъ, громко простонала, многіе изъ бывшихъ въ избѣ стали утирать

себѣ глаза. Да, тутъ было горе, а не срамъ и болѣзнь, тутъ изъ-за горя показывалась всѣмъ, видно, близкая смерть...

И умерла Марья-бѣглянка на другой день, къ вечеру; умерла она не въ памяти, — забыла про родную деревню, про всѣхъ близкихъ людей, даже про мать и любимаго человека. Но грезились ей передъ смертью все какія-то вольныя, широкія поля; представлялись ей все какіе-то сильные, свѣтлые, вольные люди, — и съ этими грезами о вольныхъ людяхъ перешла она къ вѣчной свободѣ...

С. СЛАВУТИНСКІЙ.

НОВѢСТЬ

ПРО КУЩЕЦКАГО СЫНА АХИМА СКВОРЦОВА И
ПРО ВОЯРСКУЮ ДОЧКУ.

Посвящено А. А. Волкову.

Далеко, далеко
Степь за Волгу ушла.
Въ той степи широко
Буйно воля жила.

Часто съ горемъ вдвоємъ;
Но бѣдна да вольна,
Съ казакомъ съ бурлакомъ
Тамъ водилась она.

Собирался толпой
Къ ней отвсюду народъ,
Ради льготы одной
Отъ лихихъ воеводъ,

Отъ продажныхъ дьяковъ,
Отъ недобрыхъ бояръ,
Отъ безбожныхъ купцовъ,
Что отъ лютыхъ Татаръ.

Знать, въ старинный тотъ вѣкъ
 Жизнь не въ сладость была,
 Что бѣжалъ человекъ
 Изъ роднаго села.

— |

Отчій домъ покидалъ,
 Разставался съ женой
 И за Волгой искалъ
 Только воли одной.

—

Только мезью дыша,
 И озлобленъ, и лють,
 Уходилъ, въ чужь душа,
 Куда ноги снесуть.

—

Уносилъ онъ съ собой,
 Что про черный про день
 Сбереглось за душой:
 Только жизнь да кистень.

—

Что отнять не могло
 Притѣсненіе—ножь;
 Да одно ремесло —
 Темной ночью грабежь.

—

И сходилъ онъ съ ней
 Вольной волею тамъ,
 И, что звѣрь, на людей
 Набѣгалъ по ночамъ.

—

По лѣсамъ, на рѣкѣ
 Не щадилъ никого
 И съ ножомъ въ кулакѣ
 Поджидалъ одного:

—

Чтобъ какой нинаестъ
 Стенька Разинъ пришелъ
 На расплату, на мечь
 Ихъ собрать да повель.

—

И случалось порой,
 Появлялся средь нихъ,
 Гдѣ нибудь за рѣкой,
 Въ буеракахъ глухихъ.

—
 Наставалъ удалецъ,
 Словно божескій гнѣвъ,
 Подымался, что жнецъ
 На готовый посѣвъ.

—
 Что колосья въ снопы,
 Не боясь воеводъ,
 Собиралъ онъ въ толпы
 Этотъ буйный народъ.

—
 И леталъ онъ грозой,
 И свирѣпствовалъ онъ,
 И открытой войной
 Выходилъ на законъ.

—
 Исчезалъ онъ потомъ;
 Но пустѣла земля
 И бурьяномъ кругомъ
 Проросали поля.

—
 Охъ поля, вы поля,
 Мать родная земля!
 Сколько стонувъ и слѣзъ
 Буйный вѣтеръ разнесъ,
 Разметалъ здѣсь и тамъ,
 По полямъ, по доламъ,
 Вымелъ жатву отъ нихъ,
 И замолкъ и затихъ!
 Но сторицей оно,
 Слезъ кровавыхъ зерно,
 Горькій плодъ свой не разъ
 Приносило у насъ.

—
 Охъ поля, вы поля,
 Мать родная земля,

*

Пажить тучная слѣзъ,
 Гдѣ народъ нашъ возросъ
 Натерпѣлся всего...
 Не корите жъ его!

Миновали года,
 Уходилась бѣда,
 Горе былью прошло,
 И быльемъ поросло,
 Только пѣсню народъ,
 Словно стонетъ, поетъ.

Я видалъ этотъ край,
 Край надъ Волгой рѣкой,
 Буйной вольницы рай,
 И притонъ вѣковой.—

Край, откуда орда
 Русь давила ярмомъ,
 Гдѣ въ былые года
 Жилъ казакъ съ бурлакомъ,

Гдѣ съ станицей струговъ
 Стенька Разинъ гулялъ,
 Гдѣ съ боярѣ да съ купцовъ
 Онъ оброки собиралъ.

Гдѣ, не трогая сѣль,
 По кострамъ городовъ
 Божей карой прошелъ
 Емельянъ Пугачевъ.

Миновалъ этотъ вѣкъ,
 Полегчало житье
 И забылъ человекъ
 Удаль-горе свое.

И видалъ я теперъ
 Край надъ Волгой рѣкой:

Какъ затравленный звѣрь,
Смолкъ и замеръ разбой.

По рѣкѣ, по лѣсамъ
Цѣпь, петля да топоръ
Съ буйной волею тамъ
Свой покончили споръ.

Только пѣснь бурлака
Также плачетъ порой,
Только Волга рѣка
Также плещетъ волной.

Я пыталъ у нее
Про былины тѣхъ дней,
Про житье, про бытѣе
Ея вольныхъ дѣтей.

Не сказала она,
Промолчала о томъ,
Старой Волги волна
Не призналась ни въ чѣмъ.

Я спросилъ у людей
Про минувшіе дни;
Много разныхъ вѣстей
Мнѣ сказали они.

Разказали мнѣ былъ
Про Акима Скворца,
Какъ боярская дочь
Полюбила купца....

Ахъ ты ноченька, ночь,
Непроглядная тьма,
Непроглядная тьма,
Городская тюрьма!

И долга и темна,
Ты тюремная ночь!

И стоять предо мной
Все боярская дочь.

—
Что стоишь, что глядишь?
Ну убилъ, такъ убилъ;
А убилъ оттого,
Что ужъ больно любилъ...

—
Охъ, уйди жъ ты, уйди;
Не томи, не кори,
Не смущай ты меня
Отъ зари до зари.

—
Не мѣшай молодцу
Думу думать о томъ,
Какъ отвѣтъ мнѣ держать
Передъ грознымъ судомъ.

—
Ранымъ-рано съ утра
Завтра скажется судъ,
Словно звѣря, меня
На цѣпи поведутъ.

—
Разступись весь народъ,
Дай пройти молодцу;
Поведутъ молодца
На допросъ, не къ вѣнцу.

—
Не гусярь зазвучить
По гремучимъ струнамъ,
Застучать кандалы
По рукамъ, по ногамъ.

—
Мимо добрыхъ людей,
Что на смѣхъ, на показъ,
Поведутъ молодца
Въ воеводскій приказъ.

—
Въ тотъ ли грозный приказъ,
Гдѣ въ застѣнкѣ глухомъ,

Ищеть правды палачъ
И водой и огнемъ.

Выйдець темень и строгъ
Воевода сѣдой,
Поглядитъ мнѣ въ лицо,
Встрѣтитъ рѣчью такой:

«Въ добрый часъ молодець!
Поджидали тебя.
Правду-истину намъ
Разскажи про себя.

Разскажи, не таись,
Какъ тебя величать,
Какъ прозваньемъ слывешь,
Какъ по отчеству звать?

Разскажи, не таись,
Кто ты есть молодець:
Ты казакъ, аль бурлакъ,
Аль холонь, аль купецъ?

Волгой барки водилъ,
Али самъ торговалъ;
Съ кѣмъ разбойничалъ ты,
Гдѣ притоны держалъ?

Разскажи, не таись,
Сколько душъ погубилъ
И боярскую дочь
Для чего ты убилъ?

Разскажи, чтобъ намъ знать
Какъ тебя наградить:
Батажьемъ, топоромъ,
Аль петлей подарить?

А не скажешь все самъ,
Молодець, не взмщи:

На молчалиниковъ есть
И дыба и клещи;

—
Имъ откроешь вѣдь все
Какъ и что, почему.....
Поклонюсь я тогда
И отвѣчу ему:

—
Не грази, господинъ,
Попустому ты мнѣ;
Не схочу, не скажу,
Хоть ты жги на огнѣ.

—
Да почто мнѣ таять?...
Отгулялъ молодець!
Безъ неё я и такъ
На землѣ не жилецъ.

—
Помирать али жить,
Все равно мнѣ теперь;
Ну такъ слушай меня,
И хошь вѣрь, хошь не вѣрь:

—
Я въ крещенья Акимъ,
Былъ родитель Тарась,
А Скворцами зовутъ
Люди добрые насъ.

—
Торговалъ мой отецъ;
Я купеческій сынъ;
Поспрошай у людей, —
Знають насъ, господинъ.

—
Не кормьсть молодцу
Въ руки ножъ подала,
Лиходѣйка любовь
До него довела.

—
Лиходѣйка любовь.....
Ну да что толковать?...

Коль ты самъ не знавалъ,
Такъ тебѣ не понять.

—
На Николу зимой
Будеть годъ, почитай,
Какъ боярню я
Увидалъ невзначай.

—
Увидалъ я её,
Увидалъ, полюбиль,
И на эту любовь
Душу всю положилъ.

—
Сослѣдилъ гдѣ живеть,
Дозналъ чья была дочь;
Да отстать отъ неё
Мнѣ ужъ было не въ мочь.

—
Сгибла воля въ душѣ
Сталъ я самъ, что не свой;
Только думъ въ головѣ,
Что о ней объ одной.

—
Много принялъ грѣха
Я на душу мою:
Въ божьемъ храмѣ тогда
Что безумный стою;

—
Не молитва была
У меня на умѣ,
Все глядѣлъ на неё
Да горѣлъ какъ въ огнѣ.

—
И добился того,
Дождался молодецъ,
Поглядѣла она
На меня наконецъ.

—
Поглядѣла она,
Моя радость, мой свѣтъ,

И зардѣлась сама,
Словно маковый цвѣтъ.

—

Лихо дѣло начать,
А взглянула ужъ разъ —
И другъ съ друга съ тѣхъ поръ
Не спускали мы глазъ.

—

Я видалъ изъ очей,
Что я ей не постыгъ;
А дворянскій лишь сынъ
Сытъ глядѣніемъ былъ.

—

Не дворянскій я сынъ,
Не умѣлъ этимъ жить,
Хоть я вѣдалъ, что спесь
Не сломить не кунить,

—

Что ушамъ не рости
Выше лба, господниъ,
Что боярину зять —
Не купеческій сынъ;

—

Что не мужъ для жены,
Нуженъ тестю тутъ зять.
Гдѣжъ мытьѣ не беретъ,
Надо катаньемъ взять.

—

А я зналъ и про то,
Отъ сѣдыхъ стариковъ,
Что златому ключу
Нѣтъ завѣтныхъ замковъ.

—

И въ боярскомъ дому
Подыскалъ я друзей.
Не скупился для нихъ
Я казною моею;

—

Мамкамъ, нянькамъ ей
Серебра не щадилъ —

И въ свѣтлицу я къ ней
Путь-дорожку пробилъ.

Что тамъ было, ну то
Знаетъ Богъ лишь одинъ,
Какъ любился съ княжной
Младъ купеческій сынъ.

Скороль, долголь, но разъ
Дождались до грѣха:
Отыскаль ей отецъ
На Москвѣ жениха.

Отыскаль, приказалъ,
Чтобъ готова была,
И чтобъ съ первой водой
Друга въ гости ждала.

Что отъ самой Твери
Онъ къ нимъ Волгой плыветь,
Много лентъ, соболой
И подарковъ везеть.

Испугалась она:
Пала въ ноги отцу
И молила: еѣ
Не неволить къ вѣнцу.

Чтобъ ужъ лучше еѣ
Утопилъ онъ въ рѣкѣ.
Усмѣхнулся отецъ,
Потрепалъ по щекѣ.

«Всѣ вы, дѣвки, одно!»
Онъ примолвилъ шути,
«Твой женихъ молодецъ, —
Полно плакать, дитя».

Въ эту ноченьку я
Къ ней въ свѣтлицу пришелъ —

И, бѣдняжку, её
Въ лютомъ горѣ нашель.

—
Что опѣтый мертвецъ,
Безутѣшна, блѣдна,
Убиваяся, все
Разказала она.

—
И грозилась при мнѣ,
Чтобъ бѣды не дожить,
Лучше руки самой
На себя наложить.

—
Умоляла помочь
Ея горю тому;
И поклялся я ей,
Что не быть ничему.

—
И повѣрила въ томъ
Мнѣ боярская дочь,
И надъ свадьбой со мной
Просмѣялась всю ночь.

—
Миловала меня
До зари горячо
И заставила ей
Побожиться еще,

—
Что постылый женикъ
Не дождетъ до насъ.
И поклялся я ей,
Уходя, еще разъ.

—
Цѣлый день я съ утра
Думалъ думу о томъ,
Какъ мнѣ съ дѣломъ тѣмъ быть:
Какъ мнѣ быть съ женихомъ, —

—
Какъ къ намъ путь заложить,
Лиходѣю, смуту?..

Трудно съ дѣломъ такимъ
Совладать одному.

Да на Волгѣ ль у насъ
Молодцовъ не смекать?
Зналъ я, гдѣ ихъ найти,
Гдѣ товарищей взять, —

Слухомъ полнится мѣръ.
Я слыхалъ про кабакъ —
Спокойнѣчный притонъ
Всѣхъ бездомныхъ гулякъ,

Забубенныхъ промыръ,
Повеснѣтныхъ жильцовъ,
На чужое добро
Безплатежныхъ купцовъ.

Онъ въ глубокомъ яру
По-надъ Волгой стоялъ;
Пройднѣснѣтнѣй старикъ
Тамъ гостей принималъ.

Всякій вольный народъ,
И бѣглець, и бурлакъ,
И сарынщикъ лихой
Въ тотъ сходились кабакъ.

Вотъ туда я пошелъ,
Когда кончился день,
Взявъ съ собой серебра,
Да про случай кистень.

Шёлъ я ночью одинъ
Черезъ пустырь въ перевалъ;
Сердце билось въ груди,
Зналъ я, что затѣвалъ.

Зналъ я, вѣдалъ про то —
И горѣлъ какъ въ огнѣ;

Но вернуться назадъ
Не подумалось мнѣ.

Въ темный яръ я сошелъ.
Вотъ мелькнулъ вдалькѣ
Огонекъ,—я къ нему....
Шумъ и гамъ въ кабацѣ.

Пѣсни,—волжскій напѣвъ,
То разгульно лихой,
То унылый, что плачь,
Раздавался порой.

Я вошелъ. Вкругъ стола,
По широкимъ скамьямъ,
Съ десять буйныхъ головъ
Прохлаждалися тамъ.

И лучина, дымясь,
Освѣщала кабацъ,
Тусклымъ свѣтомъ своимъ
Озаряя гулякъ.

Вли ужинъ одинъ;
На столѣ на другомъ
Шумно шёлъ разговоръ
За баклагой съ виномъ.

«Хлѣбъ да соль, молодцы!»
Я, входя, имъ сказалъ.
«Хлѣба кушать!» одинъ
Глухо мнѣ проворчалъ.

Заслыхавъ чужака,
Шумъ и говоръ затихъ
И недобрый пошелъ
Тихій шепоть межъ нихъ.

И одинъ молодецъ
Вдругъ ко мнѣ подступилъ

И тяжелой рукой
За плечо ухватилъ.

«Какъ попалъ ты сюда?
Грозно мнѣ онъ сказалъ.
Говори, отъ кого?
Кто тебя подослалъ?»

Какъ забрелъ, для чего?
Кто ты самъ-то такой?
Воеводскихъ ярыгъ
Много ль въ слѣдъ за тобой?....»

Силой, удалю я
Не обиженъ Творцомъ,
На кулачныхъ бояхъ
Былъ я знанымъ бойцомъ.

«Самъ ярыга знать ты» —
Я ему отвѣчалъ. —
«Что суешься впередъ,
«Коль своихъ не призналъ.»

И словчасъ, молодца
Черезъ лобъ я махнулъ,
И какъ кошку, его
Отъ себя отшвырнулъ,

И къ столу подойдя,
Бросилъ горсть серебра.
«Гей! хозяинъ, скорѣй
подавай полведра.»

И придвинувъ скамью,
Между ними я сѣлъ.
Ошалѣлъ мой народъ,
И, дивуясь, смотрѣлъ.

«Что глядишь? Али впрямь
Не видали людей?»

Кто не трусь и не пьянъ,
Слушай рѣчи моей:

—
Есть товаръ, да его
Одному не скупить;
Вотъ ищу я купцовъ,
Барыши подѣлать.

—
Будеть добрый отпоръ,
Будеть вдоволь добра,
До-отвалу ножей,
Черезъ край серебра!

—
Ну, такъ что жъ, молодцы,
Кто же въ долю со мной?»
— «Я» — и «я» раздалось,
«Всѣ съ тобой, всѣ съ тобой!»

—
— «Всѣ, такъ всѣ; въ добрый часъ!
По рукамъ, молодцы,
На чужое добро
Даровые купцы!»

—
Нынче пей да гулай,
Сколько въ душу войдетъ;
Завтра спи, отдыхай,
Пока ночь не придетъ.

—
А чуть ночь, забирай
И кистень и топоръ;
А кто выпьетъ вина,
Тотъ сломалъ уговоръ.

—
Ты жъ, святая душа,
Цѣловальникъ честной,
Добрый будь человекъ,
За трудомъ не постой;

—
Подыщи ты для насъ
Двѣ ладейки косыхъ,

Чтобы намъ, молодцамъ,
Покататься на нихъ;

Чтобы были онѣ
Какъ стрѣла на ходу;
А за цѣну на споръ
Я, не бойсь, не пойду.»

Не отмовилъ старикъ
Намъ послуги своей,
Подыскалъ двѣ ладьи,
Раздобылъ и снастей.

Подыскалъ, снарядилъ
И къ ночи привалилъ,
И на нихъ я монхъ
Молодцовъ разсадилъ.

И на весла склонясь,
Молодцы налегли;
Легки лодочки вверхъ,
Колыхаясь, пошли.

Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
По глубокимъ волнамъ
Понеслись челноки
Въ встрѣчу жданнымъ гостямъ.

Долго, долго мы ихъ
Поджидали въ рѣкѣ.
Показались они
Наконецъ вдалькѣ.

Тихо лодка плыла.
Дѣло къ вечеру шло.
Мы слѣдили за ней,
Пока солнце зашло.

А чуть смерклось кругомъ,
Вдоль широкой рѣки,

Словно ястребы, къ ней
Понеслись челноки.

«Гей, на кичку сарыны!»
Раздалось надъ рѣкой,
И на барку стремглавъ
Мы вскочили толпой.

«Всѣ ложись, всѣ замри,
Кому милъ бѣлый свѣтъ,
Кто не хочетъ попастьъ
Къ осетрамъ на обѣдъ!»

И холоповъ толпа
Повалилась ничкомъ,
Только князь молодой
Встрѣтилъ насъ бердышомъ.

Словно левъ онъ напалъ,
Налетѣлъ на моихъ
И, одинъ противъ трехъ,
Опрокинулъ двоихъ.

«Сторонись! это мой!»
Крикнулъ я сорванцамъ.
«Знай, холопей важи,
«Съ этимъ справлюсь я самъ.»

И схватились мы съ нимъ,
Съ удалымъ женихомъ, —
И спознался впервой
Я съ кровавымъ грѣхомъ!

Онъ взмахнулъ надо мной
Бердышомъ что есть силъ;
Но кистень молодцу
Между глазъ угодилъ....

Князь шатнулся; бердышъ
Уронилъ онъ изъ рукъ,

И съ разбитымъ челомъ
На земь гранулся вдаругъ.

Кровь покрыла лицо
И струилась въ вудряхъ.
У меня самого
Потемнѣло въ глазахъ.

Не тайкомъ я его
Повалилъ изъ угла;
Видитъ Богъ, между насъ
Битва честная шла.

Но надъ трупомъ его
Какъ шальной я стоялъ.
О, зачѣмъ на мою
Ты дорогу попалъ?..

Наконецъ, отъ него
Я, шатаясь, пошелъ,
А на баркѣ грабежъ
Той порой уже шелъ.

Молодцы на ладья
Выгружали добро:
И ковры, и мѣха,
И въ мѣшкахъ серебро.

Рылись всюду, всего
Домскались, дошли.
Я глядѣлъ и молчалъ,
Пока все разнесли.

Пока барку одинъ,
Забубенный пострѣлъ,
Чтобы скрыть всѣ концы,
Пробуравить хотѣлъ

И отправить ее, —
А ужъ съ цей заодно —

И холопей плохихъ
Въ гости къ рыбамъ на дно.

—
Стоилъ крѣпко того
Этотъ бабій народъ;
Да ужъ такъ, пожалѣлъ:
Пусть, подумалъ, живеть.

—
«Полно, будетъ, шабашъ!
На ладьи, по мѣстамъ!
Что за даромъ губить?»
Крикнулъ я молодцамъ.

—
И велѣлъ только имъ,
Крѣпче трусовъ связать,
Бросить весла въ рѣку
Да кормило сломать.

—
Пусть по волѣ своей
Съ ними Волга творить:
Къ берегамъ ихъ прибьеть,
Али въ море умчить.

—
И отъ барки затѣмъ,
Отрубивши канать,
Мы на лодкахъ своихъ
Понеслися назадъ.

—
Понеслися челноки
Внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
И наутро опять
Были мы въ кабакѣ.

—
И пошелъ тутъ дѣлежъ
Соболей, серебра;
Не дотронулся я
До чужаго добра.

—
«Нѣтъ здѣсь доли моей.
Ваше все!» я сказалъ.

«Не затѣмъ я пришелъ,
Не того я искалъ....

—
«Что искалъ, то нашелъ.
Ну, прощай молодцы!
Да въ гулянкѣ, смотри,
Хороните концы!..

—
«Поминайте добромъ!
А кто знаетъ впередъ? —
Можетъ, встрѣтятся намъ
Снова Богъ приведетъ.»

—
Наградивъ старика,
Наказалъ я ему,
Чтобъ онъ лодки берегъ,
Не давалъ никому.

—
«Поджидай меня годъ,»
Отходя я сказалъ.
«Жди другой,—не приду,
Значить, былъ, да пропалъ.

—
«Значить, лодки твои,
Хоть сожги, хоть продай,
А до срока, смотри,
Не найду—не пеняй!»

—
И пошелъ я отъ нихъ,
Торопился скорѣй.
И на эту же ночь
Былъ у любви моей.

—
«Что женихъ?»—«Не придетъ!»..
«Отчего?»—«Все равно...
Ну, цѣлуй же скорѣй,
Не видались давно.»

—
И забыла со мной
Все боярская дочь.

И минутой одной
Пронеслась эта ночь.

И такихъ не одну
Съ ней провелъ молодецъ.
Поджидалъ жениха
Лишь бояринъ отецъ.

Посылалъ онъ гонцовъ,
Всюду розыскъ чинилъ;
Не сыскался женихъ—
Слѣдъ заглохъ и простылъ!.

И наскучилъ старикъ
Запоздалаго ждать,
И другихъ жениховъ
Сталъ онъ дочкѣ искать.

А красавица дочь
Не залежный товаръ,
По купцовъ для него
Не ходить на базаръ.

Сами сыщутъ; продать
Лишь охота-бъ была.
И не чули мы,
Какъ бѣда надошла,

Какъ подкрасась она,
Словно по ночи воръ,
И какъ новый женихъ
Прикатилъ къ намъ на дворъ.

Минувала для насъ
Снова радость—житье! —
Грызла ревность меня,
Грызло горе ее.

Не о двухъ головахъ
Былъ разлучникъ лихой.

Да, я понялъ теперь,
Что не онъ, такъ другой,

Кто нибудь, наконецъ
Мою любу возьметъ,
Не известъ цѣлый свѣтъ,
Не избить весь народъ.

И задумалъ тогда
Я: боярскую дочь
Изъ хоромъ, отъ отца,
Выкрасть въ темную ночь.

Я сказалъ ей про то. —
Обиная меня,
«На край свѣта съ тобой!»
Отвѣчала она.

Я родительскій домъ
Продалъ людямъ чужимъ:
Ухожу въ монастырь,
Я рассказывалъ имъ.

Спѣшно собралъ казну,
Не прощаясь ушелъ,
И въ знакомый кабакъ
Темной ночью пошелъ.

Цѣловальникъ старикъ
Объщанье сдержалъ:
Честно лодки берегъ,
Молодцовъ подыскалъ.

И пошли челноки
Снова Волгой гулять,
Изъ боярскихъ хоромъ
Красну дѣвицу брать.

А стояли онѣ
По-надъ самой рѣкой.

Къ нимъ за садомъ пристагъ
Я съ ватагой лихой.

—

Средь глубокой ночи
Мы прокралися въ домъ..
Я провель молодцовъ
Мнѣ знакомымъ путемъ.

—

Я наказывалъ имъ
Не касаться добра,
Ничего не тащить
Изъ хоромъ иль съ двора.

—

Въ тишинѣ меня ждать,
Положилъ имъ зарокъ;
И къ боярышнѣ самъ
Побѣжалъ въ теремокъ.

—

Но родное гнѣздо
Знать не въ сласть покидать:
Залилася она,
Стала горько рыдать.

—

Жаль мнѣ было её,
Утѣшалъ какъ умѣлъ,
А способный-то часъ
Той порой пролетѣлъ.

—

Соблазнились мои,
Знать, боярскимъ добромъ,
Разбудили народъ,
Всполошили весь домъ.

—

Поднялась бѣготня:
И отецъ, и женихъ,
И холопей толпа...
Дорогъ сталъ каждый мигъ.

—

Дорогъ сталъ каждый мигъ,
А она между тѣмъ

Въ смертномъ отракѣ своемъ
Обомлѣла совсѣмъ.

Такъ, безъ чувства ее
Я, голубку, схватилъ
И по лѣстницѣ внизъ
На рукахъ потащилъ.

Пробѣжалъ черезъ садъ;
Былъ ужъ близко рѣки.
Молодцы, кто ушелъ,
Собрались въ челоки.

Громко звали меня,
Что есть силъ я бѣжалъ,
Но холопей содомъ
На дорогѣ мнѣ сталъ.

Тихо ношу мою
Я на землю сложилъ
И отбиться коломъ
Отъ толпы варовилъ.

Но примчался женихъ,
Прибѣжалъ и отецъ.
И увидѣлъ я тутъ,
Что пришелъ мой венецъ,

Что голубки моей
Больше мнѣ не видать,
Къ ней на бѣлую грудь
Головы не склонять.

Не утѣшить души
Ея чудной красой;
Не ласкать, не играть
Ея русой косой.

Не глядѣть никогда
Въ очи ясныя ей!...

Будетъ онъ господинъ
Бѣдной любви моей.

Съ этой мыслью вся кровь
Закипѣла во мнѣ,
Помутилось въ глазахъ
Какъ въ бреду, какъ во снѣ.

«Чѣмъ томиться тебѣ, —
Я подумалъ, — съ другимъ, —
Пропaday моя страсть,
Вмѣстѣ съ другимъ своимъ!..

«Не достанься же ты,
Коли-такъ, никому, —
Ни разлапушкой мнѣ,
Ни жевою ему!...

И послѣдній разокъ
Я на любовь взглянулъ —
И наотмашь ее
Прямо въ сердце пырнулъ.

И съ кровавымъ ножомъ
Я рванулся впередъ.
Думалъ, смерть и меня
Въ этой схваткѣ найдетъ.

Не нашла. Самъ отецъ
Оглушилъ бердышемъ —
И попалъ молодецъ
Въ вражьи руки живьемъ.

Погребальный трезвонъ,
Въ храмѣ свѣчи горять,
Лики темныхъ иконъ
Какъ-то строго глядятъ.

Въ клубахъ дыму столпы,
Отъ камильницъ встаютъ

Въ черныхъ ризахъ пошны.
Заунывно поють.

И монахи толпой,
И тѣснится народъ
Надъ убитой княжной:
Отпѣванье идетъ.

Тускло свѣточъ горить,
Озаря подвалъ;
Старый дьякъ тамъ сидитъ,
Старый дьякъ зубоскаль.

Шуткой рѣчь онъ ведетъ;
А въ подвалѣ глухомъ
Все бесѣда идетъ
У Скворца съ палачомъ.

Слышенъ скрежетъ зубовъ,
Хрустъ суставовъ, костей,
И сошныя мѣховъ,
И бряцанье цѣпей.

Пала темная ночь.
На погостѣ святомъ
Спать боярская дочь,
Подъ могильнымъ крестомъ.

За погостомъ стоитъ
Трехбренчатый срубъ.
На томъ срубѣ виситъ
И качается трутъ.

Пролита кровь за кровь,
Отнята честь за честь.
Такъ почилъ любовь;
Такъ покоячила мечь.

Надъ погостомъ кругомъ
Буйный вѣтеръ гулягъ;
Въ дуновеньи одномъ
Крестъ и срубъ обнималъ.

Словно вѣсть приносилъ
Отъ могилки святой,
И какъ-будто мирилъ
Крестъ и срубъ роковой.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

ОТЖИВШІЙ МІРЪ.

(изъ гейне).

Всѣ мы другъ за другомъ уходимъ со сцены, люди и боги, вѣрованія и преданія... Хорошо бы было сохранить кое-что отъ полнаго забвенія, набальзамировать остатки прошедшаго не безобразнымъ способомъ Ганналя, а тѣми секретными средствами, которыя можно найти только въ аптекѣ поэта. Да, уходятъ вѣрованія, забываются преданія. Угасаютъ они не только въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, но даже въ самыхъ сѣверныхъ заходустьяхъ земли, гдѣ еще такъ недавно процвѣтали самыя яркія суевѣрія. Миссіонеры, работающіе въ этихъ холодныхъ краяхъ, жалуется на скептицизмъ тамошнихъ жителей. Описывая свое путешествіе на сѣверъ Гренландіи, одинъ датскій проповѣдникъ рассказываетъ, что онъ спрашивалъ одного старика насчетъ существующихъ вѣрованій гренландскаго народа. Старикъ добродушно отвѣчалъ: «прежде вѣровали въ мѣсяцъ, а теперь въ него больше не вѣруютъ».

Какъ странно ремесло писателя! Одному везетъ на этомъ поприщѣ, другому нѣтъ; но несчастіе всѣхъ сочинителей конечно мой бѣдный пріятель, Генрихъ Кицлеръ, бакка-

лавръ словесныхъ наукъ геттингенскаго университета. По учености, по богатству идей, по трудолюбію онъ стоитъ выше всѣхъ жителей города Геттингена, и между тѣмъ до сихъ поръ на лейпцигской книжной ярмаркѣ не появилось ни одной его брошюры. Старый бібліотекаръ Штифель не можетъ удержаться отъ смѣха всякій разъ, какъ Генрихъ Кицлеръ приходитъ къ нему за книгою, говоря, что она ему очень нужна, чтобы окончить сочиненіе, находящееся въ эту минуту подъ его перомъ.—«Долго еще оно останется у тебя подъ перомъ!» бормочетъ старый Штифель, поднимаясь по классической лѣстницѣ къ верхнимъ полкамъ бібліотеки.

Кицлера вездѣ считали простакомъ, а по правдѣ сказать, онъ былъ просто честнымъ человѣкомъ. Никто въ мірѣ не зналъ истинной причины, мѣшавшей выходу въ свѣтъ его сочиненій, и я узналъ эту причину случайно, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, зашелъ зажечь свѣчу въ его комнату, находившуюся рядомъ съ моею квартирою. Онъ только-что дописалъ большое сочиненіе «о величїи пиагореизма», но его, кажется, не радовало окончаніе труда и онъ задумчиво смотрѣлъ на свою рукопись.

— Вотъ наконецъ, сказалъ я, имя твое появится въ каталогѣ книгъ, продающихся на лейпцигской ярмаркѣ.

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ, глубоко вздыхая, эта книга пойдетъ, должно-быть, въ огонь, какъ и прежнія...

Тутъ онъ открылъ мнѣ ужасную тайну; всякій разъ, какъ онъ оканчивалъ книгу, его поражало величайшее несчастіе. Истощивъ всѣ доказательства въ пользу своего тезиса, онъ считалъ своею обязанностью развить такъ же подробно всѣ возраженія, какія могъ бы представить его противникъ. Становясь на противоположную точку зрѣнія, онъ отыскивалъ самыя разительные аргументы, и они, безъ его вѣдома, укоренялись въ его умѣ; сочиненіе было конечно, а между тѣмъ его идеи были уже не тѣ; онъ стояли уже въ непримиримомъ противорѣчїи съ его прежними воззрѣніями, а Кицлеръ былъ вполне честный человѣкъ и на алтарѣ истины сжигалъ лавры литературной славы, т. е. смѣло бросалъ въ огонь свою рукопись. Вотъ почему онъ

глубоко вздохнулъ, говоря о книгѣ, въ которой онъ доказывалъ величіе пифагорейца.

— Я сдѣлалъ столько выписокъ изъ старцевъ, — сказалъ онъ, что этими выписками можно набить двадцать корзинъ. Я цѣлыя ночи напролетъ сидѣлъ за столомъ надъ дѣянiями первыхъ пифагорейцевъ, между тѣмъ, какъ въ твоей комнатѣ пили пуншъ и пѣли *Gaudeamus igitur*. Я на 38 трудовыхъ талеровъ купилъ въ книжной лавкѣ Вандергука и Рупрехта разныхъ историко-философскихъ брошюръ, понадобившихся для моей работы, а на эти деньги можно было купить великолѣпнѣйшую пѣнковую трубку. Я трудился и выбивался изъ силъ въ продолженiи двухъ лѣтъ, двухъ драгоценныхъ лѣтъ моей жизни, и все это для того, чтобы выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Надворная совѣтница Бланкъ спросить у меня: — «когда выдетъ въ свѣтъ ваше «величіе пифагорейца?», а мнѣ придется опустить глаза въ землю, какъ человѣку, уличенному во лжи. — Вотъ, книга кончена, продолжалъ несчастный труженикъ; она могла бы понравиться публикѣ, потому что въ ней я прославилъ торжество духа надъ плотью и доказалъ, что въ этомъ дѣлѣ истина и разумъ восторжествовали надъ ложью и заблужденiемъ; но я — несчастнѣйшій изъ смертныхъ! Въ глубинѣ души я убѣжденъ въ томъ, что случилось совсѣмъ наоборотъ, что ложь и заблужденiе...

— Молчи, воскликнулъ я, испуганный направленiемъ его мысли, молчи! — Смѣешь ли ты, слѣпецъ, унижать высшую истину и чернить чистѣйшій свѣтъ? Если даже ты дерзашь сомнѣваться въ чудесахъ пифагорейцевъ, ты не можешь отвергнуть того, что торжество пифагорейца само по себѣ было чудомъ. Горсть скромныхъ мыслителей побѣдоносно проникла, вопреки цезарямъ и палачамъ, въ римскій міръ, владея однимъ оружіемъ—словомъ... Но зато какое слово!.. Прогнившее язычество затрепетало по всѣмъ направленiямъ, когда раздался голосъ этихъ героевъ мысли, которые возвѣщая древнему міру новую философію, не боялись ни когтей лютаго звѣря, ни ножа еще болѣе лютаго палача, ни желѣза, ни огня... Сами они были огнемъ и желѣзомъ, огнемъ и желѣзомъ живой истины!.. Это желѣзо обрубилъ за-

*

вядшіе листья и засохшія вѣтви древа жизни, и спасло его отъ разложенія. Этотъ огонь разогрѣлъ оледенѣлый корень, и на обновленныхъ вѣтвяхъ показалась свѣжая зелень. Изъ всѣхъ зрѣлицъ, представляющихся намъ во всемірной исторіи, нѣтъ зрѣлица болѣе величественнаго и поразительнаго, какъ это первое появленіе пифагорейства, его борьба съ паганизмомъ и его полное торжество!

Я произнесъ эти слова чрезвычайно торжественно, тѣмъ болѣе, что, выпивши въ тотъ вечеръ много эйбекскаго пива, я придалъ своему голосу значительную степень звучности.

Генрихъ Кицлеръ нисколько не тронулся моею рѣчью.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ мнѣ съ грустною ироническою улыбкою, не трудись понапрасну: то, что ты говоришь теперь, я самъ уже обдумалъ прежде, обдумалъ основательно и представилъ такъ наглядно, какъ ты не сумѣешь представить. Въ этой рукописи я описалъ самыми яркими красками развращенную, презрѣнную эпоху язычества. Скажу безъ тщеславія, что смѣлостью кисти я не уступлю лучшимъ произведеніямъ Тацита и Ювенала. Я показалъ, какимъ образомъ, прельщенные примѣромъ своихъ боговъ, Греки и Римляне впади въ грязный развратъ; я сказалъ, что эти боги недостойны даже считаться людьми, если принимать въ соображеніе тѣ преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняють. Я замѣтилъ, что перваго изъ боговъ, самого Юпитера, слѣдовало бы, по буквѣ ганноверскихъ уголовныхъ законовъ, если не повѣсить, то по крайней мѣрѣ тысячу разъ сослать на галеры. Чтобы представить яркую противоположность, я вслѣдъ за тѣмъ изобразилъ нравственное ученіе пифагорейцевъ, и доказалъ, что, слѣдуя примѣру своего великаго учителя, первые пифагорейцы въ жизни и ученіи проводили самую чистую нравственность, несмотря на тяготѣвшія надъ ними презрѣніе и преслѣдованія. Наконецъ, исполненный благороднымъ рвеніемъ, я приступаю къ великолѣпнѣйшей части моего труда: я повѣствую, какъ пифагорейзмъ вступилъ въ бой съ язычествомъ, и какъ, подобно новому Давиду, онъ повергъ во прахъ этого новаго Голіафа... Но увы! теперь этотъ поединокъ представляется

моему уму въ странномъ свѣтѣ... Вся моя любовь, весь мой энтузіазмъ къ этой апологіи исчезли, съ той минуты, какъ я узналъ, какимъ причинамъ противники пифагорейзма приписываютъ его торжество. Не сочувствуя побѣдамъ пифагорейзма, они не вѣрятъ въ добродѣтели побѣдоносныхъ пифагорейцевъ, которые, въ послѣдствіи, за неимѣніемъ умственныхъ убѣжденій, обращались къ содѣйствію грубой силы... Сказать ли правду? Кончилось тѣмъ, что я самъ почувствовалъ какую-то грѣховную симпатію къ этимъ свѣтлымъ храмамъ, къ этимъ прелестнымъ статуямъ, которые, съ незапамятныхъ временъ стали принадлежать не мертвой религіи, а вѣчно живому искусству. Однажды, порывшись въ бібліотекѣ, я, со слезами на глазахъ, принялся читать слово Ливанія въ защиту греческихъ храмовъ. Старый Эллинъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ умоляетъ фанатиковъ-варваровъ пощадить драгоцѣнныя произведенія искусствъ, которыми пластическій геній Грековъ украсилъ міръ. Напрасная мольба! Цвѣтъ весенняго возраста человѣчества, воспоминанія о такой эпохѣ, которой больше не придется цвѣсти, погибли невозвратно подъ ударами разрушительнаго усердія.

— Нѣтъ, продолжалъ съ усиливающимся жаромъ мой ученый другъ, никогда изданіемъ этого сочиненія я не приложу своей руки къ подобному злодѣянію; нѣтъ, я долженъ сжечь его, какъ сжегъ все, что было написано прежде. О вы, статуи красоты, разбитыя статуи, и вы, маны умершихъ боговъ, милыя тѣни, живущія въ небесахъ поэзіи, васъ я призываю! Примите эту искупительную жертву, вамъ я приношу эту книгу!

И Генрихъ Кицлеръ бросилъ свою рукопись въ огонь, пылавшій въ каминѣ, и скоро «Величіе пифагорейзма» превратилось въ дотлѣвающій пепелъ.

Это происходило въ Геттингенѣ, зимою 1820 года, за нѣсколько дней до той знаменитой ночи на первое января, въ которую академическій привратникъ Дорисъ получилъ такое страшное количество палочныхъ ударовъ, и въ которую двѣ противоположныя партіи «*Burschenschaft*» и «*Landmannschaft*» послали другъ другу восемьдесятъ пять картежей...

Возвращаясь къ торжеству пифагорейства надъ язычествомъ. Я нисколько не раздѣляю мнѣнія друга моего Кицлера, возстававшаго съ такою горечью противъ *статуеборческаго* фанатизма первыхъ пифагорейцевъ; я думаю, напротивъ того, что имъ такъ и слѣдовало поступать. Развѣ они могли щадить древніе храмы и статуи классическаго міра? Въ этихъ памятникахъ жила древнегреческая свѣжесть, въ нихъ жили тѣ свѣтлыя нравы, которые, по мнѣнію пифагорейцевъ, относятся къ области злыхъ духовъ. Въ статуяхъ и въ храмахъ пифагореецъ видѣлъ не одно пустое суевѣріе, не одно случайное заблужденіе; онъ смотрѣлъ на эти храмы какъ на твердыни дьявола, и боги, изображенные этими статуями, представлялись ему дѣйствительно живущими существами; по его мнѣнію, всѣ они были демоны. Поэтому первые пифагорейцы ни подъ какимъ видомъ не соглашались приносить жертвы богамъ и поклоняться ихъ изображеніямъ; когда ихъ обвиняли въ безбожии и тащили въ судилище, они отвѣчали, что не могутъ поклоняться демонамъ. Они шли на истязанія, но ни за что не хотѣли кивнуть головою чорту—Юпитеру, чертовкѣ—Діанѣ, и архи—чертовкѣ Венерѣ. Бѣдные греческіе философы! вы никакъ не могли понять причинъ этого страннаго упорства; не поняли вы и того, что въ полемикѣ противъ пифагорейцевъ вамъ надо было отстаивать живую дѣйствительность, а не мертвую доктрину! Очень нужно было въ самомъ дѣлѣ пускаться въ ходъ ново-платоническія тонкости, чтобы придавать мифологіи болѣе глубокое значеніе! очень нужно было одушевлять усопшихъ боговъ новою жизнью, вливать имъ въ жилы новую, символическую кровь, и убиваться надъ опроверженіемъ дубовой полемики первыхъ пифагорейцевъ, нападавшихъ на нравственность вашихъ боговъ и позволявшихъ себѣ ѣдкіе сарказмы. Вамъ слѣдовало защищать эссенцію эллинизма, образъ чувствъ и образъ мыслей, всю жизнь эллинскаго общества; надо было всѣми силами сопротивляться пропагандѣ идей и чувствъ, рапространявшихся изъ школы пифагора. Настоящій вопросъ состоялъ въ томъ, кому господствовать надъ міромъ: строгому ли ученію вѣчно печальныхъ философовъ, нагнавшихъ изъ жизни всѣ человѣческія радости и переносившихъ

сившихъ эти радости въ заоблачныя пространства эфира или свѣтлому, блестящему могуществу греческаго гѣнія, создавшаго культъ красоты и вызвавшаго къ жизни и цвѣту всѣ прелести земли?

До существованія боговъ никому не было дѣла; никто уже не вѣрилъ въ этихъ жителей Олимпа, раздушеннаго амброзією, но зато какія божественныя наслажденія можно было найти въ ихъ храмахъ въ правдивныя дни, при совершеніи мистерій! Тамъ поклонники божества плясали торжественно, вѣнчая голову свѣжими цвѣтами; тамъ ложились они на пурпурныя ложа и предавались обаянію священнаго покоя, а иногда находили и другія, болѣе живыя отрады... Эти радости, эти звонкіе переливы смѣха давно умолкли. Въ развалинахъ храмовъ живутъ еще прежніе боги древности, но въ народныхъ вѣрованіяхъ они давно потеряли все свое могущество; они превратились въ злыхъ демоновъ; они прячутся впродолженіе дня, и при наступленіи ночи выходятъ изъ своихъ жилищъ; облекаясь въ граціозныя формы, они сбиваютъ съ пути бѣдныхъ путешественниковъ и вводятъ въ бѣду неопытныхъ смѣльчаковъ.

Это народное повѣрье подаетъ поводъ къ самымъ чудеснымъ легендамъ. Изъ этого источника нѣмецкіе поэты почерпаютъ сюжеты для самыхъ обаятельныхъ произведеній фантазіи. Дѣйствіе обыкновенно происходитъ въ Италіи, а героемъ приключенія является какой-нибудь нѣмецкій рыцарь, красивый, свѣжій юноша, неопытный, незнающій жизни и, слѣдовательно, легко поддающійся обаятельнымъ искушеніямъ миловидныхъ демоновъ. Въ одинъ прекрасный осенній день, рыцарь прогуливается одинъ, вдали отъ всякаго жилья, мечтая о лѣсахъ далекой родины и о молодой блондури дѣвушкѣ, которую онъ, вѣтренникъ, оставилъ тамъ, въ отчизнѣ! Вдругъ онъ видитъ статую и останавливается въ изумленіи. Чуть ли это не сама богиня Афродита? Онъ смотритъ ей прямо въ лицо, и его юное сердце поддается вѣянію древней красоты. Онъ не смѣетъ вѣрить глазамъ. Никогда въ жизни не видалъ онъ такихъ прелестныхъ очертаній. Подъ бѣлымъ мраморомъ онъ чувствуетъ присутствіе горячей жизни, горячѣе той крови, которая течетъ въ ру-

мяныхъ щенахъ молодыхъ дѣвушекъ его роднаго края. Эти бѣлые глаза смотреть на него, и въ этомъ взорѣ столько нѣги и столько томительной грусти, что грудь его вздымается отъ любви и отъ жалости, отъ жалости и отъ любви. Съ этой минуты онъ часто бродитъ среди развалинъ, къ удивленію своихъ знакомыхъ, которые замѣчаютъ, что онъ не посѣщаетъ больше ни разгульныхъ пировъ, ни рыцарскихъ турнировъ. Прогулки его начинаютъ подавать поводъ къ страннымъ слухамъ. Однажды утромъ, молодой чудакъ поспѣшно входитъ въ свою гостиницу, лицо его блѣдно и взволновано; онъ торопливо расплачивается, укладываетъ чемоданъ и быстро уходитъ за Альпы, на родину.

Что же съ нимъ случилось?

Посятся слухи, будто, однажды вечеромъ, онъ, позднѣе обыкновеннаго, отправился къ своимъ любимымъ развалинамъ. Солнце сѣло и ночныя тѣни покрыли тѣ мѣста, гдѣ онъ каждый день, по цѣлымъ часамъ любовался статуею своей прекрасной богини. Долго бродилъ онъ, не обращая вниманія на мѣстность, -- и вдругъ очутился передъ виллою, которую до того времени ему не случалось замѣтить. Каково же было его удивленіе, когда слуги, съ факелами въ рукахъ, вышли къ нему навстрѣчу и пригласили его зайти на ночь въ эту виллу! Удивленіе его удвоилось, когда онъ вошелъ въ большую, освѣщенную залу; по этой залѣ ходила, совершенно одна, женщина, которая чертами лица и тѣлосложеніемъ была поразительно похожа на его прекрасную любимую статую. Сходство было полное, тѣмъ болѣе, что владѣтельница виллы была одѣта въ кисейное платье освѣлительной бѣлизны, и что лицо ея было чрезвычайно блѣдно. Рыцарь почтительно поклонился ей, она молча посмотрѣла на него пристальнымъ, серьезнымъ взоромъ, потомъ спросила, не хочетъ ли онъ поѣсть. Рыцарь чувствовалъ, что у него сильно бьется сердце, но, несмотря на то, у него былъ чисто-германскій желудокъ. Послѣ продолжительной ходьбы, онъ чувствовалъ потребность подкрѣпиться, и не отказался отъ приглашенія красавицы. Хозяйка дружески взяла его за руку, и онъ пошелъ за нею по обширнымъ заламъ, въ которыхъ звонко раздавались шаги, и ко-

торыя, при всемъ своемъ великолѣпіи, производили невыразимо—грустное впечатлѣніе. Жирандоли бросали блѣдный свѣтъ на стѣны, расписанныя пестрыми фресками, изображавшими разныя языческія исторіи, въ родѣ любовныхъ походовъ Париса и Елены, Діаны и Эндиміона, Калипсо и Одиссея. Въ мраморныхъ вазахъ, разставленныхъ передъ окнами, качались на стебляхъ своихъ большіе фантастическіе цвѣты, распространявшіе въ воздухѣ какой—то мертвящій, одурающій ароматъ. Завываніе вѣтра въ пустыхъ каминныхъ напонилахъ хрипѣніе умирающаго. Рыцарь и дама пришли въ столовую; красавица сѣла напротивъ юноши, стала разливать вино, и улыбаясь, предложила ему самыя тонкія кушанья. Нашлось много удивительнаго для нашего наивнаго Нѣмца! Онъ спросилъ соли; оказалось, что ея на столѣ не было, и при словахъ гостя, блѣлое лицо хозяйки передернулось почти безобразнымъ содроганіемъ; рыцарю пришлось нѣсколько разъ повторить свою просьбу, и наконецъ дама съ замѣтнымъ неудовольствіемъ приказала своимъ слугамъ принести солонку. Слуги дрожали, ставя ее на столъ и просыпали половину соли. Между тѣмъ благородное вино огненнымъ потокомъ скользило въ тевтонскую глотку нашего юноши, и неясный страхъ, волновавшій его порою, совершенно разсѣялся. Скоро онъ сдѣлался довѣрчивымъ, почувствовалъ веселое расположеніе духа, т. е. нервовъ, и когда красавица спросила у него, умѣетъ ли онъ любить, онъ отвѣчалъ ей жгучими поцѣлуями. Упоенный любовью, а можетъ быть и виномъ, онъ скоро заснулъ на груди своей возлюбленной. Тутъ въ мозгу его зародились смутные сны, подобные тѣмъ видѣніямъ, которыя тревожатъ насъ въ горячечномъ бреду. То видитъ онъ, какъ его старая бабушка, сидя въ большомъ креслѣ, послѣшно, ворочая губами, шепчетъ ночную молитву. То слышится ему насмѣшливый хохотъ огромныхъ летучихъ мышей; онѣ шныряютъ вокругъ него; въ когтяхъ у нихъ факелы; онъ приглядывается къ нимъ и какъ—будто узнаетъ лица тѣхъ слугъ, которые подавали ужинъ. Наконецъ ему пригрезилось, что красавица—хозяйка превратилась въ отвратительное чудовище, и что онъ самъ, въ страшныхъ предсмертныхъ мученіяхъ, рубить

ей голову. — На утро слѣдующаго дня, рыцарь очнулся отъ своего летаргическаго усыпленія; великолѣпная вилла, въ которой онъ заснулъ вечеромъ, исчезла; вокругъ него были тѣ развалины, которыя онъ посѣщалъ всякій день, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что мраморная статуя, которую онъ любилъ такъ сильно, была опрокинута съ иѣдестала, и что у ногъ его лежала голова, отбитая отъ туловища.

Вотъ другой разсказъ, сходный съ первымъ по характеру. Одинъ молодой рыцарь былъ съ пріятелями въ одной виллѣ возлѣ Рима и игралъ съ ними въ лапту; онъ снялъ съ пальца кольцо, мѣшавшее ему играть, и, чтобы оно не потерялось, надѣлъ его на палецъ одной статуи, изображавшей языческую богиню. Игра кончилась, молодой человекъ подошелъ къ статуѣ, и ужаснулся: палецъ мраморной женщины оказался согнутымъ! Чтобы снять кольцо, надо было сломать ей руку, и нашъ рыцарь не рѣшился этого сдѣлать, по какому-то неопредѣленному чувству жалости. Онъ побѣждалъ за своими спутниками, разсказалъ имъ о случившемся чудѣ и просилъ ихъ собственными глазами убѣдиться въ вѣрности его словъ. Они вмѣстѣ съ нимъ отправились къ статуѣ, но палецъ ея снова выпрямился и кольца на немъ уже не было. Черезъ нѣсколько времени, нашъ рыцарь рѣшился жениться и бракъ было совершенъ. Въ самую брачную ночь, въ ту минуту, когда онъ собирался лечь на постель, къ нему подошла женщина, совершенно похожая на ту статую чертами лица и формами тѣла; она сказала ему, что ихъ обручило то кольцо, которое онъ надѣлъ ей на палецъ, и что съ того времени онъ принадлежитъ ей, какъ законный супругъ. Рыцарь напрасно старался отдѣлаться отъ ея странныхъ притязаній: женщина-статуя постоянно становилась между нимъ и его женою, мѣшала ему приблизиться къ ней, и въ эту ночь отняла у него возможность воспользоваться радостями брачнаго ложа. То же самое повторилось на вторую и на третью ночь. Рыцарь сталъ тосковать и задумываться. Никто не могъ помочь его горю, и даже самые благочестивые люди только качали головами; наконецъ онъ отъ кого-то услышалъ объ отшельникѣ Палумнусѣ, который будто бы многимъ помо-

галъ противъ чародѣяній демоновъ. Онъ отправился къ этому отшельнику и сталъ его упрасивать; Палумнусъ долго не рѣшался выручить его изъ бѣды и говорилъ, что ему самому придется подвергать себя страшнымъ опасностямъ. Кончилось тѣмъ, что онъ написалъ на маленькомъ доскуткѣ пергамена нѣсколько непонятныхъ знаковъ, и далъ заколдованному рыцарю необходимыя инструкціи. Онъ приказалъ ему стать въ полночь на одинъ перекрестокъ, находящійся въ окрестностяхъ Рима; предупредилъ его, что онъ увидитъ самыя странныя явленія и совѣтовалъ не робѣть передъ тѣмъ, что ему привидится и прислышится. Въ ту минуту, когда покажется та женщина, которой онъ надѣлъ на палець свое кольцо, рыцарь долженъ подойти къ ней и показать ей пергаменную записку. Нашъ герой буквально исполнилъ приказанія. Сердце его сильно билось, когда, ровно въ полночь, находясь на означенномъ перекресткѣ, онъ увидѣлъ передъ собою странную процессію. То были мужчины и женщины, блѣдные, прекрасные, великолѣпно, роскошно одѣтые въ праздничныя одежды временъ языческой древности; одни шли въ золотыхъ коронахъ, другіе, увѣнчанные лаврами, медленно подвигались впередъ, печально склоняя голову на грудь; иные обнаруживали безпокойство и съ трепетнымъ благоговѣніемъ несли разныя серебряныя вазы и другую утварь, принадлежавшую къ жертвоприношеніямъ древнихъ храмовъ. Среди пестрой толпы видѣлись огромные, золоторогіе волы, украшенные цвѣточными гирляндами и, наконецъ, на великолѣпной тріумфальной колесницѣ, увѣшанной пурпуромъ и увѣнчанной розами, ѣхала сама богиня, сіяющая роскошными очертаніями тѣла и ослѣпительною красотою. Рыцарь узналъ въ ней ту женщину, у которой находилось его кольцо, смѣло подошелъ къ колесницѣ и показалъ богинѣ пергамень отшельника Палумнуса. Какъ только богиня взглянула на буквы, написанныя на пергаменѣ, она подняла руки къ небу и закричала жалобнымъ голосомъ. Слезы покатались изъ ея глазъ и она сказала съ отчаяніемъ:

— Жестокій отшельникъ Палумнусъ! Мало тебѣ того зла, которое ты намъ надѣлалъ такъ недавно! Впрочемъ

твоимъ преслѣдованіямъ скоро настанетъ конецъ, жестокій отшельникъ Палумнусъ!

Она отдала рыцарю кольцо, и на слѣдующую ночь уже ни что не мѣшало соединенію молодыхъ супруговъ. Отшельникъ Палумнусъ умеръ черезъ три дня послѣ этого событія.

Я въ первый разъ прочелъ эту исторію въ *Mons veneris* Корнмана. Нѣсколько времени тому назадъ я нашелъ ее во второй разъ въ нѣлѣной книгѣ Делріо о колдовствѣ; она извлечена имъ изъ испанскихъ источниковъ и вѣроятно возникла на Пиринейскомъ полуостровѣ. Сочиненіе Корнмана представляетъ всего болѣе данныхъ для того предмета, о которомъ я говорю. Давно уже оно не попадалось мнѣ въ руки, и я могу говорить о немъ только по воспоминаніямъ. Но эта книжка, состоящая изъ 200 или 250 страницъ, напечатанная старымъ, прелестнымъ готическимъ шрифтомъ, не выходитъ изъ моей памяти. Она вѣроятно была издана около половины XVII столѣтія. Статья «о стихійныхъ духахъ» написана въ ней очень фундаментально, и авторъ приводитъ въ ней много чудесныхъ рассказовъ о горѣ Венеры. По примѣру Корнмана я долженъ былъ, по поводу стихійныхъ духовъ, говорить также о превращеніи древнихъ божествъ. Нѣтъ, эти божества не простые призраки; они — существа не созданныя, безсмертныя, и торжество Христа принудило ихъ удалиться въ мрачный подземный міръ. Нѣмецкая легенда о Венерѣ, какъ о богинѣ красоты и любви, представляетъ совершенно своеобразный характеръ: это классическій романтизмъ. Германскія легенды говорятъ, что Венера, послѣ разрушенія послѣднихъ языческихъ храмовъ, убѣжала въ нѣдра таинственной горы, и въ этой горѣ, окруженная самыми рѣзвыми сильванами и сильфидами, самыми прелестными дриадами и амадриадами, ведетъ веселую жизнь вмѣстѣ со многими знаменитыми героями, исчезнувшими непонятнымъ образомъ со сцены міра. Когда вы подходите къ этому жилищу Венеры, вы уже на дальнемъ разстояніи слышите звонкій смѣхъ и нѣжные звуки гитары, которые, подобно незримымъ сѣтямъ, опутываютъ ваше сердце и привлекаютъ васъ къ очаровательной горѣ. Къ счастью для васъ, старый рыцарь, котораго зовутъ вѣрнымъ Экар-

томъ, стоитъ на часахъ и караулитъ двери горы. Неподвижный, какъ статуя, онъ опирается на свой большой, боевой мечъ, но голова его, бѣлая какъ снѣгъ, постоянно дрожитъ слегка и печально увѣдомляетъ васъ о тѣхъ обаятельныхъ опасностяхъ, которыя васъ ожидаютъ. Одни чувствуютъ страхъ и одумываются въ-время; другіе не слушаютъ дребезжащаго голоса вѣрнаго Экарта и очертя-голову кидаются въ омутъ проклятыхъ наслажденій. Нѣсколько времени все идетъ превосходно. Но человѣкъ не можетъ постоянно веселиться; порою онъ становится молчаливъ и серьезенъ, и задумывается о прошедшемъ, потому что прошедшее есть родина его души. Онъ начинаетъ тосковать по этой родинѣ; ему хочется снова почувствовать прежнія ощущенія, пожалуй даже прежнюю печаль и страданіе. Это случилось въ Тангейзеромъ, и пѣсня, въ которой рассказаны его несчастія, представляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ лингвистическихъ памятниковъ, сохранившихся, путемъ преданія, въ устахъ нѣмецкаго народа. Я въ первый разъ прочелъ эту пѣсню въ книгѣ Корнмана. Преторій почти буквально заимствовалъ ее у него, а компиляторы *Wunderhorn'a* перепечатывали ее изъ Преторія. Трудно опредѣлить положительно, въ какое время возникла легенда о Тангейзерѣ. Ее можно встрѣтить на летучихъ листкахъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія типографскаго искусства. Существуетъ также новая обработка этого сюжета, сходная съ оригинальною поэмою только по нѣкоторой вѣрности чувства. Такъ какъ у меня находится, безъ всякаго сомнѣнія, единственный экземпляръ этого обновленнаго Тангейзера, то я его здѣсь напечатаю:

Не попадайтесь, эссіане,
 Въ тенета демоновъ лукавыхъ,
 Я о Тангейзерѣ легенду
 Вамъ пропою для назиданья.

—
 Тангейзеръ, рыцарь благородный,
 Хотѣлъ любовью насладиться.

Въ горѣ Венеры поселившися,
Семь лѣтъ провелъ онъ въ сладкой нѣгѣ.

— «Прощай, красавица Венера!
Прощай, прелестная подруга,
Я больше жить съ тобой не стану.
Пусти меня. Пора мнѣ ѣхать.»

— «Тангейзеръ! Ты, мой милый рыцарь,
Не цѣловалъ меня сегодня.
Поди ко мнѣ, цѣлуй скорѣе
И расскажи о чемъ тоскуешь?—

«Я каждый день сама твой кубокъ
Виномъ отъѣннымъ наполняла,
Чело твое я ежедневно
Вѣнчала розами живыми.»—

— «Венера, милая подруга!
Вино, веселье, поцѣлуй
Давно ужъ сердцу надобно
И я теперь прошу страданій.

«Мы все шутили, все смѣялись,
Теперь я слезъ ищу и скорби,
И вмѣсто розъ, колючимъ терномъ
Хочу я голову украсить.»

— «Тангейзеръ, рыцарь благородный,
Ты просто ссориться рѣшился;
Ты сотни разъ давалъ мнѣ клятву,
Что вѣчно будешь жить со мною.

«Пойдемъ, запремся въ нашей спальнѣ,
Займемся нѣжною забавой,
И ты легко печаль разгонишь,
Роскошнымъ тѣломъ наслаждаясь.»

— «Нѣтъ, нѣтъ, прелестная Венера,
Твоя краса не увядаетъ,

Она ужь многихъ обольстила
И многихъ, многихъ очаруеть.

«Роскошнымъ тѣломъ наслаждались
Герои, смертные и боги,
И мнѣ какъ будто непріятна
Твоя краса при этой мысли.

«Она еще доставитъ многимъ
Минуты жгучаго блаженства.
Я на нее, при этой мысли,
Смотрю съ глубокимъ отвращеньемъ.»

— «Тангейзеръ, ты меня обидѣлъ
Своими жесткими словами.
Бывало, меньше я страдала,
Когда ты билъ меня въ досадѣ.

«Да, легче вынести побой,
Эссіанинъ неблагодарный,
Чѣмъ эти наглые упреки,
Въ которыхъ честь моя страдаетъ.

«За то, что я тебя любила,
Пришлось мнѣ слушать эти рѣчи.
Прощай, мой другъ, ты можешь ѣхать,
Я отворю сама ворота.»

II.

Поютъ, звонятъ въ священномъ Римѣ,
Идутъ торжественно прелаты,
И папа въ полномъ облаченьи
Ведетъ процессію къ собору.

На головѣ Урбана-папы
Блеститъ тіара золотая

И пурпуръ мантии широкой
Несутъ надменные бароны.

— «Святой отецъ! Урбанъ владыка!
Остановись! Я предъ тобою
Хочу грѣхи свои повѣдать.
Избавь меня отъ муки ада.» —

Толпа раздвинулась. Умолкли
Святые пѣсни; передъ папой,
Въ изнеможенъ, на колѣни,
Блѣднѣя, грѣшникъ опустился.

— «Святой отецъ! Великій папа!
Ты здѣсь и судишь и прощаешь,
Спаси меня отъ муки ада
И отгони враговъ лукавыхъ.

«Я рыцарь. Имя мнѣ Тангейзеръ.
Въ любви искалъ я наслажденій,
Въ горѣ Венеры поселился,
И жилъ семь лѣтъ въ веселой нѣгѣ.

«Венера дивной красотой
Всѣхъ женщинъ въ мѣрѣ превосходить,
И даже голосъ каждымъ звукомъ
Отраду въ душу проливаетъ.

«Какъ мотылекъ къ цвѣтку несется,
Чтобъ подышать его дыханьемъ,
Такъ у меня стремилось сердце
Къ ея губамъ, какъ роза, свѣжимъ.

«Ея лицо потокомъ темнымъ
Густыя кудри окаймляли
И я дышать не могъ подъ взглядомъ
Очей большихъ, живыхъ и кроткихъ.

«Когда встрѣчалъ я эти взоры,
Я оставался безъ движенья

И я едва собрался съ духомъ,
Чтобъ изъ горы прожвтой выйдти.

—
«Я убѣждалъ, но нѣтъ спасенья:
Тѣ взоры гонятся за мною;
Ея глаза зовуть и манятъ,
Твердятъ: вернись! вернись скорѣе!—

—
«Я днемъ брожу, какъ привидѣнье,
А ночью жизнь моя приходитъ:
Во снѣ красавицу я вижу.
Она сидитъ со мною рядомъ,

—
«Смѣется весело, безумно,
Зубами бѣлыми сверкаетъ...
Какъ вспомню я объ этомъ смѣхѣ,
Такъ и польются слезы градомъ.

—
«Ее люблю я безгранично.
Моя любовь неукротима,
Неукротима, точно волны
Рѣки, разрушившей плотину.

—
«И эти волны по утесамъ
Клубятся, пѣнятся, грохочуть,
Дробятъ препятствія, и сами
Дробятся въ бѣшенныхъ порывахъ.

—
«Моя любовь меня сжигаетъ...
Изыла грудь, истлѣло сердце!
Ужели это муки ада?
Ужель огонь неугасимый?—

—
«Святой отецъ, Урбанъ владыко,
Ты здѣсь и вижешь и прощаешь,
Спаси, спаси меня отъ ада
И прогони враговъ лукавыхъ...»

—
Но папа къ небу поднялъ руки
И съ тихимъ вздохомъ рѣчь промолвилъ:

«Несчастный рыцарь, я не въ силахъ
Тебя отъ дьявола избавить.»

«Венера — самый лютой демонъ:
И изъ когтей ея прелестныхъ
Я не смогу и не съумѣю
Спасти погибшее созданье.»

«И ты душой своей заплатишь
За то, что плотью наслаждался;
Ты осужденъ теперь, ты проклятъ,
Твои мученья безконечны.»

III.

Тангейзеръ быстрыми шагами
Идетъ и въ кровь стираетъ ноги,
И въ часъ таинственный полночи
Подходитъ онъ къ горѣ Венеры.

Проснулася милая Венера
И поднялася поспѣшно съ ложа,
И обняла, и приласкала
Любимца вѣжными руками.

Но рыцарь нашъ не молвить слова
И на постель ложится молча,
А между тѣмъ Венера въ кухнѣ
Ему варить поспѣшно ужинъ.

Вотъ поданъ супъ, и хлѣбъ отрѣзанъ;
Размыты раненныя ноги,
Причесанъ путникъ нашъ косматый
И улыбается хозяйка.

— «Тангейзеръ, доблестный мой рыцарь!
Ты очень долго былъ въ отлучкѣ.»

Въ какихъ странахъ, скажи, мой милый,
Ты въ это время находишься?»

— «Венера, милая подруга,
Я былъ въ Италиі и въ Римѣ;
Я по дѣламъ туда побѣхалъ,
Дѣла покончилъ и вернулъся.

«Римъ на семи холмахъ построенъ,
И орошенъ рѣкою Тибромъ.
Я въ Римѣ съ папой повидалъся.
Тебѣ велѣлъ онъ поклониться.

«Черезъ Флоренцію изъ Рима
Я шелъ домой; Миланъ я видѣлъ,
И черезъ снѣжныя вершины
Альпійскихъ горъ пошелъ я смѣло.

«Пока я шелъ въ горахъ Альпійскихъ,
Валился снѣгъ, и улыбалась
Озеръ поверхность голубая,
И крикъ орловъ вблизи я слышалъ.

«Съ вершины льдистой Сентъ-Готарда
Я слышалъ, какъ храпѣла громко
Страна Германцевъ добродушныхъ,
Уснувшихъ мирнымъ сномъ дитяти.

«Спѣшилъ къ тебѣ я воротиться,
Венера милая; съ тобою
Мнѣ хорошо и я останусь
На вѣкъ въ горѣ твоей волшебной.»

Я не хочу обманывать публику ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, и сознаюсь откровенно, что пригеденная мною поэма написана мною, а не заимствована у какого нибудь средневѣковаго *Миннезингера*. Впрочемъ, у меня является желаніе выписать здѣсь и ту оригинальную поэму, въ которой ста-

*

ринный поэтъ обработалъ тотъ же сюжетъ. Это сближеніе будетъ очень интересно и очень поучительно для критика, который захочетъ прослѣдить, какимъ образомъ два поэта двухъ совершенно противоположныхъ эпохъ обработали ту же легенду, сохраняя колоритъ времени, размѣръ подлинника и сходясь междѣ собою даже въ рамкѣ событія. Духъ обѣихъ эпохъ долженъ ясно обозначиться вслѣдствіе такого сближенія, которое можно было бы назвать эпизодомъ сравнительной анатоміи въ дѣлѣ литературы. Дѣйствительно, читая параллельно эти двѣ поэмы, можно замѣтить, что у древняго поэта преобладаетъ первобытный элементъ вѣры, а у новаго поэта, родившагося въ началѣ XIX столѣтія, обнаруживается скептическое направленіе его эпохи; видно, что послѣдній, не находясь подъ вліяніемъ какого бы то ни было авторитета, открываетъ свободное поприще своей фантазіи, и поетъ, желая только хорошо выразить въ своихъ стихахъ чисто человѣческія чувства. Старинный поэтъ, напротивъ того, остается подъ вліяніемъ клерикальнаго авторитета; у него есть дидактическая цѣль; онъ хочетъ прославить религиозный догматъ, онъ проповѣдуетъ добродѣтель милосердія, и послѣднее слово его поэмы клонится къ тому, чтобы доказать силу покаянія, смывающаго всякіе грѣхи. Онъ даже папу упрекаетъ въ томъ, что онъ забылъ эту высокую христіанскую истину, и папа, видя, что у него въ рукахъ начинается зеленѣть засохшій жезлъ, узнаетъ, слишкомъ поздно, неизмѣримую глубину божественнаго милосердія. Вотъ слова стараго поэта:

«Но теперь я начну. Мы будемъ пѣть Тангейзера и расскажемъ тѣ чудеса, которыя случились съ нимъ у дамы Венеры.

«Тангейзеръ былъ добрый рыцарь; онъ хотѣлъ видѣть великія чудеса; тогда онъ пошелъ въ гору Венеры, гдѣ было много красивыхъ женщинъ.

«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, я тебя люблю, ты этого не забывай, ты мнѣ клялся, что никогда не оставишь меня.»

«Венера, прекрасная дама моя, я этого не говорилъ, я

этому буду противорѣчить; ты сама это говорила, Богъ мнѣ свидѣтель.»

—«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, что ты говоришь! ты долженъ оставаться съ нами. Я дамъ тебѣ въ супруги одну изъ моихъ спутницъ.»

—«Если я возьму другую жену, вмѣсто той, которую я ношу въ сердцѣ, мнѣ придется вѣчно горѣть въ адскомъ огнѣ.»

—«Ты много говоришь объ адскомъ огнѣ, а между тѣмъ не испыталъ его. Подумай о моихъ розовыхъ устахъ, улыбающихся ежеминутно.»

—«На что мнѣ твои розовыя уста? Они мнѣ очень опасны. Позволь мнѣ уѣхать, о Венера, нѣжная дама моя! Умоляю тебя честью всѣхъ женщинъ!»

—«Тангейзеръ, добрый мой рыцарь, если ты хочешь ѣхать, я тебя не пущу. О, останься, благородный, милый рыцарь, и освѣжи свою душу.»

—«Моя душа заболѣла. Я не могу больше оставаться. Отпусти меня, о нѣжная дама, я не могу видѣть твоего прекраснаго тѣла.»

—«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, не говори такъ, ты не въ своемъ умѣ. Пойдемъ ко мнѣ въ спальню, займемся нѣжными забавами любви.»

—«Твоя любовь мнѣ въ тягость. Мнѣ пришло въ голову, о Венера, благородная и нѣжная дама, что ты—чертовка.»

—«Тангейзеръ! ахъ, зачѣмъ ты такъ говоришь? Развѣ ты хочешь оскорблять меня? Если ты еще останешься съ нами, ты заплатишься за эти слова.»

«Тангейзеръ, если ты хочешь ѣхать, прости съ моими рыцарями, и, куда бы ты ни поѣхалъ, прославляй вездѣ мое могущество.»

«Тангейзеръ вышелъ изъ горы, исполненный горести и раскаянія.»

— «Я пойду въ Римъ, въ благочестивый городъ и совершенно довѣрюсь папѣ.»

«Я весело пускаюсь въ дорогу, подъ покровительство божіимъ; иду къ папѣ, котораго зовутъ Урбаномъ и посмо-

трию, захочетъ ли онъ принять меня подъ свое святое заступничество.

«О, святой папа Урбанъ, мой отецъ духовный! Я передъ тобою обвиняю себя въ грѣхахъ, сотворенныхъ мною въ жизни.

«Я цѣлый годъ пробылъ у красивой дамы Венеры. Теперь я хочу покаяться, и очиститься, и испросить прощенье у Бога.»

«Папа держалъ въ рукѣ бѣлую палку, сдѣланную изъ сухой вѣтки.

—«Когда эта палка покроется листьями, тебѣ отпустятся твои грѣхи.»

—«Еслибы я прожилъ только одинъ годъ, одинъ годъ на этой землѣ, я желалъ бы покаяться и очиститься, и испросить прощенье у Бога.»

«Рыцарь вышелъ изъ города, исполненный горести и страданія, и пошелъ назадъ въ гору, навсегда и на вѣки къ Венерѣ, къ своей нѣжной дамѣ.

—«Здравствуй, мой добрый Тангейзеръ; я долго объ тебѣ тосковала; здравствуй, мой возлюбленный рыцарь, мой герой; ты остался мнѣ вѣренъ и вернулся.»

«Вслѣдъ затѣмъ, на третій день, папская палка начала веленѣть; тогда послали гонцевъ во всѣ земли, черезъ которыя проходилъ Тангейзеръ.

«Онъ ушелъ назадъ въ гору, и останется тамъ до страшнаго суда, когда Богъ его позоветъ.

«Этого никогда не долженъ дѣлать папа: приводить человѣка въ отчаянїе, когда онъ хочетъ раскаяться и очиститься; его грѣхи должны быть ему прощены.»

Уже въ самомъ началѣ поэмы мы находимъ чудесный эффектъ. Поэтъ даетъ намъ отвѣтъ дамы Венеры и не приводитъ, между тѣмъ, того вопроса Тангейзера, которымъ вызванъ этотъ отвѣтъ. Это опущеніе открываетъ нашей фантазіи полный просторъ. Мы можемъ вообразить себѣ все, что говорилъ Тангейзеръ, все, что, можетъ быть, было очень трудно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. При

всей своей средневѣковой наивности и чистотѣ нравственныхъ понятій, старинный поэтъ сумѣлъ обрисовать пагубныя прелести и распущенное поведеніе дамы Венеры.— Развращенный поэтъ новѣйшаго времени не сумѣлъ бы лучше его очертить этого демона въ женскомъ образѣ, эту женщину-чертовку, которая, при всей своей олимпійской гордости, при всемъ великолѣпіи своей страсти, все-таки называется женщиною легкаго поведенія; это мифологическая лоретка, раздушенная амброзією, это-божественная камелія, богиня, живущая на содержаніи. Перебирая свои воспоминанія, я начинаю думать, что встрѣтилъ ее однажды, на площади Бреда; она перебиралась черезъ эту площадь восхитительно легкою поступью. Она была одѣта въ маленькій сѣрый капотъ самой утонченной простоты, и закутана отъ подбородка до пятокъ въ великолѣпную индѣйскую шаль, которой кончикъ слегка касался мостовой.

— Скажите-ка мнѣ, что это за женщина? спросилъ я у Бальзака, шедшаго со мною рядомъ.

— Она живетъ на содержаніи, отвѣчалъ романистъ.

Я напротивъ того утверждалъ, что это какая нибудь знатная дама. Въ эту минуту къ намъ подошелъ нашъ общій пріятель, мы спросили его мнѣнія, и по справкамъ оказалось, что мы оба не ошиблись.

Не хуже характера дамы Венеры старинный поэтъ умѣлъ передать характеръ Тангейзера, этого добраго рыцаря, котораго можно назвать средневѣковымъ кавалеромъ Де-Гріе (*des Griex*). Чрезвычайно эффектно и то обстоятельство, что въ срединѣ поэмы Тангейзеръ вдругъ начинаетъ говорить съ публикою отъ своего имени, и самъ рассказываетъ намъ то, что скорѣе долженъ былъ рассказать поэтъ, именно то, какъ онъ въ отчаяніи скитается по бѣлому свѣту. Намъ это можетъ показаться неловкостью неотесанаго поэта; но подобные мотивы въ своей наивности производятъ удивительнѣйшій эффектъ.

Поэма о Тангейзерѣ была написана, судя по всѣмъ примѣтамъ, незадолго до реформаціи; легенда, составившая ея содержаніе, не восходитъ къ отдаленной древности и, можетъ быть, на одно только столѣтіе старше поэмы. Дама Венера

появляется такимъ образомъ очень поздно въ народныхъ преданіяхъ Германіи; между тѣмъ другія богини, на примѣръ Діана, извѣстны уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ VI и въ VII столѣтіяхъ, Діана появляется въ епископскихъ декретахъ въ видѣ злобнаго духа. Съ тѣхъ поръ ее обыкновенно изображаютъ на конѣ, ее, ту Діану, которая въ былое время, обутая въ легкія сандали, быстрая, какъ лани, составлявшая ея любимую добычу, пѣшкомъ перебѣгала по рощамъ древней Эллады. Впродолженіе пятнадцати-столѣтій, это божество облачается въ самыя разнообразныя формы и въ то же время ея характеръ испытываетъ самыя существенныя измѣненія.

Здѣсь приходитъ мнѣ въ голову одна мысль, которой развитіе могло бы повести къ самымъ интереснымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ я ограничусь только бѣглымъ указаньемъ, и открою дорогу ученымъ, неимѣющимъ матеріала для занятій; чернорабочимъ мысли. Въ немногихъ словахъ замѣчу, что, около времени окончательнаго торжества христіанства, т. е. въ III и въ IV вѣкѣ, древніе языческіе боги во второй разъ испытали тѣ затрудненія, тѣ страданія, съ которыми имъ приходилось бороться въ первобытныя времена, т. е. въ ту эпоху міровыхъ переворотовъ, когда титаны, вырвавшись изъ тартара, навалили Пеліонъ на Оссу и полѣзли на Олимпъ. Бѣдные боги и богини со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ были принуждены обратиться въ безславное бѣгство, и подъ разными костюмами скрылись среди насъ, на землѣ. Большею частію они побѣжали въ Египетъ, и, по словамъ Геродота, приняли тамъ формы животныхъ. Точно также языческіе боги принуждены были бѣжать, переодеваться въ чужія одежды и скрываться въ самыхъ темныхъ пещерахъ, когда начали называть истиннаго Бога, когда прокричали анаѹему изгнаннымъ богамъ. Значительное число этихъ олимпійскихъ эмигрантовъ, не имѣя ни убѣжища, ни амброзіи, было принуждено взяться за честное земное ремесло, чтобы выработать себѣ, по крайней мѣрѣ, дневное пропитаніе. Ихъ имѣнія и священныя рощи были конфискованы, и потому многимъ изъ нихъ пришлось у насъ въ Германіи наняться

въ простые поденщики и вмѣсто нектара пробавляться пивомъ. Находясь въ этой крайности, Аполлонъ рѣшился кажется поступить на службу къ скотоводамъ; въ былое время, онъ стерегъ коровъ царя Адмета, теперь онъ поселился къ нижней Австріи и сдѣлался пастухомъ; но, на-бѣду, его гармоническое пѣнье возбудило подозрѣніе въ одномъ ученомъ монахѣ, который узналъ въ немъ языческаго бога, и предалъ его церковному суду. Его стали пытать, и выпытали признаніе, что онъ дѣйствительно—богъ Аполлонъ. Онъ попросилъ позволенія сыграть въ послѣдній разъ на лирѣ и спѣть передъ казнью послѣднюю пѣсню. Ему позволили. Его игра была такъ умилительна, звуки его пѣсни дѣйствовали на душу съ такою обаятельною силою, и, къ-тому же, онъ былъ такъ красивъ лицомъ и тѣломъ, что всѣ женщины стали плакать, и даже многія отъ сильнаго ощущенія слегли въ постель. Черезъ нѣсколько времени, тѣло казненнаго хотѣли вытащить изъ могилы, чтобы воткнуть ему коль въ животъ: всѣ вообще полагали, что онъ превратился въ вампира, и что больныя женщины выздоравлиють, если пустить въ ходъ это домашнее средство, котораго дѣйствительность признавалась всѣми и была доказана многими опытами. Раскрыли могилу—въ могилѣ никого не было.

Мнѣ кажется, что Марсъ, древній богъ войны, во время феодализма оставался вѣренъ своимъ старымъ привычкамъ въ качествѣ рыцаря-разбойника. Длинный Вестфалець, Шиммельпеннингъ, племянникъ мюнстерскаго палача, встрѣтилъ его въ Болоньѣ, гдѣ онъ исправлялъ должность заплечнаго мастера. Черезъ нѣсколько времени Марсъ сдѣлался ландкнехтомъ, поступилъ подъ начальство генерала Фрондсберга и присутствовалъ при взятіи Рима. Навѣрное, ему было очень тяжело и больно видѣть, какъ разоряють и позорятъ его любимый городъ, какъ ломають и жгутъ храмы, въ которыхъ обожали его самого и его двоюродныхъ братьевъ, другихъ языческихъ боговъ.

Судьба Бахуса, красавца Діониса, послѣ великаго паденія язычества, была счастливѣе участи Марса и Аполлона. Вотъ что рассказываетъ о немъ, съ обыкновенною своею наивностью, средневѣковая легенда:

«Въ Тиролѣ есть очень обширныя озера, окруженныя лѣсами, которыхъ деревья возвышаются до неба и отражаются во всемъ своемъ великолѣпнн въ лазурныхъ струяхъ. Изъ водъ и изъ лѣсовъ слышатся такіе таинственные звуки, что путникъ, бродящій одиноко въ этихъ мѣстахъ, почувствуетъ странное волненіе. На берегу такого озера стояла избушка, а въ избушкѣ жилъ молодой человѣкъ, добывавшій себѣ пропитаніе рыбною ловлею и кромѣ того перевозившій на лодкѣ путешественниковъ, желавшихъ переправиться черезъ озеро. У него была большая лодка, которую онъ привязывалъ къ старому засохшему дереву, возлѣ своей избушки. Однажды, во время осенняго равноденствія, около полуночи, кто-то постучался къ нему въ окошко. Рыбакъ вышелъ за порогъ хижины, и увидалъ трехъ монаховъ, закутанныхъ въ капюшоны и куда-то очень спѣшившихъ. Одинъ изъ нихъ торопиво попросилъ его одолжить имъ лодку, и обѣщалъ черезъ нѣсколько часовъ привести ее на прежнее мѣсто. Монаховъ было трое; рыбаку нечего было долго разсуждать: онъ отвязалъ свою лодку; путники поплыли по гладкой поверхности озера, а рыбакъ вошелъ назадъ въ хижину и улегся въ постель. Какъ молодой человѣкъ, онъ скоро заснулъ, но черезъ нѣсколько часовъ его разбудили монахи, успѣвшіе уже воротиться. Онъ подошелъ къ нимъ, и одинъ изъ нихъ положилъ ему въ руку серебряную монету, чтобы заплатить за перевозъ; потомъ всѣ трое послѣшно удалились. Рыбакъ пошелъ къ лодкѣ увидѣлъ, что она крѣпко привязана къ дереву и сильно отрихнулъ, какъ отряхиваются зимою, чтобы отогрѣть окаченѣвшіе члены; онъ чувствовалъ какую-то странную дрожь, которую нельзя было приписать вліянію свѣжаго ночнаго воздуха. Это странное ощущеніе пробѣжало по всему его тѣлу и охватило сердце въ ту минуту, когда монахъ дотронулся до его руки, подавая ему монету; пальцы монаха были холодны, какъ ледъ. Рыбакъ долго не могъ забыть этого обстоятельства; но молодежь всегда успѣваетъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ воспоминаній, и рыбакъ пересталъ думать о посѣщеніи монаховъ. На слѣдующій годъ, въ тотъ же день равноденствія, около полуночи, опять постучали въ окно его хижи-

ны. То были прошлогодніе монахи, и спѣшили они попрежнему. Они опять попросили лодку, и молодой рыбакъ отдалъ ее на этотъ разъ довольно спокойно. Черезъ нѣсколько часовъ путники воротились, и одинъ изъ нихъ, чтобы заплатить за прокатъ лодки, положилъ рыбаку серебряную монету. Рыбакъ съ ужасомъ почувствовалъ ледяные пальцы монаха, испыталъ ту же дрожь, и то же событіе стало повторяться каждый годъ въ осеннее равноденствіе.

На седьмой годъ, когда стало подходить это время, молодой рыбакъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе узнать тайну, скрывавшуюся подъ этими тремя рясами, и рѣшился во что бы то ни стало удовлетворить своему любопытству. Онъ подошелъ на дно лодки большой неводъ и подъ нимъ устроилъ себѣ мѣстечко, въ которомъ можно было притаиться. Таинственные путешественники пришли въ тотъ самый часъ, когда онъ ихъ ожидалъ, и рыбакъ успѣлъ проворно спрятаться подъ неводъ и такимъ образомъ принялъ участіе въ поѣздкѣ. Къ великому его удивленію, поѣздка продолжалась очень не долго, между тѣмъ какъ обыкновенно онъ употреблялъ больше часа на переѣздъ къ противоположному берегу озера. Удивленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ посмотрѣлъ на берегъ: вся мѣстность была ему совершенно знакома, а между тѣмъ передъ нимъ лежала поляна, которую ему никогда не случалось видѣть; поляна эта была обсажена такими деревьями, которыхъ порода принадлежала къ какой-то иностранной растительности. На вѣтвяхъ этихъ деревьевъ висѣло безчисленное множество лампъ; на высокихъ треножникахъ стояли вазы, въ которыхъ горѣла древесная смола; кромѣ того, луна свѣтила такимъ яркимъ свѣтомъ, что молодой рыбакъ какъ въ ясный день могъ разсмотрѣть толпу, собравшуюся въ этихъ мѣстахъ. Тутъ собралось нѣсколько сотенъ молодыхъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ; всѣ были замѣчательно хороши собою, хотя лица у всѣхъ были бѣлы какъ мраморъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ выборомъ костюмовъ наводило на мысль, что всѣ они—ходячія статуи. На нихъ надѣты были бѣлыя туники, поднятыя очень высоко, и обшитыя по краямъ пурпуровыми оборками. У женщинъ головы были убраны живыми вино-

градными листьями, или искусственными, сплетенными изъ серебряныхъ нитокъ. Волосы ихъ, образуя вѣнецъ вокругъ лица, разливались по плечамъ мягкими, обильными волнами. У мужчинъ лобъ также былъ украшенъ виноградными листьями. Махая золочеными палками, вокругъ которыхъ обвивались виноградныя лозы, мужчины и женщины побѣжали встрѣчать и привѣтствовать новопривывшихъ. Одинъ изъ нихъ сбросилъ капюшонъ и рясу, и всѣ присутствовавшіе увидѣли странную фигуру. Лицо его выражало похотливостъ и сластолюбіе, доведенныя до чудовищныхъ размѣровъ; по бокамъ головы торчали острые уши, въ родѣ козлиныхъ, остальные части тѣла показывали, что онъ—мужчина, и притомъ до такой степени рельефно и въ такомъ масштабѣ, что на него было смѣшно и совѣстно смотрѣть. Другой монахъ также снялъ монашеское платье и явился толстякомъ; огромный животъ его, скрывавшійся до нѣкоторой степени подъ складками широкой рясы, возбудилъ смѣхъ женщинъ, и онѣ, смѣясь, увѣнчали розами его лысую голову. Лица обоихъ монаховъ были бѣлы какъ мраморъ, подобно лицамъ всѣхъ другихъ присутствовавшихъ. Та же бѣлизна была замѣтна на лицѣ третьяго монаха, когда онъ весело отбросилъ назадъ капюшонъ. Онъ развязалъ дрянную веревку, служившую ему поясомъ, съ отвращеніемъ снялъ и откинулъ прочь грязную капуцинскую одежду и явился прекраснымъ, великолѣпно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ. На плечахъ его была наброшена туника, осыпанная драгоцѣнными камнями; формы его были безукоризненно хороши; только въ его округлыхъ бедрахъ и въ гибкой таліи было что-то женственное. Пухлыя губы и неопредѣленно мягкія черты лица придавали даже фizioноміи молодаго человѣка какое-то женственное выраженіе. Но въ то же время въ глазахъ сверкала горделивая неустранимость, достойная мужчины и героя. Женщины окружили его съ неистовыми выраженіями изступленнаго восторга; на него посыпались страстныя ласки, ему надѣли на голову вѣнокъ изъ плюща и набросили на плечи шкуру леопарда. Въ эту минуту подѣхала на двухъ львахъ золотая, двухколесная, триумфальная колесница. Молодой человѣкъ взошелъ на нее съ величіемъ, достойнымъ любого царя, но

при этомъ взоръ его попрежнему оставался яснымъ и беззаботнымъ. Онъ разобралъ золотыя возжи, и свирѣлая пара его почувствовала крѣпкую руку. По правую сторону его колесницы пошелъ первый изъ его спутниковъ, сбросившихъ рясу, человѣкъ съ похотливымъ лицомъ и съ козлиными ушами, а по лѣвую сторону ковылялъ лысый толстякъ, котораго женщины, для смѣха, посадили на осла; онъ держалъ въ рукѣ большой золотой кубокъ, и кубокъ этотъ ежеминутно наполняли виномъ. Колесница подвигалась медленно; за нею извивались и кружились хоры мужчинъ и женщинъ, увѣнчанныхъ виноградными листьями; всѣ принимали участіе въ бѣшеной пляскѣ. Впереди колесницы триумфатора шелъ его оркестръ; красивый парень съ толстыми щеками, изъ всѣхъ силъ дулъ въ двойную флейту; молодая дѣвушка въ туникѣ, смѣло поднятой гораздо выше колѣнъ, била ладонью по кожаному тамбурину; другая, такая же граціозная, такъ же легко одѣтая, стучала и звонила по металлическому треугольнику; трубачи, веселый народъ съ кривыми ногами, съ красивыми, но безстыдными лицами, извлекали рѣзкія ноты изъ роговъ какихъ-то фантастическихъ животныхъ, или изъ морскихъ раковинъ, потомъ шли съ лютнями....»

Но, любезный читатель, я забываю, что вы посѣщали лекціи и классы, и что вы все это знаете очень хорошо; вы, стало-быть, поняли съ первыхъ строкъ, что здѣсь дѣло идетъ о вакханаліи,—о праздникѣ Діониса. На барельефахъ и на гравюрахъ археологическихъ сочиненій вы часто видѣли пышную процессію, сопровождающую языческаго бога. При нашемъ знакомствѣ съ классическою древностью, вы бы не слишкомъ испугались, еслибы въ полночь, среди пустынного, тихаго лѣса, вы увидѣли вдругъ великолѣпную, фантастическую картину триумфальнаго шествія Вакха, и еслибы вы услышали рѣзкій шумъ разгулявшихся призраковъ. Развѣ только вы, можетъ-быть, почувствовали бы что-то въ родѣ сладострастнаго замиранія сердца, въ родѣ эстетической дрожи, при видѣ этихъ миловидныхъ тѣней, вышедшихъ изъ вѣковыхъ саркофаговъ, изъ-подъ развалинъ своихъ храмовъ, чтобы еще разъ отпраздновать святыя мистеріи служенія радости! Да, это посмертная оргія: эти

разгульные мертвецы еще разъ хотять играми и пѣснями отпраздновать счастливый приходъ сына Семелы, еще разъ они хотять проплясать польку язычества, пляски древнихъ временъ, тѣ размашистыя пляски, которыя выполнялись безъ лицемѣрной юбки, безъ контроля городского сержанта общественной нравственности, тѣ пляски, гдѣ напропадю отдавались божественному опьянѣнiю, всему неистовому, отчаянному, бѣшеному паѣосу веселья: *Evoe Bacche!*— Вы, любезный мой читатель, какъ я уже замѣтилъ выше, человекъ развитой и образованный; васъ не испугаетъ ночное явленiе такого рода, какъ не испугаетъ фантазмагорiя императорской музыкальной академiи, вызванная поэтичѣскимъ генiемъ Евгенiя Скриба, работающаго заодно съ музыкальнымъ генiемъ знаменитаго маэстро Джакомо Мейербера. Но что дѣлать! нашъ бѣдный тирольскiй лодочникъ не имѣлъ понятiя о миѣологiи и не зналъ о существованiи классическаго мiра; онъ испугался и пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ красавца-триумфатора на золотой колесницѣ, и рядомъ съ нимъ его странныхъ адъютантовъ: онъ задрожалъ при видѣ непристойныхъ тѣлодвиженiй и безнравственныхъ прыжковъ вакханокъ, фавновъ и сатировъ, которые рогами и кривыми лапами были особенно похожи на дьяволовъ. Все это блѣднолицое собранiе показалось ему конгрессомъ вампировъ и демоновъ, занимающихся колдовствомъ, на погибель всему роду христіанскому. Его ужасъ увеличился, когда онъ увидѣлъ, какъ менады принимаютъ невозможныя положенiя, объясняющiяся только силою волшебства, какъ онъ, растрепавъ волосы, откинувъ голову назадъ, однимъ тирсомъ поддерживаютъ свое равновѣсiе. У бѣднаго рыбака закружилась голова, когда онъ увидѣлъ свирѣпое изступленiе корибантовъ, которые, поражая самихъ себя короткими мечами, ищутъ сладострастнаго наслажденiя въ страданiи тѣла. Аккорды музыки, аккорды, переходившіе отъ мягкой нѣжности къ дикому отчаянiю, какъ раскаленные головни проникли въ сердце бѣднаго молодаго человека; ему представилось, что его уже охватываетъ адскiй огонь, и онъ со всѣхъ ногъ бросился къ своей лодкѣ и спрятался подъ неводъ. Зубы у него стучали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ

дрожалъ всѣмъ тѣломъ, точно будто сатана уже ухватилъ его за ногу. Черезъ нѣсколько времени, знакомые ему монахи вошли въ лодку и отчалили. Доѣхавъ до противуположнаго берега, они вышли, а рыбакъ такъ проворно выгнѣвъ изъ-подъ невода, что монахи вообразили себѣ, будто онъ поджидалъ ихъ, стоя за прибрежными ракетами; одинъ изъ нихъ, по обыкновенію, своими ледяными пальцами положилъ ему въ руку серебряную монету, и всѣ трое поспѣшно удалились.

Забывая о спасеніи собственной души, считая ее въ страшной опасности и желая въ то же время сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы избавить всѣхъ добрыхъ христіанъ отъ всякаго злаго обстоянія, нашъ рыбакъ почелъ священнымъ долгомъ донести церковному суду объ этой таинственной и непонятной исторіи. Пріоръ одного францисканскаго монастыря, находившагося недалеко отъ озера, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ предсѣдатель церковнаго судилища и особенно, какъ ученый разрушитель чародѣяній. Рыбакъ рѣшился немедленно отправиться къ этому достойному человѣку. Рано утромъ, солнце увидало его на пути къ монастырю, и скоро, смиренно опустивъ глаза въ землю, онъ предсталъ предъ ясныя очи его преподобія господина пріора. Пріоръ, одѣтый въ рясу, съ капюшономъ, опущеннымъ на лицо, сидѣлъ въ большомъ креслѣ, выточеномъ изъ дерева. Духовный судья не измѣнилъ своего задумчиваго положенія, пока лодочникъ подробно рассказывалъ ему свою ужасную исторію; когда кающійся грѣшникъ замолчалъ, пріоръ быстро поднялъ голову; отъ этого рѣзкаго движенія, капюшонъ упалъ назадъ, и рыбакъ съ изумленіемъ узналъ въ его преподобіи одного изъ трехъ монаховъ, ежегодно переправлявшихся черезъ озеро. Онъ видѣлъ его наканунѣ, онъ видѣлъ, какъ его преподобіе, въ образѣ языческаго бога, стоялъ на побѣдной колесницѣ и управлялъ парю львовъ; то же блѣдное лицо, тѣ же прекрасныя, строго правильныя черты лица, тѣ же нѣжно округленныя губы. На этихъ губахъ играла благосклонная улыбка, и вскорѣ полились изъ нихъ благочестивыя слова, произносимыя самымъ мелодическимъ голосомъ:

— Любезный братъ мой, мы совершенно расположены вѣрить тому, что ты послѣднюю ночь провелъ въ обществѣ бога Бахуса; твое фантастическое видѣніе представляетъ тому достаточное доказательство. Мы вовсе не желаемъ злословить этого бога; много разъ мы при его содѣйствіи забывали наши заботы, и вообще онъ веселитъ сердце чело-вѣка; но есть смертные люди, которыхъ цѣлая дюжина бутылокъ не можетъ сразить. Съ полнымъ смиреніемъ сознаюся, что я принадлежу къ числу подобныхъ людей. Существуютъ также природы несовершенныя и слабыя, которыхъ валить съ ногъ одинъ шкаликъ, и мнѣ кажется, любезный братъ мой, что ты принадлежишь къ числу послѣднихъ. Вслѣдствіе этого мы совѣтуемъ тебѣ поглощать съ должною умѣренностью золотую влагу виноградныхъ гроздій, и на будущее время не утруждать духовныхъ властей разсказами о безпорядочныхъ видѣніяхъ неискусившагося пьяницы. Мы совѣтуемъ тебѣ, кромѣ того, не разглашать исторіи о твоей сегодняшней продѣлкѣ, а держать языкъ на привязи; въ противномъ случаѣ, священное судилище предпишетъ свѣтской власти отсчитать тебѣ двадцать пять полновѣсныхъ ударовъ кнутомъ. Въ настоящую же минуту, прелюбезный сынъ мой, ты пойдешь въ монастырскую кухню, и тамъ братъ келарь и братъ поваръ предложатъ тебѣ утреннюю трапезу.»

Затѣмъ, его преподобіе наградиль рыбака отеческимъ благословеніемъ, и рыбакъ, ошеломленный, направился къ монастырской кухнѣ. Увидя брата келаря и брата повара, онъ чуть-чуть не опрокинулся навзничь: они-то оба именно и были ночные спутники пріора, тѣ два монаха, которые вмѣстѣ съ нимъ переправлялись черезъ озеро; нашъ рыбакъ узналъ у одного толстый животъ и лысую голову; у другаго похотливую, сластолюбивую физіономію и козлиныя уши. Однако тутъ онъ уже не сказалъ ни слова; прошло много лѣтъ, у молодаго рыбака уже побѣлѣли волосы и онъ разсказалъ эту исторію своимъ дѣтямъ и внучатамъ, собравшимся вокругъ него, у домашняго очага.

Въ нѣкоторыхъ старыхъ хроникахъ разсказывается легенда, сходная съ этою, но мѣсто ея дѣйствія переносится въ Шпейеръ, на Рейнѣ. Въ этой легендѣ можно узнать язы-

чеснія воспоминанія о перевозкѣ мертвыхъ, производившейся въ этихъ мѣстахъ на похоронной баркѣ. На берегахъ восточной Фрисландіи распространено преданіе, въ которомъ всего яснѣе обозначаются идеи древности касательно перѣзда покойниковъ въ царство тѣней. По правдѣ сказать, нигдѣ однако не говорится о лодочникѣ Харонѣ. Вообще, эта своеобразная фигура совершенно исчезла изъ народныхъ преданій и сохранилась только въ театрѣ маріонетокъ; но Фрисландская легенда намекаетъ намъ на существованіе гораздо болѣе важнаго міеологическаго лица; это лицо скрывается подъ видомъ голландскаго негоціанта, препровождаетъ мертвыхъ на мѣсто ихъ посмертнаго назначенія, и платитъ деньги за провозъ простому лодочнику или рыбаку, замѣнившему Харона. Несмотря на замысловатую костюмировку, мы скоро откроемъ настоящее имя этого господина; постараюсь теперь со всѣми подробностями, по возможности близко къ подлиннику, пересказать самое преданіе.

Въ восточной Фрисландіи, на берегахъ сѣвернаго моря, есть бухты, образующія неглубокія гавани, которыя въ этой странѣ называются зилими (Siehl). На берегу такого залива, у самаго моря, стоитъ одинокій домъ, въ которомъ живетъ съ семействомъ, довольный судьбою, счастливый рыбакъ. Природа печальна въ этихъ мѣстахъ; ни одна птица здѣсь не поетъ; только отъ времени до времени чайки вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ, скрытыхъ въ песокъ, и острыми, жалобными криками возвѣщаютъ приближеніе бури. Иногда показывается гоэландъ, предвѣстникъ несчастія, и носится надъ моремъ, широко раскидывая бѣлыя крылья, бѣлыя, какъ саванъ мертвеца. Однообразный плескъ волнъ, разбивающихся на песчаномъ прибрежьи или на отмеляхъ, соотвѣтствуетъ, какъ нельзя лучше, темнымъ грядамъ облаковъ, проносящихся по небу. Люди также не поютъ въ этихъ мѣстахъ. На этомъ печальномъ прибрежьи никогда не раздавались звуки народной пѣсни. Жители Фрисландіи серьезны, честны и не столько религіозны, сколько благоразумны. Они утратили свои прежнія демократическія учрежденія, но, несмотря на то, сохранили духъ независимости, какъ наслѣдіе неустранимыхъ предковъ, защищавшихся съ геройскимъ му-

жествомъ противъ набѣговъ океана и противъ властолюбивыхъ замысловъ сѣверныхъ государей. Подобные люди не предаются мистическимъ грезамъ; ихъ не волнуетъ и не увлекаетъ также вихрь критической мысли. Для рыбака, живущаго на берегу пустынного зия, главное дѣло рыбная ловля, и отъ времени до времени плата за перевозъ, взимаемая съ путешественниковъ, отправляющихся на который-нибудь изъ сосѣднихъ острововъ.

Въ извѣстное время года, говоритъ преданіе, въ самый полдень, въ ту минуту, когда рыбакъ сидитъ за столомъ и обѣдаетъ съ своимъ семействомъ въ большой комнатѣ, приходитъ иностранецъ и проситъ хозяина дома удѣлить ему нѣсколько минутъ для дѣловаго разговора. Рыбакъ упрасиваетъ гостя раздѣлить съ нимъ скромный обѣдъ, но гость отказывается; наконецъ хозяйинъ, соглашаясь на его настоятельную просьбу, отходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ окну и оба усаживаются въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прочихъ членовъ семейства. Я не буду описывать наружность путешественника съ тѣми ненужными подробностями, которыя употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ современные романисты. Для предположенной цѣли мнѣ будетъ достаточно указать на нѣкоторыя примѣты. Вотъ онѣ, въ немногихъ словахъ. Гость—человѣкъ уже пожилой, но еще свѣжій, однимъ-словомъ, молодецъ—старикъ, полный, но не заплывшій жиромъ; щеки его пухлы и румяны, какъ апортовыя яблоки; живые, пронизательные глазки проворно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой; маленькая голова его напудрена и покрывается маленькою треугольною шляпою; свѣтложелтая шинель его, обшитая множествомъ воротниковъ и капюшеновъ, надѣта на тотъ старомодный костюмъ, который мы видимъ на фамильныхъ портретахъ голландскихъ негоціантовъ, и который обличаетъ нѣкоторое довольство: шелковый камзолъ зеленаго яблочнаго цвѣта, жилетъ, расшитый цвѣтами, черныя шелковые панталоны, полосатые чулки и башмаки съ стальными пряжками—вотъ составныя части этого костюма. Обувь гостя такъ чиста и такъ блеститъ, что нельзя понять, какимъ образомъ онъ, не загрязнившись, прошелъ пѣшкомъ по бодотистымъ тропинкамъ зия. Голосъ его, преры-

важущійся отъ одышки, очень тонокъ и порою становится вягливымъ. Впрочемъ, маленькій старичокъ старается въ разговорѣ и въ манерахъ сохранять сдержанность и серьезность, приличныя для голландскаго негоціанта. Его званіе негоціанта обнаруживается не только въ костюмѣ, но и въ той меркантильной точности и осмотрительности, съ которою онъ старается заключить условія какъ можно выгоднѣе для человѣка, возложившаго на него порученіе. Онъ говоритъ рыбаку, что онъ комиссіонеръ, занимающійся отправкою кладей и товаровъ, и что ему поручено найдти на восточномъ берегу Фрисландіи лодочника, который согласился бы перевезти на Бѣлый островъ извѣстное количество душъ, т. е. именно столько, сколько помѣстится въ его баркѣ. На этомъ основаніи, продолжаетъ Голландецъ, ему желательно знать, согласится ли рыбакъ въ нынѣшнюю ночь перевезти вышеозначенный грузъ душъ на вышеозначенный островъ; въ случаѣ, если рыбакъ согласенъ, то негоціантъ готовъ заранѣе заплатить ему за перевозъ, и вполне увѣренъ, что рыбакъ, какъ честный эссіанинъ, назначитъ ему возможно-дешевую цѣну. Голландскій негоціантъ (это, впрочемъ, плеоназмъ, потому что всякій Голландецъ — непременно негоціантъ) дѣлаетъ это предложеніе съ такимъ небрежнымъ спокойствіемъ, какъ будто бы дѣло шло о перевозкѣ сыра, а не умершихъ душъ. Слово *души* въ первую минуту производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на умъ рыбака; у него по спинѣ пробѣгаютъ мурашки, потому что онъ тотчасъ понимаетъ, что дѣло идетъ о душахъ покойниковъ, и что передъ нимъ сидитъ тотъ баснословный Голландецъ, о которомъ ему часто рассказывали его товарищи, - моряки, тотъ старикъ, который иногда нанималъ ихъ барку, чтобы перевозить души умершихъ на Бѣлый островъ, и всегда очень хорошо платилъ за перевозъ. Я уже замѣтилъ въ началѣ этого разказа, что жители этого побережья отличаются храбростью и физическимъ здоровьемъ, что они благоразумны, лишены воображенія и, слѣдовательно, мало доступны вліянію того неопредѣленнаго страха, который внушаетъ намъ міръ призраковъ. Тайный ужасъ, внезапный трепетъ фрисландскаго рыбака продолжаются не долго, не болѣе нѣсколькихъ секундъ; онъ

*

тотчасъ собирается съ духомъ и старается только выторговать себѣ за провозъ какъ можно больше денегъ. Нѣсколько времени продолжается торгъ, наконецъ обѣ стороны сходятся въ цѣнѣ; условіе сдѣлано и, какъ водится, ударяють по рукамъ. Голландецъ тотчасъ вытаскиваетъ изъ кармана замасленный кожаный кошелекъ, наполненный крошечными серебряными монетами, самыми крошечными, какія когда-либо чеканились въ Голландіи, и этою диллипутскою монетою платитъ сполна условленную цѣну за перевозъ. Внушивъ рыбаку, что въ полночь, когда взойдетъ полная луна, онъ долженъ явиться съ баркою къ назначенному мѣсту, чтобы принять отправляемый грузъ душъ, Голландецъ раскланивается со всѣмъ семействомъ, которое попрежнему напрасно приглашаетъ его остаться обѣдать; потомъ онъ удаляется легкими шагами, почти въ-припрыжку, что составляетъ странное противорѣчіе съ тѣмъ видомъ нидерландской солидности и серьезности, который онъ старался принять на себя сначала.

Въ назначенный часъ, лодочникъ является съ баркою на мѣсто свиданія. Барку его сначала сильно колышатъ волны, но, какъ только всходитъ полная луна, такъ лодочникъ замѣчаетъ, что его судно движется не такъ легко и постепенно погружается въ воду, такъ что, наконецъ, края лодки только на ширину ладони отходятъ отъ поверхности воды. Это обстоятельство даетъ ему поводъ заключить, что его пассажиры, т. е. души, вошли въ лодку, и онъ поспѣшно распускаетъ паруса. Онъ старается всмотрѣться въ то, что находится въ его лодкѣ, но какъ ни напрягаетъ онъ зрѣніе, онъ видитъ только какія-то туманныя пятна, которыя движутся и расплываются, не принимая никакой определенной формы. Напрасно также онъ старается прислушаться: до ушей его доходитъ только почти незамѣтный шорохъ и шелестъ. Изрѣдка пролетаетъ надъ его головою одинокая чайка, и въ воздухѣ разносится унылый крикъ ея; парюю, возлѣ его лодки, рыба высовываетъ голову изъ-подъ воды и смотритъ на него большими, робкими глазами. Ночь зѣваетъ, и вѣтеръ становится холодиѣе. Вездѣ море, лунный свѣтъ и молчаніе. Рыбакъ молчитъ, какъ и все, что его окру-

жасть, и молча доѣхавши до Бѣлаго острова, останавливаетъ свою барку. На берегу онъ не видитъ никого, но слышитъ чей-то голосъ, визгливый, прерывающійся отъ одышки, знакомый голосъ давишняго Голландца. Эта незримая личность какъ-будто читаетъ списокъ собственныхъ именъ, тѣмъ однообразнымъ голосомъ, какимъ этапный начальникъ дѣлаетъ перекличку. Многія изъ этихъ именъ извѣстны рыбаку, какъ имена знакомыхъ людей, скончавшихся въ теченіе послѣдняго года. Во время чтенія этого списка собственныхъ именъ, барка мало-по-малу облегчается. Изъ этого обстоятельства лодочникъ заключаетъ, что его грузъ благополучно пришелъ къ гавани, и спокойно возвращается къ женѣ и къ дѣтямъ, въ свой милый домикъ на вилѣ.

Точно такимъ же образомъ производится всякій разъ перевозка душъ на Вѣлый островъ. Одинъ разъ, особенный случай поразилъ лодочника, первоправлявшаго этотъ грузъ. Невидимая особа, читавшая на берегу списокъ собственныхъ именъ, вдругъ остановила чтеніе и закричала:

— А гдѣ же Питеръ Янсенъ? Это совсѣмъ не Питеръ Янсенъ!

На это отвѣчалъ чей-то тоненькій голосокъ:

— Я жена Питера Янсена; я по ошибкѣ записалась подъ именемъ моего мужа.

Начиная этотъ рассказъ, я обѣщала, несмотря на всѣ хитрости костюмировки, узнать имя важнаго мифологическаго лица, появляющагося въ этой легендѣ. Это—никто иной, какъ богъ Меркурій, древній провожатай душъ, получившій, за исправленіе этой спеціальной должности, названіе Гермеса Психопомпоса. Да, подъ этою скромною шинелью, подъ этою незначительною фигурою лавочника скрывается одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ боговъ язычества, благородной сынъ прекрасной Маи. Къ своей маленькой треугольной шляпѣ онъ не прищипливаетъ даже маленькаго перышка, которое напоминало бы о крыльяхъ его божественнаго головнаго убора; въ его башмакахъ, украшенныхъ стальными пряжками, вы не найдете ни малѣйшаго слѣда крылатыхъ сандалій. Нидерландская свинцовая эдегма не представляетъ никакого сходства съ подвиж-

ностью ргути, которую этотъ богъ наградила своимъ собственнымъ именемъ. Но самая эта противоположность и даетъ намъ возможность судить о намѣреніяхъ хитраго бога; онъ выбралъ эту маску, чтобы навѣрное никто не могъ его узнать. И костюмъ этотъ выбранъ не случайно, не по капризу. Меркурій былъ, какъ вамъ извѣстно, богъ воровъ и купцовъ, и съ одинаковымъ успѣхомъ занимался этими двумя отраслями промышленности. Очень естественно, онъ принялъ въ соображеніе свои таланты и факты своей прошедшей жизни, когда ему пришлось скрываться подъ какимъ-нибудь костюмомъ и выбирать себѣ ремесло, которымъ можно было бы добывать насущный хлѣбъ. Ему нужно было только расчитать, который изъ двухъ его промысловъ, въ сущности не представляющихъ между собою кореннаго различія, можетъ доставить ему больше выгодъ и вѣроятностей успѣха. Онъ справедливо замѣтилъ, что воровство, вслѣдствіе вѣковыхъ предрасудковъ, сильно пострадало въ общественномъ мнѣніи, что философы еще не успѣли возстановить его значенія, несмотря на параллель, проведенную ими между воровствомъ и собственностью, что на него недоброжелательно смотрятъ полиція и жандармы, и что воръ, въ награду за чудеса храбрости и искусства, иногда находится въ печальной необходимости идти, если не на висѣлицу, то, крайней-мѣрѣ, на галеры; онъ рассудилъ съ другой стороны, что торговля пользуется величайшею безнаказанностью, что ее уважаетъ общество, что ей покровительствуютъ законы, что торговцы получаютъ ордена, ѣздятъ ко двору и даже иногда дѣлаются президентами совѣта министровъ. На основаніи этихъ соображеній, хитрѣйшій изъ боговъ рѣшился выбрать торговлю, ремесло болѣе выгодное и менѣе опасное, и чтобы быть торговцемъ лучшаго достоинства, онъ сдѣлался голландскимъ негоціантомъ. Мы видѣли, что онъ, въ этомъ званіи, занимается отправкою душъ въ имперію Плутона; это занятіе особенно сподручно ему, древнему Гермесу Психопомпосу.

Бѣлый островъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ называется также *Brea* или *Britinia*. Можетъ-быть это названіе имѣетъ что-нибудь общее съ бѣлымъ Альбіономъ, съ известковыми

скалами англійскаго берега. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно сдлинническая идея — превратить Англiю въ страну жертвецовъ, въ имперiю Плутона, въ адъ. Дѣйствительно, это очень возможно, и Великобританiя представлялась въ такомъ видѣ не одному иностранцу.

Въ одномъ этюдѣ о легендѣ Фауста, я очень подробно говорилъ о царствѣ Плутона и о связанныхъ съ нею народныхъ повѣрьяхъ: я показалъ, какимъ образомъ царство тѣней превратилось въ отлично-организованный адъ, и какимъ образомъ стараго владыку мрака совершенно уподобили сатанѣ. Несмотря на эту печать отверженiя, Плутонъ на самомъ дѣлѣ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и прежде. Плутонъ, богъ преисподняго міра, и братъ его, Нептунъ, богъ морей, не послѣдовали примѣру своихъ родственниковъ, другихъ боговъ; они оба и по настоящее время остались въ своихъ владѣнiяхъ, въ своихъ стихiяхъ. На землѣ объ нихъ рассказывали самыя нелѣпыя сказки, но это ихъ нисколько не тревожило: старыи Плутонъ очень покойно сидѣлъ у себя дома, рядомъ съ своею красавицею Прозерпиною. Нептуну меньше всѣхъ другихъ боговъ пришлось испытать непрiятностей; ни звонъ колоколовъ, ни аккорды органа не могли оскорблять его ухо на днѣ его океана, гдѣ онъ властвовалъ мирно возлѣ доброй жены своей Амфитриты, въ кругу бѣлыхъ неревдъ и толстощекихъ тритоновъ. Отъ времени до времени, когда какой-нибудь молодой морякъ въ первый разъ въ жизни переходилъ черезъ экваторъ, морской богъ выходилъ изъ глубины водъ, съ трезубцемъ въ рукахъ, увѣнчанный морскимъ тростникомъ и величественно украшенный длинною бородою, спускавшеюся до самаго пунка серебрястыми волнами. Тогда онъ давалъ новичку ужасное крещенiе морскою водою и въ то же время произносилъ длинную рѣчь, наполненную шутками стараго моряка; слова этой рѣчи нестолько выговаривались, сколько выплевывались, съ приправою ѣдкаго, желтаго сока табачной жвачки, къ великой радости слушателей, насквозь пропитанныхъ дегтемъ. Одинъ изъ моихъ друзей рассказывалъ мнѣ, какъ празднуется на корабляхъ эта океаническая мистерiя, и увѣрялъ меня, что матросы сибьются самымъ громкимъ и от-

кровеннымъ смѣхомъ при видѣ комической балаганной сатиры, изображающей Нептуна, но что въ глубинѣ души они нисколько не подвергаютъ сомнѣнію дѣйствительное существованіе этого бога, и даже иногда, во время великихъ опасностей, призываютъ его на помощь.

Нептунъ остался такимъ образомъ властителемъ морскаго царства а братъ его Плутонъ, несмотря на свое превращеніе въ дьявола, удержалъ господство надъ Тартаромъ. Оба они были счастливѣе своего брата Юпитера, которому пришлось перенести особенно много несчастій и страданій. Этотъ третій сынъ Сатурна, послѣ паденія своего отца, присвоилъ себѣ господство надъ небомъ и, въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, царилъ на вершинѣ Олимпа. Его окружалъ вѣчно веселый дворъ высокыхъ и преввысокихъ боговъ и полубоговъ, высокыхъ и преввысокихъ богинь и нимфъ, жившихъ въ ибгѣ и веселии, пресыщенныхъ амброзією и нектаромъ, презиравшихъ сволочь, прикрѣпленную къ землѣ, и нисколько незаботившихся о завстрашнемъ днѣ. Увы! и великій Кронидъ долженъ былъ эмигрировать и исчезнуть среди толкотни варварскихъ народовъ, захватившихъ римскій міръ. Слѣды разжалованнаго бога потерялись, и я напрасно допрашивалъ старыя хроники и говорилъ объ этомъ съ старыми старухами: никто не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о его участи. Я перерылъ великое множество библіотекъ; мнѣ показывали самыя великолѣпныя кодексы, украшенные золотомъ и драгоценными камнями; эти кодексы—настоящіе одалиски въ гаремѣ науки, и я, по заведенному обычаю, приношу здѣсь публично мою благодарность тѣмъ ученымъ евнухамъ, которые не слишкомъ ворчали или даже были любезны и предупредительны, открывая мнѣ доступъ къ этимъ лучезарнымъ сокровищамъ, хранившимся у нихъ за крѣпкими запорами. Я убѣдился опончательно, что средніе вѣка не оставили намъ преданій о судьбѣ Юпитера послѣ паденія язычества. Все, что я могъ открыть касательно этого предмета, ограничивается рассказомъ, который мнѣ въ былое время передалъ другъ мой, Ніэльсъ Андерсенъ.

Я назвалъ Ніэльса Андерсена, и при этомъ имени въ

моимъ воображеніи, улыбался, выдѣляется это доброе лицо, возбуждающее въ одно и то же время и смѣхъ и сочувствіе. Я хочу посвятить ему здѣсь нѣсколько строкъ. Я вообще люблю давать отчетъ объ источникахъ, изъ которыхъ я почерпаю свѣдѣнія и указывать на ихъ хорошія и дурныя качества, чтобы читатель былъ въ состояніи собственнымъ критическимъ смысломъ оцѣнить, насколько эти источники достойны его довѣрія.

Ніальсъ Андерсенъ, родившійся въ Дронтгеймѣ, въ Норвегій, былъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ и неустрашимыхъ китолововъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать. Отъ него пріобрѣлъ я нѣкоторыя познанія о китоловномъ промыслѣ. Онъ разблачилъ передо мною всѣ хитрости и тонкости этого ремесла; онъ подробно описалъ мнѣ всѣ уловки и извороты, которые пускаетъ въ ходъ умный и опытный китъ, чтобы сдѣлать эти хитрости безуспѣшными и отдѣлаться отъ охотника. Ніальсъ Андерсенъ научилъ меня владѣть гарпуномъ: онъ показалъ мнѣ, какимъ образомъ колѣнкою правой ноги надо опираться на бортъ барки, чтобы бросать гарпунъ, и какимъ образомъ лѣвою ногою можно поддать хорошаго пинка недогадливому матросу, если онъ недостаточно скоро начнетъ отпускать веревку, привязанную къ гарпуну. Ему я обязанъ во всемъ и если я не сдѣлался знаменитымъ китоловомъ, то въ этомъ нельзя винить ни Ніальса Андерсена, ни меня; въ этомъ виновата только моя несчастная звѣзда, т. е. то печальное обстоятельство, что мнѣ, въ теченіе всей моей жизни, не привелось встрѣтить такого кита, съ которымъ я бы могъ достойнымъ образомъ вступить въ состязаніе. Попадались мнѣ только пошлые штокфиши, да жалкія сельди. Что вы сдѣлаете съ самымъ лучшимъ гарпуномъ, когда имѣете дѣло съ селедкою? Теперь у меня ноги разбиты параличемъ, и я навсегда долженъ отказаться отъ охоты за китами. Когда я познакомился съ Ніальсомъ Андерсеномъ въ Рицебуттелѣ, возлѣ Куксгафена, Ніальсъ Андерсенъ также былъ уже инвалидомъ. У берсговъ Сенегала, молодая и шаловливая акула приняла, вѣроятно, его правую ногу за кусокъ леденца, и сразу отрѣзала ее прочь своими острыми зубами: съ тѣхъ поръ, бѣдный Ніальсъ Андерсенъ ходитъ съ грѣ-

хомъ пополамъ на искусственной ногѣ, сдѣланной изъ ели его родины, и хвалить свою деревяшку, какъ лучшее произведеніе норвежскаго плотничества. Въ это время, величайшимъ его удовольствіемъ было взобраться на огромную пустую бочку и барабанить по ея животу своею деревянною ногою. Я часто подсаживалъ его и помогалъ ему усѣсться; но иногда, когда онъ хотѣлъ сойти внизъ, я соглашался помочь ему только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ рассказалъ мнѣ одно изъ любопытныхъ преданій, носящихся надъ сѣвернымъ моремъ.

Магометъ-Ибнъ-Масуръ начинаетъ всѣ свои поэмы похвалою лошади; Ніэльсъ Андерсенъ точно также начиналъ всѣ свои рассказы восторженнымъ перечисленіемъ хорошихъ качествъ кита. Такимъ же точно панегирикомъ началъ онъ ту легенду, которую мы здѣсь приводимъ.

— Китъ, говорилъ мой пріятель, не только больше, но и великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ. Водяныя струи, вырывающіяся изъ его ноздрей и брызжущія высоко надъ его головою, уподобляютъ его фонтану и производятъ волшебную картину, особенно ночью при свѣтѣ луны. Кроме того, это животное очень добродушно, отличается кротостью нрава и склонностью къ супружеской жизни. Трогательное зрѣлище, продолжалъ онъ, представляетъ семейство китовъ, расположившееся вокругъ почтеннаго своего патриарха, лежащее на огромной льдинѣ и грѣющееся на солнцѣ. Порою молодое поколѣніе начинаетъ играть и рѣзвиться, и наконецъ всѣ бросаются въ море и принимаются играть въ гулячки среди высокихъ ледяныхъ громадъ. Чистоту нравовъ и цѣломудріе китовъ должно приписать не столько принципамъ нравственности, сколько холодной водѣ, въ которой они постоянно плаваютъ. При этомъ Андерсенъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о жизни кита...

Подъ кожей кита, этого Чимборасо животнаго міра, лежатъ огромные пласты жира, доставляющіе часто отъ ста до полутора ста боченковъ сала и масла. Эти пласты жира конечно чрезвычайно толсты; когда колоссъ спитъ, растянувшись на льдинѣ во всю длину, то цѣлыя сотни водяныхъ крысъ могутъ забраться къ нему подъ ко-

жу, въ эти пласты жира. Водяныя крысы гораздо больше и прожорливѣе нашихъ обыкновенныхъ крысъ; онѣ ведутъ веселую жизнь подъ кожей кита, и днемъ и ночью обжираются самымъ свѣжимъ жиромъ, не выходя даже изъ своего гнѣзда. Обжорство паразитовъ дѣлается наконецъ тягостнымъ для непроизвольнаго хозяина и даже начинаетъ причинять ему значительную боль. У человѣка, слава Богу, есть руки, которыми онъ можетъ почесаться, если его что нибудь беспокоитъ, но у кита нѣтъ рукъ, и потому онъ, чтобы прекратить свои страданія, прислоняется задомъ къ острымъ ребрамъ ледянаго утеса и начинаетъ тереть себѣ спину, опускаясь и поднимаясь, выпрямляясь и сгорбливаясь, и вообще дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ собаки, готовые ободрать себѣ кожу объ деревянный уголь, когда ихъ чурезчуръ ѣдятъ блохи. Киты, продолжалъ Андерсонъ, иногда приплываютъ къ острову Кроликовъ.

— Что это такое, островъ Кроликовъ? спросилъ я у Нильса Андерсена. Собесѣдникъ мой забарабанилъ по бочкѣ деревянною ногою, и отвѣчалъ:

— На этомъ самомъ островѣ происходило дѣйствіе той исторіи, которую я вамъ долженъ рассказать. Я не могу совершенно точно опредѣлить вамъ его географическое положеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ его открыли, никто не могъ во второй разъ туда проѣхать; вокругъ этого острова нагромождены огромныя ледяныя горы, непронускающія къ нему ни одного корабля. Его успѣлъ посѣтить только экипажъ одного русскаго китоловнаго судна, занесеннаго въ бурю въ этотъ лабиринтъ льда; съ тѣхъ поръ прошло больше ста лѣтъ. Когда эти моряки причалили къ этому острову, они нашли его совершенно пустыннымъ и почти лишеннымъ растительности. Тощія вѣтви можжевельника печально качались надъ песчаными равнинами; въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга торчали крошечныя кустарники и сосны, изуродованныя снѣгомъ, стлались по бесплодной почвѣ. Множество кроликовъ разбѣгались во всѣ стороны, выскакивая изъ-подъ ногъ путешественниковъ; эти кролики подали поводъ къ названію острова. Одинокая хижина, стоявшая среди острова, служила доказательствомъ присутствія

человѣка. Когда моряки вопли въ эту хижину, они увидѣли старика, дошедшаго до послѣдней степени дряхлости и едва прикрытаго кроличьими шкурками; онъ сидѣлъ на каменной лавкѣ, отогрѣвая исхудалыя руки и дрожащія колѣни у очага, въ которомъ тлѣлъ и порою вспыхивалъ мелкій хворостъ. По правую сторону отъ него сидѣла огромная птица, похожая на орла, но вылинявшая отъ старости и жестоко обезображенная; большія жесткія перья крыльевъ сохранились и торчали въ разныя стороны; всѣ остальные части тѣла были совершенно обнажены, и бывшій орелъ казался вслѣдствіе этого чрезвычайно некрасивою и очень смѣшною фигурою. Возлѣ старика, по лѣвую руку, лежала на полу старая коза съ короткою шерстью и съ добродушными глазами; она была очень стара, но несмотря на то вымя ея было полно молока, и сосцы отличались свѣжестью и розовымъ цвѣтомъ.

Въ числѣ моряковъ, причалившихъ къ острову Кроликовъ, было нѣсколько Грековъ; одинъ изъ нихъ, думая, что хозяинъ хижины не знаетъ его языка, сказалъ по-гречески своимъ товарищамъ:

— Эта старая тварь, вѣроятно, тѣнь покойника или злой демонъ?

При этихъ словахъ старикъ встрепенулся, быстро поднялся съ лавки, и моряки съ изумленіемъ увидѣли высокую, величественную фигуру; старикъ, несмотря на бремя лѣтъ, выпрямился во весь ростъ, такъ-что голова его касалась перекладины потолка; лицо его выражало гордое сознание своего достоинства и незабытую привычку повелѣвать. Черты его фязіономіи, изрытыя морщинами и одряхлѣвшія отъ старости, сохраняли слѣды прежней красоты; онѣ были благородны и безукоризненно правильны. Рѣдкія кудри серебристыхъ волосъ осѣняли лобъ его, наморщенный лѣтами и гордымъ движеніемъ бровей; потускнѣвшіе и помутившіеся глаза его смотрѣли на моряковъ пронизывающимъ взоромъ; рѣзко обрисованныя губы раскрылись, и старикъ произнесъ по-гречески, вмѣшивая въ свою рѣчь множество архаизмовъ, нѣсколько звучныхъ и гармоническихъ словъ.

— Ты ошибаешься, молодой человекъ, сказалъ онъ, я не призракъ и не злой духъ; я несчастливъ, но я видалъ и лучшіе дни. А вы? кто вы такіе? Тутъ моряки рассказали старому отшельнику, какимъ образомъ буря сбила ихъ съ пути и просили его сообщить имъ разныя свѣдѣнія насчетъ острова; старикъ не могъ исполнить ихъ желанія. Онъ сказалъ имъ, что съ незапамятныхъ временъ живетъ на этомъ островѣ, и что ледяныя твердыни доставляютъ ему безопасное убѣжище, ограждая его отъ непримиримыхъ враговъ, завладѣвшихъ его законными правами; питается онъ охотою за кроликами, которые во-множествѣ водятся на этомъ островѣ; каждый годъ, въ то время, когда пловучія льдины сдвигаются въ сплошную массу, къ нему приѣзжаютъ на саняхъ толпы дикарей, которымъ онъ продаетъ кроличьи шкурки, получая отъ нихъ взаимнъ всѣ предметы первой необходимости. Киты, говорилъ онъ, приплывающіе отъ времени до времени къ его острову, составляютъ его любимое общество. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что, какъ природный Грекъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ ведетъ теперь разговоръ на своемъ родномъ языкѣ. Онъ просилъ своихъ соотечественниковъ сообщить ему какія-нибудь извѣстія о современномъ положеніи Греціи. Когда онъ услышалъ, что крестъ, красовавшійся на башняхъ эллинскихъ городовъ, опрокинутъ, онъ не могъ скрыть злобной радости. Узнавъ, что этотъ христіанскій символъ замѣненъ двурогою луною, онъ этому вовсе не порадовался. Странно было то, что ни одинъ изъ моряковъ не зналъ имени тѣхъ городовъ, о которыхъ освѣдомлялся старикъ, и которые, какъ онъ говорилъ, въ его время были знамениты. Имена, которыми матросы называли города и мѣстечки нынѣшней Греціи, были совершенно неизвѣстны старику; онъ часто, съ чувствомъ тяжкой грусти, покачивалъ головою, и моряки переглядывались съ удивленіемъ; они видѣли, что старикъ превосходно знаетъ мѣстоположеніе ихъ страны; онъ съ мельчайшими подробностями, точно и опредѣленно описывалъ бухты, стрѣлки, выдавшіеся въ море мысы, часто даже маленькіе холмики и одиноко стоящія группы скалъ; при этомъ онъ показывалъ полнѣйшее незнаніе самыхъ обще-

извѣстныхъ топографическихъ именъ и это еще болѣе усиливало изумленіе моряковъ.

Старикъ освѣдомился, съ самымъ живымъ участіемъ и въ то же время съ замѣтною тревогою, объ одномъ древнемъ храмѣ, который, по его словамъ, въ былое время составлялъ гордость и лучшее украшеніе всей Греціи. Никто изъ его слушателей не зналъ того имени, которое онъ произносилъ съ глубокимъ умиленіемъ; наконецъ, когда онъ самымъ подробнымъ образомъ описалъ то мѣсто, на которомъ долженъ былъ находиться этотъ памятникъ, одинъ молодой матросъ вдругъ узналъ это мѣсто.

— Тамъ, крикнулъ онъ, построена деревня, въ которой я родился; когда я былъ ребенкомъ, я долго на самой этой полянѣ стерегъ отцовскихъ свиней. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ; и до-сихъ-поръ есть развалины очень старыхъ строеній, даже по развалинамъ видно, что строенія эти были великолѣпны; кое-гдѣ уцѣлѣли и до-сихъ-поръ стоятъ какія-то колонны, однѣ стоятъ особнякомъ, другія связаны кровлею; кровля эта обвалилась и обросла каприфолиемъ и красными лианами. Другія колонны изломаны, лежатъ на землѣ; инныя изъ розоваго мрамора. Плющъ захватилъ ихъ великолѣпныя капители, высѣченныя въ формѣ цвѣтовъ и листьевъ. Большія мраморныя плиты, четырехугольные обломки стѣны и треугольные куски крыши разсыпаны по полянѣ и на-половину вросли въ землю. Мнѣ часто случалось, продолжалъ молодой человекъ, по цѣлымъ часамъ смотрѣть на эти обломки; тутъ выдѣланы сраженія и игры, пляски и процессіи, красивыя и смѣшныя фигуры; жаль, что отъ времени вся эта рѣзба очень попортилась, поросла мхомъ и ползучими травами. Я одинъ разъ спросилъ у отца, что это за развалины, и что онѣ такое значать? отецъ сказалъ, что это остатки отъ стариннаго храма, и что тутъ въ прежніе годы жилъ язычскій богъ; этотъ богъ всячески развратничалъ, велъ грязную жизнь, блудилъ, не разбирая родства, и позволялъ себѣ всякія гадости; а идолопоклонники ничего этого не понимали и рѣзали ему быковъ, иной разъ цѣлыми сотнями, возлѣ его жертвенника. Отецъ увѣрялъ меня, что тамъ еще видна мраморная кадка, въ которую спускали кровь жертвенныхъ

животныхъ; изъ этой самой кадки мои свиньи пьютъ дождевую воду; да еще я туда же сваливалъ всякіе объѣдки, которые потомъ шли на кормъ скоту.—Когда молодой морякъ кончилъ свою рѣчь, старикъ глубоко вздохнулъ; ему сдѣлалось невыносимо грустно и онъ не могъ побѣдить своего волненія; въ изнеможеніи опустился на свою каменную лавку, закрылъ лицо обѣими руками и заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ. Птица, сидѣвшая возлѣ него, закричала дикимъ голосомъ, распустила свои огромныя крылья, и стала грозить морякамъ когтями и клювомъ; старая коза застонала и начала лизать руки своего хозяина, стараясь укротить его горе своими кроткими ласками. Морякамъ сдѣлалось какъ-то жутко; они почувствовали какое-то странное замираніе сердца, и послѣпно вышли изъ хижины; имъ было какъ-то не по себѣ, пока до нихъ доносились рыданія старика, острые крики отвратительной птицы и жалобный стонъ старой козы. Возвратившись къ себѣ на корабль, они рассказали свое приключеніе. Въ числѣ экипажа находился ученый; онъ объявилъ, что это происшествіе чрезвычайно важно. Глубокомысленно приложивъ указательный палецъ правой руки къ одной изъ своихъ ноздрей, онъ увѣрилъ моряковъ въ томъ, что старикъ острова Кроликовъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть бывшій богъ Юпитеръ, сынъ Сатурна и Реи, верховный владыка всѣхъ боговъ; что птица, сидѣвшая съ нимъ рядомъ—очевидно тотъ знаменитый орелъ, который въ своихъ когтяхъ держалъ небесныя громы, а что, судя по всѣмъ примѣтамъ, коза—должно быть, старая корнлица Амалтея, выкормившая бога на островѣ Критѣ, и питающая его теперь своимъ молокомъ на островѣ Кроликовъ.

Таковъ былъ рассказъ Ніэльса Андерсена; онъ растрогалъ меня до-глубины души; я не скрываю этого. Уже то, что онъ сообщилъ мнѣ о тайныхъ страданіяхъ кита, огорчило меня самымъ чувствительнымъ образомъ. Бѣдное животное! Противъ этой сволочи, противъ подлыхъ крысъ, забирающихся въ твое тѣло и грызущихъ тебя безъ-умолку, у тебя нѣтъ средства и ты таскаешь ихъ съ собою до конца жизни! Какъ ни кидайся изъ стороны въ сторону, съ сѣвера на югъ, сколько ни трись спиною объ льдины обихъ

подлюсовъ, не избавишься ты отъ этихъ проклятыхъ крысъ! Но, какъ бы ни былъ я растроганъ страданіями бѣдныхъ китовъ, еще гораздо сильнѣе поразила мою душу трагическая судьба этого старика, который, по миеологической гипотезѣ русскаго ученаго, въ древности царствовалъ надъ богами подъ именемъ Юпитера Кронида. Да, онъ также испыталъ на себѣ неумолимость судьбы, угнетающей даже бессмертныхъ; подобныя паденія пугаютъ насъ, шевелятъ желчь и возбуждаютъ состраданіе. Послѣ этого будьте Юпитеромъ, будьте верховнымъ владыкою міра, заставляйте трепетать вселенную маніемъ бровей, будьте воспѣты Гомеромъ и изваяны Фидіемъ въ золотѣ и слоновой кости, выслушивайте въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ мольбы ста народовъ, будьте любовникомъ Семелы, Данаи, Европы, Алкмены, Латоны, Ио, Леды, Калисты! Чтожъ изъ этого выдетъ?—Выдетъ дряхлый старикъ, которому, какъ бѣдному Савояру, придется, изъ-за дряннаго куска хлѣба, торговать кроличьиими шкурками. Такое зрѣлище конечно доставитъ удовольствіе пошлой толпѣ, которая завтра будетъ ругаться надъ тѣмъ, что было ея кумиромъ вчера. Можетъ быть, въ числѣ этихъ добрыхъ людей есть потомки тѣхъ несчастныхъ быковъ, которые нѣкогда вошли въ составъ гекатомбъ, зарѣзанныхъ на алтарѣ Юпитера: пусть они радуются его паденію, пусть вволю тѣшатся надъ нимъ, чтобы отмстить за кровь предковъ, погибшихъ жертвою идолопоклонства. Что касается до меня, то моя душа глубоко потрясена и мною овладѣваетъ болѣзненное состраданіе при видѣ этого величественнаго несчастія.

Можетъ-быть, это умиленіе не позволило мнѣ дойти, въ моемъ разсказѣ, до того серьезнаго спокойствія, которое такъ прилично историку, до той строгой важности, которая пріобрѣтается только во Франціи. Поэтому, я скромно сознаю все свое ничтожество въ сравненіи съ великими мастерами этого дѣла и, представляя мое произведеніе на милостивое вниманіе великодушнаго читателя, къ которому я всегда питаю глубочайшее уваженіе, прощаюсь съ нимъ до другаго раза.

И. РАГОДИНЪ.

ВЫДЕРЖКА

ИЗЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ (*).

(1770—1779 г.)

Давно было сказано, что исторія есть священная книга народовъ, зеркало ихъ бытія и дѣятельности, скрижаль откровеній и правды, завѣтъ предковъ къ потомству и т. п. Но—едва ли это такъ. Подобное понятіе о значеніи исторіи, особенно какою она была до сихъ поръ, положительно не вѣрно, какъ не вѣрны впрочемъ и многія другія понятія, наслѣдованныя нами отъ предковъ: что казалось весьма натуральнымъ прошлому поколѣнію, то кажется страннымъ современному. И предки, и большинство потомковъ, смотрѣли, напротивъ, неблагоклонно на уничтоженіе самостоятельности Польши, называли полюбовное размежеваніе «речи посполитой» между тремя сосѣдними державами вопіюще несправедливостью, писали цѣлые трактаты о томъ, что лишать самостоятельнаго существованія цѣлую націю — дѣло возмутительное. «Но, иные могутъ прибавить, — если

(*) Источники, кототыми авторъ руководствовался при составленіи настоящаго очерка, болѣе или менѣе извѣстны всякому, интересующемуся исторією XVIII столѣтія, и потому, для удобства чтенія, онъ не считаетъ нужнымъ цитировать ихъ, тѣмъ болѣе, что статья эта составляетъ легкій историческій разсказъ о предметѣ, съ которымъ такъ мало и односторонне знакомитъ русская литература, а не историческое изслѣдованіе, для котораго время еще не настало.

Авторъ.

1

Отд. I.

смотреть на дѣло безпристрастно, то и предки, и потомки жестоко ошибались. Говорятъ, что сосѣднія державы не имѣли никакого права вмѣшиваться въ семейныя дѣла речи посполитой; что Поляки, особенно магнаты и шляхта, могли дѣлать у себя дома все что угодно; что постороннее вмѣшательство въ домашнія дѣла народа то же самое, что стѣсненіе личной свободы человѣка, желающаго жить по своей волѣ, а не по чужой программѣ; что, наконецъ, нельзя остававлять человѣка, еслибы ему даже вздумалось утопиться. Все это, положимъ, правда. Дѣйствительно, какое было дѣло хоть бы ближайшему сосѣду Польши, Фридриху II, до того, что шляхта дѣлала ужасныя сумасбродства? Какое было дѣло Маріи—Терезіи, еслибъ какой—нибудь магнатъ и рѣшился броситься въ Вислу, когда ему не жилось на бѣломъ свѣтѣ? Мы думаемъ, что и Фридрихъ, и Марія—Терезія смотрѣли довольно хладнокровно, какъ шляхта топилась въ Вислѣ: — такова была шляхетская вольность. Но вѣдь надѣ и то сказать, что шляхта тянула съ собой въ воду и все посполитство, и часто, спасаясь сама, топила только хлопковъ: шляхта губила народъ, который вовсе не желалъ топиться. Вотъ чего нельзя было позволить Польшѣ.... Хуже того положенія, въ какомъ находилось большинство подданныхъ речи посполитой, трудно себѣ представить, да и вся тогдашняя обстановка доказывала, что на хорошее будущее нечего было рассчитывать, по крайней мѣрѣ, очень долго нельзя было ждать переменъ къ лучшему. Въ сущности, народъ, переходя отъ одной зависимости къ другой, ничего не терялъ, а еще выигрывалъ тѣмъ, что избавлялся, по крайней мѣрѣ, отъ буйнаго произвола шляхты. Если польское правительство не умѣло и не хотѣло осчастливить свой народъ, не умѣло даже управиться само съ собой и довело миллионы населенія до крайняго униженія и бѣдности, разорило и истощило страну, то мы имѣемъ основаніе заключить, что такое правительство не имѣло правъ на жизнь и свободу народа, недостойно было самостоятельнаго существованія». Вотъ что могутъ сказать другіе.

До сихъ поръ многихъ интересуетъ вопросъ объ инициативѣ въ дѣлѣ раздѣленія Польши, вопросъ, въ сущности, неважный. Что за дѣло исторіи до того, кому первому пришла мысль распорядиться въ чужой землѣ, какъ въ собственной вотчинѣ, — Фридриху ли II, Маріи ли Терезіи, или кому третьему, — когда земля эта была давно открыта для всякаго посторонняго вмѣшательства? Что за дѣло до того, кому первому захотѣлось поднять брошенную на большой дорогѣ дра-

гощину вещь? Двери въ Польшу были растворены настежь: всякій сильный сосѣдъ могъ свободно входить въ нихъ и расворяжаться по своему разумѣнію, какъ въ домѣ, гдѣ хозяинъ былъ обезпеченъ къ своему добру, а сосѣдъ думалъ принести пользу безвѣчному владѣльцу. Значитъ, все равно, кто бы первый ни вошелъ въ эту дверь, потому—что, рано ли, поздно ли, а кто—нибудь заглянуть бы въ нее. Но еслибы вопросъ объ инициативѣ въ дѣлѣ раздѣленія Польши и былъ важенъ, то и тогда невозможно было бы рѣшить его положительно. Для насъ также все равно, плакала ли Марія—Терезія и искренно ли плакала, принимая отъ Кауница «*ein elendes stück von Polen*», — о чемъ съ такимъ умщленіемъ говорятъ Нѣмцы въ своихъ исторіяхъ (*), — лишь бы взято было то, что предлагали ей. Въ этомъ историческомъ фактѣ то важно, что Польша не могла, — а по мнѣнію другихъ, — и не должна была существовать, чтобы существованіемъ своимъ не увеличивать страданій своего народа.

Какъ бы то ни было, но положеніе Польши въ самомъ дѣлѣ было бѣдственное. Мы, пожалуй, могли бы имѣть право не довѣрять историкамъ этой эпохи, и считать пристрастными ихъ свѣдѣтельства о безвыходномъ положеніи польскаго общества въ періодъ такъ—называемой анархіи, еслибы сами Поляки, современники своего паденія, не рисовали мрачными красками картину бѣдствій своей страны, еслибы они сами не сознавали тогда, что Польша должна была погибнуть неизбежно. По крайней мѣрѣ, ихъ словамъ мы должны вѣрить.

Впрочемъ, не многіе изъ Поляковъ въ эту критическую эпоху понимали, что стоятъ надъ пропастью; большая часть равнодушно смотрѣли, какъ мало—по—малу изнывала страна подъ тяжестью смуть и рѣзни партій, — непостижимое равнодушіе, объяснимое развѣ только полною извращенностью всей исторической жизни этой націи. На генеральномъ конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ по смерти Августа III, примасъ республики, въ потокѣ громкихъ и пустыхъ фразъ, умѣлъ однако сказать представителямъ польскаго народа много жесткихъ истинъ; но все это прослушано было, или съ тупой апатіей полусоннаго пана, или съ неумѣстной, безтолковой запальчивостію гусарскаго корнета—бреттѣра. Примасъ говорилъ, что дикое озлобленіе партій,

(*) G. Waitz, Preussen u. d. erste poln. Theilung (Histor. Zeitschr. v. Sybel, 1859).

полное непониманіе потребностей націи и безмысленное пренебреженіе народными интересами ведетъ и ихъ, и націю къ гибели. Онъ зывалъ къ народу, чтобы онъ опомнился наконецъ, помаялъ, что стоять на краю глубокаго обрыва, что недалеко тотъ часъ, когда погибнетъ все: его права и вольности, его гордость и сила, къ-когда столь страшная и несокрушимая. «Вглядитесь, говорилъ онъ, какъ внутреннія смуты раздраютъ наше царство: всѣ наши разглагольствованія не ведутъ ни къ чему; наши сеймы — безплодны. Мы называемъ себя свободнымъ и независимымъ народомъ, а между тѣмъ стоимъ подъ тяжкимъ ярмомъ неволи, испытываемъ всѣ ужасы войны. Надъ нами тяготѣетъ бѣдствіе рабства, а мы не имѣемъ ни довольно силы, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, ни мужества отвратить грозящую опасность». Онъ указывалъ на полное отсутствіе въ народѣ моральныхъ и физическихъ силъ, на недостатки въ администраціи, на пренебреженіе безопасностью страны, которая не имѣла ни крѣпостей, ни гарнизоновъ, ни постоянного войска: заброшенныя крѣпости давно запуслъ, ничтожныя гарнизоны были бессильны, границы открыты для всякаго набѣга, арміи не существовало. «Царство наше, — говоритъ онъ, — похоже на домъ безъ кровли, на зданіе, потрясаемое вѣтрами, на жилище безъ владѣльца, готовое рухнуть съ подгнившаго основанія, если только провидѣніе не сжалятся и не поддержитъ это зданіе. Воображеніе не можетъ представить ничего печальнѣе нашей участи: законы — въ презрѣніи или бездѣйствуютъ, какъ негодная тяжесть; свобода задавлена насиліемъ и произволомъ; государственная казна истощена наплывомъ иностранной монеты низкаго достоинства; провинціальныя города, лучшія украшенія царства, теперь безлюдны; жалкая торговля въ рукахъ Евреевъ; наконецъ, мы должны искать «городовъ въ самихъ городахъ», потому-что въ нихъ все разрушено и опустошено, — и дома, и улицы, и площади, и общественныя мѣста. Даже церкви не пощажены: онѣ обращены въ бойни, гдѣ безнаказанно рѣжутъ народъ».

Дѣйствительно, положеніе Польши было ужасное. Дальше уже нельзя было идти, и речь посполитая должна была погибнуть. Къ сожалѣнію, Поляки, воспитанные въ идеяхъ своего вѣка, не умѣли понять, что именно было ужаснаго въ положеніи республики; самъ краснорѣчивый примасъ не въ силахъ былъ возвыситься надъ узкими понятіями времени и не умѣлъ заглянуть въ даль по свойственной магнатамъ близорукости и односторонности воззрѣній. А было, ка-

жется, такъ легко понять, что Польша отживала послѣдніе дни. Когда еще на польскомъ престолѣ не сидѣлъ Понятовскій и Фридрихъ прусскій не думалъ дѣлать Польшу на части, венгерскій посланникъ предостерегалъ речь посполитую отъ близкой бѣды. «Летаргическая неподвижность правителей, раздѣленіе на партіи и проискъ тайныхъ враговъ погубили Венгрію, говорилъ онъ:—«берегитесь, со-сѣди-Поляки, чтобы и васъ не постигла подобная участь!»

Но Поляки не хотѣли знать ничего, и предсказаніе Венгровъ сбылось, потому-что только идиотъ могъ еще надѣяться, что Польша, съ ея неразумнымъ устройствомъ, проживеть долго.

Въ 1764 году, съ обыкновенными церемоніями, Поляки избрали себѣ послѣдняго короля, Станислава Понятовскаго, стольника литовскаго. По обыкновенію, избраніе было пышное, но не такъ бурно, какъ въ старые годы: какъ и прежде, примасъ республики ѣхалъ на мѣсто выборовъ въ великолѣпной каретѣ, окруженный блестящимъ дворомъ; передъ нимъ, на конѣ, ѣхалъ прелатъ и держалъ въ рукахъ крестъ; за нимъ—сенаторы, послы и прочая кровная шляхта. Поле избранія, на которомъ разбиты были палатки, вмѣщавшія въ себѣ благородное шикетство, отдѣльно по воеводствамъ, и депутатовъ отъ семи главныхъ городовъ, окружено было ровомъ и валомъ; только въ трехъ мѣстахъ разрывался валъ—на западъ, на востокъ и на югъ: это были широкія ворота, которыми входили на поле избранія выборные всей польской земли—съ запада отъ великой Польши, съ востока—отъ малой Польши, а въ южныя двери входила Литва. Не было воротъ только на сѣверѣ... Какъ и прежде, по предварительномъ созиданіи, земскіе выборные вышли изъ палатокъ и стали—каждое воеводство отдѣльно, подъ своимъ хоругвями. Какъ и прежде, примасъ, верхомъ на конѣ, объѣхалъ поле, обращаясь къ каждому воеводству и спрашивая кого избираютъ они королемъ своимъ, и всѣ указали на Понятовскаго. Какъ и въ старые годы, великій коронный маршалъ провозгласилъ имя новаго короля у каждыхъ воротъ, и затѣмъ пропѣтъ былъ гимнъ «*do Ciebie Panie.*»

Не знали Поляки, что въ послѣдній разъ избираютъ себѣ короля.

За избраніемъ Понятовскаго слѣдуютъ самыя жалкіе годы въ исторіи Польши: государство видимо разлагается; всѣ проявленія представителей націи носятъ на себѣ печать какого-то оуптѣнія; все дѣлается точно во снѣ; ни въ чемъ не видно ни смысла, ни цѣли,

ни общих стремлений; силы республики давно погбли, а шляхта все еще хватается за какие-то призраки и сама продаетъ послѣднюю тѣнь свободы. Варшава и дворъ пируютъ наканунѣ смерти; Станиславъ любезничаетъ съ дамами и разсыпаетъ остроуміе; въ театрѣ такъ весело, такъ шумно; въ гостиныхъ у Чарторыжскихъ, Понятовскихъ и Радзивилловъ столько блеска и роскоши, такіе звонкіе стихи читаются на вечерахъ, въ роскошныхъ дворцахъ, защищенныхъ стражею. А на улицахъ Варшавы уже слышны, по вечерамъ, звяканье сабель, пистолетные выстрѣлы, призывъ на помощь,—и никто не отворить окна, чтобы осведомиться, кто и гдѣ погибаетъ; все это такъ обыкновенно, такъ естественно. Варшава веселится, а вдали отъ Варшавы что-то готовится необыкновенное, замѣтно какое-то движеніе, и только хлопы крѣпче запираютъ свои дырявыя избушки, чего-то боятся, ждутъ чего-то нехорошаго, потому-что хорошаго не видали ни разу въ жизни. Между тѣмъ войска сосѣдей все тѣснѣе и тѣснѣе стягиваются у предѣловъ республики, переходятъ границы все ближе и ближе къ Варшавѣ. Вотъ уже варшавскія дамы любезно танцуютъ съ русскими и прусскими офицерами.... Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Поляки окончательно успѣли доказать, что они недостойны владѣть милліонами послушнаго населенія, доведеннаго ими до послѣдней степени нищеты. Населенію этому было все равно, кому бы ни повиноваться, только бы не душили его, лишь бы вырваться ему изъ тѣсной тюрьмы и вздохнуть на свободѣ. Между тѣмъ образовалась конфедерація въ Радомѣ. За нею встала другая—въ Барѣ. Поляки одумались на минуту, но только на минуту, а было уже поздно. Двѣ главныя конфедераціи вызвали десятки и сотни новыхъ; общая цѣль, сознанная на минуту, опять была потеряна. Потомъ снова все стало укладываться въ двѣ главныя партіи. Мелкія конфедераціи примкнули къ крупнымъ. Во всѣхъ концахъ Польши шла партизанская война то Русскихъ съ Поляками, то Поляковъ между собою. Наконецъ патріоты объявили Станислава лишенымъ царства и тронъ—свободнымъ, и королю ничего не оставалось больше, какъ передать свою жалкую власть въ болѣе крѣпкія руки, которыя и надѣли ему на голову корону Пястовъ и поддерживали эту корону, когда онъ самъ не умѣлъ носить ее. Вліяніе Русскихъ, естественно, должно было усиливаться еще болѣе, потому-что надо же было кому-нибудь править страной, которая была дотогу несчастна, что въ ней не нашлось ни одного сколько-нибудь умнаго

и энергическаго челоѣка (энергическіе, правда, были, по умныхъ—никого), ни одной свѣтлой головы, ни одного сердца, которое билось бы для народа, болѣю бы не за себя только, не за свои личныя несчастія, а за тѣхъ, кто въ самомъ дѣлѣ былъ несчастенъ. Петербургскій дворъ не удивился даже, когда получилъ извѣстіе, что Поляки отказались отъ Станислава, ими же самими избраннаго, не удивился потому, что Решинъ, Волконскій и Веймаръ давно правили Польшею, а слѣдовательно Россіи было все равно, сидѣлъ ли кто на польскомъ тронѣ или оставался онъ пустымъ; напротивъ, горе Станислава было отчасти выгодно для видовъ петербургскаго кабинета, потому что король поневолѣ долженъ былъ одуматься, проснуться послѣ продолжительнаго сна и постараться сгруппировать вокругъ себя хотя небольшую горсть людей, которые бы подумали о дѣлѣ и забыли на-время танцы и карты. Но, къ сожалѣнію, тотъ не исправляется и не умнѣетъ, даже въ самую безнадежную минуту жизни, кто ни на что не былъ годенъ, кромѣ придворныхъ потѣхъ: Станиславъ покинулъ всѣ, кромѣ Русскихъ; а если оставалась около него небольшая группа преданныхъ людей, то изъ нихъ не было ни одного даже съ обыкновеннымъ челоѣческимъ смысломъ. Польша точно выродилась и измелъчала въ послѣднее столѣтіе, и если между врагами Станислава указывали на двѣ или три замѣчательныя личности, въ родѣ Пулавскихъ, Огньескихъ или молодаго Зиберга, то совершенно напрасно: они были потому только замѣтны, что всѣ другіе были слишкомъ ничтожны; они были хороши, за неимѣніемъ лучшихъ. Петербургскій кабинетъ, давно-понявшій безсиліе Поляковъ, давно увѣрившись въ ихъ продажности и въ отсутствіи всякаго политическаго такта, спѣшилъ успокоить Станислава обѣщаніемъ защищать его противъ конфедератовъ, и Станиславъ съѣно вѣрилъ, что Русскіе, посадившіе его на престолъ, не отдадутъ бѣднаго короля въ руки развирѣпившихъ подданныхъ; во всякомъ случаѣ для него болѣе были страшны сами Поляки, чѣмъ иностранцы,—и естественно.

Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Станиславъ—Августъ отправилъ въ Петербургъ посольство, самый выборъ котораго доказывалъ, что около короля не было ни одного порядочнаго челоѣка. Въ головѣ посольства находилась личность, игравшая пѣкогда роль свахи въ любовныхъ похожденияхъ молодаго Понятовскаго и теперь располагавшая участіемъ королевства. Посольство просило назначенія новаго послащика въ Варшаву, вмѣсто Волконскаго, который, по

мѣнѣю Поляковъ, былъ слишкомъ слабъ и мягокъ съ ними, не былъ настолько своеволенъ, чтобы забрать все въ свои руки, когда всѣ сами добивались этого. Что могъ отвѣчать петербургскій дворъ на такія ребяческія требованія, какъ не замѣтить посольству, что оно слишкомъ наивно, и обѣщать спасти польскую націю отъ неспособныхъ правителей, а конфедератамъ доказать, что и они недостойны распоряжаться судьбою страны, когда изъ такого добраго короля не могли сдѣлать все, что имъ угодно, и не умѣли успокоить націю, которая была слишкомъ довѣрчива и слишкомъ терпѣлива. Незлобное посольство было принято въ Петербургѣ даже очень ласково, и только Орловы не могли скрыть своего презрѣнія къ представителямъ такъ низко упавшаго королевства. Петербургскій дворъ уже потому соглашался поддержать расшатавшійся тронъ Станислава—Августа, что всегда слѣдовалъ правилу — изъ двухъ золъ избирать менѣе горькое, такъ какъ во всякомъ случаѣ Польша должна была погибнуть, или отъ слабости и неспособности самого короля, или отъ безтактности конфедератовъ, едва ли болѣе его способныхъ честно управлять народомъ, съ тою только разницею, что король изъ Польши дѣлалъ русскую провинцію, а конфедераты могли обратить ее въ какое-нибудь татарское ханство или въ одинъ изъ пашалыковъ турецкаго султана, на что и надѣялись, кажется, Мустафа и его визири. Россія думала, что дѣлаетъ добро Польшѣ, спасая ее отъ турецкаго владычества:—можетъ-быть она и ошибалась... Притомъ Россія, поддерживая короля, находившагося подъ ея покровительствомъ, поддерживала тѣмъ свое достоинство передъ цѣлою Европою, которая называла Станислава—Августа креатурою Русскихъ, а шляхта и католическіе попы-терывшіе въ немъ вѣрнаго сына римской куріи, отзывались о немъ какъ о православномъ схизматѣ, о коронованномъ schisme. После Станислава—Августа униженно жаловались петербургскому двору на мягкость и деликатность Волконскаго и король самъ просилъ, чтобы прислали къ нему Сальдерна, крутой нравъ котораго очень былъ извѣстенъ варшавскому двору и, повидимому, очень ему нравился, потому что Сальдернъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, за нѣсколько лѣтъ до того, умѣлъ доказать, что Станиславъ, имѣя на часахъ такого безцеремоннаго Голштинца, какъ Сальдернъ, могъ и почивать, и сидѣть въ театрѣ спокойно, не опасаясь быть обиженнымъ своевольными конфедератами.

Петербургскій дворъ не могъ не внять такой просьбѣ короля и

вслалъ къ нему Сальдерна, а Волконскаго отоавалъ. Грубый Нѣмецъ вполне угодилъ варшавскому двору: прежде всего онъ распорядился, чтобы всѣ скидали шапки передъ королемъ, о чемъ Поляки какъ-то забыли въ послѣднее время; потомъ онъ принялъ мѣры къ восстановленію спокойствія въ городѣ и т. д. Хотя Сальдернъ въ русской исторіи извѣстенъ очень мало, однако этотъ человѣкъ стоитъ того, чтобы напомнить о немъ потомству. Это тотъ самый голштинскій выходецъ, о которомъ часто упоминаетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, потому что Сальдернъ почти каждый день обѣдалъ у великаго князя Павла Петровича. Личность эта какъ-то туманно рисуется передъ нами, при чтеніи записокъ, и проявляется развѣ только однажды въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, именно, когда Сальдернъ, за обѣдомъ у великаго князя, такъ мѣтко оборвалъ графа А. С. Строганова, а Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что «не всякій бы проглотилъ такую пилюлю». Сальдернъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Н. И. Панина, потому что оказался необходимымъ для него человѣкомъ. Рюльеръ отзываясь о Сальдернѣ, что онъ «соединялъ грубость голштинскаго мужика съ педантствомъ нѣмецкаго профессора», а Фридрихъ II просто ненавидѣлъ его. Современники хвалятъ его умъ и дипломатическую находчивость, потому что онъ ловко запутывалъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; но всего больше, кажется, онъ умѣлъ запугивать робкихъ, а передъ другими, боѣе крѣпкими, самъ проигрывалъ. Зато онъ имѣлъ удивительный талантъ вооружать всѣхъ противъ себя, и только одинъ польскій король терпѣлъ его по необходимости, потому что самъ напрасился къ нему въ опеку. Сальдерну ставить въ достоинство, что въ переговорахъ онъ умѣлъ быстро поставить дѣло на прямую дорогу и не сходилъ съ нея, что перо его было мѣтко и достигало цѣли, и это правда отчасти, потому что онъ сразу обрывалъ всякаго, кто былъ слабѣе его, а языкъ его писемъ и особенно приказаній былъ жестокъ и грубъ. Онъ былъ дѣятель, но не въ мѣру гордъ, скорѣе заносчивъ, и чего достигалъ изворотливостью, интригами, угрозами, то самъ же разрушалъ какой-нибудь шероховатой выходкой, когда дѣло повидимому приближалось къ выгодной развязкѣ. Онъ всегда, что называется, бралъ не въ мѣру, шагалъ за рубежъ и вредилъ общему интересу. Объ этомъ человѣкѣ говорили, что «деспотизмъ былъ у него столько же въ головѣ, сколько и въ сердцѣ», хотя мы не совсѣмъ понимаемъ смыслъ этой характеристикки. Когда за нѣсколько лѣтъ до этого Ста-

иславъ—Августъ жаловался петербургскому двору на Репнина, и Сальдерна послали успокоить Варшаву, онъ такъ круто повернулъ дѣло, что всѣ радовались, когда выпроводили его въ Берлинъ, и на мѣсто Репнина посадили Волконскаго; а между тѣмъ и послѣ Варшава чувствовала, что брань Сальдерпа для нея очень полезна и что ей безъ него жить нельзя. Въ Берлинѣ, вмѣсто того, чтобы способствовать образованію такъ—называемой «сѣверной лиги», для чего собственно онъ и былъ туда посланъ, Сальдернъ въ первый же день успѣлъ раздражить своими выходками ненавидимаго Фридриха, и старикъ—король отмѣтилъ въ своихъ мемуарахъ главныя черты Голштинца—его дубоватость и «тонъ римскаго диктатора», который онъ принималъ на себя въ сношеніяхъ съ Фридрихомъ, и претензію помыкать старымъ Фрицемъ, какъ нѣкогда консулъ Поппій помыкалъ Антиономъ. Солдатская тактика Сальдерна произвела такой эффектъ, что и Фридрихъ постарался скорѣе выпроводить его изъ своей столицы въ Копенгагенъ, гдѣ Сальдерпу больше посчастливилось, потому что тамъ онъ былъ и слыше, и умше всѣхъ: тамъ пригодился и грубый тонъ, которымъ онъ запугалъ однихъ датскихъ министровъ, и червонцы, которыми купилъ повиновеніе другихъ; тамъ онъ распоряжался какъ фельдфебель въ своей ротѣ,—успѣлъ смѣнить министерство и даже начальниковъ арміи, и нагналъ на всѣхъ такой ужасъ, что его называли «султаномъ Даніи.» Какія же несповства, думали тогда при иностранныхъ дворахъ, долженъ былъ производить этотъ господинъ тамъ, гдѣ онъ былъ всѣхъ старше, и какую роль долженъ былъ играть онъ въ Петербургѣ, когда при чужихъ дворахъ, только какъ посланникъ, онъ такъ вертѣлъ всѣмъ? Между тѣмъ въ Петербургѣ Сальдернъ игралъ довольно скромную роль, хотя знали, что онъ имѣетъ большое вліяніе на Панина. Уже постоянное присутствіе этого Голштинца на обѣдахъ у великаго князя, за воспитаніемъ котораго и за каждымъ шагомъ и словомъ ребенка долженъ былъ наблюдать Панинъ, какъ довѣренное лицо императрицы, доказывало, какъ онъ былъ близокъ къ министру; кажется и Порошинъ точно также смотрѣлъ на «господина» Сальдерпа. Панинъ же, по натурѣ чловѣкъ честный, деликатный и простодушный, но довольно ограниченный, слабый и порядочно лѣнивый, имѣлъ очень высокое мнѣніе о талантахъ Сальдерпа, питалъ къ нему большое довѣріе и осыпалъ его такими мпlostями, какими рѣдкій у него пользовался. Да, Сальдернъ и въ самомъ дѣлѣ былъ полезенъ Панину: лѣнивый старикъ нашелъ

въ немъ хорошаго и толковаго работника, который могъ открыть глаза въ такихъ случаяхъ, когда простодушіе послѣдняго и не позволяло догадываться объ опасности; чего не понималъ одинъ, то другой умѣлъ растолковать и выяснить; за что лѣнился приняться первый, то дѣлалъ послѣдній, и министръ всегда полагался на своего кліента. Когда враги Панина замыслили погубить его, очернить въ глазахъ императрицы, поколебать его силу и проч., то паденіе министра соединили они съ предварительнымъ паденіемъ Сальдерна и прежде всего старались подкопаться подъ Гюлштинца, которому такъ вѣрилъ Панинъ. Говорятъ, что честолюбіе однажды шевельнуло душой Сальдерна и побудило его составить нѣчто въ родѣ заговора въ пользу великаго князя и его именовъ произвести переворотъ при дворѣ; говорятъ, будто онъ написалъ нѣчто въ родѣ манифеста, который долженъ былъ обнародоваться при вступленіи Павла Петровича на престолъ, даже не стѣснился показать его Панину, и будто Панинъ, прочитавъ бумагу, молча изорвалъ ее и бросилъ въ огонь, однако не перемѣнился въ отношеніи къ Сальдерну, хотя никогда не заговаривалъ съ нимъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Положеніе Станислава-Августа передъ прибытіемъ въ Варшаву Сальдерна было таково, что всякій другой, сколько-нибудь уважающій въ себѣ права человѣка, едва ли бы пожелалъ быть на его мѣстѣ. Одно только обаяніе власти, хотя номинальной, могло развѣ заставить человѣка сносить тѣ униженія, какимъ подвергался Станиславъ, или же, напротивъ, только положительное отсутствіе самолюбія и крайняя наивность заставляли его играть обидную роль театральнаго лица безъ рѣчей. Послѣ того, какъ имя его провозглашено было публично у трехъ воротъ, ведущихъ на поле набранія, оно сдѣлалось предметомъ колкихъ насмѣшекъ; съ первыхъ же дней послѣ избирательнаго сейма личность короля отходитъ на второй планъ, какъ-то прячется, ступшевывается, и короля забываетъ нація; природный Полякъ и шляхтичъ, онъ становится чужимъ для этой шляхты, которая вручила ему царство и потому отвернулась отъ него. Правда, при всей простотѣ, онъ понималъ двусмысленность своего положенія и тяготился имъ; но горе, повидному, не такъ было мучительно, чтобы вдохнуть силу въ этого безсильнаго человѣка, и чего не дала ему природа, не могли дать никакія обстоятельства. По мѣрѣ того, какъ барскіе конфедераты поднимали голову и пріобрѣтали популяриность, король терялъ всякое уваженіе и наконецъ сталъ предметомъ всеобщаго презрѣнія. На уни-

цахъ самой Варшавы ему никто не хотѣлъ оказывать знаковъ уваженія, и даже Русскіе, бывшіе тамъ, увлеклись примѣромъ Поляковъ. Прежнее пассивное равнодушіе подданныхъ обращалось въ положительную неприязнь къ королю; нерасположеніе къ нему партій обратилось въ открытый антагонизмъ и стало всеобщимъ; кружокъ преданныхъ ему людей становился все рѣже и рѣже, и наконецъ Станиславъ увидѣлъ, что у него нѣтъ подданныхъ,—у короля нѣтъ королевства. Тогда-то конфедераты объявили польскій тронъ «вакантнымъ» и, погубивъ короля, погубили и себя съ нимъ вмѣстѣ. Войска сосѣднихъ державъ наводнили Польшу: съ запада потянулись отряды Фридриха, съ юга переходили границы австрійскіе солдаты, съ востока прибывали русскіе полки и занимали позиціи. Покинутому вѣрнъ королю ничего не оставалось больше, какъ еще тѣснѣе примкнуть къ Русскимъ,—въ надеждѣ спасти, по крайней мѣрѣ, свою бесполезную для націи и ни для кого ненужную жизнь,—и онъ не ошибся, полагаясь на Россію. Русскимъ онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Узнавъ о своемъ низложеніи съ престола, Станиславъ—Августъ писалъ командиру короннаго войска, остававшагося еще вѣрнымъ прежней власти, но находившагося далеко не въ завидномъ положеніи, что барскіе конфедераты объявили междуцарствіе и намѣрены лишить жизни своего короля; онъ объявлялъ, что всякій, повинующійся имъ, становится его открытымъ врагомъ и повелѣвалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ силою оружія. «Но если команда ваша слишкомъ слаба, прибавлялъ онъ, то дѣйствуйте заодно съ русскими отрядами, ближайшими къ вамъ... Я отвѣчаю за васъ.»—Такимъ образомъ Станиславъ—Августъ вѣрялъ Русскимъ и свою собственную судьбу, и судьбу злополучной націи.

Назначеніе Сальдерна посланникомъ въ Варшаву доказывало, что судьба Польши должна была рѣшиться безотлагательно; оно доказывало также, что упрямый Панинь, котораго ни изворотливый братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ съ тайными цѣлями относительно участи Польши, ни его посланникъ Сольмесъ, не могли склонить къ участию въ приготовлявшемся политическомъ переворотѣ, рѣшился наконецъ дѣйствовать такъ или иначе, что въ скоромъ времени и обнаружится само собой. Можно догадываться, на что рѣшился Панинь или на что посоветовали ему рѣшиться, когда онъ вручалъ судьбу Польши такому человеку, какъ Сальдернъ, который съ кѣмъ бы ни имѣлъ дѣло, всегда обращался съ нимъ какъ Киргизы съ своими плѣнными. Для того, чтобы покойно уладить поль-

ское дѣло, онъ былъ неспособенъ, ни по характеру, ни по уму: гдѣ требовалась деликатность и уклончивость, тамъ онъ бралъ приступомъ; гдѣ нужны были энергическія мѣры, тамъ грозилъ саблей; заѣзжіи въ Россію Голштинецъ, онъ не знакомъ былъ ни съ польскою конституціей, ни съ характеромъ націи, а еще менѣе зналъ положеніе и средства конфедератовъ. Впрочемъ, состояніе Польши было таково, что туда можно было, кажется, послать еще болѣе неспособнаго дипломата, и тому въ Польшѣ ничего бы не приходилось дѣлать больше, какъ смотрѣть, какъ мало-по-малу разрушалось это государство. Самолюбивый Голштинецъ понималъ, что нога его стоитъ на твердой почвѣ, что позиція его выгодна, что хитрить и притворяться не стоятъ нетолько съ Поляками, но даже хоть бы съ Фридрихомъ II, котораго онъ не боялся въ самой Варшавѣ, ни съ Маріей Терезіей, правительницей нервной и нерѣшительной, ни наконецъ съ Кауницемъ, у котораго не рѣдко, при его умѣ, этотъ умъ заходилъ за разумъ. Сальдернъ такъ былъ увѣренъ въ неспособности конфедератовъ къ серьезному дѣлу и въ своей собственной силѣ, что приходилъ въ неистовство, когда ему замѣчали, что другіе дворы могутъ вмѣшаться въ дѣло, которое онъ заранѣе считалъ конченнымъ и за которое уже думалъ получить тотъ или другой орденъ, и едвали онъ ошибался, такъ обидно думая о конфедератахъ. Изъ тшеславія онъ любилъ порисоваться передъ Европой. Онъ говорилъ о Польшѣ какъ о русской провинціи, которую онъ, въ качествѣ новаго губернатора, долженъ былъ успокоить, обривизовать и пожурить за нѣкоторыя провинности. Онъ говорилъ, что намѣренъ сначала дѣйствовать мѣрами кротости и ласкою, а когда это окажется бесполезнымъ, то обѣщался «всѣхъ зарубить» (*tout sabrer*). Для красоты слога и для большей убѣдительности онъ часто употреблялъ слова «диктаторъ» и «Сибирь», съ которой Поляки успѣли познакомиться еще до Сальдерна (Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. XIX, 14095). Онъ прибавлялъ, что въ случаѣ неудачи никогда не воротится въ Петербургъ.

Между тѣмъ положеніе конфедератовъ, о которыхъ до сихъ поръ мы еще почти не говорили, было не завиднѣ положенія короля, и не удивительно, если Сальдернъ оказался правъ, такъ обидно думая о бессилии патриотической партіи въ Польшѣ. Конфедераты, которые только и питали надежду что на Турцію, теряли эту надежду, по мѣрѣ того, какъ русскія войска разбивали оттоманскую армію. Каждая новая побѣда русскаго оружія надъ Турками была новымъ ударомъ для кон-

конфедератовъ: и поражение Турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ, и сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, надѣлавшее столько шуму въ Европѣ,— все это порядочно напугало самихъ Турокъ, такъ что имъ было уже не до конфедератовъ. Но по мѣрѣ того, какъ магнаты и шляхта отчаявались получить помощь со стороны Турціи, и убѣждались, что они предоставлены своей собственной участи, отчаяніе вызывало у нихъ новыя усилія, хотя не могло уже вызвать ни единодушія, ни сочувствія націи, передъ которой они такъ много были виноваты, и которую умѣла бы, можетъ быть, защитить ихъ отъ всей Европы, еслибы они заслужили ея любовь. Но въ томъ-то и заключалось величайшее несчастіе Польши, что ея правительство, начиная отъ перваго магната и кончая послѣднимъ шляхтичемъ, всегда забывало о своемъ народѣ, не сдѣлало ему ни малѣйшаго добра, и народъ самъ забылъ его въ самую отчаянную минуту жизни королевства, отшатнувшись правительству и возмужавъ равнодушіемъ къ его несчастіямъ. Не надѣясь на сочувствіе націи, конфедераты должны были или отступить или погибнуть, и хотя погибнуть они должны были во всякомъ случаѣ, однако все еще чего-то ожидали, не зная, что участь ихъ была рѣшена окончательно. Оставалась у нихъ слабая надежда на сочувствіе Франціи; но и эта надежда обманула ихъ, потому что и Францію, въ свою очередь, обманывалъ Кауницъ, а Кауница обманывалъ Фридрихъ II. Франція давала конфедератамъ небольшія субсидіи, на которыя можно было приобрести нѣсколько оружія; но всего этого было слишкомъ мало. Притомъ посылаемые Франціею комиссары, одинъ отъ короля, другой отъ герцога Шуазёля, постоянно враждовали между собою и только мѣшали конфедератамъ, ссорили даже ихъ и вредили дѣлу, которому взялись служить. Войско конфедератовъ до того было не подготовлено къ правильной войнѣ, что у него не было даже необходимаго оружія: въ первое время оно сражалось только тѣми пушками, тѣми ружьями и саблями, которыя удавалось ему иногда случайно отнять у непріятеля. Но имъ посчастливилось овладѣть крѣпостью Ченстохова, утвердиться въ ней и имѣть, такимъ образомъ, хоть одинъ надежный пунктъ, ибо другія партіи конфедератовъ, разсѣяныя по Польшѣ, не имѣли нигдѣ прочной точки опоры и могли быть разбиваемы по частямъ, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, совершенно неукрѣпленныхъ. Партія, владѣвшая укрѣпленіями Ченстохова, опираясь на этотъ городъ, могла легко утвердиться въ междугорьяхъ этой возвышенной мѣстности и владычествовать надъ цѣлымъ

около, тогда какъ въ два послѣдніе года конфедераты не знали ни прочныхъ стоянокъ, ни постоянныхъ квартиръ, и, тѣснимые съ разныхъ сторонъ, какъ номады, перебирались съ мѣста на мѣсто и цѣлыя зимы скитались по лѣсамъ безъ пищи и денегъ. Теперь они располагали почти всю малую Польшю и шѣли деньги, съѣстные припасы и новобранцевъ. Нѣкоторые ихъ отряды были передвинуты въ Литву, опустошенную еще въ началѣ войны, и находились такъ близко отъ русской границы, что могли угрожать порубежнымъ провинціямъ: этими маневрами конфедераты надѣялись заставить Русскихъ вывести свои отряды изъ Польши, для защиты областей, которыя были не безопасны со стороны Литвы. Наконецъ, конфедератамъ пособило и то обстоятельство, что они объявили Станислава-Августа лишеннымъ престола, ибо рѣшительный поступокъ Барской конфедерации поселилъ мужество въ конфедератахъ другихъ мелкихъ партій, которыя въ смѣломъ протестѣ патриотовъ видѣли начало общаго народнаго дѣла и, что всего главнѣе, смотрѣли на изложеніе короля какъ на законную манифестацію народа, оправдываемую другими державами. Имъ казалось, что Польша нашла наконецъ сочувствіе въ Европѣ, и это сочувствіе выразилось отнятіемъ власти у короля, потерявшаго всякую популярность и, какъ они думали, продавшаго свое царство за корону, которая была не по его головѣ. Незлопамятный народъ могъ также легко забыть старое зло, которое такъ терпѣливо переносилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и причиною котораго было привилегированное сословіе государства; онъ могъ простить ему все прошедшія оскорбленія, все обиды и слезы свои, и, прикнувъ къ конфедератамъ, могъ удесятерить ихъ силы, еслибъ послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ это время, не раздражали народъ своею жестокостью. Но они не могли переродиться, не могли покинуть своихъ привычекъ,—и народъ не примирился съ ними. Конфедераты,—конечно, не тѣ частные представители патриотовъ, которыхъ было, разумѣется, не много, а жалкій осадокъ сословія дворянъ, полуищичихъ и необразованныхъ,—не умѣли и не желали поставить себя въ разумныя отношенія къ массѣ населенія, а напротивъ разбудили въ ней давнишнюю ненависть къ своимъ притѣснителямъ и сдѣлали то, что она готова была служить кому угодно, лишь бы не разоряли ея избушекъ, не опустошали полей и никого не мучили. Эти-то конфедераты разбрелись по всей Польшѣ, по Литвѣ и Волыни.

Разбрелися та й забули
 Волю ратувати,
 Помигалися зъ жидами
 Та й ну руйновати:
 Руйновали, мордували,
 Церквами топили...

Въ этомъ, намъ кажется, была главная причина безсилія конфедератовъ. Дѣйствительно, народъ, никогда нелюбившій ихъ, не могъ не вооружиться еще болѣе противъ шляхты, или, по меньшей мѣрѣ, не сочувствовать имъ. Вездѣ, гдѣ ни проходили они, въ качествѣ ли побѣдителей, или преслѣдуемые русскими отрядами, они несли съ собою страшныя опустошенія. Солдаты, служившіе въ арміи конфедератовъ, не получая ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, принуждены были жить грабежомъ, и, нестройными толпами, къ которымъ приставалъ всякій сбродъ, ходили по всѣмъ направленіямъ, брали все, что могли взять, и жгли, чего не могли захватить съ собою; подобно дикимъ отрядамъ наемныхъ кондотьери, они не жалѣли страны, за свободу которой воевали ихъ предводители, и вредили общему дѣлу. Каждый собственникъ былъ для нихъ партизаномъ Россіи; кто не желалъ или не могъ пристать къ ихъ шайкамъ, становился ихъ врагомъ и ему не было пощады; города и деревни, державшіе сторону конфедератовъ, трепетали приближенія своихъ защитниковъ и радовались, когда буря проходила мимо. Мужикъ, знавшій только свою пашню, пана и войта, съ удивленіемъ спрашивалъ себя: кто же опаснѣе для него,—свой или чужіе, мнимые спасители или враги? Русскіе удачно пользовались этимъ фальшивымъ положеніемъ конфедератовъ и, неласково обращаясь съ плѣнными, по возможности щадили и ласкали мирное населеніе, насколько, разумѣется, возможна пощада въ военное время; они старались оспорить у конфедератовъ имя спасителей Польши, — и дѣйствительно народъ хорошо видѣлъ, что конфедераты—не освободители. Это зло могли бы еще поправить истинные конфедераты; они могли возвысить во мнѣніи націи опозоренное грабителями свое имя; но у нихъ не доставало ни единодушія, ни общаго плана; они враждовали попрежнему; не забывали личныхъ дразгъ и продолжали вести прежнія фамильные распри, доводить до конца свои геральдическіе споры о первенствѣ.

Мы замѣтили, что Франція принимала участіе въ дѣлѣ конфеде-

ратовъ. Она давно смотрѣла завистливыми глазами на возрастающее могущество Россіи и потому не могла отказать себѣ въ удовольствіи стать посредницей между нею и Польшею. Но вступать въ открытыя сношенія съ конфедератами она не могла какъ потому, что находилась въ союзѣ съ Австріею, которая маскировала передъ нею свои отношенія къ Польшѣ, такъ и потому, что боялась Кауница. Не желая ссориться съ этимъ министромъ, который увѣрялъ и Шуазёля и его короля въ сердечномъ расположеніи къ нимъ Австріи и между тѣмъ безсовѣстно обманывалъ ихъ, — Франція тайно помогала конфедератамъ. Шуазёль питалъ надежду, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Польшѣ, можно будетъ достигнуть возстановленія прежней независимости этого королевства, тѣмъ болѣе, что самая опасная сосѣдка Польши, Россія, вела въ то время трудную войну съ Турціею и еще вѣрнѣе было сказать утвердительно, кто проиграетъ въ этой борьбѣ. Шуазёль отправилъ въ Польшу секретнаго агента для наблюденія за тамошними происшествіями и для оказанія помощи конфедератамъ, какъ совѣтами, такъ и денежными субсидіями. Порученіе это выпало на долю Дюмурье, игравшаго громкую роль въ исторіи французской революціи, а въ это время еще вовсе неизвѣстнаго. Шуазёль избралъ его потому, что предполагалъ въ немъ достаточно и ума, и такта, чтобы повести дѣло толкомъ, и основывалъ это, конечно, на томъ, что замѣтилъ въ Дюмурье наклонности къ исполненію видныхъ политическихъ ролей. Дюмурье долженъ былъ прежде всего отправиться въ Венгрію, гдѣ находились представители польскихъ патріотовъ, и, узнавъ о ихъ намѣреніяхъ, средствахъ и надеждахъ на будущее, сообщить обо всемъ этомъ своему посланнику въ Вѣнѣ, Дюрану, при личномъ свиданіи, и представить планъ, котораго Дюмурье долженъ былъ держаться въ дѣлѣ конфедератовъ. Ему же поручалась выдача Полякамъ субсидій, которыя не превышали шести тысячъ дукатовъ въ мѣсяцъ. Въ іюлѣ 1770 года Дюмурье прибылъ въ Вѣну, а недѣли черезъ двѣ находился уже въ Венгріи, въ обществѣ представителей Барской конфедераціи. Конфедераты немедленно отправили въ Вѣну коллисаровъ, въ томъ числѣ одного изъ извѣстныхъ своихъ агитаторовъ, именно Паца, которые должны были поддерживать интересы своей партіи при вѣнскомъ дворѣ и сколько-нибудь расположить въ свою пользу упрямаго Кауница. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, ихъ приняли ласково; но сколько ни старался Пацъ развѣдать о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Австріи относительно конфедератовъ, онъ

ничего не могъ узнать; онъ только слышалъ пустыя фразы, темныя, какъ только можетъ быть темень дипломатическій языкъ двора, маскирующаго свои тайныя цѣли; онъ слышалъ одни неопредѣленные обѣщанія, — такъ что ихъ можно было повернуть въ какую угодно сторону. Ему дали замѣтить, что они будто и оправдываютъ низложеніе съ престола Станислава—Августа, и не оправдываютъ, что хотя они и считаютъ дѣло конфедератовъ достойнымъ сочувствія, однако тѣмъ не менѣе не сочувствуютъ ему. Однимъ словомъ, ничего не сказали, хотя наговорили много. Люди болѣе дальновидные, чѣмъ Пацъ или кто—нибудь изъ конфедератовъ, могли бы понять, что отъ Австріи имъ нечего ждать добра, что ничего добраго не дождется отъ нихъ и Станиславъ—Августъ; однако, конфедераты, повидимому, все надѣялись на что—то. Пацъ даже не видѣлъ Кауница, который въ это время хлопоталъ объ уничтоженіи Польши, угождалъ и матери—императрицѣ, и сыну—императору, увѣряя первую, что сохранить цѣлость Польши, а втораго— что не сохранить этой цѣлости. Пацъ напрасно просилъ объясненія, на какомъ основаніи Австрія захватила двѣ южныя провинціи Польши, провела демаркаціонную линію, на основаніи какихъ—то подложныхъ актовъ, будто бы найденныхъ въ древнихъ архивахъ, и поставила на новой границѣ столбы съ австрійскимъ двуглавымъ орломъ, — ему ничего не хотѣли отвѣчать. Вотъ до—чего упала Польша.

Войско конфедератовъ, уже нѣсколько лѣтъ отбивавшееся отъ превосходныхъ силъ непріятеля, и часто терпѣвшее пораженія, не могло защищать послѣдній призракъ власти, которая еще оставалась за ними въ Польшѣ. Оно теперь раздѣлено было на четыре дивизіи, которыя только номинально могли присвоить себѣ это громкое названіе, а въ сущности далеко уступали даже простымъ полкамъ, хорошо укомплектованнымъ и выдержаннымъ. Самая жалкая по своей малочисленности дивизія имѣла начальникомъ самую популярную личность того времени, Казимира Пулавскаго, который могъ бы не мало сдѣлать добра своей партіи, еслибы столько же имѣлъ ума и необходимыхъ для полководца и государственнаго человѣка способностей, сколько имѣлъ онъ энтузіазма и другихъ второстепенныхъ качествъ, которыхъ еще недостаточно, чтобы быть великимъ человѣкомъ или сберечь свободу милліонамъ. Большая часть его дивизія или была разсѣяна непріателемъ въ разныхъ мелкихъ стычкахъ, или уменьшилась вслѣдствіе неудачныхъ предпріятій Мазовецкаго и другихъ находившихся съ нимъ конфедератовъ, такъ что уже осенью 1770 года она

состояла изъ семи или восьми человекъ, которымъ не помѣшали всѣ ихъ военныя неудачи собраться вокругъ своего храбраго Казимира. Самая лучшая дивизія имѣла начальникомъ Зарембу, и въ ней считалось около трехъ тысячъ человекъ, болѣе или менѣе выдержанныхъ. Дивизія, находившаяся подъ начальствомъ Валевскаго и Белера, состояла изъ полуторы тысячи человекъ и, при всей своей малочисленности, держала еще гарнизоны въ Ландскронѣ, въ Заторѣ и почти на всѣхъ мелкихъ постахъ малой Польши. Наконецъ, послѣдняя дивизія, имѣвшая не болѣе тысячи человекъ, плохо приготовленныхъ къ дѣлу, могла похвалиться личными качествами своего начальника, храбраго Савы, который съ своими летучими отрядами умѣлъ безпрестанно беспокоить непріятеля, какъ партизанъ, хотя и самъ терпѣлъ отъ него не мало. Вотъ почти все, чѣмъ располагали конфедераты въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Всякій согласится, что не легко спастись съ шеститысячною арміею огромное королевство, открытое со всѣхъ четырехъ сторонъ для многочислѣннѣйшаго непріятеля и сверхъ того раздираемое внутри гражданскими смутами. Правда, можно еще указать на небольшіе, отдѣльные отряды, разсыянные по Литвѣ и Мазовіи, наполненные, большею частію, бродягами, мѣстной голытьбой и предводительствуемые такой-же голытьбой-шляхтой; но, какъ мы замѣтили прежде, этотъ народъ избралъ своею спеціальностью грабежъ спасаемой имъ родины и слѣдовалъ своему призванію, по возможности, добросовѣстно. Голытьба могла также примкнуть, въ случаѣ надобности и въ надеждѣ на поживу, къ одной изъ упомянутыхъ дивизій, и тогда войско конфедератовъ могло составить восемь тысячъ человекъ, но никакъ не больше. Все это были, большею частію, кавалеристы, но кавалеристы плохіе, умѣвшіе, пожалуй, озадачить непріятеля ловкимъ и нечаяннымъ набѣгомъ, но только озадачить, и никогда почти неумѣвшіе выдержать правильной атаки, сбить стойкую русскую пѣхоту или помѣяться съ казаками. Число пѣхотинцевъ въ войскѣ конфедератовъ не превышало полуторы тысячи человекъ. Въ какой степени это войско было тягостно для самой націи, можно судить потому, что, до полученія субсидій изъ Франціи, оно вовсе не получало ни жалованья, ни фуража, а брало и то и другое, гдѣ могло. Только и соблюдалась дисциплина въ дивизіи Зарембы и только онъ понималъ необходимость правильныхъ сношеній между начальниками отрядовъ, безъ чего армія конфедератовъ не могла надѣяться на успѣхъ. Никто изъ предводителей пат-

*

ріотическаго возстанія, ни даже самъ знаменитый Пулавскій не понималъ невозможности вести войну безъ общаго плана, тогда какъ при единодушїи они могли, по крайней мѣрѣ, долше держаться и больше вредить непріятелю. Уже Дюмурье, приставшій къ Пулавскому, заставилъ ихъ понять бесполезность ихъ тактики и подумать о единствѣ. Нельзя, впрочемъ, не отдать справедливости личному мужеству отдѣльныхъ, иногда ничтожныхъ, отрядовъ конфедератовъ. Около двадцати тысячъ правильно организованнаго русскаго войска, хорошо, по тогдашнему времени, вооруженнаго, разсѣяно было по Польшѣ, и между тѣмъ конфедеренты, разбиваемые по частямъ, продолжали соединяться небольшими партїями, человекъ въ пятьдесятъ, во сто, и продолжали дѣлать безумныя, часто бесполезныя нападенія на русскіе отряды, безспорно говорившія въ пользу патріотическихъ стремленій конфедератовъ, хотя тѣмъ не менѣе—бесполезныя. Такъ ничтожный отрядъ конфедератовъ пробрался однажды до самой Варшавы, въ надеждѣ захватить сложное недалеко отъ столицы оружіе и лошадей, — и замѣчательно, что въ числѣ смѣльчаковъ, отважившихся на эту экспедицію, находилось только четыре человека, у которыхъ были ружья. Возможность подобнаго набѣга доказывала только, что и самая Варшава была не безопасна отъ нападенія патріотовъ и что, при разумномъ употребленіи своихъ силъ, конфедераты могли взять столицу безъ особеннаго труда. Такъ Закревскій, собравъ около себя до шестидесяти смѣлыхъ конфедератовъ, рѣшился съ этой ничтожной горстью овладѣть Варшавой. Нескромность одного изъ агенто́въ его партїи погубила ихъ: Закревскаго стали подозрѣвать; начались розыски, и когда все было открыто, Закревскій, предувѣдомленный о неудачѣ, успѣлъ спастись.

Какъ бы то ни было, конфедераты успѣли занять нѣкоторыя выгодныя позиціи въ окрестностяхъ Варшавы и преимущественно къ Кракову, а овладѣвъ теченіемъ Вислы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно прервали сообщенія съ столицей. Отряды ихъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто, — что было для нихъ дѣломъ самымъ легкимъ, за неимѣніемъ фуражныхъ обозовъ, ни тяжелой артиллерїи, — останавливали партїи съѣстныхъ припасовъ, назначавшихся для продовольствїя столицы и перехватывали почту, слѣдовавшую въ Варшаву или изъ Варшавы. Всѣ перехваченныя письма и правительственную корреспонденцію они вскрывали и потомъ отсылали по назначенію, дѣлая на каждой вскрытой бумагѣ надпись: «распечатана конфедератами».

Всѣ подобныя, въ сущности маловажныя, происшествія нѣкоторымъ образомъ поддерживали патріотическія чувства даже въ тѣхъ, которые, до поры до времени, тщательно скрывали ихъ, не надѣясь, чтобы дѣло конфедератовъ было выиграно. Неожиданныя появленія патріотовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать, побуждали нерѣшительныхъ или робкихъ принимать сторону антиправительственную и, такимъ образомъ, ослаблять въ странѣ русское вліяніе. Кромѣ того извѣстно было, что Пулавскій крѣпко застылъ въ Ченстоховѣ съ восьмьюстами гарнизона и, несмотря на всѣ приступы русскаго генерала Девица, удержалъ за собой эту крѣпость и заставилъ Русскихъ отказаться отъ надежды взять Ченстохово, единственную опору конфедератовъ.

Между тѣмъ храбрый Сава, несмотря на декабрскіе морозы, провелъ значительный отрядъ въ Литву и, присоединяя на пути всѣ мелкія партіи конфедератовъ, бродившія безъ всякой цѣли, успѣлъ увеличить свою беспорядочную дивизію до двухъ тысячъ человекъ, съ которыми и проникъ до самаго Брестъ-Литовска. Этотъ быстрый набѣгъ, въ такое позднее время года, когда никто не ожидалъ нападенія, помогъ ему взять въ Литвѣ значительную контрибуцію и, кромѣ того, захватить пятьдесятъ тысячъ дукатовъ, назначенныхъ для отправки въ Варшаву. Сава встрѣтился тамъ съ королевскими войсками и принужденъ былъ дать два сраженія, которыя помѣшали ему пройти сквозь все великое княжество или укрѣпиться тамъ въ случаѣ успѣха. Королевскими войсками командовалъ Браницкій (не тотъ честный старикъ, который, возвратясь изъ изгнанія, жилъ теперь въ своемъ имѣніи, а извѣстный Ксаверій, игравшій роль свахи въ любовныхъ похожденияхъ Понятовскаго). Этотъ Браницкій уже не первый разъ заставлялъ Поляковъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ и не первый разъ навлекалъ на себя ненависть и презрѣніе патріотовъ, какъ ренегатъ, хотя и не перемѣнившій религіи предковъ. Огиньскій, великій гетманъ литовскій, въ негодованіи на поступокъ Браницкаго, потребовалъ его къ суду военной комиссіи, объявилъ его лишенымъ званія военачальника, отобралъ у него команду надъ войсками республики и отрѣшилъ отъ должности двухъ его приближенныхъ офицеровъ, именно полковника Грабовскаго и начальника польскихъ улановъ. Замѣчательно, что всѣ офицеры жаловались въ этомъ случаѣ на Браницкаго, который принудилъ ихъ подвѣять оружіе противъ конфедератовъ. Сава же, послѣ этихъ неприя-

ныхъ встрѣчъ съ Браницкимъ, успѣшно возвратился съ своей дивизіей въ Ченстохово, гдѣ все еще находился Пулавскій съ своимъ гарнизономъ.

Ченстоховская крѣпость составляла пока единственную надежду конфедератовъ. Подъ ея прикрытіемъ французскіе инженеры продолжали укрѣплять Ландскрону и Тырнякъ. Но работы эти могли быть прерваны, пока имъ угрожалъ Краковъ съ своимъ гарнизономъ и Пулавскій принужденъ былъ вооруженною рукою отстаивать работы своихъ инженеровъ. Онъ сдѣлалъ больше: съ своимъ маленькимъ гарнизономъ онъ оттѣснилъ Русскихъ, которые оберегали мостъ, ведущій къ Кракову, и на томъ мѣстѣ поставилъ редутъ, прикрывъ его своей пѣхотой. Обезопасивъ себя со стороны моста, онъ занялъ высоты, па разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Кракова, и могъ напасть на городъ во всякое время, еслибы только краковскій гарнизонъ рѣшился почему-либо выйти изъ крѣпости. Наблюдая за всякимъ движеніемъ непріятеля, онъ успѣлъ въ то же время, съ отрядомъ въ триста чело-вѣкъ, захватить непріятельскій обозъ съ военными припасами и артиллерійскими принадлежностями, а между тѣмъ инженеры его окончательно укрѣпили Ландскрону и Тырнякъ. Заремба принялъ довольно-выгодную позицію у границъ прусской Силезіи, и такимъ образомъ конфедератамъ открыты были свободные пути для сношеній съ Силезіею прусскою и австрійскою, сообщеніе съ которой прикрывала Ландскрона. Пулавскій сдѣлакъ былъ главнокомандующимъ войскъ конфедератовъ. Его гарнизонъ, державшійся въ Ченстоховѣ, ходилъ въ атаку прямо на Краковъ, и хотя былъ отбитъ, однако успѣлъ предать опустошенію предмѣстье этого города. Два раза конфедераты падали на Познань и оба раза были отражаемы русскими войсками, которыя, впрочемъ, не могли спасти познаньскихъ предмѣстій отъ разграбленія. Въ свою очередь русскія войска ходили на Ландскрону, встрѣтили упорное сопротивленіе и претерпѣли значительный уронъ. Въ это время конфедераты перехватили письмо русскаго генерала Веймарна, отправленное въ Петербургъ съ просьбою о помощи. Дюмурье понялъ, что настало время дѣйствовать энергически, соединенными силами и не играть пассивную роль, не защищаться только отъ натисковъ непріятеля, а тревожить его на каждомъ шагу, нападать на него при всякомъ случаѣ, днемъ и ночью. Онъ настаивалъ во что бы то ни стало перемѣнить роли. Онъ просилъ только объ одномъ—не бездѣйствовать, не спать и не разбиваться на партіи. Онъ ука-

зывать ихъ на способы увеличить свою армию, подчинить ее общему военному закону, ввести правильную дисциплину — и все напрасно. Поляки отжили свой вѣкъ: они спали глубокимъ сномъ, и усилія нѣсколькихъ живыхъ личностей не могли разбудить ихъ. Дюмурье собралъ всѣхъ предводителей конфедератовъ на военный совѣтъ и начерталъ передъ ними планъ дѣйствій; онъ указывалъ имъ на вѣрныя усилія; онъ шевелилъ ихъ патриотическое чувство, затрогивалъ самыя чувствительныя стороны ихъ сердца, — и наконецъ увидѣлъ, что трудъ его напрасенъ. Общая деморализація пощадилъ только двѣ-три личности, а все остальное представительное сословіе націи уже неспособно было къ возрожденію, но крайней мѣрѣ — оно долго не могло переродиться. Такіе люди, какъ Пулавскій, Сава и Заремба были лично прекрасные люди, но слишкомъ слабы и ничтожны для того, чтобъ разбудить и наэлектризовать однимъ чувствомъ всю націю или, во крайней мѣрѣ, высшее, наиболѣе деморализованное сословіе.

Промысливый Кауницъ напрасно испугался неутонимаго Дюмурье. Дюмурье былъ также безсиленъ спасти погибшую націю, какъ и всѣ ея лучшіе представители. Къ веснѣ 1771 года не стало наконецъ и храбраго Савы. Съ прибытіемъ Суворова къ русской арміи у конфедератовъ все пошло скверно, и счастье, какъ говорится, повернулось къ нимъ спиною. Тѣ, которые оставались въ живыхъ отъ суворовскихъ поражений, — и всѣ изувѣченные, всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ и безоружные отправились въ Россію. Наконецъ Суворовъ началъ расправу и съ послѣдними остатками конфедератовъ, которые еще держались около Ченстохова, Ландсброны и въ другихъ частяхъ малой Польши. Въ концѣ марта Сава былъ настигнутъ русскимъ отрядомъ и разбитъ; побѣда дорого стоила Русскимъ, но и конфедераты понесли значительный уронъ, такъ что только ночь помогла ихъ отступленію. Раздраженный неудачею, Сава черезъ нѣсколько дней встрѣтился съ русскимъ капитаномъ Риттеромъ и жестоко отплатилъ за недавнее пораженіе: отрядъ Риттера былъ разбитъ на-голову, разсѣянъ и прогнанъ; остальные Русскіе взяты въ плѣнъ. Но, вслѣдствіе распоряженія совѣта, Сава долженъ былъ соединиться съ Пулавскимъ и это, кажется, ускорило его гибель. Быстрыя движенія Савы были замедляемы на каждомъ шагу; нерѣдко онъ долженъ былъ поджидать отряда Пулавскаго по нѣскольку часовъ, потому что послѣдній не привыкъ къ такимъ форсированнымъ переходамъ, на какіе способны были отряды Савы; Сава

выигрывалъ битвы единственно быстротой и натискомъ, — а теперь онъ былъ несвободенъ, подчиненъ Пулавскому. Поспѣшая на помощь къ Ландскронѣ, они растянули свои дивизіи, вслѣдствіе этой неравномѣрности движенія, и Сава очутился впереди войска, тогда какъ Пулавскій нѣсколько отсталъ. 26 апрѣля Сава настигнуть былъ Суворовымъ и атакованъ. Это былъ славный день для храбраго конфедерата; но онъ былъ послѣднимъ днемъ для него. Атака началась съ шести часовъ утра, и Сава, хотя съ большимъ урономъ, поддерживалъ битву до самаго солнечнаго захода. Онъ взлѣзъ на крышу какой-то избышки, чтобъ удобнѣе осмотрѣть путь для отступленія своей дивизіи, какъ пораженъ былъ въ ногу пушечнымъ ядромъ. Онъ упалъ; солдаты думали, что начальникъ ихъ убитъ, и, истомленные продолжительной битвой, разсѣялись въ беспорядкѣ. Сава остановилъ ихъ; велѣлъ положить себя въ большую корзину, привязать къ дровнямъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи распорядился отступленіемъ своей дивизіи. Чтобы не задерживать собой отряды, онъ оставилъ при себѣ только пять или шесть человѣкъ и велѣлъ везти себя проселочной дорогой, черезъ болота и непроходимыя мѣста. Его маленькая свита принуждена была переправить своего несчастнаго полководца черезъ рѣку на старыхъ дуплястыхъ дубахъ, за неимѣніемъ другаго средства переправы. Наконецъ, очутившись въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ Сава считалъ себя въ безопасности, онъ приказалъ одному изъ своихъ солдатъ отправиться въ ближайшее мѣстечко, найти тамъ Еврея-врача, показать ему дорогу, по которой онъ могъ бы найти раненаго, и, чтобы не возбудить подозрѣній, не велѣлъ имъ возвращаться вмѣстѣ. Еврей отыскалъ Саву, перевязалъ его раны и возвратился домой. Но отсутствіе его замѣтили. Русскіе схватили Еврея и маіоръ Саломонъ угрозами заставилъ его открыть убѣжище храбраго конфедерата. Саву взяли и вмѣстѣ съ дровнями перевезли въ ближайшее мѣстечко, потому что рана не позволяла везти его въ Варшаву. Несчастный испытывалъ ужасныя мученія, отчасти потому, что рана была дурно перевязана, кромѣ того быстрыя передвиженія съ мѣста на мѣсто растравили ее еще болѣе. Генераль Веймарнъ прислалъ къ нему своего хирурга, но было уже поздно: конфедератъ скоро умеръ. Рюльеръ говоритъ, что его добила русскіе солдаты, но это едва ли справедливо. Вообще, смерть этого человѣка была началомъ бѣдствій для конфедератовъ: около половины дивизіи, подвластной Савѣ, погибло въ несчастный день 26 апрѣля, остальныхъ жестоко преслѣдовали,

и ни одинъ конфедератъ не избѣжалъ смерти. Сава имѣлъ много приверженцевъ въ Варшавѣ, велъ съ ними тайную переписку, и когда былъ раненъ, передалъ всѣ свои бумаги въ вѣрныя руки, чтобы не выдать своихъ единомышленниковъ. Спаса ли тотъ, кому онъ довѣрялъ переписку, когда оставлялъ войско, неизвѣстно; но только Русскіе, при всемъ своемъ стараніи, не могли ничего открыть.

Между тѣмъ первыя схватки Пулавскаго съ непріятелемъ нѣсколько ободрили конфедератовъ. Но когда ночью онъ напалъ на Русскихъ, какъ получилъ извѣстіе о гибели тѣхъ отрядовъ, которыми командовалъ Сава. Эта печальная вѣсть растроила всѣ его предположенія; кромѣ того силы его были ослаблены отдѣленіемъ одного отряда для наблюденія за переходомъ непріятеля черезъ рѣку Дунавецъ. Другіе отряды рассыпались по окрестностямъ для собранія контрибуціи и для фуражировокъ; Дюмурье находился въ Бялѣ, Валевскій и Моженскій въ Заторѣ. Когда Девицъ занялъ Варшаву съ полуторатысячнымъ русскимъ отрядомъ, Суворовъ, не боясь уже соперничества храбраго Савы, который въ это время умиралъ отъ раны, повелъ три тысячи человекъ въ атаку противъ одного Пулавскаго. Тревожимый со всѣхъ сторонъ летучими отрядами Русскихъ, которые слѣдили за каждымъ шагомъ конфедератовъ, Пулавскій соединился съ Валевскимъ и Моженскимъ, и они рѣшили обсудить въ совѣтъ свое положеніе. Валевскій совѣтовалъ атаковать Русскихъ на всѣхъ пунктахъ, Пулавскій представлялъ бесполезность и опасность этой мѣры; онъ настаивалъ на томъ, чтобы взять непріятеля съ фронта и его предложеніе было принято. Конфедераты раздѣлили свои силы на три части. Но на другой же день Пулавскій былъ окруженъ казаками и лишился всей своей артиллеріи; черезъ нѣсколько часовъ, онъ настигъ казаковъ, въ свою очередь атаковалъ ихъ, разсѣялъ, снова отнялъ артиллерію, и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ начальникъ русскаго отряда бѣжалъ съ ничтожной горстью людей, спасаясь отъ плѣна. Въмѣсто того, чтобы, воспользовавшись этой побѣдой, напасть на другіе русскіе отряды и загнать ихъ въ болота, Пулавскій повернулъ на Савъ, къ Замосцю. На переправѣ черезъ Савъ онъ снова былъ встрѣченъ Русскими, перешелъ рѣку въбродъ, опрокинулъ непріятеля, взялъ въ плѣнъ до 140 Русскихъ и вошелъ въ Замосць. Но, измѣнивъ прежденачертанному плану, онъ самъ приготовилъ себѣ гибель. Въ письмѣ, которое Пулавскій получалъ, выходя снова изъ Замосця, Дюмурье упрекалъ его за отступленіе

отъ плана. Задорный конфедератъ, задѣтый за живое, отвѣчалъ Дюмурье довольно жестко. Дюмурье отправлялъ къ нему приказъ—соединиться съ другими отрядами, угрожая отдать водъ судъ за трусость. Пулавскій удержалъ посланнаго—и не повиновался. Этотъ странный капризъ очень дорого стоилъ конфедератамъ и доказалъ притомъ, что Польшѣ не на кого было надѣяться, что у нея не было главнаго—людей. Всѣ предводители конфедератовъ, въ томъ числѣ и самъ Дюмурье, который съ восьмьюстами человекъ сѣвшилъ отвратить грозящую опасность, были атакованы Суворовымъ и Девяцемъ и разбиты по частямъ. Патриоты лишились очень многого въ этой несчастной битвѣ: нѣсколько знатныхъ конфедератовъ, въ томъ числѣ молодой князь Сашѣга, были убиты; Моженскій и другіе взяты въ плѣнъ; Дюмурье спасся только тѣмъ, что Моженскій отдалъ ему свою лучшую лошадь. Поплатился и виновникъ этого несчастія, Пулавскій, за свою неумѣстную запальчивость. Для Суворова ничего не значило пройти форсированнымъ маршемъ какія-нибудь сорокъ миль, раздѣлявшія его отъ той горсти конфедератовъ, которую Пулавскій повелъ на Замосць. Русскій авангардъ пробился сквозь дефиле, заграждавшія путь къ этому городу и защищаемыя отрядами Поляковъ; Суворовъ настигъ Пулавскаго на походѣ и, не давъ роздыха изнуреннымъ солдатамъ, послѣ огромнаго усиленнаго перехода, повелъ войско въ атаку, уничтожилъ всѣ усилія конфедератовъ и лишилъ ихъ послѣдней надежды. И Поляки, и Русскіе были изнурены до послѣдней крайности; цѣлыя пять сутокъ Суворовъ гнался за конфедератами по пятамъ, не обращая, по обыкновенію, вниманія на утомленіе и гибель своихъ солдатъ, и эти солдаты, уже испытавшіе обаяніе побѣдъ подъ начальствомъ даровитаго генерала, снова дѣлались побѣдителями. Пулавскому ничего не оставалось больше, какъ спасать остатки своей арміи, изнуренной и почти уничтоженной, и онъ спасъ этотъ ничтожный остатокъ, но не надолго. Русское войско дѣлало въ это послѣднее время такіе неимовѣрные переходы, употребляло такіе усилія, что даже Суворовъ не рѣшился вести его вслѣдъ уходящему Пулавскому, хотя, быть можетъ, не потому поступилъ такъ великодушно, что сберегалъ своихъ солдатъ, а просто по расчету, будучи увѣренъ, что конфедераты не уйдутъ отъ Русскихъ, куда бы ни направлялись: въ продолженіе семнадцати дней онъ заставилъ свое войско пройти около ста миль, и въ промежутокъ каждыхъ сорока осьми часовъ давалъ по одному или по нѣсколькѣ сраженій. Онъ

далъ Пулавскому возможность довести остатки своей дивизіи до Ченстохова; однако вся артиллерія конфедератовъ досталась побѣдителямъ. Только въ Ченстоховѣ Пулавскій узналъ, что прочія дивизіи разбиты и уничтожены, начальники войскъ убиты или взяты въ плѣнъ, и только тогда понялъ онъ разумность предостереженій Дюмурье. Но было уже поздно; послѣ ранъ, нанесенныхъ конфедератамъ тяжелой рукой Суворова, трудно было поправиться. Быстрота дѣйствій его лишила Поляковъ всякой возможности сопротивленія, потому что онъ появлялся вездѣ, гдѣ только могла собраться горсть патриотовъ, и вездѣ дѣйствовалъ одинаково круто, безпощадно. Передъ нимъ предводители Поляковъ, не исключая и Пулавскаго, оказались слишкомъ ничтожными полководцами, тѣмъ болѣе, что Суворовъ располагалъ значительными силами. Онъ оказывалъ Пулавскому особенную любезность, несвойственную обыкновеннымъ угловатымъ манерамъ, которыми такъ извѣстенъ русскій генералъ. О Пулавскомъ онъ всегда отзывался съ похвалою, возвратилъ ему одного изъ его родственниковъ, взятаго въ плѣнъ, и прислалъ даже какую-то фарфоровую бездѣлушку, съ которой Пулавскому было непріятно разстаться. Но возвращая игрушки конфедератамъ, Суворовъ не могъ возвратитъ Польшѣ того, чего она сама не умѣла сберечь,—самостоятельности.

Въ то время, когда Суворовъ добивалъ остатки арміи патриотовъ, Сальдернъ прибылъ въ Варшаву въ качествѣ защитника интересовъ польской короны, — назначеніе лестное и повидимому скромное: онъ долженъ былъ способствовать прекращенію внутреннихъ смуть, раздравшихъ Польшу. Но такъ какъ Поляки не понимали, откуда имъ ждать спасенія и относились враждебно къ тѣмъ, которые интересовались ихъ участью, то Сальдернъ позаботился о своей личной безопасности. Когда онъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, на границѣ дожидался его русскій отрядъ, въ числѣ вѣсти сотъ человекъ, въ сопровожденіи котораго и подъ прикрытіемъ двухъ пушекъ онъ проѣхалъ по взволнованнымъ провинціямъ республики и вступилъ въ Варшаву, гдѣ, какъ мы видѣли, происходили удивительныя вещи. Надо было имѣть слишкомъ мало сообразительности, чтобы не понять, что въ 1770 году, и много раньше, Польша не существовало уже, что политически умерла она гораздо прежде, чѣмъ сосѣднія державы вздумали дѣлить между собою ея распавшіяся на части территоріи.—Положительно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что имя польскаго королевства вычеркнуто было изъ списка

европейскихъ державъ вслѣдствіе посторонняго вмѣшательства, и напрасно бѣдный фантазеръ Косцюшко, черезъ четверть вѣка послѣ этого, разбитый при Мацѣвицахъ, кричалъ, падая съ лошади, «*finis Poloniae!*» — Еслибы онъ лучше понималъ исторію своей родины и видѣлъ, что Польша не существовала тогда, когда сосѣднія державы и не думали еще дѣлить ее, то онъ не сказалъ бы этой фразы и, быть можетъ, не увлекался бы напрасной надеждой возстановить то, что давно оказалось неспособнымъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. Но ни Поляки, ни Австрійцы, ни Фридрихъ II, ни даже Русскіе не понимали тогда этой простой истины и дѣйствовали каждый для своихъ цѣлей. Въ особенности же Поляки отличались замѣчательной наивностью: какъ дѣти, изломавъ дорогую игрушку, горько плачутъ надъ ея обломками, стараясь подобрать разбросанныя части, такъ и Поляки, которымъ судьба, или, вѣрнѣе, капризъ исторіи довѣрилъ храненіе такой дорогой вещи, какъ счастье миллионовъ народа, — разбивъ вмѣстѣ съ счастьемъ народа и свое собственное, благодаря своему легкомыслію, отсутствію гражданскихъ способностей и любви къ нижнимъ слоямъ населенія, — видѣли теперь съ отчаяніемъ, что погибаютъ на-вѣки, и, думая спасать себя, не догадывались, что, и спасшись, они не могутъ существовать на прежнихъ началахъ, именно — на пренебреженіи интересами всего населенія страны. Точно также ошибочно и бесполезно хлопотали они о своемъ спасеніи и тогда, когда Суворовъ уничтожалъ ихъ послѣдняго солдата — защитника, а Сальдернъ въѣзжалъ въ Варшаву съ пушками, вмѣсто кредитивныхъ грамотъ. Варшавскіе Поляки, вмѣсто того, чтобъ примкнуть къ одной изъ существовавшихъ уже партій и, усиливъ ее собой, вдохнуть въ умы націи единоплемяне, составили третью партію, которая натурально должна была ослабить и патріотовъ и роялистовъ, если только позволено выразаться такимъ образомъ, говоря о партіяхъ, бывшихъ въ то время въ Польшѣ. Варшавскіе Поляки составили такъ-называемую «патріотическую унію», — патріотическое единеніе интересовъ и стремленій, хотя единство это понималось ими какъ-то странно и едвали могло довести ихъ до добра. Впрочемъ, патріотическая унія существовала пока еще въ идеѣ, какъ проектъ, исполненіе котораго было въ непроглядной дали. Составленіемъ уніи руководилъ примасъ республики, а король, давно остававшійся въ тѣни, игралъ и въ этомъ случаѣ пассивную роль, не смотря на то, что самая идея единенія требовала его инициативы;

онъ былъ, впрочемъ, такъ ничтоженъ, что едвали какая-либо партія въ Польшѣ нуждалась въ его голосѣ; сдѣлавшись партизаномъ какой угодно политической идеи, примкнувъ къ какой угодно партіи, онъ все-таки оставался бы бесполезнымъ ея членомъ. Патріотическіе уніаты воображали, и совершенно напрасно, что они станутъ посредниками между конфедератами и Русскими и, умиротворивъ эти враждующія стороны, успокоивъ конфедератовъ и Русскихъ, сдѣлаютъ то, что послѣдніе предоставятъ счастливую Польшу ея собственной участи; они предполагали, что Русскіе, воевавшіе единственно противъ конфедератовъ, съ радостію возвратятся въ свое отечество, когда помощь ихъ окажется уже ненужною въ Польшѣ. Но эти дѣтскія иллюзіи могли придти только въ головы, которыя никогда не задумывались надъ рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ; эти иллюзіи доказываютъ только, что и въ Варшавѣ, и во всей Польшѣ, какъ и въ лагерѣ конфедератовъ, никто не хотѣлъ принять на себя трудъ разъяснить истинный смыслъ событій, которыя были положительно безнадежны. Какъ всякій опасный больной, Польша только одна не сознавала, въ какомъ она отчаянномъ положеніи, и все еще надѣялась жить. Что касается до Сальдерна, то для него какъ будто вовсе не существовало никакой патріотической уніи, и послѣдующія дѣйствія его доказываютъ, что онъ не обращалъ на нее ровно никакого вниманія. По прибытіи въ Варшаву онъ старался повидному вывѣдать о намѣреніяхъ каждой политической партіи въ Польшѣ и узнать мнѣнія ихъ предводителей, не подозревая еще, что опредѣленныхъ намѣреній никто изъ нихъ не имѣлъ, а всѣ бродили въ какомъ-то иракѣ. Онъ обращался и къ Чарторыжскимъ, которые дѣйствовали въ разладъ съ національными интересами, и къ министрамъ, которые рѣшительно не знали, какъ имъ дѣйствовать, и къ королю, который ровно никакъ ужъ не дѣйствовалъ. Подозрѣвая въ нихъ больше, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ имѣли, Сальдернъ старался сначала подвинуть ихъ на какія-либо добровольныя письменныя обязательства въ отношеніи къ правительству, котораго онъ былъ представителемъ въ Польшѣ, и говорилъ, — совершенно, впрочемъ, искренно, потому что раздѣлялъ на этотъ счетъ мнѣнія Панина, — что Россія не желаетъ ни поддерживать общественныя смуты въ странѣ, ни стѣснять у республики ея территорій. Но какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ зналъ, къ кому и съ чѣмъ обращаться, кого и чѣмъ при случаѣ напугать: партіи, враждебной королю, которая стояла за

низложеніе его съ престола, онъ умѣлъ шепнуть, что боится, какъ бы Австрія не навязала Польшѣ своего протектората, посадивъ на вакантный престолъ республики, вмѣсто природнаго Поляка, саксонскаго Нѣмца, принца Альберта, — и этимъ маневромъ хитрый Голштинецъ встревожилъ партизановъ саксонскаго дома, которые были плохими политиками, не умѣвъ даже разгадать Сальдерна. Саксонская партія сейчасъ вообразила, что она, дѣйствуя въ интересахъ принца Альберта, работаетъ не для себя, не для принца и не для Польши, а въ пользу Австріи и Кауница, и сомнѣніе въ самихъ себѣ парализировало такимъ образомъ ихъ собственную смѣлу. Сальдерну только этого и нужно было. Затронувъ національное самолюбіе Поляковъ, онъ легче управлялся съ ними. Онъ говорилъ о честолюбивыхъ притязаніяхъ саксонскаго правительства, котораго намѣренія должны были оскорблять гордое чувство патриотовъ; онъ называлъ не иначе, какъ шпионами всѣхъ, кто жилъ въ саксонскомъ дворцѣ въ Варшавѣ, и этой тактикой поставилъ себя въ непріязненные отношенія къ патриотической униі, и въ особенности къ примасу республики. Какъ человекъ раздражительный, онъ не умѣлъ остановиться вовремя и сталъ наконецъ обвинять унию въ антипатриотическихъ стремленіяхъ, хотя уния и называлась «патриотическою». Онъ прямо говорилъ, что все это — происки Саксоніи; что патриоты — слѣпые орудія Нѣмцевъ и т. д. Въ разговорѣ съ примасомъ, въ присутствіи короля, онъ не удержался отъ довольно жесткихъ выраженій насчетъ униі; онъ упрекалъ примаса его привязанностью къ интересамъ дрезденскаго двора, и при всякомъ удобномъ случаѣ бросалъ ему въ глаза это щекотливое обвиненіе. Такой целовкой тактикой Сальдернъ возстановилъ противъ себя всю партію, раздѣлявшую мнѣнія примаса, и хотя Польша достигла тогда такого жалкаго положенія, что въ отношеніи къ ней всякая тактика, не только неловкая, но даже самая нелогическая, была пригодною, однако такое поведеніе Сальдерна могло показаться не совсѣмъ благовиднымъ для другихъ европейскихъ державъ. Сальдернъ, впрочемъ, и знать, повидимому, не хотѣлъ, что думаютъ о его выходкахъ въ Европѣ, потому что былъ увѣренъ въ безопасности своей позиціи и въ беззащитности Польши. Онъ дотого довелъ примаса, что тотъ нашелся вынужденнымъ оставить Польшу, продалъ часть своихъ имѣній и разослалъ къ министрамъ мемуаръ, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ такому поступку.

Сальдернъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, не пробывъ и мѣсяца въ Варшавѣ. Прежде гласнаго заявленія миролюбивыхъ намѣреній своего правительства въ отношеніи къ республикѣ, онъ успѣлъ возбудить противъ себя недовѣріе всѣхъ партій и притомъ такъ, что они еще враждебнѣе стали смотрѣть одна на другую. Однихъ онъ нугалъ Саксонію, другихъ Австрію, третьихъ Пруссію. Приверженцамъ партій конфедератовъ онъ давалъ замѣтить, чтобъ они ни на что не надѣялись, потому что сосѣднія державы никакъ не рѣшятся принять дѣятельнаго участія въ ихъ судьбѣ, а напротивъ готовы воспользоваться горестнымъ положеніемъ республики. «Этому бульдогу очень хочется кинуться на васъ», говорилъ онъ Чарторыжскимъ, указывая на Фридриха. Такимъ образомъ, когда еще никто не зналъ о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и планахъ Сальдерна, уже всѣ не влюбили и боялись его. Наконецъ, когда 13 мая его извѣстили изъ Петербурга, что мирные переговоры между петербургскимъ кабинетомъ и Турціею подвигаются впередъ и что съ этой стороны нѣтъ уже никакой опасности, на другой же день Сальдернъ выступилъ передъ польскимъ народомъ съ торжественной деклараціей, въ которой объяснялась націи степень участія Россіи въ дѣлахъ республики. Какъ ни былъ официаленъ языкъ деклараціи, однако самый миролюбивый тонъ ея не могъ успокоить Поляковъ. Правда, какъ большая часть дипломатическихъ нотъ, декларація была довольно безцвѣтна, исполнена общихъ мѣстъ и прекрасныхъ фразъ; въ ней выражалось горячее, безкорыстное сочувствіе бѣдствіямъ страны, порицались нарушители общественнаго спокойствія и пр.; но и подъ этими успокоительными фразами Поляки видѣли что-то опасное для себя. Одно казалось несомнѣннымъ, что декларація обвиняла кого-то, приписывала начало общественныхъ беспорядковъ какимъ-то внутреннимъ врагамъ, не указывая прямо ни на кого и не касаясь ни одной партіи. Обвиненіе имѣло тотъ смыслъ, что эти домашніе враги подкапываются подъ самое зданіе свободы и величія республики, что какіе-то гибельные софизмы этихъ враговъ западаютъ опаснымъ зерномъ въ сердца людей слабыхъ и довѣрчивыхъ; что воображеніе ихъ воспламеняется несомнѣнными мечтами, въ сущности пустыми, но все-таки опасными для общества. Декларація не объясняетъ, кого разумѣетъ она подъ этими домашними врагами и на какіе гибельные софизмы и пустыя иллюзіи намекаетъ она, хотя, безъ сомнѣнія, тутъ рѣчь идетъ о конфедератахъ; но что такое разумѣлось подъ гибельными софизмами,—это могъ

объяснить только Сальдернъ, смотрѣвшій на событія съ исключительной точки зрѣнія и ставившій въ число софистическихъ парадоксовъ народныя права и даже чувство животнаго самосохраненія. Декларация признавала необходимость посторонняго вмѣшательства въ дѣла республики и обѣщала защиту всѣмъ гражданамъ, не принимающимъ участія въ общественныхъ смутахъ, и грозила войсками всѣмъ безпкойнымъ патриотамъ.

Патріотическая унія повидимому не приняла на свой счетъ неделикатныхъ намековъ, которыми исполнена декларация; оскорбилась—линии партія конфедератовъ, унія было все равно. Примасъ республики, намѣревавшійся удалиться изъ Польши вслѣдствіе безперемоннаго обхожденія съ нимъ Сальдерна, отложилъ свой отъѣздъ послѣ объявленія декларации. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда Сальдерна патріотическая унія имѣла нѣсколько засѣданій и на одномъ изъ засѣданій Сальдернъ изъявилъ желаніе присутствовать на совѣтѣ лично. Но онъ велъ себя въ этомъ собраніи такъ оскорбительно, съ такимъ презрѣніемъ отзывался о лучшихъ ея членахъ, что едва ли можно было рассчитывать на миролюбивый исходъ дѣла. Сальдернъ не стѣсняясь выражался, что во всей уніи нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ бы можно было говорить, и послѣ перваго засѣданія патріотовъ онъ объявилъ, что нога его не будетъ въ ихъ собраніи. Въ письмахъ, которыя Сальдернъ писалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, говорились еще менѣ лестныя для Поляковъ вещи, и Сальдернъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія, потому что упасть ниже того, какъ упала въ то время Польша, уже нельзя было: онъ говорилъ о ихъ безпечности, лѣности, тупости, неспособности къ дѣламъ; онъ обвинялъ ихъ въ отсутствіи чувства законности. И дѣйствительно, еслибы то, что говорилъ Сальдернъ, была ложь, Польша не довела бы себя до такого униженія, не погубила бы цѣлые милліоны подвластныхъ ей подданныхъ и не погибла бы сама. Нѣтъ, Поляки сами заслужили то презрѣніе, съ которымъ относились къ нимъ люди подобные Сальдерну, которые знали слабыя стороны тогдашняго польскаго общества, и его продажность, и отвращеніе къ серьезному труду, и крайнюю неспособность къ самоуправленію. При всемъ томъ Сальдернъ вооружилъ противъ себя всѣ партіи; даже съ приверженцами своего двора онъ обращался грубо и надменно, какъ съ противниками, и публично оскорблялъ ихъ, говоря въ глаза самыя жесткія истины. Національная гордость Поляковъ страдала ежеминутно; но они были безсильны помочь горю и даже не мо-

никали, что существеннымъ спасеніемъ для нихъ было полное единодушіе, общность интересовъ и стремленій, а не раздѣленіе на партіи. Видя такую страшную путаницу въ общественныхъ отношеніяхъ республики, Сальдернъ хотѣлъ сблизиться, по крайней мѣрѣ съ диссидентами; но и тѣ отказались отъ него. Вскорѣ по прибытіи въ Польшу, онъ пригласилъ въ Варшаву нѣкоторыхъ начальниковъ этой партіи, и когда они, сопровождаемые отрядомъ казаковъ, приближались къ Варшавѣ, то были захвачены на дорогѣ конфедератами, ограблены и вѣхали въ столицу на крестьянскихъ телѣгахъ. Сальдернъ предлагалъ имъ свое ходатайство передъ петербургскимъ дворомъ—и диссиденты не приняли даже этой протекціи. Все это болѣе и болѣе раздражало Сальдерна.

Примасъ рѣшился наконецъ покинуть Варшаву, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ спасти погибающую отчизну. Онъ простился съ королемъ, написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ объяснялъ причины своего удаленія изъ Варшавы, извѣстилъ объ этомъ министровъ всѣхъ иностранныхъ дворовъ, указавъ на всѣ оскорбленія, которымъ онъ подвергся, и уѣхалъ въ свое имѣніе, давъ торжественное обѣщаніе не возвращаться въ Варшаву до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ оставаться Сальдернъ. Тогда запальчивый Голштинецъ послалъ за нимъ отрядъ казаковъ и они привели несчастнаго примаса въ Варшаву, какъ военнопленнаго или государственнаго преступника. Первую ночь по возвращеніи въ столицу онъ провелъ въ своемъ дворцѣ, какъ арестантъ, съ часовыми у дверей и оконъ; наутро казаки перевели его въ частный домъ.

Поступокъ этотъ былъ слишкомъ громокъ, и Сальдернъ, компрометировавшій такими выходками чистоту намѣреній петербургскаго кабинета въ отношеніи къ Польшѣ, получилъ изъ Петербурга выговоръ, какъ отъ лица императрицы, такъ равно и отъ Никиты Панина. Сальдернъ, говорятъ современники, дрожалъ отъ досады, выслушавъ повелѣніе освободить примаса изъ—подъ ареста и извиниться передъ главою республики въ нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ; онъ долженъ былъ даже передать ему письмо Панина, въ которомъ онъ, говоря какъ удивила императрицу дерзость (*témerité*) Сальдерна, просилъ пріаса, въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, забыть прошедшее и не отказываться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Но Сальдерна ни что не остановило. Освободивъ примаса, онъ за-

садилъ подъ арестъ депутата курляндскаго дворянства, Говень, который протестовалъ противъ вмѣшательства въ дѣла Курляндіи.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ первой деклараціи Сальдерна явилась другая, болѣе жесткая, но и болѣе опредѣленнаго направленія, чѣмъ первая. Если первая возбудила неудовольствіе всѣхъ партій, то послѣдняя могла усилить его до крайней степени, если только это было возможно. Она направлена преимущественно противъ конфедератовъ, но, какъ и первая, не называетъ ихъ по имени, вслѣдствіе чего дозволяетъ себѣ выраженія самыя изысканныя, уже далеко не дипломатическія, выраженія, которыя конфедераты могли принять на свой счетъ и не принять. Почти на каждой строкѣ попадаются слова — «шайка грабителей», «толпы убійць», «гнусные разбойники на большихъ дорогахъ» и проч. Декларация говоритъ, что русскія войска получаютъ приказаніе преслѣдовать скопища злодѣевъ на всѣхъ дорогахъ и въ особенности въ окрестностяхъ столицы, брать ихъ въ плѣнъ и заковывать въ желѣза, какъ преступниковъ. И дѣйствительно, Сальдернъ приказалъ поставить висѣлицы по всѣмъ большимъ дорогамъ, а всего болѣе около Варшавы, и на реляхъ пріобрѣсти свои деклараціи. Заремба и Пулавскій отвѣчали на этотъ разъ прокламаціею или, скорѣе, манифестомъ, въ которомъ повергали на судъ общественнаго мнѣнія и свое поведеніе, и поступки Сальдерна. Но все было напрасно. Сальдернъ былъ вѣренъ своему призванію и не сходилъ съ дороги, на которую вступилъ съ самаго пріѣзда въ Варшаву. Генералъ Веймарнъ, командовавшій тогда русскими войсками въ Варшавѣ, напрасно старался противостать суровымъ распоряженіямъ Сальдерна, напрасно указывалъ ему на безразсудство его поведенія, и, наконецъ, истомленный въ борьбѣ съ упрямой волею Голштинца, не имѣя силъ выносить всего, на что вынуждали его распоряженія Сальдерна, рѣшился писать въ Петербургъ и просить отставки. Въмѣсто него присланъ былъ знаменитый Бибиковъ, тотъ самый, который черезъ два года командовалъ войсками, посланными противъ Пугачева. Но и Бибиковъ, своими болѣе мягкими отношеніями къ Полякамъ, вооружилъ противъ себя Сальдерна, который мѣшалъ ему на каждомъ шагу и во все вмѣшивался. Раздраженіе Сальдерна, какая-то болѣзненная желчность и подозрительность достигли крайнихъ предѣловъ; онъ сдѣлался еще мрачнѣе и непреклоннѣе, заперся въ своемъ домѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Присланный за тѣмъ, чтобы умиротворить націю и служить интересамъ короля, онъ, наконецъ, дошелъ до того,

что грозилъ и королю, и его родственникамъ секвестромъ ихъ имѣній.

Историки, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи и въ особенности къ Сальдерпу, единогласно утверждаютъ, что этотъ безцеремонный Голштинецъ только потому позволялъ себѣ такое обращеніе съ Поляками, что они другаго не заслуживали. Въ то время, когда провинціи отданы были на жертву всѣмъ ужасамъ гражданскихъ смутъ, когда по всей Польшѣ свирѣпствовалъ голодъ и дѣсныя области опустошала страшная моровая язва, такъ—называемая «черная смерть», отъ которой не избавился (1770 г.) и югозападныя губерніи Россіи, въ то время, когда паденіе республики казалось неизбежнымъ, Варшава и лучшіе города республики представляли удивленному глазу наблюдателя непрерывный рядъ праздниковъ, торжествъ и зрѣлищъ; высшія сословія республики, вѣчно жившія въ роскоши на счетъ пшенихъ классовъ и непривыкшія ни къ какому умственному труду, и правительственныя власти, начиная отъ короля до послѣднихъ коронныхъ чиновниковъ, веселились и забывали страну, точно сознавали, что жизнь и власть даны имъ не надолго, точно спѣшили воспользоваться жизнію и кончить ее самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которые,—или по своему гражданскому положенію, или по недостаточности средствъ,—не могли принимать участія въ безумной жизни магнатовъ, предавались ужасному пьянству и грубому разврату; пшение же классы городского населенія и вся голытьба жили грабежами, увеличивая беспорядочныя толпы конфедератовъ. Свѣжій человѣкъ чувствовалъ, что республикѣ не долго жить. Таковъ былъ Римъ, говорятъ эти историки, наканунѣ паденія имперіи; признаки неминуемой политической смерти видны были на Римлянахъ время Нерона и Калигулы,—тѣ же признаки носила Польша наканунѣ потери своей самостоятельности. Вотъ что давало пищу раздражительности Сальдерпа и оправдывало жесткость его поведенія, потому что обо всѣхъ Полякахъ, въ томъ числѣ и о конфедератахъ, онъ судилъ по тѣмъ образцамъ, которые видѣлъ въ Варшавѣ, которые пресмыкались передъ болѣе сильными, ползали передъ Сальдерпомъ и продавали ему и себя, и свое имя, и своихъ соотечественниковъ. Историки соглашались, что въ такой степени деморализованная нація недостойна была другой участи, какъ потерять автономію, къ которой была неспособна, и въ свою очередь стать рабою другихъ, менѣе деморализованныхъ націй. Только въ немногихъ конфедератахъ крутыя мѣры Сальдерпа

*

разбудили дремавшія добрыя чувства. Извѣстно, что часть Поляковъ, послѣ взятія русскими войсками Бара, успѣла бѣжать въ турецкія владѣнія, гдѣ, отъ времени до времени, и составлялись вооруженныя партіи патриотовъ, подъ предводительствомъ Красинскаго и Потоцкаго, лично враждовавшихъ другъ противъ друга. Хотя общее несчастье и примирило ихъ нѣсколько, но, къ сожалѣнію, и эти, столь извѣстные патриоты, были въ сущности людьми пустыми и, при всемъ желаніи, не умѣли принести ни малѣйшей пользы своему отечеству. Шлёссеръ называетъ и ихъ, какъ и Пулавскаго, людьми ничтожными во всѣхъ отношеніяхъ. Ссорясь ежеминутно изъ-за самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, эти представители патриотовъ бесполезно жили въ Турціи, не имѣя нравственнаго вліянія даже на крымскихъ Татаръ, отъ которыхъ Польша ожидала помощи. Только Сальдернъ вынудилъ ихъ отправить посольство къ султану и просить о защитѣ; но хотя Мустафа и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе, только обѣщаніе это навсегда осталось неисполненнымъ. Въ Курляндіи поднялся въ это время юный Зибергъ съ своимъ двухсотеннымъ отрядомъ; но что могла сдѣлать эта ничтожная горсть, предводительствуемая мальчикомъ, противъ стройныхъ войскъ Девнца и Суворова? Зибергъ былъ сынъ одного воеводы изъ древней курляндской фамиліи. Бѣдствія Польши воспламенили его молодую фантазію, и онъ, тайно отъ отца, собравъ небольшой отрядъ волонтеровъ и приготовивъ его къ перенесенію всѣхъ трудностей войны, рѣшился идти на помощь конфедератамъ. Открывъ отцу свои намѣренія, онъ просилъ у него благословенія на рыцарскій подвигъ, и отецъ благословилъ его. Но такихъ юношей, какъ Зибергъ, не много было въ Польшѣ и они не могли спасти ее, потому что было уже поздно спасать то, что погибло навсегда.

Намъ кажется, что только отчаяніе поддерживало еще слабѣвшія силы Пулавскаго и Зарембы, которые не только должны были отстаивать Ландскрону, Калишъ, Ченстохово и Тырнякъ отъ неутомимыхъ приступовъ Суворова и Девнца, но и отбиваться отъ своего соотечественника, Ксаверія Браницкаго, предводительствовавшего королевскими войсками. Выше мы говорили о его стычкахъ съ Савою и о томъ, какое негодованіе возбудилъ этотъ переметчикъ во всѣхъ патриотахъ. Теперь, когда явилась декларация Сальдерна, онъ взялъ на себя трудъ оповѣстить о ней въ разныхъ воеводствахъ и постараться приготовить умы въ провинціяхъ къ принятію убѣжденій, которыя онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ. Но странно исполнялъ

онъ принятую на себя обязанность. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать убѣжденіемъ, онъ явился въ провинціяхъ чистымъ завоевателемъ. Самое поведеніе этого измѣнника далеко не располагало въ его пользу: въ пьяномъ видѣ онъ дѣлалъ разныя жестокости съ конфедератами; онъ приказывалъ приводить къ себѣ плѣнныхъ и разрубалъ ихъ своею саблею. Имѣя съ собою значительный отрядъ кавалеріи, три полка уланъ и нѣсколько пѣхоты, Браницкій напалъ на Ченстохово, защищаемое Пулавскимъ, но былъ отбитъ конфедератами, и на другой день просилъ Пулавскаго о свиданіи, надѣясь, конечно, — и совершенно напрасно, — на свое краснорѣчіе больше чѣмъ на свою саблю, которая у него удачно дѣйствовала только съ плѣнными и безоружными. Но и краснорѣчіе не помогло Браницкому, какъ не помогла сабля. Нечего было и думать, чтобы предложенія его могли согласоваться съ видами Пулавскаго, однако онъ не отказался отъ свиданья, хотя могъ и безъ свиданья знать, чего потребуетъ отъ него слуга Сальдерна. На всѣ доводы и обѣщанія Браницкаго онъ отвѣчалъ положительными опроверженіями; онъ отвѣчалъ не менѣе любезно и на угрозы Ксаверія. Такъ какъ Пулавскій зналъ, что ждать ему отъ Браницкаго нечего и что не добиться ему толку отъ этого господина, то, не желая продолжать бесполезнаго разговора, сказалъ, что онъ, какъ начальникъ одного отряда, не смѣетъ говорить отъ лица всѣхъ конфедератовъ и потому не имѣетъ права ни соглашаться на какія бы то ни было предложенія, ни отвергать ихъ. Съ тѣмъ они и разстались. Но Пулавскій не хотѣлъ простить ему дерзости, съ которою тотъ осмѣлился напасть на него въ Ченстоховѣ, и, ровно черезъ двадцать четыре часа послѣ свиданья, атаковалъ отрядъ Браницкаго, разбилъ его и, захвативъ въ плѣнъ до тридцати солдатъ и трохъ офицеровъ, отослалъ ихъ опять къ Браницкому. Браницкій, желая поправить неудачу и выместить на комъ-либо свой стыдъ, пытался обмануть Зарембу или, по крайней мѣрѣ, склонить его на свою сторону обѣщаніями. Но, подобно Пулавскому, и Заремба не дался въ обманъ, а напротивъ, задѣтый за живое тѣмъ, что Браницкій обратился къ нему послѣ Пулавскаго, какъ бы воображая, что Зарембу легче обмануть и напугать, онъ еще рѣшительнѣе отказался отъ всякихъ переговоровъ. Только на этотъ разъ сабля нѣсколько болѣе помогла Браницкому: напавъ послѣ того на Зарембу, онъ уничтожилъ часть его авангарда, причѣмъ былъ убитъ и командиръ отряда. Тогда Заремба рѣшился поправить и свою неудачу: при помощи Мазовецкаго, молодого энту-

зѣста, игравшаго довольно видную роль во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ конфедератовъ, онъ совершенно истребилъ отрядъ Браницкаго. Битва была такъ удачна, что побѣдители успѣли захватить двухъ полковниковъ, двадцать офицеровъ, множество знатныхъ волонтеровъ, до трехъ сотъ солдатъ и болѣе двухъ сотъ лошадей. Самъ Браницкій, подъ которымъ убиты были двѣ лошади, получилъ рану и съ трудомъ успѣлъ убѣжать отъ Мазовецкаго.

Все это происходило въ небольшой промежутокъ времени между изданіемъ первой и второй деклараціи Сальдерна. Последняя, какъ мы замѣтили, не только произвела сильное впечатлѣніе въ умахъ конфедератовъ, но болѣзненно отозвалась во всей Польшѣ, потому что иначе и быть не могло. Въ этомъ случаѣ Сальдернъ сдѣлалъ самую грубую ошибку, на которыя онъ былъ очень способенъ, и Панинъ никогда бы не простилъ ему такого страннаго поведенія, еслибы ошибки конфедератовъ, на которыя и они были способны не менѣе Сальдерна, не поправили дѣла и не вывели Панина изъ затрудненія. Конфедераты, оскорбленные обидными выраженіями, направленными противъ нихъ во второй деклараціи, оказались деликатнѣе Сальдерна и отвѣчали, какъ мы сказали, манифестомъ, въ которомъ не было ничего жесткаго и оскорбительнаго для Россіи. Манифестъ этотъ могъ поправить нѣсколько ихъ дѣла, еслибы они послѣ того не надѣлали кучу глупостей. Правда, въ манифестѣ они хвастались своими побѣдами, которыя были довольно ничтожны; но въ то же время они зывали къ единодушію націи, о чемъ бы слѣдовало давно подумать, а не начинать съ конца, какъ они начали. Манифестъ производилъ сильное дѣйствіе вездѣ, куда ни пропикалъ; въ Подоліи и на Волыни онъ привлекъ въ ряды конфедератовъ значительныя силы, такъ что войско ихъ снова достигло той цифры, какая была въ началѣ весны этого года, когда конфедераты не терпѣли еще пораженій ни отъ Девица, ни отъ Суворова, и когда дивизія Савы была цѣла и самъ онъ былъ еще живъ. Манифестъ этотъ сдѣлалъ то, что они держались въ своихъ крѣпостяхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, несмотря на всѣ успѣхи Русскихъ выгнать ихъ изъ Ландскроны, Тырияка и Чепстохова. Франція снова прислала имъ своихъ офицеровъ, которые были все-таки дѣльнѣе конфедератовъ и приносили имъ не малую пользу, особенно когда послѣдніе слушались ихъ совѣтовъ, а не умствовали сами и не ссорились съ ними и между собой. Наконецъ, много надежды возлагали конфедераты на битву, куда Пулавскій коман-

дировалъ Коссаковского съ четырьмя стами человекъ. Личность Коссаковского какъ-то невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, не потому, чтобъ это была особенно-даровитая натура, — во всѣхъ отношеніяхъ онъ стоялъ гораздо ниже и Пулавскаго и Зарембы, и Савы, но вся жизнь его поситъ на себѣ печать какой-то страстности и непостоянства, — непостоянства въ убѣжденіяхъ, чувствахъ, политическихъ правилахъ и проч. Страстный патриотъ въ молодости, онъ дѣлается непримиримымъ врагомъ своихъ юношескихъ убѣжденій, врагомъ родины, предметомъ ненависти всѣхъ соотечественниковъ и кончаетъ жизнь самымъ позорнымъ образомъ. Партизанъ саксонскаго дома и лично привязанный къ партіи Радзивилловъ, онъ ненавидѣлъ Понятовскаго, и когда тотъ вступилъ на престолъ, явился въ Варшаву только за тѣмъ, чтобы вредить королю и словомъ, и дѣломъ. Пустой по природѣ, онъ скорѣе желалъ играть видную роль, чѣмъ принести дѣйствительное добро своей родинѣ; роли его жизни, пожалуй, и были громки, но безплодны, и, наконецъ, причинили не мало зла тому дѣлу, за которое онъ стоялъ въ молодости. Открыто порпядая короля, онъ навлекъ на себя преслѣдованія и едва не былъ схваченъ, хотя за смѣлость свою заплатился раной и долженъ былъ бѣжать изъ Варшавы. Онъ отправился въ Турцію, куда обыкновенно спасались патриоты изъ своего несчастнаго отечества. Въ Турціи онъ былъ принятъ за русскаго шпіона, бѣжалъ оттуда, но недалеко отъ границы пойманъ Татарами. Случай помогъ ему спастись и здѣсь, какъ въ Варшавѣ: онъ воспользовался минутнымъ смущеніемъ страны, послѣдовавшимъ за насильственной смертію великаго визиря, и бѣжалъ въ Польшу, гдѣ и сталъ въ ряды конфедератовъ. Пулавскій потому послалъ Коссаковского въ Литву, что многіе изъ литовскихъ патриотовъ сами просили объ этомъ конфедератовъ. Саксонія дала Полякамъ небольшую сумму денегъ для покупки двухъ тысячъ ружей и пяти сотъ сабель, собственно для Литвы, которая была опустошена неприятельскими отрядами; Литовцы просили оружія и звали къ себѣ конфедератовъ, чтобы, соединившись съ ними, вторгнуться въ русскія провинціи. Коссаковский совершилъ, какъ говорятъ, замѣчательный походъ въ Литву, походъ, соединенный съ страшными трудами и опасностями, но и необыкновенно счастливый для конфедератовъ. Нѣкоторые польскіе историки называютъ этотъ походъ баснословнымъ, хотя въ немъ замѣчательнаго собственно ничего не было. Правда, Коссаковский дѣйствовалъ удачнѣе другихъ кон-

федератовъ, шелъ быстро, не былъ покуда ни разу разбитъ, но, можетъ быть, потому только, что судьба не патолкнула его на Суворова, а посылала, на его счастье, партіи русскихъ рекрутъ, которыхъ онъ и разбивалъ, потому что разбить ихъ было не трудно. Какъ бы то ни было, но онъ успѣлъ надѣлать много шуму. Куда ни являлась его маленькая армія, онъ всѣхъ умѣлъ расположить въ свою пользу: захватывая партіи рекрутъ, онъ спрашивалъ, кто изъ плѣнныхъ желаетъ поступить въ ряды конфедератовъ, и бралъ въ свою армію охотниковъ, а другихъ, не желавшихъ перейти на его сторону, отсылалъ безъ всякой обиды и притомъ еще ласково говорилъ имъ: «Подите и передайте вашему посланнику (онъ разумѣлъ Сальдерна) какъ съ вами обходятся конфедераты и скажите ему, если только смѣете, что воры (какъ называлъ Сальдернъ конфедератовъ) ограбили и обидѣли васъ.» Молва о его подвигахъ съ рекрутами и быстромъ движеніи на Литву достигла Курляндіи, и два курляндскихъ дворянина, привлеченные въ Литву шумомъ, надѣланнымъ походомъ Коссаковскаго, соединились съ нимъ, усиливъ его отрядъ пятьюстами человекъ. Коссаковскій очутился наконецъ у Вильно, захватилъ у самыхъ стѣнъ города болѣе ста лошадей и нѣсколько русскихъ солдатъ, которые сторожили этотъ табунъ, разбилъ довольно сильный отрядъ, посланный ему навстрѣчу, взялъ въ плѣнъ самого начальника и двухъ офицеровъ и, въ негодованіи на опустошенія, которымъ подвергалась несчастная страна во все время польскихъ смутъ, написалъ виленскому коменданту письмо, которое дѣлаетъ ему большую честь, заятнанную впоследствии, въ годы зрѣлаго мужества. Онъ указывалъ на грабежи и опустошенія, которые приписывалъ распоряженіямъ коменданта и прибавлялъ, что на конфедератовъ, напротивъ, не пожалуется никто изъ жителей. Коссаковскій писалъ между прочимъ, что, разбивъ отрядъ, высланный комендантомъ, онъ захватилъ въ русскомъ обозѣ не столько оружія, сколько женскаго платья и прочихъ награбленныхъ вещей. Онъ укорялъ этимъ коменданта; указывалъ на всю возмутительность такихъ поступковъ его арміи: «Недостатокъ въ докторахъ обязываетъ меня отдать вамъ обратно двухъ раненыхъ офицеровъ и двадцать плѣнныхъ солдатъ; что же касается до начальника отряда, то я оставляю его у себя плѣннымъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, и увѣряю васъ, что съ ними будутъ обходиться у меня болѣе человѣчно, чѣмъ поступаете вы съ нашими согражданами, захваченными въ ихъ собственныхъ домахъ и содержа-

щивши въ Вильнѣ въ тѣсной тюрьмѣ». Коссаковскій предлагалъ наконецъ обити плѣнныхъ. Комендантъ не отвѣчалъ на письмо и даже отвергнулъ предложеніе о разбитіи плѣнныхъ.

Армія Коссаковского постоянно росла. Одинъ отрядъ былъ присланъ къ нему Радзивилломъ. Коссаковскій явился наконецъ въ Курляндію и назначилъ приемъ рекрутъ, съ помощью суммъ, которыя пожертвовало ему курляндское дворянство, недовольное Биронами и желавшее выгнать ихъ изъ Митавы. Коссаковскій рѣшился разослать по всему герцогству особый манифестъ, чтобы подвинуть страну къ возстанію; но Русскіе перехватили его публикаціи. Однако герцогъ долженъ былъ удалиться въ Ригу и Коссаковскій наводнилъ своими отрядами почти все герцогство, удачно дѣйствуя противъ русскихъ отрядовъ. Онъ намѣревался даже идти на Смоленскъ, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, еслибы въ Литвѣ не постигли несчастія Браницкаго (не Ксаверія) и Огньскаго, на которыхъ Коссаковскій и всѣ конфедераты возлагали не малыя надежды.

Огньскій, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, былъ человѣкъ мало къ чему способный, исключая развѣ искуснаго писанья мадригаловъ, сонатъ, картинокъ, что все, говорятъ, возбуждало въ Понятовскомъ бѣшеную зависть; государственныя дѣла были имъ обонимъ не по плечу. Но когда послѣдній взошелъ на престолъ къ вѣщей зависти перваго и когда къ этому присоединилось еще то, что король прибѣгнулъ къ покровительству Русскихъ, старая вражда между этими двумя родственниками, вражда собственно изъ-за пустяковъ, изъ-за сонатъ и мадригаловъ, должна была кончиться серьезнымъ дѣломъ. Чтобы успокоить чѣмъ-нибудь самолюбіе Огньскаго, его сдѣлали великимъ короннымъ гетманомъ литовскимъ. Но и этотъ высокій постъ не мѣшалъ ему остаться все тѣмъ же артистомъ, а личный антагонизмъ къ королю, рано-ли, поздно-ли, долженъ былъ разрѣшиться открытой борьбой и, слѣдовательно, принести новыя бѣдствія странѣ. Браницкій, напротивъ, уже давно питалъ вражду къ королю за его отношенія къ Русскимъ; а послѣ изгнанія изъ Польши эта вражда успѣлась въ немъ еще болѣе. Само собою разумѣется, что онъ былъ врагомъ русской партіи, и, возвратясь изъ изгнанія, несмотря на тяжкую болѣзнь, дѣятельно помогалъ конфедератамъ деньгами и людьми, хотя уже не могъ, какъ прежде, предводительствовать войскомъ. Большой старикъ жилъ въ своей богатой резиденціи, окруженный блескомъ и великолѣпіемъ, и, поддерживая постоянныя сношенія съ кон-

федератами, искусно завлекалъ въ свою партію Огиньскаго. Огиньскій, съ своей стороны, не могъ не сочувствовать конфедератамъ, и хотя не смѣлъ обнаружить истинныхъ чувствъ къ патріотамъ, тѣмъ не менѣе становился иногда посредникомъ между ними и Русскими. Король слишкомъ хорошо зналъ своего прежняго соперника, чтобы не догадываться, какую дорогу избереть онъ впоследствии, а между тѣмъ Русскіе уже съ безпокойствомъ наблюдали за поведеніемъ гетмана. Огиньскій, подъ предлогомъ образованія кордонной линіи для защиты страны отъ моровой язвы, замѣтно увеличивалъ свою армію, усиливая тѣмъ и подозрѣнія Русскихъ; наконецъ, онъ пытался привлечь и короля на свою сторону, чтобы дѣйствовать соединенными силами противъ Русскихъ; но король не хотѣлъ и слышать о его предложеніяхъ и только повторялъ со страхомъ: «онъ погубитъ меня и себя погубитъ». Сальдернъ, какъ и слѣдовало ожидать, не дремалъ, и зорко, насколько хватало у него политической зоркости, слѣдилъ за всѣми движеніями гетмана; уже давно поведеніе Огиньскаго казалось ему двусмысленнымъ; онъ не разъ говорилъ королю, что надо принять какія-нибудь мѣры къ пресѣченію своевольствъ гетмана, что его слѣдуетъ наказать, или, наконецъ, конфисковать имущество этой, какъ онъ выражался, «разбойничьей фамиліи». Сальдернъ доказывалъ королю, что Огиньскій — опасный человекъ (какъ увидимъ ниже, Сальдернъ ошибался, потому что такіе люди, какъ Огиньскій, не опасны) и писалъ объ этомъ своему двору. вмѣстѣ съ издашемъ своей первой деклараціи Сальдернъ отправилъ къ Огиньскому особенное письмо, въ которомъ, выражая самыя, повидимому, нѣжныя чувства къ гетману, называя его достоуважаемымъ и милымъ другомъ, довольно несдержанно упрекалъ его въ сомнительности поведенія, въ составленіи заговора противъ своего отечества, въ возбужденіи общественныхъ смуть и проч. «Возможно ли повѣрять (писалъ онъ), чтобы другъ мой, столь достойный уваженія, которое я питаю къ нему, способенъ былъ впасть въ подобную крайность? Что скажетъ вся Европа, которая васъ знала? Что подумаетъ императрица россійская, которая всегда отличала васъ? Но теперь уже не время притворяться; надо снять маску, чтобы видѣть, къ чему ведутъ ваши гибельныя ковы, ваши преступныя намѣренія, какое бѣдствіе готовятъ они отечеству,» и т. д. Именемъ императрицы онъ требовалъ его въ Варшаву, чтобы гетманъ лично, изъ устъ Сальдерна, узналъ о намѣреніяхъ петербургскаго двора; именемъ

императрицы онъ приказывалъ ему распустить войска, доказывая, что жоровая язва не требуетъ особой кордонной линіи; онъ напоминалъ ему, что многіе офицеры и солдаты, находящіеся въ войскѣ гетмана, были взяты въ плѣнъ русскими войсками и освобождены на честное слово—не поддерживать смуть. «Ваша рука мнѣ очень хорошо знакома,» говорилъ онъ, давая тѣмъ понять, что знаетъ нѣкоторыя распоряженія Огньскаго, враждебныя Россіи и скрѣпленныя его подписью, и грозилъ, что генераль Веймарнъ будетъ поступать съ войскомъ гетмана какъ съ неприятельскимъ. «Я бы могъ этимъ кончить свое письмо,» прибавлялъ онъ. «Русскому посланнику нечего болѣе прибавлять къ нему... Но другъ, который вамъ преданъ истинно, человекъ васъ любящій, который много лѣтъ знаетъ васъ и котораго сердце желаетъ вамъ добра, имѣетъ сказать еще два слова. Хотите ли вы оставаться глухи къ моему совѣту, совѣту того, который страстно желаетъ соединиться съ вами для блага и счастья вашего отечества и который считаетъ невозможнымъ, чтобы вы могли противиться силѣ истины, которую вы услышите изъ моихъ устъ?» и т. д. Огньскій отвѣчалъ ему на это очень любезно, но въ Варшаву не поѣхалъ и войска не распустилъ. Письмо его дышетъ ироніей, которая, повидимому, очень не понравилась Сальдерну, потому что Огньскій весьма остроумно замѣчалъ, что декларация и письмо писаны не однимъ лицомъ; что Сальдернъ, соединяя въ своей особѣ и посланника, и друга Огньскаго, могъ бы лучше знать, что другъ его неспособенъ на то, въ чемъ упрекаетъ его посланникъ. Наконецъ, онъ просилъ Сальдерна—друга попросить Сальдерна-посланника быть помягче, переимѣнить о немъ свое мнѣніе, отогнать недостойныя подозрѣнія насчетъ поступковъ гетмана и проч. Естественно, что Сальдернъ отвѣчалъ возраженіемъ, но уже, на этотъ разъ, въ тонѣ его письма не было той мягкости, какая замѣтна въ первомъ: тутъ онъ положительно отрекается отъ дружбы съ человекомъ, который «такъ легко играеть этимъ священнымъ именемъ,» и снова приказываетъ Огньскому исполнить его прежнія распоряженія—явиться въ Варшаву и распустить войско. Огньскій и послѣ этого не повиновался. Мало того: 6-го сентября онъ напалъ на русскій отрядъ, посланный для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій со стороны Огньскаго, захватилъ въ плѣнъ до шести сотъ человекъ, и возвращая офицерамъ свободу, обязалъ ихъ честнымъ словомъ не сражаться противъ конфедератовъ. Самъ начальникъ отряда былъ

убить въ сраженіи, и въ бумагахъ его Огинскій нашелъ такіе документы, которые бросали невыгодную тѣнь на короля и Сальдерна. Улику эту, какъ бы въ оправданіе послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій своихъ, Огинскій посѣшилъ препроводить въ Варшаву, давая тѣмъ знать, что онъ поступилъ честно, отразивъ ударъ, который готовились нанести ему скрытно, не объявивъ формальнаго разрыва. Освобождая плѣнныхъ, Огинскій вручилъ имъ такого рода бумагу, собственноручно подписанную: « скажите вашему посланнику (Сальдерну), что онъ никого не долженъ обвинять, какъ только самого себя, въ томъ, что Литовцы рѣшились защищаться съ оружіемъ въ рукахъ; скажите ему, что русскія войска не непобѣдимы; что успѣхами своими они обязаны только интригамъ, которыя до сихъ поръ раздѣляли конфедератовъ на партіи. Вашъ министръ найдетъ васъ цѣлыми и невредимыми: васъ не мучили, не ограбили и не влекли за войсками, какъ плѣнныхъ, чтобы унижать и издѣваться надъ вами; мы уважаемъ и вашу личность, и ваше мужество, и, въ свою очередь, мы и васъ заставимъ уважать наше человѣческое достоинство » и т. д. Отпуская плѣнныхъ, онъ позаботился даже обо всемъ для нихъ необходимомъ; онъ далъ имъ конвой провожатыхъ и строжайшимъ образомъ приказалъ оказывать плѣннымъ всевозможное уваженіе.

Это были послѣдніе и почти единственные успѣхи конфедератовъ. Движеніе въ Литвѣ было предсмертною агоніею патріотовъ, поздно одумавшихся, да и то едва ли одумавшихся какъ слѣдуетъ. Открытое присоединеніе Огинскаго къ конфедератамъ, сдѣланное такъ неожиданно и ознаменованное такимъ громкимъ дѣломъ, какъ побѣда надъ Русскими, воскресило надежду въ умахъ патріотовъ. Переходъ такого важнаго въ государствѣ лица, какъ коронный гетманъ, на сторону антикоролевской партіи, произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: тутъ были и радость, и удивленіе, и надежда, и страхъ послѣдней гибели государства; одни были убѣждены въ томъ, что этотъ новый союзникъ конфедератовъ неминуемо долженъ погибнуть и войско его уничтожится; другіе надѣялись, что Русскіе наконецъ будутъ вынуждены отступить изъ территорій республики и что недалеко радостный день освобожденія Польши. Надежды послѣднихъ казались дотогу сбыточными, что жена Огинскаго, еще такъ недавно думавшая отправиться къ своему мужу, рѣшилась теперь ожидать его прихода, какъ побѣдителя. Между тѣмъ Огинскій издалъ манифестъ, въ которомъ объ-

являлъ своимъ соотечественникамъ и всей Европѣ, что только отчаянное положеніе вынудило его дѣйствовать такъ самовластно, повидимому, противъ воли представителей республики. «Но гдѣ она, эта республика? (говорилъ онъ въ манифестѣ)... Наша республика, это обезлюженные города, разоренныя поля, опустошенныя земли, разрушенныя селенія; она вездѣ, наконецъ, гдѣ нѣтъ патриотизма, гдѣ нѣтъ правосудія, гдѣ сильный задавилъ слабого. Васъ, благородные конфедераты, сражавшихся подъ знаменами Красинскаго, васъ признаю я главами этой республики и моего отечества; вашимъ распоряженіямъ я повинуюсь; это мой долгъ.» Опъ обратился, наконецъ, и къ Литвинамъ, которыми командовалъ въ последнее время. Еще разъ, и послѣдній разъ, счастье улыбнулось Огньскому; но это было уже передъ грозой, передъ несчастьемъ, передъ роковымъ ударомъ для республики. Противъ него выступили шесть русскихъ полковъ съ тремя тысячами казаковъ, но потерпѣли рѣшительное пораженіе: много было убито со стороны Русскихъ, пять сотъ чело-вѣкъ взято въ плѣнъ; побѣдителю досталась войсковая казна, обозъ и всѣ военные припасы. Другой корпусъ, шедшій на помощь разбитому, не былъ счастливѣе перваго и не могъ помѣшати занятію Мниска. Силы Огньскаго росли ежеминутно; Поляки и Литвины со всѣхъ сторонъ стекались подъ его знамена; плѣнные охотно поступали въ ряды конфедератовъ; наконецъ, съ нимъ соединился и Коссаковский, который успѣлъ проникнуть съ своимъ корпусомъ въ русскіе предѣлы и послѣ труднаго и длиннаго перехода явился къ Огньскому въ то самое время, когда тотъ наиболѣе былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Но ни Огньскій, ни Коссаковский еще не встрѣчались съ Суворовымъ и потому могли предаваться мечтамъ; притомъ они еще не вполне знали, до какой крайней деморализаціи дошло ихъ отечество; сами Поляки продавали себя, какъ бы стараясь изъ всѣхъ силъ доказать, что они недостойны свободы; что выигрывалось личной храбростью, то губила измена; что приобрѣталось кровью тысячи несчастныхъ жертвъ, то продавалось за деньги, ради отличій и наградъ, или просто по личной мелочной мстительности оскорбленнаго тщеславія. Сами же Поляки продали и Огньскаго. Ему измѣнили два офицера его авангарда, и Суворовъ, извѣщенный ими обо всемъ, 23 сентября 1771 года напалъ на Поляковъ. Пораженіе послѣднихъ было полное; послѣ него имъ поправиться было уже невозможно, тѣмъ болѣе, что Суворовъ своими рѣшительными мѣрами нагналъ

ужась на всю Польшу. Менѣе чѣмъ въ часъ, Поляки потеряли все, что имѣли,—артиллерію, деньги, цѣлыя возы серебра и всѣ припасы; они лишились и всѣхъ выгодъ, добытыхъ трудными побѣдами Огиньскаго и Коссаковскаго. Самъ Огинскій описываетъ свое поражение въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, изъ Кёнигсберга, куда онъ успѣлъ бѣжать съ поля битвы. Битва была ночью въ Стреловичѣ. Утомленные безпрестанными переходами, солдаты Огинскаго не могли защищаться, потому что на нихъ напали врасплохъ. Измѣнники указали даже домъ, гдѣ находился Огинскій, и Русскіе прежде всего напали на это жилище. Огинскій едва успѣлъ сѣсть на лошадь, чтобы собрать свои отряды, и къ ужасу своему увидѣлъ, что его пѣхота обратилась въ бѣгство безъ оружія; кавалерія бѣжала въ другую сторону. Онъ просилъ, заклипалъ, приказывалъ остановиться, опомниться,—но его просьбы, его молебны, приказанья—все было бесполезно. Видя, что все погибло, онъ послалъ сказать кавалеріи, чтобъ она спасалась и соединялась съ войсками генеральской конфедераціи. «Но, прибавлялъ онъ, съ этой роковой минуты я не получалъ уже никакихъ вѣстей... Я потерялъ все—деньги, припасы, бумаги; но я никогда не потеряю ни моей твердости, ни моего мужества, ни рѣшимости, во что бы то ни стало, помогать моему отечеству». Лично Огинскій потерялъ все, что имѣлъ. Съ цѣлѣуными усиліями удалось ему пробраться въ Кёнигсбергъ. Трактирщикъ, у котораго онъ скрывался въ продолженіи трехъ дней, далъ ему средства переодѣться и удалиться въ Данцигъ, такъ что Русскіе не могли его настичь. Тамъ онъ встрѣтился съ Сашёгой, съ личнымъ врагомъ своимъ; но общее несчастіе сблизило ихъ и они общались другъ-другу взаимное содѣйствіе для спасенія своей родины. Огинскій лишился всѣхъ своихъ богатствъ, и въ бѣдности ему оставалось одно утѣшеніе—музыка, къ которой онъ былъ страстно привязанъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ пораженія при Стреловичѣ, умеръ и старикъ Бралицкій, въ которомъ конфедераты лишились послѣдней матеріальной поддержки. Коссаковскій успѣлъ спастись отъ Русскихъ; но австрійскія и прусскія войска нанесли и ему рѣшительное поражение.

Огинскій, увѣрившись наконецъ, что въ Литвѣ ему уже ничего нельзя было сдѣлать, нашелъ возможность присоединиться къ главной конфедераціи, которая находилась не въ лучшемъ положеніи. Судьба окончательно насмѣялась надъ Огинскимъ. Такъ какъ онъ любилъ

музыку и духи, то, говорятъ, императрица прислала ему духовъ и музыкальные инструменты «въ обмѣнъ на офицеровъ, которымъ онъ далъ свободу послѣ сраженія, бывшаго 6 сентября».

Конфедераты не знали, наконецъ, что предпринять. Оставалось еще одно средство — похитить короля, и они рѣшились на эту послѣднюю, странную попытку. Въ этомъ случаѣ конфедератами руководила та мысль, чтобы, вырвавъ короля изъ рукъ Сальдерна, поставить его въ головѣ патриотическаго движенія и заставить его убѣдиться, что они дѣйствуютъ во имя освобожденія отчизны, но что лично къ королю они не питаютъ никакой вражды и готовы поддерживать его всѣми силами, лишь бы онъ пересталъ быть орудіемъ чужой воли и изъ-за короны не продавалъ бы никому самостоятельности государства. Похищеніе короля казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что со дня объявленія польскаго трона вакантнымъ, жизнь Станислава-Августа подвергалась ежеминутной опасности: находилось много негодяевъ, которые искали случая убить его, какъ виновника всѣхъ бѣдствій страны, и, только благодаря легкомыслию заговорщиковъ, продажности, которая вошла въ плоть и кровь тогдашняго польскаго общества, и разномыслию безчисленныхъ партій, король спасался отъ смерти. Только проектъ похищенія короля удался конфедератамъ исполнить съ большимъ тактомъ и съ большою осмотрительностію, но, можетъ-быть, потому, что исполнителемъ его былъ человекъ вполне способный на подобнаго рода предпріятія и кромѣ того Пулавскій, хотя отчасти косвенно, руководилъ тайной экспедиціей. Пулавскій, удалившійся впоследствии въ Америку, когда уже не оставалось никакой надежды спасти Польшу и сражавшійся тамъ за свободу чуждаго ему народа, самъ часто рассказывалъ объ этомъ любопытномъ происшествіи (*). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой мелодрамѣ, для однихъ стоившей жизни, для другихъ кончившейся пустой комедіей, былъ Стравинскій, литовскій дворянинъ изъ Ковно, человекъ смѣлый, не глупый и вообще созданный для интригъ. Семейныя воспоминанія и личные чувства раздражали его противъ Русскихъ, а бѣдность, которую пришлось испытать ему, озлобила и безъ-того тревожное его сердце. Домъ Стравинскихъ имѣлъ большія помѣстья въ

(*) Пулавскій убить въ Америкѣ, когда защищалъ Саванну вмѣстѣ съ Северо-Американцами отъ Англичанъ. Въ память его основанъ фортъ «Пулавскій», который теперь служитъ сильнымъ оплотомъ для сепаратистовъ.

киевскомъ воеводствѣ, но духъ нетерпимости, нежеланіе подчиниться Русскимъ и привязанность къ Польшѣ заставили Стравинскихъ отказаться отъ всего, что они имѣли, чтобы только покинуть Россію. Правда, они были вознаграждены республикой за потерю имѣній, однако несчастный процессъ лишилъ послѣдняго Стравинскаго не только достоянія, но и свободы: онъ былъ изгнанъ изъ Польши, и потому, хотя при содѣйствіи Черторыжскихъ возвратился въ отечество, однако долженъ былъ испытать бѣдность и всякаго рода лишенія. Изъ Стравинскаго выработался человекъ годный на всякое отчаянное предпріятіе. Ему ли пришла мысль похитить короля, другому ли кому— это все равно, только ему выпало на долю осуществить ее. Еще до пораженія Огньскаго Суворовымъ, Стравинскій явился однажды въ Ченстохово и просилъ, чтобы его допустили къ Пулавскому для какихъ-то объясненій. Сомнительное положеніе, въ которомъ находились конфедераты, постоянныя измѣны, предательства и тайныя убійства, вслѣдствіе подкуповъ той или другой партіи, заставили Пулавскаго быть очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ неизвѣстными людьми. Стравинскій не имѣлъ съ собой никакого документа или свидѣтельства, которое внушало бы довѣріе къ его личности, и хотя онъ и прежде исполнялъ нѣкоторыя порученія Пулавскаго и велѣлъ напомнить ему о себѣ, однако послѣдній не могъ припомнить его имени, потому-что имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень много дворянъ, которые перѣдко переходили на сторону королевской или русской партіи и могли сдѣлаться лазутчиками. Вообще Пулавскій боялся происковъ противной партіи, потому что не разъ перехватывалъ шпіоновъ и обнаруживалъ разные заговоры, почему и приказалъ провести его въ церковь, гдѣ должна была происходить служба. Тамъ увидѣлъ онъ Стравинскаго, который въ продолженіе всей обѣдин лежалъ распростертый крестомъ на землѣ и повидимому жарко молился. Послѣ обѣдин Пулавскій пригласилъ его къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ двумя другими конфедератами, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый Кузьма, давшій впоследствии такой неожиданный оборотъ дѣлу, начатому Стравинскимъ, и заслужившій такую громкую извѣстность въ исторіи послѣднихъ дней Польши. Стравинскій говорилъ, что онъ пришелъ собственно затѣмъ, чтобы продать небольшой участокъ земли, которая у него оставалась въ Литвѣ. Вслѣдъ затѣмъ рѣчь зашла о Варшавѣ. Стравинскій рассказывалъ о состояніи, въ которомъ находился городъ въ послѣднее время, о частыхъ выѣздахъ короля въ

ночную пору; говорилъ, что его очень легко захватить и привезти въ Ченстохово, лежащее очень близко отъ столицы. Надо замѣтить, что уже не въ первый разъ конфедераты являлись къ Пулавскому съ предложеніемъ похитить короля; но, не довѣряя ихъ способности исполнить такое опасное предпріятіе, онъ отказывалъ имъ въ своей помощи. Онъ справедливо полагалъ, что если первая попытка не удастся, то вторая сдѣлается уже почти невозможною, потому-что за Варшавой усердно наблюдали Русскіе. Кромѣ того, онъ принималъ въ соображеніе и то, что въ суматохѣ или, наконецъ, въ случаѣ нападенія со стороны Русскихъ въ то самое время, когда король будетъ захваченъ, очень легко можетъ случиться, что его ранятъ или даже убьютъ, — тогда предпріятіе конфедератовъ будетъ имѣть видъ самаго гнуснаго заговора, съ преднамѣреннымъ злодѣйствомъ, тогда и самые участники заговора должны казаться въ глазахъ Европы преступниками и могли подвергнуться казни одинаковой съ царубійцами. Все это естественно долженъ былъ предвидѣть Пулавскій. Хотя въ самой Варшавѣ у него находилось болѣе трехъ сотъ преданныхъ ему людей, но онъ держалъ ихъ въ такой тайнѣ другъ отъ друга, что даже сами они, составляя небольшіе кружки, не знали кто изъ нихъ принадлежитъ къ партіи Пулавскаго; Пулавскій даже и ихъ не смѣлъ употребить для такого предпріятія, на какое вызывался Стравинскій.

Какъ бы то ни было, Пулавскій, побѣжденный рѣшмостью Стравинскаго, принялъ его предложеніе, хотя отказался дать ему отрядъ, для исполненія заговора. Черезъ нѣсколько дней Стравинскій опять явился въ Ченстохово и положительно сказалъ Пулавскому, что онъ вполне увѣренъ въ счастливомъ окончаніи дѣла, что онъ уже нашелъ людей въ самой Варшавѣ, на которыхъ можетъ положиться; но что ему необходимъ отрядъ солдатъ, для прикрытія на обратномъ пути, вслучаѣ удачи. Пулавскій согласился и на это, обѣщая дать отрядъ. Потомъ онъ прибавилъ:

— Я вамъ ничего не приказываю. Но если вы исполните свое клятвеніе, вы должны сохранить жизнь Понятовскому и обходиться съ нимъ почтительно.

— Я нисколько не желаю убить его, отвѣчалъ Стравинскій. Двадцать разъ я могъ сдѣлать это въ Варшавѣ, но не хотѣлъ дать Польшѣ примѣръ неслыханный въ ея лѣтописяхъ. Вы знаете, что мы часто свергаемъ съ престола нашихъ королей, но при этомъ никогда не

было никакого убійства. Я же вручилъ Понятовскому опредѣленіе о низверженіи его съ трона... Это можетъ быть развѣ только въ такомъ случаѣ, когда мы, уводя его, будемъ настигнуты и когда не останется никакой надежды на спасеніе.

— Тогда вы велите трубачу закричать, что, преслѣдуя васъ, подвергаютъ опасности жизнь короля, возразилъ Пулавскій.

Пулавскій имѣлъ въ Варшавѣ человѣка, на котораго могъ вполнѣ положиться. Это былъ молодой поручикъ Лукавскій, по всѣмъ отзывамъ, — юноша далеко не дюжинный, погибшій впоследствии, единственно по неловкости или нерѣшительности Пулавскаго. Лукавскій былъ въ числѣ первыхъ, принявшихъ на себя исполненіе щекотливаго предпріятія. Когда Стравинскій въ третій разъ явился въ Ченстохово, у него уже все было приготовлено въ Варшавѣ. Убѣжденный ясностью его доводовъ, спокойствіемъ, съ которымъ обдуманъ былъ каждый шагъ предпріятія, Пулавскій назначилъ Стравинскаго капитаномъ отряда, и приказалъ дѣйствовать. До сихъ поръ Стравинскій не упоминалъ даже о деньгахъ; но теперь, когда все было готово, онъ просилъ Пулавскаго снабдить его небольшой суммой, и Пулавскій, даже въ этомъ случаѣ, принялъ необходимыя предосторожности: онъ послалъ деньги съ курьеромъ, пользовавшимся его довѣріемъ, но съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній конфедератъ, близкій къ Пулавскому, не принималъ участія въ самомъ заговорѣ. Его зналъ одинъ только Стравинскій, на скромность котораго Пулавскій имѣлъ основаніе твердо надѣяться и былъ увѣренъ, что, вслучаѣ несчастія, его имя не будетъ связано съ именемъ заговорщиковъ; онъ вѣрилъ, что Стравинскій, — съ такимъ фанатическимъ рвеніемъ преслѣдовавшій идею похищенія короля, съ такимъ непритворнымъ энтузіазмомъ готовившійся къ этому, — не выдастъ его; прочіе же заговорщики не знали объ участіи въ немъ Пулавскаго или знали очень мало и очень неточно. Но Пулавскій, дѣйствуя повидному такъ осмотрительно, самъ выдалъ и себя и другихъ, и, наконецъ, погубилъ Лукавскаго. Себя онъ запуталъ тѣмъ, что имѣлъ неосторожность написать къ Стравинскому такую записку: «Другъ мой! Предпріятіе, къ которому вы готовились, должно быть исполнено третьяго ноября; если вы не найдете возможности исполнить его въ этотъ день, не предпринимайте ничего, не посоветовавшись вновь со мною; но если вы чего-нибудь опасаетесь, то не приступайте къ дѣлу, а соберите людей и приходите въ Ченстохово». Точно также онъ далъ письменныя приказанія поручику Лукавскому

и волковнику Зембровскому: первому, — чтобы тотъ соединился съ Стравинскимъ и во всемъ слѣдовалъ его приказаніямъ, за что Лукавскому обѣщали чинъ полковника; второму, — чтобы онъ далъ Стравинскому нѣсколько солдатъ изъ своего полка. Конечно, послѣдніе приказы не могли быть уликкой; но письмо къ Стравинскому, вслучаѣ неудачи, выдавало головой Пулавскаго. Онъ потому назначилъ 3 ноября для исполненія заговора, что къ этому времени надѣялся разными маневрами отвлечь Русскихъ въ противоположную сторону отъ Ченстохова, такъ чтобы дорога, ведущая изъ столицы къ этой крѣпости, была совершенно свободна отъ войскъ, на случай, еслибъ привелось везти по ней короля; къ этому же числу Пулавскій намѣревался контръ-маршами, тревогами, атаками и даже, на случай крайности, битвою отвлечь войска отъ столицы. По варшавско-ченстоховской дорогѣ, въ день исполненія заговора, могли попадаться только крестьяне, которыхъ заговорщики не боялись.

За нѣсколько дней до рѣшительнаго исполненія задуманнаго плана, Стравинскій и Лукавскій прибыли къ мѣстечку Закрочиму (въ 29 верстахъ отъ Варшавы). Они привели съ собою и остальныхъ участниковъ заговора, въ числѣ тридцати одного. Все это былъ народъ крѣпкій, рѣшительный, люди, готовые на все по первому слову начальника. Между ними находился и знаменитый Кузьма. Заговорщики провели ихъ къ одному дому, стоявшему вблизи Закрочима и вводили въ домъ по-двое: тамъ ихъ заставляли давать присягу, и присяжный листъ читалъ заговорщикамъ Лукавскій. Имъ объявили потомъ, что Пулавскій избралъ ихъ для похищенія короля; что судьба Польши зависить отъ успѣха этого предпріятія. Заговорщики воодушевлены были однимъ чувствомъ, — на нихъ можно было положиться. Тогда выбраши были лучшія лошади изъ отряда; заговорщики запаслись русскими мундирами и отправились къ Варшавѣ. Стравинскій, — при всемъ своемъ увлеченіи, при всемъ энтузіазмѣ, съ которымъ другой, менѣе способный заговорщикъ могъ надѣлать много промаховъ, — не забылъ самыхъ мелкихъ предосторожностей, пренебреженіе которыми могло погубить ихъ. Такъ какъ русскіе караулы, увидѣвъ его отрядъ, могли заподозрить въ чемъ-либо заговорщиковъ и открыть ихъ замыселъ, Стравинскій, раньше этого, нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Варшаву съ обозами, подъ видомъ доставки въ столицу съѣстныхъ припасовъ изъ сосѣднихъ имѣній; такимъ образомъ, онъ нѣсколько разъ прѣзжалъ по этой дорогѣ то въ Варшаву, то изъ Варшавы; всегда былъ хорошо

*

вооруженъ, и потому не могъ уже казаться подозрительнымъ. Потомъ надо было выбрать глухую дорогу, по которой можно было бы безопасно провезти короля въ Ченстохово. Для этого онъ рѣшился на такую хитрость: по случаю свирѣпствовавшей въ нѣкоторыхъ провинціяхъ республики моровой язвы, Варшава была окопана ровомъ, по которому разставлены были редуты въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Чтобы лучше узнать переходы черезъ этотъ ровъ, изслѣдовать потомъ мѣстность за ровомъ и не возбудить этимъ подозрѣнія часовыхъ, Стравинскій отправился къ начальнику этой кордонной линіи, охраняемой Русскими, объявилъ, что слуга укралъ у него нѣсколько лошадей и угналъ изъ Варшавы; что, послѣ тщетныхъ поисковъ въ городѣ, онъ думаетъ искать бѣглеца за ровомъ, куда онъ, безъ сомнѣнія скрылся съ покражей; что слѣды вора, по всей вѣроятности, еще можно отыскать и т. д. Начальникъ былъ такъ простъ и до вѣрчивъ, притомъ Стравинскій такъ мало внушалъ подозрѣнія и такъ ловко хитрилъ, что ему дали еще въ провожатые русскаго сержанта, съ которымъ заговорщикъ могъ бы объѣхать вокругъ рва и лично осмотрѣть, въ какихъ именно мѣстахъ лошади могли безопасно перебраться черезъ кордонную линію и, слѣдовательно, въ какую сторону всего лучше можно было провезти короля. Когда все, такимъ образомъ, было приготовлено, заговорщики купили въ сосѣднихъ деревняхъ десять повозокъ, сложили въ нихъ свое оружіе, сѣдла и русскіе мундиры, накрыли все это сѣномъ и соломой, и провели свой обозъ въ лѣсъ. Тамъ провели они ночь, переодѣлись въ крестьянское платье, а иные нарядились судорабочими, и, утромъ, 2 ноября, подъѣзжая къ Варшавѣ, они послали троихъ верховыхъ, которые должны были сказать часовымъ, что они—дворовые Стравинскаго и что самъ Стравинскій долженъ тѣмъ же вечеромъ проѣхать въ Варшаву съ обозомъ. Такимъ образомъ дорога для заговорщиковъ была свободна; обозъ прошелъ вечеромъ, а съ нимъ часть заговорщиковъ; остальные пробрался въ столицу въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ съѣзжій дворъ монастыря доминиканъ, гдѣ обыкновенно останавливался Стравинскій, когда пріѣзжалъ въ столицу съ обозами съѣстныхъ припасовъ. Всѣ заговорщики оставались тамъ весь слѣдующій день до вечера, кромѣ Стравинскаго, Лукавскаго и двухъ другихъ соучастниковъ, которые отлучались на время для необходимыхъ приготовленій къ предстоящему подвигу.

Было 3 ноября—день назначенный для исполненія заговора. Въ

это время Пулавскій помогаль заговорщикамъ, отвлекая Русскихъ въ сторону, противоположную той, по которой думали провезти короля въ Ченстохово. Такимъ образомъ онъ заманилъ къ радомской дорогѣ и Ксаверія Браницкаго, и Суворова, такъ что 3 ноября въ столицѣ не оставалось болѣе двухъ сотъ Русскихъ. Русскіе отряды потянулись и отъ Радома, обманутые фальшивыми маневрами Пулавскаго, который однажды едва не былъ настигнутъ казаками и обязанъ своимъ спасеніемъ быстротѣ лошади и глубокому рву, помѣшавшему казакамъ схватить смѣлаго конфедерата. Между тѣмъ онъ послалъ полтораста кавалеристовъ на ту дорогу, по которой долженъ былъ слѣдовать плѣнный король, и далъ приказъ, чтобы они какъ можно болѣе берегли лошадей и были готовы удержать погоню, если она будетъ выслана изъ Варшавы вслѣдъ за заговорщиками, а, вслучаѣ надобности, конволировать короля до самаго Ченстохова. Крѣпость же эту онъ предварительно снабдилъ съѣстными припасами и боевыми снарядами, такъ чтобы она могла выдержать продолжительную осаду. — Когда Пулавскій тревожилъ, такимъ образомъ, русскія войска, заговорщики были уже въ Варшавѣ и ждали только ночи. Королевскій дворецъ былъ очень хорошо извѣстенъ Стравинскому и онъ прямо отправился туда за справками—узнать, располагаетъ ли король въ тотъ вечеръ ѣхать въ театръ. Ничего не подозрѣвая, ему сказали во дворцѣ, что король въ театръ не поѣдетъ, но что, по случаю болѣзни дяди, великаго канцлера, онъ намѣренъ навѣстить больного. Стравинскій оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не подали кареты; но едва только увидѣлъ онъ приближеніе экипажа, тотчасъ прибѣжалъ предупредить заговорщиковъ, которые и одѣлись въ русскіе мундиры. Нѣкоторыхъ помѣстилъ онъ въ концѣ улицы, чтобы прикрыть и входъ и выходъ изъ нея. Но едва эти заговорщики размѣстились по указанію Стравинскаго, какъ показался русскій офицеръ, который шелъ прямо къ нимъ и, приблизившись, подозрительно осматривалъ ихъ. Было уже темно. Увидавъ, вѣроятно, русскіе мундиры, офицеръ сказалъ: «это Русскіе;» но потомъ, замѣтивъ свою ошибку, спохватился—«нѣтъ, это конфедераты.» Едва онъ сказалъ это, какъ заговорщики набросили ему на голову плащъ и связали его. Такъ они хватали и вязали всѣхъ, которые могли поднять тревогу, и уносили въ аллею, гдѣ и сторожили ихъ до самаго нападенія на поѣздъ короля. Между тѣмъ Стравинскій размѣстилъ остальныхъ заговорщиковъ: онъ велѣлъ имъ занять улицы Капитульную и Медовую, снова отдалъ приказъ — дѣй-

ствовать съ величайшею поспѣшностью, не стрѣлять по каретѣ и никакого зла не причинять особѣ короля. Онъ приказалъ, кромѣ того, говорить по-русски, чтобъ не быть узанными. Всѣ эти распоряженія сдѣланы были въ полчасаовой промежутокъ времени, между половиною девятаго и девятью часами вечера. Заговорщикамъ ни что не помѣшало; каждый готовъ былъ исполнить приказанія начальника, — и вотъ, въ половинѣ десятаго, король вышелъ отъ канцлера, чтобы ѣхать на ужинъ къ княгинѣ Чарторыжской. Впереди кареты ѣхали два всадника съ факелами, нѣсколько дежурныхъ офицеровъ, еще двое шляхтичей и оруженосецъ; съ королемъ сидѣли одинъ изъ его родственниковъ и адъютантъ; при дверцахъ галонировали пажы, а позади кареты—два гайдука и два пѣшихъ лакея. Стравинскій тотчасъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части; самъ онъ долженъ былъ напасть на голову поѣзда; Кузьмѣ предстояло схватить самого короля; Лукавскій и другіе должны были задержать тѣхъ, которые находились за каретой и потомъ составить изъ себя авангардъ въ предстоявшей поѣздкѣ съ плѣннымъ королемъ. Всадники, ѣхавшіе впереди кареты, были отрѣзаны отъ нея самимъ Стравинскимъ съ товарищами, которыхъ тѣ приняли за русскій патруль, потому что заговорщики говорили по-русски; оруженосецъ просилъ ихъ даже удалиться, говоря, что ѣдетъ самъ король. Вторая партія заговорщиковъ, которая занимала конецъ улицы, также явилась у самаго поѣзда, и всѣ они окружили карету. Кучеръ не хотѣлъ остановить лошадей—и въ него выстрѣлили. Началось смятеніе. Ночь была очень темна, такъ что мракъ увеличилъ только суматоху. Заговорщики бросились къ дверцамъ и выстрѣлили, но не по королю, а по сопровождавшимъ его: одинъ гайдукъ упалъ за-мертво, пронзенный двумя пулями, другаго свалили сабельнымъ ударомъ въ голову; одинъ пажъ былъ выбитъ изъ сѣдла и лошадь его взята заговорщиками; другія лошади были ранены. Заговорщики кричали, чтобы король выходилъ изъ кареты; онъ самъ отворилъ дверцы и когда адъютантъ выходилъ съ одной стороны, Станиславъ-Августъ выскользнулъ другимъ ходомъ, надѣясь воспользоваться мракомъ и скрыться. Трусость адъютанта оказалась не без-полезною для короля: храбрый адъютантъ забился подъ карету; сначала думали, что залѣзъ туда самъ король; но пока удалось вытащить оттуда храбреца, пока успѣли рассмотреть его лице при помощи нѣсколькихъ вспышекъ пороха, зажженного пистолетомъ, за нимъ нѣмъ огня,—король исчезъ, благодаря мужеству придворнаго. Станиславъ-

Августъ протѣснялся сквозь толпу заговорщиковъ, которые не узнали его въ темнотѣ, принявъ за кого-нибудь изъ свиты. Король добѣжалъ до дома великаго кашцлера, откуда за нѣсколько минутъ вышелъ; но дверь уже была заперта. Король началъ стучать, но такъ сильно, что привлекъ вниманіе заговорщиковъ, которые, бросивъ адъютанта, разсѣялись по улицѣ и тщетно старались отыскать Станислава. Они бросились на стукъ и Лукавскій первый схватилъ бѣглеца; вслѣдъ затѣмъ подоспѣлъ и Стравинскій и сказалъ королю: «не сопротивляйтесь; васъ ожидаетъ карета: вы должны ѣхать съ нами.» Въ это время прибѣжалъ еще одинъ изъ заговорщиковъ и, будучи, вѣроятно, пьянъ, нанесъ въ голову королю ударъ саблею, хотя это строго было запрещено. Кузьма, напротивъ, выстрѣлилъ изъ пистолета у самаго лица Станислава, но только для того, чтобы при блескѣ пистолетнаго выстрѣла убѣдиться, дѣйствительно ли они схватили того, кого искали. Увѣрившись, что это былъ король, они посадили его на лошадь. Съ нимъ ѣхалъ Кузьма, какъ въ этомъ условились прежде, и десять другихъ заговорщиковъ; Лукавскій съ десятью другими, скакалъ впереди, составляя авангардъ. Скоро они перѣехали черезъ ровъ, составлявшій кордонную линію, и перѣехали въ томъ мѣстѣ, которое предварительно указалъ Стравинскій. Король старался замедлить бѣгство, въ надеждѣ, конечно, на какую-либо помощь, но заговорщики принуждали его къ поспѣшности. Стравинскій, слѣдовавшій въ аррьергардѣ, остановился на нѣсколько минутъ у самаго рва, чтобы, вслучаѣ надобности, задержать погоню, которую онъ все-таки ждалъ. Но погони не было. Убѣдившись, что кругомъ господствовала невозмутимая тишина, онъ поскакалъ своей дорогой, въ полномъ убѣжденіи, что подвигъ совершенъ и что на слѣдующій день плѣнникъ его привезется въ Ченстохово. Его не могъ не радовать успѣхъ предпріятія, успѣхъ, вполнѣ заислѣвшій отъ его предусмотрительности и такта. Онъ долженъ былъ гордиться своимъ подвигомъ.

Похищеніе короля изъ многолюдной столицы и притомъ находившейся въ осадномъ или, по крайней мѣрѣ, на военномъ положеніи, похищеніе въ такое раннее время, когда, безъ сомнѣнія, еще никто не думалъ ложиться спать, должно казаться всѣмъ страннымъ фактомъ. Было бы неудивительно увести короля въ глухую ночь, безъ свиты (хотя выѣздъ короля безъ свиты—самъ по себѣ фактъ необычайный); но затѣять въ самыхъ оживленныхъ кварталахъ столицы

драку, произвести страшный шумъ, крики, начинать нѣсколько разъ стрѣльбу,—это, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько страшно. Но надо знать тогдашнюю Варшаву, чтобы ничему не удивляться. Можно себѣ представить, до какой степени былъ запуганъ народъ вѣчными смутами, постоянною рѣзней на улицахъ, драками, стрѣльбою, или, напротивъ, до какого страшнаго равнодушія доведено было населеніе города, до какого печальнаго положенія дошла одна изъ богатѣйшихъ столицъ въ Европѣ, что даже никто не полюбопытствовалъ растворить дверь и посмотреть, что за война на улицахъ города, въ кого стрѣляютъ и куда скачутъ всадники. Когда заговорщики неслись галопомъ мимо богатыхъ дворцовъ вельможъ, имѣвшихъ обыкновеніе держать часовыхъ, то ихъ даже не окликнули. Впрочемъ, Варшава скоро узнала, что у ней нѣтъ короля. Когда Стравинскій стоялъ у кордонныхъ окоповъ и съ удивленіемъ видѣлъ, что столица точно и не думала о преслѣдованіи заговорщиковъ, въ столицѣ происходило слѣдующее. Передовые всадники, факельщики и дежурные офицеры, составлявшіе передовой отрядъ королевскаго поѣзда, отрѣзанные отъ главнаго кортежа, благоразумно послѣдовали чувству самосохраненія и тотчасъ прискакали во дворецъ съ извѣстіемъ объ опасности, въ которой находится король и которой они сами счастливо избѣжали. Произошла, разумѣется, суматоха. Стража бросилась на мѣсто схватки; но она такъ медленно спѣшила спасать короля, что опоздала, потому что схватка кончилась быстро и похищеніе короля задержано было только храбростью его адъютанта; иные были ранены, другіе разбѣжались. На мѣстѣ свалки найдена была только шляпа короля и парикъ, который у него слетѣлъ съ головы въ рѣшительную минуту. Стража оставалась въ замѣшательствѣ и недоумѣніи, не зная что дѣлать: раненые не могли указать дороги, по которой повезли короля, а здоровые всѣ бѣжали, такъ—что и сказать было некому. Стража ждала приказаній; думали, что кто-нибудь найдется между ними умный, но умнаго не нашлось. Можетъ быть, тутъ и были умные начальники, но, вѣроятно, они такъ любили короля, что не торопились спасать его. Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: когда дядѣ короля, великому канцлеру, доложили, что король пропалъ, онъ, въ благодарность за посѣщеніе, которымъ удостоилъ его въ этотъ вечеръ коронованный племянникъ, сказалъ прислугѣ: «заприте двери моего отеля» (а въ эти именно двери и стучался за нѣсколько минутъ несчастный Понятовскій). Затѣмъ дядя преспокойно сѣлъ ужинать съ своими обыкновенными посѣтителями, и кушалъ, какъ—будто ничего и

не случилось въ Польшѣ и въ его фамиліи. Когда другое приближенное къ королю лицо просило генерала Веймарна послать погоню вслѣдъ за заговорщиками, генералъ сказалъ: «если вамъ угодно, я пошлю; но это будетъ стоить жизни королю.» Когда лакей Сальдерна поспѣшно вбѣжалъ къ нему, чтобы доложить о такомъ, по его мнѣнію, важномъ происшествіи, какъ пропажа короля, Сальдернъ обругалъ его и сказалъ: «миѣ не до него.» Сальдерна едва ли бы много огорчила даже смерть короля, которая бы всѣмъ развязала руки: нечего было бы Сальдерну выходить изъ себя, потому что уже некого было бы поддерживать на шаткомъ тронѣ. Между тѣмъ Варшава, еще за пѣсколько часовъ нехотѣвшая и знать короля, точно проснулась, но только на мгновеніе, чтобы заснуть еще болѣе глубокимъ сномъ. Всѣми овладѣло безпокойство, но не потому, чтобы жалѣли короля, а потому, что каждый боялся за себя лично. Вѣсти о гибели короля приходили самыя разнорѣчивыя, которыя еще болѣе смущали населеніе и бросали подозрѣніе на всѣ партіи, на друзей и недруговъ; опасались всеобщаго возмущенія, но никто не зналъ, откуда оно придетъ, гдѣ опасность; неожиданная революція смущала всѣхъ. Бибииковъ, русскій генералъ, говорилъ послѣ папскому нунцію Гарамини, что, при вѣсти о неожиданномъ и повидимому трагическомъ исчезновеніи короля, онъ ожидалъ, что всѣ Русскіе, остававшіеся въ Варшавѣ (двѣсти человекъ), будутъ умерщвлены. Оказалось, что коронные солдаты не имѣли даже зарядовъ и имъ нужно было выдать новые патроны, потому что старыя не годились въ дѣло. Видѣли опасность во всемъ. Тѣ, которые интересовались собственно участіемъ короля (а такихъ было очень немного), рѣшительно не знали что имъ дѣлать—преслѣдовать ли заговорщиковъ или не преслѣдовать, потому что и то и другое представлялось имъ одинаково опаснымъ. А между тѣмъ, этотъ всеобщій столбнякъ давалъ заговорщикамъ время удалиться; съ другой стороны, боялись, что, преслѣдуя ихъ, заставятъ заговорщиковъ, для собственнаго спасенія, рѣшиться на умерщвленіе короля, что, можетъ быть, и случилось бы, потому что нельзя было ни на что надѣяться. Однако, по указаніямъ нѣкоторыхъ лицъ, отправился на поиски, и во рву, гдѣ проѣзжали заговорщики, нашли шубу короля, которая была въ крови. Это обстоятельство навело на слѣдъ и потому догадывались, по какому направленію должно преслѣдовать бѣглецовъ. Король потерялъ шубу, перескакивая черезъ ровъ; лошадь его переломила себѣ ногу, а король, сверхъ того, потерялъ одинъ изъ своихъ башмаковъ,

и просилъ, чтобъ ему дали сапогъ. Но въ то время, когда его обували, пересаживали на другую лошадь и, взявъ потерянной шубы, одѣвали въ плащъ, Лукавскій, не останавливаясь, успѣлъ съ своимъ авангардомъ ускакать далеко впередъ. Кузьма, ѣхавшій съ королемъ, замѣтилъ, что они остались одни, и съ этой минуты, тактика его совершенно измѣнилась: человѣкъ испытанной храбрости, онъ казался дотога смущеннымъ, что не зналъ куда ѣхать. Искренно ли было это смущеніе, или онъ рѣшился измѣнить товарищамъ и тѣмъ выиграть въ глазахъ короля, — неизвѣстно; но только онъ дѣйствовалъ совершенно не такъ, какъ бы слѣдовало. Можетъ быть, и Кузьма былъ не чуждъ того страшнаго порока, заразившаго тогдашнее польское общество, — продажности, которая и погубила это государство: когда все было деморализовано, отчего было и знаменитому Кузьмѣ становиться выше общественнаго уровня? отчего было и ему не продать другихъ, когда другіе продавали все? — Съ нимъ оставалось еще семь заговорщиковъ; Стравинскій долженъ былъ нагнать ихъ скоро, и потому можно было подождать его пріѣзда, чтобы продолжать дорогу вмѣстѣ, или, наконецъ, послать кого-нибудь впередъ, догнать Лукавскаго съ авангардомъ. Но Кузьма этого не сдѣлалъ. Онъ поворотилъ прямо въ лѣсъ, по направленію къ Бѣлянамъ, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ въ домѣ одного шляхтича, который обѣщалъ заговорщикамъ свою карету для короля. Вмѣсто того, чтобы ѣхать по настоящей дорогѣ, ведущей къ тому мѣсту, онъ своротилъ всторону, на болота; путь былъ трудный и лошади вязли на каждомъ шагу. Онъ послалъ двухъ изъ заговорщиковъ разузнавать дорогу; но тѣ скакали, повидному, наугадъ, сами не зная куда ѣдутъ. Король, замѣтивъ или показавъ видъ, что замѣчаетъ, будто они приближаются къ деревнѣ, сказалъ: «не ѣздите туда, тамъ Русскіе.» Говорилъ ли онъ правду, опасаясь, чтобъ его тамъ не убили, или онъ, напротивъ, скорѣе желалъ, чтобы заговорщики сами заплутались въ лѣсу и въ болотахъ, чѣмъ, съ помощью крестьянъ, выбрались на настоящую дорогу, — мы не знаемъ; только впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что его предостереженіе, казалось, было пріятно заговорщикамъ и они убѣдились, что король и не думаетъ спастись изъ ихъ рукъ. Онъ воспользовался этимъ моментомъ и сказалъ: «если вы хотите довести меня живымъ, то не мучьте меня и дайте мнѣ минуту отдыха.»

Дѣло все болѣе и болѣе запутывалось. Лукавскій исчезъ съ своимъ авангардомъ; Стравинскій не являлся, потому что не предпола-

галъ такого неблагоприятнаго поворота въ дѣлѣ, которое, казалось, шло такъ прекрасно. Заговорщики разсѣялись по лѣсу и искали другъ друга въ темнотѣ. Русскій языкъ, которымъ они условились говорить и который имъ очень пригодился въ Варшавѣ, теперь окончательно повредилъ имъ и привелъ въ большее смущеніе: отыскивая одинъ другаго по лѣсу, они перекликались между собою по-русски и боялись другъ-друга, принимая товарищей за русскихъ солдатъ. Къ несчастію, они не условились предварительно въ паролѣ и не узнавали своихъ. Кузьма, повидимому, окончательно растерялся и не зналъ куда ѣхать. Бывшіе съ нимъ заговорщики хотѣли, наконецъ, убить короля, не надѣясь отыскать дорогу; но Кузьма энергически защищалъ своего плѣнника, говоря, что онъ обѣщалъ доставить его живымъ. Въ эту самую минуту они услышали окликъ русскихъ часовыхъ, испугались, и двое изъ заговорщиковъ скрылись; когда послѣдовалъ другой окликъ, то еще двое бѣжали, и съ королемъ остался одинъ Кузьма. Объ этомъ Кузьмѣ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ предприимчивый; всѣ хвалятъ его личную храбрость и говорятъ, что онъ былъ необыкновенно силенъ. Стравинскій, у котораго онъ былъ поручикомъ, отправляясь на опасный подвигъ похищенія короля, избралъ Кузьму за его силу, собственно для того, чтобы онъ взялъ короля. Говорятъ, что Кузьма былъ простой крестьянинъ, хотя самъ называлъ себя дворяниномъ; онъ былъ солдатомъ и всегда считался человѣкомъ неустрашимымъ; прежде онъ былъ лакеемъ и, говорятъ, его всегда выгоняли отъ себя тѣ, у кого онъ служилъ. Вообще, это былъ господинъ нѣсколько подозрительный, и Стравинскій ошибся въ немъ.—Когда король и этотъ Кузьма остались только вдвоемъ, первый возымѣлъ маленькую надежду на освобожденіе и сталъ сдерживать свою лошадь. Кузьма грозилъ саблей и говорилъ, что они найдутъ карету, какъ только выѣдутъ изъ лѣсу. Король употребилъ въ дѣло все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на заговорщика, и когда послѣдній возражалъ, что связанъ присягой, которую всѣ они дали другъ-другу, отправляясь въ Варшаву, король доказывалъ ему ничтожество этой присяги. Станиславъ-Августъ, говорятъ, всегда гордился своимъ краснорѣчіемъ. Онъ любилъ словопреніе и былъ убежденъ, что никто не могъ противиться очарованію его рѣчи. Дѣйствительно ли былъ краснорѣчивъ Станиславъ-Августъ или нѣтъ,—для насъ это все равно, потому что краснорѣчіе его не приносило никакого толку государству и не спасло Польши; однако въ этомъ

послѣднемъ случаѣ оно ему пригодилось. Король далъ свободу своему природному таланту, и Кузьма, по мѣрѣ того, какъ слушалъ его, самъ становился его плѣнникомъ и, наконецъ, былъ совершенно побѣжденъ доводами короля, когда они приближались къ Маримонту. Иные историки говорятъ, что онъ былъ побѣжденъ не доводами, а деньгами; въ такомъ случаѣ, придется согласиться, что краснорѣчіе для короля было совершенно бесполезнымъ даромъ. Какъ-бы то ни было, но Кузьма бросился передъ нимъ на колѣна, просилъ прощенья, и король явилъ свое милосердіе: своимъ королевскимъ словомъ онъ общалъ, что не сдѣлаетъ Кузьмѣ никакого зла. Въ томъ мѣстѣ была мельница и покаявшійся заговорщикъ просилъ дать въ ней убѣжище «господишу, котораго ограбили разбойники;» едва они остановились, какъ король написалъ командиру своей гвардіи записку: «Я спасся изъ рукъ убійцъ какимъ-то чудомъ; спѣшите ко мнѣ на помощь въ Маримонтъ, на мельницу, съ четырьмя десятками людей. Я раненъ, но не опасно.» Часа въ четыре утра (4 ноября) записка эта была получена въ Варшавѣ и надѣлала много шуму. Неожиданная вѣсть о возвращеніи короля мгновенно разнеслась по городу и казалась такой невѣроятной, что скорѣе испугала, чѣмъ обрадовала жителей, потому что возвращеніе нелюбимаго короля вообще не могло особенно радовать, а поводовъ къ опасеніямъ было не мало: думали, что молва распушена съ намѣреніемъ обмануть народъ; что, для принятія какихъ-то мѣръ противъ какой-то неизвѣстной опасности, желали только успокоить тѣхъ, которые дѣйствительно были привержены къ королю, или предупредить всеобщее возмущеніе, готовое вспыхнуть въ городѣ. Всего вѣроятнѣе, что ничего подобнаго и не могло быть; но только такъ думали. Народъ бросился къ воротамъ, въ которыя, говорили, долженъ былъ вѣхъать король; всѣ улицы были покрыты толпами; повсюду видны были факелы. Къ пяти часамъ утра показался король въ каретѣ капитана гвардіи. Въ минуту огромная толпа окружила карету. Какое изъ двухъ чувствъ—любопытство или участіе привлекло сюда народъ, мы не беремся рѣшать, только народу было много. Но, говорятъ, что радость, которая всегда овладѣваетъ неволью людьми при видѣ чловѣка, спасагося отъ неминуемой гибели, какъ электрическая искра сообщилась всей толпѣ зрителей. Станиславъ-Августъ, о которомъ говорили бы не иначе, какъ съ презрѣніемъ, еслибъ онъ остался въ плѣну, и съ полнымъ равнодушіемъ, еслибъ былъ убитъ, теперь встрѣченъ былъ непрерывными криками

«да здравствуетъ король!»—и его чудесное спасеніе сообщало, говорить, всей его особѣ что-то сверхъестественное, болѣе чѣмъ величественное. Во дворцѣ, окруженный толпою мужчинъ и дамъ, король вышелъ изъ кареты; волосы его были растрепаны (не забудемъ, что онъ потерялъ парикъ), лицо въ крови, платье изорвано и покрыто грязью; слезами онъ отвѣчалъ на всѣ благословенія,—искреннія или притворныя—трудно рѣшить,—которыя неслись со всѣхъ сторонъ. Зрѣлище это, говорятъ, при блескѣ множества факеловъ, представлялось очень театральнымъ, и Станиславъ-Августъ, казалось, очень желалъ, чтобъ оно продлилось. Нѣсколько всторонѣ стоялъ Кузьма, окруженный толпою придворныхъ, осаждаемый вопросами, поздравленіями; но онъ былъ глухъ и безчувственъ ко всему, что вокругъ него происходило и говорилось; никого не слушалъ, ни на кого не смотрѣлъ, и его пасмурный видъ, мрачное молчаніе, смущенная фигура заставляли сомнѣваться, раскаявается ли онъ въ томъ, что похитилъ короля, или въ томъ, что спасъ его. Наконецъ, вынужденный безпрестанными, нетерпѣливыми вопросами окружающихъ, онъ произнесъ только слѣдующія слова, но произнесъ ихъ такимъ голосомъ, который только усилилъ сомнѣніе толпы: «это самый ужасный день въ моей жизни.» Между тѣмъ короля провели въ его апартаменты. Наутро онъ принималъ поздравленія дворянства, духовенства, горожанъ,—и тутъ, вѣрный своему всегдашнему убѣжденію, что никто не могъ противиться его краснорѣчію, онъ нѣсколько разъ повторялъ: «еслибы меня привезли въ Ченстохово, я сказалъ бы рѣчь къ конфедератамъ, и это было бы великолѣпнѣйшее событіе моего царствованія.»

Можно себѣ представить удивленіе Стравинскаго и Лукавскаго, когда они встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ и не нашли тамъ ни короля, ни его проводника. Они тотчасъ же разослали людей искать ихъ по лѣсу; потомъ они сами отправились на поиски,—и все напрасно. Они встрѣтились съ отрядомъ казаковъ и, прежде чѣмъ могли скрыться, казаки напали на нихъ: заговорщиковъ было только двое, Стравинскій и Лукавскій, но они дрались съ отчаяннымъ мужествомъ; опасность положенія и неудача предпріятія придали имъ необыкновенную силу. Мушкетнымъ выстрѣломъ Стравинскій убилъ командира казацкаго отряда; бросился въ середину сотни, многихъ ранилъ или сбилъ съ коней и наконецъ исчезъ въ чащѣ лѣса, чтобы подождать Лукавскаго, который былъ менѣе его счастливъ: онъ былъ пронзенъ нѣсколькими пулями, и брошенъ замертво. Въ кар-

манахъ его нашлись письма, давшія руководящую нить для раскрытiя заговора. Когда казаки удалились, Стравинскiй отыскалъ своего несчастнаго товарища, въ которомъ еще были признаки жизни, взялъ его къ себѣ на лошадь и передалъ доктору, который и возвратилъ Лулавскаго къ жизни. Потомъ онъ отыскалъ прочихъ товарищей своего неудавшагося предпрiятiя, узналъ отъ нихъ печальную вѣсть о возвращенiи короля, и скоро убѣдился въ ея достовѣрности. Никогда не могъ онъ утѣшиться, что такъ печально кончилось его предпрiятiе, начатое съ такимъ успѣхомъ, съ такой предусмотрительностью, и котораго успѣхъ былъ такъ, повидимому, несомнѣненъ и конецъ такъ близокъ. Въ отчаянiи онъ рѣшался на другой подвигъ, болѣе полезный, новое преступленiе: онъ убѣждалъ Пулавскаго, что слѣдуетъ привести одну жертву за всѣхъ, но Пулавскiй ничего не отвѣчалъ ему на это. Вернувшись въ Ченстохово изъ экспедицiи, предпринятой для отвлеченiя русскихъ войскъ къ радомской дорогѣ и едва не стоившей ему жизни, Пулавскiй узналъ отъ своихъ агентовъ—кофедератовъ, тайно проживавшихъ въ Варшавѣ и дѣйствовавшихъ въ пользу патрiотовъ, что король схваченъ и увезенъ. Но они напрасно слѣшили принести ему эту радостную вѣсть: Пулавскiй со всей своей кавалерiей выѣхалъ для почетной встрѣчи воображаемаго плѣнника. Онъ полагалъ принять короля торжественно, со всѣми военными почестями, чтобы показать Станцелаву—Августу, что онъ избавленъ друзьями отъ враговъ, его унижавшихъ и избавленъ для возстановленiя его падшаго достоинства, и, поддерживая въ немъ эту прiятную мысль, убѣдить его подписывать приказы гвардiи, короннымъ войскамъ и даже Ксаверiю Браницкому. Такимъ ловкимъ маневромъ Пулавскiй предоставилъ бы во власть конфедерации располагать всѣми войсками королевства, а себѣ—званiе командующаго армiею, которая въ состоянiи была бы располагать судьбою Польши. И въ одно мгновенiе разлетѣлись эти мечты какъ дымъ. Записка Стравинскаго привнесла ему вѣсть о неожиданномъ и печальномъ окончанiи предпрiятiя, которое еще такъ недавно казалось сбыточнымъ и такъ радовало его. Теперь, напротивъ, имъ овладѣла безокойная мысль, что въ глазахъ всей Европы онъ является участникомъ убiйства, котораго Пулавскiй положительно не желалъ, потому что оно было практически бесполезно. И дѣйствительно, въ первыя минуты всеобщаго изумленiя, на дѣло Стравинскаго смотрѣли какъ на царубиство, и имя Пулавскаго не отдѣлялось отъ именъ заговорщиковъ. Утверждали, что передъ отправленiемъ въ Варшаву шайки

убійцъ, Пулавскій заставлялъ ихъ произнести ужасную клятву передъ распятіемъ; что въ Варшавѣ у него находилось до трехъ сотъ соумышленниковъ, связанныхъ тою же клятвою и что она разослана была имъ во все конфедераціи. Записка, посланная королемъ изъ Марионпта къ командиру гвардіи, подтверждала это общественное обвиненіе; въ ней заговорщики прямо названы убійцами, что совершенно несправедливо, потому что убить его они могли, еслибы желали, и въ самой Варшавѣ, или дорогой, и не зачѣмъ было везти его по бодотамъ, не зачѣмъ было Пулавскому выѣзжать къ нему навстрѣчу и, наконецъ, не зачѣмъ было самому королю хвастаться, что онъ сказалъ бы рѣчь передъ конфедератами въ самомъ Ченстоховѣ и тѣмъ прославилъ-бы свое царствованіе. Но король обвинилъ Пулавскаго въ покушеніи на его жизнь,—и это несправедливое обвиненіе повторяла вся Европа. Король не постыдился унизить себя до клеветы въ присутствіи того, кто былъ однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ, — въ присутствіи Кузьмы, спасшаго ему жизнь; клевета повторялась имъ всякій разъ при разсказѣ о своемъ чудесномъ спасеніи; клевета эта продиктована была имъ самимъ для статьи въ варшавской газетѣ; клевета, наконецъ, повторялась во всехъ нотахъ, отправленныхъ варшавскимъ дворомъ къ иностраннымъ государямъ. Оттого такимъ благороднымъ негодованіемъ противъ этого ужаснаго преступленія дышуть все отвѣтныя ноты иностранныхъ кабинетовъ. Особеннымъ негодованіемъ запечатлѣны отвѣты Фридриха II. Покушеніе Пулавскаго онъ считаетъ личной обидой всемъ коронованнымъ главамъ; онъ говоритъ, что конфедератовъ должно постигнуть примѣрное наказаніе; что обида должна быть отмщена,—и эта мечь принадлежитъ по праву всемъ государямъ Европы. Кауницъ негодовалъ не менѣе прочіи; негодовала и Марія-Терезія, называя поступокъ конфедератовъ ужаснымъ.

Въ Варшавѣ тотчасъ же было наряжено слѣдствіе надъ виновными и слѣдствіе имѣло въ виду не Стравинскаго и не Лукавскаго, а, главнымъ образомъ, цѣль его была—представить, въ наиболѣе неблагопріятномъ свѣтѣ, отношеніе Пулавскаго къ заговору, которому не давали другаго, менѣе рѣзкаго, эпитета, какъ гнусный, злодѣйскій и проч. Во что бы то ни стало, нужно было обвинить Пулавскаго положительно и оформить клевету, разнесенную о немъ по Европѣ; но это было не легко сдѣлать: многіе приверженцы Пулавскаго бѣжали изъ Варшавы и явились къ нему въ Ченстохово; другіе, схва-

ченныя въ столицѣ, приведены на очную ставку съ Кузьмой и жестоко укоряли его въ слабости и предательствѣ; но именн Пулавскаго не запятнали клеветой. Даже Кузьма показывалъ, что у нихъ не было намѣренія умерщвлять короля. Но все было напрасно. Пулавскій написалъ—было манифестъ въ оправданіе поступка, представленнаго врагами такимъ чернымъ и недостойнымъ честнаго человѣка; но друзья его, опасаясь отъ этого болѣе дурныхъ послѣдствій, изорвали манифестъ и, такимъ образомъ, повредили Пулавскому. Его судили за царевубійство—и судъ не былъ снисходителенъ.

Въ сущности, похищеніе короля не имѣло никакого вліянія на судьбу Польши, потому что участь ея была рѣшена, въ трехъ сосѣднихъ кабинетахъ, еще до полученія извѣстій объ этомъ происшествіи; оно не имѣетъ также вліянія и на дѣла конфедератовъ, потому что они шли такъ дурно, что никакой рѣшительный шагъ не могъ уже сдѣлать ихъ худшими. Оно могло только прибавить еще одно обвиненіе къ тѣмъ, которымъ подвергалась рѣчь посполитая со стороны сосѣднихъ державъ и, на основаніи которыхъ, осуждали ее эти державы къ лишенію нѣкоторой части ея территорій. Своими вѣчными смутами (говорили эти державы) она причиняетъ безпокойства намъ; она нарушаетъ нашъ внутренній миръ своими неурядицами, заставляя держать войско на ея границахъ; она вредитъ намъ и прямо и косвенно; она не умѣетъ ладить съ своими подданными и потому недостойна владѣть ими; надо уменьшить ея силу отдѣленіемъ отъ нея части ея владѣній. Наконецъ, буйственные сыны анархіи (продолжали сосѣднія державы), конфедераты, могутъ усилиться, соединиться съ Турціей, какъ они и старались о томъ постоянно, и причинить намъ неисчислимыя потерп. Сегодня они осмѣлились попрасть священныя права своего монарха, завтра они посягнутъ на права другихъ.

Но пока сосѣдніе кабинеты не условились окончательно, относительно способа раздѣла речи посполитой и количества земли, долженствовавшаго отойти къ той или другой державѣ, Поляки оставались въ неизвѣстности о своей участи. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тишина въ Польшѣ не возстановлялась; конфедераты продолжали свои неудачныя попытки—сдѣлаться полноправными владыками своего отечества; Французы помогали имъ, пока это дѣло интересовало версальскій кабинетъ. Одинъ Стапиславъ—Августъ пребывалъ въ спокойномъ и отчасти пріятномъ расположеніи духа, увѣрившись въ пріязни къ

нему соединить державъ, которыя приласкали его и сожалѣли о постигшемъ его несчастіи послѣ событій 3 и 4 ноября; притомъ эти событія дали ему и возможность порисоваться, и матеріалъ для разсказовъ о своемъ геройствѣ. Однако пріятное расположеніе духа продолжалось не долго. Время раздѣла Польши приближалось.

Съ 1772 года, почти одновременно во всѣхъ трехъ соединяемыхъ съ Польшею государствахъ, начались рѣшительныя приготовленія къ раздѣлу речн послеполитой—уже не въ кабинетахъ и не на картахъ, а въ нагурѣ. Что касается до Россіи, то 28 мая графъ Чернышевъ получилъ именной указъ, въ которомъ императрица прямо говорила: «въ слѣдствіе соглашенія нашего съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворомъ, нѣмцамъ мы присоединить къ имперіи нашей нѣсколько изъ смежныхъ съ нами польскихъ провинцій; для удобнѣйшаго сихъ земель управленія, заблагоразсудили мы раздѣлить ихъ на двѣ губерніи» и т. д. (Полн. Собр. Закон. Рос. Имн. XIX, 13, 807). Графъ Чернышевъ впередъ назначался генералъ-губернаторомъ и главнымъ хозяиномъ новопріобрѣтенныхъ территорій; генералы Каховскій и Кречетниковъ получали званіе губернаторовъ будущихъ русскихъ губерній, изъ которыхъ одна должна была называться Псковскою, а другая Могилевскою. Въ тотъ же день данъ былъ другой именной указъ Каховскому и Кречетникову, въ которомъ императрица, говоря, что «рѣшлись мы нынѣ на присоединеніе къ имперіи нашей нѣкоторыхъ польскихъ земель», и поручая имъ губернаторство надъ новыми областями, прибавляла: «сіе сообщаемъ вамъ теперь для единственнаго вашего извѣстія и содержанія въ секретѣ, пока зачатое нами о томъ дѣло не доведено будетъ до совершеннаго окончанія». Дѣло и началось и велось, такимъ образомъ, тайно до рѣшительной минуты; а между тѣмъ, новымъ губернаторамъ велѣно было принять команду надъ войсками, находившимися въ пріобрѣтаемыхъ провинціяхъ и тайно собирать свѣдѣнія о состояніи населенія, доходахъ и проч., «подъ предлогомъ распоряженія справедливой и соразмѣрной репортиціи въ поставкѣ провіанта и фуража, будтобы для отвращенія чрезъ то какъ всякихъ отъ небольшихъ деташаментовъ случающихся иногда продерзостей и наглостей, такъ и неравныхъ отъ земскихъ комиссаровъ сборовъ, отягощающихъ и оскорбляющихъ мелкое дворянство». Во всякомъ случаѣ тайная цѣль предварительныхъ дѣйствій правительства не должна была обнаруживаться; въ указѣ прямо повелѣвалось дѣйствовать осторожно, чтобъ «не открытъ рановременно прямыхъ нашихъ намѣреній».

Губернаторы должны были учинить перепись повѣтамъ, деревнямъ, мѣстностямъ короннымъ, монастырскимъ и частнымъ; узнать доходы страны и ея средства; оставить городамъ ихъ прежнія права, судъ и расправу, «въ личныхъ дѣлахъ», какъ сказано въ наказѣ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, «кои не дотрогиваются до власти нашей»; иезуитскимъ монастырямъ и школамъ велѣно было сдѣлать особую перепись. «Вы за сими наипаче недреманно смотрѣть имѣете (добавляетъ императрица), яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ». (Пол. Соб. Зак. XIX 13,808).

16 августа, въ именномъ указѣ графу Чернышеву, императрица давала знать, что формальное соглашеніе о раздѣлѣ Польши доведено уже «до совершенной своей зрѣлости» и секретная конвенція между тремя, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, державами уже подписана. Вслѣдствіе этого повелѣвалось, чтобы между первымъ и седьмымъ числомъ сентябрю, бѣлорусскій край былъ взятъ въ дѣйствительное владѣніе русскаго царства,—чтобы въ немъ расположены были войска для сохраненія тишины и спокойствія и для «вкорененія» повинновенія новой власти,—чтобы назначены были сроки для принятія присяги на новое подданство, границы края обнесены были столбами съ двуглавымъ орломъ,—чтобы въ казну собирались публичныя доходы и чтобы, наконецъ, судъ и расправа чинились, «до времени», по тамошнимъ правамъ и обычаямъ. Вслѣдъ затѣмъ, Чернышевъ обвародывалъ плакать о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что императрица изволила нынѣ брать подъ державу свою эти земли «въ удовлетвореніе и замѣну многихъ имперіи своей на рѣчь посполитую польскую издревле законно принадлежавшихъ, неоспоримыхъ правъ и требованій.» Самъ Чернышевъ, въ этомъ плакатѣ, называетъ уже Бѣлоруссовъ своими «любезными согражданами», общаетъ имъ спокойствіе, правосудіе и милость, приглашаетъ духовенство приносить теплыя молитвы о здравіи попечительной императрицы и т. д. (Тамъ же, 13,850).

Наконецъ 23 октября объявлено было всему русскому народу о присоединеніи бѣлорусскаго края. «Неутомленными ея императорскаго величества трудами и неуспыннымъ матернимъ о благополучіи россійской имперіи попеченіемъ присоединены къ державѣ ея отъ рѣчи посполитой польской нѣкоторыя земли, которыя раздѣлены на двѣ губерніи: первая наименована Псковскою, а вторая Могилевскою», говорилось въ этой всенародной публикаціи. Въ ней обозначены были и

границы новообрѣтенныхъ земель. (Тамъ же, 13,888). Фридрихъ II на основаніи конвенціи получалъ свою часть; на долю Маріи-Терезіи также достался клочекъ землицы,—ein elendes Stück von Polen. Принимая его, Марія-Терезіи плакала, говорятъ, однако, тѣмъ не менѣе землю взяла.

Что было въ это время въ Польшѣ, мы не будемъ говорить. Событія, слѣдовавшія за первымъ раздѣломъ рѣчи посполитой, составляютъ другой періодъ въ исторіи ея послѣднихъ дней. Скажемъ только, что и послѣ этого тяжелаго испытанія Поляки не понимали причины своей гибели. Они еще не знали той простой исторической истины, что рано или поздно, а должно погибнуть государство, представители котораго, ради личныхъ интересовъ, забываютъ интересы народа; что, рано или поздно а приходитъ наконецъ время, когда въ свою очередь и народъ забываетъ своихъ представителей и равнодушно отдаетъ себя другой власти, въ надеждѣ на лучшую долю или хоть бы только для того, чтобъ избавиться отъ стараго гнета. Это законъ историческаго возмездія. Во всякомъ случаѣ, Польша потому перестала существовать, что правительство ея недостойно было располагать судьбою миллионныхъ подданныхъ, о которыхъ оно не заботилось.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

Сфинксы.

Ненастный день долѣлъ. На портнки столицы,
На вѣковой гранитъ, на золотые шпиды
Ночныя тѣни рано полегли;
И тонуть въ мутной мглѣ мосты и корабли,
Дворцовъ и башенъ силуэты;
И сфинксы, спящіе подь говоръ темныхъ водъ,
Туманомъ сѣвера, какъ саваномъ, одѣты...
Имъ грезится иной, прозрачный небо сводъ,
И теплыя струи роднаго Нила,
И пальма пышная... она манить, манить
Въ пустыню знойную, къ подножью пирамидъ,
Въ отечество жреца и крокодила.

Тысячелѣтія надъ вами протекли,
Отъ грозныхъ царствъ не стало ни руины,
Народы цѣлыя исчезнули съ земли;
Но вашъ гранитный лобъ не вынесъ ни морщины
Изъ темной пропасти событій и вѣковъ:
Вы долговѣчяте героевъ и боговъ!
Вамъ памятны громады пилоны
Стовратныхъ Оивъ, и весь ли удивить
Всѣ наши копія античныхъ колоннадъ,
Всѣ эти шаткіе, кирпичные фронтоны?...
Все чуждо вамъ у насъ; но человекъ знакомъ,
Съ его мистическимъ, застойчивымъ умомъ,
Хоть и не Ибису кладетъ онъ здѣсь поклонны.
Какъ прежде, мимо васъ тревожная толпа
Бѣжитъ за золотомъ, путемъ добра и зла,
Торгуетъ совѣстью, продавъ и умъ и руки.
Какъ въ-старину, всѣ касты межъ собой
Раздѣлены бессмысленной враждой,
И пролетарію въ святилище науки
Нѣтъ доступа, какъ въ тайники жрецовъ;
Богачъ, не дорожа плодомъ чужихъ трудовъ,
Встрѣчаетъ труженика взглядами презрѣнья;
И возлѣ тѣхъ палатъ, гдѣ дремлетъ пресыщенье,
Гдѣ всюду золото, и бархатъ и цвѣты, —
Толпа людей, въ лохмотьяхъ нищеты,
Подъ стужей и огнемъ измѣнчиваго неба,
Какъ при хеопсовой постройкѣ пирамидъ,
Ворочаетъ скалы, и жизни не щадитъ
За ржавый грошъ, за корку хлѣба.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Дѣла Испаніи: Министерство О'Доннелла. — Крестовый походъ на Марокко. — Попеченія губернаторовъ о политическомъ здоровьѣ націи. — Стѣсненное положеніе Мексики и претензіи Франціи, Англіи и Испаніи. — Государственный долгъ Испаніи. — Трагическое положеніе Андалузіи. — Броженіе умовъ. — **Евреганга**, журналъ съ самостоятельными воззрѣніями. — **Дѣла Франціи:** Краснорѣчіе графа Морни. — Воззваніе викарота Артура де-ла-Героньеръ къ представителямъ французской аристократіи. — Шведскій король въ Парижѣ. — Неудовольствіе испанской королевы. — Платоническая честность Миреса. — **Дѣла Англіи:** Откровенность Пальмерстона. — **Дѣла Германіи:** Конгрессы и національный флотъ. — Выходки Монитера. — Министерство Шмерлинга и его отношенія къ сеймамъ въ Пестѣ и Аграмѣ. — **Дѣла Италіи:** Циркуляръ Рикасоли. — Объясненіе неаполитанскаго разбойничества. — Сношенія бандитовъ съ Римомъ.

Предпринявъ небольшую поѣздку въ Испанію и живя теперь на границѣ ея, и пользуясь этимъ случаемъ, чтобы разсмотрѣть вблизи движеніе умовъ на полуостровѣ и поговорить съ читателями Русскаго Слова о совершившихся событіяхъ, и о тѣхъ событіяхъ, которыя готовятся впереди. Политики и журналисты высшихъ и низшихъ инстанцій кидаются съ шумомъ на недавнія событія, болѣе или менѣе непредвидѣнные. Но кто изъявляетъ притязанія на то, чтобы писать дѣйствительную политику и заниматься не столько самими фактами, сколько тѣми положеніями, изъ которыхъ вытекаютъ факты, тотъ можетъ спокойно идти мимо внѣшнихъ явленій, но тѣмъ осторожнѣе осматривать задани, разставленные негнѣными системами и исторіей.

Благодаря государственному перевороту Викальваро, королемъ Испаніи сдѣлался О'Доннель. Онъ самовольно отослалъ въ изгнаніе королеву мать—Христину. Номинальная королева, Изабелла II и принцъ, супругъ ея, на самомъ дѣлѣ первые подданные О'Доннеля. Палата депутатовъ слушается его команды, какъ батальонъ пѣхоты; другіе министры, его прикащики и секретари, замѣчательны только своимъ ничтожествомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Позада—Геррера составляетъ исключеніе и старается столкнуть съ мѣста своего начальника, чтó и удастся ему рано или поздно. Покуда онъ повинуется, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, которые, между прочимъ, отъ души ненавидягь другъ-друга. Причина всемогущества О'Доннеля заключается въ томъ, что онъ еще держитъ въ рукахъ войско, и что въ каждой странѣ преобладаніе войска тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе законность и гражданская жизнь. Рядомъ, несмотря на всю свою единственность, оставили намъ знаменитое правило: «оружіе склоняется передъ тогою судьей». Однимъ словомъ, вотъ положеніе Испаніи: анархія, господство произвола, а не закона, господство сабли, а не пѣли.

Продолжая государственный переворотъ и оправдывая его либеральными стремленіями (какъ это всегда дѣлается), О'Доннель обѣщаль золотыя горы: свободу печати, свободу пресій и, между прочимъ, конституцію, долженствовавшую быть водяколышною. Переворотъ удался. О конституціи вовсе не стали думать, и даже, чтобы не давать себѣ труда составлять еще новую хартію, просто возстановили конституцію 1845 года, обѣщая ее исправить и усовершенствовать. Всѣ усовершенствованія, сдѣланныя кавалерійскимъ генераломъ, превратившимся въ законодателя, ограничились тѣмъ, что онъ вооружилъ судебныя мѣста противъ этихъ проклятыхъ либераловъ, не пожелавшихъ обратиться вокругъ вымани, опозореннаго предугаженіемъ и замараннаго кровью. Онъ вообразилъ себѣ, что поступать очень искусно, обѣщая Испаніи значительное матеріальное благосостояніе, онъ хотѣлъ оларить страну не школами, не бібліотеками, не университетами, отнюдь не свободными журналами, но банками, огромнымъ количествомъ банковъ, металлургическими заведеніями, фабриками и механическихъ веществъ, множествомъ желѣзныхъ дорогъ. Прог. (Progr.) д. Миресъ первые отвѣтили на вызовъ; за ними, послѣдовали многіе, другіе, оставшіеся болѣе счастливыми, — Ротшильдъ, Вейсвейлеръ, Петрейра, и даже сынковья Гилью младшую. Дѣйствительно, выстроили нѣсколько сотъ верстъ рельсовъ, разработали нѣкоторые копи, при-

ближайшее несколько шествать, но не явилось ни одной хорошей идеи.

О'Доннель задумал дать Испаніи великую вещь, называющуюся славою,—славу взятій свободы. Видя успѣхъ Наполеона III въ Крыму и въ Италіи, онъ выдумалъ войну противъ Марокко. Заодно съ духовенствомъ онъ воскресилъ старую релігіозную ненависть, погасшую повидному вмѣстѣ съ кострами инквизиціи, и католическая Испанія пошла въ походъ противъ Магомета, махая заржавлѣвшимъ копьемъ Донъ-Кихота и оглашая воедухъ дикими криками: бейте, бейте Мавровъ! О'Доннель, главнокомандующій кастиліи, захватилъ Тетуанъ, принудилъ мароккаго императора даровать свободу совѣсти католикамъ сомнительнаго свойства, живущимъ въ Могадоръ, Фецъ и Тангеръ, а главное, обязалъ его къ уплатѣ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ реаловъ и до окончательнаго расчета занялъ Тетуанъ испанскими гарнизонами. Затѣмъ онъ попробовалъ ввести Испанію, увѣчанную африканскими лаврами, въ европейскіе конгрессы и сдѣлать ее 6-ю великою державою. Императрица Евгения общала даже ходатайствовать за свою родину, но зависть Англіи и интриги Пруссіи помѣшали успѣху дѣла, какъ объяснили министерскіе журналы. Испанія осталась за дверью, которую рѣшительно не захотѣлъ отворить дипломатическій привратникъ. Будь другой человекъ на мѣстѣ О'Доннеля, онъ, можетъ быть, задумалъ бы увѣнчать Испанію, предоставивъ ей свободу печати. Но О'Доннель не такъ простъ; онъ полагаетъ, что книгопечатаніе одуряетъ народъ и потому ограничилъ свободу прессы еще сильнѣй, чѣмъ было прежде. Сверхъ того, онъ цовытался уничтожить права общины и провинцій, которыми такъ гордятся Испанія и Италія, и которыми основаніе лежатъ въ самомъ духѣ племенн. Для истиннаго благосостоянія необходимо соединить политическую централизацию съ правительственною децентрализациею; иначе смазать, необходимо при сильной внутренней жизни имѣть энергическое вліяніе на вышнія дѣла. Но О'Доннель не занимается такими сложными задачами соціальной науки; онъ находитъ чистую и полную централизацию гораздо удобнѣе, и послушаетъ такъ, какъ дѣйствуютъ Австрія по программѣ Баха и Шварцшберга, какъ дѣйствовалъ во Франціи блаженной памяти бюрократъ Наполеонъ I, и какъ въ настоящее время дѣйствуетъ Наполеонъ III, назначившій меромъ приказомъ пресекта и сильно желающій превратить ихъ въ чиновниковъ на жалованьи отъ короны, т. е. какъ—будто въ помощниковъ помощника пресекта. Испанское министерство послы-

*

ласть такимъ образомъ губернаторовъ въ провинціи и управляетъ вопреки всеобщему желанію посредствомъ телеграфическихъ депешъ. Губернаторы занимаются не только крупными интересами жителей, они заботятся даже о выборѣ для нихъ чтенія; чтобы дать понятіе объ этой крайней предусмотрительности, мы приведемъ нѣсколько недавнихъ мелкихъ фактовъ, представляющихъ значительное сходство съ тѣмъ, что происходило въ Венеціи, подъ отеческимъ управленіемъ Гесса, Бенедика и подобныхъ. Губернаторъ Таррагоны, Донъ Сантіаго Дишюнъ разослалъ предсѣдателямъ разныхъ обществъ циркуляръ, въ которомъ совѣтуетъ имъ въ повелительныхъ выраженіяхъ склонять членовъ къ немедленной подпискѣ на журналы *Erosa*, *Diario Espanol* и *Correspondencia*, или, по-крайней-мѣрѣ на одно изъ этихъ трехъ изданій; изданія эти, по его словамъ, слѣдуютъ внушеніямъ правительства и слѣдовательно могутъ надлежащимъ образомъ просвѣщать «*por que recibiendo las inspiraciones del gobierno, su eden ilustrar convenientemente la opinion*».... Переписка, напечатанная въ журналѣ *la Corona de Barcelona*, даетъ намъ знать, что гражданскій губернаторъ Рейссъ также потребовалъ отъ городскихъ клубовъ подробный отчетъ о получающихся журналахъ, настоятельно рекомендуя три вышеозначенныя изданія, распространяющія, по его мнѣнію, здравый образъ мыслей *por ser los propagadores de la buena doctrina*.

И между тѣмъ, несмотря на всѣ эти заботы о политическомъ здоровьѣ націй, незамѣтно, чтобы испанскій народъ былъ особенно привязанъ къ своему правительству; напротивъ того, къ довершенію несчастій, марокская экспедиція, обѣщавшая столько славы, доставляетъ теперь, какъ это предвидѣли всѣ здравомыслящіе люди, однѣ непріятности и затрудненія. Императоръ марокскій посылаетъ депутацію за депутаціею, посылаетъ даже своего роднаго брата Мулей-Аббаса, чтобы заявить съ своей стороны полнѣйшую невозможность заплатить огромную контрибуцію, къ которой его обязали, но въ славъ надъ нимъ штыкъ. Что касается до занятія Тетуана, въ которомъ видѣли крѣпкую позицію надъ Средиземнымъ моремъ и даже надежду довести Англію до уступки Гибралтара, то это завоеваніе стоитъ слишкомъ дорого для истощенной казны Испаніи. Занятіе Тетуана сильно раздражаетъ британскій кабинетъ, и сверхъ того, осуждается на бездѣйствіе лучшую часть испанской арміи. Войска, посланныя въ Марокко для защиты воображаемыхъ католиковъ, могли бы при-

нести болѣе существенную пользу римской, апостольской церкви, еслибы они стояли на-готовѣ, чтобы во всякую данную минуту смѣнить французскія войска, которые императоръ Наполеонъ черезъ каждые три мѣсяца обѣщаетъ вывести изъ Рима. Англія застываетъ по-видимому за Марокко и съ удовольствіемъ согласилась бы заплатить испанскому правительству ту контрибуцію, которая не по силамъ Мароккской имперіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Тетуанъ былъ занятъ англійскими войсками. О'Доннель радъ былъ бы взять англійскія деньги, да боится негодованія испанской націи, которая совершенно справедливо думаетъ, что для Англіи слишкомъ достаточно и одного Гибралтара. Правительство королевы испанской находится въ очень затруднительномъ положеніи; ему бы хотѣлось улизнуть изъ Марокко и бросить тамъ потраченные милліоны вмѣстѣ съ отбитыми руками, головами и членами, но уйти потихоньку имъ мудрено, особенно послѣ того, какъ они вошли съ шумомъ, при звукѣ всѣхъ барабановъ и мѣдныхъ инструментовъ, которыми они располагали въ великомъ оркестрѣ европейской гласности.

Но было бы слишкомъ жестоко не давать славы Испанцамъ, людямъ честолюбивымъ и принужденнымъ до настоящей минуты довольствоваться одними подвигами Донъ-Кихота. О'Доннель, подражатель Людовика-Наполеона, задумалъ устроить присоединеніе, подобное тому, которое такъ хорошо удалось его образу. Онъ подкупилъ за дешевую цѣну нѣсколькихъ доминиканскихъ генераловъ, завелъ интриги въ населеніи Гаванны и въ экипажахъ кубскихъ неготорговцевъ, и съ этими силами произвелъ военное *pronunciamento*. Однихъ доминиканцевъ разстрѣливаютъ, другихъ сажаютъ въ тюрьмы, а остальные съ энтузіазмомъ провозглашаютъ присоединеніе къ метрополи; штука съиграва, и жители Мадрида, въ одно прекрасное утро, просыпаются, владея новою колоніею. Президентъ Жеффаръ хочетъ сопротивляться этому завладѣнію, которое не обѣщаетъ ничего хорошаго для Ганги, но передъ Порт-о-Пренсомъ появляются корабли, вооруженные бомбическими орудіями, Жеффаръ обязывается заплатить значительную сумму денегъ, и испанскіе журналы объявляютъ, что все дѣло уладится, если онъ заплатитъ восьмую часть обѣщанной контрибуціи.

Эта слава не дорого стоитъ, и потому думаютъ теперь обратиться за новыми лаврами, напримѣръ, въ Мексику, гдѣ представляется удобный случай поживиться, не подвергаясь опасности. Конституціонная партія и президентъ ея, Хуарецъ, только-что восторжествовали надъ

своими врагами, абсолютистами и клерикалами, страна вздохнула свободнѣе послѣ такого множества кровавыхъ междоусобицъ; англійское и французское правительства пользуются минутой; чтобы содѣйствовать возстановленію порядка, они объявляютъ себя противъ новаго правительства, за то будто бы, что оно еще не заплатило процентовъ иностраннымъ укрытелямъ мексиканскихъ фондовъ. Государственную казну до чиста опустошили Мирамонъ, Деголладо и имъ подобные. Хуарець истратилъ свои собственные деньги, улачивая англійскимъ негодянтамъ суммы, которыя его предшественники похищали ночью, со взломомъ оконъ, дверей и сундуковъ. Чтобы получить деньги, надо непремѣнно подождать, а ждать не хотѣть; если Хуарець сію минуту не найдетъ тѣхъ денегъ, которыхъ у него нѣтъ, Англичане пошлютъ свой флотъ, чтобы перебить возможно большее число Мексиканцевъ и сжечь Вера-Круць и Темпико. Одна угроза ихъ нашествія свергнетъ Хуареца и отдастъ страну на жертву всѣмъ ужасамъ войны и неурядицы. Французы пошлютъ свою эскадру велѣдъ за англійскою; а велѣдъ за ними Испанцы пошлютъ свою эскадрилью. Испанское правительство самъ—третьей пойдетъ рѣзать и грабить людей испанской расы; и увѣнчаетъ свое чело лаврами изъ третьихъ рукъ. «Гдѣ нѣтъ ничего, тамъ самъ чортъ теряетъ свои права», говоритъ народная пословица. Для бѣдныхъ Мексиканцевъ было бы конечно выгоднѣе быть въ долгу у чорта, чѣмъ у иныхъ католическихъ правительствъ. Этой чертѣ великодушія и высокой политики нечего удивляться ни со стороны англійскаго министерства, ни со стороны О'Доннелова кабинета. О тэмперійскомъ правительствѣ и говорить нечего. Я еще не знаю великихъ проэктовъ, созрѣвающихъ въ мозгу трехъ державъ касательно злополучной страны, но флоты еще не пукались въ путь, а *Теймсъ* уже толкуетъ о кандидатствѣ Донъ-Жуана Бурбонскаго или Бонапарта Наттерсона; испанскіе журналы, съ своей стороны, предлагаютъ въ будущіе императоры Мексики двоюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ Изабеллы.

Вотъ образчики той славы, которую испанское правительство даетъ своему народу взаменъ свободы. И что-жь? — Неблагодарная Испанія не чувствуетъ къ О'Доннелю никакой признательности за то, что онъ обогатилъ нѣсколькихъ спекуляторовъ, удешевилъ провозъ товаровъ и даже роздалъ солдатамъ нѣсколько тысячъ серебряныхъ монетъ, которыя они повѣсили на сердце, въ воспоминаніе марокскихъ перестрѣлокъ. Испанія недовольна, раздражена, пресыщена своимъ благосостояніемъ и хваленою славою; ей хочется чего—то другаго.

А вот картина финансового благосостояния, обещанного взаимно гражданам добродетелью: долги, терпящие отлагательство, внешние и внутренние, долги отороченные, долги къ погашенію и пр. и пр. Все эти мудренныя названія обозначаютъ собою долговыя обязательства банкрота, и банкротъ этотъ самъ неумолимъ въ отношеніи къ своимъ иностраннымъ должникамъ. Чтобы произвести расплату, пришлось продавать коммунальныя земли; вмѣстѣ съ тѣмъ приступили также къ продажѣ церковныхъ владѣній. 1-го января 1861 года продажа эта дала въ приближительномъ результатѣ одинъ миллиардъ двѣсти сорокъ милліоновъ реаловъ. Въ § 12 того закона, которымъ разрешается эта продажа, сказано: «Деньги, вырученныя отъ продажи государственныхъ имущества, должны быть употреблены въ пропорціи 20 на это, на погашеніе государственнаго долга и на долги, подлежащія уплатѣ капитала перваго и втораго класса, безъ всякаго предпочтенія.»

Параграфъ 14 не менѣе ясно говоритъ слѣдующее: «Юнта, управляющая государственными долгами, ежемѣсячно будетъ принимать въ свои кассы фонды, вырученныя отъ продажи, и не въ какомъ случаѣ, ни подъ какою предлогомъ не дозволить, чтобы эти деньги, каковъ бы то ни было властью, были отняты отъ того священнаго предмета, на который онѣ исключительно предназначены.»

Кажется, священный предметъ, о которомъ говорится въ законѣ 1855 года, вовсе не святъ для министра испанскихъ финансовъ, потому что онъ до сего дня не уплатилъ заинтересованнымъ лицамъ ни реала. Мало того, иностранныя кредиторы, которымъ слѣдуетъ уплатить капиталъ, представили кортесамъ прошеніе объ этомъ дѣлѣ; тогда министръ Фоменго, въ засѣданіи 16-го марта 1861 года, объяснилъ, что, по совѣсти и по убѣжденію, онъ понимаетъ законъ 1-го мая 1855 года въ томъ смыслѣ, что кредиторы имѣютъ право получить не капиталъ, а проценты. Какова насмѣшка!

Какъ! отвѣчали ему, развѣ могли сами законодатели безъ стыда составить законъ и, не красѣя, предложить кредиторамъ, не получившимъ своего долга ницкихъ процентовъ, въ видѣ вознагражденія за капиталъ и въ видѣ окончательной расплаты, проценты съ капитала, свѣдѣнаго уже и безъ-того на пятую часть своей первоначальной цѣнности?

Вотъ, наконецъ, до какаго положенія испанское правительство, нарушая свои обязательства, довело своихъ иностранныхъ кредиторовъ.

Извѣстно, что въ 1851 году, владельцы испанскихъ пятипроцентныхъ рентъ получили взаменъ своихъ бумагъ обязательства по ступенямъ, подлежащія уплатѣ по второму классу. Тенерифскія трехпроцентныя испанскія ренты упали на 50 шастровъ, стало-быть, по тому же курсу пятипроцентная рента стоитъ $83\frac{1}{3}$ шастра. Если прибавить къ этой суммѣ проценты за 26 лѣтъ, которые испанское правительство должно было бы выплачивать, еслибы оно не перемѣнило рентъ въ пассивныя обязательства, то это составило бы 130 шастровъ, такъ-что рента пятипроцентная, невыплаченная съ 1834 года, превратилась бы въ капиталъ, равняющійся $213\frac{1}{3}$ шастровъ. Теперь же выходитъ, что владельцы прежней пятипроцентной ренты, согласившіеся въ 1851 году принять пассивныя обязательства, получаютъ, благодаря нарушенію обязательствъ, данныхъ испанскимъ правительствомъ, всего-на-всего 17 шастровъ, т. е. около шестнадцатой части того, что имъ слѣдуетъ. Подобный результатъ ужасенъ для кредиторовъ, возложившихъ на него свои надежды и жестоко наказанныхъ за свою довѣрчивость.

Не имѣя ни гласности, ни независимой трибуны, народъ заявилъ свое мнѣніе насчетъ доставшихся на его долю администраторовъ, возмущеніемъ, внезапно вспыхнувшимъ въ Лехѣ, подобно тѣмъ пожарамъ, которые вдругъ разражаются съ ужасающею силою послѣ продолжительной засухи. Все населеніе возстало незнѣшно почему, соединилось съ жителями окружающихъ деревень и захватило всю провинцію. Когда услышали, что королевскія войска тронулись въ походъ, малочисленная толпа инсургентовъ осталась непоколебимою, и матери поспѣшно стали отправлять туда своихъ дѣтей. Противъ кавалеріи и артиллеріи инсургенты могли сопротивляться только кое-какимъ жилищнымъ оружіемъ, и, несмотря на то, они вышли изъ своего городка, чтобы не подвергать его жестокостямъ солдатъ, выдержали восьмичасовое сраженіе въ открытомъ полѣ, и, отразивъ нападеніе враговъ, ночью разсыпались по окрестностямъ. Вотъ что сдѣлали вѣрные зачинщики неурядицъ и протестанты, — коммунисты, какъ называютъ ихъ испанскій *Pensamiento* (надрядскій *Constitutionnel*). А вотъ, въ параллель съ этимъ, что сдѣлалъ О'Доннелъ!

То, что происходитъ въ Андалузѣ, возбуждаетъ ужасъ и жалость. Тамъ свирѣпствуютъ безъ состраданія и безъ разбора; это надо сказать громко, потому что невозможно тонать ногами самыя элементарныя основанія права и самыя существенныя законы конституціи,

касаясь безопасности личностей и неприкосновенности жилищъ. Законъ о подозрительныхъ особахъ не былъ обнародованъ, но онъ господствуетъ фактически, а въ дополненіе къ нему, господствуютъ во всей своей суровости военные законы.

Арестуютъ людей сотнями, вносятъ безпорядокъ и угрозу въ мирныя деревни, выпускаютъ солдатъ на поселянъ. — Тюрьмы набиты арестантами, и полевые работы останавливаются за недостаткомъ рукъ. Двѣнадцать обвиненныхъ были повѣшены во имя порядка, и по всей вѣроятности, на этомъ не остановится казнь.

Въ некоторыхъ деревняхъ всѣ жители, кромѣ женщинъ и дѣтей, захвачены и уведены, подъ крикииъ карауломъ, въ иррачные остроги, въ которыхъ набито такъ много узниковъ, и гдѣ содержать ихъ такъ небрежно, что повальные болѣзни неминуемы. Но военные суды прворорны, они живо дѣлаютъ свое дѣло, тѣмъ болѣе, что работы много, и уже болѣе 200 человекъ, вывезенныхъ на государственныхъ корабляхъ въ Маіорку, на Канарійскіе острова и на Фернанде-По, очистили мѣсто и дали больше воздуха и простора товарищамъ своимъ по заключенію, ожидающимъ рѣшенія своей судьбы.

Конституціонныя власти и еще болѣе импровизованное начальство дѣйствуютъ произвольно; среди всеобщаго безпорядка, они кажутся идуть къ тому, чтобы разрушить муниципальныя учрежденія и уничтожить то преданіе независимыхъ общинъ, которое такъ живуче въ Каталініи, и такъ дорого народу, какъ обезпеченіе будущаго права. Муниципальныя управленія распуцены; муниципальныхъ чиновниковъ выгоняютъ или сажаютъ въ тюрьму, а на ихъ мѣсто побираютъ людей благомыслящихъ, вольныхъ, послушныхъ дисциплинѣ, заклятыхъ респективеровъ, и даже бывшихъ карлистовъ, потому что теперь вошли въ нилость люди, сопротивлявшіеся введенію конституціонной системы.

Андалузы, при всей веселости своего характера, не могутъ ратовать тону зрѣнцію, которое они видятъ въ своей странѣ. Самые воинные люди боятся за свою личность, потому что никому нѣтъ пощады; были примѣры, что люди очень миролюбивые и совершенно безобидные попадали въ тюрьму по доносу преступника—каторжника. Обо всѣхъ этихъ безобразіяхъ журналы не говорятъ ни слова; они постоянно твердятъ, что въ Андалузіи царствуетъ полнѣйшее, невозмутимое спокойствіе. Упорство, съ которымъ они повторяютъ это, доказываетъ, даже при отсутствіи другихъ доказа-

тельство, что эти журналы говорят неправду. Несомненно то, что большая часть жителей Андалузии фактически находится виѣ закона, и что никто не пользуется безопасностью.

Военнымъ судомъ судятся не только люди, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, но даже тѣ лица, которыя просто задержаны полиціею и объявлены подозрительными. Людей, оправдавшихся передъ судомъ, захватываютъ еще разъ и осуждаютъ на 12-лѣтнюю работу на галерахъ; иныхъ арестуютъ, по словамъ обвинительныхъ актовъ, какъ людей, заподозрѣнныхъ въ пропагандѣ демократическихъ идей; если не знаютъ чьего нибудь жилища, то публикуютъ афишамн, что такой-то долженъ явиться въ тюрьму, и что, въ случаѣ неявки, онъ обвиняется въ измѣнѣ, въ возмущеніи, и въ оскорбленіи величества. Будь я на мѣстѣ подобнаго бѣдняги, я бы воспользовалъ совѣту Вольтера или вообще умнаго человѣка: «Еслибы меня обвинили въ томъ, что я украдъ колокольню Notre-Dame и спряталъ ее въ карманъ, я бы прежде всего наострилъ лыжи и оставилъ бы много чистаго воздуха между собою и блюстителемъ правосудія.» Люди благо-разумные искали убѣжища въ Гибралтарѣ, подъ тѣнью британскихъ знаменъ, но представитель гостеприимной Англій перевезъ своихъ гостей въ Португалію и избавился такимъ образомъ отъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Въ Альбукерке, среди ночи, начальство разбудило нѣсколькихъ жителей, и выведя ихъ за двери ихъ собственныхъ жилищъ, принялось производить обыскъ. У насъ передъ глазами лежатъ нѣсколько, въ которомъ факты эти рассказаны съ величайшими подробностями однимъ жителемъ этой мѣстности; за рассказомъ слѣдуетъ справедливое замѣчаніе, что не могло быть хуже въ самое нѣтъущее время инквизиціи.

Въ Малагѣ епископъ недавно посѣтилъ нѣкоторыхъ богатыхъ городскихъ негоціантовъ, и, разговаривая съ ними очень любезно, перерылъ ихъ библиотеки, и безъ церемоніи конфисковалъ тѣ книги, которыхъ чтеніе казалось ему вреднымъ, между прочимъ *братство* Галліи. Онъ, конечно, готовитъ ауто—дафе изъ книгъ, по призыву иезуитовъ, которые въ Коронѣ на площади сожгли кучу библій, евангелій и романовъ Александра Дюма. Скажемъ мимоходомъ, что духовенство снова воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы обвинять въ революціонизмѣ и отправить на галеры нѣсколькихъ несчастныхъ протестантовъ, подвизавшихся, по своему, въ пѣніи псалмовъ Давида и въ утѣщеніяхъ покаяться. Вотъ какъ журналъ *Iberia* характери-

зуетъ положеніе дѣлъ: «Съ 1836 года генераль О’Доннелъ управляя государствомъ, живя со дня на день, отдаваясь событіямъ минуты, прилагая къ нимъ тѣ рѣшенія, которыя казались ему удобными, и не заботясь о томъ, что эти рѣшенія противорѣчатъ другъ-другу. Теперь онъ совершенно прикнулъ къ претензіямъ Австріи, такъ что, еслибы наконецъ произошло въ Европѣ столкновеніе между партіями либераловъ и абсолютистовъ, то Испанія принуждена была бы отказаться отъ преданій свободы и вступить въ борьбу съ Италіею, Франціею и Англіею. Во всѣхъ дѣлахъ, въ Марокко, въ Мексикѣ, съ С. Доингаго, въ Венесуэлѣ, честь испанскаго имени уже замарана. Внутри государства, наши финансы въ полномъ разстройствѣ; необлаченный долгъ ежедневно увеличивается. Въ прошлый мѣсяцъ оказалось 111 милліоновъ реаловъ дефицита, что составитъ въ годъ 1332 милліона, т. е. цѣлая половина бюджета... Свобода печати раздавлена; индивидуальная безопасность не существуетъ; вся страна какъ будто опутана обширнымъ заговоромъ; въ судебныхъ дѣлахъ приговоры идутъ въ-разрѣзъ съ результатами слѣдствій. Вотъ къ чему привела произвольная полтина генерала, при содѣйствіи ультрамонтанной партіи *Соединенія* (Union). Это дѣло — Соединенія! Да здравствуютъ Соединеніе!»

Когда говорятъ такимъ образомъ, это значитъ, что въ глубинѣ нации готовится кризисъ. Въ изложеніи предъидущихъ событій должно видѣть не только исторію ошибокъ одного кабинета или отрывокъ изъ біографіи его превосходительства О’Доннеля, президента совѣта министровъ, — здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ человѣкѣ, а о всей системѣ, управлявшей Испаніею въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ. Возарившись путемъ государственнаго переворота, система, которую мы назовемъ о’доннелизмомъ, вообразила себѣ, что матеріальная сила, доставившая ей власть въ данную минуту, можетъ въслѣдствіи удерживать за нею эту власть на неопредѣленное время. Представители этой системы полагали, что можно подъ либеральнымъ флагомъ скрывать угнетательскую политику, и что никто не замѣтитъ этой подтасовки; они полагали, что пушки, заряженные картечью и обставленные вѣрными солдатами, богатые банкиры, готовые давать правительству денегъ взаймы, и составяющіе компаніи желѣзныхъ дорогъ, присоединенныя провинціи и кровавые лавры, пожатыя на полѣ сраженія, — могутъ удовлетворять требованіямъ народа и отучить его отъ стремленій къ личной свободѣ, къ соціальному прогрессу,

и къ жизни мысли. О'Доннель внесъ въ Испанію наполеоновскій переворотъ; онъ воспроизвелъ его въ меньшихъ размѣрахъ, вытолкнулъ его въ болѣе тѣсномъ кругу, и все окружающее дастъ намъ право надѣяться, что его царствованіе будетъ не продолжительнымъ.

Крайняя реакція кратчайшею дорогою ведетъ прямо къ безднѣ. Члены мадридскаго кабинета не предвидать подобнаго исхода; они, подобно доктринерамъ, считаютъ себя непогрѣшимыми; они не такъ искусны, какъ доктринеры, и, подобно имъ, погибнуть въ катастрофѣ.

Напрасно окружають этихъ людей фонарями, они закрываютъ глаза; напрасно другіе стараются отговорить ихъ отъ роковаго прыжка въ пропасть—они упорствуютъ.

Но къ гибели идетъ не одинъ кабинетъ; за кабинетомъ слѣдуетъ королевская власть. Испанская нація отличалась самою фанатическою преданностію къ монархическому принципу, но 15-лѣтнее царствованіе Изабеллы II возбудило въ ней такое сильное недовѣріе, какое во Франціи едва успѣли произвести Людовикъ XIV и Людовикъ XV цѣлымъ столѣтіемъ безумныхъ и неудачныхъ войнъ, голодныхъ годовъ, необузданнаго мотовства и явнаго, циническаго разврата. О'Доннель, какъ представитель вооруженной силы, держитъ королеву въ рукахъ и управляетъ ею; но его вліяніе никакъ не можетъ сравниться съ вліяніемъ донны Патроцініо, аббатиссы Аранхуэзской, которая судебнымъ порядкомъ была уличена въ злоупотребленія довѣріемъ, и, несмотря на то, сдѣлалась вѣстѣй съ Кларе, архіепископомъ Толедскимъ, одною изъ правительственныхъ силъ Европы. Эта дама стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже другой знаменитой искательницы приключеній, Элеоноры Галиган, супруги маршала д'Анкръ, которая на вопросъ: не колдовствомъ ли она приобрѣла свое вліяніе надъ королевою французскою (Марією Медичи), отвѣчала гордо: «не колдовствомъ, а естественнымъ правомъ сильныхъ душъ надъ слабыми головами.» О'Доннель—копія съ Людовика-Наполеона, а конституціонное царствованіе Изабеллы II довольно вѣрно воспроизводитъ, если сдѣлать соответствующія перемѣны, царствованіе Людовика-Филиппа. Въ Испаніи, любители историческихъ проблемъ могутъ такимъ образомъ видѣть сліяніе двухъ періодовъ и двухъ правительственныхъ системъ. Вообще, исторія Испаніи за послѣдніе 50 лѣтъ можетъ быть названа смутнымъ отраженіемъ исторіи Франціи. Бурбонскій деспотизмъ опрокидываетъ деспотизмъ Наполеона. Начинается кровавая реакція подъ управленіемъ Фердинанда, котораго даже въ его собственномъ се-

войствъ характеризовали такъ: «*сердце мира, голова мула.*» Правительство даетъ хартию, и нарушаетъ ее. Вандея и шуаны воскresаютъ въ лицѣ карлистовъ. Страшная междуусобная война. Революція, продолжавшаяся во Франціи три дня, тянется въ Испаніи гдѣть десять. Конституціонный престолъ обгагрется кровью. Параллельно съ восшествіемъ на французскій престолъ младшей линіи бургонскаго дома, вступаетъ на испанскій престолъ молодая женщина. Новая конституція. Новыя надежды на осуществленіе хартии. Невыразимый энтузіазмъ въ пользу правительницы, Маріи-Христіны, и въ пользу Изабеллы II, конституціонной королевы. Въ Испаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хартии оказываются парламентскимъ фокусомъ, и конституціонная монархія стремится къ полному и чистому абсолютизму. Ультрамонтанство обозначается ярче и ярче. Великій приливъ 1848 года недостаточно высокъ и продолжителенъ, чтобы перейти за Пиринеи, а между тѣмъ демократическія идеи мало-по-малу прокрадываются черезъ границу, въ особенности послѣ декабрьскихъ событій, выбросившихъ на испанскую почву множество французскихъ республиканцевъ. Этими идеями противопоставили тѣ средства, которыя такъ успѣшно были приложены къ дѣлу во Франціи: генералъ Эспартеро, герцогъ Побѣды, сыгралъ роль Каваньяка и Альфонса Ламартина, а потомъ явился военный деспотизмъ О'Доннелля; эти аналогіи можно было бы продолжать очень долго, потому что это не случайныя аналогіи, а существенныя, возникшія изъ сходства одновременныхъ событій, и изъ кореннаго средства расъ. Это краткое изложеніе мадридской политики было бы не полно, еслибы мы не дали читателю понятія объ умственномъ уровнѣ *законной страны* (*païs légal*), какъ счастливо выразился покойный Людовикъ-Филиппъ. Какъ путешественникъ приносить образчики горныхъ породъ, чтобы съ перваго взгляда опредѣлить геологическій характеръ мѣстности, такъ точно я предлагаю читателямъ Русскаго Слова нѣсколько отрывковъ изъ журнала, находящагося на моемъ столѣ, въ Парадоръ-Реаль. Этотъ журналъ «*Esperanza*», особенно распространенный въ Испаніи, хвалится полной независимостью мнѣній и совершенною преданностью интересамъ правительства. Нѣсколько дней тому назадъ, этотъ журналъ былъ призванъ къ суду за оскорбительныя слова, направленные противъ императора Французовъ, котораго онъ съ нѣкотораго времени постоянно называетъ *искреннимъ католикомъ*. Въ судѣ, защитникъ журнала, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ оскор-

бительныхъ выраженій, разразился самыми бранимыми словами испанскаго словаря; всё присутствующіе стали аплодировать, судьи не могли сдержать улыбки, но при всемъ томъ присудили взыскать съ него штрафъ въ 4000 реаловъ. Извините меня за то, что я рѣшаюсь перепечатывать эту чепуху, и потрудитесь взглянуть внимательно на неаѣности, которыя въ нѣсколько минутъ могутъ дать объ умственномъ уровнѣ Испаніи болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ дастъ въ нѣсколько часовъ слишкомъ умно составленный *Tra los montes* Теософля Готье. Посмотримъ же, что за кушанье подносится каждое утро испанскимъ правительствомъ и католическою церковью, нашимъ друзьямъ, caballeros—амъ полуострова:

Пятница, 6-го сентября.

Первая статья газеты посвящена марокскимъ дѣламъ. Перепечатка этой статьи, отзывающейся запахомъ средневѣковой бурсы, была бы невыгодна. Цѣль ея приготовить общественное мнѣніе къ уступкѣ Тетуана и бросить мимоходомъ нѣсколько комковъ грязи въ конституціонный парламентаризмъ. Впрочемъ, авторъ статьи обращается съ личностью министра довольно свободно, и это даетъ право думать, что клерикальная партія заранѣе принимаетъ свои предосторожности, чтобы не поколебаться отъ паденія О'Доуниеля.

— Неаполитанскія дѣла. *Основательная* статья противъ Итальянскаго королевства. Вотъ ея главные параграфы:

« Два года тому назадъ, Неаполь стоялъ въ первомъ ряду второстепенныхъ державъ; жители его были счастливейшими людьми въ Европѣ. Неаполь располагалъ блестящимъ флотомъ и сильною арміею; финансы находились въ отличномъ положеніи; городъ былъ украшенъ великолѣпными общественными зданіями и памятниками; производились колоссальныя постройки, а между тѣмъ налоги были нечувствительны; въ продолженіе 12 лѣтъ, народъ не видѣлъ ни одной смертной казни; царствовавшая династія отличалась всевозможными добродѣтелями, и такъ ревностно охраняла національную честь, что для защиты ея не побоялась вступить въ испріазженныя отношенія къ двумъ сильнѣйшимъ державамъ Европы.

« Но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря покровительству французской и англійской эскадры и намѣтѣ либеральной партіи, въ Неаполь проникла свобода,—Неаполитанцы потеряли свою національность и лишились даже своего имени; общественныя учрежденія разорены; казна ограблена; армія и флотъ уничтожены; долги увеличились въ невѣро-

итной стѣнѣ; благороднѣйшіе граждане поражены ужасомъ; заключены въ тюрьмы или преданы казни, деревни выжжены, поля опустошены, вся страна залита кровью и покрита развалинами!...»

...«Мы не можемъ надивиться тѣмъ людямъ, которые рѣшаются защищать итальянскую революцію, этотъ неблагородный и кровавый фарсъ; эти же люди курятъ сигары передъ Гарibaldi, передъ негоднымъ флибустьеромъ, неспособнымъ быть героемъ даже демократическаго романа. Гарibaldi, какъ законодатель, вознаграждаетъ за предубійство; какъ филозофъ, проповѣдуетъ истребленіе духовенства; какъ филантропъ, разстрѣлываетъ гражданъ послѣ сраженія; это реформаторъ въ красной рубашкѣ, получающій свои великія идеи отъ Александра Дюма и сохраняющій всю свою заботливость для кошекъ и собакъ.»...

...«Ужасы демократіи въ Италіи соответствуютъ ужасамъ демократіи въ Америкѣ; въ нихъ народы должны видѣть съ стороны промисла кару и поученіе. Ясно какъ день для всѣхъ тѣхъ, у кого не ослѣплены глаза, и не сгнило сердце, что прогрессивныя идеи ложны, глупы и составляютъ такое преступленіе, которому нѣтъ имени!..

Внутреннія извѣстія. Сарагосскій журналъ рассказываетъ объ одномъ удивительномъ событіи, возбудившемъ ужасъ въ жителяхъ деревни Альфахарипъ. Въ сосѣдствѣ этой деревни поклоняются статуѣ Мадонны, которую разныя лица обонхъ половъ должны одѣвать (Sic); по неосторожности они, можетъ быть, уронили ее на бокъ, но не хотѣли въ этомъ сознаться. Женщины и не женщины (Sic) объявили, что Мадонна шевелитъ плечами, и все населеніе въ испугъ соѣжалось на поклоненіе и стало умолять Мадонну приподняться.

Политическія извѣстія.... «Герцогъ Моденскій приближается къ своимъ владѣніямъ съ 8000-нымъ войскомъ. Ожидаютъ только его прибытія, чтобы начать возстаніе; Мархин и Умбрія возмутятся, испанское правительство вооруженною силою и т. д.»...

Объявленіе. Семь десятистовъ. Семь словъ,—религіозная поэма. Показанный канонъ въ честь сердца Іисусова. Марія, или обращеніе Англичанки и т. д.

Какъ вамъ понравится *La Esperanza*, журналъ, какъ вы видите, сильно распространенный въ Испаніи и съ самостоятельными вѣдѣніями.

Во Франціи не произошло въ теченіи мѣсяца ничего замѣчательнаго. Мы пытаемся въ продолженіи трехъ недѣль плохими рѣчами, произнесенными передъ генеральными совѣтами гг. Морни, де-ла-Героньеръ и компанію. Эти рѣчи печатали, перепечатывали, обсуживали, комментировали, словомъ, возились съ ними до тошноты. Каждое утро, парижскіе журналы приносятъ намъ новыя варіаціи на старыя тексты, и, къ довершенію скуки, даже англійскіе журналы, у которыхъ тоже нехватаетъ матеріала, въ продолженіи цѣлой недѣли стрѣляютъ бѣглымъ огнемъ по несчастной рѣчи г. сенатора Мишеля Шевалье, который непочтительно говоритъ о воинственномъ Пальмерстонѣ. Наши журналисты напоминаютъ мнѣ приемы разныхъ знакомыхъ мнѣ крестьянъ; въ неурожайный годъ, собравъ нѣсколько тощихъ кистей кислаго винограда, эти крестьяне, не желая остаться безъ вина, выжимаютъ сокъ, выжимаютъ мякоть, подливаютъ ушатами воду, вымываютъ виноградныя шкурки и перебиваются такимъ образомъ до слѣдующей уборки. Тенершія рѣчи—испорченный виноградъ, которыхъ поневолѣ надо удовольствоваться.

Сначала похвалы императору, потомъ изъявленія благодарности императору, и наконецъ изступленный энтузіазмъ, обращенный къ императору! Кромѣ этой общей чепухи, остальныя части рѣчей были довольно разнообразны! Одинъ общалъ новыя льготы, другой говорилъ, что ихъ и теперь слишкомъ довольно; одинъ давалъ обѣщанія въ пользу Италіи, другой—въ пользу папы, третій—въ пользу той и другой стороны; тутъ была блюда для всѣхъ вкусовъ. Но всѣ замѣтили съ удивленіемъ, что вообще въ отношеніи къ Англійи господствуетъ враждебный тонъ въ рѣчахъ этихъ уполномоченныхъ особъ, этихъ *missi dominici* имперіи, которые рѣзкостью выраженій вознаграждаютъ себя за малую извѣстность своихъ именъ.

Графъ Морни, президентъ законодательнаго корпуса, открылъ собою рядъ рѣчей. Графъ Морни началъ хвалить достоинства децентрализациі и умолялъ гражданъ не обращаться постоянно къ правительству и по англійской методѣ собственными средствами обдѣлывать свои дѣла. Въ странѣ, надъ которою носится законъ общественной безопасности, графъ Морни, пріятливо улыбаясь, описывалъ благодѣянія гражданской свободы, которое даетъ человѣку ничѣмъ незамѣнимое чувство личной независимости. Потомъ, г. президентъ законодательнаго корпуса началъ превозносить гражданскія права, дарованныя импера-

торопь. «Дарованныя права, сказалъ онъ, несравненно лучше правъ завоеванныхъ».

Все, что не принадлежитъ къ официальной прессѣ, было оскорблено словомъ *дарованныя*. «Въ продолженіе сорока семи лѣтъ, говорили всѣ, это слово не произносилось во Франціи съ такою торжественностью.» Но графъ Морни совершенно основательно называетъ дарованными тѣ права, которыхъ никто не требовалъ и не просилъ. Вы напрасно пускаетесь въ краснорѣчіе и въ философію, ваше негодование доказываетъ просто, что вы не поняли ироніи графа; онъ говорилъ то же самое, что вы говорите, только гораздо тоньше. Его сѣятельство обладаетъ самымъ тонкимъ умомъ.

Отъ графа перейдемъ къ виконту. Г. де-ла-Героньеръ еще не сѣятельство; онъ не такъ уменъ и вылощенъ, какъ Морни, джентльменъ имперіи, но, какъ фразеръ, онъ великъ. Въ сущности, его краснорѣчіе можно, если хотите, сравнить съ прекраснымъ костюмомъ, надѣтымъ на хворое тѣло, но зато какъ это платье сшито, какъ просторно, какъ мягка и пышна матерія, какъ блеститъ его шелковая шляпа, какъ тщательно приглажены бакенбарды, какъ граціозно играетъ онъ новомоднымъ хлыстикомъ!.. У г. виконта Артура де-ла-Героньеръ есть еще нѣкоторые недостатки, въ которыхъ проявляются его незнатное происхожденіе и непривычка занимать высокія государственныя должности; при всемъ стараніи онъ не умѣетъ произнести рѣчи, не сказавши ничего; но все-таки, кто бы могъ замѣтить, что этотъ великолѣпный господинъ такъ недавно принадлежалъ къ демократической толпѣ и даже былъ адептомъ этого гнуснаго Прудона! Прислушаемся, какъ это г. виконтъ Артуръ де-ла-Героньеръ обращается своею рѣчью къ аристократіи страны. Конечно, ему по всѣмъ правамъ принадлежитъ эта роль. Онъ призываетъ патриціевъ къ союзу съ императорскою властью. Этотъ новый союзъ, по его мнѣнію, былъ бы особенно полезенъ правительству, которое, опираясь на слѣпо-повинующуюся демократію, нуждается теперь въ благоразумныхъ модераторахъ; но я полагаю, что стоитъ передать вамъ нѣсколько отрывковъ этого канцелярскаго краснорѣчія.

«Въ нынѣшнемъ году, я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, буду говорить съ вами о томъ, что всего болѣе можетъ интересовать вашъ патриотизмъ. Со времени нашего послѣдняго засѣданія совершилось замѣчательное событіе. Императоръ, доставившій Франціи порядокъ, котораго она напрасно искала въ продолженіи 60 лѣтъ, славу, состав-

ляющую для нея насущную потребность, миръ, необходимый для ея благоденствія, матеріальное довольство, къ которому она стремится всѣми силами своей производительной дѣятельности, императоръ спросилъ себя въ размышленіяхъ своего всемогущества (sic) не настало-ли время усовершенствовать наши учрежденія; 24 ноября прошлаго года, онъ написалъ достопамятный декретъ, составляющій лучшую страницу въ исторіи его царствованія, и добровольно предоставилъ гражданамъ политическую свободу...

«Новая имперія не есть ни аристократія, ни буржуазія, ни народъ: это—все вмѣстѣ, это демократія въ самомъ обширномъ и высокомъ своемъ значеніи, демократія, организованная въ правительство, которое пользуется своимъ огромнымъ авторитетомъ, чтобы совершить все необходимое для славы, безопасности и благоденствія «Франціи» и т. д.

Послѣ этихъ рѣчей, произнесенныхъ всѣми значительными лицами императорскаго правительства, генеральные совѣты стали разсуждать о разныхъ матеріальныхъ вопросахъ. Большею частью они просили о новыхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, о новыхъ каналахъ, словомъ, были настолько ничтожны, насколько этого можно было желать; они совершенно вошли въ виды правительства, которое желаетъ одобренія, а не пренія, совершеннаго невѣдѣнія его распоряженій, когда оно ихъ задумываетъ, безпрекословнаго согласія, когда оно ихъ приводитъ въ дѣйствіе, и пышныхъ похвалъ, когда дѣло кончено.

Шведскій король посѣтилъ Тюльери, на очень короткое время, потому что шведская конституція запрещаетъ королю больше восьми дней находиться въ отлучкѣ изъ своего королевства. Такъ какъ шведскій флотъ предполагается представителемъ шведской земли, то королю посоветовали ѣздить морскими путями и черезъ каждые восемь дней являться на бордъ корабля. Эта уловка оказалась очень практичною и дала королю возможность побывать въ гостяхъ у англійской королевы.

Хотя императрица Евгенія смертельно оскорблена тѣмъ, что шведская королева не хотѣла посѣтить ея, однако знаменитаго путешественника приняли съ величайшимъ почетомъ. Императоръ могъ бы сказать по этому поводу: «такъ какъ на меня косятся великія державы, я сведу дружбу съ малыми. Изъ ручейковъ составляются рѣки.»

Свиданіе съ королемъ прусскимъ откладывается со дня на день. Королева испанская рѣшительно отказалась видѣться съ императоромъ

Наполеономъ; она совершенно разсорила съ своимъ за-пиринейскимъ кузеномъ и, вслѣдствіе дѣла Піа IX, не хочетъ съ нимъ мириться. Совершенно напрасно починили заново островъ фазановъ, снесенный рѣкою Бидассао, протекающею на границѣ Испаніи и Франціи. На этомъ островѣ министры Мазарини и Филиппъ де Гаръ заключили мирный договоръ между обоими государствами. Предполагавшагося свиданія не будетъ и такимъ образомъ наши инженеры путей сообщенія напрасно потратились на насыпи, на ученыя соображенія и на поэтическія фантазіи.

Процессъ печальнаго Миреса пошелъ на апелляцію. Г. Кремьё, его краснорѣчивый защитникъ, старался доказать ничтожность *про-ступка*. — Дѣло идетъ о похищеніи шести милліоновъ, сказалъ онъ. Что такое теперь шесть милліоновъ? Кто изъ насъ не прожилъ шести милліоновъ? — Говорите только за себя, г. Кремьё! — Стали толковать о справедливости и о началахъ вѣчной нравственности. — Что дѣлать? отвѣчалъ очень наивно Миресь. Такого движенія въ торговыхъ дѣлахъ не было съ 1720 года. Сначала Миресь обнаруживалъ полное уныніе и отвратительное смиреніе; но когда онъ увидѣлъ, что приговоръ къ пятилѣтнему тюремному заключенію остается въ силѣ, онъ пришелъ въ страшное бѣшенство; тотчасъ закрыли засѣданіе. Въ Мазасѣ, Миресь далъ наконецъ полную волю своему гнѣву, и поклялся въ вѣчной ненависти къ императору, выдавшему его на жертву, и къ имперіи, которую онъ обѣщавъ преслѣдовать до послѣдняго дня своей жизни. Съ этою цѣлью онъ можетъ вступить въ компанію съ *compère Jacquot*, т. е. съ господиномъ Миркуромъ, извѣстнымъ литераторомъ, котораго имперія отказалась купить за 80,000 франковъ и который мститъ за это, печатая въ Брюсселѣ противъ бонапартизма жесткія истины, изумляющія всѣхъ именно потому, что онѣ выходятъ изъ его устъ. Вообще странно, что Миресь освобожденъ отъ обвиненія въ мошенничествѣ, и между тѣмъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію. Чтобы охарактеризовать отвсятельную честность Миреса, заслуживающую пятилѣтняго заключенія, придумано отличное слово, *платоническая честность*.

Въ политическомъ отношеніи въ Англіи нѣтъ ничего особеннаго. Лордъ Пальмерстонъ произнесъ рѣчь по поводу того, что его назначили лордомъ-хранителемъ пяти военныхъ портовъ Англіи. Это—должность чистая почетная, но она приносить нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ жалованья. Украшенный знаками ордена Подвязки, онъ, какъ первосвященникъ, уѣхалъ подъ высокимъ балдахномъ изъ зеле-

наго бархата; возлѣ него расположились меры пяти городовъ, и онъ, совершенно юношескимъ голосомъ проговорилъ рѣчь, полную веселости, юмора и дерзости, и вызвалъ ею живѣйшій энтузіазмъ въ присутствовавшихъ Британцахъ. Онъ безъ дальнихъ окопчностей объяснилъ, что имѣлъ намѣреніе уничтожить это мѣсто, связанное съ значительнымъ жалованіемъ, но что теперь, когда королева предложила это мѣсто ему, онъ перемѣняетъ свой взглядъ на вещи. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что британская нація—первая въ мірѣ, но что ей лучше всего разумѣть это про себя, потому что громко высказанная истина эта можетъ непріятно поразить континентальныхъ слушателей. Чтобы жить со всѣми въ мирѣ, Англія должна быть сильнѣе всѣхъ. Что касается до французскаго правительства, то конечно ему можно вѣрить, но надо остерегаться, и протягивая ему одну руку, надо другою крѣпко держать щитъ, чтобы въ случаѣ надобности отразить неожиданный ударъ. Эта рѣчь была главнымъ событіемъ нынѣшняго мѣсяца; по ея поводу текутъ рѣки чернилъ и движутся тысячи перьевъ, между прочимъ и мое перо. Рядомъ съ этимъ категорическимъ объявленіемъ намъ кажутся очень чистосердечными слова маршала Нізля, начальника тулузскаго военнаго округа, сказавшаго недавно въ официальной рѣчи передъ генеральнымъ совѣтомъ верхней Гаронны: «куда дѣвались недоувѣріе и безпокойство, грозившія нарушить миръ во время нашего послѣдняго собранія? Они разсѣялись и едва оставили по себѣ смутное воспоминаніе!»

Англійскій судъ присяжныхъ рѣшилъ дѣло Видяля и осудилъ отца, убійцу, на одинъ годъ тюремнаго заключенія за *незаконное нанесеніе ранъ*, т. е. за то, что онъ ударилъ сына толстымъ, а не тонкимъ концомъ трости. Этотъ приговоръ конечно очень справедливъ, но составленъ черезчуръ по-англійски.

Совъзъ между Австріею и Британіею, о которомъ толковали эрцгерцогъ Максимиліанъ, газета *Times* и г. Ребѣкъ Шеффилдскій, не состоялся.

Въ самомъ дѣлѣ, эта мистификація конституціонной Австріи была слишкомъ дерзко задумана и не обманула простаго здраваго смысла англійскаго народа.

Въ Германіи упомяну о протестѣ герцога Саксенъ-Мейнингенскаго противъ военнаго договора между Пруссіею и Саксенъ-Кобургъ-Готою. Вотъ значительная помѣха для Пруссіи!

Тысяча двѣсти нѣмецкихъ юрисконсультовъ, въ томъ числѣ боль-

шая часть судей, множество университетскихъ профессоровъ и нѣсколько министровъ разныхъ правительствъ, составили конгрессъ, на которомъ адвокаты составляли меньшинство; на этомъ конгрессѣ были исключены совѣщанія о политикѣ, объ общественномъ и международномъ правѣ. Конгрессъ пришелъ къ тому заключенію, что Германія нуждается въ одномъ общемъ кодексѣ, и что слѣдуетъ ввести судъ присяжныхъ для университетовъ и даже для литературныхъ преступленій.

Съ своей стороны національная нѣмецкая ассоціація, подъ предсѣтельствомъ Беннингсена, собралась въ Гейдельбергъ; въ застѣваніи было внушено Нѣмцамъ, стремящимся къ соединенію отдѣльныхъ частей германскаго отечества, оставить въ сторонѣ Австрію.

Ассоціація сдѣлала свои распоряженія для устройства будущаго нѣмецкаго флота, котораго начальство будетъ поручено принцу Адельберту Прусскому, кавалерійскому генералу и плохому моряку, потерпѣвшему пораженіе въ схваткѣ съ марокскими пиратами. Демонстрація въ пользу флота возбуждаетъ энтузіазмъ, напоминающій дни 1848 года. Пять муниципальных совѣтовъ обѣщали пожертвовать по стѣ тысячъ талеровъ. Комитеты дамъ устраиваютъ подписки, чтобы подарить отечеству новый *Frauenlob*. Нѣмцы строятъ флотъ, чтобы найти отечество; они поступаютъ какъ тотъ ребенокъ, которому за столомъ запретили спрашивать говядины: онъ спросилъ соли, чтобы ѣсть ее съ говядиною, которую ему дадутъ.

Общество нѣмецкихъ дорогъ старается ввести въ Германіи одну общую единицу мѣры, и совѣтуетъ принять французскій метръ.

Насъ мало интересуютъ пышныя приготовленія къ празднованію коронаціи въ Кенигсбергѣ. Гораздо важнѣе узнать, что въ министерствахъ кипитъ дѣятельная работа, подготовляющая матеріалъ для будущаго засѣданія палаты. Радикальная реформа въ управленіи полиціи, измѣненіе, а можетъ быть и уничтоженіе полиціи, управляющей дворянскими помѣстьями, допущеніе общинъ къ болѣе дѣятельному участию въ распоряженіяхъ мѣстной полиціи, составленіе общаго положенія для всѣхъ провинцій королевства—вотъ тѣ проэкта, надъ которыми работаютъ прусскія канцеляріи. Но что изъ этого выдетъ?

Нѣкоторыя корреспонденціи *Монитера* возбуждаютъ въ Германіи такое же негодованіе, какое произвели въ Англіи рѣчи Мишеля Шевалье и адмирала Дефоссе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,

официальный органъ французскаго правительства не говорилъ о Германіи ни слова, и вдругъ онъ прерываетъ свое мрачное молчаніе, начинаетъ смѣяться надъ стремленіями Нѣмцевъ къ единству, глумится надъ *National-Verein*'омъ, и превозноситъ сеймъ, это политическое собраніе, страдающее подагрой и худосочиємъ, подававшее признаки жизни только тогда, когда нужно было преслѣдовать движеніе мыслей, и не сумѣвшее въ полѣвка дать нѣмецкому народу то, чего онъ имѣлъ право требовать: армію, флотъ, общій законъ, общія единицы вѣса и мѣры, и въ особенности вышнюю политику, внушающую къ себѣ уваженіе.

Въ гессенъ — кассельскомъ дѣлѣ, въ которомъ населеніе сопротивлялось произволу правителя, корреспондентъ Монитера принимаетъ сторону послѣдняго, и называетъ «простымъ недоразумѣніемъ въ числахъ» то, что, по мнѣнію всякаго порядочнаго человѣка, называется нарушеніемъ конституціи и общественнаго права. Этотъ корреспондентъ, говоря о Пруссіи, выставяетъ на видъ ея слабость, и превозноситъ Австрію, родину конкордата, за ея конституціонныя добродѣтели.

Вѣнскіе журналы въ настоящую минуту прославляютъ мадярскій народъ за его привязанность къ своимъ правамъ и къ своей національности; они жалѣютъ о его участи, но отдають ему полную дань уваженія за мужество. Вообразите себѣ, что у Монитера недостаетъ духу относиться къ этой націи съ презрѣніемъ, и увѣрять, что Венгерцы потеряли сочувствіе Европы, благодаря своимъ бѣшенымъ разглагольствованіямъ.

Есть въ Германіи вѣнценосецъ—художникъ, патріотъ, храбрый воппъ, поставившій себѣ цѣлью жизни вести впередъ дѣло соединенія Германіи. Имя его Эрнестъ, герцогъ саксенъ—кобургъ—готскій. Послѣ его отвѣта на сочиненіе г. Шмидта Вейсенфельса, противъ него послышался только одинъ голосъ—въ Монитерѣ. Право, Монитеръ не знаетъ, какъ сильно его неуклюжая оппозиція помогла дѣлу соединенія.

Отъ Германіи мы переходимъ къ Австріи. Съ Венгеріею ей еще труднѣе ладить, чѣмъ съ Италіею; она недавно отозвала изъ Италіи 50,000 войска, чтобы повести его на берега Тиссы и Дуная.

Венгерскій сеймъ распущенъ; а, согласно съ конституціею, сеймъ не можетъ закрыть засѣданій, не рассмотрѣвъ, не провѣривъ и не утвердивъ отчетовъ за прошедшее время и бюджета на будущій годъ.

Сверхъ того, императорскій рескриптъ говоритъ, что новый сеймъ будетъ созванъ черезъ полгода; *если будетъ возможно*, а по закону необходимо созвать его въ теченіи ста дней. Закономѣдъ, г. Шмерлингъ могъ бы, кажется, предостеречь императора отъ этихъ нарушеній закона, которыя вызвали множество протестовъ со стороны венгерскихъ комитатовъ, обергенмановъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Страну наводнили гарнизонными отрядами, которымъ поручено собрать и доставить въ австрійскую казну налоги, назначенные вопреки рѣшенію сейма. Довольно значительныя суммы были собраны такимъ образомъ особенно въ горѣдахъ и у магнатовъ, но большинство народа попрежнему отказывается платить. Налогъ, взимаемый кровью, т. е. конскрипція, встрѣтитъ себѣ еще болѣе энергическое сопротивленіе. Манифестъ императора, распускающій сеймъ, очень польстилъ не мадарскимъ національностямъ, входящимъ въ составъ Венгерскаго королевства, стараясь представить, что распушеніе пестскаго сейма необходимо для ихъ спасенія. Онѣ однако не повѣрили этому; даже аграрскій сеймъ, ставшій сначала въ оппозицію съ пестскимъ, заявилъ протестъ противъ распушенія венгерскаго собранія и протестуетъ противъ высылки депутатовъ въ рейхсратъ (государственный сеймъ). Императорское посланіе съ самымъ страннымъ конституціоннымъ усердіемъ хочетъ распространять кругъ дѣйствій рейхсрата на тѣ земли, которыя не желаютъ имѣть въ немъ представителей; между тѣмъ уклоненіе венгерскихъ и кроатскихъ депутатовъ отъ участія въ государственномъ сеймѣ оставляетъ его неполнымъ и слѣдательно отнимаетъ у его рѣшеній всякую законную силу; аграрскій сеймъ рѣшительно замѣчаетъ, что подобная мѣра нарушаетъ независимость соединеннаго королевства. Сверхъ того, онъ уничтожаетъ военную границу, вопреки оппозиціи въ Вѣнѣ.

Австрійское правительство готовится также созвать сеймъ въ Трансильваніи, и уже съ этой стороны возникли всякія затрудненія. Трансильванцы не хотятъ, чтобы мѣстопробываніемъ представительнаго собранія былъ нѣмецкій городъ Германштадтъ, они хотятъ, чтобы застанія происходили попрежнему въ Клаузенбургѣ, и министерство Шмерлинга, убѣдившись въ существованіи этого желанія, рѣшительно настаиваетъ на томъ, чтобы представители собрались въ нѣмецкомъ городѣ.

Все заставляетъ такимъ образомъ думать, что въ борьбѣ своей противъ австрійскаго министерства Венгерцы будутъ поддержаны раз-

личными національностями, окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ. Вопросъ этотъ подвинулся впередъ по случаю объявленія Клапки, написаннаго въ формѣ письма къ Гарибальди. Принципъ, лежащій въ основаніи этого манифеста, заключается въ томъ, что должно сдѣлать невенгерскимъ національностямъ всѣ уступки, какихъ онѣ потребуютъ, хотя бы для этого пришлось дать странѣ организацію, подобную устройству Швейцаріи, лишь бы только эти національности согласились быть составными частями древней монархіи св. Стефана. Всѣ народы, живущіе въ Венгріи, именно Мадьяры, Славяне, Румыны, Штыцы, Сербы, Рутены и пр. считаютъ себя совершенно равноправными національностями; при помощи личной свободы и права ассоціаціи онѣ могутъ безъ малѣйшаго стѣсненія осуществить свои національныя стремленія въ предѣлахъ государственнаго единства.

Общее положеніе дѣлъ, слѣдовательно, не измѣняется. Венгрія не хочетъ отказаться отъ порядка 1848 года, потому что этотъ порядокъ не былъ уничтоженъ и можетъ быть уничтоженъ только ея волею; въ этомъ порядкѣ есть нѣкоторыя нелиберальныя статьи (напр. о политическихъ правахъ Евреевъ), которымъ теперешняя Венгрія не сочувствуетъ, но которыхъ она не можетъ отмѣнить, не отказываясь отъ своей законной почвы.—Министерство Шмерлинга, напротивъ того, утверждаетъ, вѣроятно, съ докторомъ Мюльфельдомъ, что общественное право Венгріи идетъ не со временъ св. Андреса и св. Стефана, а со дня капитуляціи Вилогоса и взятія Коморы, и что Венгрія принадлежитъ Австріи по праву завоеванія; выходя изъ этого основанія, министерство выбираетъ изъ конституціи 1848 года статьи, совпадающія съ конституціею, даншою всѣмъ австрійскимъ народамъ 26 февраля, съ тою конституціею, которую Венгрія рѣшительно не хочетъ знать, потому, что эта конституція предоставляетъ ей автономію безъ войска, безъ налоговъ и безъ финансовъ.

Палата вѣнскихъ дворянъ и рейхсратъ одобрили дѣйствія Шмерлинга съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, потому что, одобряя незаконныя дѣйствія, они отнимаютъ у самихъ себя законодательную власть. Рейхсратъ отказался поддерживать національный интересъ; онъ отказался отъ роли государственной власти и согласился сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ министерства; но до всего этого Венгерцамъ нѣтъ почти дѣла; рейхсратъ, ограниченный въ своемъ составѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ, пользуется ограниченнымъ нравственнымъ вліяніемъ, и Штыцы не имѣютъ права рѣшать венгерскія дѣла. Теперь дѣло идетъ о томъ,

быть ли конституціи нѣмецкой или венгерской; завтра рѣшеніе этого вопроса будетъ въ рукахъ австрійской или нѣмецкой арміи.

Отъ Венгріи не далеко переходъ къ Италиі.

Циркуляръ Рикасоли и экспедиція Чальдини противъ неаполитанскихъ разбойниковъ составляютъ событія нынѣшняго мѣсяца. « Должно сказать громко, пишетъ Рикасоли въ своемъ манифестѣ къ Европѣ, что неаполитанское разбойничество составляетъ надежду европейской реакціи, возстающей въ Римѣ. Теперь изгнанный неаполитанскій король является главнымъ ея бойцомъ, и Неаполь — видимою цѣлью. Неаполитанскій король живетъ въ Римѣ на квиринальскомъ холмѣ, — и чеканитъ монету, которою онъ снабжаетъ неаполитанскихъ разбойниковъ. Обола, добытые именовъ св. Петра у вѣрующихъ людей разныхъ государствъ Европы, употребляются на вербовку разбойниковъ, которые приходятъ публично записываться въ Римѣ, получаютъ пароль и благословеніе, и, ослѣпленные невѣжествомъ и суевѣріемъ, съ веселымъ духомъ бѣгутъ грабить и рѣзать. »

« Они изъ Рима добываютъ въ какомъ угодно количествѣ оружіе и военные снаряды. На границахъ римскихъ и неаполитанскихъ владѣній находятся складочные магазины и сборныя мѣста, въ которыхъ они отдыхаютъ, и откуда они съ новымъ жаромъ пускаются на добычу. Розыски и аресты, произведенные въ послѣдніе дни французскими войсками, не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Враждебное настроеніе значительной части духовенства, провознесенныя ими рѣчи, оружіе, порохъ и прокламаціи, открытые въ монастыряхъ, священники и монахи, захваченные въ рядахъ разбойниковъ, доказываютъ ясно, откуда и во имя кого производится эти подстреканія ».

« Надѣмся, что этотъ фактъ докажетъ совершенно очевидно необходимость уничтожить свѣтскую власть папы. Ее осудила неотразимая логика національнаго принципа и, кромѣ того, она оказывается несовмѣстною съ гуманностью и съ цивилизаціею ».

Въ своемъ циркулярѣ, возбудившемъ сильное неудовольствіе гъ варижскихъ господахъ, Рикасоли выказалъ истинное положеніе дѣлъ, соведя къ папскому правительству причину анархіи. Рука папскаго правительства видна въ неаполитанскихъ убійствахъ; во имя его, если не по его распоряженію, — — — и уродовали итальянскихъ офицеровъ и солдатъ; по его наущенію сжигались жатвы и хижины, разорялись и истреблялись деревни. Но, надо сказать правду, кардиналъ де-Меродъ не давалъ шабкамъ матеріальнаго оружія; вѣрный своему духовному характеру,

онъ только не забывалъ духовнаго оружія. Поимка дюжины разбойниковъ доставила въ руки Піемонтцевъ слѣдующіе предметы: пасхальные билеты, красные и желтые ордена, молитвы Іисусу Христу, Мадонну, *Mater purissima*, св. Луччію, св. Франциска, изображение Лоретской Мадонны, св. грамоту, св. Мадонну милосердія, образъ Мадонны семи страданій, св. Троицу, св. Марію del Carmine, св. Марію Провидѣнія, Ессе homo, молитвы для выхода изъ чистилища, св. Петра, Распятіе, Приснодѣву чистоты, Магдалину, папскіе паспорта, медали въ честь св. Анны, immacулатнаго зачатія, и четыре молитвы къ Мадоннѣ.

Австрія, стоящая лагеремъ въ Венеціи — конечно опасный врагъ Италія, но что такое Австрія въ сравненіи съ великимъ врагомъ, который изъ-за болотистой Мареммы посылаетъ въ итальянскіе города смерть и измѣну? Подъ мундиромъ папскаго войска Рикасоли указалъ на куртку бандита; на ружьяхъ бандитовъ вырѣзаны гербы намѣстника Іисуса Христа. Донателло, бѣглый каторжникъ, генералъ папы, помогалъ дѣйствіямъ Кіавоне. Самъ Гойонъ не хотѣлъ пускать разбойниковъ черезъ границу, но *Pio Nono* поднялъ крикъ и французскіе жандармы принуждены были оставить въ покоѣ злодѣевъ, обогрившихъ Коллато свѣжею итальянскою кровью. Еслибы Гойонъ помѣшалъ папскому правительству двигать военные отряды по своему благоусмотрѣнію, это значило бы, что Франція нарушаетъ свѣтскую власть папы, которую она рѣшилась отстаивать.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Пунцій Киджи получилъ приказаніе помирить Антонелли съ Людовикомъ — Наполеономъ, и воинственный кардиналъ Меродскій на извѣстныхъ условіяхъ откажется отъ сана генералиссимуса въ пользу г. де-Гойонъ.

Необходимо, подавить разбойничество и подавить его во что бы то ни стало, вопреки папѣ и французской арміи, закрывающей арріергардъ Кіавоне. Попрежнему дѣлаются возмутительныя вещи: вырываютъ глаза, рѣжутъ руки и т. д. Руссины обдираютъ у путешественниковъ бороды и посылаютъ родственникамъ этихъ несчастныхъ кровавые куски мяса, угрожая вслѣдъ затѣмъ послать головы, если къ назначенному сроку не будетъ доставленъ требуемый выкупъ. Нѣсколько піемонтекскихъ солдатъ попали въ засаду и человекъ сорокъ было захвачено у Понте-Ландолфо и Казальдини. Мщеніе Піемонтцевъ было кровавое: такъ какъ поселяне оказались сообщниками бандитовъ, то все мужское на-

селеніе обѣихъ деревень разстрѣляли, а самыя деревни сожгли. Трупы выставлены на площадяхъ, какъ на гумнахъ выставляются чучела хищныхъ птицъ. Все это ужасно. Но въ отношеніи къ Бурбонамъ было бы несправедливо ставить на нихъ счетъ всѣхъ преступленій, совершенныхъ въ ихъ имя, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій достойными сынами Фра-Діаволо и Газтано-и-ль-Маммоне.

Послѣ взятія Газты, военное министерство надѣлало много важныхъ ошибокъ, которыя однако объясняются запутанностью его положенія. У него оказалось три арміи: піемонтская, неаполитанская и гарибальдійская. Оно распустило изъ нихъ двѣ; хуже этого трудно было распорядиться. И оно не обратило достаточнаго вниманія на разбойничество, которое существовало очень давно, и сильно распространялось, благодаря бѣглымъ каторжникамъ. Революція открыла остроги, чтобы набрать патриотовъ: вмѣсто патриотовъ явились разбойники, которые теперь сдѣлались бурбонистами.

Что ни говорите, а здѣсь должно искать начала разбойничества. Оно держалось потому, что ему позволили распространиться, потому, что вниманіе правительства было отвлечено сначала къ Газтѣ, потомъ къ австрійскимъ границамъ, — и еще потому, что даже въ прежнемъ неаполитанскомъ королевствѣ Гарибальди возбуждалъ — — — опасеній. — — — Между тѣмъ къ разбойникамъ примыкали толпами недовольные или голодные. Тогда комитеты бурбонистовъ, составлявшіеся вездѣ, рѣшились воспользоваться силами этихъ свирѣпыхъ людей, и придать опредѣленный цвѣтъ ихъ грабительствамъ. Только тогда, замѣтите это, разбойничество получило политическій характеръ. Здѣсь дѣло идетъ не о роялистахъ, возставшихъ для защиты церкви и престола, а о мошенникахъ, которыхъ реакція превратила въ партизановъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что разбойничество было отчасти социальнымъ явленіемъ, т. е., что оно произведено бѣдностью, недостаткомъ работы, подвижнымъ характеромъ жителей. Это съ самаго начала смѣло выразилъ начальникъ шайки, Трокки, сказавшій въ Базиликатѣ, въ Мельфи, вмѣсто прокламаціи: «Тутъ нечего толковать ни о Бурбонахъ, ни о Піемонтцахъ, ни о реакціонерахъ, ни о ретроградныхъ; тутъ, товарищи, надо брать у тѣхъ, у кого слишкомъ много, для тѣхъ несчастныхъ, которые умирають съ голода. Кто хочетъ жить, тотъ иди за мною!»

Явившесъ потомъ, къ довершенію нескладицы, законы противъ ду-

ховенства, законы, отличные по духу, но представлявшие огромныя трудности при выполненіи. Эти законы не повредили попамъ, а между прочимъ довели ихъ до изступленія. Тогда они стали возбуждать населеніе противъ Виктора-Эмануила, и, возмущенныя ими, цѣлыя общины стали присоединяться къ разбойникамъ, въ Базиликатѣ, въ провинціи Авеллино, въ Понте-Ландолфо, въ Казальдини, и часто превосходили самыхъ бандитовъ въ жестокости, въ кровожадности и въ корыстолюбіи. Тогда явилось уже не разбойничество, а мѣстныя возстанія почти на всемъ пространствѣ бывшего королевства Франциска II. Но умирненіе страны производится серьезно. Чіальдини приготовляетъ помѣщеніе войскамъ на осеннее и зимнее время, а министръ Перуцци приводитъ въ исправность экономическую часть. Онъ въ эту минуту открываетъ постройку желѣзныхъ дорогъ, изъ семи пунктовъ, къ Риму и къ Анконѣ. Кромѣ того, онъ намѣренъ объѣхать большую часть провинцій, и, посоветовавшись съ мѣстными властями, произвести разныя общепользныя работы. Желаемъ успѣха!

Вслѣдствіе постоянныхъ недоразумѣній съ французскимъ правительствомъ, Рикасоли отказался отъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ и взялъ себѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы дѣятельнѣе заняться успокоеніемъ Неаполитанскаго королевства. Чіальдини съ своей стороны самымъ энергическимъ образомъ преслѣдуетъ враговъ общества и Италіи. Всѣ главныя шайки разсѣялись, тысячи этихъ негодяевъ захвачены, въ тюрьмахъ сидятъ около восьми тысячъ узниковъ; съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Виктора-Эмануила, чтобы простить ихъ цѣлыми сотнями, и отослать наиболѣе виновныхъ въ какую нибудь дальнюю колонію, которую Англія очень любезно предоставляетъ въ распоряженіе итальянскихъ судебныхъ мѣстъ. По мѣрѣ того, какъ обнаруживается нерасположеніе французскаго правительства къ Италіи, яснѣе обозначается доброжелательство Англичанъ, въ пользу которыхъ Рикасоли даже уничтожилъ формальность паспортовъ. Французскіе журналы сильно шумѣли по поводу присутствія англійскаго флота передъ Каstellамаре, и видѣли въ этомъ фактѣ нарушеніе принципа невмѣшательства; въ то же время они объявляли о высылкѣ новыхъ французскихъ войскъ въ Римъ, для охраненія папскихъ земель отъ шимонтскихъ войскъ. Что же значитъ слово вмѣшательство, на французскомъ дипломатическомъ языкѣ? И что значать на этомъ самомъ языкѣ слова: «*французское покровительство*» и «*единство Италіи*»? Говорятъ, что Рикасоли пишетъ въ одной депешѣ къ тюльерійскому

кабинету: «Если мы не войдемъ въ Римъ, мы не можемъ успокоить Неаполя.» Ему на это отвѣчали: «Ну, такъ успокойте сначала Неаполь, и тогда вы войдете въ Римъ!»

Кампанія Чіальдини противъ разбойниковъ идетъ успѣшно, но итальянскіе солдаты исполняютъ дѣло второстепенной важности. Настоящій вопросъ—въ Римъ, не въ главной квартирѣ Гойона, а въ квиринальскомъ дворцѣ папы. Рѣшеніе задачи созрѣло въ нѣкоторыхъ умахъ Италіи, но его еще не смѣютъ формулировать публично.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ мы ждемъ извѣстія о рѣшительномъ сраженіи: его требуютъ всѣ партіи. Чтобы заключить первое дѣйствіе страшной трагедіи, необходима или блестящая побѣда или печальное пораженіе, но непременно необходимо и неизбѣжно сраженіе.

ЖАКЪ ЛЕВИНЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СХОЛАСТИКА XIX ВѢКА.

XI.

Въ майской книжкѣ «Рус. Слова» я высказалъ нѣсколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложилъ тѣ идеи, которыми я руководствуюсь при разборѣ этихъ чухлыхъ и безцвѣтныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ которыхъ журнальная полемика разгорѣлась особенно ярко, критическій отдѣлъ большей части періодическихъ изданій украсился многими любопытными статьями; эти статьи подаютъ поводъ къ размышленію; онѣ подтверждаютъ высказанныя мною замѣчанія, которыя могли показаться голословными читателямъ моей первой статьи; поэтому я намѣренъ воспользоваться ими, какъ матеріаломъ, и, обсуживая ихъ, договорить то, что было не досказано, яснѣе и обстоятельнѣе изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не встаю противъ полемики, не зажимаю ушей отъ свиста, не проклинаю свистуновъ; и Ульрихъ-фонъ-Гутенъ былъ свистунъ, и Вольтеръ былъ свистунъ, и даже Гете вмѣстѣ съ Шиллеромъ свистнули на всю Германію, издавши совокупными силами своей альманахъ «Die Xenien»; у насъ на Руси свисталъ часто и рѣзко, стихами и прозою, Пушкинъ; свисталъ Брамбеусъ, которому, вопреки громовой статьѣ г. Дудышкина, «Сеньковскій дилетантъ русской словесности», я не могу отказать ни въ умѣ, ни въ огромномъ талантѣ.

А развѣ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго не прорываются рѣзкіе, свистящіе звуки? Припомните, господа, ближайшихъ литературныхъ друзей Бѣлинскаго, людей, которымъ онъ въ дружескихъ письмахъ выражалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе: вы увидите, что многіе изъ нихъ свистали, да и до сихъ поръ свищутъ тѣмъ богатырскимъ посвистомъ, отъ котораго у многихъ звонять въ ушахъ, и который безъ промаха бьетъ въ цѣль, несмотря на разстояніе. Оправдывать свистуновъ—напрасный трудъ; ихъ оправдало чутье общества; на ихъ сторонѣ большинство голосовъ, и каждое нападеніе изъ противоположнаго лагеря обрушивается на голову самихъ же нападающихъ, такъ называемыхъ людей серьезныхъ, дѣятелей мысли, кабинетныхъ тружениковъ, русскихъ Гегелей и Шопенгауэровъ, профессоровъ, сунувшихся въ журналистику, или литературныхъ промышленниковъ, прикрывающихъ свою умственную нищету притворнымъ сочувствіемъ къ вѣчнымъ интересамъ науки. «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» убиваются надъ развратомъ русской мысли и живо оплакиваютъ русскую литературу; ихъ книжки—бюллетени сердобольнаго врача, писанныя у постели больнаго, умирающаго отъ послѣдствій беспорядочной жизни. Главные *благонамѣренныя* органы нашей журналистики составляютъ консилиумъ, ищутъ лекарства, щупаютъ пульсъ и съ ужасомъ сообщаютъ другъ другу о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни; за ними выдвигается группа постыхъ журналовъ и газетъ, совѣтующихъ больному познать тщету и суетную гордыню дольняго міра сего, воспарить духомъ къ высотамъ Сіонскимъ, и отложивъ надежду и пощечіе о выздоровленіи, приготовиться къ мирной, христіанской кончинѣ живота. А въ это время больной мечется въ бреду, лепечетъ въ лихорадочномъ полуснѣ безсвязныя слова, «извергаетъ хулы», называетъ громкія имена всѣхъ вѣковъ и народовъ: Кавуръ, Россель, Платонъ, Страховъ, Пальмерстонъ, Аскоченскій.... Что за сумбуръ! И все-то онъ ругаетъ, надъ всѣмъ-то онъ смѣется, все-то ему ниномемъ. Бѣлая горячка, говорятъ врачи. *Delirium tremens!* важно повторяетъ г. Леонтьевъ. Дьявольское навожденіе, шепчетъ, отплеываясь, Аскоченскій.— Какъ ему не умереть! Онъ отрицаетъ общіе авторитеты, все, чѣмъ красна и телла наша жизнь, говоритъ печально г. П. Ко. Кто же, наконецъ, играетъ роль больнаго? Кто же, какъ не «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ»? Кто же, кромѣ этихъ двухъ отверженныхъ, осмѣливался относиться скептически къ дѣятельности Росселя и Кавура? Кто нахо-

длѣ сухими и безплодными ученыя труды гг. Буслаева и Срезневскаго? Кто совѣтовалъ сдать въ архивъ стройныя, красивыя, величественныя системы идеализма, внутри которыхъ темно, сыро и холодно, какъ въ старомъ, готическомъ соборѣ? Кто дерзнулъ обвинить Гизо въ историческомъ мистицизмѣ, г. Лаврова въ неясности формы и неопредѣленности направленія, г. Буслаева въ наивности и старовѣрствѣ, г. Юркевича въ отсталости и въ любомудріи, Н. П. Пирогова въ патриархальности педагогическихъ приемовъ, «Отечественныя Записки» въ вялости тона и въ отсутствіи направленія, «Русскій Вѣстникъ» въ мѣщанскомъ пристрастіи къ золотой серединѣ?... Можно было бы исписать десять страницъ и все-таки не перечислить всѣхъ преступленій, въ которыхъ были уличены въ теченіи 1861 года «Русское Слово» и «Современникъ». Каждая статья составляла crime de lèse-autorité, сшибая съ пьедестала какой-нибудь кумиръ, которому кричали другіе журналы: «выдыбай, боже!» Человѣкъ въ нормальномъ положеніи, въ здоровомъ умѣ не могъ бы пайти въ себѣ столько продерзости. Статья Чернышевскаго о Гизо, «Полемическія красоты», политическія статьи Благосвѣтлова, схоластика Писарева и его статья о Молешотѣ, рецензія стихотвореній Сквороды и отвѣтъ Крестовскаго г. Костомарову, Дневникъ Темнаго человѣка и Свистокъ—все это бредь большаго, последнее напряженіе силъ, за которымъ будетъ и должна слѣдовать реакція, агонія. Аминь! речеть «Домашняя Бесѣда,» и къ своему крайнему удивленію, благонамѣренныя врачи русской журналистики въ первый разъ въ жизни вторять г. Аскоченскому. Но, позвольте, господаврачи, doctores augustissimi, я не пошмаю вашего огорченія. Отчего же вы такъ взволнованы? Здоровый человѣкъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, не станеть беспокоиться попусту, скликать пожарную команду, когда у сосѣда топится овинъ, и когда не предвидится ни малѣйшей опасности. Надо предположить одно изъ двухъ: или дѣйствительно свистуны сильны въ области литературы, или благонамѣренныя люди сами больны и, по разстройству нервовъ, вздрагиваютъ отъ малѣйшаго шума. Каждая выходка «Современника» или «Русскаго Слова» осуждается синедріономъ такъ называемыхъ солидныхъ журналовъ; осужденіе обыкновенно занимаетъ больше мѣста, чѣмъ самая выходка; стало-быть, эти выходки дѣйствительно опасны, или же, извините, вамъ больше не о чемъ говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандалъ для того, чтобы наполнить книжку, и слѣдовательно поступаете сами какъ неудавшіеся фельетонисты. Разберемъ оба предполо-

*

жнія. Кому и чему могутъ быть опасны выходки свистуновъ? Вѣроятно, только идеямъ, или же такимъ личностямъ, которыя передъ лицомъ всего образованнаго міра служатъ представителями той или другой тенденціи. Вѣдь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козлянинова, не за Вергейма, а за Кавура, за Росселя, за исторію, за философію, за серьезную науку. Всѣмъ этимъ лицамъ и идеямъ вы своимъ заступничествомъ оказываете очень плохую услугу. Прикосновенія критики боится только то, что гнило, что какъ египетская мумія распадается въ прахъ отъ движенія воздуха. Живая идея, какъ свѣжій пвѣтокъ отъ дождя, крѣпнеть и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Предъ заклинаніемъ трезваго анализа исчезаютъ только призраки; а существующіе предметы, подвергнутые этому испытанію, доказываютъ имъ дѣйствительность своего существованія. Если у васъ есть такіе предметы, до которыхъ никогда не касалась критика, то вы бы хорошо сдѣлали, еслибы порядкомъ встряхнули ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что вы храните дѣйствительное сокровище, а не истлѣвшій хламъ. Если же вы для себя уже сдѣлали этотъ опытъ, то позвольте же и другимъ сдѣлать то же для себя. Вы, положимъ, убѣждены въ томъ, что умозрительная философія есть мать всѣхъ добродѣтелей и источникъ всякаго благосостоянія. А вотъ для меня, напр., это положеніе составляетъ еще недоказанную теорему. Что же мнѣ вамъ на слово прикажете вѣрить? Или прикажете до тѣхъ поръ не писать ничего, пока не выработаю себѣ абсолютно вѣрнаго, неизблѣмаго убѣжденія, пока не превращу въ аксіомы всѣ теоремы? На второй мой вопросъ вы отвѣтите утвердительно, а я вамъ докажу сейчасъ, что этотъ утвердительный отвѣтъ—нелѣпость. Каждое поколѣніе разрушаетъ міросозерцаніе предыдущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера, то валится сегодня; абсолютныя, вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для Эскимосовъ, Папуасовъ и Китайцевъ. Вы мнѣ скажете, что $2 \times 2 = 4$ —абсолютная истина для всѣхъ вѣковъ и народовъ, а я вамъ отвѣчу, что $2 \times 2 = 4$ не есть идея; тутъ подлежащее повторяется въ сказуемомъ; въ первой и во второй части уравненія предметъ одинъ и тотъ же, и измѣняются только формы выраженія. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» это тоже не идея; вы тутъ связываете между собою не два предмета, а два названія, изъ которыхъ одно сжато, другое пространно. Эти такъ называемыя математическія истины могутъ быть сведены на общую

формулу *опредѣленія*: «островъ есть кусокъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою.» Тутъ объясняется слово, а не предметъ. Кромя того, математическія опредѣленія вообще имѣютъ дѣло съ рамками, съ самыми общими, совершенно безцвѣтными отвлеченностями, къ которымъ человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ личныхъ отношеній. *Два, прямая линія*—все это не предметы, не явленія жизни, а рамки, въ которыя можно вставить что угодно. Математическія истины неизблемы, потому что онѣ безжизненны; внѣ математики, посмотрите куда угодно, всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ мѣняются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерцаніи предыдущаго. Кто усталъ идти, тотъ можетъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги и помириться съ тѣмъ, что его обгоняетъ. Такъ сдѣлалъ Р. Вѣстникъ, такъ поступилъ г. Тургеневъ. Мысли Р. Вѣстника соответствовали требованіямъ нашего общества года три тому назадъ; теперь они многимъ покажутся ретроградными. Образъ Елены въ «Наканунѣ» могъ казаться безукоризненно прекраснымъ года три тому назадъ; въ 1860 году въ немъ уже могли замѣтить несмѣлыя отношенія автора къ идеѣ равноправности мужчины и женщины. Вы видите такимъ образомъ, что не писать до тѣхъ поръ, пока не установятся убѣжденія, значитъ безъ толку пожертвовать лучшими годами дѣятельности. Убѣжденія ваши *остановятся* на какомъ нибудь результатѣ только тогда, когда вѣстѣ съ костями и хрящами начнетъ твердѣть и сохнуть мозгъ; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работою жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали въ молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшимъ, и, если вы писатель, то этимъ же прошедшимъ вы дѣлитесь съ публикой. А прошедшее движущемуся обществу можетъ дать матеріалы для размышленія, а не пору для дѣятельности. Стало-быть, ваши слова будутъ живѣе и плодотворнѣе, если вы выскажете ихъ тогда, когда ваша личность и дѣятельность еще принадлежатъ будущему. Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западактъ въ душу слушателя глубже, и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно. Юноша способенъ ошибаться,—согласенъ; но зато онъ и не учитъ общества, не читаетъ лекцій; онъ самъ ищетъ, самъ стремится, а стремленіе къ истинѣ, поступательное движеніе

всегда лучше обладанія ею, уже потому, что послѣднее есть самообольщеніе, а первое—дѣйствительный фактъ. И такъ, позвольте людямъ, недостигшимъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, т. е. еще неостановившимся, — говорить, писать и печатать; позвольте имъ встряхивать своими самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которая вы называете общими авторитетами и которая, по вашему признанію, грѣютъ и красятъ вашу жизнь. Согласитесь съ тѣмъ, что «спросъ не бѣда», и что общему авторитету не больно отъ того, что его подвергнуть сомнѣнію. Если авторитетъ ложный, тогда сомнѣніе разобьетъ его, и прекрасно съдѣлаетъ; если же онъ необходимъ или полезенъ, тогда сомнѣніе повертитъ его въ рукахъ, осмотритъ со всѣхъ сторонъ и поставитъ на мѣсто. Словомъ, вотъ ultimum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержать ударъ, то годится, что разлетится въ—дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налево, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть. Клеветать конечно не слѣдуетъ; лгать въ фактахъ—не хорошо, но въ подобной лжи еще никто не уличилъ свистуновъ; ихъ уличали въ ложныхъ воззрѣніяхъ, а воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны; есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Ко., которая онъ хотѣлъ сказать мнѣ въ *нику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно и чуръ одинъ другому не мѣшать». Нашелъ въ чемъ упрекнуть! въ самостоятельности мысл. Давай Богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты. Я замѣтилъ выше, что серьезные журналы дѣлаютъ изъ мухи слона, потому что имъ больше нечего дѣлать; это положеніе я поддерживаю; только полнѣйшая умественная праздность можетъ возводить въ событіе каждую статью Свистка, каждую выходку Темнаго человѣка. Люди толкуютъ о серьезныхъ интересахъ науки и общества и въ то же время сотни страницъ посвящаютъ г. Чернышевскому, котораго сами называютъ свистуномъ и верхоглядомъ. И что это за страницы! Сколько глубокомыслия, сколько проникательной критики, сколько высоко—нравственнаго негодованія тратится на опроверженіе Полемиическихъ Красотъ! «Судя по тому значенію, которое сридаютъ г. Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедическій словарь дойдетъ до буквы Ч, то ему будетъ посвящена обширная статья. Подлинно, г. Чернышевскій

имѣть полное право пропзнести извѣстное стихотвореніе Пушкина: *ex ungue leonem*, кончающееся такъ:

Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

XII.

«Полемическія красоты» г. Чернышевскаго взволновали журнальный міръ; никакое научное открытіе, никакое серьезное изслѣдованіе не обращало на себя такъ внезапно всеобщаго вниманія гг. серьезныхъ литераторовъ. Русскій Вѣстникъ съ несвойственною ему поспѣшностью, въ іюньской книжкѣ своего изданія отвѣчалъ на статью, поштенную въ іюньской же книжкѣ Современника; Отеч. Зап. въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не спускаютъ глазъ съ Современника, лишшающаго ихъ сна и покоя; даже безвредный Свѣточъ не преминулъ заявить свой протестъ противъ нарушенія литературныхъ приличій г. Чернышевскимъ. Мысль невольно переносится къ той давно прошедшей эпохѣ, когда памфлетъ Ульриха фонъ-Гуттенъ «Письма темныхъ людей (*Epistolae obscurorum virorum*)» прошумѣлъ по Германіи, и нарушилъ умственную апатію записныхъ ученыхъ. Доктора и монахи принялись ругаться на всѣ лады и доказали двѣ вещи, во-1-хъ мѣткость ядовитаго памфлета, во-вторыхъ, собственную духовную нищету, связанную съ нахальною заносчивостью и карикатурнымъ самообожаніемъ. Такого рода проществія возможны во всякое время. Люди лѣнивые, или отъ природы малосильные всегда сердятся на людей дѣятельныхъ и даровитыхъ, которые, идя скорѣе ихъ, увлекаютъ за собою большинство и пользуются его заслуженнымъ сочувствіемъ. Сердятся они не всегда изъ корыстныхъ видовъ; иному дѣйствительно обидно; онъ, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать рылся въ бібліотекахъ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считалъ тебя полезнымъ специалистомъ, предъявлялъ права на признательность соотечественниковъ и вдругъ, о разочарованіе! является какой нибудь неизвѣстный юноша, высказываетъ о предметѣ специальныхъ изслѣдованій—мысли ошеломляющія специалиста своею оригинальностью и новизною, и прямо называетъ долголѣтніе труды вышешисаннаго ученаго сухимъ хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни идеи, ни важнаго фактическаго результата. Какъ же такому непонятому специалисту не озлиться?

Какъ ему не пуститься съ азартомъ въ несвойственное ему поле журнальной полемики? Какъ ему въ проклятїяхъ противъ свистопляски не дойти до того паюсса задорности, какиѣ отличается переписка Ивана IV съ Курбскимъ? Кто же рѣшится сознаться даже передъ самимъ собою (не то, что передъ публикою) въ томъ, что онъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ что дѣлалъ и съ какою цѣлью трудился. Чтобы рѣшиться на такое признаніе, надо быть почти великимъ человѣкомъ, а великіе люди не тратятъ жизни на перепечатку лѣтописей и на копировку старинныхъ шрифтовъ. Раздраженіе г. Погодина, выразившееся въ его прошлогоднемъ письмѣ къ г. Костомарову, и въ изобрѣтеніи слова «свистопляска», негодованіе г. Буслаева, напечатаннаго въ Отеч. Зап. письмо къ г. Пышину, и гнѣвъ г. Вяземскаго, посвятившаго свистунамъ сатирическую пѣснь лебедя, объясняются только—что выписанными мною побудительными причинами. Ярость Р. Вѣстника и Отеч. Зап. объясняются проще. Внѣтъ журналиста въ томъ, что онъ желаетъ увеличенія подписки, было бы смѣшно. Ктожъ себѣ врагъ? Фразамъ о безкорыстномъ служеніи идеѣ и обществу наше время плохо вѣритъ. Какъ ни кричите противъ меркантильности эпохи, вы ее крикомъ не прогоните. Эта меркантильность есть современная форма эгоизма, выражавшагося въ прежнія времена властолюбіемъ, жаждою славы, донжуанствомъ и т. д. Возставать противъ корыстолюбія журналовъ я не буду; постараюсь только посмотрѣть, какія средства они пускаютъ въ ходъ, чтобы выдвинуть себя впередъ и отбросить совмѣстниковъ на задній планъ. Буду обращать вниманіе не столько на нравственное достоинство этихъ средствъ, сколько на ихъ практическую пригодность. Можно быть отличнымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, и очень плохимъ литераторомъ, и тѣмъ болѣе негодящимся журналистомъ. «Хоть пей, да дѣло разумѣй» это мудрое правило надо особенно крѣпко помнить въ наше время, когда развелся легионы печатающихъ людей, которые «немножечко дерутъ,

Зато ужъ въ ротъ хлѣбнаго не берутъ».

Впрочемъ, опять—таки, этого нельзя сказать ни объ Отечественныхъ Зап., ни о Русск. Вѣст. Тѣ—и дерутъ, и чистотою литературныхъ правовъ не отличаются. Объ Р. Вѣст. довольно будетъ замѣтить, что онъ не уважаетъ умственной самостоятельности своихъ сотрудниковъ

(исторія о Свѣчливой), попрекаетъ г. Чернышевскаго саратовскою семинаріею, и даже шпшетъ о томъ, что у него крадутъ книги и четвертаки. Что же касается до Отечественныхъ Записокъ, этого притона современной схоластики, кладязя недоступной премудрости, то я намѣрень посвятить имъ все продолженіе этой статьи. Надо разъ навсегда высказаться насчетъ этого ученаго журнала, противъ котораго почти невозможна серьезная критика. Почему? А потому, что въ немъ нѣтъ живой мысли; стало-быть надо или смѣяться надъ тушымъ педантизмомъ, или закрыть книгу и лечь спать съ отяжелѣвшею головою.

Легіонъ редакторовъ Отечественныхъ Записокъ, чего добраго, назоветъ эти слова нарушеніемъ литературныхъ приличій; они скажутъ, пожалуй, что мнѣ слѣдуетъ спорить съ ними, а не отдѣлываться брошенною фразою; они, можетъ быть, сочтутъ мои слова уловкою; въдъ требовали же они отъ Чернышевскаго, чтобы онъ состязался съ Юркевичемъ; въдъ считали же они отказъ Чернышевскаго за доказательство его неостоятельности. Поймите, господа, что спорить съ вами и съ г. Юркевичемъ значитъ ломать себѣ голову, слѣдя за извилинами вашихъ аргументацій, написанныхъ тяжелымъ, неяснымъ языкомъ 30-хъ годовъ, входить въ мрачный лабиринтъ вашей буддійской науки, отъ которой мы сторошимся съ нѣмымъ благоговѣніемъ. Скажите, ради чего намъ съ Чернышевскимъ брать на себя такой трудъ? Чтобы убѣдить васъ? Да мы этого не желаемъ. Чтобы убѣдить публику? Да она и безъ того на нашей сторонѣ. Ей смертельно надоѣдаетъ ваша наука и критика. Читаетъ она въ Отечественныхъ Запискахъ повѣсти, переводные романы (которыхъ всегда довольно), историческія статейки; что же касается до критики, ее рѣдко разрѣзываютъ; вопросы, которые г. Дудышкинъ, какъ фениксъ современной литературы, задаетъ на разрѣшеніе журналамъ (напр. о Пушкинѣ), прочтываются для смѣха журналистамъ и, какъ слѣдуетъ того ожидать, не разрѣшаются никѣмъ.

Убѣждать публику намъ стало-быть не въ чемъ; кромѣ того, смѣхъ и свистъ лучшія орудія убѣжденія. Еслибы мы стали васъ опровергать по пунктамъ, статьи наши вышли бы такъ же скучны и головоломны: какъ ваши критическія изслѣдованія, а этого-то мы не желаемъ. И такъ спорить съ вами мы не будемъ, а смѣяться, если придетъ расположеніе, не преминемъ. Спора вы требуете, а смѣха бонтесь. Вотъ смѣхомъ-то мы васъ и докопаяемъ. Вы непременно разсердитесь, и въ сердцахъ выкажете свои большія мѣста, которыхъ у васъ очень много. Вы уже разсердились на г. Чернышевскаго и высказали много дико-

вишнихъ вещей. Кромѣ того, вы напрягли всѣ свои силы, ничего не успѣли сдѣлать, и слѣдовательно обличили свое безпомощное положеніе, свою убогость, которою вы насъ все-таки не разжалобите.

XIII.

Шестьдесятъ пять страницъ въ разныхъ отдѣлахъ Отечественныхъ Записокъ 1861 года за августъ выдвинуто противъ второй коллекціи «Полемиическихъ красотъ». Упрекъ въ отсутствіи направленія подѣйствоваль слишкомъ хорошо; всѣ редакторы ополчились какъ одинъ человекъ, и пошли четверо противъ одного; впрочемъ, на флотѣ Ляллуштовъ, который увелъ въ плѣнъ капитанъ Лемуилъ Гулливеръ, было гораздо больше четырехъ храбрыхъ бойцовъ; всѣ были воодушевлены патриотическимъ жаромъ, всѣ они тоже защищали паролность, и между тѣмъ всѣ сдались на капитуляцію. Что дѣлать, гг. идеалисты, спиритуалисты и супранатуралисты! Духъ бодръ, плоть немощна. Крестовый походъ политической умѣренности, историческаго глубокомыслія, критической серьезности и откровенной запальчивости противъ наглаго, насмѣшливаго невѣжества, кончился безславнымъ пораженіемъ. Ряды нападающихъ смѣшались; разнокалиберность союзниковъ и непривычка стоять подъ однимъ знаменемъ взяли свое; пошли ученые рыцари кто въ лѣсъ кто по дрова; своя своихъ не познаша, и предполагавшіеся стройный натискъ превратился въ беспорядочное гарцованіе, достойное Благосвѣтлова, но нисколько не приличное для пурпестовъ русской мысли. Бѣдные пурпесты! Они были не на своемъ мѣстѣ; они напоминали несчастнаго Франца Горна, комментатора Уильяма Шекспира, попавшагося въ дикую охоту и скакавшаго за своимъ любимымъ поэтомъ, на ослѣ, держась за гриву и творя молитву дрожащимъ голосомъ. (Heine. Atta Troll.) И что за охота? Вѣдь говорилъ вамъ Чернышевскій: Куда вамъ полемизировать! а вы его не послушали; вы, вѣроятно, думали, что онъ говоритъ это отъ зависти; вотъ и додумались. А все—самолюбіе васъ губить. Ну, ему ли вамъ завидовать! Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: намъ (т. е. Современнику и Русскому Слову) позволительно посвящать вамъ обширныя критическія статьи; мы—люди задорные; мы въ вашемъ лицѣ осмѣиваемъ рутину и, слѣдовательно, остаемся вѣрны своему характеру. Вамъ, напротивъ того, совѣтъ не слѣдуетъ съ нами говорить: всякая попытка свиснуть съ вашей стороны достав-

летъ намъ перевѣсъ; вы беретесь за наше оружіе, стало-быть полагаете, что оно лучше вашего, и, слѣдовательно, этимъ самымъ осуждаете вашу всегдашнюю дѣятельность. Нельзя служить богу и мамону, а-то выйдете ни богу свѣча, ни чорту кочерга. Вы должны показывать видъ, будто чувствуете къ намъ полнѣйшее, холодное, равнодушное презрѣніе, будто *инорируете* насъ; вы иногда стараетесь поступать такимъ образомъ, но солидность ваша не выдерживаетъ развѣдывающаго прикосновенія шѣткой насмѣшки. Нашъ сарказмъ жжетъ васъ какъ раскаленное желѣзо; вы теряете всякое хладнокровіе, забываете роль, и, не умѣя язвить шуткою, начинаетѣ браниться, почерпая ваши слова то изъ церковно-славянскаго (напр. срамословіе, скверномысліе), то изъ площаднаго народнаго. Вотъ въ эти-то минуты вы крайне занимательны; тутъ-то васъ и пужио изучать и списывать съ натуры. Августовская книжка Отечественныхъ Записокъ доставила мнѣ самое живое наслажденіе своею полемическою частью. Она дорисовала тѣ образы, которые складывались уже въ моемъ умѣ; она показала мнѣ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ рутинеры, выведенные изъ терпѣнья и чувствующіе, что почва колышется подъ ихъ ногами. Мнѣ случалось читать въ исторіи объ отчаянной борьбѣ отживающаго съ начинающимъ жить, и теперь мнѣ очень пріятно прослѣдить въ маленькихъ разиѣрахъ процессъ этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотрѣть на агонію человѣка или животнаго, но агонія идеи, принципа, направленія представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище. Весело смотрѣть на то, какъ защитники этого умирающаго принципа мечутся, суетятся, теряютъ голову, противорѣчатъ сами себѣ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, говорятъ все вдругъ, какъ Добчинскій и Бобчинскій, и все-таки лишаются постепенно своихъ прозелитовъ; а между тѣмъ, новая идея, какъ пожаръ, разливается по селѣ дѣйствія, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стѣнъ, и до-чиста сжигаетъ старый хламъ, какъ бы ни былъ онъ плотно закупоренъ, и подъ какимъ бы крѣпкимъ карауломъ его ни содержали. Чернышевскій говоритъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣтъ единства направленія и г. Дудышкинъ торжественно соглашается съ нимъ отъ лица всѣхъ главныхъ членовъ редакціи (августъ, русск. лит. стр. 148). Я позволю себѣ не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Статьи Отечественныхъ Записокъ часто противорѣчатъ другъ другу—это правда; но у нихъ есть что-то общее, есть свой букетъ, который принадлежитъ имъ одиѣмъ; этотъ букетъ онѣ назы-

ваютъ серьезностью; въ переводѣ на общеупотребительный русскій языкъ это значить недоступность живымъ интересамъ, неумѣіе и нежеланіе отнестись къ возникающимъ вопросамъ откровенно и ясно, *инорированіе* живыхъ и больныхъ мѣстъ нашей частной и общественной жизни. Возникаетъ ли какой нибудь литературный споръ о предметѣ общеизвѣстномъ, имѣющемъ практическое значеніе во вседневной жизни, — Отечественныя Записки тотчасъ превращаютъ споръ въ научную теорему; предметъ уносится учеными критиками на вершины Олимпа русской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ зрителей; кто попроще, тотъ начинаетъ благоговѣть, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу, и говоритъ, что начпается «ерунда». Въ обоихъ случаяхъ, вопросъ, поставленный жизнью, остается нерѣшеннымъ и понемногу зампраетъ. Достоинство журнала спасено, а между тѣмъ не высказано ничего рѣзкаго, что могло бы раздражить гусей; и волки сыты, и овцы цѣлы. Вотъ видите ли, въ нашемъ общественномъ мнѣніи есть множество отгѣнковъ, нечувствительно переливающихся одинъ въ другой. Крайними полюсами этого общественнаго мнѣнія можно назвать съ одной стороны Аскоченскаго, съ другой — ну хоть бы Чернышевскаго, благо мы часто о немъ упоминаемъ. У Аскоченскаго есть положительная сторона — ханжество, и отрицательная — ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него выражается грубо, рьяно, негѣпо; если отъ Аскоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ находиться въ убывающей прогрессіи; мракобѣсіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ довольство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но полную эмансипацію разума мы пайдемъ только на противоположномъ полюсѣ. Духъ Аскоченскаго вѣетъ не въ одной Домашней Бесѣдѣ; съ его вѣяніемъ можно встрѣтиться даже за предѣлами любезнаго отечества; ослабленные и смягченные Аскоченскіе есть и въ Европѣ, даже въ Англїи, даже въ партїи виговъ. Авторитеты ихъ пожалуй благообразнѣе нашихъ, но въ сущности все равно, шелковая или шелковая веревка вяжетъ васъ по рукамъ и по ногамъ. Шелковая даже хуже; отъ нея не такъ больно и потому связанный легче мирится съ своимъ положеніемъ. Отношенія Отеч. Зап. къ разуму отличаются робостью; самостоятельность мысли отошла отъ нихъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ; новая идея не найдетъ себѣ прїюта на страницахъ этого журнала; рискъ великъ! Кто ее знаетъ, эту идею? Вдругъ окажется

вадоромъ, не примется въ обществѣ; начнутъ надъ нею смѣяться; нѣтъ, лучше не рисковать; лучше идти себѣ битую дорогою, печатать новости заднимъ числомъ, хвалить то, что уже все признали хорошимъ, и бранить то, въ чемъ еще сомнѣвается большинство. Вишнякъ образомъ эта черта характера Отеч. Зап. выразилась въ томъ, что, сколько мнѣ помнится, ни одинъ литераторъ не начиналъ своей карьеры въ От. Зап. Когда имя дѣлалось извѣстнымъ, г. Краевскій допускалъ его на Олимпъ; талантливый юноша, не печатавшій до того времени нигдѣ, не могъ прямо попасть въ От. Зап., хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Это было очень благоразумно со стороны г. Краевского. Когда нѣтъ творчества, ненадо творить; когда нѣтъ собственной критической способности, надо поневолѣ полагаться на мнѣніе другихъ; «нечѣмъ пѣть, когда голоса нѣтъ,» говоритъ русская пословица. Откровенное сознаніе собственной несостоятельности дѣло очень похвальное, хотя, конечно, было бы еще похвальнѣе совѣсть не братья за такое дѣло, въ которомъ не смыслишь ни аза. И такъ, робость и неясность отношеній составляютъ букетъ От. Зап. Причина этихъ свойствъ заключается отчасти въ дипломатической осторожности, отчасти въ слабости мысли. Ширина и смѣлость взгляда, неумолная послѣдовательность логики, ясность и простота въ рѣшеніи вопросовъ свойственны только живому уму, а его нѣтъ въ редакціи От. Зап. Посредственность не любитъ быстрого поступательнаго движенія; оно ее утомляетъ; довольствоваться наличнымъ умственнымъ капиталомъ, старую философскую систему, шлифовать и полировать уголки, любоваться деталями—вотъ ея дѣло, вотъ сфера ея муравьиной дѣятельности. А тутъ вдругъ придетъ какойнибудь нахаль, все переворочаетъ, все переломаетъ, нашумитъ, напылитъ, такъ что послѣ его вторженія хозяинъ не можетъ узнать своего уютнаго кабинета, въ которомъ все было такъ аккуратно, такъ невозмутимо—спокойно, такъ тихо и безмятежно. Собирается онъ съ силами, чтобы послѣ нашествія новаго Аттилы привести въ прежній порядокъ свою крошечную системку, въ которой ему было тепло, въ которой онъ чувствовалъ себя безопаснымъ, какъ улитка въ раковинѣ, и къ которой онъ даже, можетъ быть, успѣлъ приохотить кружокъ почтительныхъ и кроткихъ прозелитовъ. Хлопочетъ онъ о томъ, чтобы истребить слѣды разрушительнаго набѣга, да что—то не ладится; прозелиты ошеломлены; однихъ прельстила смѣлость вражескаго натиска, другихъ она удивила, третьихъ привела въ негодованіе, но во всякомъ случаѣ все они уже

не тѣ невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какіе были прежде. Да и система не доставляетъ добродушному хозяину прежняго умственнаго комфорта. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно; самолюбіе мѣшаетъ, да и опасно; мальчишки народъ заносчивый, зазнаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить! Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами пріятно; говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положенія учителя, и, лишь бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, которому полнѣе доступна неизреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совѣтъ не то; вы сошлетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: это говорить Гегель! а онъ отвѣтитъ: а мнѣ что за дѣло! — Вамъ придется доказывать основныя положенія, шевелить такія строила ученія, которыя вы считали пезыблемыми и неприкосновенными, придется передѣлывать съизнова дѣло учителя, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя значительно усложняютъ задачу. Когда жилъ и дѣйствовалъ учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить противъ его ученія разрушительныхъ доводовъ, по той простой причинѣ, что ученіе было ново, свѣжо, способно развиваться, и не похоже на жреческую символистку; когда жилъ этотъ предполагаемый учитель, онъ уловилъ послѣднее слово своего времени и развилъ его въ систему; теперь настали другія времена; выработалось другое послѣднее слово, и можно сказать навѣрное, что еслибы учитель жилъ въ наше время, то и ученіе его вышло бы не такое, какимъ онъ его сдѣлалъ. Въ наше время Гегель навѣрное не былъ бы гегельянцемъ, потому что только узкіе и вялые умы живутъ въ области предавій, тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ. И такъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ, и противопоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивленіе инерціи. Бываетъ и прозелитическая посредственность; иные нищіе духомъ стремятся, очертя голову, вслѣдъ за увлекающимъ ихъ талантомъ; слѣпой фанатизмъ и дешевый скептицизмъ одинаково часто встрѣчаются въ людяхъ ограниченныхъ; но въ нашемъ обществѣ дешевый скептицизмъ кажется преобладаетъ, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вотъ эту—то тупую оппозицію инерціи и безпричиннаго скептицизма вы встрѣтите на каждой страницѣ Отеч.

Зап. Слова оппозиція и скептицизмъ требуютъ нѣкотораго поясненія. Оппозиція есть гарантія личности противъ посягательствъ большинства или силы; осмысленная оппозиція возбуждаетъ къ себѣ искреннее сочувствіе и заслуживаетъ полное уваженіе со стороны всякаго благороднаго человѣка; но что вы скажете напр. объ оппозиціи помѣщицы Коробочки, нежелающей продать мертвыя души, на томъ основаніи, что она не знаетъ городскихъ цѣнъ? Вѣдь источникъ этой оппозиціи заключается въ неспособности понять предметъ, въ неумѣніи или нежеланіи сдѣлать малѣйшее усиліе мысли. Оппозиція многихъ старовѣровъ очень напоминаетъ оппозицію Коробочки. Ему толкуютъ объ удобствѣ какой нибудь земледѣльческой машины, — онъ слушаетъ изъ пятого въ десятое, и потомъ наотрѣзъ отказывается сдѣлать нововведеніе. Вы добиваетесь причины его упорства, считаете вашего собесѣдника фанатикомъ наслѣдованнаго отъ отцовъ экономическаго порядка вещей, строите въ головѣ цѣлую теорію объ исторической памяти русской народности, а между тѣмъ вашъ дубиноголовый противникъ способенъ отвѣтить вамъ только словами Лазаря Елзарыча: «Для того, что не для чего»!... Онъ упирается, потому что не ясно понимаетъ, а не понимаетъ и не хочетъ понимать оттого, что не привыкъ работать мыслью, — а на старости лѣтъ привыкать мудрено! — Скептицизмъ великъ и законенъ, какъ слѣдствіе разлагающей дѣятельности мысли, какъ результатъ тщательнаго анализа; но скептическое отношеніе къ предмету мало извѣстному обличаетъ только нежеланіе взглянуть въ него и ближе съ нимъ ознакомиться; такой скептицизмъ вытекаетъ часто изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что моя статья возбудитъ къ себѣ недовѣріе въ двухъ читателяхъ: одинъ прочтетъ ее внимательно, и, положимъ, замѣтитъ въ ней противорѣчія, тонъ страстнаго раздраженія, натяжки въ выводахъ; это наведетъ его на мысль, что статья написана пристрастно, онъ отнесется къ ней скептически. Такого рода скептицизмъ вполне уважителенъ; онъ основанъ на знакомствѣ съ предметомъ; ошибка тутъ возможна, но не неизбежна. Другой читатель перелистуетъ статью, увидитъ, что дѣло идетъ объ От. Зап., и скажетъ: «это брань журналистовъ, старающихся переманить подписчиковъ. Взоръ! Не стоитъ читать!» — Это уже дешевый скептицизмъ, хватающій верхки, судящій по внѣшности, нежелающій или неумѣющій приложить анализа къ самому предмету. У человѣка, способнаго къ такому скептицизму, есть въ головѣ нѣсколько десятковъ готовыхъ сужденій, и онъ подводитъ подъ нихъ разные случаи

жизни, нимало не заботясь о ихъ дѣйствительной фізіономіи. Развиваться такой человѣкъ не способенъ; вращаясь въ безвыходномъ кругу готовыхъ сужденій и вывѣтрившихся фразъ, онъ не видитъ дѣйствительнаго міра и не даетъ себѣ труда взглянуть на него просто и серьезно. Эта оппозиція и этотъ скептицизмъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Отеч. Зап. выражаютъ ихъ тѣмъ, что не высказываютъ никогда опредѣленнаго мнѣнія; въ нихъ вы не найдете такого слова, изъ котораго можно было бы вывести осязательное, практическое заключеніе. У нихъ есть два молчалинскіе таланта: умѣренность и аккуратность, которую они называютъ серьезностью. До «степеней извѣстныхъ» они уже дошли. Развѣ двадцать три года существованія журнала, и притомъ отъ 1838—1861 года, не «степени извѣстныя?»»

XIV.

Букетъ «Отечественныхъ Записокъ» я нашелъ; ихъ цвѣтъ—безцвѣтность; ихъ тактика состоитъ въ томъ, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться въ рядахъ прогрессистовъ, не раздѣляя съ ними трудовъ и опасностей, отуманивать своихъ читателей книжною ученостью и отводить имъ глаза отъ живыхъ идей, вопросовъ и интересовъ. Почему онѣ молчалинствуютъ, по расчету или по умственной убогости—рѣшить не берусь; можетъ быть, по тому и по другому вмѣстѣ. Посмотримъ лучше, какъ общая тактика журнала выдерживается въ различныхъ отдѣлахъ. Первая полемическая статья, встрѣчающаяся въ августовской книжкѣ, принадлежитъ перу г. Альбертини; съ нея я и начну.

Г. Альбертини вступаетъ за Кавура, стыдитъ г. Чернышевскаго его незнаемъ и совѣтуетъ ему побольше читать и учиться. О Кавурѣ г. Альбертини споритъ, нимало не обобщая вопроса; онъ полагаетъ, что нападки «Современника» направлены противъ личности, а не противъ типа, противъ отдѣльныхъ поступковъ Кавура, а не противъ цѣлаго направленія его политики. Г. Альбертини не понимаетъ или не хочетъ понимать, что г. Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, находясь по своему положенію во главѣ современной Італіи, сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ-край), вмѣсто того; что-

бы поддерживать его и давать ему направлѣніе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе піемонтскимъ подданнымъ, чѣмъ гражда-ниномъ свободной Италіи. Если вы, г. Альбертини, способны возвы-ситься до синтетическаго взгляда на личность Кавура, тогда доказы-вайте намъ противное; мы васъ послушаемъ. Но если вы любите изучать факты, не обладая способностью обобщенія, тогда вамъ нель-зя спорить съ Чернышевскимъ; да онъ и не станетъ съ вами спо-рить. Замашка останавливаться на голомъ фактѣ, на заглавіи, обна-руживается также въ томъ мѣстѣ, гдѣ г. Альбертини говорятъ о Пальмерстонѣ и Брайтѣ. Г. Чернышевскій въ «Полемическихъ красо-тахъ» говоритъ, что для удобства и для краткости называетъ одинъ типъ прогрессистовъ—Пальмерстономъ, другой—Брайтомъ. Предупре-дивъ такимъ образомъ читателя, онъ говоритъ: «Пальмерстонъ толь-ко тогда непоколебимъ, когда опирается на Брайта, и теряетъ власть, когда отталкиваетъ отъ себя Брайта.» Ясно, что это надо понимать такъ: «Англійское министерство, выставяющее на своемъ знамени девизъ прогресса, только тогда непоколебимо, когда опирается на ту часть ан-глійской націи, которая дѣйствительно воодушевлена прогрессивными стре-мленіями.» Противъ этой мысли долженъ былъ возражать г. Альбертини, если онъ съ нею не согласенъ. Но онъ сдѣлалъ совѣтъ не то. Онъ совершенно утаилъ отъ своихъ читателей тотъ смыслъ, который г. Чернышевскій придалъ именамъ Пальмерстона и Брайта; онъ беретъ слова г. Чернышевскаго *au pied de la lettre* и начинатьъ объяснять различіе между Пальмерстономъ и Брайтомъ, невозможность ихъ сое-диненія и грубость ошибки, сдѣланной критикомъ «Современника». Вся тирада эта, пущенная не противъ г. Чернышевскаго, а противъ какаго-то воображаемаго противника, завершается такъ: «о такихъ ве-щахъ, объ азбукѣ современной политики, совѣстно толковать порядоч-нымъ людямъ, а вы меня хотите увѣрить, будто Пальмерстонъ тогда и силенъ, когда слушается Брайта. Какъ вамъ не совѣстно?» Кто не понимаетъ мысли своего противника, когда она выражена ясно, тотъ обнаруживаетъ слабоуміе. Кто не хочетъ понимать и умышленно искажаетъ мысль противника, тотъ поступаетъ безчестно и уни-жается до степени литературнаго фокусника («Отечественныя Запис-ки» сказали бы даже: «мазурка»). Которое изъ этихъ двухъ объ-женій благоволятъ принять г. Альбертини, не знаю, но думаю, что третьяго не сумѣютъ приискать ни самъ онъ, ни литературные его сподвижники. Совѣстно-то будетъ, должно быть, не г. Чернышев-

скому.—Далѣ слѣдуетъ статья того же г. Альбертини объ Токвилѣ, какъ значится въ заглавіи, но героемъ статьи является все тотъ же г. Чернышевскій. Изъ этой статьи я вышшу нѣсколько умилятельныхъ мѣстъ, и ничего не скажу объ общей идеѣ, потому что общей идеи нѣтъ. Авторъ силится доказать, что Токвиль—прекрасный человекъ, а Чернышевскій нахаль и невѣжда, но прочтя его статью, читатель не вынеситъ никакого понятія о французскомъ публицистѣ, и даже обвиненіе въ сумбурности, неосновательно взведенное на него г. Чернышевскія, не оказывается снятымъ. Избави Богъ отъ защитниковъ, подобныхъ г. Альбертини! они способны затемнить самое чистое дѣло и запутать самый простой вопросъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, казня своего лютаго врага, г. Альбертини вышшается до паюса ироніи. «Неужели, восклицаетъ онъ, послѣ этого (т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чернышевскій) осмѣлитесь еще требовать отъ нашей молодежи, чтобъ она серьезно училась? Полноте! Вы гордитесь, кажется, что васъ читаютъ съ удовольствіемъ. Знаете ли, кто читаетъ васъ съ истиннымъ удовольствіемъ? Все господа Якубовичи, да Кондыревы (безграмотные переводчики Токвиля). Оттого—то они и перевели такъ безобразно Токвиля, что васъ они читаютъ съ удовольствіемъ и позаимствовались отъ васъ тѣмъ пренебреженіемъ къ наукѣ, къ серьезной мысли и къ серьезному труду, котораго проповѣдникъ всегда найдетъ себѣ приверженныхъ адептовъ. Отчего же вы такъ несправедливы къ своему адепту, г. Якубовичу? Отчего же вы его обвиняете въ безмыслицѣ? Еслибъ вы были послѣдовательны, вы его должны были бы погладить по головкѣ за то, что онъ такъ дико перевелъ писателя, по вашему, сумбурнаго.» Когда г. Альбертини говоритъ хладнокровно, тогда ему почти не нужна логика; рассказывать событія можно въ хронологическомъ порядкѣ; разсужденія можно заимствовать изъ плохихъ нѣмецкихъ газетъ; отсутствіе собственныхъ приговоровъ можно выдавать читателямъ за осторожность и серьезность. Недостатокъ логической связи и послѣдовательности можетъ пройти незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что русская публика читаетъ невнимательно, и съ обзоромъ политическихъ событій знакомится не столько по ежемѣсячнымъ журналамъ, сколько по ежедневнымъ газетамъ. Но въ полемикѣ съ г. Чернышевскимъ вопросъ становится иначе. О Чернышевскомъ за границей не пишутъ, стало-быть о немъ надо говорить свое. Кромѣ того, сонливое спокойствіе, или что то же, историческое безпристрастіе, хранившееся въ

грудн г. Альбертини, когда онъ разсуждалъ о Кавурѣ, Росселѣ и Пальмерстонѣ, исчезло; г. Чернышевскій задѣлъ самолюбіе нашего публициста и г. Альбертини началъ свое знаменитое: «*quo usque tandem*». Тутъ понадобилась хоть бы вышняя связь—п логика г. Альбертини (именно его собственная, исключительная логика) обозначилась. Проскользнула вмѣстѣ съ индивидуальной логикой и нравственная исповѣдь. Спohватитесь во-время, г. Альбертини! вы расточаете передъ нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1) что г. Чернышевскій долженъ былъ похвалить работу г. Якубовича, потому что г. Якубовичъ его адептъ, и 2) что г. Чернышевскій долженъ былъ обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что онъ не соглашается съ его идеями. Вы упрекаете Чернышевскаго въ непослѣдовательности за то, что онъ не поступаетъ такимъ образомъ; значить, вы на его мѣстѣ поступили бы такъ, какъ совѣтуете ему поступить; такимъ образомъ вы даете намъ право воспроизвести двѣ слѣдующія статьи вашего нравственного кодекса: 1) Должно хвалить своихъ адептовъ, хотя бы они говорили вздоръ и дѣлали гадости. 2) Должно ругать наповаль своихъ противниковъ, чернить ихъ всѣми правдами и неправдами и радоваться, если чернить ихъ кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса даютъ намъ ключъ къ пониманію вашей выходки противъ Чернышевскаго по поводу Брайта и Пальмерстона; ясно, что она сдѣлана не по напвности.

Понятнымъ дѣлается также слѣдующее мѣсто: «Мы могли бы трактовать его (Чернышевскаго), какъ трактовали нѣкогда г. Благосвѣтлова, какъ обыкновенно трактуютъ балаганныхъ паяцовъ, которыхъ все дѣло выкинуть штуку половче, показнетье.» И Чернышевскій и Благосвѣтловъ извѣстны, какъ ваши литературные противники, *ergo* надо ругать. Дайте срокъ, г. Альбертини. Напишите еще двѣ-три статьи, подобныя разбпраемой нами, проворитесь еще раза три, такъ, какъ провались теперь, и ваша брань сдѣлается такъ же почетною, а похвала такъ же позорною, какъ брань и похвала юродствующаго редактора «Домашней Бесѣды.» Вотъ еще одна выписка, въ которой проведено тоже нравственное воззрѣніе. «Люди «Современника» находятъ, слѣдовательно, что авторитетъ Токвиля можетъ помѣшать воспринятію и усвоенію въ нашемъ обществѣ ихъ собственныхъ идей о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ разсуждаетъ Токвиль; вотъ отчего и понадобилось имъ сокрушить его авторитетъ. Иначе зачѣмъ бы имъ было собирать грозу противъ Токвиля, доказывать

*

ему сумбуурность, убѣждать своихъ читателей не читать Токвила?»— Г. Альбертини хотѣлъ бросить въ Чернышевскаго большиимъ комомъ грязи и самъ по-локоть выпачкалъ себѣ руки; всего смѣшите то, что онъ самъ этого не замѣчаетъ и что другіе со стороны должны говорить ему: посмотрите на себя! что вы съ собою сдѣлали! на что вы похожи! Вѣдь по-вашему выходитъ, что назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ можно только въ томъ случаѣ, если это доставляетъ вамъ прямую выгоду, если у васъ въ этомъ дѣлѣ свои расчеты. Представитель серьезной науки, служитель идеи, поборникъ истины, что вы говорите! Вѣдь послѣ этого честному человеку нельзя спорить съ вами, потому что вы въ отвлеченномъ спорѣ преслѣдуете только ваши выгоды, и въ собесѣдникѣ вашемъ предполагаете такіи же тенденціи. Вы говорите возмутительныя вещи, и на васъ нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете вѣса своихъ словъ. Вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ развращенный ребенокъ; вы говорите громко то, что многіе думаютъ про себя; но то, что вы говорите— все-таки дурно. Вашему непосредственностью уничтожается вѣроятность преступленія, но публикѣ остается только недоумѣвать, какъ это безсознательно-лѣпечущій младенецъ можетъ писать и печатать серьезные статьи? Впрочемъ, въ нашъ вѣкъ удивительныхъ изобрѣтеній все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знаетъ, можетъ-быть, г. Краевскій прославится изобрѣтеніемъ машины, доставляющей за умеренную плату журнальныя статьи произвольнаго объема и направленія! О г. Альбертини довольно. Его, вѣроятно, достаточно поняли мои читатели. Перехожу къ г. Бестужеву-Рюмину.

XV.

Статья г. Бестужева-Рюмина направлена противъ статьи г. Чернышевскаго «о причинахъ паденія Рима». Безтактность редакціи «Отечественныхъ Записокъ» обнаруживается вполне въ помѣщеніи этой статьи въ августовской книжкѣ. Статья г. Чернышевскаго напечатана въ маѣ. Спрашивается, отчего г. Бестужевъ-Рюминъ ждалъ два мѣсяца и пустилъ свою статью именно послѣ июльскихъ Полемиическихъ красотъ? Вотъ единственный возможный отвѣтъ: «Отечественныя Записки» вѣрны тому принципу, который съ дѣтскою откровенностью

высказалъ г. Альбертини. Г. Чернышевскій двойнѣ врагъ ихъ: какъ членъ редакціи «Современника», и какъ авторъ Полемическихъ красотъ; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Г. Бестужеву-Рюмину попадаетъ въ руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о римской имперіи. Чернышевскій тоже писалъ о римской имперіи. Прекрасный случай! Какъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить рядомъ имена Дюбуа и Чернышевскаго; какъ не провести между ними параллели. Общаго нѣтъ ничего ни во внѣшности, ни въ содержаніи, ни въ направленіи ихъ трудовъ; нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но зато впечатлѣніе на читателя будетъ произведено; нѣкой доверчивый добрякъ (а на такую публицу кажется сильно рассчитывать («Отечественныя Записки») въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что Чернышевскій и Дюбуа-Гюшанъ одного поля ягоды; вотъ и цѣль сооставленія будетъ достигнута. Позднее появленіе статьи г. Бестужева-Рюмина и ея заголовокъ предрасполагаютъ противъ нея; трудно себѣ представить, чтобы человекъ могъ написать что нибудь хорошее, когда онъ берется за перо съ твердымъ намѣреніемъ очернить своего противника. Искреннее воодушевленіе, кипучая діалектика, разительность доводовъ возможны при полемикѣ только въ томъ случаѣ, если вы спорите какъ представитель извѣстной идеи. Если же существуютъ личные отношенія между полемизирующими сторонами и если эти личные отношенія всплываютъ въ спорѣ, тогда полемика превращается въ перебранку, надобнаетъ публикѣ и возбуждаетъ въ ней законное презрѣніе. Чтеніе статьи г. Бестужева-Рюмина оправдало мое непріязненное предрасположеніе. Говоря о Дюбуа-Гюшанѣ, онъ ни съ того, ни съ сего вставляетъ язвительные (по его мнѣнію) намеки насчетъ поверхностности убогихъ фельетонистовъ, которые, черпая «свои идеи изъ юмористическихъ стишковъ, а познанія изъ кой-какихъ полюбеллетрическихъ книгъ,» ненавидятъ «самое имя науки», потому что «иногда профессоръ срѣзалъ его на экзаменѣ на какихъ нибудь грамматическихъ формахъ», и такъ далѣе, въ томъ же ядовитомъ родѣ. Не правда-ли, намеки такъ тонки, что читатель, непритворенный специально, т. е. незнающій скрытыхъ страданій серьезнаго журнала, не пойметъ, въ чей огородъ г. Бестужевъ-Рюминъ мететь камни. Онъ говоритъ, что встрѣчаясь съ произведеніемъ такого убогаго фельетониста, «можно только улыбнуться и пойдти прочь; избіеніе невинныхъ дѣло очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутильщикъ г. Бестужевъ-Рюминъ! онъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ соби-

рался улыбнуться, а пойти прочь рѣшается только написавши 15 страницъ; и все это ради убогаго фельетониста, ради невнятнаго жалютки, г. Чернышевскаго, котораго нашъ ученый критикъ можетъ такъ легко убить статью, взмахомъ могучаго пера. Только серьезные люди способны шутить такъ естественно, мило, и главное, правдоподобно, какъ шутить г. Бестужевъ-Рюминъ. Серьезная часть статьи представляетъ въ патологическомъ отношеніи такое же замѣчательное явленіе, какъ и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояніе современной французской литературы, римскій міръ, цезаризмъ и наполеонизмъ—все это только декорацин; живеть и дѣйствуетъ среди этой грандіозной обстановки все то же лицо, убогий фельетонистъ, котораго не стоятъ даже оспаривать. Образъ г. Чернышевскаго какъ неотвязчивый призракъ, какъ мысль о любимой женщинѣ, преслѣдуетъ г. Бестужева-Рюмина, и наконецъ, наскоро развязавшись съ Дюбуа, пустивъ стороною нѣсколько тяжеловѣсныхъ сарказмовъ въ школьничковъ, вооружающихся «дѣтскою пращею противъ голіадовъ умственнаго міра», нашъ ученый критикъ всецѣло посвящаетъ себя статьѣ г. Чернышевскаго. Статьи этой онъ однако не понимаетъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ, какъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», останавливается на буквѣ и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому, говорить онъ, захотѣлось доказать, что новыя общества не грозятъ той катастрофы, которая разрушила древній міръ». Помилуйте, г. Бестужевъ-Рюминъ. Чтобы доказывать такую штуку, надо быть Кифою Моніевичемъ, а не г. Чернышевскимъ. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые Руссофилы перестали называть западъ гнилымъ и предрекать ему неминуемое разложеніе. Какъ же это вошла въ голову Чернышевскаго мысль доказывать то, противъ чего никто не споритъ, о чемъ даже никто (кромя Дюбуа-Гюшана, развѣ) не говорить? Статья Чернышевскаго вызвана книгою Гизо, появившеюся въ русскомъ переводѣ; въ этой статьѣ г. Чернышевскій возстаеъ противъ историческаго мистицизма и историческаго фразерства, которыя можно замѣтить даже у такого строгаго мыслителя, какъ Гизо. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и доктринеръ Гизо, говорятъ, что древній міръ *долженъ* былъ пасть; что его опрокинула не стихійная сила, не Германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то *chargés d'affaires* историческаго промысла, являются потому, что понадобились живые соки въ историческомъ организмѣ. Словомъ, эти историки видятъ въ дѣиіи событій

общую разумную идею. Г. Чернышевскій смотритъ на вещи проще и гладнокровнѣе. Онъ говоритъ, что за классическою цивилизаціею наступило варварство не потому, что такъ было необходимо, а потому, что такъ случилось. Классическій міръ погибъ оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваровъ, онъ бы жилъ до сихъ поръ, и навѣрно выработалъ бы себѣ и новыя идеи, и новыя стремленія, и новыя бытовыя формы. Противъ этого возражать мудрено. Какъ же бы въ самомъ дѣлѣ погибла классическая цивилизація, еслибы никто не разорялъ городовъ, не жегъ книгъ, и не билъ людей? Положимъ, пролетаріатъ бы съ каждымъ годомъ увеличивался,—чтожъ изъ этого? Произошелъ бы какойнибудь переворотъ— — — Какъ бы ни было тяжело жить, а не могли же всѣ жители Рима разбѣжаться въ лѣса, уничтожить свои жилища и превратиться въ полудикихъ. Всѣ эти событія, обозначающія собою паденіе цивилизаціи, возможны только при напорѣ грубой матеріальной силы, т. е. опять-таки при нашествіи варваровъ, или, что почти то же самое, при геологическомъ переворотѣ. Стало-быть, основная мысль г. Чернышевскаго остается вѣрною: не будь варваровъ, не было бы и паденія древней цивилизаціи. Внутренней необходимости паденія не было. Но, доказывая вѣрную мысль, г. Чернышевскій, какъ съ нимъ часто бываетъ, заходитъ слишкомъ далеко, и впадаетъ въ парадоксъ. Онъ пачинаетъ утверждать, что общество не бываетъ ни молодымъ, ни зрѣлымъ, ни старымъ, что измѣняются и старятся только отдѣльные люди, и что на мѣсто 20-лѣтняго Петра выдвигается 20-лѣтній Иванъ, потомъ 20-лѣтній Андрей, обладающій тою же свѣжестью силъ и тѣми же юношескими стремленіями, какими въ свое время обладали состарѣвшіеся Иванъ и Петръ. Парадоксальное положеніе это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: Г. Чернышевскій, неужели вы думаете воспитать нашего сына въ тѣхъ идеяхъ, въ какихъ васъ самихъ воспитали ваши родители? Г. Чернышевскій, неужели вы теперь пишете то же самое, что въ 1844 году писалъ баронъ Брамбеусъ? Г. Чернышевскій, неужели вы раздѣляете вѣрованія и предразсудки вашего дѣдушки? или неужели вашъ дѣдушка съ удовольствіемъ прочелъ бы вашу статью объ антропологическомъ принципѣ? Отвѣтивъ себѣ на эти вопросы, г. Чернышевскій немедленно убѣдится въ томъ, что онъ теперь не то, чѣмъ былъ, лѣтъ 20 тому назадъ, его отецъ и что сынъ его (г. Чернышевскаго) будетъ, лѣтъ черезъ 20 не то, что теперь г. Чернышевскій. Убѣдившись въ этомъ, онъ допуститъ для

общества возможность крѣпнуть и дряхлѣть, но все-таки никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы общество могло одичать, а цивилизація погибнуть безъ вѣшняго напора матеріальной силы. Философскую часть статьи г. Чернышевскаго г. Бестужевъ-Рюминъ совершенно оставляетъ безъ вниманія. Онъ приступаетъ къ разбору журнальной критической статьи, какъ къ оцѣнкѣ спеціального, историческаго изслѣдованія. Онъ сражается не съ идеею, а съ отдѣльными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно-ли, спрашиваетъ онъ, Риму нужно было ждать варваровъ, чтобы погибнуть? Что же, Маріи съ своими когортами, Суллы съ проскрипціями, триумвиры съ своими знаменитыми пожертвованіями были лучше варваровъ?... Не измѣнилось-ли подѣ влияніемъ всѣхъ этихъ событій римское общество, не перемѣнился-ли самый составъ его, не перемѣнились-ли его элементы?» Ну что же изъ этого слѣдуетъ?—Общество измѣняется, элементы перемѣшиваются, а классическая цивилизація все-таки живетъ, и люди все-таки не превращаются въ дикарей, несмотря ни на когорты Марія, ни на проскрипціи Суллы, ни на пожертвованія триумвировъ. Но приходятъ варвары, рѣжутъ цѣлыя населенія, сжигаютъ города,—и цивилизація топчетъ въ крови, задыхается подѣ пепломъ и мусоромъ. Вы сами, г. Бестужевъ-Рюминъ, возражая г. Чернышевскому, говорите то, что сказалъ онъ въ своей статьѣ. Послѣ Марія, Суллы и триумвировъ классическій міръ дышалъ цѣлыя пять столѣтій, сопротивляясь даже вѣшшему напору Германцевъ. А еслибы не было этого вѣшняго напора, мы не знаемъ, какъ бы повернулись дѣла. Протестъ противъ военнаго деспотизма, противъ угнетенія рабовъ, противъ господствовавшаго разврата слышался съ разныхъ сторонъ; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертію христіанскіе мученики, египетскіе терапевты, и чисто эллинскіе новоплатонники. Въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ замѣчаются около времени Антонинновъ нѣкоторыя смягченія, участь рабовъ облегчается, увольненіе раба становится легче и прочіе. Очень правдоподобно, что древній міръ извернулся бы своими средствами, еслибы его не скрутили вѣшнія обстоятельства. Мало того, иначе даже и не могло бы случиться. Мыслимо-ли, чтобы какой нибудь народъ умеръ естественною смертію, если его не тѣснятъ снаружи? А вѣдь древній міръ представлялъ собою, какъ выражается самъ г. Бестужевъ-Рюминъ, «когломератъ народовъ». Каково бы ни было истощеніе его духовныхъ силъ, а умереть онъ не могъ. Переворотъ былъ неизбеженъ, но са-

ный этот переворотъ и предупредилъ бы гибель; какъ только зло, или, проще, неудобство общественнаго устройства становится невыносимымъ для большинства гражданъ, такъ это устройство и сваливается, какъ засохшій струхъ, какъ бесполезная чешуя. Такъ, безъ сомнѣннй, случилось бы и съ Римомъ. Но г. Бестужевъ-Рюминъ, какъ идеалистъ, не можетъ помириться съ трезвымъ воззрѣннмъ г. Чернышевскаго. «Жаль, говоритъ онъ, что вы не взглянули на римскую имперю еще съ другой, весьма поучительной точки зрѣннй. Въ Римѣ матеріальная цивилизація была доведена до послѣднихъ предѣловъ; житейскій комфортъ, роскошь, все это развивалось до размѣровъ громадныхъ. Кажется, чего бы лучше; человѣчество должно бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и съ ними, какъ необходимо доказываетъ г. Дюбуа, обходился человѣколюбиво.... Чего же недоставало Риму? Тѣхъ учреждений, которыми онъ вѣкогда былъ силенъ, и тѣхъ дѣятелей, тѣхъ воззрѣннй, которые несмыслимы въ душной атмосферѣ цезарскаго Рима. Вотъ чего ему недоставало; недоставало сознаннй, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», недоставало даже возможности и силы всецѣло принять въ себя это сознанне». Это мѣсто характеристично, какъ по своей фразистости, такъ и по полному незнанню предмета, которое обнаруживаетъ въ немъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Развратъ, чувственность, преобладаннє матерн надъ духомъ—вотъ тѣ свойства, которыя съ плеча приписываютъ древнему мру люди знающнє его коскакъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. «Древннй Римъ утопалъ въ роскоши и въ развратѣ; древння доблести его померкли» скажетъ вамъ любой гимназистъ по Кайдапову или Смарагдову; то же самое говоритъ намъ и серьезннй критикъ. «Риму недоставало сознаннй, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», т. е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь съ любой исторнєю древней философн (возьмите наприм. 4-й томъ Генриха Риттера) и вы увидите, что во времена императоровъ философы всѣхъ школъ (кромѣ эпикурейцевъ) сошлись между собою въ аскетическнхъ и мнстическихъ стремленняхъ. Но что же могли сдѣлать аскетизмъ? Высосать тѣ живныя силы, которыя могли составить энергическую оппозицію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Чистые аскеты, ново-платоннкн и ново-пнеогорейцы удалились въ мррь призраковъ и галлюцинацнй, изморили себя постн ю пищею и пустыми обрядами, и, стремясь стать выше земнаго, сдѣлались неспособны ни къ чему земному. У нихъ были живныя идеи, но

эти идеи были завалены хламомъ самоистязанія и фантазерства, тѣмъ сознаниемъ, надъ которымъ умиляется г. Бестужевъ-Рюминъ. Чего другаго, а аскетизма и суевѣрія было въ Римѣ довольно. Изумительно также то проворство, съ которымъ г. Бестужевъ-Рюминъ отдѣлывается отъ рабства, составляющаго самую больную сторону древней цивилизаціи. Шутка ли это надъ г. Чернышевскимъ, или дѣйствительное мнѣніе г. Бестужева-Рюмина — все равно. Въ нашемъ молодомъ обществѣ шутить вещами подобными рабству — неумѣстно; обходить такіе вопросы въ серьезной статьѣ серьезнаго журнала, или относиться къ нимъ слегка — просто непозволительно. Это значитъ играть словами, маскируя отъ читателя ихъ истинный смыслъ. «Нѣтъ, г. Чернышевскій, мало одной матеріальной цивилизаціи, мало накормить народъ, продолжаетъ нашъ критикъ; надо еще способствовать его развитію; а этого Римъ не могъ сдѣлать». Я узнаю въ этихъ словахъ духъ того журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ прокъ г. Щербины о «читальникѣ». Учить народъ, пускать въ продажу книги для чтенія — все это дѣло извѣстное. А не лучше ли было бы «накормить народъ», не заваливая его непосильною работою. Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію; упрочте экономическій бытъ, обезпечте матеріальную сторону, и народъ, скорѣе чѣмъ вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе. «Отечественныя Записки» говорятъ: помогайте народу развиваться, а мы говоримъ: не мѣшайте народу, удалите препятствія, онъ самъ разовьется. Кто изъ насъ правъ?

Далѣе г. Бестужевъ-Рюминъ винитъ статью г. Чернышевскаго въ томъ, что ея послѣднее слово «преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми другими условіями существованія общества, то есть именно то, что такъ долго старались втолковать намъ, и, кажется, не безъ успѣха, но отъ чего пора намъ излечиваться: общества чисто матеріальныя создаютъ «движимый кредитъ», книгу г. Дюбуа и цезаризмъ». Что значатъ слова «что такъ долго старались втолковать намъ»? Кто же это втолковалъ намъ доктрину матеріализма? Да и возможна ли пропаганда матеріализма въ такомъ обществѣ, гдѣ до нашихъ временъ, до нынѣшняго года существовало крѣпостное право? Въдъ только идеалистическое воззрѣніе, говорящее, что высокая степень духовнаго развитія даетъ право одному человѣку брать опеку надъ другими, только такое воззрѣніе, говорю я, можетъ оправдывать поработе-

ніе личности. Да и кромя того, пора взять въ толкъ, что неудовлетвореніе какою бы то ни было матеріальной потребности кладеть непреодоли-
мое препятствіе дальнѣйшему развитію, физическому, духовному, нрав-
ственному, интеллектуальному—накому угодно, назовите какъ хотите.
Когда человѣкъ голоденъ—прежде всего накормите его; когда у че-
ловѣка спина болитъ отъ побоевъ—позаботьтесь прежде всего о томъ,
чтобы вылечить его и обезпечить его отъ подобныхъ пассажей на буду-
щее время; когда человѣкъ изнуренъ непосильною работою — дайте ему
отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страданіе лично-
сти, а потомъ учить ее развиваться, или, даже лучше всего, предоставить
это дѣло на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица, давая средства
желающимъ, и удаляя всѣ препятствія къ дальнѣйшему развитію. Ар-
гументъ, переводимый г. критикомъ « общества чисто матеріальныя создаютъ
движимый кредитъ » и т. д.—звонкая фраза. Вообразите себѣ, что дарови-
тый молодой человѣкъ въ теченіи 20-ти лѣтъ жизни испытываетъ разныя
неудачи, утраты и разочарованія; въ 40 лѣтъ онъ старикъ по взгляду
на жизнь; онъ полнѣйшій матеріалистъ, скептикъ въ отношеніи къ
людямъ, эгоистъ въ общепринятомъ, узкомъ смыслѣ этого слова, че-
ловѣкъ сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно ли вы
поступите, если свалите на счетъ его матеріалистическихъ убѣжде-
ній причину всѣхъ его недостатковъ. Эти недостатки пришли къ
нему выистъ съ матеріалистическими убѣжденіями, но не вслѣдствіе
этихъ убѣжденій; этого человѣка окислила жизнь; эта же жизнь да-
ла ему трезвость взгляда, въ которой надо видѣть искупающую сто-
рону, возмездіе за понесенныя страданія и испытанныя нравственныя
поврежденія. Путей ведущихъ къ матеріалистическимъ убѣжденіямъ
очень много; одни легче, другіе тяжеле, одинъ дойдетъ до нихъ про-
стымъ, теоретическимъ размышленіемъ, не состарѣвшись душою, или,
точнѣе, чувствами, другой доберется до нихъ жизнью, и купить ихъ
дорогою цѣною молодости и свѣжести; винить въ этомъ онъ все-таки
долженъ не воспринятая убѣжденія, а обстоятельства своей собствен-
ной жизни. Что примѣняется къ отдѣльному человѣку, то можно
примѣнить и къ обществу. Современное французское общество испор-
чено политическими событіями послѣдняго пятидесятилѣтія; лучшіе
французскіе писатели сознаются въ томъ, что рядъ неудачныхъ ре-
волюцій породилъ поколѣніе людей, смотрящихъ на государственныя
перевороты какъ на азартную игру, и ставящихъ на карту послѣд-
нюю копѣйку, въ надеждѣ пробить себѣ дорогу къ почестямъ, удов-

летворяющимъ требованіямъ мелкаго самолюбія. Играя такимъ образомъ великими словами и интересами, эти господа дошли до политическаго скептицизма, до меркантильности, и вмѣстѣ съ тѣмъ добрались, путемъ чистаго опыта, до матеріалистическихъ убѣжденій. Матеріализмъ можетъ быть брюнетомъ и блондиномъ, честнымъ и безчестнымъ чело-вѣкомъ, страстнымъ и холоднымъ,—неужели же все эти свойства выработались изъ его умственныхъ убѣжденій? Повторяю, аргументъ г. Бестужева-Рюмина просто звонкая фраза. Вся критическая статья его несовременна ни по своему направленію, ни по своей фактиче-ской сторонѣ. Изложеніе ея неясно, доказательства неубѣдительны и разбросаны. Polemическая тенденція бросается въ глаза читателю и не гармонируетъ съ тономъ серьезнаго безпристрастія, который ав-торъ надрасно усиливается принять и выдержать до конца.

XVI.

Если вы, гг. читатели, желаете посмотрѣть, какъ г. Дудышкинъ умѣетъ быть игривымъ и остроумнымъ, то приглашаю васъ пробѣ-жать обзоръ Русской литературы въ августовской книжкѣ Отече-ственныхъ Записокъ отъ стр. 140—146. Тутъ г. Чернышевскій срав-няетъ съ траппистомъ, съ аскетомъ; причемъ г. Дудышкинъ соз-нается, что самъ не знаетъ, почему это ему такъ кажется; тутъ при-ведены два кулета изъ лермонтовскаго Пророка; тутъ г. Дудыш-кинъ удивляется г. Чернышевскому, «какъ рѣдкости, какъ антику»; всего не перечтешь. Чтобы передать весь комизмъ этой чисто воле-мической части, нужно было бы переписать цѣлыя шесть страницъ, но я полагаю, что игра не стоитъ свѣчъ и сгѣшу перейти къ тѣмъ отдѣламъ статьи, въ которыхъ г. Дудышкинъ излагаетъ мысли, а не играетъ словами. Натѣшившись ѣдкими выходками противъ г. Чер-нышевскаго, г. Дудышкинъ начинаетъ съ того, что отстаиваетъ свой журналъ противъ упрека въ отсутствіи направленія и единства; этотъ упрекъ г. Дудышкинъ обращаетъ въ похвалу. «А вы нашли дурнымъ, говорить онъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣсколько частныхъ редакторовъ, завѣдывающихъ отдѣлами! Бѣда не въ томъ, что нѣ-сколько редакторовъ, а въ томъ, что ихъ не больше. Чѣмъ больше въ журналѣ специалистовъ, тѣмъ онъ меньше живетъ общими мѣста-ми, непригодными для жизни; тогда только возможны не теоретиче-

ским, вычитанным из иностранных книжек, сужденія о предметах русскаго міра, а болѣе практическія, применимыя къ дѣлу». Г. Дудышкинъ прикидывается, будто вовсе не понимаетъ того, о чемъ говоритъ г. Чернышевскій. Я говорю «прикидывается», потому что рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы журналистъ, занимающійся своимъ дѣломъ болѣе десяти лѣтъ, не зналъ азбучныхъ правилъ этого дѣла. Ему говорятъ о томъ, что редакторы и сотрудники его ходятъ какъ въ потьмахъ, сталкиваются мнѣніями, противорѣчатъ другъ-другу и этимъ затемняютъ всѣ представляющіеся вопросы, а онъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, вы не говорите, что намъ слишкомъ много. Ка-бы болѣе было, было бы лучше». Да Богъ съ вами, господа! Будь васъ хоть сто человѣкъ, публикѣ это все равно, лишь бы вы говорили толкомъ, такъ, чтобы можно было понять, чего вы хотите, съ чѣмъ спорите, съ чѣмъ соглашаетесь. Специалисты по разнымъ отдѣламъ могутъ, сколько мнѣ кажется, сходиться въ области общечеловѣческихъ убѣжденій, точно также, какъ въ этой же области могутъ сходиться между собою люди различныхъ темпераментовъ. Если же принимать слова г. Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что онъ не подозреваетъ существованія этой области общечеловѣческихъ убѣжденій, и что онъ кромѣ того не имѣетъ никакого понятія о томъ, что идея, которую проводить журналъ, составляетъ его единственное право на существованіе, его разумное оправданіе и объясненіе передъ лицомъ читающей публики. Изъ продолженія статьи оказывается впрочемъ, что этотъ отвѣтъ г. Чернышевскому былъ сдѣланъ только для того, чтобы представить его нападѣніе смѣшнымъ. Эти тенденціи я замѣтилъ уже у гг. Альбертини и Бестужева-Гюмина. Онѣ существуютъ и у г. Дудышкина и выражаются чаще и страстнѣе. Продолженіе его статьи говоритъ намъ, какъ онъ понимаетъ направленіе Отечественныхъ Записокъ. Эта исповѣдь Отечественныхъ Записокъ въ лицѣ ихъ втораго редактора въ высшей степени замѣчательна. Г. Дудышкинъ доказываетъ, что Отечественныя Записки постоянно поддерживали слѣдующія воззрѣнія:

1) Въ области экономическихъ наукъ—онѣ, пользуясь сотрудничествомъ Бунге, Бабета и другихъ людей, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, хваля Кери, Милля, Бастиа, были постоянно на сторонѣ практичности, и постоянно боролись съ утопистами и съ экономическими статьями г. Чернышевскаго.

2) Въ области политической, онѣ во вѣлахъ отдѣляли хвалити Кавура, Маколева, Токвиля, Гизо, какъ людей теорин, близкой къ дѣлу, какъ людей, высоко цѣнившихъ и высоко поставившихъ законъ исторической постепенности.

3) Литературу и поэзію онѣ считали тѣсно связанною съ народною жизнью и ея лучшими духовными проявленіями, высшимъ проявленіемъ всего великаго и прекраснаго въ человекѣ.

Итакъ практичность въ дѣлахъ житейскихъ, и уваженіе къ чистому искусству—вогъ девизъ Отечественныхъ Записокъ. Такое благообразное слово, какъ *практичность*, способно подкупить въ свою пользу многихъ читателей, но, какъ это часто бываетъ, названіе и предметъ оказываются двумя различными вещами. Всегда ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу. Если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность—великое достоинство. Если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются «обстоятельствамъ», «судьбѣ», или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи бываютъ или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ, золотая посредственность, люди мелко плавающіе, съ удивленіемъ и съ непріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ. «Что за странный народъ эти мыслители и поэты! говорятъ они. Чего имъ хочется! Намъ хорошо, покойно. Жили бы они себѣ, какъ мы живемъ.» Воля ваша, эти люди практичнѣе тѣхъ чудаковъ, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшаго, ругая безобразіе существующихъ понятій и отношеній, или смѣясь надъ тѣми системками и идеяками, которыми тѣшатся современники. Быть практичнымъ значитъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства или силы. Чиновникъ, берущій взятки тамъ, гдѣ всѣ берутъ, практиченъ; практиченъ тотъ, кто не умнѣе, и не глушѣе большинства; все, что стоитъ выше уровня массы, непрактично; оттого—то всѣхъ великихъ людей цѣнятъ обыкновенно послѣ ихъ смерти; оттого—то гениальная личность при жизни встрѣчаетъ столько страданій, столько насмѣшекъ, столько грубаго непониманія. «Вы находите, говорить г.

Дудышкинъ г. Чернышевскому, политическія убѣжденія такихъ людей, какъ Кагуръ, мизерными—мы ихъ находимъ практичными». Этими словами, г. Дудышкинъ, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журналъ, своихъ сотрудниковъ, все свое направление. Вы хвалите то, что вамъ по плечу,—а по плечу вамъ то, что кажется мизернымъ утопистамъ, т. е. людямъ, смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣле. Еслибы вы жили во времена Галилея, вы бы были въ числѣ его судей; въ наше время вы ограничитесь тѣмъ, что назовете Сенъ—Симона сумашедшимъ, а Оуэна старымъ идиотомъ. Такъ, что ли?— А вѣдъ я вамъ укажу на противорѣчіе, г. Дудышкинъ. Если ваше уваженіе къ чистому искусству—не фраза, если вы дѣйствительно способны чувствовать прекрасное, то вы, какъ художникъ, должны восхищаться утопіями, величественными построениями человѣческаго ума, сбросившаго всякія оковы, и идущаго впередъ съ неудержимою силою, съ неотразимою послѣдовательностью. Какъ художникъ, вы при оцѣнкѣ ихъ должны быть способны стать выше мизернаго взгляда сухой практичности; если же вы хоть на минуту посмотрите на нихъ какъ на созданія сильного ума, а не какъ на бредъ сумашедшаго, если вы только дадите себѣ трудъ взглянуть на нихъ серьезно, то вы, какъ критикъ, должны будете сознаться, что во всѣхъ этихъ утопіяхъ есть одна хорошая сторона: отрицаніе существующихъ нелѣпостей и желаніе стать выше ихъ. Вы цитируете, какъ практическихъ мыслителей, Бокля и Милля. Да вѣдъ Бокль и Милль Англичане. Поймите это, г. Дудышкинъ. Говоря объ отношеніяхъ Отечественныхъ Записокъ къ эстетическимъ интересамъ, г. Дудышкинъ самодовольно противопоставляетъ свободное искусство искусству, порабощенному интересомъ общественнаго и экономическаго быта. Я раздѣляю съ г. Дудышкинымъ его отвращеніе къ дидактизму, къ поучительнымъ повѣстямъ и къ комедіямъ съ добродѣтельной цѣлью. Но позволю себѣ замѣтить, что бывають такія дѣловыя эпохи, когда всѣ мыслящіе и чувствующіе люди, а слѣдовательно и художники, поневолѣ заняты насущными нуждами общества, нетерпящими отлагательства, и грозно, настоятельно требующими удовлетворенія. Въ такія эпохи вся сумма умственныхъ силъ страны бросается въ омутъ дѣйствительной жизни. Тогда историкъ поневолѣ дѣлается страстнымъ адвокатомъ или безпощаднымъ судьей прошедшаго; поневолѣ поэтъ дѣлается въ своихъ произведеніяхъ поборникомъ той идеи, за которую онъ стоитъ въ своей практической дѣятельности. Безприс-

растіе, эпическое спокойствіе въ подобныя эпохи доступны только людямъ холоднымъ или мало развитымъ, людямъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понять въ чемъ дѣло, объ чемъ хлопочуть, отчего страдаютъ, къ чему стремятся ихъ современники. Читая Фета или Половскаго, я буду отдавать справедливость благоухающей граціи ихъ картинъ и мотивовъ, но рѣшительно откажу и тому и другому въ обширности горизонта, въ глубинѣ кипучаго чувства, въ смѣлости и зоркости взгляда. Замѣчательный поэтъ откликнется на интересы вѣка, не по долгу гражданина, а по невольному влеченію, по естественной отзывчивости. Стоитъ стать на эту точку зрѣнія, чтобы увидать, что все споры о назначеніи искусства—просто пере-ливаніе изъ пустаго въ порожнее. На-повѣрку—то и выйдетъ, что девизъ Отечественныхъ Записокъ «практичность и служеніе чистому искусству» сводится на возгласъ: «Vivat aurea mediocritas» (да здравствуетъ золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, невыходящими изъ уровня мѣщанской практичности, только она способна въ дѣлѣ искусства руководствоваться предвзятою теоріею, а не живымъ непосредственнымъ чувствомъ; исповѣдь Отечественныхъ Записокъ подтверждаетъ то, что я сказалъ въ ихъ общей характеристикѣ. Ненависть къ свистунамъ, отставаніе серьезной науки, т. е. неумѣніе возвыситься отъ факта до идеи, безцвѣтность литературной критики, отсутствіе ясныхъ житейскихъ убѣжденій при вывѣскѣ практичности, все объясняется однимъ словомъ «золотая посредственность», или, что то же, бесплодное трудолюбіе, и безцѣльная пропотливость.

XVII.

Не довольно ли, читатель? Не пора ли кончить?—Скажу еще нѣсколько словъ. Въ дѣлѣ г. Юркевича, Отечественныя Записки конечно стоятъ на его сторонѣ, во-первыхъ, потому что онъ противъ г. Чернышевскаго, во-вторыхъ потому, что онъ за рутину, въ-третьихъ потому, что его доводы чрезвычайно туманны, какъ вообще доводы идеалистовъ, старающихся поддержать свои построенія путемъ диалектики. Спорить съ г. Юркевичемъ уже потому было бы смѣшно, что за этимъ споромъ не стала бы слѣдить публика. Если ужъ комунибудь придется желаніе поспорить съ нимъ, то гораздо лучше слѣ-

затѣ это путемъ частнаго письма, вмѣсто того, чтобы заваливать журналъ неудобоваримыми статьями. Отечественныя Записки гостеприимно предлагаютъ г. Чернышевскому свой журналъ для веденія полемики съ Юркевичемъ. Въ этомъ предложеніи онѣ остаются строго вѣрны себѣ. Онѣ любятъ тѣ статьи, которыя ошеломляютъ публику сухостью предмета, туманностью изложенія и баснословнымъ количествомъ мудреныхъ терминовъ. Признавая себя круглымъ невѣждою въ дѣлѣ философіи, г. Дудышкинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ общую черту людей темныхъ, охоту послушать то, чего не понимаешь. Но что касается до г. Чернышевскаго, то, мы надѣемся, что для увеселенія г. Дудышкина онъ не приметъ радушнаго приглашенія Отечественныхъ Записокъ и не возобновитъ съ ними тѣхъ сношеній, которыя, какъ извѣстно замѣчаетъ г. Дудышкинъ, были прерваны по поводу его знаменитой диссертациі.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только довести до свѣдѣнія публики неблагообразный поступокъ г. Дудышкина, касающійся уже лично меня. Въ июльской книжкѣ Русскаго Слова я помѣстилъ статью объ одной книгѣ Молемота; статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, не понравилась г. Дудышкину, какъ почитателю г. Юркевича. Желая побить Чернышевскаго его же оружіемъ, г. Дудышкинъ воспользовался моею статьею, чтобы показать, до какихъ нелѣпыхъ заключеній доводитъ гибельное жемудріе. «Школа, къ которой принадлежитъ г. Чернышевскій, пишетъ ученый критикъ, говоритъ намъ: ни нравственныхъ, ни общественныхъ причинъ въ развитіи общества не существуетъ, существуютъ однѣ матеріальныя причины.» Затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ моей статьи, выписка изумительно нелѣпая по своему содержанію; вотъ она: «Бѣдная Ирландія никогда не выйдетъ изъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находится, пока будетъ ѣсть картофель и не замѣнитъ его чечевицею или бобами; реформація, сильно развившаяся на сѣверѣ Германіи, обязана своими успѣхами введенію въ употребленіе чаю; англійская революція обязана своимъ страстнымъ характеромъ кофею; повсемѣстное развитіе идей въ началѣ XVIII столѣтія происходитъ отъ введенія въ общее употребленіе чаю и кофе.» Прочитавъ эту выписку, я ужаснулся. Неужели я могъ написать такую чепуху? Неужели я нашелъ въ англійской революціи страстный характеръ, и вывелъ его изъ кофе? Неужели я объяснилъ реформацію чаемъ? Во мнѣ шевельнулось сомнѣніе; я внимательно просмотрѣлъ всю мою статью, и совершенно успокоился. Того мѣста,

которое выписалъ г. Дудышкинъ, въ ней *положительно* ильясъ. Говорится въ ней и объ Ирландіи, и объ сѣверной Германіи, объ чаѣ и кофе, но только въ разныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не такъ, какъ выписываетъ г. Дудышкинъ. Вотъ напр. объ Ирландіи (Русское Слово 1861. Июль. Иностр. лѣт. стр. 31):

«Можетъ ли, восклицаетъ Молешотъ, лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы, и сообщать мозгу животворный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильная стада сообщаютъ могущество и бодрость.»

А вотъ что сказано о реформаци и объ чаѣ (стр. 50): «Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе.» Эти слова составляютъ почти буквальный переводъ изъ Молешота. О страстномъ характерѣ англійской революціи, о распространеніи реформаци посредствомъ чая—ни слова. Нелѣпости, сочиненныя г. Дудышкинымъ, по всѣмъ правамъ принадлежатъ ему самому. Не знаю, какъ оправдаетъ или объяснитъ свой поступокъ г. Дудышкинъ; я считаю этотъ поступокъ *неизящнымъ* и печатно называю его *литературнымъ подлогомъ*.

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.

3 сентября.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ 5-ти час.
 Ф. Достоевскаго.

Многие, и даже, къ сожалѣнiю, можно сказать большинство читателей, требуютъ отъ романа и повѣсти болѣе или менѣе интереснаго разсказа, который бы ихъ занялъ въ свободное отъ занятiй время; ожидаютъ отъ него только одного развлечения; словомъ, видятъ во всей изысканной литературѣ нѣчто замѣняющее для нашего возраста дѣтскую сказку.

Конечно, каждому изъ насъ случалось заслушиваться простодушнато разсказа нашей няни про Бову-Королевича, про Мальчика съ пачечикъ и т. п., случалось даже и во снѣ припоминать этотъ разсказъ, который тогда какъ-то перерождался, принималъ болѣе фантастическiя формы, переплетался съ какою-нибудь другою сказкою и сильно дѣйствовалъ на воображенiе. Конечно, эти горячiя впечатлѣнiя очень много содѣйствовали развитiю нашего воображенiя, развитiю умственныхъ способностей, содѣйствовали этому, такъ сказать, механически; мы въ то время не могли даже остановиться на настоящемъ смыслѣ сказки, котораго естественно и не понимали. Конечно, прибавимъ мы еще, литература и тогда уже можетъ быть намъ полезнаю, когда она просто остается для насъ однимъ повѣствованiемъ разнообразныхъ фактовъ, замѣняя намъ дѣтскiя сказки, доставляя прiятное развлечение, развивая въ насъ способность представлять себѣ живые образы въ головѣ, отвлекая насъ отъ обыденныхъ нашихъ заботъ и тревоженiй, и тѣмъ какъ бы противоудѣйствуя общему влеченiю всѣхъ насъ къ материальной жизни. Но въ то же время дерзкая критика не можетъ довольствоваться этимъ. Она имѣетъ право требовать отъ писателя несравненно болѣе важной дѣла, чѣмъ простое развлечение читателя. За это одно она не можетъ признать сочиненiе истинно художественнымъ произведенiемъ.

Прежде всего обращаетъ вниманiе всякаго читателя *внѣшняя сторона* сочиненiя, т. е. самый разсказъ, слогъ писателя, умѣнье владѣть русскою рѣчью, болѣе или менѣе занимательныя сласенiя разнаыхъ эпизодовъ, личностей, т. е. содержанiе предлагаемой повѣсти или романа. Эти двѣ стороны произведенiя оцѣниваются довольно вѣрно каждымъ читателемъ, нѣсколько привыкшимъ

*

къ чтенію. Затѣмъ серьезному критику остается разобрать и *внутреннее значеніе* романа. Этотъ разборъ, этотъ анализъ уже несправедливо сложнѣе перваго и требуетъ прежде всего иной точки зрѣнія. Тутъ уже недостаточно того, что романъ читается легко, можетъ васъ завлечь, или доставить вамъ пріятную минуту, но надо еще вникнуть въ самую сущность идеи автора, надо узнать, — съ какою цѣлью этотъ романъ написанъ, что хотѣлось автору разъяснить въ немъ, что хотѣлось ему высказать? — Можетъ быть, — облегчить какой-нибудь социальный недостатокъ нашего времени, можетъ быть, — развить какую-нибудь философскую идею, выставить наглядно, пластично, — часто встрѣчаемый всѣми нами *тыпъ* и показать, какъ и въ какихъ обстоятельствахъ этотъ типъ возможенъ, какъ онъ развивается, чѣмъ живетъ, отчего онъ теперь становится все рѣже и рѣже, а также можно ли ожидать, что онъ совершенно исчезнетъ?

Изъ *художественнаго* сліянія этихъ двухъ элементовъ романа, а именно: его *внѣшней* стороны съ *внутренней*, можетъ только возникнуть истинно художественное произведеніе. Правда, такія произведенія во всѣхъ литературахъ встрѣчаются рѣдко; но все же они есть и мы могли бы указать ихъ въ достаточномъ количествѣ и въ нашей литературѣ, какъ, напримѣръ, произведенія Гоголя, нѣкоторые романы и повѣсти Тургенева, Марко-Вовчка, Писемскаго и многія другія. Преобладаніе одного изъ двухъ элементовъ естественно уничтожаетъ настоящую гармонию, стало-быть, вредитъ художественности всего произведенія.

Явное преобладаніе одной *внѣшней* стороны, или, лучше сказать, полное отсутствіе *внутренняго* значенія повѣсти, приводитъ насъ къ тому роду французскихъ романовъ, наводняющихъ газеты парижскія и бриссельскія, романовъ въ пять, шесть, а иногда и больше частей, которые читаются, но тотчасъ же забываются и не входятъ даже собственно въ литературу, подобно называемымъ Французами *le roman feuilleton*. Мы предлагаемъ для этого рода романовъ названіе *сказочныхъ*. Этотъ родъ весьма мало развитъ у насъ въ Россіи, хотя, съ нѣкоторыхъ поръ, гладкій, легкій и удобочитаемый слогъ — не диковинка и, стало-быть, ничего не было бы легче написать ихъ всякому, немного занимающемуся литературою; но, во-первыхъ, мы не такъ склонны къ вымысламъ, какъ Французы: завязка, сюжетъ, играющій здѣсь очень важную роль, всегда насъ затрудняетъ; во-вторыхъ, при сравнительно-незначительномъ коли-

честь писателей, у насъ каждый, кто пишетъ, ищетъ все-таки большаго значенія для своего произведенія, чѣмъ можетъ доставить такого рода *сказочный романъ*. Наше время, къ-тому же, такъ занято разнообразными интересами, что намъ нельзя избѣжать и въ литературѣ жизненныхъ вопросовъ, постоянно снующихся передъ глазами, постоянно задѣвающихъ всѣхъ насъ и весьма рѣдко находящихъ для себя настоящей рациональный отвѣтъ. Мы, напротивъ, склонны болѣе къ другому роду недостатковъ, и именно къ пренебреженію этой *внѣшней* заманчивой стороны литературнаго произведенія. Мы часто незаметно увлекаемся дидактическимъ направлениемъ, философскимъ разсужденіемъ, и тогда, какъ на примѣръ въ романѣ г. Гончарова: «Обломовъ» (о которомъ мы имѣли уже случай говорить въ июльской книжкѣ «Русскаго Слова» 1859 г.), наши философскія ученія и системы только принимаютъ внѣшнюю форму челоуѣка и весь романъ превращается въ лекцію философіи, въ литературно-романическую формѣ. Этотъ родъ романа мы можемъ назвать *дидактическимъ*. Ни тотъ, ни другой родъ романовъ, ни *сказочный*, ни *дидактическій* не удовлетворяютъ насъ.

Многіе, можетъ-быть, найдутъ требованія нашей критики преувеличенными, но мы останемся имъ вѣрны, потому что считаемъ своимъ долгомъ быть чрезвычайно строгими въ своихъ разборахъ и сужденіяхъ.

Безспорно, идеаль романа труденъ, какъ всякій идеаль, какъ всякое истинное художество; мы согласны тоже, что не имѣемъ права ожидать на каждомъ шагу новаго Шекспира и новаго Гоголя, а потому и не отказываемся встрѣчать всегда съ поклономъ и радужнымъ привѣтомъ каждый талантъ. Мы только думаемъ, что не имѣемъ права безъ всякаго основанія, какъ часто это бываетъ, тотчасъ же, при первой встрѣчѣ и безъ строгаго разбора сочиненія, производить писателя въ гени.

Теперь передъ нами недавно-оконченный романъ г. Ф. Достоевскаго: «Униженные и Оскорбленные», появившійся въ журналѣ «Время», начатый еще въ январской книжкѣ этого журнала и оконченный въ июльской.

До сихъ поръ наши литературные органы избѣгали критическихъ разборовъ литературныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ другомъ журналѣ и затрогивали только самыя маловажныя статьи, и-то лишь съ одною полемическою цѣлью. Между тѣмъ журналы наши поглотили

всю современную умственную деятельность; ничего почти не печатается вне известных пяти, шести литературных главных органов. Оттого отделъ критики ослабѣлъ вообще, а отсутствіе критики всегда вредно во многихъ отношеніяхъ. Серьезный критическій разборъ, строгій, но справедливый, осматривающій достоинства и недостатки произведенія, можетъ быть даже полезнымъ самому автору; его не можетъ, конечно, обидѣть оцѣнка произведенія, хотя бы онъ и не соглашался съ нею; онъ прежде всего долженъ убѣдиться въ томъ, что этотъ разборъ уже служитъ лучшимъ доказательствомъ, что рассматриваемое произведеніе было признано по чему либо замѣчательнымъ; въ противномъ случаѣ оно не обратило бы на себя никакого вниманія.

Романъ «Униженные и Оскорбленные» въ пяти частяхъ; содержаніе его довольно сложное и представляетъ намъ чрезвычайно много затрудненій, чтобы передать его вполне. Можетъ быть, многіе изъ нашихъ читателей не знакомы съ этимъ романомъ, и потому мы постараемся, по возможности, передать его содержаніе.

Романъ постоянно ведется отъ перваго лица. Какой-то литераторъ Иванъ Петровичъ (фамилія его не извѣстна), большой, съ нервическими припадками, претерпѣвшій очень много нуждъ и заботъ, описываетъ нѣкоторыя изъ своихъ похожденій. Прежде всего рассказываетъ онъ вамъ эпизодъ встрѣчи своей въ кондитерской Миллера съ какимъ-то старикомъ, при которомъ постоянно находится собака азорна. Этотъ старикъ каждый день ходитъ съ своей собакой въ эту кондитерскую, сидитъ молча, никогда ничего не спрашиваетъ, ни съ кѣмъ не знакомъ, и, просидѣвъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, уходитъ неизвестно куда съ своей азоркою, чтобы на другой день въ означенную часть снова явиться не извѣстно откуда. Разъ какъ-то при Иванѣ Петровичѣ происходитъ ссора въ кондитерской: старикъ, испуганный, хочетъ разбудить свою собаку, которая спитъ у его ногъ, чтобы молча уйти отъ бѣды и возвратиться домой, но собачка уже нѣтъ въ живыхъ: она умерла отъ старости или отъ голоду. Старикъ видимо смущенъ этимъ несчастьемъ; онъ выходитъ, взволнованный, изъ кондитерской, Иванъ Петровичъ за нимъ, и тутъ, на улицѣ, у какого-то забора, старый Сидъ умираетъ. Оказывается, что этотъ старикъ какой-то обанкрутившійся Англичанинъ, что онъ занималъ уже давно тутъ ценоподаеку одну комнату. Иванъ Петровичъ ищетъ себя, между

прочтеть, новую квартиру; комната Смита понравилась ему, и онъ нанимаетъ ее.

Здѣсь, оставляя на время эпизодъ старика Смита, Иванъ Петровичъ повѣствуетъ намъ о своемъ знакомствѣ съ однимъ семействомъ Ихменевъ, помѣщика, живущаго въ своемъ имѣніи. Семейство это состоитъ изъ отца, *Николая Сергѣевича*, изъ матери, *Анны Андреевны*, и дочери *Наташи* (одна изъ героинь романа). По всему видно, и по тону разсказа, и по самымъ фактамъ, что Иванъ Петровичъ давно влюбленъ въ эту Наташу, но ему предпочитаютъ молоденькаго, глухонькаго князя Алешу, сына какого-то князя Вязковскаго, который, между прочимъ, пріѣхалъ разъ осматривать свое имѣніе, и тогда, найдя очень много безпорядковъ въ немъ, и повзаконившись въ то время съ сосѣдомъ своимъ Николаемъ Сергѣевичемъ Ихменевымъ, полюбивъ, повидимому, его, поручилъ ему тотчасъ свое имѣніе въ управленіе, поручилъ ему даже воспитаніе сына своего, отъ котораго онъ желалъ въ то время отдѣлаться. Князь всѣми прочими своими сосѣдами не любимъ, про него уже носится очень много недобрыхъ слуховъ, но Ихменевъ считаетъ своимъ долгомъ защищать князя, потому что, онъ знаетъ за нимъ до сихъ поръ одно хорошее. Маленькій сынъ князя, Алеша, нравится очень Николаю Сергѣевичу; впрочемъ всѣ его даскаютъ, делятъ, и самому Алешѣ нравится эта жизнь въ деревнѣ у Ихменевыхъ; словомъ, всѣ довольны, всѣ, повидимому, счастливы, но тутъ начинается разгромъ. Князь, основываясь на одлетнѣ, а можетъ быть и съ другою цѣлью, заподозриваетъ старика Ихменева въ дурномъ управленіи, и даже въ подлогѣ, загѣваетъ по этому случаю противъ него процессъ. Ихменевъ этимъ крайне обижается, Алеша конечно взятъ отъ Ихменевыхъ и поступаетъ въ лицей, князю, даже передали, будто Ихменевъ рассчитывалъ устроить свадьбу своей дочери Наташи съ маленькимъ князькомъ, что, повидимому, еще болѣе разсердило князя. Процессъ тянется нѣсколько дѣтъ. Когда Ихменевъ рѣшается переѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Петербургъ, чтобы лучше слѣдить за ходомъ дѣла, то уже Алеша кончилъ курсъ свой въ лицей. Онъ, несмотря на прямое запрещеніе отца своего, продолжаетъ все время постоянную переписку съ Наташей; они любятъ другъ-друга, и любятъ, кажется, горячо, но эта любовь не извѣстна ни самому Ихменеву, ни даже Ивану Петровичу, который все время только-что мечтаетъ о Наташѣ, читаетъ ей свои сныиціи, и, видя ея впечатлительность при этомъ чте-

ни, воображаетъ довольно естественно, что и она ему отвѣчаетъ тѣмъ же.

Разъ онъ является къ Ихменеву вечеромъ. Онъ нѣсколько дней не бывалъ, все былъ задержанъ какимъ-то длиннымъ романомъ, который онъ все время пишетъ. Наташа собиралась куда-то выйти; она принесла въ гостиную свою шляпу и сказала, что идетъ въ церковь къ вечернѣ. Старикъ Ихменевъ проситъ Ивана Петровича провести ее; у того, между прочимъ, какъ-то сжимается сердце, онъ предчувствуетъ что-то недоброе, отправляется вмѣстѣ съ Наташей, исполняетъ просьбу отца,—и подлинно: Наташа вовсе не въ церковь идетъ, а на свиданье съ Алешей!

Онъ уговариваетъ ее, но она не хочетъ измѣнить своему слову; встрѣчаютъ Алешу—новые уговоры тоже бесполезны. Наташа падаетъ въ обморокъ отъ избытка чувствъ. Иванъ Петровичъ сажаетъ ее въ карету Алешы (?). Молодой князь тоже садится и оба они уѣзжаютъ. Дочь покинула отца, чтобъ убѣжать съ сыномъ того, кто оскорбилъ такъ жестоко его, укорилъ честнаго человѣка въ подлости, въ воровствѣ (!).

Вотъ главная завязка романа. Затѣмъ слѣдуютъ параллельныя описанія жизни Наташи съ Алешой, старика Ихменева и его жены Анны Андреевны, и самого рассказчика Ивана Петровича и маленькой внучки Смита, Нелли.

Главный интересъ сосредоточивается въ началѣ романа на жизни Наташи съ Алешей. Последний всегда остается вѣбальоннымъ, безхарактернымъ мальчикомъ, измѣняющимъ очень быстро и безъ всякой видимой причины свои мнѣнія, свои чувства. Князь—отецъ нѣсколько тому конечно виноватъ; онъ непремѣнно хочетъ воспрепятствовать свадьбѣ Алешы съ Наташей, которая постоянно назначается на слѣдующей недѣлѣ, и никогда не можетъ осуществиться; князь, съ цѣлью отдалить Алешу отъ Наташи, знакомитъ своего сына сперва съ разными камеріями, потомъ ведетъ его въ другое общество, представляетъ его какой-то графинѣ Н, у которой воспитывается молодая дѣвушка Катя. У этой Кати нѣсколько милліоновъ состоянія—навѣрное сколько,—не можемъ сказать, но, смотря потому, съ какою небрежностью она общается двумъ студентамъ одинъ милліонъ въ вользу какого-то полезнаго для литературы дѣла, можно заключить, что у ней должно быть ихъ очень много.

Милліоны эти въ особенности прельстили князя; они ему нужны,—

онъ давно уже разоренъ. Алеша не прекословитъ отцу и, постоянно оставаясь влюбленнымъ, какъ онъ самъ увѣряетъ, въ Наташу, бѣгаетъ сперва къ камерляму и самъ рассказываетъ объ этомъ Наташѣ, и потомъ даже влюбляется серьезно въ Катю, въ миллионную воспитанницу, рассказывая ей, что онъ влюбленъ уже съ давнихъ поръ въ Наташу. На другой день, онъ подробно передаетъ Наташѣ всю свою любовь къ Катѣ, увѣряетъ ее, что онъ не можетъ жить безъ нея, но что, между прочимъ, бракъ свой съ Наташей онъ не отлагаетъ и назначаетъ все-таки на слѣдующей недѣлѣ. Самъ князь является къ Наташѣ, и, рассчитывая, что сынъ его Алеша никогда не женится, если ему прикажутъ это сдѣлать, при Наташѣ объясняетъ ему, что онъ долженъ непремѣнно жениться на ней, а самъ, объявивъ такимъ образомъ свою волю, уѣзжаетъ куда-то на четыре дня. Всѣ эти четыре дня Алеша сидитъ у Кати и почти не показывается у своей невѣсты Наташи, на которой положительно онъ долженъ жениться на-дняхъ, уже съ согласія отца. Катя же, у которой Алеша теперь проводитъ цѣлые дни, рѣшается, изъ любви къ Алешѣ, поѣхать къ Наташѣ, чтобъ узнать достоверно, съ кѣмъ Алеша будетъ болѣе счастливъ, съ ней или съ Наташей. Сцена выходитъ довольно странная, *combat de générosités*: каждая отказывается отъ Алеши и каждая желаетъ его удержать. Кончается тѣмъ, что Алеша рѣшается проводить Катю до Москвы, куда она ѣдетъ съ графиней, потомъ возвратиться, чтобъ уже жениться на Наташѣ, но нея уже условилась съ Наташей, которая не хочетъ положительно отнимать у нея Алеши, а потому тотъ долженъ не возвращаться изъ Москвы, а ѣхать вмѣстѣ съ Катей и графиней Н. въ какое-то дальнее имѣніе.

Во все это время Николай Сергѣевичъ Ихменевъ и его жена Анна Андреевна очень скучаютъ о дочери своей; они любятъ ее; — но въ то же время Николай Сергѣевичъ думаетъ, что онъ обязанъ проклинать свою дочь за ея поступокъ, что онъ никакъ не можетъ и не долженъ простить ее. Все это очень огорчаетъ Анну Андреевну. Иванъ Петровичъ часто является къ Ихменевымъ и передаетъ имъ прожитье-бытье дочери; онъ продолжаетъ рассказывать Аннѣ Андреевнѣ, которая все время плачетъ и хныкаетъ, а сама и не догадывается навѣстить свою дочь. Затѣмъ процессъ проигрывается и Ихменевъ обязанъ заплатить 10 т. р. сер. князю.

Николай Сергѣевичъ очень смущенъ этимъ; онъ вызываетъ князя

на дуэль за оскорбленіе, сдѣланное его чести, и получаетъ отъ него новое оскорбленіе въ отвѣтъ, — дасмѣшливое письмо, въ которомъ князь смѣется надъ предположеніемъ Ихменева драться съ нимъ за то, что онъ, князь, выигралъ по закону процессъ.

Иванъ Петровичъ, присутствуя при всемъ этомъ, и принимая живое участіе во всемъ, самъ принужденъ разыграть новую драму.

Взучка Смита, у котораго онъ теперь живетъ, заходила при жизни старика каждый день къ нему; она и теперь, не зная о его смерти, приходитъ и видитъ Ивана Петровича; она очень дика, говоритъ не охотно, всего боится; ее зовутъ Нелли. Эта Нелли была взята по смерти своей матери къ какой-то Бубновой, которая ее мучитъ, бьетъ и т. д. Бубнова оказывается даже хуже этого: она рассчитываетъ на 12-ти-лѣтнюю дѣвочку, чтобъ ее продать за хорошія деньги какому-нибудь старику-развратнику. Иванъ Петровичъ узнаетъ объ этомъ, при помощи какого-то Маслобоева, прежняго своего товарища, котораго онъ давно не видалъ, и который теперь занимается хожденіемъ по дѣламъ и очень много пьетъ; онъ спасаетъ дѣвочку, увозитъ ее къ себѣ. Нелли больна; у ней, нервическіе припадки, какъ у самого Ивана Петровича; она долго не можетъ свыкнуться съ новою жизнью; очень дика, очень боязлива; но, послѣ настойчивыхъ распросовъ, соглашается наконецъ рассказать свою исторію, т. е. исторію своей матери, и, вообразите, это почти слово-въ-слово исторія Наташи, только съ тою разницею, что тутъ бракъ былъ законно совершенъ, что отъ этого брака родилась дочь Нелли. Дѣдъ этой дѣвочки, старикъ Смитъ, который между прочимъ былъ ограбленъ мужемъ своей дочери, проклинаетъ ее также точно какъ Николай Сергѣевичъ проклинаетъ Цаташу. И вотъ эту-то исторію Нелли рассказываетъ самому Ихменеву, куда ее привезъ Иванъ Петровичъ именно съ этою цѣлью.

Услышавъ всю эту повѣсть, узнавъ, что бѣдная мать Нелли умерла въ нищетѣ безъ прощенья отца своего, послѣ чего самъ Смитъ былъ какъ помѣшанный и самъ умеръ у забора на улицѣ, не успѣвъ дойти до дому, — Ихменевъ чувствуетъ, что ему необходимо простить свою дочь, чтобъ не повторить страшную развязку Смита; онъ готовъ уже идти къ Цаташѣ, но та къ этому времени, наконецъ, рѣшилась тоже идти просить прощенья у своего отца. Ее Алевца окончателью, впрочемъ, покинула, — ей негдѣ и нечѣмъ жить, и когда Ихменевъ

отворяетъ дверь, Наташа вбѣгаетъ навстрѣчу въ комнату и падаетъ къ ногамъ.

Послѣ этой сцены — всеобщаго прощенья, которая заканчиваетъ послѣднюю часть, остается еще эпилогъ. Въ немъ повѣствуется, что всѣ живутъ вѣстѣ довольно дружно; о князѣ почти забыли. Нелли уже перешла окончательно къ Ижменевымъ, но она все также больна, даже съ каждымъ днемъ все опаснѣе, все чахнетъ болѣе и болѣе, и наконецъ умираетъ, открывъ передъ смертію, что она законная дочь князя Валковскаго, отца Алеши. Старикъ и старуха Ижменевы такъ взволнованы самою смертію Нелли, что почти не обращаютъ вниманія на это открытіе. Впрочемъ они готовятся ѣхать къ Оренбургъ, гдѣ Николай Сергѣичъ отыскалъ мѣсто управителя.

Иванъ Петровичъ въ это время наконецъ окончилъ свой длинный романъ, и очень доволенъ этимъ. Смерть Нелли его очень огорчила. Она его истинно любила, и онъ тоже привязался къ ней. Она вѣдала, къ Наташѣ, чтобы ее утѣшить и самому найти утѣшеніе, но Наташа груститъ о Нелли, онакиваетъ своего Алешу, и въ то же время продолжаетъ любить Ивана Петровича; она тутъ ничего не находитъ, чтобы ей сказать, и рѣшается только проговорить: неправда ли, это было только сонъ? — Тѣмъ и кончается романъ.

Мы можемъ отвѣтить ей на это, что очень можетъ быть, что все это было только сонъ, но сонъ былъ очень тяжелый и чрезвычайно запутанный! Не знаемъ даже, можетъ ли удовлетворить нашихъ читателей этотъ краткій очеркъ содержанія романа. Занятность, интрига — этого велики, что мудрено разсказать коротко и въ то же время все содержаніе его.

Намъ кажется, что само содержаніе романа, разсказаннаго нами, мало выказываетъ чрезвычайно слабыя стороны въ художественной его построѣнкѣ.

Нестестность положенія никогда не можетъ быть художественной!

Во всѣхъ родахъ искусства, эпохи упадка искусства отличаются мало искусственностію, — это можно замѣтить въ живописи, въ архитектурѣ, даже въ музыкѣ, тѣмъ болѣе въ литературѣ. А искусственность положенія тутъ на каждомъ шагѣ.

Иванъ Петровичъ взявъ, напримѣръ, проводить Наташу въ церковь. Онъ узнаетъ, что она идетъ на свиданіе; онъ ее угарниваетъ, угарниваетъ и Алешу, котораго они тутъ встрѣчаютъ, и къ кате-

рому бѣжала Наташа; объясняетъ Наташѣ, что она тѣмъ болѣе оскорбить отца своего этою связью съ Алешей, что ее примутъ за нарочно придуманное средство самого Ихменева, чтобъ поставить на-своешь, выдать дочь свою за князя. Наташа понимаетъ это; она чувствуетъ всю тяжесть удара, который она наноситъ отцу своему, но она любитъ Алешу, пустаго мальчишку, не стоящаго, по правдѣ сказать, этой любви. Но положимъ, она любитъ его,—бываютъ же такіе случаи!—но тутъ какъ объяснить? Наташа, вслѣдствіе всѣхъ этихъ софтовъ Ивана Петровича, вслѣдствіе борьбы чувствъ, любви къ отцу, чувства долга своего, и тоже сильной любви своей къ Алешѣ, наконецъ даже вслѣдствіе дружбы, и нѣчто въ родѣ тоже любви къ самому Ивану Петровичу, котораго она этимъ огорчаетъ и убиваетъ,—вслѣдствіе всего этого, она падаетъ въ обморокъ; тогда Иванъ Петровичъ, любящій Наташу, сознаетъ, что она дѣлаетъ дурно, но вмѣсто того, чтобы посадить ее въ карету, самому сѣсть хоть бы на козлы и возвратитъ еѣ отцу, откуда на другой день Наташа могла бы еще разъ убѣжать уже одна, если это такъ нужно для связи романа—этотъ Иванъ Петровичъ сажаетъ молодую дѣвушку вмѣстѣ съ Алешей и отпускаетъ ихъ, а самъ идетъ домой, мечтая о своемъ *униженіи* и *оскорбленіи*!!

Какъ хотите, это не вѣроятно, это просто невозможно. А послѣ этого поступка, отецъ Наташи считаетъ еще Ивана Петровича своимъ другомъ, принимаетъ его у себя, толкуетъ съ нимъ про Наташу! Это уже слишкомъ смѣшно! Онъ обманулъ этого отца, который, какъ честному человѣку, благородно поручилъ ему свою дочь, чтобъ довести до церкви, а тотъ ей помогаетъ убѣжать съ любовникомъ, и отецъ проклинаетъ свою дочь, но благодаритъ и ласкаетъ Ивана Петровича. Намъ кажется, мы бы на мѣстѣ Ихменева такъ не поступили. Но опять скажутъ намъ, что это странность — болѣе ничего. Странность, отвѣтимъ мы, не художественная во всякомъ случаѣ, притомъ странность, заслуживающая хотя бы оговорку автора, которая бы объясняла это непонятное положеніе. Правда, трудно и объяснять такія положенія. А любовь Наташи и Кати въ Алешѣ — опять не вѣроятность на каждомъ шагу. Двѣ дѣвушки любятъ страстно, любить съ самоотверженіемъ, забывая свой долгъ, все рѣшительно, и любятъ кого же?—самаго безтолковаго молодого человѣка, еще мальчишку, какихъ только можно придумать и едвали можно встрѣтить;—фраза до не вѣроятности, болтуна, самодура, и вмѣстѣ съ тѣмъ глупаго

до-мельзя, въ чемъ даже сознаются нѣсколько разъ обѣ дѣвушки, и сознаются простодушно, и говорятъ ему это въ глаза, такъ—что сама Алёна въ этомъ сознается и убѣждена. И Наташа, которая любитъ отца своего, уважаетъ его, любитъ свою мать, и эта Наташа ни разу даже не вспомнить о своей матери, о своемъ отцѣ, а она знаетъ, какъ они страдаютъ изъ-за нея!

Да мало ли еще неестественныхъ положеній, столкновений—всѣхъ не перечесть! А между прочимъ,—странное дѣло!—несмотря на всѣ эти неестественныя положенія, несмотря на то, что тотчасъ же читатель видитъ ясно, какъ все это натянуто, придумано, продолжаетъ читать этотъ романъ, и читаетъ, можетъ, быть съ увлечениемъ: ея—причина тому единственная—самый способъ разсказа.

Ө. Достоевскій еще разъ намъ въ этомъ романѣ доказалъ свое несомнѣнное, и, можно сказать, неподражаемое искусство разсказывать; у него свой оригинальный разсказъ, свой оборотъ фразъ, совершенно своеобразный и полный художественности. Фразы его не такъ отдѣланы, не такъ копотно и тщательно выглажены, какъ у г. Гончарова; описанія его не такъ поэтичны, не такъ полны художественныхъ мелочей, подробностей, которыя воскрешаютъ цѣлый мѣръ, цѣлый образъ картины, какъ у Тургенева; обрисовка лицъ его не такъ рѣзко и рельефно очерчена, какъ у Писемскаго; но своеобразный слогъ г. Ө. Достоевскаго никакъ не уступитъ этимъ тремъ писателямъ. Его разсказъ—не описаніе, а именно разсказъ, заманчивый до-мельзя. Онъ удивительно легко читается, много высказываетъ въ формѣ, повидимому самой простой. Слогъ его кажется простымъ, разговорнымъ слоюзомъ, такъ что, казалось, и самъ разсказалъ бы не иначе; въ немъ нѣтъ особо замѣчательныхъ мѣстъ, нѣтъ страницы, которую бы вы прочитали два раза, которую бы стоило помѣстить въ хрестоматію для примѣра слога, но слогъ этотъ всегда ровный, гладкій, разсказъ всегда ясно изложенный, такъ что онъ заставляетъ часто забыть всю неестественность положенія; вы его слушаете, какъ слушали, бывало, дѣтскую сказку, а потому, рассматривая только его внѣшнюю сторону, романъ этотъ можетъ быть смѣло признанъ превосходнымъ *сказочнымъ романомъ*.

Но мы должны признаться, что ожидали бѣльшаго отъ этого романа. Самое названіе, казалось намъ, обѣщало развитіе важной социаль-

ной идеи.— Униженные и оскорбленные! Сколько ужасных драмъ кроется въ этихъ двухъ словахъ, сколько и вправду есть униженныхъ, сколько оскорбленныхъ отъ русскаго мужика, часто униженного и оскорбленного или своимъ господиномъ, или своимъ подриачникомъ, десятскимъ, оскорбленного зачастую безъ причинъ, такъ, зря, на улицѣ, въ лавкѣ, вездѣ, гдѣ его трактуютъ даже весьма, толкаютъ, не обращаютъ даже на него вниманіе, а онъ между тѣмъ глубоко иногда чувствуетъ и понимаетъ это униженіе, это оскорбленіе, въ особенности, если онъ хотя немного развитъ и образованъ. Да и мало ли можно указать въ нашемъ обществѣ примѣровъ униженій и оскорбленій, постоянно встрѣчающихся, не исключительныхъ какъ въ романѣ г. Достоевскаго, а прямо вытекающихъ изъ нашихъ нравовъ и обычаевъ.

Не только наше общество, но всякое общество непременно имѣетъ этотъ недостатокъ: вездѣ, во всякой странѣ вы можете найти многіе примѣры такого униженія, такого оскорбленія, а тутъ, въ романѣ г. Достоевскаго, собственно говоря, униженъ и оскорбленъ только развѣ Ихменевъ, потому что заподозрѣнъ въ подлогѣ и воровствѣ, оскорбленъ еще отвѣтомъ князя, насмѣшкою на его вызовъ; но если правду сказать, оно и было довольно смѣшно старику 60 лѣтъ вызывать на дуэль того, съ кѣмъ онъ тягался за то, что сынъ его похитилъ его дочь, послѣ того, въ особенности, какъ Ихменевъ самъ оставилъ свою дочь, не вытребовавъ ее.

Во всякомъ случаѣ, это оскорбленіе — не униженіе, а просто случайное оскорбленіе, которое могло случиться и нѣтъ. Остальныя же лица, если оскорбляются, то рѣшительно для собственнаго своего развлеченія. Они впрочемъ мало и оскорбляются; они такъ заняты своими нервическими припадками.

Мы рѣшительно не знаемъ, какъ оправдать заглавіе этого романа. По нашему мнѣнію, онъ вовсе не оправдываетъ его содержанія.

Главный же недостатокъ этого романа заключается въ томъ, что онъ не обрисовалъ, не очертилъ, не разъяснилъ ни одного живаго лица, ни одного настоящаго типа. Всѣ лица, дѣйствующія въ немъ, какъ бы стараются, въ угожденіе автору, все болѣе и болѣе запутывать узелъ завязки, чтобъ доставить г. Достоевскому возможность, случай, показать намъ свой несомнѣнный талантъ разсказа фактовъ, происшествій; но не одно лицо не остается въ головѣ читателя, не заставляетъ задуматься о себѣ,—развѣ первый типъ стари-

на Смита, который умирает тотчас послѣ своей собаки азерки, единственнаго своего друга,—но и этотъ типъ—вовсе не русскій, и уже встрѣчаемый нами не разъ въ иностранныхъ романахъ и, если правду сказать, несравненно болѣе возможный за границей, во Франціи, Англіи, Бельгіи, чѣмъ въ Россіи:—у насъ одна зима скоро отучитъ такого старика ежедневно ходить съ собакой въ какую нибудь кондитерскую.

Князь Валковскій тоже не типъ,—онъ подлецъ, онъ мошенникъ; но это не типъ: такой князь пожалуй и можетъ быть—мы не сможемъ, но въ немъ ничего нѣтъ того, чтобы отличало его отъ обыкновеннаго французскаго, англійскаго мошенника; а между тѣмъ очень много странностей, очень много отличительныхъ свойствъ и недостатковъ можно бы подмѣтить въ этомъ обществѣ, изъ котораго г. Достоевскій беретъ своего Валковскаго.

О сынѣ мы уже не говоримъ,—онъ видимо тутъ служить для зашки и развязки, и вовсе не созданъ и не задуманъ какъ типъ, какъ лицо живое. Есть, пожалуй, Маслобоевъ, ходатай по дѣламъ, пышница и добрая душа, готовый на извѣстнаго рода подлости за деньги, и остающійся честнымъ человѣкомъ по-своему; это пожалуй еще человѣкъ живой, человѣкъ, котораго мы могли бы встрѣтить; но это совершенно второстепенная личность въ драмѣ, и если онъ обрисовался довольно ясно, то намъ кажется, что это дѣло случая, потому что на него авторъ не могъ рассчитывать. Самъ Именевъ не похожъ на настоящаго русскаго помѣщика,—въ немъ черта есть общечеловѣческая, въ его страданіяхъ, въ его горѣ, въ его злости противъ князя и противъ дочери своей; но это опять только черта, а общая фигура не рисуется. Женскія личности очень вытянуты, очень взволнованы; онѣ постоянно не выходятъ изъ исключительнаго и странно-устроеннаго положенія. Наташа, которая привлекаетъ насъ къ себѣ въ началѣ романа, наконецъ кажется намъ, какъ нѣмцы выражаются *langveilig*, — дотога она монотонна и многоглаголива въ своемъ горѣ, которое сама же создаетъ.

Катя рѣшительно невозможна и не можетъ потому заставить къ себѣ никакого сочувствія; такихъ благоспитанныхъ дѣвушекъ съ нѣсколькими милліонами приданаго и съ такими эксцентрическими записками рѣшительно нѣтъ, да и слава Богу! — ничего поэтическаго въ ней нѣтъ, ничего изящнаго, ничего дѣйствительнаго.

Одна Нелли могла бы, можетъ быть, внушить къ себѣ симпатію,

но ей много имѣаютъ Наташа и Катя. Вы развлечены всѣмъ этимъ занутанымъ ходомъ дѣла, и вся драма Нелли и матери, какъ повтореніе того, что теперь дѣлается вмѣстѣ и отцомъ и сыномъ, только утомляетъ васъ. Это повтореніе рѣшительно не художественно; притомъ Нелли, какъ кажется, нѣчто въ родѣ подражанія Мишель Гёте и французской Сандрильоны, и подражаніе крайне неудавшееся, — эти постоянные припадки утомляютъ, а не привязываютъ васъ къ ней. Она умираетъ; ее, правда, оплакиваетъ старикъ Ихменевъ, а самъ Иванъ Петровичъ, рассказчикъ, почти не смущенъ, онъ уже ожидалъ эту смерть, какъ и читатель тоже, съ самаго перваго знакомства съ Нелли.

Анна Андреевна, жена Ихменева, слабая, безцвѣтная личность, безъ воли, безъ самостоятельнаго характера, постоянно подчиненная своему мужу, боящаяся его раздражить и ни на что не рѣшающаяся. Такія женщины конечно бываютъ сплошь да рядомъ, да только почему въ романѣ—то она такъ безцвѣтна?—надо было бы рельефнѣе выставить эту безхарактерность; надо было бы изучить эту женщину и передать намъ, — какъ бы это сдѣлалъ навѣрно г. Гончаровъ, — а тутъ она проходитъ мимо насъ и мы почти не замѣчаемъ ее.

Изъ всего, нами высказаннаго, мы можемъ заключить, что талантъ г. Достоевскаго не сомнѣненъ въ рассказѣ; онъ передаетъ намъ происшествія, дѣйствія своихъ героевъ чрезвычайно наглядно, чрезвычайно искусно, но недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ не овладѣваетъ вполне ни однимъ лицомъ, какъ слѣдовало бы ожидать, не анализируетъ ни одного характера, не создаетъ ни одного типа, не задумывается даже надъ личностію, надъ свойствомъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, — онъ слишкомъ занятъ своимъ сюжетомъ, завязкою и развязкою, — а это огромный недостатокъ въ дѣлѣ художества.

Именно эта небрежность автора въ изученіи своихъ героевъ, ихъ внутреннихъ чувствъ, ихъ сокровенныхъ душевныхъ свойствъ и ведетъ его къ тѣмъ невозможнымъ, неестественнымъ положеніямъ, которыя никакъ не могли бы существовать, еслибъ авторъ потрудился анализировать самъ качества и недостатки характера своего героя.

Мы ожидаемъ теперь съ большимъ любопытствомъ обѣщанныя записки изъ Мертваго дома; мы убѣждены, что тамъ мы найдемъ много фактовъ интересныхъ, какъ матеріаловъ для исторіи. Эти фак-

ты будутъ намъ переданы чрезвычайно точно, наглядно, художественно, такъ что произведутъ большое впечатлѣніе, — но эти записки выпрали бы еще въ художественномъ отношеніи, еслибъ автору ихъ было возможно вспомнить нѣкоторые лица, встрѣченныя имъ, знакомыя ему, поблудать ихъ, позвучить ихъ критически и аналитически — и тогда передать, вмѣстѣ съ вереницею интересныхъ фактовъ, нѣскольکو живыхъ, новыхъ типовъ. Мы бы горячо желали, чтобъ Ф. Достоевскій, не принимая въ дурную сторону нашего совѣта, подумалъ бы о немъ. Мы увѣрены, что эти записки и такъ будутъ крайне интересны, но убѣждены въ то же время, что онѣ могли бы, при этомъ условіи, быть несравненно болѣе занимательными. Можетъ быть, наше мнѣніе покажется очень смѣлымъ, такъ какъ мы можемъ судить только по малому отрывку, уже напечатанному изъ этихъ записокъ, и по тону, и по общему свойству таланта г. Достоевскаго. Но каждый, намъ кажется, имѣетъ право высказывать свое убѣжденіе, только бы оно дѣлалось чистосердечно. Притомъ, между святыми обязанностями критика, мы уже сказали, мы принимаемъ возможность заставить автора самого заглянуть строже и глубже на свой талантъ и обратить вниманіе на указанное достоинство и недостатокъ, обсудить самого критика, такъ же добросовѣстно и хладнокровно, какъ критикъ самъ это дѣлаетъ, относительно разбираемаго сочиненія.

ГРАФЪ КУШЕЛЕВЪ-БЕЗБОРОДКО.

ЦАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1861).

(Окончаніе).

Прибывъ въ Москву и познакомившись съ нѣкоторыми подробностями стрѣлцакаго дѣла, Петръ остался очень недоволенъ розыскомъ боярина Шенна, неразвѣдаваша ничего о главнѣйшихъ обстоятельствахъ и побужденіяхъ, заставившихъ стрѣльцовъ взбунтоваться и идти къ столицѣ. «Я допрошу ихъ построже вашего», сказалъ царь генералу Гордону—и допросилъ стрѣльцовъ, дѣйствительно, построже. Изъ этого, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы словами: «я допрошу ихъ построже вашего» Петръ желалъ выразить: «я буду мучить ихъ не такъ, какъ вы ихъ мучили; я изобрѣту для нихъ кое-что почище кнута и виски...» Вовсе нѣтъ: розыскъ, произведенный Петромъ, произведенъ былъ съ помощью того же обычнаго кнута и той же неизмѣнной виски, которыми дѣйствовалъ и Шеннъ,—только на этотъ разъ число пытаныхъ было больше, и допросы дѣлались гораздо обстоятельнѣе. Петръ понималъ, что «безкормица», тяжесть службы и притѣсенія начальства, ради которыхъ будто бы поднялись стрѣльцы и пришли къ Москвѣ, по собственному ихъ выраженію, «страшною неурядною яростью», были однимъ лишь отводомъ, прикрывавшимъ самые опасные и преступные замыслы,—и Петръ не ошибался. Вторичный розыскъ обнаружилъ ясно и настоящую цѣль стрѣлцакаго возстанія, и участіе въ немъ Софіи Алексѣевны, и всѣ планы мятежниковъ, грозившіе страшными бѣдствіями Россіи. Кончился этотъ розыскъ—и пошли въ дѣло висѣльницы, плахи, колеса. Больше тысячи стрѣльцовъ заплатились жизнью за свои продѣлки; другіе, менѣе виновные, сосланы были въ ссылку, а за сими всѣ стрѣлцкіе полки были «скасованы», т. е. расформированы и уничтожены. Изъ числа казненныхъ стрѣльцовъ, сто девяносто пять человѣкъ повѣшено было вокругъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ нехотя замаливала тяжкіе грѣхи свои царица Софія Алексѣевна, постриженная въ

монахини подъ именемъ Сусанны. Трое изъ этихъ повѣшенныхъ болтались противъ самой царевниной кельи, и болтались такъ близко отъ нея, что царевна изъ окна своего легко могла достать вложенныя въ руки висѣльникамъ бумаги. Эти трое были тѣ именно стрѣльцы, которые, отъ лица своихъ товарищей, звали Софію Алексѣевну на царство и подавали ей объ этомъ челобитную...

Не веселое, конечно, впечатлѣніе производить на душу описаніе всѣхъ этихъ пытокъ и казней, всѣхъ этихъ костровъ, висѣльцъ и плахъ, всѣхъ этихъ колебѣвъ и колесъ, украшенныхъ обезображенными головами и раздробленными, окровавленными членами казненныхъ; но пусть вспомнитъ читатель все, сказанное нами о продѣлкахъ самихъ стрѣльцовъ и неугомонной, коварной, безсердечной смутницы Софій, пусть поставитъ онъ себя на мѣсто Петра и сообразитъ всѣ предшествовавшія стрѣльцескому разгрому обстоятельства,—и онъ, навѣрное, согласится, что если «великій преобразователь нашъ» и не можетъ быть причисленъ къ категоріи людей, одаренныхъ необыкновенно мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, то все-таки мѣры, принятыя имъ относительно стрѣльцовъ, отнюдь нельзя называть ни незаконными, ни безпримѣрно-жестокими. XVII и XVIII столѣтія видѣли не одно подобное событіе не въ одной Россіи; обстоятельства же, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Петръ, не только-что допускали образцовую суровость, но даже требовали ея. Петру положительно необходимо было дать хорошій урокъ, хорошую острастку всѣмъ своимъ врагамъ и противникамъ, имя которыхъ было легіонъ; Петру надлежало показать предъ лицомъ всего своего царства, что недобро будетъ тому, кто вздумаетъ стать задержкою новымъ началамъ и преобразованіямъ,—и только этимъ, этимъ однимъ объясняемъ мы тѣ страшныя сцены, свидѣтельствомъ которыхъ была Москва осенью 1698 года; только этимъ объясняемъ мы и самую страшную изъ этихъ сценъ—казнь стрѣльцовъ, 17 октября, *черезъ палатныхъ людей*. Объяснять же все это иначе, побужденіями какой-то невѣроятной, рафинированной жестокости, низводящей Петра на степень несчастныхъ монамановъ, терзающихъ и убивающихъ людей ради непонятнаго, нечеловѣческаго наслажденія, доставляемаго муками жертвъ,—по нашему мнѣнію, въ высшей степени негѣно.

Да и чѣмъ же, наконецъ, пытки и казни стрѣльцовъ страшнѣе того, что дѣлали сами стрѣльцы въ 1682 году? Почему люди, почи-

*

тающіе священною своею обязанностию исходить криками ужаса и негодованія при одномъ словѣ: «стрѣлецкій розыскъ», не подумаютъ никогда о томъ, чтобы сопоставить надлежащимъ образомъ стрѣльцкому розыску стрѣлецкій бунтъ, на который, вообще, у насъ глядятъ какъ-то странно? А сопоставленіе это сдѣлать бы не мѣшало, и параллель вышла бы не дурная! Стрѣлецкій розыскъ былъ страшенъ, кровавъ; но вѣдь все-таки это было дѣло, облеченное всѣми законными формами того времени, веденное такъ, какъ повели бы подобное дѣло, въ концѣ XVII столѣтія, вездѣ. Тутъ были и допросы, и очныя ставки, и показанія, и признанія, положительнѣйшимъ образомъ открывшія намѣренія стрѣльцовъ завладѣть Москвою, возмутить чернь, низвергнуть правительство, прибрать къ своимъ рукамъ весь народъ, перебить Нѣмцевъ, перебить бояръ, перебить солдатъ, разорить нѣмецкую слободу, разграбить всѣ богатые дома,—короче: перевернуть все вверхъ-дномъ и ввести потомъ такіе порядки, отъ которыхъ не поздоровилось бы никому. За такія намѣренія не гладили по головкѣ нѣкогда и нигдѣ. За такія намѣренія ожидать помплованія было нельзя. За такія намѣренія распорядился бы по-Петровски самый мягкосердечный и благодушный человѣкъ, обязанный охранять безопасность и благосостояніе цѣлаго народа;—а за стрѣльцами, кромѣ этихъ намѣреній, были уже и дѣла, требовавшія безпощадно-суроваго возмездія. Словомъ, стрѣльцы были обличенные, судимые и осужденные государственные преступники, и ихъ разгромъ, ихъ «скасованье» были не вспышкою дикаго произвола, не прихотью безчеловѣчнаго тиранства, а наказаніемъ по закону и по винѣ, мѣрою хотя и нечальною, но необходимою.

А какія преступленія совершены были людьми, мученически погибшими подъ стрѣлецкими копьями и бердышами въ 1682 году? Какимъ слѣдствіемъ и въ чемъ были уличены, по какимъ законамъ и за что были судимы и осуждены Матвѣевъ, Нарышкины, Салтыковъ, Языковъ, князя Долгорукіе и Ромодановскій, лекаря Гутменшъ, Гаденъ и другіе? Уличенъ изъ нихъ былъ одинъ Гаденъ: у него нашлись сушенныя змѣи, почему стрѣльцы и заключили, что онъ—волшебникъ. Всѣ прочіе не знали за собой даже и такого преступленія и погибли лютою смертію или потому только, что ихъ заранѣе обрекла на гибель царевна Софія Алексѣевна, или потому, что, прямо-напросто, имѣли несчастье попасться на-глаза стрѣльцамъ, когда стрѣльцы, охъащавшіе стъ кровп и водки, готовы были дунуть

и рѣзать кого угодно ¹⁾). Производились при этомъ и пытки, страшныя, безчеловѣчныя,—и вотъ эти—то пытки ужасаютъ насъ гораздо болѣе пытокъ 1698 года, потому что производились вовсе не для дознанія истины, вовсе не по необходимости, а единственно изъ желанія помучить людей, виновныхъ лишь тѣмъ, что не сочувствовали преступнымъ, замысламъ властолюбивой, безсердечной женщины и буйныхъ, новѣжественныхъ дикарей ²⁾). До дознанія же истины стрѣльцамъ не было никакого дѣла: для нихъ истинною было все, что ни передавали имъ отъ лица умѣвшей очаровать ихъ царевны Софьи Алексѣевны; ихъ цѣлю была личная месть, разбой, грабежъ, буйство, пьянство, своеволие и желаніе всѣми повелѣвать, всѣмъ распоряжаться, пожинать, не сѣя, собирать, не расточая.

Эти цѣли, это желаніе были единственными мотивами всѣхъ дѣйствій стрѣльцовъ до самой послѣдней минуты существованія этого кроваваго войска, и, послѣ кровавыхъ сценъ 1682 года, Москва еже-

¹⁾ Такъ, напр., въ первый же день бунта, 15 мая, убитъ былъ въ самомъ дворцѣ ни въ чемъ неповинный юноша, Фѣдоръ Петровичъ Салтыковъ, сынъ всѣмъ уважаемаго боярина Петра Михайловича Салтыкова. Салтыковъ не былъ даже отмѣченъ въ заранѣ составленномъ Софьею Алексѣевною спискѣ жертвъ; во стрѣльцы, съ-пьяну, привали его за Аванасія Кирилловича Нарышкина, и «убили тирански», говоритъ Андрей Артамоновичъ Матѣевъ. Такъ, на другой день, умерщвлены были лекарь Гутменшъ и сынъ лекаря Гадена, потому только, что стрѣльцы не нашли самого Гадена, обвинявшагося, по поводу выданныхъ у него сушеныхъ змѣй, въ волшебствѣ и преждевременной кончинѣ царя Фѣдора Алексѣевича. Съ такой же справедливостью и разборчивостью расправлялись стрѣльцы и со всѣми, попадавшимися подъ ихъ копыя и бердыши; а цѣра всѣхъ перебитыхъ во время перваго стрѣleckаго бунта простиралась, по словамъ Корба, до нѣсколькихъ тысячъ. «Въ одной части города, называемой Китай-городомъ», говоритъ Корбъ:—погибло самую разнорядвою смертию до пяти тысячъ человекъ, загнанныхъ въ это мѣсто желаніемъ укрыться отъ убійцъ. (Diarium itineris in Moscoviam etc, p. 176).

²⁾ Такимъ, напр., пыткамъ преданы были Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ и салтыковскій Гадень. «Пытали его пытками страшными, говоритъ про Нарышкина Сильвестръ Медвѣдевъ:—и распытавъ, нагаго изъ застѣнка вывели на Красную площадь, и поставя его межъ мертвыхъ, постѣнныхъ тѣлесъ стояща, обступя вкругъ со всѣхъ странъ, вкупѣ копіями збодоша, и оными подняли къверху, и опушта, руки, ноги, голову отвѣтали; голову вонзая на древо высоко, все же тѣло его въ мелкія частицы насѣкоша.

«Тоже доктора Данила, иже въ крещеніи Стефанъ, въ застѣнкѣ жъ вѣрпко пыташа, биша въ три кнута и огнемъ жгоша, и потомъ, такожде выведши на Красную площадь, изсѣкоша въ мелкія части». (Записки Медвѣдева, с. 15)

дневно могла ожидать их новторенія, могла ежедневно ожидать страшнаго набата, грозныхъ выстрѣловъ, дикихъ криковъ, жалобныхъ воплей и стоновъ, рѣзни, грабежа, буйства, безчинства, сумятицы и анархїи. Ободренные успѣхомъ перваго мятежа, стрѣльцы стали до-невѣрности дераки, высокомѣрны и самоувѣренны, и чуть что не по нимъ—сейчасъ же готовы были схватиться за бердыши и пищали, «крикнуть ясакомъ» и раздѣлаться по-свойски съ кѣмъ угодно. Вадумалось имъ, по наущенію Софіи, чтобы вмѣстѣ съ Петромъ царствовалъ и братъ его, Іоаннъ,—и они требуютъ этого отъ правительства, какъ власть имѣющіе, присовокупляя, что «если кто этому воспротивится, они придутъ опять съ оружіемъ, и будетъ мятежъ не малый». Завѣли нѣсколько тупоумныхъ изувѣровъ нелѣпное, но охасное дѣло «о претѣненіи церковномъ», о крыжахъ, о жезлахъ, о просфорахъ, о дуперстномъ знаменіи, о сугубой аллилуїи и т. п.,—и стрѣльцы первые являются къ нимъ на поддержку, принуждаютъ правительство къ постыднымъ уступкамъ, поднимаютъ народъ, публично бьютъ священниковъ, оскорбляютъ самую царевну Софію Алексѣевну и грозятъ идти снова въ Кремль, для убійствъ, говоря: «добромъ съ ними не раздѣлаешься; пора опять за собачьи шкуры приниматься». Попробовало правительство принять кое-какія рѣшительныя мѣры, необходимыя для огражденія общественной безопасности,—и стрѣльцы тотчасъ же приводятъ Москву въ осадное положеніе, расхищаютъ казенныя орудія, снаряды, порохъ, намѣреваются возмутить все государство, хотятъ требовать къ себѣ отовсюду на помощь служилыхъ людей, грозятся убить патриарха и перебить бояръ, повергаютъ въ ужасъ всю столицу. Словомъ, распускалъ ли кто-нибудь какой-нибудь нелѣпѣйшій слухъ (былъ ли то слухъ о томъ, что стрѣльцовъ «велѣно рубить», или о томъ, что отъ нѣмцевъ «благочестіе законѣло», или о томъ, что «зачинаеть бунтъ царица съ братьями», или о томъ, что «потѣшныя конюхи» хотятъ напасть на Кремль, или о томъ, что «царя за моремъ не стало, а царевича бояре хотятъ извести»),—и слухъ этотъ находилъ отзывъ и сочувствіе прежде всего въ стрѣleckихъ полкахъ и слободахъ, и тамъ всегда отыскивались люди, готовые «принять» и бояръ, и нѣмцевъ, и потѣшныхъ конюховъ, и царьцу съ братьями. Желала ли царевна Софія Алексѣевна или кто либо изъ ея друзей и клеветовъ прибѣгнуть къ какой нибудь рѣшительной мѣрѣ (въ родѣ покушенія на чью нибудь жизнь),—и они обращались не къ кому иному, какъ къ стрѣльцамъ, въ полной увѣренности, что эти достойные воины съ охотою согласятся на все, не отступятъ ни передъ чѣмъ...

А требовалось отъ нихъ исполненіе ихъ прямыхъ, служебныхъ обязанностей,—и они исполняли ихъ кое-какъ, неохотно, нерадиво, привыкнувъ барствовать, своевольничать, заниматься промыслами и торговлею и вести, вообще, образъ жизни, вовсе непохожій на образъ жизни людей «ратнаго чина». Посылались они на войну,—и собственные ихъ начальники боялись своихъ буйныхъ и непокорныхъ подчиненныхъ гораздо болѣе, чѣмъ непріятеля; а лицомъ къ лицу съ непріателемъ стрѣльцы оказывались малодушными, трусливыми, бѣгали изъ траншей во время вылазокъ, неохотно шли въ огонь за солдатами, и Гордонъ, описывая въ своемъ дневникѣ азовскіе походы, не разъ горько жалуется на лѣность, безпечность и буйную строптивость стрѣleckаго войска.

Попробовалъ же Петръ заставить служить ихъ поисправнѣе, такъ, какъ служили другіе полки, такъ, какъ служилъ самъ онъ—царь, въ потъ лица съѣдавшій хлѣбъ свой, — и стрѣльцы отвѣтили на это правильнымъ сраженіемъ, даннымъ царскимъ войскамъ подъ стѣнами Воскресенскаго монастыря. Побѣда осталась не за ними; но виною тому была ужъ вовсе не добрая ихъ воля...

Кровавые розыски, немилосердныя казни, окончательное «скасованье» стрѣльцовъ были страшнымъ финаломъ, заключившимъ ихъ слишкомъ столѣтнее существованіе; но, вслѣдъ за нимъ, мѣсто негоднаго, вреднаго войска, заступило войско, одержавшее полтавскую побѣду, и молодой царь, избавившись отъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ, могъ свободнѣе и дѣятельнѣе прежняго приняться за тѣ передѣлки, перестройки и преобразованія, которыя немовѣрно-быстро возвели жалкую, полуазіатскую *Московию* на степень первостепенной европейской державы. А что было бы, еслибъ восторжествовали стрѣльцы? Что было бы, еслибъ имъ удалось завладѣть Москвою, низвергнуть правительство, прибрать къ своимъ рукамъ народъ и сдѣлаться хозяевами-распорядителями въ Русскомъ царствѣ? Крови, конечно, пролито было бы не меньше, чѣмъ при пыткахъ и казняхъ 1698 года, а затѣмъ — постоянная неурядица и нескладица, старая вѣра, старый *домострой*, старая дикость, старая тупость, старая жалкая, полуазіатская *Московія*, «о нравѣхъ и о разумѣ которой ни что же вспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ея славою сопряжено было...»

Объ этомъ не думаютъ обличители и порицатели Петра Великаго, столь милые намъ благородствомъ своихъ чувствованій и гуманностью

воззрѣній; а, увлеченные ихъ обличительнымъ краснорѣчіемъ, мягко-сердечные, но малосвѣдущіе люди падаютъ въ обморокъ при одномъ словѣ: «стрѣleckія казни», и затѣмъ устремляютъ полныя умиленія очи въ глубь нашего минувшаго, въ волшебный сумракъ до-Петровской Руси. Мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, при воспоминаніи о стрѣleckихъ казняхъ, болѣе всего ужасаетъ количество этихъ казней, цифра обезглавленныхъ, повѣшенныхъ, колесованныхъ, и они, проникаясь по этому поводу благороднѣйшимъ, восхитительнѣйшимъ негодованіемъ, проникаются вмѣстѣ съ тѣмъ и несокрушимымъ убѣжденіемъ, что въ доброе старое время ничего подобнаго и быть не могло; что если подвести итогъ рѣшительно всѣмъ казнямъ, когда-либо бывшимъ на до-Петровской Руси, то итогъ этотъ все-таки не дастъ и половину той цифры, которою выражается количество стрѣльцовъ, казненныхъ въ нѣсколько дней Петромъ Великимъ...

Ну, а какъ, наприхѣръ, понравится мягкосердечному, но малосвѣдущему читателю слѣдующія цифры и итоги, извлеченные нами (да и то неполнѣ еще) изъ синодика Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, — одного изъ тѣхъ знаменитыхъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ синодиковъ, въ которыхъ, по царскому повелѣнію записывались «имена и прозванія преставльшихся (т. е. перебитыхъ) православныхъ христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, разныхъ городовъ людей», для вѣчнаго поминовенія ихъ по всей Россіи:

«Помяни, Господи, души усопшихъ рабовъ своихъ и рабынь:

«Князя Михаила, Мухамла, Тихона, Казарина Дубровскаго и двухъ сыновъ его; да съ нимъ десяти человекъ его, ихъ же имена, Ты Самъ, Господи, вѣси.

«Помяни, Господи, души:

«Въ Коломенскихъ селѣхъ:

«Скончавшихся православныхъ христіанъ, Ивановыхъ людей, дватцати человекъ; а имена ихъ Богъ вѣсть. Дажь имъ, Господи, вѣчную память!

«Въ Угль, въ Губинѣ:

«Православныхъ христіанъ девятнадцать человекъ: имена ихъ самъ, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Въ Матѣевщинѣ:

«Православныхъ христіанъ, скончавшихся осмьдесятъ четыре человекъ, да тремъ человекомъ руки сѣчены: имъ же имена Самъ, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Въ Ивановскомъ болшомъ:

«Православныхъ христіанъ семнатцати человекъ, да четыринадцатъ человекъ ручнымъ усъченіемъ конецъ пріаша: ихъ же имена Самъ вѣси, Господи. Дай имъ вѣчную память!

«Въ Ивановскомъ меншомъ:

«Исаковы жены людей Заборовского тринатцати человекъ, да семь человекъ, рукъ отсѣченіемъ скончавшихся. Въ Городищи: трехъ человекъ. Въ Черміевѣ: Тевриса, Якова. Въ Суславѣ: двою человекъ. Въ Бѣжецкомъ Верху: Ивановыхъ людей шестьдесятъ пять человекъ, да дванадесать человекъ, скончавшихся ручнымъ усъченіемъ: имена ихъ Ты, Господи, Самъ вѣси. Дай имъ вѣчную память!

«По городомъ:

«Князя Андрея Каотырева, князя Θεодора Троекурова, да его племянника: имя его Богъ вѣсть; Ворошила, да дватцать шесть человекъ ручнымъ усъченіемъ животь свой скончаша: имъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси.

«Нижегородцовъ:

«Юанна, Даніила, благоверныя княгини монахини Евросини, княжъ Владимировы Андреевича матери Евдокии, да съ нею старицъ, которыя съ нею были, да двундесати человекъ: имена ихъ Самъ, Господи, вѣси. Сотвори имъ вѣчную память!

«Новоторжцовъ:

«Салмана, Рудака, Богдана, Меншика, Григорія, Шарапа, Мисура, Юсифа; по Малютинскіе Ноугородскіе посылки отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девяностъ человекъ; да изъ пицалей пятнатцать человекъ: ихъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Нижегородцовъ:

«Юсіа, Юанна 2, священноіерея Григорія, священноіерея Космы, Маріи, Василія 3, Варлаама, Георгія, Юанна 3, Симеона 2, Второго, Андрея 2, Третьяка 2, Горяшу, Адриана Щенятева, сына ево Юанна, Симеона. Богородскаго села псарей штинадцати человекъ. Въ селѣ Братошинѣ псарей: дватцати человекъ. Въ Озерецкомъ селѣ: двухъ человекъ, Леонтіевыхъ людей Курмина. На заказъ отъ Москвы шти человекъ: имена же тѣхъ Самъ, Господи, вѣси. Помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

«Въ Клинѣ: каменщика Юанна.

«Въ Мѣдне: Псковичъ съ женами и съ дѣтьми ста и девяности

человѣкъ: ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси. Помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

« Сожженныхъ:

« Іова, Иларіона, Григорія, Іоанна; Псковичъ съ женами и дѣтьми тридцати человѣкъ: имена ихъ Ты, Господи, вѣси. Подаждь имъ, Господи, вѣчную память!

« Помяни, Господи, души:

« Въ Новгородѣ побіенныхъ пятнадцати бабъ; называли ихъ ведуньями: имена имъ Богъ—вѣсть.

« И вѣсімъ православнымъ христіаномъ скончавшимся, мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина, которые выше сего, по выписи государскихъ книгъ, именами, чинами и прозваніями написаны: подаждь имъ, Господи, вѣчную память! » ¹⁾

Итого « скончавшихся православныхъ христіанъ мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина », по нашимъ выпискамъ, имѣется 1,995 человѣкъ. Всего же въ синодикѣ, доставившемъ намъ эти утѣшительныя свѣдѣнія, « преставльшихся », т. е. казненныхъ, значится 3,750 человѣкъ. Цифра, конечно, почтенная; но судить по ней о количествѣ « преставльшихся » за все время царствованія Іоанна Васильевича Грознаго было бы весьма неосновательно. Въ синодикѣ, выписками изъ котораго уследили мы читателя, число казненныхъ Новгородцевъ, напр., опредѣляется цифрою 1,503 человѣкъ; но вѣдь извѣстно, что во время знаменитаго новгородскаго погрома въ 1570 году, съ того самаго дня, какъ Іоаннъ Васильевичъ прибылъ къ великому и богоспасаемому Новгороду и сталъ съ дружиною своею на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада, къ царю ежедневно представляли туда *на судъ* отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новгородцевъ, которыхъ всѣхъ и *порѣшали* послѣ жесточайшихъ пытокъ. Въ этихъ пыткахъ главную роль играла какая—то « составная мудрость огненная » или « поджарь »; порѣшали же Новгородцевъ, болѣею частію, такимъ образомъ: привязывали ихъ головами или ногами къ санямъ, приволакивали къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку, тщательно наблюдая, чтобы никто не могъ спастись. Для этого нарочно разѣзжали по Волхову на маленькихъ лодочкахъ дѣти боярскіе и стрѣльцы, и кто всплывалъ — того

¹⁾ Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1859 г., кн. III, с. 90—100.

они кололи копьями, рогатинами, баграми, рубили топорами. Женъ топили вмѣстѣ съ мужьями; грудныхъ дѣтей привязывали къ матерямъ... Пощадъ не было никому!...

Этотъ судъ производился ежедневно въ теченіе пяти недѣль, и, по словамъ Курбскаго, только въ одинъ изъ такихъ судебныхъ дней *поръшено* было разомъ 15,000 человѣкъ. Сверхъ того, еще до начала суда, забито было палками до смерти болѣе пяти сотъ игуменовъ, монаховъ и разныхъ монастырскихъ причетниковъ, передъ тѣмъ уже, въ продолженіе четырехъ дней, съ утра до ночи сѣченныхъ на нравежѣ; а по окончаніи суда разосланы были во всѣ четыре стороны, по всѣмъ пятинамъ, станамъ и волостямъ, верстъ за двѣсти и болѣе отъ Новгорода, вооруженныя толпы, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить безъ пощады. Такой же грабежъ, такое же опустошеніе произведены были въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ. Царь лично присутствовалъ при этомъ, ѣздя изъ улицы въ улицу, изъ монастыря въ монастырь, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ ревностные исполнители его повелѣній разрушали дома, выбивали окна и ворота, ломали лавки и амбары, били скотъ, били людей, жгли хлѣбъ и щеньку, бросали въ рѣку воскъ и сало, дѣлили между собой шелковыя ткани, мѣха и другіе цѣнные товары. Весь этотъ страшный погромъ продолжался шесть недѣль...

Какою же цифрою слѣдуетъ опредѣлить итогъ всѣхъ «преставльшихся» съ 7-го января по 12-е февраля 1570 года Новгородцевъ? Лѣтописцы и историки въ этомъ разногласятъ; но, во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью положить, что число «*скончавшихся* православныхъ христіанъ мужскаго, женскаго и дѣтскаго чина», за время пребыванія въ великомъ и богоспасаемомъ Новѣгородѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго, было никакъ не менѣе 60,000 человѣкъ. Однихъ утопленныхъ было столько, что они запрудили собою Волховъ, и онъ долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро!...¹⁾

Столь же успѣшно дѣйствовалъ Іоаннъ Васильевичъ и на пути своемъ въ Новгородъ изъ Александровской слободы. Клинъ, Городня, Тверь, Вышній Волочокъ и всѣ мѣста до Ильмена опустошены были такъ, какъ будто прошла тутъ самая дикая, самая ожесточенная не-

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго. соч. Карамзина, т. IX, с. 145—149, и Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Соловьева, т. VI, с. 228 и 229.

пріятельская армія. Въ одной Твери, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, погибло въ это время не менѣе 90,000 человекъ. Карамзинъ полагаетъ, что это число ошибочно; что вмѣсто 90,000 слѣдуетъ читать 9,000. Но вѣдь и 9,000—цифра очень недурная, въ особенности же, если взять въ соображеніе, что ни Тверь, ни Клинъ, ни Вышний Волочокъ, ни всѣ другія опустошенныя мѣста ровно ни въ чемъ не провинились предъ Іоанномъ Васильевичемъ. Жители этихъ городовъ и мѣстъ, ничего за собой не зная, ничего не подозрѣвая, встрѣчали царя какъ отца и защитника, дружину его какъ братьевъ; а братья грабили ихъ хуже Татаръ, убивали какъ бѣшеныхъ собакъ, пытали и мучили не для чего инаго, какъ для забавы, не щадя ни стариковъ, ни дѣтей, ни женщинъ. Убивали царскіе дружинники и всякаго, кто попадался имъ на дорогѣ, потому что походъ царя Іоанна Васильевича долженствовалъ быть тайною для Россіи... ¹⁾

Такимъ образомъ, уже одинъ новгородскій погромъ съ походомъ оставляютъ далеко за собой, и въ *качественномъ*, и въ *количественномъ* отношеніяхъ, стрѣлцкое «скасовыванье» (въ *количественномъ* отношеніи новгородскій погромъ съ походомъ равняется, по крайней мѣрѣ, тридцати стрѣлцкимъ «скасовываньямъ»); а вѣдь это только одинъ небольшой эпизодъ въ многолѣтней дѣятельности Іоанна Васильевича Грознаго. Посвящая эту часть статьи нашей магкосердечнымъ, но малосвѣдущимъ людямъ, скажемъ нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ другихъ *таковыхъ* же эпизодахъ, любопытныхъ или со стороны цифръ, или со стороны виртуозности въ пыткахъ и казняхъ. Пусть тогда самъ читатель рѣшитъ — слѣдуетъ ли признавать справедливымъ мнѣніе одного изъ нашихъ поэтовъ, изрекшаго, что «въ дѣлѣ пытокъ и казней, даже грозный царь Иванъ Васильевичъ является нѣжнымъ романтикомъ предъ великимъ Петромъ Алексѣевичемъ» ²⁾.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ началъ, какъ извѣстно, становиться грознымъ вскорѣ послѣ кончины своей супруги Анастасіи Романовны, лишившись которой, онъ, по выраженію Карамзина, «лишился и добродѣтели». Одними изъ первыхъ жертвъ его въ это вре-

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго, т. IX, с. 145.

²⁾ Это мнѣніе *одного изъ нашихъ поэтовъ* приводится г. Семевскимъ въ его разборѣ VI-го тома Исторіи Петра, соч. г. Устрялова («Русское Слово» за 1860 г., № 1). Г. Семевскій увѣряетъ, что, говоря о Петровскихъ розскахъ, *невольна вспоминаешь эти слова.*

ня (въ 1560 году) были князья Оболенскій—Овчинниъ и Репниъ. Первый погибъ за одно неосторожное слово. Оскорбленный надменностью царскаго фаворита Федора Басманова, Оболенскій попрекнулъ его тѣмъ, что онъ служитъ царю «гнусною содоміею». Басмановъ пожаловался Іоанну, и царь, разсвирѣпѣвъ, закололъ собственноручно Оболенскаго ножемъ ¹⁾. Князь Репниъ убитъ былъ за то, что не хотѣлъ на пиру надѣтъ на себя маски и укорялъ царя, сильно подгулявшаго, за неприличіе его поведенія. Онъ убитъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого пира, въ церкви, у алтаря, во время чтенія Евангелія. Въ ту же ночь и тоже въ церкви убитъ былъ еще, по царскому повелѣнію, князь Юрій Кашинъ; а за что—неизвѣстно.

Со времени учрежденія опричнины, дѣятельность Іоанна Васильевича по части пытокъ и казней приняла размѣры несравненно болѣе широкіе, чѣмъ прежде, и головы разныхъ бояръ и вельможъ, по большей части обвинявшихся въ разныхъ небывалыхъ «измѣнныхъ дѣлахъ», быстро скатывались одна за другою. Такъ въ 1565 году казнены были: князь Горбатый—Шуйскій съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, Ховринъ, Головинъ, князь Сухой—Кашинъ, князь Горенскій и князь Шеревъ. Послѣдній посаженъ былъ на колъ и мучился на колѣ цѣлый день, но, по словамъ Карамзина, «укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу». Пѣлъ онъ «на колѣ, яко на престолѣ сѣдая», говорятъ по этому поводу Курбскій, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Іоанну, и за симиъ, обращаясь къ царю, прибавляетъ: «тебя было, пса, на такой же вострой престолѣ посадить — альта припѣвать».

Не одни, впрочемъ, бояре и вельможи терпѣли въ это время отъ страшнаго царскаго гнѣва: доставалось отъ него въ недобрый часъ и всѣмъ; а недобрыхъ часовъ у Іоанна Васильевича было очень не мало. Ему вездѣ мерещились ковы и заговоры, измѣнники и крамольники, и пошады такимъ людямъ у него не было. Въ 1567 году, наприм., литовскій король Сигизмундъ—Августъ пытался переманить къ себѣ на службу нѣкоторыхъ московскихъ бояръ, и въ томъ числѣ и кошошаго Ивана Петровича Федорова. Федоровъ прямо отвѣчалъ Сигизмунду, что не погубить души своей гнусною измѣною, и передалъ письмо короля царю. Дѣло, кажется, было просто и ясно; но Іоаннъ Василье-

¹⁾ По словамъ нѣкоторыхъ писателей, Іоаннъ не закололъ Оболенскаго, а приказалъ его удушить.

вѣчь взглянулъ на него по—своему, заключилъ, что Ѳеодоровъ съ своими сообщниками имѣеть намѣреніе лишить его, престола, — и участь мнимыхъ измѣнниковъ и злоумышленниковъ была рѣшена. Въ присутствіи всего двора надѣлъ Іоаннъ Васильевичъ на Ѳеодорова царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему въ руку державу, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «буди здравъ, великій царь земли Русской! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть съ престола.» Вслѣдъ за этими словами Іоаннъ ударилъ Ѳеодорова въ сердце ножемъ, а опричники тотчасъ же дорѣзали несчастнаго и бросили тѣло его на съѣденіе собакамъ. Убита была и старуха жена его, а потомъ начались казни всѣхъ мнимыхъ его сообщниковъ. Казнены были: князя Куракинъ-Булгаковъ и Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, князь Щенятевъ, князь Турунтай-Пронскій, государевъ казначей Тютинъ, думный дьякъ Казаринъ-Дубровскій и множество другихъ. Князь Турунтай-Пронскій былъ утопленъ. Князя Щенятева жгли на сковородѣ и вбивали ему за ногти длинные иглы. Тютина и Дубровскаго разсѣкли на части. Разсѣкли же на части и жену Тютина, и двухъ молодыхъ ихъ дочерей, и двухъ малолѣтнихъ сыновей. Кровь лилась ручьями. Опричники бѣгали по городу съ длинными ножами и топорами и убивали публично челоувѣкъ по двадцати въ день. Трупы убитыхъ оставались на улицахъ и площадяхъ, и никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться. Вся Москва была въ ужасѣ...

Въ слѣдующемъ году, страшная царская опала постигла цѣлыхъ два города: Торжокъ и Коломну. Въ Торжкѣ, на ярмаркѣ, буйные опричники затѣли ссору и драку съ жителями. Іоаннъ Васильевичъ, разумѣется, принялъ сторону опричниковъ, объявилъ торжковскихъ гражданъ бунтовщиками и велѣлъ ихъ бить, пытать, мучить, рѣзать и топить въ рѣкѣ. То же было и съ Коломною. Близъ этого города находились помѣстья казеннаго Ѳеодорова; жители любили его, а по этой самой причинѣ были уже въ глазахъ Іоанна Васильевича измѣнниками и мятежниками.

Въ 1569 году погибъ двоюродный братъ царскій, князь Владиміръ Андреевичъ Старикскій. Онъ былъ обвиненъ въ намѣреніи отравить царя — и самъ былъ отравленъ вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями. Іоаннъ Васильевичъ лично присутствовалъ при ихъ кончинѣ, любовался ихъ страшными корчами и муками, а потомъ, призвавъ къ себѣ боярынь и служанокъ княгини Старикской, сказалъ

имъ: «вотъ трупы моихъ злодѣевъ. Вы служили имъ; но, изъ милосердія, дарю вамъ жизнь.» — «Мы не хотимъ твоего милосердія, зѣбрь кровожадный! было отвѣтомъ царю:—растерзай насъ. Мы гнушаемся тобою и презираемъ и жизнь, и муки.»

Іоаннъ Васильевичъ приказалъ всѣхъ боярынь и служанокъ раздѣть до—нага и разстрѣлять. Мать князя Старицкаго была утоплена въ Шекснѣ.

И что ни годъ, что ни мѣсяцъ, что ни день, то все грознѣй и грознѣй становился грозный царь Іоаннъ Васильевичъ! Подозрительность и мнительность его переходили просто въ мономанію; онъ весь какъ-то перегорѣлъ въ злобѣ, страшно перемѣнился даже въ лицѣ, осунулся, высохъ, пожелтѣлъ, совсѣмъ почти лишился волосъ и на головѣ, и въ бородѣ, и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ казался совершеннымъ старикомъ. Для него не было уже ни друзей, ни вѣрныхъ слугъ: онъ во всѣхъ видѣлъ измѣнниковъ и злоумышленниковъ, и самыя близкія къ нему лица не могли почтять себя въ безопасности. Лучшимъ доказательствомъ тому послужили Басмановы и князь Аванасій Вяземскій, люди, пользовавшіеся безграничнымъ расположеніемъ царя, бывшіе первыми его друзьями, наперсниками, совѣтниками и ревностнѣйшими исполнителями царской воли. Басмановы и Вяземскій много невинныхъ погубили своими клеветами,—наконцѣ и сами пали жертвами клеветы. На нихъ и на нѣкоторыхъ другихъ взведено было страшное обвиненіе въ сношеніяхъ съ новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ, съ цѣлью—сдѣть Новгородъ и Псковъ Литвѣ, Іоанна Васильевича извести, а на царство посадить князя Старицкаго. Басмановы, Вяземскій и показанные ихъ соумышленниками печатникъ Висковатовъ, казначей Фуниковъ, бояринъ Яковлевъ, дяки Степановъ и Васильевъ немедленно же посажены были въ тюрьму и жестоко пытаны. Съ пытокъ они оговорили множество другихъ лицъ; тѣ были схвачены, тоже пытаны и тоже кое-кого оговорили, и такимъ образомъ составилось огромное *сыскное измѣльное дѣло*, представленное на разсмотрѣніе царю. Результатомъ этого разсмотрѣнія была, разумеется, смертная казнь.

25 іюля 1570 года, на большой торговой площади въ Китай—городѣ поставлено было восемнадцать висѣлицъ, вокругъ которыхъ разложены были разныя орудія пытки. Тутъ же зажгли огромный костеръ и надъ нимъ повѣсили колоссальный чанъ съ водою. Привыкшіе уже къ зрѣлищамъ всевозможныхъ казней, московскіе жители,

тѣмъ не менѣе, приведены были въ ужасъ особенною торжественностью грозныхъ приготовленій, и въ страхѣ разбѣжались и попрятались, куда кто могъ. Площадь опустѣла, и только возлѣ висѣлицъ и костра осталась толпа опричниковъ, игравшихъ всегда въ подобныхъ случаяхъ роли заплочныхъ мастеровъ.

Въ страшной тишинѣ, царившей на страшной площади, раздались звуки бубенъ—и явился царь Іоаннъ Васильевичъ на конѣ, окруженный многочисленною свитою. За свитою шли осужденные на смерть—блѣдные, окровавленные, искалеченные, еле-передвигавшіе ноги. Всего было ихъ болѣе трехсотъ человекъ.

Царь остановился у самыхъ висѣлицъ и, не видя нигдѣ зрителей, разгнѣвался и приказалъ опричникамъ отовсюду стогнать народъ. Въ ветерпѣшіи, онъ поскакалъ вслѣдъ за опричниками самъ—и зрителями явились. Тогда царь приказалъ отдѣлать отъ толпы осужденныхъ сто восемьдесятъ человекъ *меньше виновныхъ* и торжественно даровалъ имъ жизнь. Послѣ того, остальнымъ громогласно прочтенъ былъ приговоръ и начались ужасныя, безчеловѣчныя казни. Висковатовъ былъ обнаженъ, повѣшенъ за ноги и разсѣченъ на части. Фуникова обливали то холодною, то кипящею водою, и онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, не сходя съ коня, закололъ копьемъ какого-то старика. Всего же, въ теченіе четырехъ часовъ, переказано было самыми разнообразными казнями около двухъ сотъ человекъ, послѣ чего палачи-опричники, съ окровавленными мечами, топорами и копьями въ рукахъ, окружили цара и, восклицая «гойда! гойда!», прославляли царское правосудіе. Правосудный и довольный собою, царь объѣхалъ всю площадь, внимательно осматрѣлъ груды окровавленныхъ труповъ и за сими отправился съ визитомъ къ женамъ Висковатова и Фуникова. Онъ сѣлся надъ ихъ горькими слезами, мучилъ Фуникову, требуя у нея сокровищъ; хотѣлъ было помучить и пятнадцатилѣтнюю ея дочь, но раздумалъ и *отдалъ* ее старшему сыну своему, Іоанну... Послѣ того и Фуникова, мать съ дочерью, и Висковатова заточены были въ монастырь, гдѣ всѣ онѣ и умерли съ горя.

Ни князя Вяземскаго, ни Басманова—отца не было видно на площади во время кровавыхъ сценъ 25 іюля. Вяземскій умеръ въ тюрьмѣ отъ пытокъ; Басманова же, по царскому повелѣнію, долженъ былъ

убить родной его сынъ, бывший фаворитъ Іоанна Васильевича, казненный потомъ вмѣстѣ съ другими!... ¹⁾

Черезъ три дня послѣ того, торговая площадь въ Китай-городѣ украсилась снова висѣльями, кострами и разными орудіями пытки, открылась снова палачами, жертвами и многочисленными зрителями. Казнено было въ этотъ день очень много *измѣнникововъ*; женъ же ихъ, въ числѣ восьмидесяти, утопили въ рѣкѣ. Малюта Скуратовъ, предводительствуя опричниками, разсѣкалъ трупы казненныхъ на части, и обезображенные останки цѣлую недѣлю валялись на площади, терзаемые собаками...

Словомъ, 1570 годъ былъ самымъ страшнымъ годомъ изъ всѣхъ страшныхъ годовъ, составляющихъ страшное царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. Въ этомъ году, Богъ вѣсть за что, погибли: воевода князь Петръ Семеновичъ Оболенскій—Серебряный, думный совѣтникъ Очигъ—Плещеевъ, Хабаровъ—Добрынский, Иванъ Воронцовъ, Василій Разладицъ, воевода Кирикъ—Тырковъ, Андрей Камбаровъ, воевода Михайлъ Матвѣевичъ Лыковъ, воевода Никита Казариновъ—Голохвастовъ, Мясоѣдъ Вислой и др. Казариновъ—Голохвастовъ, приведенный въ ужасъ совершившимися по сторонамъ злодѣйствами, уѣхалъ изъ Москвы и принявъ скину въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки. Іоаннъ Васильевичъ приказалъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря, что сивники—ангелы и должны летѣть на небо. У Вислая была красавица жена. Ее съхватили, обезчестили и повѣсили на глазахъ мужа; а мужу отрубили голову ²⁾.

Въ томъ же 1570 году погибли: десять Кольчевыхъ, нѣсколько князей Ярославскихъ, Прозоровскихъ, Ушатыхъ, Заболотскихъ, Бутурлиныхъ. Іоаннъ Васильевичъ любилъ казнить цѣлыми семействами, любилъ казнить не только женъ и дѣтей *измѣнникововъ*, но нерѣдко и всѣхъ ихъ родственниковъ, положительно уже ни въ чемъ неповинныхъ. Любилъ онъ также, какъ мы уже видѣли, расправляться съ *измѣнниками* и самъ, отличаясь въ этомъ дѣлѣ замѣчательною ловкостью. Такъ, напр., одного изъ упомянутыхъ нами князей Ярославскихъ, князя Ивана Шаховскаго, царь убилъ собственноручно булавою, и такого рода кончина должна была, вѣроятно, казаться весьма многимъ очень завидною, потому что большинство несчастныхъ, павшихъ

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго, т. IX, с. 157 и 158.

²⁾ Тамъ же, с. 160.

на себя царскій гнѣвъ, отдѣлывалось далеко не такъ легко! Для большинства существовали раскаленные сковороды, особеннаго устройства печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы, разрѣзыванье по составамъ, перетиранье на двое тонкими веревками, сдиранье кожи, выкраиванье изъ спины ремней ¹⁾ и множество самыхъ изысканныхъ, самыхъ утонченныхъ пытокъ и казней, при зрѣлищѣ которыхъ разглаживались морщины даже на угрюмомъ челѣ Іоанна Васильевича. Царь рѣшительно начиналъ чувствовать къ подобнымъ зрѣлищамъ какое-то страстное влеченіе, и очень нерѣдко послѣ обѣда отправлялся въ тюрьмы и казематы попытать тамъ какихъ-нибудь *измѣнниковъ*, единственно въ видахъ развлечения, съ цѣлью пріятно убить нѣсколько часовъ. И дѣйствительно, послѣ этого Іоаннъ Васильевичъ дѣлался гораздо веселѣе, больше говорилъ, остроумнѣе шутилъ, чаще улыбался...

Иногда даже онъ не оканчивалъ и обѣда, ставилъ на столъ недопитый кубокъ, сзывалъ своихъ вѣрныхъ опричниковъ, садился на коня и скакалъ въ тюрьму—чинить застѣнокъ. Такъ однажды въ 1570 году, въ самомъ разгарѣ роскошнаго и веселаго пира, Іоаннъ Васильевичъ всталъ изъ-за стола, велѣлъ подать себѣ лошадь и отправился нытать литовскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ одной изъ московскихъ темницъ. На этотъ разъ, впрочемъ, любимое развлеченіе чуть было не обошлось царю очень дорого: одинъ изъ плѣнниковъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ изъ царскихъ рукъ копье, и еслибы не царевичъ Іоаннъ—родителю его не довелось бы больше тѣшиться застѣночными увеселеніями!.. Но царевичъ положилъ Быковского на мѣстѣ; опричники порѣшили еще болѣе ста литовцевъ, и царь при обычныхъ громкихъ восклицаніяхъ своей дружины: «гойда! гойда!»—съ торжествомъ вернулся во дворецъ и весело сѣлъ продолжать обѣдать... ²⁾

¹⁾ Тамъ же, с. 161.

²⁾ Тамъ же, с. 163. Была у Іоанна Васильевича и еще одна забава, въ особенности убѣдительно подтверждающая взгляды и мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ писателей, оправдывающихъ грознаго царя въ его неистовствахъ тѣмъ, что онъ, глубоко будто бы пропитанный какими-то чрезвычайно высокими государственными началами и идеями, губилъ одно вельможество, одну аристократію, постоянно щадя народъ. Іоаннъ Васильевичъ очень любилъ медвѣдей, которыхъ отовсюду присылали къ нему вмѣстѣ съ шутами и скоморохами. Медвѣди употреблялись царемъ преимущественно для травли людей—и въ наказаніе, и въ шутку. Травли эти производились большею частію зимой, когда передъ дворцомъ, на Москвѣ рѣкѣ, собиралось множество народа,

Но и въ рѣдкія веселыя минуты не всегда безопасно было являться передъ свѣтлыя очи грознаго царя Іоанна Васильевича, и это испыталъ на себѣ Старицкій воевода Борисъ Титовъ. Онъ вошелъ одѣжды къ царю, когда тотъ сидѣлъ за обѣдомъ, — поклонился до земли и произнесъ обычное привѣтствіе. «Буди здравъ, любимый мой воевода! Ты достоинъ нашего жалованья», отвѣчалъ Іоаннъ Васильевичъ—и ножомъ отхватилъ Титову ухо... ¹⁾

Въ другой разъ, тоже за обѣдомъ, недовольный какою-то шуткою одного изъ самыхъ любимыхъ шутовъ своихъ, князя Гвоздева, царь вынулъ на него миску горячихъ щей. Гвоздевъ завопилъ благимъ матомъ и хотѣлъ бѣжать изъ комнаты; но Іоаннъ Васильевичъ ударилъ его ножомъ, и шутъ, обливаясь кровью, упалъ на полъ. Позвали тотчасъ же доктора Арнольфа. «Исцѣли добраго слугу моего, сказалъ ему царь:—я неосторожно пошутилъ съ нимъ». «Такъ неосторожно, отвѣчалъ Арнольфъ: — что развѣ только Богъ, да твое царское величество можетъ воскресить умершаго. Въ немъ уже нѣтъ дыханія».

Іоаннъ Васильевичъ махнулъ рукой, назвалъ убитаго псомъ и продолжалъ кушать... ²⁾

Такую же участь испыталъ нѣкто Молчанъ Митьковъ. Принужденный царемъ выпить чашу крѣпкаго меда, Митьковъ съ горестію воскликнулъ: «О, царь! Ты велишь намъ пить съ тобою медъ, смѣшанный съ кровью нашихъ братьевъ, христіанъ православныхъ!...» Іоаннъ Васильевичъ хватилъ за это дерзкаго своимъ знаменитымъ железомъ, и Митьковъ едва успѣлъ перекреститься прежде, чѣмъ испустить послѣднее дыханіе... ³⁾

И лилась такимъ образомъ кровь въ тюрьмахъ и во дворцѣ, на площадяхъ и въ церквахъ; и гибли въ страшныхъ мукахъ бояре и шуты, недруги и друзья, виновные и невинные. Нашествіе въ 1571 году крымскаго хана на Москву и внезапная болѣзнь царской невѣсты,

для изгнанія по льду. Іоаннъ Васильевичъ приказывалъ выпускать на народъ трехъ или четырехъ медвѣдей, и отъ души хохоталъ, видя, какъ медвѣдя врѣзывались въ толпу, производили въ ней страшную суматоху и, захвативъ какого нибудь неосторожнаго катальщика, справлялись съ нимъ по-своейски. Изъ этого, конечно, нельзя не вывести заключенія, что Іоаннъ Васильевичъ губилъ одно великожество, одну аристократію, постоянно щадя народъ.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, с. 162.

³⁾ Тамъ же, с. 164.

Мары Васильевны Собакиной, подали поводъ къ новымъ розыскамъ и казнямъ, жертвами которыхъ, между прочимъ, были слѣдующія лица: царскій шурина князь Михайло Темрюковичъ, двое братьевъ Яковлевыхъ, воевода Замытинъ-Сабуровъ и бояринъ Левъ Андреевичъ Салтыковъ. Михайло Темрюковичъ былъ посаженъ на колъ; Яковлевыхъ застѣкли; Салтыкова постригли въ монахи въ Троицкой обители и тамъ умертвили. Въ это же время, и безъ-того уже богатый репертуаръ казней обогатился еще новымъ способомъ *порѣзать* лиходѣевъ и измѣнниковъ. Царскій докторъ Бомелій предложилъ къ услугамъ Иоанна Васильевича своего собственнаго изобрѣтенія ядъ, составленный такъ искусно, что отравляемый имъ умиралъ съ математическою точностію въ определенную минуту. Царь былъ очень доволенъ остроумнымъ изобрѣтеніемъ своего врача, и прелесть этого изобрѣтенія исцѣтали на себѣ очень многіе, заподозрѣнные или въ измѣнѣ, открывшей крымскому хану путь къ Москвѣ, или въ *порчѣ* Мары Васильевны Собакиной. Въ числѣ первыхъ, вкусившихъ бомеліевскій ядъ, были: одинъ изъ царскихъ любимцевъ, Григорій Грязной, и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій.

Въ послѣдующемъ году уничтожена была причина, и кровавыя сцены пытокъ и казней нѣсколько рѣже стали пугать московскихъ жителей. Но характеръ этихъ пытокъ и казней попрежнему былъ безчеловѣчно-жестокъ, и попрежнему никто въ цѣлой Россіи не могъ поручиться, вставая утромъ, что онъ уцѣлѣетъ къ вечеру и не отдастъ Богу душу въ какой нибудь замысловатой печи или на какой нибудь особеннаго устройства сковородѣ. Отъ царской опалы и ея страшныхъ послѣдствій не спасали ни дѣта, ни полъ, ни санъ, ни заслуги, и лучшимъ доказательствомъ тому послужила мученическая кончина знаменитаго воеводы, князя Михаила Воротынского. Обвиненный работою своимъ въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ злыми вѣдьмами и въ умыслѣ извести царя, шестидесятилѣтній воевода преданъ былъ жесточайшимъ пыткамъ. Его связали, положили между двухъ огней и медленно поджаривали, причемъ самъ Юдичъ Васильевичъ жезломъ своимъ пригребалъ пылавшіе уголья къ тѣлу Воротынского. Послѣ пытки, еле-живаго старика повезли въ ссылку на Бѣлоозеро; но онъ умеръ на дорогѣ.

Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ были казнены и замучены: воевода князь Никита Одоевскій, бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ, съ женою и двумя сыновьями, окольникіе Зайцевъ и Собакинъ,

князь Тулуповъ, Никита Борисовъ, Калистъ Васильевичъ Собакинъ, князь Иванъ Деветелевичъ, псковскій игуменъ Корнелій, ученикъ его Вассианъ Муромцевъ и новгородскій архіепископъ Леонидъ. Корнелій и Муромцевъ были какимъ-то особеннымъ «мучительнымъ» орудіемъ раздавлены; Леонида зашили въ медвѣжью шкуру и затравили собаками (1). Въ 1582 году, весь этотъ длинный рядъ страшныхъ убійствъ достойнымъ образомъ завершевъ былъ Иоанномъ Васильевичемъ убійствомъ роднаго сына.

Пусть же теперь мягкосердечный читатель добросовѣстно и внимательно сооставитъ изображенныя нами (и изображенныя еще далеко не во всей полнотѣ) картины пытокъ и казней, произведенныхъ въ царствованіе Иоанна Васильевича Грознаго, картинамъ пытокъ и казней, произведенныхъ при Петрѣ; пусть сравнитъ онъ эти пытки и казни по *количеству и качеству*; пусть обсудитъ причины, заставлявшія того и другого государя рубить головы, ломать члены, сѣчь и обжигать спины; пусть въ особеннѣе не забываетъ, что безпримѣрнай въ нашей исторіи рѣзня, извѣстная подъ названіемъ новгородскаго погрома, учинена была не почему иному, какъ по ложному, неизслѣдованному извѣтѣ злого негодяя, наказаннаго за свои ехверныя продѣлки новгородскими гражданами и желавшаго отомстить имъ;—пусть припомнитъ, разбереть и взвѣситъ все это мягкосердечный читатель, и если онъ даже и послѣ того не назоветъ нелѣпымъ столь восхищающее г. Семейскаго изреченіе *одного изъ нашихъ поэтовъ*, что «въ дѣлѣ пытокъ и казней, даже грозный царь Иванъ Васильевичъ является нѣжнымъ романтикомъ предъ великимъ Петромъ Алексѣевичемъ»; если онъ и послѣ того не переставетъ восхищаться тѣми молодецкими, уварскими взглядами на «великаго преобразователя нашего», которые выдаются за взгляды, основанныя на самоновѣйшихъ *выводахъ науки*, то мы будемъ только умиляться предъ его, мягкосердечнаго читателя, твердостью и стойкостью, но никакъ ужъ не пожелаемъ такихъ же качествъ себѣ, по силѣ русскаго изреченія: «кто своей душевкѣ врагъ?»..

Но оставимъ въ покоѣ *нужнаго романтика* Иоанна Васильевича Грознаго. Иоаннъ Васильевичъ Грозный—царь *не въ примѣръ другимъ*, человекъ—*особнякъ*, и сужденія о немъ должны быть (и есть) тоже особенныя. Иоаннъ Васильевичъ Грозный, по словамъ Г. К. Аксакова,—

(1) Тамъ же, с. 263.

художникъ; а вѣдь извѣстно, что художникамъ еще у древнихъ Римлянъ *все дозволялось* (1). Возьмемъ другаго старорусскаго царя съ натурою болѣе нормальною, болѣе обыкновенною—напримѣръ Бориса Оедоровича Годунова. Его никто не называетъ художникомъ; но его, вообще, хвалятъ, и хвалятъ, во многихъ отношеніяхъ, за дѣло, по заслугамъ. Борисъ Оедоровичъ былъ человекъ умный, дѣльный, хорошій, оставившій по себѣ на Руси добрую память; а между тѣмъ и на его совѣсти лежатъ дѣла, блистательно опровергающее мнѣніе мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, полагающихъ, что въ любезномъ отечествѣ нашемъ, до Петра, не было никогда такихъ *туртовыхъ*, страшныхъ по количеству жертвъ, казней, каковы были казни стрѣльцовъ въ 1698 году. Дѣло, о которомъ мы говоримъ, относится къ темной, таинственной исторіи убіенія царевича Дмитрія. Исторія эта темна, таинственна и доселѣ еще *покрыта мракомъ неизвѣстно-*

(1) •Иоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни, говоритъ г. К. Аксаковъ въ своей рецензіи на VI томъ исторіи Россіи, соч. Соловьева (Русская Бесѣда за 1856 г. № 4):—образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ *самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью...*

«Въ Иоаннѣ была художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ ото всей земли представителей — и царь, стоящій торжественно подъ остиженіемъ крестнымъ на добномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, *тоже съ художественной стороны*, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны—картины царскаго смиренія, и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричникъ въ отшельникъ, а дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!»

И глубоко, и трогательно, и художественно! Жаль только, что такого рода *художественность* прямо низводитъ Іоанна Васильевича на степенъ тѣхъ несчастныхъ, уродливыхъ поврежденныхъ, тѣхъ страшныхъ мномановъ, которые мучатъ и убиваютъ людей единственно ради какого-то непопятнаго неповрежденному человекѣ наслажденія, доставляемаго муками жертвъ. Въ этомъ, конечно, есть доля правды, и это самое уже можетъ служить пѣ-которымъ оправданіемъ Іоанну Васильевичу; но г. К. Аксаковъ хотѣлъ сказать вовсе не то своими краснорѣчивыми толками о *художественной природѣ, не основанной на нравственномъ чувствѣ*.

сти, какъ любилъ выражаться покойный г. Кайдановъ; но послѣдствія ея хорошо извѣстны, и на эти-то послѣдствія мы и желаемъ обратить вниманіе читателей.

Угличскіе граждане умертвили тѣхъ, на кого имъ указали, какъ на убійцъ царевича. Угличскіе граждане, конечно, распорядились самоуправно и, стало-быть, незаконно; но припомнимъ всѣ обстоятельства дѣла—и мы никакъ не рѣшимся обвинять угличанъ, мы невольно станемъ на ихъ сторону. 15 мая 1591 года, въ шестомъ часу дня, тихій Угличъ былъ внезапно встревоженъ страшными звуками набата съ соборной колокольни; въ то же время по всѣмъ городскимъ улицамъ скакали верховые, стучась во всѣ ворота и говоря каждому встрѣчному: «чего стоите? царя у васъ нѣтъ!» Эта страшная вѣсть въ нѣсколько минутъ облетѣла весь Угличъ, и народъ со всѣхъ сторонъ повалился къ дворцу.

Раздирающее душу зрѣлище представилось всѣмъ взорамъ! У нижняго дворцоваго крыльца, распростертъ былъ на землѣ девятилѣтній царевичъ—бездыханный, облитый кровью, съ широкою и глубокою ранюю на шеѣ; возлѣ него лежали: почти-что обезумѣвшая отъ горя мать его и лишившаяся чувствъ кормилица. Народъ окружаетъ ихъ въ ужасѣ, въ оцѣпенѣніи; но царица произноситъ имена Волохова, Битяговскаго и Качалова, — и разсвирѣпѣвшіе угличане бросаются во всѣ стороны искать злодѣевъ.

Злодѣи найдены, — и народъ мгновенно умерщвляетъ ихъ, невольно уступая бурнымъ чувствамъ раздраженія и негодованія, произведеннымъ внезапнымъ набатомъ, всеобщимъ переполохомъ и ужаснымъ зрѣлищемъ зарѣзаннаго ребенка, —ребенка, предназначавшагося быть русскимъ царемъ. Чувства угличанъ въ этомъ случаѣ не только совершенно понятны, но и совершенно естественны.

Что же послѣ того произошло? Угличане, опомнившись и понимая, что они хоть и правому дѣлу послужили, но послужили незаконно, немедленно отправили на имя царя грамоту, въ которой рассказывалось обо всемъ, случившемся въ Угличѣ, безъ всякой утайки. Грамота эта, стараніями Бориса Ѳедоровича Годунова, была перехвачена, и вмѣсто нея представлена была Ѳедору Іоанновичу другая, по которой значилось, что царевичъ Дмитрій зарѣзали самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни; что это произошло отъ небреженія Нагихъ; что Нагіе, прикрывая вину свою, безсовѣстно оклеветали Битяговскаго и другихъ, взволновали народъ, злодѣйски умертвили многихъ невинныхъ

и т. д. Федоръ Іоанновичъ назначилъ по угличскому дѣлу слѣдствіе. Слѣдствіе произведено было наскоро, поверхностно и крайне недобросовѣстно. Слѣдователи, дѣйствуя по заранѣ составленной программѣ, не обращали вниманія ни на противорѣчія и сбивчивость въ показаніяхъ очевидцевъ, ни на укрытіе самыхъ главныхъ и важныхъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ стоять на первомъ планѣ. Имъ нужно было прежде всего собрать какъ можно болѣе свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ,—и они, разумѣется, въ этомъ успѣли.

Донесенія слѣдователей представлены были Федору Іоанновичу, а Федоръ Іоанновичъ передалъ ихъ на верховный судъ патриарху Іову, одному изъ преданнѣйшихъ сторонниковъ Бориса Федоровича Годунова. Патриархъ порѣшилъ, что смерть царевичу приключилась судомъ Божиимъ, и что, стало-быть, угличане умертвили, по указанію Нагихъ, людей совершенно невинныхъ. Вслѣдствіе этого, Нагихъ, а также и кормилицу Дмитрія велѣно было привезти въ Москву, въ оковахъ. Въ Москвѣ ихъ еще разъ допрашивали и пытали; но ни отъ кого не могли добиться показанія о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Тѣмъ не менѣе, всѣхъ обвиненныхъ наказали жестоко: Нагихъ разослали по отдаленнымъ городамъ и заключили въ темницы; мать Дмитрія постригли въ монахини и заточили въ дякую Выксинскую пустынь, за Бѣлоозеро; угличскихъ же гражданъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію въ числѣ *двухъ сотъ челоѣкъ*. Многихъ еще, сверхъ того (чтобъ не болтали), отрѣзали языки; многихъ засадили въ тюрьмы; болшую же часть сослали въ Сибирь, гдѣ угличане и заселили цѣлый городъ Пелымъ. А Угличъ съ тѣхъ поръ запустѣлъ совершенно.

Дѣло это, повторяемъ, доселѣ еще *покрыто мракомъ неизвѣстности*, и мракъ этотъ, по всей вѣроятности, не разсѣется никогда; но если даже, убитые народомъ, Битяговскій съ товарищами и въ самомъ дѣлѣ были невинны, то все-таки наказаніе, постигшее за это угличанъ, было черезчуръ жестоко. Имъ, вѣдь, назвала Битяговскаго, Качалова и Волохова убійцами царевича сама царица; они видѣли собственными глазами окровавленный трупъ несчастнаго ребенка, отчаяніе его матери, безчувственное состояніе его кормилицы; они любили и почитали Дмитрія, какъ будущаго своего царя; они были испуганы, взволнованы, раздражены—могли ли же они совладѣть съ своими чувствами? могли ли они дѣйствовать хладнокровно и обдуманно, и кто назоветъ порывъ ихъ праведной мести возмутительнымъ или безчеловѣчно-жестокимъ?

Передъ закономъ, конечно, они, во всякомъ случаѣ, были неправы; но—двѣсти человѣкъ казенныхъ, множество изуродованныхъ, множество заточенныхъ въ тюрьмы, множество сосланныхъ въ Сибирь—это, какъ хотите, черезчуръ ужъ эффектно!..

А если (какъ то и слѣдуетъ предполагать, не искажая фактовъ и во насилуя истины) Димитрій былъ убитъ, и убитъ по желанію Годунова, для котораго смерть царевича была положительно необходима; если, такимъ образомъ, угличане наказали дѣйствительныхъ убійцъ, дѣйствительныхъ злодѣевъ, а сами пали жертвами жестокаго эгоизма и безчеловѣчнаго властолюбія Годунова, — какъ вы думаете, читатель, — лучше ли хуже эта исторія стрѣleckихъ розысковъ и казней, бывшихъ, какъ мы видѣли, однимъ справедливымъ возмездіемъ за цѣлый рядъ преступныхъ замысловъ и дѣйствій, за многократные беспорядки, смуты, кровопролитія, за открытое грозное возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ, возстаніе, которое могло отозваться самыми страшными послѣдствіями для всей Россіи?..

Теперь еще одинъ маленькій эпизодъ изъ исторіи допетровской Руси, «еще одно послѣднее сказанье» для характеристики умилительнаго благодушія старорусскихъ царей, и приведенные нами факты, надѣмся, поколеблятъ нѣсколько наивныя вѣрованія магкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, полагающихъ, въ простотѣ души своей, что, до стрѣleckихъ розысковъ и казней, въ дорогомъ отечествѣ нашемъ и слухомъ было не слышать, и видомъ было не видать ужасающихъ количествомъ жертвъ побоищъ. Вотъ этотъ эпизодъ:

Войны, мятежи и всякаго рода общественныя бѣдствія, ознаменовавшія царствованіе Алексѣя Михайловича, сильно отозвались на государственныхъ финансахъ, плохое состояніе которыхъ становилось ощутительнѣе съ году на годъ. Народъ, въ слѣдствіе этого, былъ истощаемъ тяжкими податями, торговые люди—платежемъ натою денеги. Въ 1656 году не хватило казны даже на жалованье ратнымъ людямъ, и царь велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, имѣвшія нарицательную цѣну серебряныхъ. Въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти, дѣйствительно, ходили, какъ серебряныя; но съ сентября 1658 года онѣ стали понижаться въ цѣнѣ, а именно: на рубль надобно было надавать шесть денегъ. Съ марта 1659 года, на рубль надобно было надавать уже по десяти денегъ, и наддача эта шла *crescendo* въ страшной прогрессіи. Наступила ужасная дороговизна, не смотря на

все указы, запрещавшіе возвышать цѣны на предметы первой необходимости; появилось множество фальшивыхъ денегъ, не взирая на жестокія казни, которымъ подвергались попадавшіеся фальшивые монетчики. Преступникамъ заливали горло расплавленнымъ металломъ, отсѣкали руки и ноги, и прибывали ихъ къ стѣнамъ денежныхъ дворовъ; но надежда на быстрое обогащеніе имѣла такую чарующую силу, что фальшивые монетчики не унимались и безстрашно продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе, что, при достаткѣ, можно было всегда откупиться отъ бѣды, давъ хорошую взятку царскому тестю, Илѣ Даниловичу Милославскому, или думному дворянину Матюшкину, за которымъ была родная тетка царя по матери. Пластовали и головы, и цѣловальники, назначенные изъ гостей и торговыхъ людей для разсмотрѣнія, пріема и расхода денегъ на денежныхъ дворахъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, они покупали мѣдъ въ Москвѣ и въ Швеціи, привозили ее вмѣстѣ съ царской мѣдью на денежные дворы, дѣлали изъ нея деньги и клали ихъ себѣ въ карманъ. Дѣла, вообще, были очень плохи; повсюду слышались жалобы и ропотъ.

Весною 1662 года стали ходить по Москвѣ слухи, что чернь хочетъ взбунтоваться «за перемѣну въ денежномъ дѣлѣ;» но слухи эти оправдались не прежде іюля. Въ двадцатыхъ числахъ этого мѣсяца въ городѣ заговорили, что бояринъ Милославскій, окольникій Федоръ Ртищевъ, гость Василій Шоринъ и нѣкоторые другіе знатные люди «ссылаются листами съ польскимъ королемъ, хотя Московское государство погубить и поддаты польскому королю.» 25 іюля, рано утромъ, собрались на Срѣтенкѣ огромныя толпы народа для совѣщанія о пятинной деньгѣ. Въ то же время на Лубянкѣ замѣтили приклеенную къ столбу бумажку, на которой было написано: «измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольникій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ.» Записку эту со столба сорвали, и вѣстмъ міромъ понесли ее въ Коломенское, гдѣ жилъ въ то время царь Алексѣй Михайловичъ.

Алексѣй Михайловичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ, что онъ тотчасъ же послѣ обѣдни поѣдетъ въ Москву «и въ томъ дѣлѣ учинить сыскъ и указъ.» Толпа окружала царя со всѣхъ сторонъ, и спрашивала: «чему вѣрить?» Алексѣй Михайловичъ «общался Богомъ,» далъ на своемъ словѣ руку, и одинъ изъ народа ударялъ съ царемъ по рукамъ. Вслѣдъ за сими толпа пошла обратно въ

Москву, куда Алексѣй Михайловичъ отправилъ немедленно князя Ивана Андреевича Хованскаго.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, другая толпа занималась уже грабежемъ дома Шорина. Самъ Шоринъ успѣлъ скрыться; но сынъ его, пятнадцатилѣтній мальчикъ, былъ схваченъ и долженъ былъ служить свѣдѣтелемъ противъ отца. Хованскій сталъ уговаривать народъ — прекратить смуту и не грабить ни чьихъ домовъ, потому что сейчасъ придетъ самъ царь и «учинить сыскъ и указъ.» Въ отвѣтъ князю закричали: «ты, бояринъ, человекъ добрый, и службы твоей къ царю противъ польскаго короля много. Намъ до тебя дѣла нѣтъ; но пусть царь выдастъ намъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ.» Тогда Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, а въ слѣдъ за нимъ повалилъ и народъ, захвативъ съ собою и Шорина сына. На дорогѣ имъ встрѣтилась первая толпа, возвращавшаяся отъ царя въ Москву. Ее уговорили вернуться, и вся эта шумная ватага нахлынула въ Коломенское въ то самое время, когда Алексѣй Михайловичъ садился уже на лошадь, чтобы ѣхать въ городъ.

Къ нему подвели Шорина, и мальчикъ, напуганный угрозами, долженъ былъ наговаривать царю на роднаго своего отца, между тѣмъ какъ толпа неугомонно требовала выдачи измѣнниковъ — бояръ «для убійства.» Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ, что онъ именно «для сыску того дѣла» ѣдетъ къ Москвѣ; но народъ твердилъ свое, крича: «буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, — мы возьмемъ ихъ у тебя сами, по своему обычаю!» Тогда «царь, говоритъ Котошихинъ: — видя ихъ злой умыслъ, что пришли недобро и говорятъ невѣжливо, съ грозами, и провѣдавъ, что стрѣльцы къ нему на помощь съ село пришли, закричалъ и велѣлъ столникомъ, и страпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ, и стрѣльцомъ, и людемъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей бити и рубити до смерти, и живыхъ ловити. И какъ ихъ начали бити, и сѣчь, и ловити, и имъ было противиться не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого, почали бѣгать и топиться въ Москву рѣку, — и потопилося ихъ въ рѣкѣ болши 100 человекъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человекъ, а иные разбѣжались. И того жъ дни около того села повѣсили со 150 человекъ, а досталнымъ всемъ былъ указъ: пытали и жгли, и, по сыску, за вино, отсѣкали руки и ноги, и у рукъ и у ногъ палцы, а иныхъ, бивъ кнутьемъ, и клали на лицѣ, на правой сторонѣ, признаки, розжегши желѣзо; а поставлено на томъ желѣзѣ

«буки», то есть, бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ. И, чиня имъ наказанія, разослали всѣхъ въ дальніе города, въ Казань, и въ Астарахань, и на Терки, и въ Сибирь, на вѣчное житье; и послѣ ихъ, по сказкамъ ихъ, гдѣ кто жилъ и чей кто ни былъ, и женъ ихъ и дѣтей потому жъ за ними разослали. А инымъ пущимъ воровъ того жъ дни, въ ночи, учиненъ указъ: завлазавъ руки назадъ, посадя въ большіе суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ. А которые люди пришли въ то село для челобитья дѣлъ своихъ, до того смутнаго времени, и люди ихъ знали, и челобитные ихъ сыскались: и такихъ уволяли. А тѣ всѣ, которые назнены, и потоплены, и разосланы — не всѣ были воры; а прямыхъ воровъ бошня не было что съ 200 человекъ. И тѣ невиные люди пошли за тѣми ворами смотреть, что они, будучи у царя, въ своемъ дѣлѣ учинять; а воровъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, — и отъ того всѣ погнули, виноватой и правой. А были въ томъ смятеніи люди торговые, и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе, и гулящие, и боярскіе люди; а Полковъ и иныхъ иноземцовъ, хотя на Москвѣ множество живетъ, не сыскано въ томъ дѣлѣ ни единого человека, кромѣ Рускихъ. И на другой день пріѣхалъ царь къ Москвѣ, и тѣхъ воровъ, которые грабили дома, велѣлъ повѣсять по всей Москвѣ, у воротъ, человекъ по 5 и по 4; а достальнымъ былъ указъ таковъ же, что и иныхъ. *)»

Такимъ образомъ, изъ-за двухъ сотъ «прямыхъ воровъ», вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они пришли «недобро» и говорили «невѣжливо, съ грозами» — погибло болѣе семи тысячъ человекъ, ровно ни въ чемъ неповинныхъ! И вѣдь какъ все это просто и ловко было сдѣлано! Разгнѣвался царь, закричалъ зычнымъ голосомъ, — и пошли стольники, стряпчѣ, дворяне, жильцы, стрѣльцы и люди боярскіе бить и рубить кого ни попало, благо же противники были совершенно безоружны. Захвативъ потомъ тоже кого ни попало, стали схваченныхъ вѣшать, топить, нѣтать, клеймить, калечить и ссылать въ ссылку безъ всякаго суда и допроса... Очень хорошо!..

А вѣдь Алексѣй Михайловичъ пользуется репутаціею весьма благодушнаго человека. Самъ Котошихинъ называетъ его *гораздо тише*; по словамъ же г. Владиміра Ламанскаго, «привѣтливаго, добраго, даровитаго» Алексѣя Михайловича слѣдуетъ почитать «однимъ

*) О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, гл. VII, 9

изъ благородѣйшихъ представителей нашей народности, однимъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще (¹)». Положимъ, что все это, въ извѣстной степени, и справедливо, но — спрашиваемъ мы опять безпристрастнаго читателя — уступаетъ ли хоть въ чемъ нибудь стрѣleckимъ розыскамъ и казнямъ рассказанный нами «пассажъ» изъ царствованія *гораздо тихаго* Алексѣя Михайловича, и можно ли, несмотря на этотъ «пассажъ», Алексѣя Михайловича провозглашать все-таки «однимъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще», Петра же, несмотря на всѣ его колоссальныя заслуги, обвинять за стрѣльцовъ въ неслышанной, небывалой жестокости, чуть не низводя его при этомъ — какъ мы уже замѣтили выше — на степень Нероновъ, Каллигулъ, Геліогабаловъ и тому подобныхъ выроdkовъ?

Какое же заключеніе слѣдуетъ вывести изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ по части количества и качества пытокъ и казней въ до-петровской Россіи? Разумѣется, то, что мягкосердечные, но мало-свѣдующіе люди ошибаются горько, почитая стрѣleckія казни первымъ примѣромъ *туртоваго*, ужасающаго количествомъ жертвъ, побоища на Руси, первымъ случаемъ, когда русская кровь лилась потоками, и русскія головы скатывались съ плечъ сотнями по приговору русскаго же властителя. Все это продѣлывалось у насъ и въ доброе старое время, и вся разница между *ужасами* петровскаго царствованія и *ужасами* добраго стараго времени заключается въ томъ, что первые вызывались существеннѣйшею необходимостью, вторые же... Но читатель уже знаетъ, изъ-за чего разгромилъ Новгородъ и ежедневно терзалъ своихъ подданныхъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный, почему разразился казнями надъ Угличемъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, за что перебилъ, перетопилъ, перевѣшалъ и перекалечилъ болѣе семи тысячъ *человѣкъ* Алексѣй Михайловичъ *гораздо тихій*, «однимъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще»...

Ничего подобнаго не находимъ мы въ жизни и дѣятельности Петра, и ни одного изъ тѣхъ упрековъ, которые мы вправѣ сдѣлать многимъ изъ предшественниковъ «великаго преобразователя нашего», во вправѣ мы сдѣлать ему, если только захотимъ быть справедливыми и безпристрастными. Всѣ крутыя ищры его, повторяемъ, вызы-

(¹) Записки отдѣленія русской и славянской археологій императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. II. С. Пб. 1861. Предисловіе, с. X.

вались существенѣйшею необходимостью и имѣли всегда своиѣ основаніемъ разумно-сознаваемое чувство законности. Онъ былъ порою суровъ и жестокъ не потому, что былъ художникомъ въ родѣ Іоанна Васильевича Грознаго; онъ былъ суровъ и жестокъ не потому, что ему необходимо было этою суровостью и жестокостью прикрывать кое-какіе грѣшки въ родѣ грѣшковъ, лежавшихъ на совѣсти Бориса Ѳедоровича Годунова; онъ былъ суровъ и жестокъ потому, что ему положительно нельзя было быть мягкимъ и кроткимъ, благодушнымъ и уступчивымъ. Вся жизнь его была направлена къ одной высокой цѣли, проникнута одною высокою идеею, одушевлена однимъ высокимъ желаніемъ, — и вся жизнь его была борьба — борьба свѣта съ мракомъ, генія съ тупоуміемъ, просвѣщенія съ невѣжествомъ — борьба упорная и отчаянная, побѣднымъ кликомъ которой могъ быть лишь кликъ: «горе побѣжденнымъ!»...

И побѣжденнымъ было, въ самомъ дѣлѣ, горе; но они заслуживали своей участи. И когда въ числѣ побѣжденныхъ оказался родной царскій сынъ, — и его постигла кара, постигавшая и другихъ; но и онъ не можетъ назваться страдалцемъ совершенно невиннымъ...

О дѣлѣ царевича мы слишкомъ много распространяться не будемъ: о немъ нельзя еще произнести теперь послѣдняго рѣшительнаго слова; а высказывать предположенія и догадки въ родѣ тѣхъ, какія высказывались по этому поводу г. Погодинымъ и другими «строгими цѣнителями и судьями» Петра, мы считаемъ совершенно напраснымъ. Вѣдь патента на остроуміе и проницательность за такія предположенія и догадки никакъ ужъ не получишь, а какойнибудь не совѣтъ отрадный для самолюбія титуль — чего добраго! — и стяжаешь... Чтожь въ этомъ хорошаго?

Не пускаясь, такимъ образомъ, въ темный лабиринтъ конъектуръ и гипотезъ, утыканный безчисленными: «безъ сомнѣнія!», «вѣроятно», «можетъ быть», «очень можетъ быть» и т. д., не принимая на себя труда слѣдить шагъ за шагомъ за замѣчаніями, высказанными по поводу VI-го тома исторіи Петра г. Устрялова господами Погодинымъ, Семевскимъ и другими остроумными рецензентами, «ихъ же лиена ты, Господи, вѣси», попытаемся взглянуть на дѣло царевича нѣсколько иначе, чѣмъ глядѣли у насъ на него до сихъ поръ, и попытаемся сдѣлать это какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе, безъ всякаго ненужнаго озлобленія и негодованія, безъ всякихъ лирическихъ

перывовъ и восклицательныхъ знаковъ, которыхъ и безъ насъ уже нагромождено достаточное количество.

На дѣло царевича до сихъ поръ глядѣли у насъ исключительно съ точки зрѣнія родительской любви, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, самая главная ошибка «строгихъ цѣнителей и судей» Петра. Всѣ эти «строгіе цѣнители и судьи,» разсуждая о царевичѣ, дѣлали обыкновенно такого рода логическія построенія:

«Петръ былъ отецъ Алексѣя. Петръ, какъ всякій отецъ, обязанъ былъ любить своего сына. Петръ мало того, что не любилъ своего сына, но еще судилъ и пыталъ его. Слѣдовательно, Петръ—извергъ, а Алексѣй злополучный страдалецъ.»

Силлогизмы эти построены, повидимому, весьма правильно; но мы, несмотря на это, дерзнемъ все—таки предложить читателю слѣдующіе вопросы:

Можно ли ставить рядомъ слова: *любовь* и *обязанность*? Можетъ ли человѣкъ *любить* потому только, что онъ *любитъ обязанъ*? Можно ли любить и потомъ разлюбить самаго близкаго человѣка? Слѣдуетъ ли того, кто поступилъ такимъ образомъ, т. е. сначала любилъ, а потомъ разлюбилъ самаго близкаго человѣка, называть извергомъ? Слѣдуетъ ли, вообще, *кровнымъ* узамъ родства почитать самыми крѣпкими, самыми важными, самыми священными узамъ, и если слѣдуетъ, то за что же мы съ такимъ благородно-яримъ негодованіемъ преслѣдуемъ и караемъ, и словесно, и печатно, благонамѣренныхъ людей, проповѣдывающихъ, что

...какъ не порадовать *родному* человѣчку?..

Приравъ къ свѣдѣнію всѣ эти вопросы, сдѣлаемъ краткій обзоръ жизни и дѣятельности царевича Алексѣя Петровича, — обзоръ, изъ котораго читатель самъ, безъ всякихъ комментаріевъ и указаній съ нашей стороны, увидитъ и пойметъ: что за человѣкъ былъ царевичъ, понапрасну или за дѣло пострадалъ онъ, и на чьей сторонѣ должна быть симпатія потомства,—симпатія всѣхъ, понимающихъ дѣло и хоть сколько нибудь одаренныхъ здравымъ смысломъ, людей — на сторонѣ ли *злополучнаго* сына, или на сторонѣ *жестокаго* отца?

«Главнымъ несчастіемъ царевича Алексѣя Петровича, говорятъ г. Устряловъ:—было то, что онъ до девяти лѣтъ находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предрасудкахъ старинны и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. Окружавшіе его родственники съ

матерней стороны, Лопухины, также, без сомнѣнія, оставили самое невыгодное впечатлѣніе въ умѣ слабаго отрока: но крайней мѣрѣ, враги Петровы смотрѣли на царевича, какъ на будущую надежду свою, и стрѣльцы, при розыскѣ 1698 года, говорили вслухъ, что онъ Нѣмецъ не любить.» (1)

И г. Устряловъ въ этомъ случаѣ говоритъ совершенную правду. Вліяніе матери и ея родственниковъ было, дѣйствительно, главнымъ несчастіемъ Алексѣя Петровича, первоначальною причиною всѣхъ бѣдствій и золъ, обрушившихся впоследствии на его голову. Царица Евдокія Федоровна принадлежала къ числу тѣхъ старорусскихъ женщинъ, которыя могли очаровывать и плѣнять благонаправныхъ, воспитанныхъ въ страхѣ божіемъ, старорусскихъ кавалеровъ, но совсѣмъ иное впечатлѣніе производили на мужчину, котораго хоть нѣсколько уже коснулось вліяніе иной, не столь благонаправной, но несравненно болѣе человѣческой, европейской жизни. Зная, вѣроятно, въ совершенствѣ «какъ мука сѣяти, квашня претворити и замѣсити, и хлѣбъ валяти и печи, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякіе каши и кисели и всякіе приспѣхи печи и варити,» отличаясь, безъ сомнѣнія, и всеми другими, предписанными въ «Домостроѣ» добродѣтелями, Евдокія Федоровна могла быть прекрасной женой, даже подругой, Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Иоанна Алексѣевича и тому подобныхъ «благороднѣйшихъ представителей нашей народности»; но Петръ требовалъ уже отъ женщины иного, Петръ уже не удовлетворялся женскимъ идеаломъ, завѣщаннымъ благонаправнымъ Россіянамъ благовѣщенскимъ іереемъ Сильвестромъ. Обличители и порицатели «великаго преобразователя нашего», преисполненные доблестною пуританскою строгостью, строго осуждаютъ Петра за его охлажденіе къ первой женѣ, объясняя это охлажденіе пристрастіемъ царя къ *красавицамъ нѣмецкой слободы*. Уступая и въ пуританскихъ доблестяхъ, также какъ въ мягкосердечіи и гуманности, несравненнымъ обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего», мы и въ пристрастіи его къ красавицамъ нѣмецкой слободы не видимъ ничего особенно преступнаго, полагая, что молодой, пылкій и во многомъ уже отличавшійся отъ благонаправныхъ старорусскихъ кавалеровъ Петръ имѣлъ полное право увлекаться нѣмецкими красавицами,

(1) Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI, с. II.

вотому что каждая изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходила царяцу Евдокію Ѳеодоровну.

Такъ думаемъ мы; такъ думалъ, какъ видно, и Петръ; но не такъ, разумѣется, думала сама Евдокія Ѳеодоровна, ея родственники и близкіе къ ней люди. Огорчаемая непостоянствомъ, холодностью и безпрестанными отлучками мужа, царяца не умѣла, однако же, привлечь его къ себѣ, удержать его возлѣ себя, воротить его прежнюю любовь, и все больше и больше отталкивала его своею докучною ревностью, своими постоянными жалобами и упреками, въ особенности же, упреками за привязанность къ иностранцамъ. Родственники же Евдокіи Ѳеодоровны и окружавшіе ее попы, монахи, *блаженные* и всякаго рода святоши только подливали масло въ огонь, только портили дѣло, одни изъ личныхъ видовъ, другіе, просто, по тупоумію и невѣжеству. Они порицали и бранили Петра за каждый его шагъ, за каждое его дѣйствіе—и за склонность его къ военному дѣлу на новый, нерусскій ладъ, и за занятія по кораблестроенію и устройству флота, и за дружбу съ ивоземцами, и за посылку Русскихъ за границу, и за все, что это узколюбые старовѣры, не шутя, почитали проклятымъ еретичествомъ, мерзкимъ богоотступничествомъ, гибелью души и тѣла «въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ,» съ тоскою ужасомъ чуя, что ужь—ужь отходить старая Русь, отживаетъ свой вѣкъ негодная ветошь, подается на бокъ, пошатывается и того и гляди, что рухнетъ весь безобразный старый порядокъ, при которомъ такъ легко и привольно жилось гнѣвному барству—дармоѣдству, тупому ханжеству, дикому изуверству и всякаго рода *отечественной* пошлости...

Ко всему этому приглядывался, ко всему этому прислушивался, подростая, ребенокъ Алексѣй, и тутъ-то, въ этомъ обществѣ, въ этой обстановкѣ, невольно западали въ его дѣтское сердце первыя сѣмена антипатіи и непріязни къ отцу, который, въ разказахъ и сужденіяхъ родственниковъ и друзей Евдокіи Ѳеодоровны, являлся чуть не антихристомъ и врагомъ всего рода человѣческаго. Тутъ же, въ этомъ же обществѣ, въ этой же обстановкѣ, запали въ дѣтскую голову и первыя начатки тѣхъ мистическихъ бредней, тѣхъ вздорныхъ вѣрованій и нелѣпныхъ убѣжденій, которыя не покидали Алексѣя всю его жизнь, постоянно сковывая его слабую волю и всецѣло подчиняя его вредному вліянію людей, столь жѣтко названныхъ Петромъ *большими бородами*, которыя, ради тупелства своего, не во *авантажъ* обрѣтались. Первоначальное воспитаніе, къ несчастію,

не могло служить спасительнымъ противодействиемъ наставленіямъ и урокамъ, западавшимъ въ голову и сердце царевича въ обществѣ матери и ея родственниковъ: первый учитель Алексѣя, Никифоръ Вяземскій, былъ человекъ тупой и бездарный, съ познаніями, почерпнутыми изъ часослова и псалтыря, съ нравственными свойствами весьма неблестятельнаго достоинства. Царевичъ нисколько не уважалъ его и неуваженіе это простиралъ до-того, что не разъ даже поколачивалъ своего премудраго ментора.

Нельзя винить Петра за этотъ выборъ, нельзя, вообще, винить его за то, что онъ сразу же не обратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе своего сына—будущаго наследника престола. Петръ самъ въ то время былъ еще очень молодъ (въ годъ рожденія Алексѣя Петру было 17 лѣтъ); Петръ самъ въ то время только-что наследовалъ, самъ только-что начиналъ многому учиться и знакомиться съ дѣлами, и въ головѣ его было столько всякихъ замысловъ, столько всякихъ плановъ и предположеній, что мысль о необходимости приготовить себѣ достойнаго преемника, естественно, не могла еще приходиться ему на умъ.

Преобразование арміи, сооруженіе флота, поѣздки въ Архангельскъ и на Бѣлое море, азовскіе походы, заграничное путешествіе, стрѣлцкій бунтъ, — всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы наполнить всѣ дни и часы молодого царя, въ первые годы его царствованія, и всѣ остальные дѣла, волю-неволею, откладывались имъ на второй планъ до болѣе благоприятнаго времени. Поступить иначе Петру было рѣшительно невозможно.

Но когда все понемногу стало устроиваться и приходять въ порядокъ, мятежные стрѣльцы были «скасованы», безпокойная сестра пострижена въ монахини, и неуспѣшная дѣятельность царя начала уже давать тамъ и сямъ желанные плоды, — Петръ тотчасъ же обратилъ на сына надлежащее вниманіе, и первою его мыслью было отправить Алексѣя учиться въ Германію, подъ надзоромъ саксонскаго генерала Карловича, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1699 году и очень понравившагося царю. Намѣреніе это не исполнилось по причинѣ внезапной смерти Карловича, убитаго подъ Рнгою, 1 марта 1700 года. Вспыхнувшая вслѣдъ затѣмъ шведская война снова отвлекла отъ сына вниманіе Петра, и заграничная поѣздка царевича разстроилась окончательно. Алексѣй остался въ Москвѣ, гдѣ къ нему былъ представленъ, по рекомендаціи Карловича, саксонецъ Нейгебауеръ, прібывшій въ Россію въ іюнь 1701 года.

Нейгебауеръ былъ при царевичѣ не долго — всего только годъ. Онъ поссорился съ прежними учителями Алексѣя Петровича, Вяземскимъ и Нарышкинымъ; сторону послѣднихъ принялъ Меншиковъ и Нейгебауеръ былъ удаленъ.

Его замѣнили челоѣкомъ, выборъ котораго былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Назначенный воспитателемъ царевича, въ началѣ 1703 года, баронъ Гюйссенъ былъ челоѣкъ очень умный и образованный, и вліяніе его на двѣнадцатилѣтняго Алексѣя Петровича могло быть въ высшей степени благотворнымъ. Въѣряя Гюйссену сына, Петръ публично, торжественно выразилъ и свою любовь къ нему, и свои на него надежды. Это случилось послѣ торжественнаго вшествія въ Москву по взятіи Нѣншанца, гдѣ былъ и царевичъ въ званіи солдата бомбардирской роты. Въ присутствіи самого Алексѣя Петровича, Меншикова, Головкина и другихъ министровъ, Петръ сказалъ Гюйссену: «узнавъ о вашихъ добрыхъ качествахъ и вашемъ добромъ поведеніи, я въѣряю единственнаго моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанію. Не могъ я лучше изъяснить вамъ мое уваженіе, какъ поручивъ вамъ залогъ благодепствія народнаго. Не могъ я ни себѣ, ни моему государству сдѣлать ничего лучшаго, какъ воспитавъ моего преемника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; въѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будутъ служить ему руководствомъ (*).»

Петръ хотѣлъ было назначить Гюйссена и воспитателемъ и оберъ-гофмейстеромъ сына, но Гюйссенъ, опасаясь принять на себя столь важную отвѣтственность, просилъ о назначеніи на должность оберъ-гофмейстера Меншикова, который такимъ образомъ и приобрѣлъ самое непосредственное вліяніе на судьбу царевича — вліяніе, дѣйствительно, роковое, потому что многое, приписываемое Петру въ несчастіяхъ и трагическомъ исходѣ жалкой жизни Алексѣя Петровича, должно всю тяжестью своею обрушиться на память свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича...

Въ мартѣ 1704 года, царевичъ, вмѣстѣ съ Гюйссеномъ, отправился изъ Москвы въ Петербургъ, а оттуда въ Нарву, гдѣ и находился во все продолженіе нарвской осады. По взятіи Нарвы приступомъ, во время торжества, которымъ праздновалось это радостное событіе, Петръ пришелъ въ главную квартиру фельдмаршала Огильви и тутъ при всѣхъ провознесъ Алексѣю Петровичу слѣдующую рѣчь:

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с. 15.

«Сынъ мой! Мы благодаримъ Бога за одержанную надъ непріятелемъ побѣду. Побѣды отъ Господа; но мы не должны быть нерадивы и всѣ силы обязаны употреблять, чтобы ихъ приобрести. Для того взялъ я тебя въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, какъ смертный человѣкъ, сегодня или завтра могу умереть, то ты должны убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ, при твоихъ лѣтахъ, любить все, что содѣйствуетъ благу и чести отечества, вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить никакихъ трудовъ для блага общаго. Какъ мнѣ невозможно съ тобою всегда быть, то я приставилъ къ тебѣ человѣка, который будетъ вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, какъ я надѣюсь, будешь слѣдовать моему отеческому совѣту и примешь правиломъ жизни страхъ Божій, справедливость и добродѣтель, —надъ тобою будетъ всегда благословеніе Божіе; но если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю, — я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя въ сей и въ будущей жизни (*).

Алексѣй Петровичъ, со слезами на глазахъ, схватилъ руки отца, цѣловалъ ихъ и съ горестію говорилъ: «Всемилющійшій государь—батюшка! Я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу. Но увѣряю ваше величество, что я, какъ покорный сынъ, буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣланіямъ и примѣру. Боже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, чтобы я еще долго могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ (*)!»

Изъ Нарвы Алексѣй Петровичъ отправился въ Москву и тамъ, во время торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ столицу, 19 декабря 1704 года, встрѣтилъ отца у воскресенскихъ воротъ, поздравилъ его «съ преславными побѣдами» и сталъ въ ряды преображенскаго полка въ строевомъ мундирѣ. Въ началѣ слѣдующаго года, царевичъ, къ сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ своимъ воспитателемъ: Гюйссенъ отправленъ былъ Петромъ за границу съ разными порученіями и проѣздилъ болѣе трехъ лѣтъ. Онъ вернулся въ Москву только въ октябрѣ 1708 года.

Это обстоятельство имѣло на Алексѣя Петровича самое пагубное вліяніе. Онъ остался въ Преображенскомъ, одинъ, безъ всякаго заня-

(*) Тамъ же, с. 16. (*) Тамъ же.

тѣ, и дѣлалъ, что ему было угодно. Петръ, весь поглощенный шведскою войною, прїѣзжалъ въ Москву на самое короткое время; Меншиковъ постоянно находился въ Петербургѣ, и царевичъ, оставленный такимъ образомъ безъ надзора, подобралъ себѣ кругъ знакомыхъ по своему вкусу и проводилъ съ ними время, повинувшись образовавшимся въ обществѣ матери и ея родственниковъ склонностямъ, — склонностямъ, которыхъ не подавили ни вліяніе Гюйсена и его уроковъ, ни походы вѣдь Нїеншандъ и Нарву. Походы Алексѣй Петровичъ дѣлалъ единственно изъ угожденія и повиновенія отцу: самъ онъ съ равныхъ лѣтъ чувствовалъ къ военному дѣлу полнѣйшую антипатію, и эта антипатія, разумеется, не могла укрыться отъ провицательныхъ глазъ отца. Мнролюбивыя тенденціи сына не могли доставить Петру особеннаго удовольствія, и въ грозномъ финалѣ царской рѣчи, произнесенной по взятіи Нарвы, невольно сказалось это неудовольствіе, невольно прозвучало и горькое предчувствіе, что едва ли отцовскіе совѣты *не разнесетъ вѣтеръ*, что едва ли сынъ *захочетъ дѣлать то, чего желаетъ отецъ...*

Слышавшій царскую рѣчь Гюйсенъ говоритъ, что царевичъ отвѣчалъ на нее со слезами на глазахъ и съ горестію: значить, и онъ понималъ, что отецъ пригрозилъ ему не шпроста, что угрозы его имѣли уже основаніе. И въ его сердцѣ, можетъ быть, мелькнуло тутъ горькое, тяжелое предчувствіе, тѣмъ болѣе, что онъ лучше всякаго другаго долженъ былъ знать — разнесетъ ли отцовскіе совѣты вѣтеръ, и захочетъ ли онъ, Алексѣй, дѣлать то, чего желаетъ отецъ...

Во всякомъ случаѣ, строгая рѣчь отца невольно усилила нерасположеніе къ нему Алексѣя Петровича, нерасположеніе, зародившееся, какъ мы уже видѣли, еще въ обществѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, ея родственниковъ и приближенныхъ. Нерасположеніе это скоро перешло въ совершенную антипатію, и главнѣйшею причиною тому было вредное вліяніе кружка, сгруппировавшагося возлѣ царевича въ Преображенскомъ по отъѣздѣ Гюйсена. Кружокъ этотъ, какъ и кружокъ Евдокіи Ѳеодоровны, состоялъ болѣею частію, изъ поповъ, монаховъ, юродивыхъ, блаженныхъ, — словомъ, изъ лицъ, всею душою преданныхъ старинѣ, всею силою тупоумія и невѣжества вооружавшихся противъ реформъ, нововведеній и всѣхъ великихъ дѣлъ Петра. Тутъ были и Киквинъ, и дядя царевича Авраамъ Лопухинъ, и многіе изъ друзей и приверженцевъ Евдокіи Ѳеодоровны, которая и сама, чрезъ своихъ партизановъ, въ особенности же чрезъ брата, неослабно дѣй-

ствовала на сына, всячески вооружая его противъ отца. Тетка царевича Марія Алексѣевна, женщина грубая, невѣжественная и глубоко ненавидѣвшая Петра, тоже прилагала свои старанія къ совершенію племянника съ пути истины, распаяла, между прочимъ, его слабую голову какими-то тайными видѣніями. Словомъ, Алексѣй Петровичъ обставленъ былъ такъ, что ему просто невозможно было не сбиться съ толку.

Но не Кичинъ, однакоже, былъ «главнымъ виновникомъ несчастнаго настроенія царевича,» какъ выражается г. Устряловъ, не Лопухины, не Марья Алексѣевна оказывали на него самое сильное, самое неотразимое вліяніе: у Алексѣя Петровича были друзья гораздо болѣе интимные, друзья, образовавшіе еще особенный кружокъ въ общемъ кружкѣ друзей и совѣтниковъ царевича. Этотъ маленький, замкнутый, жившій, что называется, душа въ душу кружокъ составляли слѣдующія лица: Василій Григорьевичъ, Михаилъ Григорьевичъ, Андрей Ѳедоровичъ, Алексѣй Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ Нарышкины; духовникъ Алексѣя Петровича, Яковъ Игнатьевъ; Василій Ивановичъ и Андрей Михайловичъ Колычовы; Никиѳоръ, Петръ, Левъ и Сергѣй Вяземскіе; домоправитель царевича Ѳедоръ Борисовичъ Еварлаковъ; братъ кормилицы Алексѣя Петровича, благовѣщенскій ключарь Иванъ Аванасьевъ; преосвященный Крутицкій Иларіонъ; протопопъ Алексѣй Васильевъ; священникъ Леонтій Григорьевъ изъ Грязной слободы въ Москвѣ; Никита Савичъ Хитрой; сынъ его Иванъ Никитичъ Хитрой; князь Андрей Вяземскій, Илья Протопоповъ; Абулина Родіонова, дочь вологодскаго архіепископа Юсіѳа и жена Степана Цымбальщика; какой-то Ѳедоръ Сергѣевичъ и какая-то Варсонофія.

Эти двадцать четыре человека составляли, по собственному выраженію Алексѣя Петровича, его «компанію и соборъ», и главою этого собора, душою и руководителемъ этой компаніи былъ духовникъ царевича Яковъ Игнатьевъ (1).

(1) Всѣ эти въ высшей степени важныя и бывшія вовсе неизвѣстными г. Устрялову свѣдѣнія объ интимнѣйшихъ друзьяхъ и главнѣйшихъ партизанахъ Алексѣя Петровича открыты М. И. Семевскимъ въ дѣлахъ государственнаго архива и сгруппированы имъ въ двухъ статьяхъ подъ названіемъ: «Сторонники царевича Алексѣя.» (Библіотека для Чтенія за 1861 г., №№ 5 и 6). За эти статьи нельзя не поблагодарить г. Семева: собранные въ нихъ матеріалы проявляютъ совершенно новый и яркій свѣтъ на нѣкоторые, далеко не ничтожныя обстоятельства въ темномъ дѣлѣ царевича и даютъ возможность произнести сужденіе, основанное не на общихъ мѣстахъ, не на «можетъ быть», «безъ сомнѣнія», «вѣроятно» и т. д., а на положительныхъ, несомнѣнныхъ фактахъ.

Яковъ Игнатъевъ, закадычный другъ казненнаго подѣлу царевича ростовскаго епископа Досмоея, былъ родомъ изъ Владиміра или Суздаля. Вмѣстѣ съ Досмоеемъ бродилъ онъ сначала по разнымъ монастырямъ, потомъ, въ 1680 году, явился въ Москву. Тутъ служилъ онъ дьякономъ въ архангельскомъ соборѣ, былъ за что-то удаленъ, искалъ мѣста ключаря въ благовѣщенскомъ соборѣ, но, не получивъ этого мѣста, получилъ за то впоследствии гораздо важнѣйшее, а именно—мѣсто протопопа у Спаса на Верху, въ кремлевскомъ дворцѣ. Духовникомъ къ царевичу Яковъ Игнатъевъ опредѣленъ былъ около 1705 года и сразу же покорила себѣ слабого, безхарактернаго и суетнаго Алексѣя Петровича своимъ даромъ слова, своею энергіею и умѣньемъ ловко пользоваться благоприятными обстоятельствами. Вотъ какая сцена произошла между духовнымъ сыномъ и духовнымъ отцемъ вслѣдъ за назначеніемъ послѣдняго на его важную должность:

Въ Преображенскомъ, въ спальнѣ царевича, Яковъ Игнатъевъ эффектно подвелъ Алексѣя Петровича къ столу, на которомъ лежало евангеліе...

— Будеши ли заповѣди Божіи исполнять? торжественно спросилъ онъ своего духовнаго сына:—И преданія апостольская и святыхъ отецъ хранить? И мене, отца своего духовнаго почитать, и за ангела Божія, и за апостола имѣти, и за судію дѣлъ своихъ? И хочеши ли мене слушать во всемъ? И вѣруеши ли, яко и азъ, аще и грѣшенъ есмь, но такову же имѣю власть священства, отъ Бога мнѣ недостойному дарованную, и ею могу вязати и рѣшати, какову власть даровалъ Христосъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, глаголя: ею же, аще свяжете на земли, будетъ связано и на небеси, и ею же аще разрешите на земли, будетъ разрешено и на небеси? И хочеши ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноватися и покорятися?

Торжественная рѣчь эта произвела потрясающее впечатлѣніе на набожнаго и впечатлительнаго царевича, и онъ взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Заповѣди Божіи и преданія апостольская и святыхъ его вся съ радостію хочу творити и хранить; и тебя, отца моего духовнаго, буду почитать, и за ангела Божія, и за апостола Христова, и за судію дѣлъ своихъ имѣти; и священства твоего власти слушати и покорятися во всемъ долженъ (1),

(1) Сторонники царевича Алексѣя, с. 3 и 4.

Уже одна эта сцена как нельзя болѣе рельефно обрисовываетъ и характеры дѣйствующихъ лицъ, и тѣ отношенія, которыя должны были между ними образоваться. Первая роль, разумеется, выпала тутъ не Алексѣю Петровичу; но онъ этииъ нисколько не тяготился и покорился вліянію своего краснорѣчиваго духовника со всѣмъ увлеченіемъ челоѵка имѣвшаго такое *горячество къ попамъ, что почиталъ ихъ какъ Бога.* (1) Яковъ Игнатьевъ, конечно, не могъ этого не замѣтить и воспользовался *горячествомъ* своего духовнаго сына съ надлежащимъ искусствомъ. Онъ сталъ вполнѣ *судьею всѣхъ дѣлъ* царевича, захватилъ понемногу въ свои руки даже его хозяйственныя дѣла, и Алексѣй Петровичъ не могъ ступить шагу безъ своего «прелюбезнаго радѣтеля» (какъ именовалъ онъ въ своихъ письмахъ Якова Игнатьева), во всемъ съ нимъ совѣтовался, во всемъ его слушался и не скрывалъ отъ него ни единого изъ самыхъ тайныхъ своихъ помышленийъ.

Прочія лица, составлявшія «компанію и соборъ» царевича, состояли болше на правахъ друзей, товарищей и пріятныхъ собесѣдниковъ, съ которыми Алексѣй Петровичъ не прочь былъ и повеселиться и кутнуть не хуже кого другаго. «Соборъ» очень часто сходился у царевича, въ особенности же по праздникамъ. Хозяинъ встречалъ друзей своихъ «любезно, по достоинству», и затѣмъ всѣ веселились «духовнѣ и тѣлесно»: тѣлесно—пили и напивались нерѣдко *до положенія ризъ*; духовнѣ—отводили душеньку бранью Петра и его затѣй, вздохами по милой старинѣ и взаимными увѣреніями, что, навѣрное, «скоро перемена будетъ» и все пойдетъ по прежнему. Много въ особенности доставалось тутъ Петербургу, который глубоко ненавидѣли и самъ Алексѣй, Петровичъ, и вся его компанія. Петербургъ, по мнѣнію этихъ мудрецовъ, долженъ былъ непременно или разориться или провалиться; царевичъ же всегда говаривалъ, что какъ скоро онъ будетъ царемъ, то тотчасъ же броситъ этотъ проклятый городъ и будетъ постоянно жить на Москвѣ.

І. ШИШКИНЪ.

(По болѣзни автора окончаніе этой статьи отложено до слѣдующей книжки.)

(1) Слова камердинера царевича, Ивана Большаго—Аванасьева (исторія царствованія Петра Великаго, соч. г. Устрялова, т. VI, с. 35 и 36). «Царевичъ великое имѣетъ горячество къ попамъ, и попы къ нему, писалъ Аванасьевъ въ показаніи своемъ отъ 1 мая 1718 года:—и почитаетъ ихъ, какъ Бога, а они его всѣ сзатымъ называютъ, и въ народѣ жъ ими всегда блажнмъ былъ.»

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЦЕССЪ ЖИЗНИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА КАРЛА ФОХТА.
PHYSIOLOGISCHE BRIEFE VON CARL VOGT.

I.

Представьте себѣ, что вамъ приходится описывать очень сложную машину съ замысловатымъ внутреннимъ устройствомъ, которое непременно должно находиться во время дѣйствія снаряда въ плотно закупоренномъ ящикѣ, чтобы не подвергнуться разлагающему вліянію атмосфернаго воздуха, чтобы не отсырѣть, не засориться и не придти въ негодность. Представьте себѣ, что эта машина приводится въ движеніе не одними механическими средствами (т. е. не только колесами, гириями, шестернями и цѣпочками), а кромѣ того, химическими соединеніями и разложеніями, совершающимися внутри снаряда. Чтобы дать читателямъ какое нибудь понятіе объ этой сложной машинѣ, вамъ поневолѣ придется описывать ее по частямъ, представлять ее въ разрѣзѣ, вынимать изъ нея отдѣльные колеса и гири, разсматривать химическіе агенты, словомъ, разрушать ту общую связь, которая необходима для успѣшнаго дѣйствія снаряда. Вамъ придется утомлять вниманіе читателя мелкими подробностями, которыхъ необходимость нѣсколько времени будетъ оставаться для него непонятною;

въ то время, когда читатель будетъ требовать отъ васъ общаго, идеи снаряда, вы будете принуждены говорить ему о дѣйствіи того или другаго блока, о свойствахъ той или другой щелочи. Въ такомъ-то непріятномъ положеніи находится физиологъ, пытающійся сообщить публикѣ въ популярной формѣ главные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, касающихся человѣческаго организма. Конечно, никакая машина не можетъ интересовать насъ такъ сильно, какъ интересуется насъ наше собственное тѣло. Но зато, какая же машина сложностью своего внутренняго устройства можетъ сравниться съ животнымъ организмомъ? Какая машина представляетъ наблюдателю такіа, на первый взглядъ, непреодолимые препятствія? Мы хотимъ видѣть машину въ полномъ ходу, — это оказывается невозможнымъ. Какъ только мы попытаемся какинь нибудь способомъ раскрыть дверцу, чтобы бросить любопытный взглядъ на внутреннее устройство, такъ это внутреннее устройство оказывается насильственно измѣненнымъ; гармонія нарушена, и намъ остается только догадываться, какъ было прежде, до той минуты, когда мы разорвали живую связь органическихъ тканей. О тѣхъ временахъ, когда предразсудокъ мѣшалъ врачамъ анатомировать трупы, нечего и говорить; въ тѣ времена физиологія не существовала, какъ наука; тогда приходилось любознательному врачу рѣзать кошекъ, собакъ, кроликовъ, и по аналогіи воссоздавать внутреннее устройство человѣческаго тѣла; зато, тогда, медицина опиралась на магію; поле этихъ двухъ наукъ не могло быть разграничено, и многие знаменитые врачи за излишнюю догадливость попадали въ тюрьмы священной инквизиціи и умирали на кострахъ. Теперь измѣнились препятствія, измѣнились опасности, угрожающія физиологу; наука далеко подвинулась впередъ, но и теперь еще она нуждается почти въ оправданіи, въ извиненіи въ глазахъ той массы, которая именно всего болѣе нуждается въ знаніяхъ, и которая, уже потому, что знаетъ грамотѣ, была бы дѣйствительно способна усвоить себе результаты изслѣдованія. Теперь добросовѣстный и талантливый изслѣдователь рискуетъ остаться непрочитаннымъ только потому, что онъ не забываетъ впередъ фактовъ, не строитъ скороснѣлыхъ теорій, не возвышается преждевременно до синтетическихъ взглядовъ. Мы всѣ еще сильно заражены наклонностью къ натур-философіи, къ повнанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени, которая смущаетъ даже многихъ специалистовъ и мѣшаетъ имъ обра-

идеться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ. Теорія физиологій растутъ какъ грибы подъ руками плодovitыхъ писателей; медицина ницается на эти теоріи, предлагаетъ ихъ къ дѣлу, едва вѣривъ степень ихъ основательности, является путаница, практическія ошибки, отымающіяся сотнями смертныхъ случаевъ, сотнями и тысячами неудачныхъ леченій. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ разныхъ противурѣчивыхъ системъ леченія, гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы: восходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятого въ десятое, и когда почва еще колыхнется подъ ногами. Естественныя науки не то, что исторія, совѣмъ не то, хотъ Бюкль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ; еслибы Маколеи ошибся сто разъ въ фактическомъ разсказѣ событій, и тогда бы его произведенія имѣли для насъ несравненно болѣе прелести, болѣе жизненной полноты и человѣческаго достоинства, чѣмъ творенія какого нибудь Капфига или Миркура, хотя бы эти господа не ошибались ни въ одномъ годѣ, ни въ одной генеалогической подробностн. Разсматривая прошедшую жизнь человѣчества, я непремѣнно становлюсь къ ея проявленіямъ въ тѣ или другія отношенія; если же у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ прошедшимъ событіямъ, тогда становятся непонятнымъ, для чего же я ихъ разсказываю. Лѣтописецъ записываетъ для того, чтобы событія не пропали для потомства. А историкъ такой причиной въ наше время привести нельзя. Лѣтописи не пропадутъ; онѣ хранятся въ бібліотекахъ и архивахъ, за замками и запорами. Стало-быть, если я беру эти лѣтописи, то для того, чтобы сказать что нибудь по поводу событій, а не для того, чтобы пересказать событія, иначе и г. Семевскаго придется зачислить въ русскіе историки. Исторія есть осмысленіе событій съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію, и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя конечно не всѣ эти исторіи записаны, точно также, какъ всякая философская школа имѣетъ свой философскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практичес-

*

кихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого конечно нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы объ ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полного хода. Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣпыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не поддадутся для васъ ни вправо, ни влево. Управлять вы ими можете, но для этого вы должны *знать* ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя, теоретическія понятія. Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самохраненіе, удобства жизни, наслажденія—все это возможно только при знаніи окружающей природы; тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь. Цѣль естественныхъ наукъ—никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что мы называемъ жизнью. Для естественнаго испытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и другіе подобные имъ, имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подѣ-часъ и пугали себя окружающіе ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому ли, что ихъ вовсе нѣтъ, или же потому, что фактическая часть науки еще малозвѣстна; какъ бы то ни было, но своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга. Когда люди, расположенные строить теоріи міра, берутся за изученіе природы, то они дѣлаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или же, по крайней мѣрѣ, подобно Мильну-Эдвардсу, превращаютъ природу въ

специалиста политической экономии. Мне всегда приходило въ голову, что подобные господа положительно не поняли своихъ наклонностей и способностей. Въ нихъ творчество положительно преобладаетъ надъ любознательностью. Имъ бы слѣдовало усвоить себѣ изящную форму изложенія и писать романы, повѣсти, поэмы, лирическія мелочи, все, что угодно, только никакъ не ученые изслѣдованія. Оно, конечно, пріятно смотрѣть на природу какъ на кучку пестрыхъ камешковъ, изъ которыхъ можно сложить красивую, пеструю мозаику, но вѣдь надо же себя поставить на мѣсто тѣхъ людей, которые желали бы видѣть, какъ эти пестрые камешки лежатъ не въ книгѣ неудавшагося поэта, а на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности. Зачѣмъ же этихъ людей вводить въ заблужденіе заглавіемъ книги? Еслибы на оберткѣ было написано: Фантазіи такого-то о природѣ, въ стихахъ и прозѣ, то можетъ быть эти люди и въ руки не взяли бы этого произведенія. Да, строптели теорій, или, что то же, неудавшіеся поэты надѣлали много вреда; они, напримѣръ, до такой степени извратили понятія и вкусъ публики, что публика требуетъ отъ изслѣдованій натуралистовъ—направленія. Ради Бога, господа, выкиньте въ безобразіе этого требованія: направленія отъ натуралистовъ. Я поясню это требованіе короткимъ рассказомъ дѣйствительнаго происшествія. Мне случилось разговаривать о Молашотѣ съ однимъ знакомымъ мнѣ современно развитымъ гуманистомъ. Мой собесѣдникъ упрекнулъ Молашота въ аристократизмъ. Я пришелъ въ недоумѣніе и ждалъ, что-то будетъ. Помилуйте, продолжалъ гуманистъ, онъ придаетъ такое значеніе пицци, что по его теоріи выдетъ такъ: кто хорошо ѣдаетъ, тотъ и силенъ, и уменъ, а тотъ, у котораго рѣдко бываетъ во щахъ кусокъ мяса, стало-быть дрянъ... Мой знакомый долго продолжалъ говорить на эту тему, но направленіе его рѣчи уже намѣчено и потому я его оставляю въ сторонѣ. Что же касается до Молашота, его конечно защищать мудрено. Онъ виноватъ безъ оправданія! Какъ онъ смѣлъ, вопреки гуманнымъ тенденціямъ вѣка, доказывать, что мясная пища даетъ силы мускуламъ и мозгу, а растительная—заставляетъ организмъ почти исключительно заниматься пищевареніемъ! Можно было бы возразить, пожалуй, что для бѣдныхъ Ирландцевъ было бы полезнѣе, еслибы филантропы поменьше восторгались ихъ патріархальными добродѣтелями, и побольше заботились о замѣненіи картофеля чечевицею и горохомъ. Но филантропы такого возраженія не примутъ: если вы скажете, что народъ

грубъ, они обвинять васъ въ негуманности; если вы скажете, что порода измелъчала и испортилась отъ дурной пищи и дурнаго образа жизни, они обвинять васъ въ кощунствѣ. Преклоняйтесь передъ народною правдою, уважайте даже народныя щи да кашу и не вѣрьте Молашоту, котораго, по выраженію г. Полонскаго, изучаетъ самъ чортъ, — вотъ что скажутъ вамъ филантропы, гуманисты, которые всѣ болѣе или менѣе подходятъ подъ типъ неудавшихся поэтовъ.

II.

Фохтъ не поэтъ; его фізіологическія письма написаны безъ міросозерцанія; съ міромъ онъ и не имѣетъ дѣла, онъ старается описать понятнымъ языкомъ главныя органическія отправленія, образуя собою тотъ страшно сложный процессъ, который мы называемъ простымъ, общезвѣстнымъ словомъ жизнь. Вся книга Фохта состоитъ изъ отдѣльныхъ подробностей и исчерпываетъ, насколько это теперь возможно, только одну сторону жизни, растительную жизнь (*das vegetative Leben*). Въ книгѣ Фохта говорится только о томъ, какъ поддерживается органическая жизнь, т. е. какъ обращается кровь, какъ совершается процессъ дыханія, какъ принимается и переваривается пища. Цѣлая, огромная сторона жизни остается еще незатронутою; о жизни животной, т. е. о воспріятіи и переработкѣ впечатлѣній, о дѣятельности нервной системы, въ этомъ томѣ еще не сказано ни слова. Говоря о различныхъ отправленіяхъ растительной жизни (т. е. той жизни, которая составляетъ общее достояніе растений и животныхъ) Фохтъ принужденъ бороться съ рутинною и скрытымъ мистицизмомъ прежнихъ фізіологовъ. Говорить-ли онъ о кровообращеніи, о дыханіи или о пищевареніи, ему вездѣ приходится еще *доказывать*, что всѣ эти процессы совершаются по простому сдѣланію физическихъ и химическихъ законовъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней, таинственной силы. Эту таинственную силу прежніе фізіологи называли жизненною силою. Гдѣ кончались предѣлы ихъ наблюденій, тамъ они, вмѣсто того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здѣсь начинается дѣйствіе жизненной силы. «Жизненная сила, говоритъ Фохтъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ заднихъ дверей, которыхъ такъ много въ наукѣ, и которыя всегда будутъ убѣжищемъ праздныхъ умовъ; вмѣсто того, чтобы потрудиться, да изслѣдовать то, что на первый

взгляд кажется непостижимымъ, эти умы довольствуются тѣмъ, что дивятся кажущемуся чуду. Медицина въ этомъ отношеніи особенно изобрѣтательна. Боже милостивый! Что бы случилось съ медицинскою практикою, еслибы не было подъ руками терминовъ: ревматизмъ, опухондрія и истерія, этихъ трехъ кладовыхъ, въ которыя мы сваливаемъ все то, о чемъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній? Когда не знали электричества, тогда считали громъ явленіемъ сверхъестественнымъ; но чѣмъ дальше шли впередъ въ познаніи природы, тѣмъ болѣе исчезало таинственное и чудесное. То же явленіе совершалось и въ физиологін; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, тотъ *x*, который стоитъ вездѣ въ глубинѣ сцены и постоянно увертывается, когда его хотятъ схватить; царство этого неизвѣстнаго отодвигается назадъ и въ глубь, по жрѣ того, какъ наука проникаетъ впередъ съ своимъ факеломъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было ни одного отправленія нашего тѣла, въ которомъ этотъ неизвѣстный элементъ жизненной силы не игралъ бы значительной роли: — теперь ссылка на жизненную силу для объясненія наблюдаемаго факта не имѣетъ уже никакого научнаго значенія; она будетъ просто описательнымъ выраженіемъ невѣдѣнія». И такъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности. Иные скажутъ, пожалуй, что это и есть направленіе изслѣдованія. Господа, помилосердуйте! Неужели человѣкъ, говорящій самому себѣ: смотри въ оба, не зѣвай по сторонамъ, не ври глупостей, — вслѣдствіе этого представляется вамъ адептомъ извѣстной школы? Тогда вы должны будете сознаться, что и здравый смыслъ, и нормальный глазъ тоже принадлежать не здоровымъ людямъ вообще, а приверженцамъ того или другаго ученія. Впрочемъ и это бываетъ. Когда я въ одной критической статьѣ выразилъ сомнѣніе въ необходимости идеаловъ, то мнѣ замѣтили въ «Сѣверной Пчелѣ», что я только подставляю вмѣсто существующихъ идеаловъ свой идеальчикъ; вотъ видите-ли, отсутствіе идеаловъ и безграничная свобода личности, формулирующаяся русскою пословицею: «кто во что гораздъ» или «всякій молодецъ на свой образецъ», какъ желаемое состояніе человѣчества, показалось моему рецензенту новымъ идеаломъ. Если такъ смотрѣть на вещи, тогда конечно и Мошешота, и Фохта придется считать идеалистами и адептами школы: они отри-

даютъ всякія предвзятія теоріи, освобождаются отъ всякихъ предубѣжденій. Ну, чтожь? это отрицаніе и есть, стало-быть, ихъ теорія. Спорить съ подобнымъ мнѣніемъ не стоитъ уже потому, что оно насколько не измѣняетъ сущности дѣла, а спорить изъ-за словъ

Есть тѣмъ охотниковъ, —
Я не изъ ихъ числа.

III.

Приступимъ къ дѣлу. Въ процессѣ жизни можно замѣтить три главныя отправленія, тѣсно, неразрывно связанныя между собою, но между тѣмъ совершающіяся отдѣльными органами и, слѣдовательно, допускающія отдѣльное изученіе. Эти три отправленія называются кровообращеніемъ, дыханіемъ и пищевареніемъ. При остановкѣ одного изъ этихъ трехъ отправленій останавливаются и остальные; организмъ разлагается и составныя его части возвращаются въ вѣчный круговоротъ вещества. Если, положимъ, отъ холода остановилось обращеніе крови, мы говоримъ, что животное замерзло; если какое нибудь постороннее препятствіе остановило притокъ кислорода въ легкія, мы говоримъ, что животное задохнулось; если отъ недостатка питательныхъ матеріаловъ остановилось на извѣстный промежутокъ времени пищевареніе, мы говоримъ, что животное умерло съ голоду. Во всѣхъ трехъ случаяхъ прекращеніе одной изъ функцій жизненнаго процесса повело за собою прекращеніе двухъ остальныхъ и, слѣдовательно, уничтоженіе органической жизни вообще. Жизнь же есть не что иное, какъ постоянное измѣненіе матеріала при сохраненіи извѣстной формы. Я сегодня тотъ же человѣкъ, какой былъ вчера, а между тѣмъ процессы испражненія, испаренія и выдыханія выдѣлили изъ моего тѣла матеріалы, входившіе вчера въ его составъ; въ то же время процессы принятія пищи и вдыханія воздуха внесли въ мое тѣло частицы, которыхъ въ немъ не было вчера. Если я теряю способность выдѣлять или воспринимать, я вмѣстѣ съ тѣмъ теряю способность жить; запоръ, задержаніе мочи, отсутствіе аппетита и пр. составляютъ болѣзни; если эти болѣзни не будутъ устранены медицинскими средствами или дѣйствіемъ самой природы, если потерянная способность выдѣлять или воспринимать не возвратится въ свое время, организмъ

всережнѣнно разрушится, и мое я превратится въ черноземъ, войдетъ въ тѣло земляныхъ и другихъ червей, въ составъ травы, и вообще поступитъ въ полное распоряженіе общей кормилицы, матушки сырой земли, а духъ, конечно, воспаритъ, и т. д. Оно хоть и обидно для человѣческаго самолюбія, а дѣлать нечего! Какъ ни толкуй гг. гуманисты о нравственномъ и юридическомъ смыслѣ, а противъ рожна шрать мудрено, и съ фактами примириться необходимо. Для тѣхъ же изъ гуманистовъ, которые любятъ прислоняться къ авторитету, и утѣшаться тѣмъ, что они имѣютъ за себя великіе голоса человѣчества, будетъ безконечно полезно въ этомъ случаѣ припомнить слова Гамлета надъ черепомъ Юрика. Противъ осязательнаго факта они еще поспорятъ, но когда увидятъ, что за этотъ же фактъ говоритъ и Шекспиръ, тогда они сложатъ оружіе. Но къ дѣлу! къ дѣлу! Постараюсь по Фохту, въ самыхъ общихъ чертахъ, охарактеризовать процессы кровообращенія, дыханія и пищеваренія. Подробности не возможны при отсутствіи чертежей; сверхъ того, онѣ утомительны для человѣка, рѣшительно незнакомаго съ анатоміею; что же касается до легкаго очерка, то я надѣюсь, что его прочтутъ безъ скуки и неудовольствія. Въ обращеніи крови главную роль играетъ сердце. «Все движеніе крови, говоритъ Фохтъ, зависитъ исключительно отъ дѣятельности сердца». (стр. 19). Сердце есть полый мускуль, сжимающійся и расширяющійся; этотъ мускуль соединяется съ двумя системами кровеносныхъ сосудовъ, расходящихся отъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла. Одна изъ этихъ системъ—*артеріи* несутъ кровь отъ сердца къ оконечностямъ; другая—*вены*—несутъ кровь отъ оконечностей къ сердцу. Артеріи отличаются отъ вень бѣльшою толщиной стѣнокъ и бѣльшою эластичностью. Если разрѣзать артерію и выдавить изъ нея кровь, она все-таки сохранитъ свою цилиндрическую форму, такъ что ее можно будетъ сравнить съ гутта-перчевою трубочкою; если же сдѣлать то же самое съ веною, она сморщится и потеряетъ прежнюю форму, какъ потеряетъ ее, напримѣръ, узкій и длинный мѣшокъ, изъ котораго будетъ высыпанъ содержавшійся въ немъ порошокъ. Сердце разгорожено продольною стѣнкою на двѣ половины, неимѣющія между собою сообщенія. Каждая изъ двухъ половинокъ разгорожена поперечною стѣнкою на двѣ части, сообщающіяся между собою черезъ широкія отверстія. Верхнія части каждой половины называются предсердіями; нижнія—сердечными полостями. Оба предсердія сжимаются въ одно время и выпускаютъ содержащуюся въ нихъ кровь въ сердечныя по-

лости; затѣмъ предсердія расширяются и тогда въ одно время сжимаются обѣ сердечныя полости. Кровь течетъ изъ обѣихъ полостей въ разныя стороны, и потому мы сначала прослѣдимъ за тою кровью, которая идетъ изъ лѣвой сердечной полости. Прямо изъ сердца кровь вступаетъ въ широкую артерію, въ *аорту*, которая на нѣкоторомъ разстояніи отъ сердца развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ артерій и несетъ кровь одними сосудами въ верхнюю часть тѣла: въ шею, въ голову и въ руки, другими въ нижнюю часть тѣла: къ пищеварительному каналу, къ печени, къ половымъ органамъ и къ ногамъ. По мѣрѣ приближенія артерій къ поверхности тѣла, онѣ развѣтвляются болѣе и болѣе; развѣтвленія эти подъ конецъ дѣлаются такъ тонки, что ихъ нельзя разсмотрѣть простымъ глазомъ; эти тончайшія развѣтвленія, находящіяся подъ кожей на всей поверхности тѣла, и кромѣ того въ кишечномъ каналѣ, въ печени, въ легкихъ, соединяются съ другими тончайшими развѣтвленіями, которыя уже отъ поверхности тѣла поворачиваютъ назадъ къ сердцу; дошедши до поверхности тѣла, кровь артеріальныхъ сосудовъ переходитъ въ венозные сосуды, которые постепенно сходятся въ толстыя вены. Кровь изъ верхнихъ и нижнихъ частей тѣла этими толстыми венами идетъ къ правому предсердію, а изъ праваго предсердія вливается въ правую сердечную полость. Правая полость сжимается и кровь черезъ артерію течетъ въ легкія, разливается тамъ по волоснымъ сосудамъ, входитъ въ венозные сосуды, потомъ идетъ назадъ въ лѣвое предсердіе и въ лѣвую сердечную полость, и тогда снова начинается та же исторія. Стало-быть вотъ маршрутъ крови въ тѣлѣ челоуѣка; изъ лѣваго сердца въ оконечности тѣла, изъ оконечностей въ правое сердце, изъ праваго сердца въ легкія, изъ легкиихъ назадъ въ лѣвое сердце. Кровь идетъ по этому пути, а не по другому, на томъ основаніи, что другаго пути нѣтъ; сжатіе сердца дѣйствуетъ на движеніе крови, какъ поршень на движеніе воды въ насосѣ; кровь, выдавленная изъ сердца, поневолѣ бросается въ открытыя трубочки; сердце сжимается еще разъ и новая волна крови течетъ въ трубочки и продвигаетъ дальше прежнюю, а прежняя въ свою очередь толкаетъ впередъ ту часть крови, которая прошла черезъ сердце раньше. Покуда сердце будетъ сжиматься, до тѣхъ поръ кровь будетъ двигаться. Всмотрѣвшись въ этотъ элементарный обзоръ кровообращенія, читатель будетъ въ состояніи понять приблизительно то расстройство, которое можетъ причинить организму недостатокъ крови или ея избытокъ. При

недостаткъ крови неизбежно медленное ея движеніе въ оконечностяхъ и у поверхности тѣла; при полнокровіи, напротивъ того, напоръ крови въ различнымъ частямъ тѣла слишкомъ силенъ и движеніе крови вообще слишкомъ быстро. Люди малокровные отличаются вялою кожей, слабостью половой дѣятельности, спокойнымъ, ровнымъ, часто нерѣшительнымъ характеромъ. Люди полнокровные страдаютъ приливами, легко раздражаются, часто горячатся, сильно увлекаются, любятъ движеніе и дѣятельность, отличаются физическою силою и предприимчивостію. Горячительные напитки, гимнастическія упражненія, волненіе, возбужденное разговоромъ или событіемъ ускоряютъ біеніе сердца, т. е. его сжатіе и расширеніе, увеличиваютъ быстроту кровообращенія и этимъ самымъ возвышаютъ температуру тѣла. У кого кровь движется быстрѣе, у того всѣ отправленія дѣлаются не такъ, какъ у человѣка съ медленнымъ движеніемъ крови. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и процессъ мысли, и весь такъ называемый нравственный характеръ въ значительной степени зависятъ отъ скорости кровообращенія. Біеніе пульса, по которому медики опредѣляютъ состояніе своихъ пациентовъ, находится въ непосредственной связи съ сжатіемъ и расширеніемъ сердца: сердце сжимается, волна крови ударяетъ въ пульсовую артерію; артерія, какъ упругая трубочка, расширяется, и вслѣдъ за тѣмъ, пропустивши волну, опять сжимается. При каждой новой волнѣ, повторяется расширеніе и сжатіе; это и есть біеніе пульса. Свойства этого біенія зависятъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ силы сжатія сердца, отъ величины кровяной волны, и отъ эластичности артерій; эти три обстоятельства измѣняются смотря по состоянію субъекта, и слѣдовательно даютъ медику возможность ознакомиться съ положеніемъ больного. Въ оконечностяхъ тѣла, въ волосныхъ сосудахъ приливы крови отъ сердца, отзывающіеся въ артеріяхъ сжатіемъ и расширеніемъ ихъ, становятся едва чувствительными; тамъ кровь течетъ ровно; точно также течетъ она въ венахъ, и потому вены не бьются подобно артеріямъ. Волосные сосуды отличаются значительно способностью сжиматься; отъ холода они могутъ совершенно закрыться; если морозъ сильно подѣйствовалъ на вашъ палецъ, волосные сосуды его сжимаются, кровь перестаетъ проникать въ него, и весь палецъ или по крайней мѣрѣ поверхность его начинаетъ кочевить. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, вы входите по поясъ въ холодную воду; волосные сосуды нижней части вашего тѣла отъ дѣйствія холода до нѣкоторой степени сжимаются; потокъ крови, хлынув-

щей къ этой нижней части, не можетъ проникнуть въ нее весь; ясно, что въ верхней части вашего тѣла окажется больше крови, чѣмъ сколько нужно; произойдетъ приливъ крови къ головѣ; во пѣтжаніе этого прилива, который можетъ повести за собою неприятныя послѣдствія, обыкновенно, входя въ воду, прежде всего мочать голову, чтобы волосныя сосуды головы также сжались и не пустили бы къ себѣ излишняго количества крови. Во сколько времени совершается полный оборотъ крови, т. е. во сколько времени частица крови, вышедшая изъ лѣваго сердца, обойдетъ все тѣло и возвратится назадъ въ лѣвое сердце? Тщательныя наблюденія показали, что средняя величина времени, необходимаго для полного оборота, равняется одной минутѣ. Въ сутки полный оборотъ крови совершается, слѣдовательно, 1440 разъ. Эту быстроту оборота объясняется то обстоятельство, что всякій ядъ, разлагающій или заражающій кровь, вѣдается въ организмъ чрезвычайно быстро. Зачумленные частицы крови въ теченіи сутокъ 1440 разъ обѣгутъ все ваше тѣло, столкнутся со множествомъ еще здоровыхъ частицъ, передадутъ имъ долю своей ядовитости и, смотря по силѣ яда, въ нѣсколько часовъ или въ нѣсколько дней, перепортятъ всю кровь. Змѣя укусила васъ въ ногу, а между тѣмъ у васъ пухнетъ все тѣло; бѣшеная собака оцарапала руку, а между тѣмъ, если тотчасъ же не прижечь ранку, явятся признаки бѣшенства, т. е. общаго пораженія организма. На кровообращеніи основываются точно также страшныя послѣдствія сифилитической болѣзни, которая, начинаясь едва замѣтною ранкою, кончается, или, по крайней мѣрѣ, можетъ кончиться гніеніемъ всего тѣла. Возможность оспопрививанія заключается точно также въ обращеніи крови. Пыточная частичка коровьей оспы, положенная въ ранку, всасывается кровью, производитъ въ ней химическія измѣненія, порождаетъ всеобщее воспаленіе и сыпь, и наконецъ отнимаетъ у организма способность воспринимать эту заразу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Умѣйте только узнавать свойства природы, и дѣйствительную физиономію вещей, и вы всегда будете въ состояніи воспользоваться этими свойствами по вашему благоусмотрѣнію; не передѣлывая природу по-своему, вы будете ея повелителемъ. Магики, искавшіе такихъ заклинаній, которыми можно было бы держать стихіи въ своемъ распоряженіи, инстинктивно повнимали силу человѣка. Они видѣли эту силу въ знаніи и въ этомъ случаѣ не ошибались. Ошибались же они только тѣмъ, что однимъ прыжкомъ хотѣли вскочить на ту лѣстницу,

но которой приходится идти медленно, отдыхая на каждой ступенькѣ и тщательно ощущывая слѣдующія ступени, чтобы не оступиться и не полетѣть внизъ. Они хотѣли магическимъ словомъ или обрядомъ достигнуть того, чего современная цивилизація достигла путемъ долговременныхъ и безчисленныхъ опытовъ. Они хотѣли отгадать, и не отгадали. Молешотъ и Фохтъ ищутъ, и кое-что отыскивали, точно также, какъ много отыскивали Ньютонъ, Коперникъ, Леверрье, Гайю, Кюве, Линней, Берцелиусъ, Либихъ, Фаредъ и пр. и пр. «Неужели же, спрашиваетъ Фохтъ въ концѣ главы о кровообращеніи, физиологичъ удалось такимъ образомъ смирить сердце, безпокойно волнующееся въ груди человѣка, положить на него оковы, и навязать ему законы? Неужели же то участіе, которое мы ему приписываемъ въ нашихъ чувствахъ, оказывается вымысломъ? Когда мы, по старобъ привычкѣ, говоримъ, что наше сердце усиленно бьется, замираетъ отъ радости, или сжимается отъ тоски, неужели мы употребляемъ только картинныя выраженія, отдаемъ дань привлекательной мечтѣ подвижнаго воображенія? Неужели съ нами случилось то же, что случилось съ Петромъ въ сказкѣ Гауффа о Тангейзерѣ? Неужели, у насъ, какъ у Петра, вырвали изъ груди живое сердце и вставили каменное, которое правда бьется и приводитъ въ движеніе кровь, но не принимаетъ участія въ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ, равномерно бьется отъ любви и отъ ненависти, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Нѣтъ! право нѣтъ! До этихъ результатовъ не доходятъ наша механика. Она открываетъ намъ законы; она показываетъ намъ физическія силы, дѣйствующія въ сердцѣ и въ сосудахъ; но наблюденія и размышленія показываютъ также, какъ сильно приложеніе этихъ силъ зависитъ отъ высшаго руководителя, отъ нервной системы; каждое впечатлѣніе, воспринятое ею, отзывается и отражается въ скорости и въ силѣ движеній сердца и въ распредѣленіи крови. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, какъ въ минуту воодушевленія сердце бьется полнѣе, какъ въ минуту тоски или ожиданія оно судорожно вздрагиваетъ. Мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если непосредственно, самому сердцу приписываемъ это участіе. Сердце отражаетъ только впечатлѣнія и ощущенія, воспринятая мозгомъ, центральнымъ органомъ нервной системы; раздраженія, исходящія изъ этого центрального органа, дѣйствуютъ на сердце сильнѣе непосредственнаго раздраженія. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, что щеки наши краснѣютъ отъ стыда, и блѣднѣютъ отъ страха; мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если

приписываемъ эти измѣненія дѣйствию крови, между тѣмъ, какъ они производятся сосудными нервами, управляющими распределеніемъ крови. Раздраженные дѣйствию мозга, эти нервы сжимаютъ сосуды; когда же эти нервы находятся въ бездѣйствіи и въ ослабленіи, сосуды расширяются и наливаются кровью. Но что большею частью вліяніе мозга на растительные процессы жизни основано на этой тѣсовой связи его съ сердцемъ и его движеніями, съ расширеніемъ и сжатіемъ сосудовъ, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ, тоска и забота изнуряютъ тѣло. Веселое расположеніе духа, бодрый взглядъ на жизнь, умѣренность въ волненіяхъ и страстяхъ сохраняютъ здоровье и свѣжесть. Эти замѣчанія каждый можетъ провѣрить въ жизни. Причину связи этихъ явленій между собою объяснить не такъ легко. Но отъ постоянного обновленія крови зависитъ питаніе, дыханіе, вся растительная жизнь; а обновленіе и движеніе крови находится въ непосредственной зависимости отъ движенія сердца. Гдѣ недостаетъ одного фактора, тамъ и вся сумма будетъ невѣрна; если избытокъ страстей, необузданная смѣна сильныхъ ощущеній или постоянное вліяніе грустнаго настроенія духа нарушаютъ или ослабляютъ правильную дѣятельность сердца и сосудовъ, то конечно ни обращеніе крови, ни зависящее отъ него питаніе тѣла не могутъ совершаться должнымъ порядкомъ.» (S. 30—31). Это великолѣпное мѣсто Фохта можно принять за попытку, не отходя ни на шагъ отъ осязательныхъ фактовъ, сблизить между собою области психологін и физиологін. О вліяніи сердца и кровеносныхъ сосудовъ на нервы онъ здѣсь не упоминаетъ, потому что считаетъ это обстоятельство совершенно несомнѣннымъ и очевиднымъ для всѣхъ. О вліяніи мозговыхъ нервовъ на сердце онъ говоритъ особенно подробно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что физиологія не вырываетъ у человѣка живаго сердца и не отнимаетъ у этого полагая мускула способности повиноваться (чисто пассивно) распоряженіямъ мозга. Изъ словъ Фохта можно вывести чисто физиологическое опредѣленіе понятій: мысль и чувство. Вы видите, что на движеніе сердца, на положеніе кровеносныхъ сосудовъ дѣйствуютъ исключительно чувства, наир. грусть, радость, боязнь, стыдъ, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чувство есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, но крайней мѣрѣ быстро и притомъ непроизвольно проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови. Мысль, напротивъ того, есть такое раздра-

жесте мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла; оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить, и для котораго у насъ даже есть готовое названіе — логическая послѣдовательность. Надо полагать и надѣяться, что понятія психическая жизнь, психологическое явленіе будутъ современемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена; они пойдутъ туда же, куда пошелъ эмпирико-софскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ — факты остаются.

IV.

Дыханіе, какъ несомнѣнный и очень важный фактъ, должно обратить на себя теперь наше вниманіе. Дыханіе совершается посредствомъ легкихъ, это мы уже знаемъ изъ общежитія; это одна изъ тѣхъ медицинскихъ истинъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи, но въ которыхъ мы все-таки не отдаемъ себѣ яснаго отчета. Такъ, напримѣръ, не всѣмъ извѣстно то, что сжатіе и расширеніе легкихъ совершается чисто пассивно. Грудной ящикъ человѣческаго скелета состоитъ изъ двѣнадцати паръ плоскихъ, въ различной степени согнутыхъ, эластичныхъ костей; кости эти называются ребрами и прикрѣпляются спереди къ грудной кости, а сзади къ спинному хребту. Внутренняя сторона этого костяного ящика обтянута крѣпкою кожей, не пропускающею вышшняго воздуха; нижняя часть ящика, смежная съ брюшною полостью, отдѣляется отъ этой полости мускулистою поперечною перегородкою, извѣстною въ анатоміи подъ названіемъ грудобрюшной преграды; верхняя часть груднаго ящика гораздо уже нижней, и черезъ дыхательное горло сообщается съ полостями рта и носа. Въ грудномъ ящикѣ висятъ на разныхъ сосудахъ и мышцахъ легкія и сердце. Легкія можно сравнить съ двумя мешками, сдѣланными изъ эластической матеріи. Кожа, обтягивающая стѣнки груднаго ящика, плотно прилегаетъ къ легкимъ и даже сростается съ ихъ верхнею частью. Теперь положимъ, что грудной ящикъ увеличивается въ своемъ объемѣ: мускулы грудобрюшной преграды вытягиваютъ ее, и середина этой кожаной перегородки немного опускается къ брюшной полости; очень понятно, что объемъ груднаго ящи-

ка становится больше и стѣнки этого ящика отходятъ отъ вѣншей поверхности легкихъ. Но грудной ящикъ плотно обтянутъ кожей; въ немъ нѣтъ атмосфернаго воздуха, потому что съ дыхательнымъ горломъ сообщается не самый ящикъ, а висаяця въ немъ легкія. Стало-быть между стѣнками легкихъ и стѣнками груднаго ящика, въ случаѣ расширенія послѣдняго, происходитъ пустота; не встрѣчая себѣ сопротивленія извнѣ и испытывая на себѣ изнутри давленіе содержащагося въ нихъ атмосфернаго воздуха, легкія расширяются до тѣхъ поръ, пока не наполняютъ собою всего груднаго ящика; такимъ образомъ происходитъ вдыханіе.—Но вотъ грудной ящикъ, расширившійся на мгновеніе, снова сжимается и сжимаетъ легкія; очень естественно, что часть принятаго воздуха выбрасывается черезъ тѣ же отверстія, черезъ которыя онъ вошелъ; происходитъ выдыханіе. Расширять или сжимать легкія мы собственно не можемъ; мы сжимаемъ и расширяемъ грудной ящикъ, а легкія измѣняются въ объемѣ уже помимо нашей воли, по физическому закону равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, по тому самому закону, по которому пузырь, положенный подъ колоколъ воздушнаго насоса, при вытягиваніи воздуха изъ-подъ колокола, раздувается и наконецъ лопається отъ напора содержащагося внутри его воздуха, не встрѣчающаго себѣ уравновѣшивающаго давленія извнѣ.—Кромѣ физическаго процесса въ дыханіи есть еще процессъ химическій; воздухъ не только входитъ въ легкія и выходитъ обратно; онъ самъ испытываетъ измѣненія и производитъ измѣненія въ тѣхъ частяхъ, съ которыми приходится въ соприкосновеніе. Каждому извѣстно, что въ комнатѣ, гдѣ слишкомъ много людей, становится душно, тяжело дышать; всякому извѣстно, что въ комнатахъ необходимо освѣжать воздухъ, лѣтомъ открывая окна, а зимою протапливая печи.

Все это происходитъ оттого, что мы выдыхаемъ не тѣ газы, которые вдыхаемъ, и слѣдовательно въ извѣстный промежутокъ времени можемъ химически переработать весь воздухъ, содержащійся въ комнатѣ, и сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшаго вдыханія. Тогда надо перемѣнить воздухъ, или задохнуться. «Давно уже, говоритъ Фохтъ, былъ извѣстенъ фактъ, что люди или животныя, запертыя въ тѣсномъ и плотно закупоренномъ пространствѣ, по прошествіи нѣкотораго времени начинали дышать съ трудомъ; кожа людей становилась сине-краснаго цвѣта, и самыя значительныя усилія вдохнуть не находили себѣ удовлетворенія. Если ихъ оставляли запертыми еще дольше, то у нихъ являлись конвульсивныя движенія, исчезало сознаніе, и наконецъ жизнь

постепенно угасала при сильнѣйшихъ судорогахъ; словомъ, при этомъ родѣ смерти повторялись тѣ же явленія, какія случаются при давленіи. Причина этого явленія объяснилась вполне удовлетворительно только тогда, когда химія сдѣлала значительные успѣхи, позволившіе ей разлагать и анализировать газы. Теперь мы знаемъ положительно, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ 21 процента кислорода и 79 процентовъ азота; мы знаемъ, что количество азота не измѣняется отъ процесса дыканія, а что кислородъ, напротивъ того, поглощается нашими легкими, которыя, взаменъ воспринятаго количества кислорода, выдѣляютъ равное по объему количество углекислоты. Кислородомъ дышатъ всѣ животныя; въ другихъ газахъ они задыхаются, и углекислота въ этомъ отношеніи стоитъ на-ряду съ другими, т. е. рѣшительно не можетъ поддерживать животной жизни. Кислородъ имѣетъ особенное химическое сродство съ красными шариками, плавающими въ нашей крови и сообщающими ей ея яркій цвѣтъ. Этѣ красные шарики жадно соединяются съ кислородомъ и подъ его влияніемъ измѣняютъ даже свой цвѣтъ; до соединенія съ кислородомъ они отлщаются синекраснымъ, багровымъ цвѣтомъ, послѣ соединенія они принимаютъ яркокрасный, болѣе свѣтлый колоритъ. При теперешнемъ состояніи науки, мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ химическія измѣненія, совершающіяся въ крови. Причины и назначеніе каждаго измѣненія еще не могутъ быть указаны. Мы знаемъ только, что кровь, притекающая къ легкимъ, бываетъ синекраснаго цвѣта и насыщена углекислотою; въ легкихъ она выдѣляетъ углекислоту, принимаетъ соответствующую дозу кислорода и выходитъ изъ легкихъ, превратившись въ ярко-красную кровь. Мы знаемъ также, что это насыщеніе кислородомъ необходимо для процесса жизни; есть ядовитые газы, которыя, при вдыханіи, отнимаютъ у кровяныхъ шариковъ способность соединяться съ кислородомъ. Къ числу такихъ газовъ принадлежатъ окись углерода, которую не должно смѣшивать съ углекислотою. Углекислота можетъ задушить чисто пассивно; здѣсь дѣйствуетъ не углекислота, а просто отсутствіе кислорода; человекъ, задохнувшійся въ углекислотѣ, все равно что утопленникъ; если его вытащить во-время, то его можно оживить, вдввая ему въ легкія воздухъ или чистый кислородъ. Окись углерода, напротивъ того, прекращая процессъ дыканія, кромѣ того химически измѣняетъ кровь и отнимаетъ у нея сродство съ кислородомъ. Людей, задохнувшихся въ этомъ газѣ, невозможно спасти. Съ этимъ газомъ намъ приходится встрѣчаться въ все-

дневномъ быту. Онъ производитъ угаръ; отъ него болитъ голова, когда онъ въ небольшомъ количествѣ проникаетъ черезъ легкія въ кровь, и отъ него умираютъ люди, если онъ дѣйствуетъ на нихъ долгое время, т. е. въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. На дѣйствіи этого газа основанъ извѣстный, очень употребительный въ Парижѣ способъ самоубійства посредствомъ жаровни; этотъ способъ по своей дешевизнѣ доступенъ бѣднякамъ, на которыхъ всего тяжелѣе напираетъ суровая сторона жизни, сторона лишеній, трудовъ и страданій; сверхъ того, онъ нечувствительно приводитъ къ смерти, если только можно найти средство заснуть, подвергаясь дѣйствію убивающаго газа. Кто испыталъ омушненіе угара, или видѣлъ его дѣйствіе на другихъ, тотъ пойметъ, какъ сильно отзывается во всемъ организмѣ, во всей нервной системѣ малѣйшее химическое измѣненіе въ составѣ крови. Какъ ни быстро развивается въ наше время химія, а она не въ состояніи еще, по несовершенству своихъ орудій, прослѣдить за этими, едва замѣтными измѣненіями, которыя ведутъ за собою очень ощутительныя послѣдствія. Многіе вопросы, вслѣдствіе этого, должны еще остаться нерѣшенными. Почему, напримѣръ, кровяные шарики должны соединяться именно съ кислородомъ? На что нуженъ этотъ кислородъ въ общей экономіи животной жизни? Рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ еще будущему.

V.

Третій процессъ, необходимый для поддержанія животной жизни, основанъ на томъ, что мы перерабатываемъ въ свое тѣло вещества, воспринимаемые нами извнѣ, изъ окружающаго міра. Этотъ процессъ называется пищевареніемъ и отличается особенною сложностью. Говоря о пищевареніи, надо принимать въ расчетъ свойства тѣхъ предметовъ, которые мы принимаемъ въ себя, и свойства тѣхъ органовъ, которые ихъ перерабатываютъ. Дышать мы можемъ только атмосфернымъ воздухомъ; питаемся мы, напротивъ того, самыми разнообразными веществами; это конечно имѣетъ на насъ значительное вліяніе; мы, по обыкновенію, приписываемъ разнымъ невѣсовымъ причинамъ то, что надо отнести насчетъ дѣйствія вивиди; мы даже приходимъ въ негодованіе, когда намъ объясняютъ чисто физическими причинами то, что мы называемъ душевнымъ страданіемъ; мы улыбаемся съ видомъ не-

доктрия, когда опытный медикъ совѣтуетъ намъ, для устранения дурнаго расположенія духа, кушать то или другое, заниматься гимнастикою или принимать слабительное. Во вседневной частной жизни мы стараемся такнѣ образомъ проломить лбомъ стѣну, или, что тоже самое, подчинить себѣ наши физиологическія отправленія, вмѣсто того, чтобы подчиниться имъ, и, поддерживая ихъ въ самомъ нормальномъ положеніи, во всякую данную минуту располагать всеми силами организма. Мы даже во вседневной жизни, которая однако у большей части людей вовсе не отличается преобладаніемъ высокихъ стремлений, стараемся забыть великолѣпное правило классической древности: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая мысль (*mens sana in corpore sano*).» Мудрено ли послѣ того, что когда намъ приходится вѣсть дѣло съ общими вопросами, хоть бы наирѣмѣрь, въ области исторіи, мы уже окончательно завираемся, и соглашаемся скорѣе говорить фразы, которыхъ сами не понимаемъ, чѣмъ приводить различныя великія событія въ связь съ матеріальными причинами, подобными выбору пищи и процессу пищеваренія.—Мои выписки изъ Мелешота (въ июльской книгѣ Р. Слова) многимъ показались парадоксальными; Фохтъ тѣмъ не менѣе, во всехъ отношеніяхъ сходится съ выводами Мелешота, и потому я, чтобы не повторяться, обойду то письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о предметахъ, употребляющихся въ пищу. Приведу только двѣ-три выписки, въ которыхъ выражается взглядъ Фохта на значеніе пищи для общественной и исторической жизни. «При разведеніи картофеля, говоритъ онъ, всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ провозвѣдцаго, всѣ неудобства падаютъ на потребителя, который получаетъ пищу въ неудобной формѣ и въ неудобномъ смѣшеніи составныхъ частей; потребитель этотъ долженъ пустить въ ходъ величайшую сумму производительной дѣятельности для того, чтобы добиться малѣйшаго полезнаго результата. На этомъ основаніи одинъ замѣчательный изслѣдователь говорить совершенно справедливо, что преобладаніе картофельной пищи доводитъ бѣдный классъ до послѣдней крайности, что ему уже некуда отступитъ, и не на что опереться; бѣдный поденщикъ или бѣдный чухичъ поставленъ въ необходимость разрѣшить ужасную задачу: доставить наибольшее количество работы при наименьшемъ количествѣ пищи плохого достоинства.»—Приятно встрѣтить въ серьезномъ изслѣдователѣ истинно гуманнаго человѣка; приятно видѣть, что сухой анализъ отдѣльныхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла не вытѣснилъ въ умѣ ученаго натуралиста образа полной человѣческой личности, не

сдѣлать его невнимательнымъ къ ея затрудненіямъ и страданіямъ. Ни Мошеготу, ни Фохту нельзя отказать въ здоровой, дѣльной гуманности; гуманность эта не фразиста, и не слезлива; она выражается не возгласами, не умиленіемъ надъ непорочностью простаго народа, а всѣмъ ходомъ мысли, математически вѣрными выкладками, внимательностью къ насущнымъ потребностямъ бѣдняка, и спусхожденіемъ къ тѣмъ слабостямъ, которыя порождаются его лишеніями и страданіями. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ Фохтъ, возрастаетъ потребленіе чая и кофе; чѣмъ больше распространяется, при увеличеніи бѣдности, картофельная нища, тѣмъ упорнѣе народъ держится за кофе, который дѣлается необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ.... Сильное возбуждательное дѣйствіе алкалоида, заключающагося въ настоѣ, заставляетъ прибѣгать къ употребленію чая и кофе, потому, что эти напитки доставляютъ возможность управляться съ нищею, принятою при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ.» Считать чай или кофе пустою прихотью, и осуждать бѣдныхъ людей за то, что они, отказывая себѣ въ необходимомъ, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ этимъ напиткамъ нѣкоторую роскошь, было бы, какъ вы видите, неосновательно и негуманно. Извѣстная доля наслажденія до такой степени необходима для того, чтобы поддержать въ человѣкѣ бодрость, что онъ скорѣе согласится недоѣсть и недоспать, чѣмъ обойтись безъ этой микроскопической радости. Чѣмъ больше въ его обыденной жизни труда и черной заботы, тѣмъ необходимѣе для него минуты развлеченія и разгула. У кого есть всякій день сытный обѣдъ и умѣренная работа, тотъ можетъ, пожалуй, круглый годъ не отходить отъ конторки или письменнаго стола. Но для пролетарія, для поденщика, таскающаго по буднямъ кули и съѣдающаго кусокъ черстваго хлѣба, совершенно необходимо въ воскресенье или въ праздникъ пропѣть пѣсню, отхватить трешака, или даже хлебнуть чарку водки. «Собственно предметы пища, говоритъ Фохтъ, необходимы для поддержанія жизни, а наркотическія и спиртуозныя вещества увеличиваютъ наслажденіе, и доставляютъ нѣсколько счастливыхъ часовъ даже тому, кого гнететъ забота.» «Отдѣльная личность, говоритъ Бибра, принявшая слишкомъ много гашиша, бѣгающая по улицамъ и нападающая на встрѣчнаго и поперечнаго, исчезаетъ при сравненіи съ тѣмъ множествомъ людей, которыя, принявъ умѣренную дозу послѣ обѣда, проводятъ нѣсколько веселыхъ и счастливыхъ часовъ. Число тѣхъ людей, которымъ кока доставляетъ возможность преодолевать самыя страшныя трудности, и

даже спастись отъ голодной смерти, значительно превышаетъ количество тѣхъ немногихъ *кокверо*, которые неумѣреннымъ употребленіемъ этого наркотическаго вещества погубили свое здоровье. Точно также одно неумѣстное лицемѣріе можетъ прокливать употребленіе кубка, прогоняющаго заботы, основываясь на томъ, что есть пьяницы, не останавливающіеся во-время и незнающіе мѣры.»—По этимъ выпискамъ можно видѣть, что Фохтъ соглашается съ Молешотомъ какъ въ общей идее, такъ и въ отдѣльныхъ фактахъ. Онъ вмѣстѣ съ Молешотомъ придаетъ пицѣ очень важное значеніе, и находитъ, что въ выборѣ пищи всего лучше руководствоваться инстинктомъ, т. е. естественными требованіями своего вкуса; но, такъ какъ подобный образъ дѣйствія доступенъ только людямъ обеспеченнымъ, такъ какъ бѣдняки ѣдятъ не то, чего имъ хочется, а то, что подешевле, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ одинаково дешевой пищи имѣетъ важное практическое значеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса, Фохтъ опять-таки сходится съ Молешотомъ: картофель безусловно отвергается и вмѣсто него рекомендуются стручковые растенія, горохъ, чечевица и бобы. Къ наркотическимъ и спиртуознымъ веществамъ и Фохтъ и Молешотъ относятся очень снисходительно; обомъ изслѣдователямъ одинаково противенъ тотъ квакерскій ригоризмъ, который превращаетъ человѣка въ рабочую машину, и запрещаетъ всякое наслажденіе, для того, чтобы не могло быть излишества. Оба изслѣдователя стоятъ на твердой почвѣ живыхъ фактовъ и смотрятъ на человѣческую личность трезвымъ взглядомъ, не исключаящимъ ни снисхожденія, ни любви.

VI.

Теперь мнѣ остается только прослѣдить за тѣми видоизмѣненіями, которыя испытываетъ пища, проходя черезъ желудокъ и кишечный каналъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлою химическою лабораторіею, которая, работая безостановочно, превращаетъ въ кровь то, что можетъ подвергнуться этому измѣненію, и выбрасываетъ то, что не разлагается, изъ чего уже добыты всѣ нужные ингредіенты.—Прежде всего мы беремъ пищу въ ротъ, разжевываемъ ее зубами и при этомъ невольно смачиваемъ ее слюною; пища отправляется въ желудокъ въ размельченномъ видѣ и притомъ пропитанная водянистою жидкостью; черезъ это она дѣлается доступною химическому вліанію же-

жудочнаго сока; еслибы мы глотали куски, не прожевавша ихъ, то это химическое вліяніе вовсе не могло бы имѣть мѣста, или, по крайней мѣрѣ, совершалось бы гораздо медленнѣе, и процессъ пищева-ренія во всякомъ случаѣ потерпѣлъ бы нѣкоторое расстройство. Мнѣ случилось читать въ одной статьѣ о Карлѣ V, что этотъ государь постоянно страдалъ несвареніемъ желудка, и что это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени устройствомъ его черепа; дѣло въ томъ, что нижняя челюсть была сильно выдвинута впередъ, такъ что не могла плотно сходиться съ верхнею. Императоръ не могъ хорошо пережевать пища и притомъ любилъ плотно покушать; жирныя куски говядины и рыбы, едва помятыя во рту, скользили въ горло и конечно немощь сакагали въ желудкѣ. Кто знаетъ, насколько это обстоятельство имѣло вліянія на эксцентрическіе поступки повелителя образованнаго міра, и даже на его удаленіе въ монастырь св. Юста? Сколько мнѣ помнится, статья, о которой я говорю, была напечатана въ Р. Вѣстникѣ за 1856 годъ и авторомъ ея былъ П. Н. Кудрявцовъ. Жаль, что не вездѣ и не всегда физическія причины какого нибудь явленія такъ очевидны и осязательны, какъ въ дѣлѣ Карла V! Размельченный пища проникаетъ въ желудокъ—простою мѣлкой, сдѣланный изъ тонкой кожи и снабженный мускулами; внутреннія стѣнки желудка шероховаты и покрыты железками, отдѣляющими кислотную жидкость; эта жидкость называется желудочнымъ сокомъ и играетъ главную роль въ химической переработкѣ пища. Одинъ любопытный опытъ показалъ физиологамъ, что желудокъ не растыраетъ пищу, а только разлагаетъ ее выдѣляемымъ сокомъ. Собакамъ, уткамъ и курамъ давали проглотить маленькія жестяныя или деревянныя коробочки, въ которыхъ была положена пища; стѣнки этихъ коробочекъ были продырявлены, такъ, чтобы жидкость могла проникать въ коробочки, но чтобы самая пища не приходила въ соприкосновеніе съ стѣнками желудка; коробочки эти были привязаны на ниткѣ, за которую ихъ можно было вытащить назадъ. Когда ихъ вытаскивали по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, то въ нихъ уже не осталось пища; все было следовательно разложено желудочнымъ сокомъ и увесено въ кишечный каналъ. Какъ кровообращеніе нисколько не зависитъ отъ присутствія какой нибудь воображаемой жизненной силы, такъ точно и пищева-реніе совершается безъ вмѣшательства этого таинственнаго агента. Хи-мическій процессъ пищева-ренія можно произвести въ животнаго орга-низма, если только взять тѣ кислоты, которыя дѣйствуютъ въ же-

лудочною соку, омѣнять ихъ въ должной пропорціи и привести ихъ въ температуру, равняющуюся теплотѣ нашихъ внутренностей. Мясо и растительная пища, подверженные дѣйствию такого состава въ какомъ нибудь стеклянномъ сосудѣ, измѣнятся точно также, какъ и измѣнялись бы они въ человѣческомъ желудкѣ. Работа желудка кончается тѣмъ, что пища превращается въ такъ—называемую пищевую кашницу, т. е. въ болѣе или менѣе густое тѣсто, смотря по свойству принятой пищи. Эта кашница, въ которой одиѣ частицы оказываются совершенно разложенными, другія—только размягченными, третья совершенно нетронутыми, изъ желудка выходитъ въ тонкую кишку и подвергается дѣйствию поджелудочной железы и печени. Поджелудочная железа выделяетъ изъ себя прозрачную, клейкую жидкость, имѣющую свойство превращать крахмалъ въ сахаръ, сахаръ въ молочную, потомъ въ масляную кислоту, и наконецъ въ жиръ. Примѣшиваясь къ готовому жиру, эта жидкость производитъ въ немъ такое химическое измѣненіе, которое позволяетъ ему распускаться въ водѣ и вообще соединяться съ воднистыми жидкостями. Это измѣненіе необходимо для того, чтобы жиръ просачивался сквозь стѣнки кишечнаго канала и по мелкимъ волоснымъ сосудамъ проходилъ въ кровь. Печень, дѣйствующая на пищу посредствомъ выделяемой ею желчи, играетъ очень важную роль, какъ въ медицинскимъ сочиненіяхъ, такъ и въ обиходныхъ понятіяхъ, распространенныхъ въ массѣ; печенью объясняются многія болѣзненные явленія; страданіе печени и разлитіе желчи составляютъ, по мнѣнію публики и нѣкоторыхъ медиковъ, главные причины дурнаго расположенія духа, шлохондрія, меланхолія, и т. п. Фохтъ говоритъ, что по большей части эти объясненія ошибочны, но что во многихъ случаяхъ приходится оставить дѣло нерѣшеннымъ; нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому что химическая работа печени и вліяніе желчи на пищевареніе еще недостаточно разработаны. До сихъ поръ найдено, что желчь оказываетъ двойное вліяніе на пищевую кашницу. Во-первыхъ, она предохраняетъ ее отъ гніенія въ самомъ кишечномъ каналѣ. Во-вторыхъ, она, подобно соку поджелудочной железы, превращаетъ жиръ въ эмульсію, легко соединяющуюся съ воднистыми жидкостями. Надъ животными производилъ слѣдующій опытъ: у нихъ перевязывали каналъ, ведущій изъ желчнаго пузыря въ кишку, такъ чтобы ни одна капля желчи не могла попасть въ переваривающуюся пищу; потомъ желчный пузырь прорѣзывали съ другой стороны такъ, чтобы желчь выливалась наружу, и чтобы дѣятельность печени шла такимъ образомъ своимъ по-

рядкомъ.—Многія животныя не выдерживали операціи и умирали подъ ножомъ изслѣдователя; другія жили болѣе или менѣе долго, но всё безъ исключенія не могли выздоровѣть; они ѣли чрезвычайно много, и при этомъ постоянно худѣли, жиръ совершенно пропадалъ; а такъ какъ жиръ въ извѣстномъ количествѣ совершенно необходимъ нашему организму, то отсутствіе жира приводило за собою смерть. Эта пропжа жира объясняется тѣмъ, что жиръ, содержащійся въ пищѣ, не превращался въ эмульсію, и слѣдовательно, не имѣя возможности черезъ волосныя сосуды просачиваться въ кровь, проходилъ по кишечному каналу и выходилъ вонъ, не принеся организму никакой пользы. Жиръ животный или сало, и жиръ растительный, или масло (напр. конопляное, маковое), какъ извѣстно каждому по вседневному опыту, не соединяются съ водою, между тѣмъ изъ сала дѣлается мыло, распускающееся въ водѣ; а изъ тѣхъ же самыхъ зеренъ, изъ которыхъ выжимается масло, дѣлается молоко (конопляное, маковое), очень легко соединяющееся съ водою. Желчный сокъ поджелудочной железы превращаютъ жиръ и сало въ мыло (т. е. въ жирныя вещества, растворяющіяся въ водѣ), а растительное масло въ растительное молоко или эмульсію. У животныхъ, у которыхъ была вырѣзана желчь, эта переработка жира не могла производиться въ достаточныхъ размѣрахъ, и потому они чахли, несмотря на огромное количество поглощаемой пищи. Кромѣ того, экскременты этихъ животныхъ отличались отвратительнымъ, гнилымъ запахомъ; запахъ этотъ сообщался даже ихъ дыханію; ясно, что пища загнивала въ ихъ кишечномъ каналѣ оттого, что къ ней не было притока желчи.—Испытавъ на себѣ вліяніе сока поджелудочной железы и желчи, пищевая кашница смачивается еще кишечнымъ сокомъ и наконецъ выходитъ изъ нашего тѣла. Составныя части экскрементовъ значительно отличаются отъ составныхъ частей пищи; многія вещества, входившія въ пищу, не находятся въ экскрементахъ; зато въ нихъ находится много такого, чего [не было въ пищѣ, и что входило въ составъ нашего тѣла, какъ—то желудочный сокъ, желчь, кишечный сокъ и т. п. Въ экскрементахъ организмъ выбрасываетъ то, что оказывается въ принятой пищѣ лишнимъ или нерастворимымъ, и съ этими остатками пищи соединяетъ тѣ вещества, которыя ему нужно выдѣлить изъ себя, и которыя, оставаясь долѣе въ организмѣ, могли бы произвести въ немъ то или другое разстройство. А что же сдѣлалось съ тѣми частями пищи, которыя пошли въ прокъ? Говоря о химической переработкѣ пи-

щи, мы до сихъ поръ показали только, какимъ образомъ изъ пищи выдѣляются эти полезныя части. Посмотрите теперь, какъ эти части входятъ въ общую экономію организма.

Если мы положимъ въ воду сухое органическое вещество, напр. кусокъ дерева, кожи, пузыря, то это вещество разбухнетъ, т. е. приметъ въ себя нѣкоторое количество воды. На этой способности органическихъ тканей, всасывать водянистыя жидкости, основанъ весь процессъ питанія и обновленія нашего тѣла. Сверхъ того, органическія ткани имѣютъ также способность служить проводниками между двумя жидкостями, прикасающимися къ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Если вы возьмете виннаго спирта въ пузырь и, крѣпко завязавши его, положите все это въ чашу, наполненную водою, то черезъ нѣсколько часовъ окажется, что въ пузырь—разбавленный спиртъ, а въ чашѣ—вода съ слабою примѣсью спирта. Водянистыя жидкости такимъ образомъ нѣсколько всасываются въ органическія ткани, но и просачиваются насквозь. Органическая ткань даже притягиваетъ къ себѣ жидкость; въ этомъ вы можете убѣдиться слѣдующимъ опытомъ: возьмите длинную стеклянную трубку, налейте въ нее спирту, завяжите ее конецъ пузыремъ и опустите этотъ завязанный конецъ въ воду: вы увидите, что жидкость въ трубкѣ начнетъ подниматься и поднимется даже гораздо выше общаго уровня воды. Последнее обстоятельство не могло бы случиться, еслибы конецъ трубки не былъ завязанъ пузыремъ. Ясно стало—быть, что притягиваетъ органическая ткань. — Если мы посмотримъ вообще на устройство кишечнаго канала, то увидимъ, что его можно сравнить съ длинною трубкою, на внутренней поверхности которой находится безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ, лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудовъ; сосуды закрыты со всѣхъ сторонъ, но стѣнки сосудовъ состоятъ изъ органическихъ тканей, которыя не только пропускаютъ, но даже притягиваютъ жидкости; очень естественно, что между содержаніемъ кишечнаго канала, т. е. пищевою кашницею и жидкостями сосудовъ совершается постоянный обмѣнъ; тѣмъ жиже пища, тѣмъ скорѣе она всасывается кровяными и лимфатическими сосудами, вносится въ общее кровообращеніе, испытываетъ множество химическихъ измѣненій, и наконецъ совершенно уподобляется крови или лимфѣ, а потомъ идетъ на обновленіе твердыхъ органическихъ тканей. Это очень ясно, я это знаю, но, чтобы представить это ясно, надо подождать дальнѣйшихъ успѣховъ физиологія, и

притомъ написать статью во 100 разъ больше той, которую я теперь представляю на благосклонное вниманіе читателя.

VI.

Вотъ мы въ бѣгломъ очеркѣ посмотрѣли на три важнѣйшіе процесса растительной жизни человѣка. Чтѣ же мы изъ этого выведемъ? Благоговѣть ли намъ передъ мудростью природы? Любоваться ли сложнымъ устройствомъ нашего тѣла? Или, напротивъ того, находить въ этой сложности существенный недостатокъ? Вѣдь, извѣстное дѣло, чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ чаще она портится, тѣмъ чаще ее приходится чинить, тѣмъ бережнѣе съ нею приходится обращаться. Если принять въ соображеніе многочисленность нашихъ болѣзней, несовершенство нашей медицины, необходимость множества предосторожностей и необходимость умереть, несмотря на всѣ предосторожности, то можно пожалуй подумать: Богъ съ нею, съ этою красивою сложностью; съ нею такъ много хлопотъ, неприятностей и страданій! Но эти мысли будутъ совершенно неосновательны, собственно потому, что онѣ глубоко бесплодны. Физическое *statu quo*, то, что мы называемъ природою, то, чѣмъ мы любуемся, то, къ чему поэты пишутъ, или, по крайней мѣрѣ, писали воззванія и идилліи, безстрастно, безчувственно, безсознательно, неумолимо, глухо къ нашимъ благодарственнымъ возгласамъ и къ нашимъ безсильнымъ проклятіямъ. Къ—чему же становиться намъ въ этой слѣпой силѣ въ какія бы то ни было нравственныя отношенія? Она не посторонится для насъ ни вправо, ни влево. Она сама по себѣ, мы сами по себѣ, но мы отъ нея зависимъ, и зависимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше знаемъ ее. Вотъ что намъ нужно: узнавать ее, вглядываться въ нее, и постепенно овладѣвать ея тайнами, которыхъ она впрочемъ и не думаетъ скрывать, а которыя мы считаемъ за тайны только потому, что онѣ до поры до времени не попадались намъ на глаза. Старайтесь разъяснить себѣ факты и законы, а потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ эти факты и законы, какое міросозерцаніе вы себѣ состряпаете, и какимъ чувствомъ вы его окрасите,—любовью, ненавистью, благоговѣніемъ или презрѣніемъ,—это уже предоставляется вашему личному вкусу и до этого, кромѣ васъ, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Д. ПИСАРЕВЪ

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОИНСЬ.

Закрытіе санктпетербургскаго университета. — О наставленіи военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ.

По распоряженію высшаго начальства, вслѣдствіе повторившихся безпорядковъ въ санктпетербургскомъ университетѣ, лекціи прекращены, и входъ въ университетъ закрыть до дальнѣйшихъ распоряженій.

Имяннымъ указомъ Его Императорскаго Величества повелѣно привести въ исполненіе изданное управляющимъ военнымъ министерствомъ наставленіе военнымъ начальникамъ при употребленіи войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. Наставленіе это заключается въ слѣдующемъ: 1) Всѣ войска, по письменнымъ требованіямъ губернаторовъ, исправниковъ и городничихъ, должны содѣйствовать къ усмиренію народныхъ волненій и прекращенію безпорядковъ. *Примѣчаніе.* За неимѣніемъ другихъ войскъ командируются и артиллерія, безъ орудій, которыя берутся только въ-случаяхъ особенной важности, по требованіямъ губернаторовъ. 2) Начальники присланныхъ, для означенной цѣли, воинскихъ командъ исполняютъ требованія полицейскихъ чиновниковъ, къ обязанности которыхъ относятся, или на коихъ возложены будутъ распоряженія по усмиренію народныхъ волненій и прекращенію безпорядковъ и, по ихъ же приказаніямъ, употребляютъ силу оружія, когда упомянутыми чиновниками будетъ сдѣлано, но безуспѣшно, установленное троекратное предвареніе къ неповинующимъ или возмутившимся, съ барабаннымъ боемъ или сигналомъ на трубѣ и горнѣ. 3) Начальники воинскихъ командъ сами распоряжаются только въ томъ случаѣ, когда исправникъ, городничій, или распоряжающійся на мѣстѣ безпорядка чиновникъ, будутъ захвачены возмутившимися и лишены возможности дѣй-

Отд. III.

ствовать. Кроме того, воинскимъ начальникамъ предоставляется употреблять силу оружія противъ возмущившихся, не ожидая требованія со стороны гражданскаго начальства, въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: а) когда возмущившіеся сами нападутъ на войска и б) когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмущившихся.

4) Войскамъ, находящимся въ караулѣ, въ патруляхъ, въ обходахъ и проч., для сохраненія общественнаго порядка, тишины и спокойствія, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для преодоленія сопротивленія, когда при исполненіи означенныхъ обязанностей, на нихъ нападаютъ или имъ угрожаютъ нападеніемъ, или когда они встрѣчаютъ сопротивленіе въ видѣ насилія или опасныхъ угрозъ. б) При понужденіи къ должному повиновенію, когда, при исполненіи войсками ихъ обязанностей, не будетъ тотчасъ же исполнено требованіе ихъ объ отдачѣ оружія или другихъ орудій, употребляемыхъ при нападеніи и для защиты, или когда возмущившіеся будутъ покушаться захватить сложенное оружіе. в) Для защиты охраняемыхъ ими лицъ и предметовъ, при насильственномъ покушеніи на ихъ цѣлость и безопасность. г) Для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. 5) Когда войска, въ случаяхъ вышеобъясненныхъ, вынуждены будутъ обратиться къ силѣ оружія, то отъ самихъ начальниковъ войскъ зависитъ опредѣлить, смотря по дѣйствительной необходимости, какъ дѣйствовать: холоднымъ оружіемъ, или огнемъ. 6) Послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою оружія, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ настоящими правилами. 7) Если лица невоенныя будутъ ранены при употребленіи оружія, то начальникъ войскъ, какъ только позволятъ обстоятельства, уведомляетъ о томъ полицію, на которую возлагается попеченіе о раненыхъ. 8) Войска, занимающія караулы, какъ постоянныя, такъ и временныя, руководствуются правилами устава о гарнизонной службѣ, а предназначаемыя для употребленія, по обстоятельствамъ, въ видѣ резервовъ, дѣйствуютъ по правиламъ устава о полевой службѣ въ военное время. Необходимыя, сверхъ-того, дополнительныя, смотря по обстоятельствамъ, наставленія войскамъ должны быть даны ихъ ближайшимъ начальствомъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Открытія ревизіонной комисіи. — Маленькія неточности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. — Логика г. Герена и его благопріобрѣтенія. — Придавленное г. Дюбронара. — Депеши къ д-цу Кларѣ и къ Софѣ Петровнѣ. — Элегія одного акціонера. — Еще открытіе комисіи. — Путешествіе г. и г-жи Доманже. — Легетръ и 1 р. 20 к. сер. на водку. — Русскіе за границей и безгранично-щедрые иностранцы въ Россіи. — Дорожныя стансы Легетра, переводъ съ французскаго. — Остроумный фарсъ главнаго общества. — Мнѣ о каретѣ г. Геллинга, потерянной въ Псковѣ. — Моя застольная пѣсня по этому поводу. — Роскошь главнаго директора общества и доходы архитектора Бонштедта. — Что такое значить меблировать квартиру? — Можно-ли въ Россіи добыть канцелярскіе матеріалы для общества? — Совѣтъ, думающій о благѣ Россіи, и его предложенія. — Перейра и Абаза. — Русскіе Миресы и пѣсня, посвященная имъ. — Что новаго? — *Видимое* затишье въ Петербургѣ. — Надъ Л. Камбекомъ собирается туча. — Смирдинъ и эпиграмма Пушкина. — Современный нашъ недугъ и два типа редакторовъ. — *Новый сатирикъ*, и господинъ, ищущій *направленія* для своей газеты. — Петербургская начальница и ея антипатія къ русскимъ журналамъ. — Мое обращеніе къ ней. — Школьная дисциплина. — В. В. Ганка и его другъ, академикъ Дубровскій. — Гейне и его другъ г. А. Арсеньевъ. — Слухъ о новомъ романѣ г. Тургенева. — Шарлатанство А. Дюма и французскій прогрессъ. — Первый дебютъ г-жи Струйской въ двухъ комедіяхъ г. Островскаго. — Новый видъ лихоинства. — Лжегенералъ и лже-литераторъ. — Провинціальная хроника. — Нижегородскій самозванецъ. — Вѣсти съ *Чернаго озера* и появленіе всадника въ публичномъ суду. — Курьезное объявленіе. — Педагогъ, берущій взятки цѣтми. — Закулисный театральныи міръ въ провинціи. — Закулисная элегія. — Предупредительность опеки. — Окольные пути. — Г. Солопина и его подвиги.

Въ то время, когда о «Полемическихъ красотахъ» Современника нѣкоторые ядовитые журналисты толкуютъ на 60-ти печатныхъ страницахъ и бросаютъ жребій объ одеждахъ г. Чернышевскаго, въ то время, когда г. Старчевскій откровенно признается своимъ читателямъ,

что его «Сынъ Отечества» въ новомъ своемъ видѣ будетъ *преслѣ-
довать* тѣ высокія цѣли, которыя имѣютъ въ виду всѣ лучшія евро-
пейскія газеты», въ то самое время я оставляю литературную и жур-
нальную арену и отправлюсь съ читателемъ на иную прогулку. Про-
гулка будетъ очень интересная, несмотря на то, что передъ нами
долженъ пройти цѣлый рядъ бухгалтерскихъ отчетовъ, цифръ и ито-
говъ. Мы остановимся предъ акціонернымъ *заведеніемъ*, предъ «Глав-
нымъ Обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» и я начну свое
эпическое сказаніе:

Гдѣвъ Коллинъона пою и открытыя послѣднихъ ревизій!..

О внутреннихъ распоряженіяхъ и администраціи «Главнаго Обще-
ства» всѣ мы имѣли до сихъ поръ одно смутное понятіе, какъ о да-
лекихъ до-Петровскихъ временахъ; мы довольствовались до сихъ поръ
двумя—тремя анекдотами и любовались великолѣпными домами нѣкото-
рыхъ акціонеровъ. Вдругъ теперь передъ нами раскрываются закули-
сныя тайны этого общества и отчетъ ревизіонной комисіи. Чего толь-
ко не раскрыла намъ ревизіонная комисія, представивъ свои изыска-
нія на судъ самихъ акціонеровъ! Чтѣ за смятеніе поднялось на общемъ
собраніи общества, бывшемъ 2 августа! Тутъ—то узнали мы, что ком-
исія, напримѣръ, по варшавской линіи не нашла документовъ на без-
дѣлицу—на 338 тысячъ, что изъ расхода въ 435 т. по счету при-
обрѣтенія земель, только 221,119 р. снабжены надлежащими доку-
ментами...

По поводу этихъ *маленькихъ неточностей* Общества, между его
совѣтомъ и ревизіей возникъ замѣчательный полемицескій споръ. О,
что передъ нимъ Полемицескія красоты Отечественныхъ Записокъ,
Сына Отечества и т. д.!.. Вотъ этой—то курьезной полемикой я и
хочу развлечь моего читателя. Приступлю къ ней.

Все болѣе и болѣе поражаясь наивнымъ составленіемъ отчета
расходовъ Общества, комисія нашла между прочимъ, что при мо-
сковско—осодосійской линіи на канцелярскіе матеріалы было потраче-
но 16,236 р. с.

— Это по штатному положенію, отвѣчаетъ совѣтъ.

— Какое же штатное положеніе, помилуйте! Въ числѣ канцеляр-
скихъ припасовъ заключаются слѣдующіе: *перчатки кучеру началь-
ника дистанціи, кофейная мельница, дорожныя фляги, 64 по-*

лотенца, 13 желѣзныхъ кроватей, ковры, обои, 7 тюфяковъ и пр.

Расходы дѣйствительно остроумные... Отвѣтъ же на этотъ запросъ начальника дистанціи былъ не менѣе остроуменъ.

Г. Геренъ отвѣчалъ: Расходъ на эти вещи оправдывается тѣмъ, что онъ поставленъ въ счетъ; счета приняты и записаны безъ всякихъ замѣчаній.

О, да здравствуетъ смѣлая логика г. Герена! По смыслу его словъ, каждая произвольная трата законна, если она записана въ счетъ и стоитъ подъ числомъ и номеромъ. Чтò же можетъ говорить противъ этого коммисія? Кто можетъ не согласиться съ новымъ положеніемъ г. Герена?..

Кто винить васъ будетъ, Геренъ,
За расходы тѣ и эти?
Чистоту ихъ, я увѣренъ,
Понимаютъ даже дѣти.

Вызываютъ на обиды
Беззаконныя дѣянья,
Васъ же мечъ самой Фемиды
Не коснется за стяжанья.

Потеряли развѣ умъ мы,
Признавая тѣ нападки,
Что изъ вѣренной вамъ суммы
Покупали вы перчатки,

Фляги, мельницы, тарелки,
Тюфяки, ковры, кастрюльки,
Для друзей своихъ—бездѣлки,
Для дѣтей своихъ—бирюльки?

Нѣтъ, вы правы, правы дважды,
Если счетъ всему ведете,
И буквально вещи каждой
Опись сдѣлали въ отчетѣ!..

Вотъ агентъ Дюбронаръ такъ еще дальше пошелъ, и не увлекся покупкой какихъ нибудь кучерскихъ перчатокъ и кофейныхъ мельницъ. Онъ приобрѣлъ на деньги акціонеровъ цѣлое приданое—5 экипажей, 3 лошадей, 5 столярныхъ станковъ, кузницу съ принадлежностями, старое желѣзо и другихъ вещей на 2463 р.

Онъ приобрѣлъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Станки и женскія сережки,
Подтяжки, галстуки и брошки,
Короче—все, все до-чиста

все, что нужно для домашняго обзаведенія. Г. Герень, съ свойственною ему находчивостью и эти расходы спѣшить оправдать тѣмъ (слушайте!), что онъ принятъ въ счетъ *надлежащимъ порядкомъ* (!) для уменьшенія, посредствомъ этого принятія—*дома і. Дюбронара*. Г. Герень въ отвѣтахъ своихъ ничѣмъ не стѣсняется:

Вѣрьте—не вѣрьте, ему все равно —
Лишь бы доказано было умно.

А что онъ доказываетъ умно, мы сейчасъ имѣли доказательство.

Путаясь и теряясь въ огромномъ числѣ подобныхъ диковинъ, мы пройдемъ теперь съ краснорѣчивымъ молчаніемъ многіе встрѣчающіеся факты; пусть г. Легетръ *занимаетъ для общества* 5 т. р. въ то время, когда въ рукахъ другихъ агенто́въ было до 800 т. р. запасныхъ денегъ; пусть г. Фишеру *отчислено 6 р. с. на бѣдныхъ*, пусть г. Флавіену выдано на похороны сына 63 р. с. а г. Труше 6 р. с. на лимонадъ и лекарство. Такихъ домашнихъ расходовъ, записанныхъ на счетъ общества, такъ много, что ихъ всѣхъ не перечесть.

Любопытнѣе всего—разсылка телеграфическихъ депешъ. На ихъ разсылку не скупились и истратили 1647 р. Въ этомъ числѣ значатся: 1) *два депеши отъ Милова—Софья Петровна* — на 9 р.; 2) депеши отъ главнаго инженера *M-lle Claire въ Лионъ* на 10 р. 34 к.; 3) отъ Франциска *Фанни Шаперонъ* 22 р. 32 к. с. и пр. Какое соотношеніе имѣли эти депеши къ службѣ общества — понять невозможно. Недавно, одинъ изъ озлобленныхъ акціонеровъ, на деньги которыхъ велись всѣ эти расходы, вмѣсто всякаго отвѣта на мои во-

просы о похожденияхъ различныхъ агентовъ, проговорилъ мнѣ слѣдующее стихотвореніе:

О, когда-бъ мнѣ боги
Дали для примѣра
Въ «обществѣ дороги»
Званье инженера,

Былъ бы я умѣренъ,
Въ оправданьяхъ гибокъ,
И, клянусь, что Геренъ
Не знавалъ ошибокъ!

Я, въ отчетахъ кратокъ,
Всѣмъ настаиваю нось-бы,
Кучерскихъ перчатокъ
Въ описи не внесъ бы.

Я завелъ бы точно
Лишь одну карету,
Да и ту-бъ нарочно
Не поставилъ въ смѣту.

Не ходилъ бы пѣшій,
Вздилъ—хоть на парѣ,
И въ Ліонѣ депеши
Отправлялъ бы къ Кларѣ.

Съ ней (въ душѣ-Маниловъ)
Въ перепискѣ скромной,
Былъ бы я, какъ Миловъ
Съ Софьею Петровной.

Въ службѣ Коллинъсона
Наслажденье тѣша,
Прямо до Ліона
Шла-бъ моя депеша.

Хвостъ имѣя лисій,
И сведи итоги,
Отъ суда комиссій
Я-бъ не зналъ тревоги.

Но продолжаю свою акціонерную повѣсть. Г. Геренъ, защищая эти траты, отвѣчалъ, что счета будутъ исправлены и что главный инженеръ г. Легетръ «готовъ взять на себя депешу къ M-lle Claire». Вотъ—такъ благодѣтель! Но странно говорить объ одной только депешѣ къ дѣвицѣ Кларѣ, когда всѣ другіе расходы также беззаконны.

Но неумолимая коммисія не остановилась на этомъ, и вотъ еще новыя замѣчательныя ея открытія. Она узнала, что расходы на пересылку служащихъ доходили:

1) На проѣздъ 770 служащихъ . . .	58,520 р. с.
2) г. и г-жи Доманже	2,802 » »
3) г. Легетра и его имущества . . .	2631 » »
4) Имущество г. Рафина	21 » »
	63,274 р. с.

А вотъ нѣкоторыя подробности о путешествіи г. Легетра по Россіи.

«Г. Легетръ давалъ на 54 станціяхъ по 1 р. 20 к. с. на водку, всего 64 р. 80 к., да за перевозку имущества далъ 20 р. с. на водку. Г. Легетръ катилъ изъ Θεодосіи въ Курскъ въ 3 экипажахъ, на 12-ти лошадахъ, а потомъ оказалось, что ему доставили еще 5 экипажей за 331 р. с., что для его имущества сдѣлано 68 ящиковъ на 108 р. и пр.»

Вотъ какъ путешествуютъ иностранцы по Россіи! У насъ составилось мнѣніе, что одни только Русскіе, являясь за границей, соряютъ деньгами и поражаютъ всѣхъ барской расточительностью, а иностранцы пріѣзжаютъ къ намъ и вездѣ при расчетѣ считаютъ каждую копѣйку. Г. Легетръ опровергаетъ съ достоинствомъ такое мнѣніе и на каждой станціи бросаетъ по 1 р. 20 к. с. на водку. Кто можетъ упрекнуть г. Легетра за такую щедрость? Я, напротивъ, нахожу его расточительность чрезвычайно гуманной. Судьбы были къ нему милостивы и набили его карманы русскими кредитными билетами, а онъ въ порывѣ благодарности началъ бросать деньги направо и налево, зная, что соотечественники ящиковъ возвратятъ ему все это сторицей и бумажникъ его снова потолстѣетъ. Вдохновенный великолѣпнымъ путешествіемъ щедраго Француза, я уже думалъ написать романъ, на голось: «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» какъ вдругъ, нечаянно раскрывъ одинъ французскій журналъ, я нашелъ тамъ стихотвореніе, писанное вѣроятно самимъ г. Легетромъ или кѣмъ нибудь изъ его друзей. Я хотѣлъ—бы-

мо привести стихотвореніе въ подлинникѣ, но не удержался и самъ перевелъ его. За буквальную точность перевода ручаюсь.

ОТЪ ѲЕОДОСІИ ДО КУРСКА.

(ДОРОЖНЫЕ СТАНЦЫ).

(Переводъ въ французскомъ).

Пускай, не зная сладкой ночи,
 На солнцѣ жаряся, какъ ракъ,
 Въ Россіи скачетъ на телѣгѣ
 Нуждою загнанный бѣднякъ,
 Я-жь по Руси быстрѣ вѣтра
 Летѣлъ, торжественный, какъ громъ,
 И получалъ изъ рукъ Легетра
 Ямщикъ рубль двадцать серебромъ.

* * *

Для чемодановъ и поклажи,
 Для переѣзда восемь дней
 Мнѣ запрягали въ экипажи
 Вездѣ двѣнадцать лошадей.
 Изъ Ѳеодосіи старинной
 Я мчался въ Курскъ съ своимъ добромъ,
 И всѣмъ на водку съ позой чинной
 Бросалъ рубль двадцать серебромъ.

* * *

При мнѣ смотритель станціонный
 Въ дугу сгибался, точно котъ,
 И пѣлъ мнѣ пѣсни полусонный
 Ямщикъ всѣ ночи напролетъ.
 На каждой станціи въ приходѣ
 Я подносилъ прислугѣ ромъ,
 Меня возничій звалъ вельможей
 За тѣ рубль двадцать серебромъ.

* * *

Лишь заиграло счастья солнце,
 Кругомъ я золото бросалъ;
 Какой расчетъ—два, три червонца,
 Когда въ грядущемъ капиталъ!

Предвидя блескъ мной карьеры,
 Послѣдній грошъ мой шель ребромъ:
 Отвѣтять мнѣ акціонеры
 За тѣ рубль двадцать серебромъ.

* * *

Въ свою карьеру вѣря много,
 Я зналъ, живя, какъ сибарить:
 Θεодосійская дорога
 Мнѣ все съ лихвою возвратить.
 Мой кошелекъ забывъ чухотку,
 Я гнать велѣлъ по всѣмъ—по тремъ,
 И ящикамъ бросалъ на водку
 Вездѣ рубль двадцать серебромъ.

На всѣ замѣчанія комисіи совѣтъ отвѣчалъ большею частію глубокимъ молчаніемъ.

Но молчать постоянно не ловко, и онъ выкинулъ слѣдующій милый фарсъ. Когда ревизоры въ своей вѣдомости привели въ особой графѣ объясненія г. Герена, то совѣтъ отвѣчалъ:

«Объясненія эти сообщены комисіи на французскомъ языкѣ и за вѣрность перевода совѣтъ не отвѣчаетъ».

Вѣдь такой отвѣтъ очень остроуменъ. Совѣту дѣлаютъ вопросы, имѣлъ ли онъ право принимать всѣ счета и утверждать тарифы, а онъ говоритъ о томъ, что «за точность перевода онъ не отвѣчаетъ». Переводъ, дѣйствительно, не вѣрный, но переводъ денегъ и чужихъ суммъ, господа, вотъ въ чемъ вопросъ!..

Но пойдѣте далѣе: насъ ждутъ еще и не такіе сюрпризы. Впередъ прошу васъ не смѣяться, когда будете читать такое мѣсто: въ «счетъ общихъ расходовъ, по управленію сооруженія линій»: выдано г. Гелингу 200 р. «за карету, потерянную въ Псковѣ». Я увѣренъ, что вы все-таки смѣетесь, — и напрасно... Что жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь былъ же случай, какъ я уже упоминалъ однажды, что въ одномъ присутственномъ мѣстѣ находились такіа дѣла:

«Дѣло о пропажѣ пятнадцати верстъ земли».

«Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостнаго правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами». Отчего же послѣ этого не могло появиться въ «Главномъ Обществѣ» «дѣло о пропажѣ кареты г. Гелинга»? Притомъ же это случилось въ Псковѣ, а Псковъ уже из-

вѣстно какой городъ: тамъ самъ Павелъ Якушкинъ едва *не пропалъ*, а карета и подавно могла пропасть... Мало-ли какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ!.. Вотъ «Совѣтъ» Главнаго Общества взглянулъ на этотъ случай практическими глазами и выдалъ г. Гелянгу за потерю кареты 200 р. с. Удивительное безкорыстіе! Напрасно г. Воскобойниковъ трунитъ надъ этимъ происшествіемъ и разрисовываетъ его черными красками. Въ небольшомъ кружкѣ своихъ друзей, въ тихой застольной бесѣдѣ я сложилъ пѣсню въ честь этого случая. Вотъ эта

ПѢСНЯ.

Here's a health to thee Mary.

Пью за искренность «смѣты»
И за русскій кредитъ,
Пью, слагая куплеты,
Что пропажа кареты
Никого не дивить.

Пусть всѣ члены совѣта,
Утвердивши тарифъ,
За него ждуть отвѣта...
Но судить ли за это:
Чтожъ?—пропала карета
Это вовсе не мнѣ.

Подъ пучинами Леты
Схороненъ рядъ костей;
Гибли страны, поэты,
Такъ пропажа кареты
Въ путешествіи гдѣ-то,
Удивить лишь дѣтей.

Пью-жъ за здравье «совѣта»
И его самосудъ...
За бутылкой мѣта
Я пою до разсвѣта:
Чтожъ? пропала карета —
Такъ другую дадутъ.

Но вот что меня особенно тронуло: г. Воскобойниковъ съ какинь-то злорадствомъ рассказываетъ о расходахъ, произведенныхъ самимъ г. Коллиньономъ, не желая понять, что они могли быть еще крупнѣе, еслибъ того захотѣлъ самъ г. Коллиньонъ. Но главный директоръ, полный великодушiя, не сдѣлалъ этого, а г. Воскобойниковъ не оцѣнилъ такого поступка.

Приведу въ доказательство слѣдующiя показанiя:

«По счету дома главнаго общества, что близъ пассажа, оказалось, что совѣтъ, купивъ его за 230 т. р. с., въ одинъ 1859 г. успѣлъ потратить на него 149 т. р. Одно проведенiе воды стоило 14,500 р. с. За перестройку дома уплачено архитектору Бонштедту 10,066 р. с.

«По счету движимости дома оказалось, что на омеблированiе квартиры главнаго директора было исчислено совѣтомъ 15,124 р., а на мебель совѣта 7,603 р. с., что и утверждено совѣтомъ.

«На самомъ дѣлѣ, по обѣимъ этимъ статьямъ, вышли далеко за предѣлы утверждениа совѣта. Г. главный директоръ, Коллиньонъ, подписалъ выдачу:

На омеблированiе совѣта 6,146 р. (менѣе смѣты)

Для собственной квартиры 36,354 р. (почти болѣе вдвое),

«Кромѣ того, въ прежнiе годы было приобретѣно движимости на 32 т. р., всего до 1 января 1860 г. на 93 т. р. с.

«По контракту съ Коллиньономъ, ему слѣдовало дать квартиру съ мебелью, а между тѣмъ куплены, кромѣ мебели, ковры, бронзы, постели, кухонная и столовая посуда. Мебель была кажется очень хорошая, ибо за установку ея уплачено г. Бонштедту 2,740 р. с.; одинъ рояль Эрара стоитъ 1200 р. с. За меблировку другихъ помѣщенiй во всемъ домѣ г. Бонштедту заплатили еще 600 р. с., такъ что всего онъ получалъ за одинъ годъ 13,406 р. с. Вообще на поправки и перемены въ домѣ было ассигновано 80 т. р., а по назначенiямъ главнаго директора вышло 158,394 р.

— «Неужели акціонеры утвердятъ подобный отчетъ? злобно восклицаетъ рецензентъ. Отчего же не утвердить! На то Коллиньонъ и главный директоръ. Онъ могъ вмѣсто 158,000 р. истратить на домъ 300,000 р. и то бы ему съ рукъ сошло. Вотъ, жалованье, которое получилъ архитекторъ Бонштедтъ (13,000 р. въ одинъ годъ) меня больше занимаетъ. Неужели за установку мебели можно отсчитывать такіа деньги? Не мудрено, послѣ этого, что главный директоръ

такія суммы

Спустилъ, что Боже упаси!

Случилось мнѣ послѣ прочтенія этого отчета встрѣтить одного обойщика, который работалъ въ домѣ Коллинсона.

— Чѣмъ же ты тамъ занимался? спрашиваю я.

— Какъ чѣмъ—съ? мало развѣ дѣла: мебель разставляю, гардины, ковры развѣшиваю, какъ есть значить меблировалъ домъ... Такъ съ архитекторомъ порядился.

— Съ архитекторомъ Бошштедомъ?

— Съ нимъ именно.

— Что же архитекторъ—то тамъ дѣлалъ?

— Да особыхъ дѣлъ никакихъ не имѣлъ. Придетъ, значить, посмотритъ, увидитъ что все въ порядкѣ и уйдетъ.

И вотъ, за такіе—то визиты г. Бошштедтъ взялъ болѣе 13,000 р. с!! Можно—ли послѣ этого вѣрить словамъ почтеннаго ученаго М. П. Погодина, толковавшаго о нашей общей бѣдности? Совѣтуемъ ему взглянуть въ отчетъ ревизіонной комисіи и въ ея открытія: навѣрное, можно душу отвести.

Остановимся еще на одномъ пунктѣ статьи и тѣмъ закончимъ нашу характеристику, потому что и у меня самого начинается рябить въ глазахъ отъ разныхъ цифръ и итоговъ. Но еще одно послѣднее сказанье:

« По счету магазиновъ комисія открыла въ магазинѣ сооруженія лшнй удивительныя статьи, напр. пистолеты—револьверы на 576 р., булавокъ и иглокъ на 371 р.; заготовка бланковъ 23,531 р.; костяные ножи 259 р., ручки для перьевъ 368 р., перья стальныя и гусиныя 2,463 р.; форменный шелкъ 528 р., дорожный экипажъ инженеру 475 р., дорожные чемоданы 385 р., графины, стаканы, подевѣчники, щетки и пр. на 796; разной бумаги на 40,776 р., и вообще, кромѣ 35 т. на инструменты и 9 т. на движимость, большею частію канцелярскихъ принадлежностей на 161,674 р. Кромѣ того въ магазинѣ эксплоатаціи значится расходъ на канцелярскія принадлежности до 35 т. Въ суммѣ обоихъ магазиновъ одни бланки составляютъ до 31 т., т. е. почти столько же употреблено на инструменты (35 т.).

« Мало того, комисія остановилась въ особенннсти на значительности суммы, употребленной во Франціи на приобрѣтеніе разнаго рода бумаги и другихъ канцелярскихъ принадлежностей на 27 т. р. с., на которыя употреблено таможенныхъ расходовъ 10 т. р.»

Канцелярскіе матеріалы, выписанные изъ Франціи! Что за чудеса! Главное Общество вѣроятно предполагало, что въ Россіи кромѣ льду, да русскихъ денегъ, ничего не найдешь. О пронія, французская пронія!. Сколько хлопотъ, суеты, а главное расхоловъ для блага Россіи!..

Главное Общество для блага Россіи еще и не то предлагало.

Г. Перейра говорилъ, напрямѣръ, что для блага Россіи слѣдуетъ наложить на нашъ бѣдный народъ такія—то и такія—то тяжести (благородный иностранецъ!) въ пользу Главнаго Общества и дать послѣднему и субсидіи и гарантіи, и отдать ему почти даромъ Николаевскую дорогу.

Знаменитый Абаза, біографія котораго напечатана даже въ I т. Энциклопедическаго Словаря, изданнаго подъ редакціею А. А. Краевскаго, громогласно, отъ лица всего совѣта подтвердилъ такое предложеніе:

— Это рѣшительно необходимо для блага Русскаго государства!

Но ни г. Перейру, ни Абазу почему—то не послушали, ну, главное общество всѣ свои промахи и неудачи и сваливаетъ теперь на другихъ.

Нѣтъ, г. Старчевскій рѣшительно правъ, укоряя насъ въ томъ, что мы слишкомъ внимательно слѣдимъ за европейской жизнью и интересуемся окончаніемъ процесса какого нибудь Миреса. У насъ есть свои Миресы, да еще и какіе!.. Нетолько мы, но и наши внуки будутъ дивиться, читая отчетъ ревизіонной комисіи о дѣлахъ главнаго общества російскихъ дорогъ; придетъ иной вѣкъ и... но лучше заключу стихами:

Пройдутъ года, и вѣкъ настанетъ...
Вѣкъ новый, будущій для насъ,
Иная жизнь въ глаза заглянетъ,
Тогда волшебной сказкой станетъ
Акціонерный нашъ рассказъ.

Дѣянья «общества дороги»,
И похождения «длинныхъ рукъ»,
И колоссальные итоги
Прочтеть въ волненьи и тревогѣ,
Теряясь въ цифрахъ, нашъ же внукъ.

И, можетъ быть, на новой лирѣ
 Расскажетъ новый Беранже
 О службѣ въ сѣверной Пальмирѣ,
 О коллиньоновскомъ кассирѣ,
 О переѣздахъ Доманже.

Расскажетъ, какъ во время оно
 Легетръ явился въ русскій свѣтъ,
 Какъ шли депеши до Ліона,
 Какъ дивный замокъ Коллиньона
 Меблировалъ М-г Бонштедтъ.

Онъ воспоетъ на многи лѣта
 «Рубль-двадцать» на ямщицкій чай,
 И, по свидѣтельству «совѣта,»
 Какъ въ Псковѣ Гелинга карета
 Куда-то скрылась невзначай.

Что новаго въ Петербургѣ и въ его общественной жизни? Не знаю, очень-ли интересуются знать объ этомъ въ провинціяхъ, но думаю, что любопытнаго тутъ очень мало. Толковать объ ужинахъ у Дюссо, у Донона, говорить объ его истасканныхъ львахъ и львицахъ и пр. скучно, а главное совѣстно. Для такихъ бесѣдъ у насъ есть особая порода Надрыгасовыхъ—пусть они этимъ и забавляются. А въ Петербургѣ темеръ, господа, ей-Богу, нѣтъ никакихъ новостей, стоящихъ вашего вниманія; даже скверно теперь въ Петербургѣ... Осень, со всѣми ея сентябрьскими прелестями совершенно вошла въ свои законныя права и свинцовое, угрюмое небо неуставая кропитъ туманный городъ мелкимъ и частымъ дождикомъ. Загородныя развлечения замерли и только въ Петровскомъ паркѣ русское юношество обонхъ половъ, подъ покровительствомъ г. Тайвани, учится канканировать на русскій ладъ... Всѣ ждутъ открытія итальянской оперы и балета... Затишье страшно!.. Хоть бы г.г. Кусковъ и Заринъ затагнули свои пѣсенки—все бы было веселѣ!.. да и тѣ, какъ на зло, молчать.. Скучно, господа! Даже самъ неутомимый Левъ Камбекъ замолкъ и что-то пересталъ писать свои протесты...

— А знаете-ли, отчего замолчалъ г. Камбекъ? спросилъ меня только вчера одинъ господинъ, который знаетъ все, что кругомъ дѣлается, господинъ, которому слѣдовало-бы непремѣнно писать фельетонъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

— Нѣтъ, разумѣется, не знаю...

— Вы также не знаете, что онъ редакторъ газеты?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Вы меня удивляете: издается цѣлый годъ журналъ, а вы даже не имѣете о немъ никакого понятія.

— Какой же это журналъ?

— Петербургскій Вѣстникъ.

Сознавая свое полное невѣдѣніе, я только тоскливо посмотрѣлъ въ глаза говорившаго.

— Но дѣло видите—ли въ чемъ, продолжалъ мой собесѣдникъ: сдѣлавшись съ 1 января редакторомъ Петербургскаго Вѣстника, г. Камбекъ сначала выдавалъ его исправно въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, а потомъ, занимаясь протестами, позабылъ о своей газетѣ. Вотъ уже съ марта мѣсяца о ней ни слуху—ни духу.

— А что же подписчики?

— Подписчики пишутъ письма редактору, бранятся, а газета все таки не выходитъ. По всему видно, что Петербургскій Вѣстникъ скончался, а «мертвіи сраму не имутъ».

— Знаете, замѣтилъ я, улыбаясь, вы острите чужими остротами.

— Какъ чужими?

— Да помилуйте, вы вѣдь все читаете, такъ должны знать, что такъ Отечественныя Записки острились надъ авторомъ «полемиическихъ красотъ». Кто-то изъ почтенной редакціи, прочтя слова г. Чернышевскаго, что «онъ мертвъ къ похвалѣ и къ порицанію, и съострилъ надъ нимъ, а сотрудники такъ обрадовались этой остротѣ, что каждый изъ нихъ въ августовской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, къ случаю и не къ случаю и—давай повторять: мертвіи, дескать, сраму не имутъ. А вотъ теперь и вы повторяете это изреченіе... Грѣхъ жить на чужой счетъ!

Гость разсмѣялся.

— Вотъ, еслибы я былъ на мѣстѣ г. Камбека, продолжалъ онъ, то первымъ бы моимъ долгомъ было протестовать противъ книгопродавца Смирдина.

— Чѣмъ же онъ такъ васъ гнѣвить?

— Не меня, а всѣхъ кто съ нимъ имѣетъ дѣло. Коммисіи и порученія не исполняетъ, не платитъ никому денегъ... Напримѣръ, редакція одного журнала не можетъ получить съ него свои деньги за подписку, около года. Пришлютъ къ нему требованіе, говорить «рас-

четь будетъ сдѣланъ завтра»; на другой день опять то же самое, и такимъ образомъ проходятъ недѣли и мѣсяцы. Послѣ этого не слѣдуетъ—ли дѣянiя такихъ господъ публиковать для общаго свѣдѣнiя?

— Къ—чему тутъ протесты, замѣтилъ я, развертывая одинъ изъ номеровъ библиографическихъ замѣтокъ (№ 10)? Лучше всего припомнить вотъ эту до—сихъ—поръ неизвѣстную эпиграмму Пушкина, только недавно напечатанную:

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.

У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ:

Его четвергъ на самомъ дѣлѣ

Есть послѣ дождичка четвергъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ явилась новая болѣзнь—журналаманiя. Не говоря уже о литераторахъ, которые, кажется, скоро всѣ сдѣлаются редакторами, теперь каждый умѣющiй читать и писать и учившiй когда—то грамматику Востокова, мечтаетъ о собственномъ журналѣ. Успѣхъ извѣстныхъ изданiй родилъ ужасный задоръ въ нѣкоторыхъ господахъ, которые, безъ любви къ дѣлу, безъ знанiй, безъ таланта, думаютъ нажить себѣ золотыя горы журнальнымъ предпрiятiемъ. И зато какихъ у насъ редакторовъ не перебивало!—и Кореневъ съ Современностью, и Петровский съ Дамскимъ Вѣстникомъ, и Калейдоскопы, и Арлекины... Вотъ и Левъ Камбекъ теперь редакторъ, и Илья Арсеньевъ будетъ тоже, пожалуй, ходить въ редакторской хламидѣ, а потомъ всѣхъ ихъ поглотитъ пучина Стикса и будутъ проклинать довѣрчивые подписчики. Но, несмотря на горькую участь многихъ безславно погибшихъ изданiй, все еще являются охотники до журнальнаго поприща, да еще какiе охотники!..

Знаю я, напримѣръ, одного господина, почтенныхъ лѣтъ, ничего нечитающаго и нисколько незнакомаго съ литературой. Женившись по любви, что не вѣшало ему взять за женой около ста тысячъ, онъ вполне наслаждался жзнiю, т. е. жирно кушалъ, спалъ послѣ обѣда и ѣздилъ съ женинными деньгами въ клубъ, гдѣ велъ довольно большую игру. Казалось—бы, чего еще человѣку надо!.. Но вотъ что съ нимъ случилось. Увидалъ онъ какъ—то въ клубѣ «Искру» и тутъ же узнавъ, что эта газета очень распространена и имѣеть много подписчиковъ, — господинъ этотъ, какъ быстро соображающiй, тотчасъ разсудилъ,

что издавать такой журналъ очень выгодно—и запада дума крѣпкая въ его крѣпкую голову.

Прѣзжаетъ онъ однажды ко мнѣ. Вижу, лице его ужасно озабочено и безпокойно, что къ нему ужасно какъ не шло... Жду я, что будетъ. Мяся мой посѣтитель, мяся, и наконецъ сказалъ мнѣ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Дайте, батюшка, совѣтъ: хочу я журналъ издавать...

Я чуть не расхохотался.

— Что же это вамъ за идея пришла въ голову?

— Выгодно! говорятъ, замѣтилъ онъ откровенно; а я теперь совершенно безъ дѣла, такъ и хотѣлъ бы заняться чѣмъ нибудь... Вотъ только не знаю, какъ приступить къ этому теперь?

— Какой же вы хотите журналъ издавать?

— Сатирическій.

Я рѣшительно пришелъ въ ужасъ, и, поглядывая въ тусклые глаза и на длинные усы своего гостя, неволью подумалъ: настоящій сатирикъ!..

— Я, продолжалъ гость смѣле, пять тысячъ ассигную на журналъ, а если этого мало, еще прибавлю... Ищу теперь сотрудниковъ.

— А сами вы что будете дѣлать? спросилъ я, не скрывая улыбки.

— Статейки три—четыре въ годъ, пожалуй, и я тисну, а—то больше буду заниматься хозяйственной частью журнала.

Долго послѣ этого усовѣщевалъ я почтеннаго отца семейства и доказывалъ ему, съ терпѣніемъ, котораго даже не ожидалъ отъ себя, что изданіе журнала вовсе не его дѣло, что онъ потеряетъ только свои деньги, да еще попадетъ на смѣхъ какому нибудь лютому зубоскалу. Гость слушалъ меня недовѣрчиво, и уѣхалъ кажется совершенно увѣренный, что я говорю одинъ вздоръ. Съ тѣхъ поръ я и не встрѣчалъ моего *сатирика*.

А вотъ другой субъектъ въ томъ же родѣ. Издатель одной погибшей газеты, приступая къ своему предпріятію, явился къ знакомому журналисту и просилъ его содѣйствія.

— Чѣмъ же я вамъ могу быть полезенъ? спрашиваетъ журналистъ.

— Да вотъ чѣмъ: нужно мнѣ теперь писать объявленіе о своей газетѣ, а это трудъ не малый. Отъ журналовъ и газетъ нынче непременно требуютъ *направленія*, я вотъ и не знаю... скажите на—милость, какое же дать направленіе своему изданію?

О, чистое, навязное сердце!... Да къ-чему вамъ объ этомъ хлопотать? замѣтилъ журналистъ улыбаясь, — всѣ журналы теперь говорятъ о направленіи, это уже становится скучнымъ. Вы лучше объявите, что ваша газета будетъ безъ всякаго направленія. Это будетъ ново и всѣхъ заинтересуетъ.

— Вы вотъ все смѣтаетесь, замѣтилъ гость, чуть не плача, а мнѣ, ей-Богу, не до-шутокъ: это проклятое объявленіе нужно послать въ типографію, а оно еще не написано.

Черезъ нѣсколько дней объявленіе все-таки вышло, и *направленіе* нашлось: газета чрезъ два мѣсяца направила путь—въ Лету.

Но, несмотря на то, что столько изданій почло непробуднымъ сномъ, все-еще существующихъ журналовъ такъ много, что для одного перечисленія ихъ открылся новый органъ—«Книжный Вѣстникъ», котораго специальность извѣщать о содержаніи всѣхъ русскихъ изданій. Есть человѣческой возможности перечитать всѣ тѣ печатные листы и книги, которые выходятъ въ теченіе каждаго мѣсяца. Начальница одного частнаго женскаго учебнаго заведенія (о которой мы уже говорили именно та, что смѣшиваетъ слова: орфографія и географія) такъ возмущилась огромнымъ количествомъ русскихъ журналовъ, что своимъ взрослымъ воспитанницамъ не дасть ни одного изъ нихъ въ руки. Напрасно воспитанницы просили свою *татап*, дать имъ какойнибудь журналъ, начальница была неумолима.

— Нельзя, *дѣти*, нельзя, говорила она строго: изъ этихъ книгъ вы добру не научитесь... Тамъ одни завпральныя идеи и дурныя со-вѣты... я сама ихъ боюсь читать и никогда въ руки не беру...

— Дайте же намъ какихънибудь книгъ, чуть не со слезами просили 17-ти и 18-ти-лѣтнія дѣти.

Матап сжалась надъ ними и прислала имъ нѣсколько номеровъ *Странника* и «*Журналъ для воспитанія*»...

Полный сочувствія къ бѣднымъ воспитанницамъ, я отъ лица ихъ обращаюсь теперь къ строгой начальницѣ съ слѣдующимъ жалобнымъ воззваніемъ:

Просьба.

Ахъ, вы напрасно, *татап*, не читаете
Русскихъ журналовъ, газетъ,

Даже и намъ ихъ читать запрещаете...
Жалости къ дѣтямъ въ васъ нѣтъ!..

—
Всей вашей строгости, право, не стало-бы,
Видъ вашъ суровый пропаль,
Еслибъ взглянули, почтивъ наши жалобы,
Вы хоть въ единый журналъ.

—
Вы-же намъ книги даете старинныя,
«Странникъ» велите читать...
Нѣтъ, намъ наскучили сказки противныя —
Нужно-же правду сказать!..

—
Ахъ, ходятъ слухи, въ запретныхъ изданіяхъ
Много чудесныхъ стиховъ,
Пишетъ, тамап, тамъ о милыхъ созданіяхъ
Нѣжно такъ душка-Кусковъ.

—
Есть тамъ, мы слышали, проза Арсеньева,
(Пишетъ умно, говорятъ),
Повѣсти Нарской, рассказы Весеньева...
Всѣхъ перечтешь-ли наврядъ...

—
Такъ для чего-жъ на журналы безвредныя
Намъ не даютъ и смотрѣть?
Долго терпѣли, терпѣли мы, бѣдныя, —
Больше не можемъ терпѣть.

—
Что же, тамап, вы? Вѣдь съ вами мы ратуемъ
Не изъ дѣвичьихъ проказъ;
Нынче есть гласность и мы напечатаемъ
Тоже протестъ свой на васъ.

Заговоривъ о начальницѣ «пансіона», не могу не рассказать о строгой дисциплинѣ, которая введена въ ея пансіонъ и доходитъ до чудовищной негѣпости. У одной изъ воспитанницъ не такъ давно заболѣла мать и лежала при смерти. Отецъ, по ея желанію, поскакалъ въ школу за дочерью. Изъ школы воспитанницы ѣздили домой только въ большіе годовые праздники, но явившись не въ урочный день,

отецъ, просилъ начальницу отпустить съ нимъ дочь домой по случаю болѣзни ея матери.

Начальница сначала рѣшительно отказала, представивъ кучу разныхъ доводовъ, въ родѣ того, что это нарушеніе порядка, баловство и дурной примѣръ для всего заведенія.

— Но можно—ли тутъ думать о порядкѣ, когда у моей дочери мать умираетъ и теперь каждая минута дорога!

Начальница задумалась.

— Вы въ чемъ пріѣхали? спросила она наконецъ: въ каретѣ?

— Нѣтъ, на извозикѣ; кареты не было времени искать.

— Я еще могу отпустить вашу дочь домой, только въ такомъ случаѣ, если она поѣдетъ съ вами въ каретѣ. Моимъ воспитанницамъ неприлично ѣздить на простыхъ извозникахъ...

— Но, помилуйте, М. Г., говорилъ въ нетерпѣнны отецъ: гдѣ тѣперь искать кареты! а между тѣмъ время дорого для меня и для дочери. Жена моя, повторяю вамъ снова, больна при смерти, и я не могу ждать...

Но начальница была неумолима: у нея принципъ прежде всего. Пока посылали за каретой, пока нашли ее и отецъ съ дочерью поѣхалъ, прошло нѣсколько часовъ. Когда они прискакали домой, больная была уже покойница.

Вотъ еще новый урокъ тѣмъ родителямъ, которые, имѣя средства отдають своихъ дѣтей въ закрытые пансіоны, гдѣ ихъ на нѣсколько лѣтъ запирають.

А вотъ и новое открытіе: у знаменитаго поэта Германіи Гейне нашелся въ Россіи другъ его, г. А. Арсеньевъ, и вотъ покакому случаю. Если вы читаете московскіе журналы, то вѣроятно встрѣчали не разъ множество стихотвореній г. Грекова. Въ Москвѣ говорятъ, что г. Грековъ переводитъ Гейне, въ Петербургѣ толкуютъ, что онъ переводитъ бумагу. Последнему мы, разумѣется, не вѣримъ: г. Грековъ дѣйствительно переводитъ изъ Гейне. Да и что удивительнаго: у насъ нѣтъ ни одного поэта, который бы не испыталъ своихъ силъ на «Reisebilder,» «книгѣ пѣсенъ» или «Buch der Lieder...» Чуть гдѣ въ журналѣ останется свободная страничка, тотчасъ вставить переводную гейневскую пѣсенку—и дѣло съ концомъ!

Не давно, по поводу того, что г. Грековъ напечаталъ въ нѣсколь-

кихъ журналахъ переводъ неизданныхъ стихотвореній Гейне, одинъ рецензентъ выразилъ свое сомнѣнiе насчетъ подличности этихъ пѣсень и намекаетъ на то, что г. Грековъ самъ сочинилъ ихъ... Такое нескромное обвиненiе и вызвало письмо г. А. Арсеньева въ защиту обвиненнаго поэта. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, г. Арсеньевъ:

«По просьбѣ Н. П. Грекова и по собственному искреннему желанiю моему, спѣшу засвидѣтельствовать, что стихотворенiя Гейне, помѣщенные въ разныхъ журналахъ въ переводѣ Н. П. Грекова, истинно были получены мною отъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта Гейнриха Гейне, съ которыми, въ продолженiи долгаго моего пребыванiя въ Парижѣ, въ сороковыхъ годахъ, я былъ коротко знакомъ. Эти стихотворенiя, въ числѣ двадцати, въ 1849 году были переданы мною г-ну Грекову. 17 изъ нихъ, по просьбѣ моей, переведены самимъ авторомъ на французскiй языкъ, что было сдѣлано вслѣдствiе плохаго моего знанiя нѣмецкаго языка.» О, дружба! это ты! Можетъ ли быть недрагоцѣнно для насъ то извѣстiе, что нашъ соотечественникъ былъ такъ друженъ съ нѣмецкимъ поэтомъ, что послѣднiй собственно для него перевелъ на французскiй языкъ цѣлыхъ 17 стихотворенiй?! Благодаря исповѣди г. Арсеньева, мы узнаемъ теперь, что слова неизвѣстнаго рецензента несправедливы и на г. Грекова не будетъ съ укоромъ глядѣть тѣнь великаго Гейне:

Не придетъ съ укоромъ тѣнь его,
И теперь винить намъ не кого
За протесты А. Арсеньева,
За стихи изъ Гейне Грекова.

Заговоривъ объ одномъ протестѣ, скажу и о другомъ, который мнѣ случилось читать на-дняхъ. Пензветная *степнячка* жалуется на петербургскихъ уличныхъ Донъ-Жуановъ, среди бѣлаго дня подходящихъ къ дамамъ и говорящихъ двусмысленныя любезности. Прекрасно и изящно, съ разными подробностями, написанный протестъ *степнячки*, возбудилъ полное мое сочувствiе. Къ сожалѣнiю, нужно признаться, что у насъ, въ самой столицѣ, женщинамъ дѣйствительно опасно выходить одиѣмъ на улицу. Вы правы, любезная *степнячка*, во всемъ правы, но увы! для такихъ господъ ваши протесты бесполезны и не достигнутъ своей цѣли. У насъ и не такiя дѣла дѣ-

лаются! Загляните въ 181 № С.—Петербург. Вѣдом. и тамъ подъ рубрикой *неосторожная ѡзда (?)* прочтете, какъ жандармскій капитанъ верхомъ на лошади задавилъ на улицѣ женщину... и то ничего!..

Перейду теперь къ нѣкоторымъ литературнымъ и театральнымъ новостямъ. На такія повости мы вообще бѣдны, особенно въ настоящее время. Въ литературѣ стоитъ такое затишье, что въ началѣ года даже и Потанинскій романъ и поэма Полонскаго были событіями. Впрочемъ вотъ одна новость: г. Тургеневъ пишетъ новый романъ; но когда онъ будетъ напечатанъ, неизвѣстно. Писатели русскіе вообще не отличаются плодovitостью; напишутъ романъ, двѣ, три повѣсти и надолго замолчатъ. Для насъ баспословной кажется такая неутомимость, какою отличается напримѣръ Дюма—отецъ, который какъ блины печетъ свои романы. Но, увы! и въ этой плодovitости французскаго романиста открыто было не разъ страшное шарлатанство. Вотъ хоть его послѣдняя продѣлка. Недавно въ Европѣ произвелъ шумъ его новый романъ, о которомъ «*Siècle*» такъ прокричалъ: «*Поѣхавъ сегодня, съ особеннымъ удовольствіемъ, начало романа А. Дюма, сюжетъ котораго авторомъ вынесенъ изъ его путешествія по Кавказу.*» Романъ этотъ называется: «*Moullah—Nour, nouvelle imitée du tartare, par A. Dumas*» т. е. это ничто иное, какъ подстрочный переводъ «*Мулла—Нура*» Марлинскаго. Вотъ какъ безцеремонно распоряжается европейскій литераторъ съ чужими произведеніями! Послѣ этого не мудрено быть плодovitымъ. При этомъ нельзя еще не сказать двухъ словъ о французскомъ прогрессѣ: во Франціи еще теперь съ шумомъ встрѣчаются такіе романы, какъ *Мулла—Нуръ*, который давно уже позабытъ у насъ, и развѣ читается гдѣ нибудь въ дальнихъ захолустяхъ Россіи... Хорошъ же настоящій прогрессъ Франціи!..

Изъ театральныхъ новостей есть только одна, и довольно пріятная. Русская сцена, годъ отъ году бѣднѣющая и пустѣющая, не богата теперь молодыми дарованіями, и потому съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ встрѣченъ былъ въ этомъ мѣсяцѣ первый дебютъ молодой артистки, г—жи Струйской. Она появилась въ первый разъ въ двухъ комедіяхъ Островскаго «*Не въ свои саши не садись*», въ роли Авдотьи Максимовны, и «*Бѣдность не порокъ*», въ роли дочери купца Торцева. Въ исполненіи этихъ двухъ трудныхъ ролей г—жа Струйская показала такъ много самобытнаго таланта и неподдѣльнаго, глубокаго

чувства, что можно предположить, что изъ нея современемъ выработается настоящая русская актриса. Какъ неопытная дебютантка, г-жа Струйская на сценѣ еще не совсѣмъ овладѣла собой и подчасъ вѣрна той рутинѣ, по которой у насъ воспитываются молодыя актрисы; но все это современемъ, разумѣется, исчезнетъ. И теперь уже, тамъ, гдѣ артистка отдается своему непосредственному чувству и забываетъ школьную азбуку декламациа, она исполняетъ свою роль съ художественной правдой. Но впредь не загадываемъ: мы столько разъ привыкли ошибаться въ новыхъ талантахъ, что боимся и теперь предсказывать с.пшкомъ много...

Читая задушевное признаніе, той газеты, которая признается своимъ подписчикамъ, что она будетъ *преслѣдовать* все честное и прогрессивное въ жизни, я сначала не понялъ въ чемъ дѣло. Я думалъ, что это просто одна случайная игра словъ, а не игра дѣломъ. Но вотъ одна статья С-Петербур. Вѣдомостей о нашей мануфактурной выставкѣ (№ 144) грустно разрѣшила мое сомнѣніе. Авторъ этой статьи передаетъ, что онъ, бродя по заламъ выставки, встрѣтилъ трехъ своихъ знакомыхъ;—и вотъ его разговоръ съ ними:

— Что вамъ такъ весело, господа? (вопросъ автора).

— Да вотъ слушаемъ вчерашнюю исторію.

— Расскажите, пожалуйста—любопытная развѣ?

— Очень любопытная; только вы не обидьтесь, изъ вашего же сословія—ученый статьи пишетъ.

— Что такое, подумалъ я.—Ну-съ, расскажите.

— Вчера, началъ расказчикъ, подходить, вотъ къ этимъ товарамъ, господишъ съ книжечкой и карандашемъ, и давай все переписывать; прикащикъ смекнулъ, что для газеты должно быть, и началъ, знаете-ли, любезно показывать, рассказывать, а господинъ въ отвѣтъ: «дрянь, мерзость, скверно, безвкусница, дорого, только деньги съ мужиковъ обдираютъ!»... прикащикъ было-возражать: «посѣтители похваляются, зачѣмъ обижать изволите? посмотрите, все почти раскуплено.» — «Что посѣтители? говорить господинъ съ книжечкой,—бараны!..Нѣтъ, нѣтъ! молчать объ этомъ нельзя, нужно нанечатать!» Прикащикъ растерялся и, не зная, что сказать, спросилъ, гдѣ это будетъ напечатано? Господинъ отвѣтилъ. Такъ и разошлись. Ну, знаете-ли, прикащикъ дѣло служащее,—къ хозяину—такъ-то и такъ.— «Ахъ, да какъ

такъ? да братецъ ты мой, вѣдь тутъ 16,000 подписчиковъ: шестнадцать тысячъ людей прочтутъ, какъ меня отдѣляли, да шестнадцать тысячамъ перескажутъ,—говорить хозяинъ; показать да рассказать не умѣлъ вѣрно! Видишь, бранить, — попросилъ бы, пообѣщалъ-бы. Розыщи, какъ знаешь, что за господинъ такой? и адресъ возьми.»

— Ну-съ, что-же розыскалъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Розыскалъ (и мнѣ назвали фамилію.... слыхивалъ).

— Ну-что жъ, чѣмъ же кончилось?

— Благополучно, и рассказикъ захохоталъ; товарищи его подхватили. «Далъ записку, какіе ему куски понравились,—пять штукъ; я и записку—то видѣлъ; пожалуй, достану вамъ; пять штукъ показалось немножко—тяжеленько, такъ пятую-то отказали, продана—моль; такъ вѣтъ—дай да выложи, точно нашъ братъ купецъ торгуется! А ужъ что всего забавнѣе: говоритъ еще, хорошо моль, что во—время меня предупредили, статья совсѣмъ была написана».

Какъ ни безобразенъ этотъ фактъ, какъ ни грустно говорить о немъ, но пройти его молчаніемъ невозможно. Черныя стороны есть вездѣ, это бѣда неизбѣжная, но вотъ бѣда, когда эти черныя стороны прикрываются, защищаются и находятъ своихъ адвокатовъ. Къ счастью, такое покровительство теперь выводится и шарлатанамъ плохо становится жить на свѣтѣ... Впрочемъ, попадаются еще великолѣпные экземпляры этихъ Загорѣцкихъ. Случай столкнулъ меня не очень давно съ однимъ изъ такихъ господъ.

Нѣкто Павелъ Петровичъ Безлобый, жившій когда-то и въ столицѣ, пріѣхалъ для какихъ-то спекуляцій изъ провинціи въ Петербургъ. Личность вообще темная, прошедшая сквозь огонь и воду. Жилъ онъ въ провинціи хорошо, занималъ огромный домъ, велъ большую карточную игру, ѣздялъ на охоту съ шелковыми палатками и съ серебряной посудой; но откуда онъ добывалъ свои средства—это была загадка. Безлобый пріѣхалъ въ Петербургъ помимо другихъ разныхъ цѣлей еще съ цѣлью сдѣлаться литераторомъ. Онъ смотрѣлъ на это дѣло весьма легко и думалъ, что стоитъ исписать нѣсколько десятковъ листовъ, чтобъ попасть въ галерею Мюнстера. И вотъ, съ кипой разныхъ статей отправляется Безлобый по редакціямъ разныхъ журналовъ. Но статей его никто не принимаетъ; тетради отдаются ему снова назадъ съ дерзкой замѣткой: «возвратить автору». Пришелъ мой Безлобый въ негодованіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не придти въ озлобленіе?—ему, который писалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ умилитель-

ные мадригалы въ прозѣ о губернаторскихъ обѣдахъ и о различныхъ губернскихъ торжествахъ, ему вдругъ вездѣ отказываютъ и даже не читаютъ его статей!

Безлобый перервалъ всѣ свои писанія и проклялъ нашу журналистику. Имѣя съ Безлобымъ дѣло, я какъ-то зашелъ къ нему. Онъ жилъ въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гостинницъ и занималъ прекрасный номеръ.

— Дома Павелъ Петровичъ? спросилъ я корридорнаго и двухъ лакеевъ.

— Генераль? Они сейчасъ выѣхали.

Я удивился. Безлобый былъ не болѣе, какъ титулярный совѣтникъ въ отставкѣ, а прислуга его величала генераломъ.

— Да развѣ Павелъ Петровичъ—генераль? спрашивалъ я.

— Генераль-съ.

— Кто же вамъ объ этомъ говорилъ?

— Они сами изволили... отвѣчалъ мнѣ лакей; ихъ здѣсь всѣ такъ называютъ.

Вотъ оно что!.. подумалъ я, и ушелъ.

Въ другой разъ я зашелъ къ нему и засталъ его дома.

Безлобый на то время былъ особенно въ ударѣ бранить современную литературу.

— Молодое поколѣнiе литературы, ворчалъ онъ, никуда не годится, ужъ извините за правду; у него нѣтъ никакого уваженiя ни къ званiю, ни къ чину.

Въ это время въ комнату вошелъ слуга съ письмомъ.

Желая при свидѣтелѣ пристыдить Безлобова, я сказалъ громко:

— Кстати о чинахъ. Знаете-ли, Павелъ Петровичъ, что здѣсь вся прислуга считаетъ васъ за генерала и величаетъ «вашимъ превосходительствомъ». За что это васъ изъ титулярнаго совѣтника въ высокіе чины произвели?

Замѣтивъ плутовскую мину слуги, Безлобый такъ растерялся и покраснѣлъ, что не нашелся и ничего мнѣ не отвѣтилъ. Въ ту минуту онъ готовъ былъ кажется проглотить меня живаго:

Прошла недѣля и Безлобый уѣхалъ опять къ себѣ въ провинцію. Черезъ мѣсяцъ я получилъ изъ тѣхъ мѣстъ письмо, и вотъ что мнѣ пишутъ о немъ. Вернувшись изъ Петербурга, Безлобый началъ вездѣ рассказывать, что всѣ журналы обращались къ нему съ просьбой: пи-

шите Павелъ Петровичъ, ради Бога пишите и присылайте къ намъ ваши статьи; огромныя деньги будемъ платить.

— А напечатали вы что нибудь? спрашивали его губернскіе скептики.

— Какъ-же! я напечаталъ комедію «Ребенокъ»; ее скоро поставятъ на сцену.

— Но вѣдь это Бабарыкина комедія? ловили его.

Но Безлобий не потерялся. Это, говоритъ, мой псевдонимъ. Нынче всѣ подъ псевдонимами пишутъ... Какъ-то, знаете, не ловко свою фамилію выставятъ... не принято, ну я и взялъ псевдонимъ Бабарыкина... Какое молодецъ!... А еще есть люди, которые говорятъ, что типъ Хлестакова—карикатура.

Куда-жъ теперь направимъ путь? Въ провинцію, непременно въ провинцію... Если вы не интересуетесь тѣмъ, что дѣлается въ Петербурга, то и не читайте: пусть читаютъ меня одни добродушные провинціалы.

И такъ, я буду продолжать теперь для однихъ только провинціаловъ.

Начну, напримѣръ, хоть съ Нижняго-Новгорода и съ его «*Справочнаго Листка для Нижегородской ярмарки*». Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что этотъ Листокъ похожъ на тѣ листки, которые издавались Ріаномъ о петербургской мануфактурной выставкѣ. Нѣтъ, «Справочный листокъ» не занимается такой сухой матеріей, какъ отчеты о нижегородской ярмаркѣ. Къ немалому моему удивленію я нашелъ въ немъ цѣлую поэму въ стихахъ, какого-то г. Митрофанова, восхваляющаго свои собственныя познанія и заслуги въ медицинѣ. Губернскій юмористъ потѣшаетъ публику такими чудовищно-забавными стихами:

Я ѣздилъ въ Лондонъ за шипцами,
 Въ Парижѣ добылъ элексиръ;
 Въ Константинополь эмиръ,
 Моимъ заслугамъ въ воздаянье,
 Мнѣ травъ досталъ для полосканья;
 Съ Америки, издалека,
 Я получилъ машину—чудо
 И массу изъ каучука.

Зубовъ такихъ никто покуда
 Изъ здѣшнихъ всѣхъ зубныхъ врачей
 Восточнаго происхожденья
 Нетолько вставить, но, ей-ей,
 Не видѣлъ даже въ сновидѣньи.
 Моя метода «безъ металла»
 Уже Европу облетала
 И тьму восторженныхъ похвалъ
 Себѣ въ газетахъ я читалъ... и т. д.

Стихи безконечно длинные, и, какъ увѣряютъ нижегородскіе кушцы, «оченно смѣшные»...

Но губернскойіи шутникъ одними стихами не ограничился—и еще больше удивилъ городъ. Добывъ себѣ пару лихихъ лошадей, медикъ—юмористъ началъ разѣзжать по всему Нижнему, но не въ своей медицинской формѣ, а въ шптомъ золотомъ мундирѣ. Вѣдь являются же въ маскарадахъ въ разныхъ костюмахъ, отчегоже, думаетъ г. Митрофановъ, не могу я золотого мундира надѣть... вѣдь Нижній—не столица,—медвѣди одни живутъ...

И вотъ, разсудивъ такимъ образомъ, именуящій себя «зубнымъ врачомъ Павломъ Григорьевичемъ Митрофановымъ» явился къ нижегородскому Воспому Губернатору въ мундирѣ VI класса учреждений Императрицы Маріи, и затѣмъ издалъ особыя афиши о своемъ искуствѣ, называя себя: *Россійскимъ Императорскимъ привилегированнымъ зубнымъ докторомъ, операторомъ и гомеопатомъ...*

Провода всѣхъ, какъ профановъ,
 Золотой надѣвъ мундиръ,
 Громко Павелъ Митрофановъ
 Увѣрялъ губернскойіи миръ:
 «Я дантистъ и операторъ,
 Дворянинъ—аристократъ,
 Докторъ правъ и литераторъ,
 Юмористъ—гомеопатъ.»

Но губернскойіи миръ не такъ простъ, какъ думалъ г. Митрофановъ. О немъ навели справки, и что же оказалось?—Что онъ самъ присвоилъ себѣ званіе и доктора и оператора, и что кромѣ свидѣтельства па званіе зубнаго врача, другихъ документовъ никакихъ не имѣеть...

и вотъ, сей почтенный мужъ, со стыдомъ былъ выпровоженъ изъ города...

Есть гдѣ-то тамъ, на Волгѣ городокъ *Черное озеро*. Вы, можетъ быть, не слышали о такомъ городкѣ?

Въ географіяхъ его дѣйствительно нѣтъ, и мы въ этомъ не виноваты... *Черное озеро* славится своимъ мыломъ, рыбой *воблой* и потому своимъ *Великимъ козломъ*... Каждый мѣстный житель ужасно боится роговъ этого великаго козла и избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи. Но въ томъ-то и бѣда, что встрѣча съ нимъ въ городѣ неизбежна: онъ, какъ рокъ, какъ фатумъ съ своимъ рогами, стоитъ за спиной каждаго.

Есть напр. въ городѣ публичный садъ. Какъ-то лѣтомъ въ саду было гулянье, военная музыка играла торжественные марши и по широкимъ аллеямъ гуляла губернская публика.

Вдругъ подъ-вечеръ въ садъ обѣ двери распахиваются настезъ и на дорожку, гдѣ гуляла публика, въѣхалъ всадникъ.

— Что за дерзость, думаютъ всѣ: кто смѣетъ въѣзжать на лошади въ публичный садъ? Кто этотъ смѣльчакъ?

— Это самъ *великій козель*.

Узнавши его, всѣ смолкли. Всадникъ грозно ѣхалъ по аллеѣ, и передъ нимъ разступались и сторонились на мокрую траву всѣ—дамы, старики и дѣти.

Мирные и благородные граждане *Чернаго озера*! Какъ не цѣнить, не уважать вашу кротость и терпѣніе, какъ не почитать вашу житейскую мудрость! За ваше терпѣніе судьба наградитъ васъ когда нибудь, непременно наградитъ...

Впрочемъ, для чего же
Много вамъ крушиться!..
Вздорной молодежи
Свойственно сердиться.

Что жъ, что въ садъ публичный
Вѣхалъ всадникъ смѣло!..
Вы народъ привычный —
Было хуже дѣло.

Если жъ ваши дамы
Промочили ножки,
Попадали въ ямы
Сторонясь съ дорожки,

Если ваши дѣти
Чуть не смяты были, —
Вы-жъ за то въ отвѣтъ,
Что ихъ въ садъ водили.

Но успокойтесь, почтенные граждане,—есть у насъ факты и хуже гораздо. Вотъ прочтите, что пишетъ одинъ провинціальный корреспондентъ:

«Знаете-ли, что есть участки въ Россіи, гдѣ солдатъ и крестьянъ не признаютъ за людей прилично-одѣтыхъ, и потому, очень логично, не пускаютъ на публичныя гулянья. Признаться, такая дикость понятія паразительна и послѣ путешествія по Востоку, этой классической страсти всевозможныхъ нечеловѣчностей, вы не вѣрите? вотъ вамъ документъ: въ одномъ городѣ, на бульварѣ, у перекрестка двухъ дорожекъ, стоитъ-столбъ; на немъ, въ желтой рамкѣ, красуется такого рода интересное объявленіе, которое, для курьёза, я списалъ слово-въ-слово (жаль, что не означено имени почтеннаго лица, которому принадлежитъ честь сего мудраго распоряженія).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Дозволяется входъ на бульваръ соборной площади отъ 9-ти часовъ утра до 10-ти вечера, всѣмъ лицамъ въ приличной одеждѣ, *кромя солдатъ и крестьянъ.*

«Во время гулянья ходить по дорожкамъ, травы не мять, цвѣтотъ не рвать, деревьевъ не ломать, съ собаками не входить; сигары и папирсы курить въ нарочно-устроенной для сего холщевой палаткѣ; прекращеніе гулянья будетъ возвѣщено звонкомъ; всякій затѣмъ безпорядокъ будетъ доводиться до свѣдѣнія полиціи».

И это выставлено публично, въ городѣ, гдѣ есть итальянская опера, гдѣ, какъ говорятъ, предполагается открыть скоро университетъ!

Въ «Черномъ озерѣ» здравствуетъ теперь начальникъ одного частнаго мужскаго учебнаго заведенія... За его сладкія, медовыя рѣчи прозываютъ его въ городѣ *Сахарнымъ*... ну, и мы будемъ такъ называть его. Пришла какъ-то въ голову *Сахарному* маленькая спекуляція, самый невинный проэктъ. Вздумано—сдѣлано, и онъ приступилъ къ своему плану: собралъ однажды своихъ воспитанниковъ и повелъ такую рѣчь:

— Хочу, говорить, вамъ удовольствіе сдѣлать и устроить для васъ въ саду хорошую оранжерею. Если вы мнѣ поможете, то великолѣпную штуку устрою.»

Затѣмъ онъ предложилъ, чтобъ каждый воспитанникъ, если можетъ, покупалъ-бы на свой счетъ цвѣты и приносилъ въ общее мѣсто въ садъ. «Кто что можетъ», говорилъ Сахарный. Я же у каждаго цвѣтка поставлю столбикъ съ билетикомъ—кому принадлежитъ цвѣтокъ ..»

Желаніе начальника, разумѣется, было приказаніемъ. Кто изъ учениковъ не приносилъ цвѣтовъ, тѣмъ *Сахарный* ставилъ дурную отмѣтку за поведеніе и начиналъ преслѣдовать... По такой-то системѣ, въ самое короткое время составилаь богатая оранжерея. Вдругъ пріѣзжаетъ ревизоръ осматривать училище. Сахарный повелъ начальника по заведенію и наконецъ пригласилъ его въ садъ и въ оранжерею (столбики съ билетами были предварительно вырваны).

Сахарный показывая почетному посѣтителю устройство оранжерей, объяснилъ ему, что вотъ онъ, такъ и такъ, трудился и счумѣлъ на экономическую сумму устроить такую великолѣпную оранжерею для училища.

Начальство осталось довольно—и уѣхало. Черезъ нѣсколько времени Сахарный получилъ почетную награду за свою ревность къ службѣ.

По исторія оранжерей этимъ еще не кончилась. *Сахарный* не хотѣлъ съ ней такъ легко разстаться и задумалъ прибрать ее рѣшительно въ свои руки. Какъ мечтатель съ нѣжнымъ сердцемъ, онъ ужасно любилъ цвѣты, и особенно цвѣты, купленные не на его собственные деньги. На эту тему онъ сочинилъ даже романсъ, который любилъ пѣть, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Вотъ этотъ романсъ:

Некупленные цветы.

Цветы дареные милѣй
 Всѣхъ покупныхъ оранжерей.
 Ихъ ароматъ, благоуханье
 Полнѣе раздражаютъ насъ:
 Такъ взятка тайная, подчасъ,
 Милѣе явнаго стяжанья.

Какъ поэту въ душѣ, мы должны извинить *Сахарному* всѣ тѣ средства, которыя онъ употреблялъ для достиженія своей цѣли. И вотъ, однажды найдя въ оранжереи одинъ изломанный цвѣтокъ, онъ велѣлъ садъ забить наглухо, а ученикамъ объявилъ:

— Такъ какъ вы не умѣете ходить и беречь цвѣты, да еще сами ломаете ихъ, то не смѣйте теперь ходить ни въ садъ, ни въ оранжерею.

Всгдѣ за этимъ *Сахарный* половину оранжереи продать, а другую половину перевезъ къ себѣ на домъ, и увѣрялъ своихъ гостей, что онъ такъ любитъ цвѣты, что для покупки ихъ отказывается себѣ въ самыхъ необходимыхъ житейскихъ нуждахъ. Не знаю только, всѣ-ли гости ему вѣрили на—слово...

Гдѣ мы теперь? Кругомъ оборванные кулисы, обломки машинъ, картонныя деревья и деревянные волны... Здѣсь какая-то старуха пачкаетъ лице свое сажей, тамъ длинный чудакъ, подвязавъ къ головѣ рожки, а къ спинѣ гарусный хвостъ, какъ сумашедшій бѣгаетъ по скрипучему полу... Гдѣ мы?

Въ Харьковскомъ театрѣ, подсказываетъ вамъ толстенькій, лысый господинъ, выросшій передъ вами какъ изъ земля.

— Не угодно-ли билетъ-съ? шаркаетъ онъ около насъ: новая драмачка идетъ... Возьмите, если угодно... имѣю честь рекомендоваться: антрепренеръ здѣшняго театра И. А. Щ...

Но намъ не нужно брать билета, мы прямо за кулисы отправимся; за кулисами, какъ и вездѣ, представленія гораздо интереснѣе.

Посмотрите прежде всего на толстенькаго хозяина театра... Вездѣ онъ поспѣваетъ, всѣмъ улыбается...

Предупредительность какава!

Вотъ, благодаря этой предупредительности и услужливости, публика и терпитъ его. Но всѣмъ сильнымъ города онъ счумѣлъ поддѣлаться.. Есть, напр., у него двѣ актрисы г-жи А* и Б*. Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ ихъ держитъ?.. Чтобъ угодить такому-то и такому-то, въ порывѣ своей услужливости Щ. даже отдавалъ свой театръ *по субботамъ* подъ благородные спектакли въ пользу сиротъ, школъ и. т. д.

А какъ заботится антрепренеръ о своей труппѣ... Онъ какъ отецъ родной, только и думаетъ объ ихъ благополучи, ночи не спитъ—все думаетъ какъ бы помочь бѣднякамъ... Ну и выдумаетъ... Будь другой хоть плохой актеръ, такъ—дряно, а онъ изъ жалости дастъ ему *полубенефисъ*... (Полныхъ бенефисовъ у него нѣтъ). И вотъ актеръ хлопочетъ, чуть не со слезами раздастъ билеты встрѣчнымъ-поперечнымъ, глядишь половина театра и занята. Актеръ счастливъ и послѣ представленія тянетъ на—радостяхъ любимый свой романсъ:

Соловей какъ Щербина поетъ и. т. д.

Антрепренеръ тоже счастливъ, потому что возьметъ себѣ половину сбора, слѣдовательно окупить жалованье актера, да къ тому-же поставить въ счетъ и веревки. Трагикъ Р. за такую штуку прилично ругнулъ, а веревки велѣлъ отнести домой: «бѣлье, дескать буду вѣшать».

И такъ, полубенефисъ—великое дѣло. Умирала, напримѣръ съ голоду актриса М. съ дѣтьми,—онъ далъ ей полубенефисъ въ глухой день для сбора; но публика, зная страшное положеніе г-жи М-вой, нахлынула и сборъ былъ полный. Антрепренеръ, разумѣется этого не предвидѣлъ. Другой случай. Захворали у него въ горячее время двѣ актрисы; онъ и пригласи актрису Гейб—овичъ, общая за игру бенефисъ въ лучшую ярмарку. Гейб—овичъ играла изо дня въ день и въ драмѣ, и въ водевилѣ, но пришло время расплаты — бенефисъ и проглотили.

Любовь антрепренера особенно выражалась въ тѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ о труппѣ, которыя онъ имѣлъ о ней во время отъѣзда на ярмарки. По контракту слѣдовали «приличные экипажи, онъ и давалъ *жидовскія фуры*, — чѣмъ не приличный экипажъ! Вотъ и ѣдутъ они въ фурахъ, а тамъ, далеко впереди, ичится въ покойномъ экипажѣ самъ съ своимъ помощникомъ. Онъ хорошо цѣнитъ разницу между собой и какимъ нибудь актеромъ.

— «Фуру нельзя называть *приличнымъ экипажемъ*, ворчалъ какъ-то уважаемый всѣми ветеранъ сцены Др—сигъ.

— *Для мѣщанина и это хорошо*, замѣтилъ антрепренеръ—дворянинъ. У него зато на все и взглядъ не мѣщанскій — Шекспира, напр. онъ знать не хочетъ. Что Шекспиръ! мясникъ былъ. «Угозино» у него гораздо выше чѣмъ «Король Лиръ», а «жизнь игрока» ни съ какимъ Гамлетомъ нельзя поставить рядомъ.

Хорошо также его сценическое чутье. Игралъ у него извѣстный В—ъ, но скоро поссорился и уѣхалъ.

— Благодарю Бога, кричалъ антрепренеръ на первыхъ порахъ, что В—ъ, назвался въ Петербургѣ актеромъ одесскаго театра, а не моего!»

Когда же В—ъ, въ самое короткое время, занялъ почетное мѣсто среди русскихъ артистовъ и, забывъ прошлое, прислалъ ему свой портретъ, онъ при актерахъ поцѣловалъ его и сказалъ:

— Я всегда говорилъ «что онъ *далеко поидеть*»...

Хуже всего на свѣтѣ для антрепренера было—образование въ актерѣ. Онъ скорѣе пьянство, грубость—все простить, кромѣ образованности. На бѣду и попалъ въ труппу такой господинъ. Въ университетѣ курсъ кончилъ, службу для сцены бросилъ и обладалъ несомнѣннымъ талантомъ. Вотъ тутъ-то и пошли безпорядки. Новый *образованный* актеръ то помощника отщелкастъ за дерзкое замѣчаніе, то роль, игранную режиссеромъ, сыграетъ лучше,—бѣда за бѣдой! Бывало, прежде никто въ труппѣ пикнуть не смѣлъ, а тутъ вдругъ резонеръ явился. Вотъ оно, образование—то!..

— Посудите сами!—шипѣлъ помощникъ антрепренеру, — что же это у насъ будетъ? Я его эдакъ съ ламповщикомъ издалека сравнилъ, а онъ общается высѣчь меня. Эдакъ онъ и въ отчеты будетъ мѣшаться.

— Какъ же быть? Я ему далъ *честное слово*, что онъ будетъ служить годъ.

— Нѣтъ-съ, какъ угодно, а С—нова нужно вонъ. Со мной говорить все съ улыбочкой, съ улыбочкой, да вдругъ и оборветъ.

— Оборветъ?

— Оборветъ. Что же это!

— Но если ему отказать, въ городѣ шуму надѣлаетъ, пожалуй побьетъ. Да и все какъ-то не ловко: я вѣдь, нечего грѣха таять, *пороги у него обиль*, даже въ *страстную субботу былъ*, чтобы заманить.

— Если жалѣть, явится столько ихъ, что помилуй Богъ! Да вотъ Григорій Алексѣевичъ обиженъ: роли его лучше играетъ.

— Нужно подумать.

— Я вамъ говорю нужно отказать.

— Но онъ два мѣсяца игралъ даромъ въ ожиданіи увольненія изъ службы,—*бенефисъ* *потребуетъ*.

— По положенію бенефисъ можетъ имѣть только служащій, а у него и документовъ еще нѣтъ.

— Вѣрно. Лучше всего вызвать его на дерзости, онъ не удержится, ну тогда...

— Что жъ, пусть онъ меня обругаетъ... мы оставимъ его безъ куска хлѣба...

Черезъ нѣсколько дней С—нову отказали, и онъ остался теперь дѣйствительно безъ куска хлѣба. При послѣдней тяжелой сценѣ, у двухъ—трехъ актеровъ замѣтно было волненіе, а въ глазахъ бѣгали слезы. Ясно было, что они порывались сказать слово за С—нова, но...

— Или я или онъ! закричалъ помощникъ свирѣпо и вышелъ.

Что, если онъ представить настоящіе отчеты? быстро сообразилъ антрепренеръ.

— Свидѣтелей вѣдь не было, когда онъ васъ оскорбилъ, заговорилъ онъ поспѣшно.

— Нѣтъ, извините, были... Былъ Краминъ, былъ режиссеръ...

Режиссеръ мгновенно исчезъ за женою актера Мил—скаго, а Краминъ публично отрекся отъ засвидѣтельствванія:—«меня тамъ не было,» кричитъ: «знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю».

— Слышите?... Извините—съ, *можетъ вы и правы, но въ коммерческихъ дѣлахъ я безъ него нуль*, извините—съ... не могу... и антрепренеръ отвернулся отъ С—нова.

Получить прежнее мѣсто С—нову было невозможно; какъ актеръ, онъ только начиналъ, слѣдовательно прятанія не откуда не могъ получить. Положеніе было безвыходное. А антрепренеръ сталъ распускать подъ-рукою слухъ, что С—новъ по капризу бросилъ его сцену... Помощникъ же торжествовалъ... Власть его простиралась до того, что онъ безнаказанно говаривалъ актрисамъ (актрисѣ К—левской, которую антрепренеръ *умолялъ* поступить на сцену): коли не хотите жить въ этой комнатѣ (на ярмарочномъ театрѣ), то можете *убираться совсѣмъ*... Въ эту же ярмарку, актрисѣ Ш. пошелъ отъ

лица товарищей заявить, что они не довольны столомъ. Антрепренеръ созвалъ всѣхъ. Они отвѣчали всѣ: «довольны»... Вотъ до какого униженія все доведено въ этой смрадной сферѣ, вотъ что разыгрываетъ гость за кулисами провинціальныхъ театровъ...

И вспомнился мнѣ теперь невольно образъ другаго милаго губернскаго антрепренера, и я, въ порывѣ теплаго чувства, беру лиру и начинаю пѣть:

ЗАКУЛИСНАЯ ЭЛЕГИЯ.

(Изъ губернскихъ театральн. воспоминаній).

Лысый, свѣжій, ловкій, гибкій,
 Всѣхъ плѣнял ты очень скоро
 Обольщающей улыбкой
 И умомъ антрепренёра.
 Будто вижу,—какъ межъ кресель
 Руку жмешь съ ужимкой мнѣ ты,
 Иль считаешь, гордо весель,
 Самъ за кассою билеты.

—

Ты отцомъ былъ нѣжнымъ самымъ
 Для актрисъ и для актеровъ,
 Ладилъ съ трагикомъ упрямымъ,
 И терпѣлъ суетёра поровъ.
 Парки свои изъ пакли
 И театръ, не внявъ расчетамъ,
 Подъ дворянскіе спектакли
 Отдавалъ ты по субботамъ.

—

Старичковъ водилъ къ актрисамъ,
 И, по мягкости лишь чисто,
 Угощалъ пол-бенефисомъ
 Неизвѣстнаго артиста.
 Объ удобствахъ труппы даже
 Мысли—нѣжный по натурѣ—
 Ты сулилъ ей экипажи
 И возилъ въ жидовской фурѣ.

—

Спалъ и думалъ о театрѣ,
 Имъ съ любовью занимался,

И на всѣ, бывало, на—три
Репетиціи являлся,
Какъ знатокъ, терпѣль Шекспира,
Въ немъ не видя исполина,
И на сцену вмѣсто «Лира»
Чаще ставилъ «Уголино».

—
Не любилъ ты, очень здраво,
Умъ воспитанный въ актерѣ,
Говоря всегда: вѣдь, право,
Намъ съ такимъ артистомъ горе...
То пальто на немъ не ново,
То на сценѣ дуетъ въ ноги,
То въ Гамлетѣ Полеваго
Критикуеть монологи.....

—
Хоть терпѣль, порой обманъ ты,
Но, всѣ вѣдая лазейки,
Поощрялъ кругомъ таланты...
Не платя имъ ни копѣйки.
Бѣдняка увидя блѣдность,
Нищеты его свидѣтель,
Ты всегда твердилъ, что «бѣдность —
Не порокъ, а добродѣтель»...

—
Заглянемъ теперь въ другія мѣста... въ Кастратскую губернію
хоть... Въ этой губерніи одинъ помѣщикъ купилъ себѣ небольшую
деревню и жилъ въ свое удовольствіе въ городѣ. Вдругъ получаетъ
изъ деревни неожиданное извѣстіе: деревня, дескать, описана и взя-
та въ опеку. Какъ такъ? что за чудеса! Летятъ помѣщикъ въ уѣздъ
и является къ судѣ. Судья отсылаетъ его къ секретарю.

— Тутъ должно быть недоразумѣніе, спрашиваетъ онъ.

— Деревня ваша описана и взята въ опеку за долги ея преж-
няго владѣльца.

Вотъ такъ неожиданность... Но вѣдь деревня, говорилъ помѣ-
щикъ, разинувъ ротъ, куплена мною съ публичнаго торга, назначен-
наго для удовлетворенія долговъ прежняго владѣльца... Какъ же это?..

У секретаря же на все отвѣты есть.

— Въ дѣлѣ объ этомъ *вѣдомости не имѣется*...

— Какъ не имѣется? Не вы-ли сами дали земской полиціи указъ о ввѣдѣ меня во владѣніе послѣ покупки мѣвня съ публичнаго торга?

— Но дѣло о торгахъ уже кончено и сдано въ архивъ... Впрочемъ, мѣсяца три-четыре подождите... можно будетъ все уладить: время терпѣть.

Но помѣщикъ былъ другаго мѣвня и вошелъ съ формальною жалобою...

Опеку съ деревни сняли, а посадили-ли подѣ опеку секретаря— неизвѣстно...

Помѣщикъ же все-таки поплатился за чужую глупость: съ одной стороны поѣздка за 600 верстъ, съ другой гербовая бумага и... разныя разности...

Вотъ какія дѣла дѣлаются иногда въ Кастратской губерніи!

Въ городѣ Х-ѣ есть губернская типографія, которая своими работами (афиши, объявленія и пр.) приводила въ ужасъ мѣстныхъ жителей. Вдругъ открывається частная типографія *двухъ цивилизаторовъ*, которые начинаютъ добросовѣстно свое дѣло. Всѣ обратились къ нимъ съ своими заказами. Редакторъ губернскихъ вѣдомостей понялъ сильную конкуренцію и рѣшился уничтожить враговъ своихъ.

Началь онъ резоны представлять начальству.

— Такъ и такъ... казенный интересъ, убытки... нужно ихъ зарезать...

— Но вѣдъ запретить типографію нельзя...

— Нужно съ другими путями дѣйствовать.

Ну, и начали дѣйствовать... Принесутъ напр. начальству афиши и объявленія для пропуску, онъ возьметъ да и задержитъ у себя. Проходитъ день, другой, въ типографіи требуютъ заказанныхъ бумагъ... Положеніе ужасное. Такимъ образомъ идетъ это преслѣдованіе и новая типографія, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ вести своего дѣла исправно... Вотъ вамъ и свободная конкуренція!

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

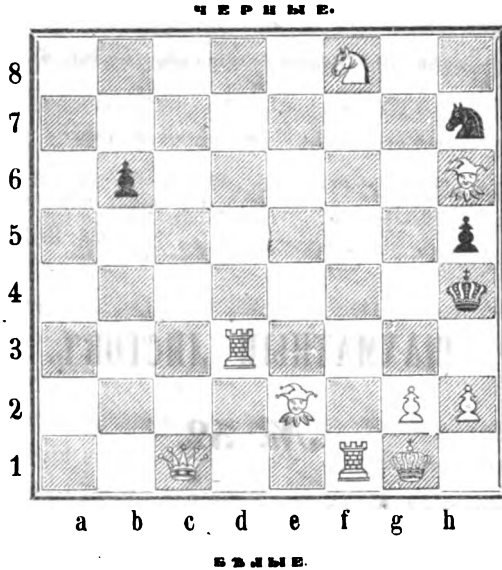
№ 32.

(Августъ 1861 года).

Странный шахматный промахъ.—Еще рѣшеніе кяпергани В. Г. Саговскаго.—
Парижское рѣшеніе задачи А. Д. Петрова, посвященной Н. Д. Ахшарумову.—
Продолженіе матча Колиша съ Андерсеномъ.—Партія Гиршфельда съ Ла-
зи, Майетомъ и Гофманомъ и Лазы съ Майетомъ.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—
Корреспонденція.

Настоящій Листокъ я долженъ начать самымъ тяжелымъ для
моего шахматнаго самолюбія образомъ: признаніемъ въ странной,
невѣроятной, чудовищной ошибкѣ. Правда ошибка эта притаилась
на заднемъ планѣ нашего обозрѣнія—въ отдѣлѣ *рѣшенія задачъ*
и, статься можетъ, прошла бы незамѣченною читателями, но все же
лучше самому послѣпить признаніемъ, чѣмъ съ трепетомъ сердца
(истинные шахматисты поймутъ, что есть отчего трепетать сердцу)
ожидать, что вотъ-вотъ какой нибудь ревностный любитель побор-
никъ шахматной истины, доберется до несчастной ошибки, добе-
рется—и обличить. Нѣтъ, лучше дѣйствовать откровенно, и прямо
рассказать читателямъ грустную исторію о томъ, какого я даль
промаха. Повинную голову мечъ не сѣчетъ, говоритъ пословица.

Въ Шахматномъ Листкѣ за мартъ текущаго года помѣщена была слѣдующая составленная В. Г. Саговскимъ випергань (*).

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, когда пришло время печатать рѣшеніе, получаю я письмо изъ Тобольска, въ которомъ одинъ изъ тамошнихъ любителей увѣдомляетъ, что проблема г-на Саговскаго можетъ быть разрѣшена не въ девять ходовъ какъ она предложена авторомъ, а въ семь слѣдующимъ образомъ: 1. $\frac{h6 - g5+}{h7 - g5}$ 2. $\frac{c1 - c4+}{g5 - e4}$ 3. $\frac{d5 - d5}{b6 - b5}$
4. $\frac{e4 - d4}{b5 - b4}$ 5. $\frac{g1 - h1}{b4 - b3}$ 6. $\frac{f1 - g1}{b3 - b2}$ 7. $\frac{d4 - f2+}{e4 - f2}$ \times .

(*) Сообщая рѣшенія проблемъ, мы не перепечатаемъ изображающія ихъ диаграммы: это заняло бы слишкомъ много мѣста въ журналѣ; но если какая нибудь задача подастъ поводъ къ болѣе или менѣе длинному объясненію, изысканію, разсказу, въ такомъ случаѣ мы считаемъ совершенно необходимымъ помѣщать тутъ же и самое ея положеніе, ибо невозможно предполагать, чтобъ оно сохранилось въ памяти всѣхъ читателей, справляться же съ прежними выпусками и читать такимъ образомъ статью по нѣсколькимъ книжкамъ за разъ всякому неприятно.

Последній мазетта, едва смѣкающій *пастушескій* матъ, ребенокъ, только что начинающій играть въ шахматы, пойметъ конечно, что прописанные ходы вовсе не разрѣшаютъ проблемы. Это какая то фантазія, шутка, мистификація, все что угодно, но ужъ никакъ не рѣшеніе, ибо ясно, что черные ни чуть не обязаны брать седьмымъ ходомъ ферзя, а могутъ заслониться отъ шаха конемъ, съигравъ: 7. $\overline{e4 - g5+}$ и тогда бѣлымъ не только нѣтъ мата, но напротивъ того, они сами, тутъ же, принуждены дать матъ противнику, не имѣя другаго средства отразить данный конемъ шахъ, какъ взятіемъ этой шашки, а чѣмъ бы они ее не взяли: пѣшкой или ферземъ—чернымъ матъ. Да, всякій увидать это,—а я не увидалъ! На меня нашла какая-то непостижимая галлюцинація и я выдалъ читателямъ (Шахм. Лист. № 31 стр. 183) странную комбинацію тобольскаго любителя за правильное рѣшеніе проблемы *Quos vult perdere Jupiter dementat!*

Само собою разумѣется, что я нисколько не въ претензіи на введеннаго меня въ заблужденіе любителя. Всякій вправѣ сообщать мнѣ ошибочныя изысканіе или мистифицировать меня невозможными комбинаціями; мое дѣло усматривать ошибки, не поддаваться мистификаціямъ. Однимъ словомъ, я кругомъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ; мнѣ остается только просить читателей вычеркнуть и изъ книги и изъ памяти неудачное тобольское рѣшеніе, а вмѣсто его рассмотреть предлагаемое здѣсь новое изысканіе Н. И. Петровскаго надъ тою же проблемою. Уже въ прошломъ Листкѣ мы видѣли, что г-нъ Петровскій нашелъ средство заставить черныхъ сдѣлать матъ совершенно иначе, чѣмъ разрѣшаетъ ее самъ авторъ; теперь онъ убѣдился, что той же цѣли можно достигнуть еще третьимъ способомъ, существенно отличнымъ отъ обоихъ предыдущихъ, а именно:

1) f8 — h7°	b6 — b5
2) h2 — h3	b5 — b4
3) g2 — g3 +	h4 — h3°
4) d3 — d4	h5 — h4 (A.) (B.)
5) h7 — g5 +	h3 — g3°
6) e2 — f3	b4 — b3 (C.)

7) f3 — h1	b3 — b2
8) c1 — b1	h4 — h3
9) d4 — e4	h3 — h2 ✕

(A.)

4)	h3 — g3°
5) d4 — b4°	g3 — h3 (a)
6) h7 — g5 +	h3 — g3
7) e2 — f3	h5 — h4
8) f3 — h1	h4 — h3
8) b4 — d4	h3 — h2 ✕

(a.)

5)	h5 — h4
6) e2 — f3	g3 — h3 (*)
7) f3 — g2 +	h3 — g3
8) b4 — d4	h4 — h3
9) g2 — h1	h3 — h2 ✕

(B.)

4)	b4 — b3
5) h7 — g5 +	h3 — g3°
6) e2 — f3	b3 — b2
7) c1 — b1	h5 — h4
8) d4 — b4	h4 — h3
9) f3 — h1	h3 — h2 ✕

(C.)

Если черные пойдут иначе, то это изменить только порядок ходовъ, а въ сущности рѣшеніе останется тоже.

Кстати киперганей, мы еще разъ приглашаемъ всѣхъ любителей этого рода проблемъ серьезно заняться задачею А. Д. Петрова посвященной г-ну Ахшарумову. Вотъ уже болѣе полугода какъ эта кипергань напечатана въ Петербургѣ, Варшавѣ, Парижѣ и

(*) Если вмѣсто этого 6. $\frac{f3 - h1}{h4 - h}$ то 7. $\frac{f3 - h1}{h3 - h2} \times$

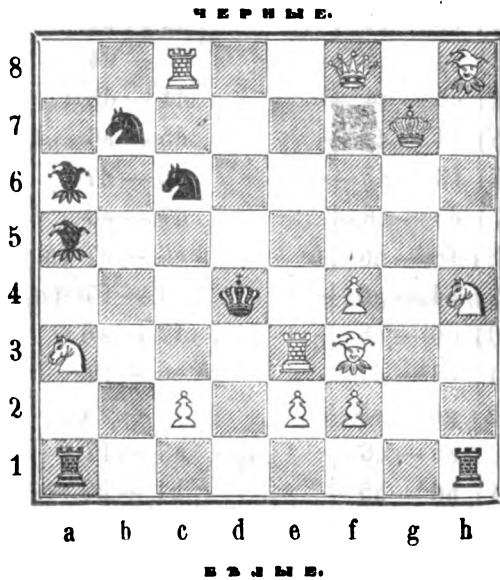
все еще никѣмъ не разрѣшена какъ слѣдуетъ: всѣ найденныя до сихъ поръ рѣшенія требуютъ болѣе тринадцати ходовъ. Редакторъ парижскаго шахматнаго обозрѣнія «La Nouvelle Régence» уведомляетъ автора проблемы, что лучшіе французскіе игроки напрасно трудились надъ разгадкою непроницаемаго соникса; разсматривали задачу со всѣхъ сторонъ, вертели и перевертывали ее на тысячу ладовъ, и все таки не достигли желанной цѣли. Всѣхъ болѣе приблизился къ ней извѣстный шахматистъ Лекенъ (Lequesne); онъ вынуждаетъ обратный матъ въ четырнадцать ходовъ слѣдующимъ образомъ:

(Бѣлые.)	(Черные.)
1) g7 — h7 +	c6 — e5
2) e3 — e4 +	d4 — d5
3) e4 — e5° +	d5 — d4
4) e5 — e4 +	d4 — d5
5) e4 — d4 +	d5 — e6
6) f3 — d5 +	e6 — d7
7) d5 — c6 +	d7 — e6
8) f8 — h6 +	e6 — e7 (A.)
9) h4 — g6 +	e7 — f7 (лучшій ходъ)
10) c6 — e8 +	f7 — e6
11) e8 — d7 +	e6 — f7
12) g6 — e5 +	f7 — e7
13) e5 — c6 +	e7 — f7
14) h6 — h5 +	h1 — h5° ✕

(A.)

8)	e6 — f7
9) c6 — e8 +	f7 — e7
10) h4 — g6 +	e7 — e6
11) e8 — d7 +	e6 — f7
12) g6 — e5 +	f7 — e7
13) e5 — c6 +	e7 — f7
14) h6 — h5 +	h1 — h5° ✕

Сравнивая это рѣшеніе съ тѣмъ, которое найдено было въ Варшавѣ (см. Шахм. Лист. за апрѣль стр. 87), мы замѣчаемъ значительное между ними различіе въ самомъ способѣ выполненія обратнаго мата. Надлежитъ ли для полной разгадки задачи найти новый, третій способъ, или только сократить одинъ изъ предыдущихъ, — вотъ вопросъ, который естественно представляется всякому, кто пожелаетъ вступить въ борьбу съ цепобѣжденными доселѣ трудностями мастерскаго созданія русскаго филидора. Надѣмся, что желающихъ найдется не мало; для тѣхъ изъ нихъ которые не имѣютъ при себѣ всѣхъ прошлыхъ выпусковъ нашего журнала, помѣщаемъ здѣсь вновь и самое положеніе проблемы.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ЗАСТАВЛЯЮТЪ ЧЕРНЫХЪ СДѢЛАТЬ МАТЪ ВЪ 13 ХОДОВЪ

ПАРТІЯ № 201.

ДЕБЮТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

Колишъ. (Бѣлые).		Андерсенъ. (Черные).	
1) e2 — e4	e7 — e5	24) d2 — f2 ⁽⁶⁾	c6 — b6
2) g1 — f3	b8 — c6	25) f2 — b6°	b8 — b6°
3) f1 — b5	a7 — a6 ⁽¹⁾	26) h4 — f5	c8 — f5°
4) b5 — a4	g8 — f6	27) e4 — f5°	c7 — c5
5) 0 — 0	f8 — e7	28) a1 — e1	b6 — b7
6) b1 — c3	b7 — b5	29) e1 — e6	d6 — d5
7) a4 — b3	0 — 0	30) f5 — f6	h7 — f6°
8) d2 — d3	d7 — d6	31) e6 — f6°	c5 — c4
9) c1 — e3	h7 — h6	32) d3 — c4°	d5 — c4°
10) d1 — d2	g8 — h8	33) f6 — h6° +	h8 — g8
11) c3 — e2	d8 — e8	34) h6 — a6°	c4 — b3°
12) e2 — g3	f6 — h7 ⁽²⁾	35) c2 — b3°	b6 — c6
13) b3 — d5	a8 — b8	36) a6 — e6	g8 — f7
14) f3 — e1	e7 — g5	37) e6 — e5	c7 — c1 +
15) f2 — f4	e5 — f4°	38) g1 — f2	c1 — c2 +
16) e3 — f4°	c6 — e7	39) e5 — e2	c2 — c5
17) f4 — g5°	h7 — g5	40) g3 — e4	c5 — d5
18) d5 — b3	f7 — f5	41) f2 — g3	e7 — f5 +
19) e1 — f3	g5 — h7	42) g3 — f2	f7 — g6
20) f3 — h4	f5 — f4 ⁽³⁾	43) e4 — c3	d5 — c5
21) f1 — f4°	f8 — f4°	44) b3 — b4	c5 — c4
22) d2 — f4°	g7 — g5 ⁽⁴⁾	45) e2 — e6 +	g6 — h5
23) f4 — d2	e8 — c6 ⁽⁵⁾	46) e6 — e4	и черные послѣ еще нѣсколькихъ ходовъ сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 201.

⁽¹⁾ 3. $\overline{a7-a6}$ и 3. $\overline{g8-f8}$ представляютъ лучшія защиты противъ атаки Рюи-Лопеца, но и при нихъ начинающій на долго, и при томъ безъ всякаго матеріальнаго пожертванія, сохраняетъ атаку. По этому то дебютъ Лопеца признается въ настоящее время, въ особенности англійскими любителями, однимъ изъ самыхъ сильныхъ.

(2) Вѣроятно съ цѣлю предупредить сильную атаку, которую бѣлые могли бы приобрести съигравъ е3 — h6°

(3) Это движеніе, какъ сейчасъ увидимъ, основано на ошибочномъ расчетѣ.

(4) На этотъ то ходъ рассчитывалъ Андерсенъ жертвуя пѣшку королевскаго слона, но онъ упустилъ изъ виду, что бѣлымъ стоитъ отступить ферземъ такъ, чтобъ имѣть возможность дать слѣдующимъ ходомъ шахъ неприятельскому королю, — и ихъ конь спасеть.

(5) Ясно, что если вмѣсто этого возьмутъ коня, то бѣлые дадутъ шахъ ферземъ на с3 и выиграютъ.

(6) Стаунтонъ справедливо замѣчаетъ что еще сильнѣе было бы съиграть 24. a1 — f1; если черные возьмутъ коня, то бѣлые играютъ 25. d2 — h6°, а потомъ f1 — f7 и выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 202.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Коллишъ. (Бѣлые).	Андерсенъ. (Черные).		
1) e2 — e4	c7 — c5	17) d3 — c2	f8 — d8
2) g1 — f3	e7 — e6	18) d4 — e6° (2)	f7 — e6° (5)
3) d2 — d4	c5 — d4°	19) e3 — d4	d5 — c3° (4)
4) f3 — d4°	g8 — f6	20) d2 — c3°	d8 — d4°
5) f1 — d3	h8 — c6	21) a1 — e1 (5)	d4 — c4
6) c1 — e3	d7 — d5	22) c3 — e5°	f6 — e5°
7) e4 — d5°	e6 — d5°	23) e1 — e5°	c4 — c2°
8) 0 — 0	f8 — d6	24) e5 — e6°	c2 — a2°
9) h2 — h3	h7 — h6	25) e6 — e7	b7 — b5
10) c2 — c4	0 — 0	26) f1 — c1	a8 — f8
11) b1 — c3	d6 — e5	27) c1 — c7	f8 — f2°
12) d4 — f3 (4)	e5 — c3°	28) e7 — g7° +	g8 — f8
13) b2 — c3°	c8 — e6	29) c7 — a7°	f2 — g2° +
14) c4 — d5°	f6 — d5°	30) g7 — g2°	a2 — a7°
15) d1 — d2	d8 — f6	31) g2 — g6	a7 — g7
16) f3 — d4	c6 — e5		и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партии № 202.

(1) Такъ какъ этотъ ходъ имѣеть послѣдствіемъ изолированіе пѣшки, то было бы можеть быть лучше сыграть e3 — e2.

(2) Мы сейчасъ увидимъ, что этотъ ходъ не хорошъ.

(3) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше было бы не брать теперь коня, а двинуть своего на f4, и рассматриваетъ послѣдствія этого хода такъ:

18) d5 — f4

19) e3 — d4

Всякій другой ходъ былъ бы гибеленъ бѣлымъ,

19) e5 — f3 +

Если вмѣсто этого черные возьмутъ слона ладьей, то бѣлымъ надлежитъ играть ферзя на e3, ибо если они возьмутъ ладью конемъ, то черные отвѣтятъ f6—g5 и бѣлые, для отклоненія мата, должны жертвовать ферзя, а если они возьмутъ ладью пѣшкой, то 20. $\underline{e5-e3}$ + 21. $\frac{g2-f3}{f7-e6}$ и черные выигрываютъ.

20) g1 — h1

Если 20. $\underline{g2-f3}$ то 20. $\underline{d5-d4}$ и черные выиграли.

20) f4 — e6°

21) d4 — f6° d8 — d2° и черные имѣють очевидное превосходство положенія.

(4) Ловкій маневръ; но d5 — f4 было бы покрайней мѣрѣ столь же сильно.

(5) Ясно, что если возьмутъ ладью, то немедленно потеряють ферзя.

ПАРТІЯ № 203.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

АНДЕРСЕНЪ.		КОЛИШЪ.	
(Бѣлые).		(Черные).	
1) e2 — e4	c7 — c5	28) a4 — d7°	e5 — d7°
2) f1 — c4	e7 — e6	29) b2 — b4	d7 — e5
3) b1 — c3	a7 — a6	30) c4 — e5°	g6 — e5°
4) a2 — a4	b8 — c6	31) g1 — g2	h3 — g2° +
5) d2 — d3	g8 — e7	32) h1 — g2°	c5 — b4°
6) c1 — f4	d7 — d5	33) d2 — b4°	f8 — c8
7) c4 — a2	e7 — g6	34) f1 — b1	e5 — c6
8) f4 — g3	c6 — b4	35) b4 — d2	c8 — b8
9) a2 — b3	f8 — d6	36) b1 — a1	f6 — f8
10) f1 — e2	0 — 0	37) f3 — f4 ⁽³⁾	g7 — g6
11) 0 — 0	d6 — b8	38) c2 — c4	d4 — c3° (на прох).
12) f2 — f3 ⁽¹⁾	g8 — h8	39) d2 — c3° +	h8 — g8
13) a4 — a5	d5 — d4	40) g3 — e2	f8 — f7
14) c3 — b1	f7 — f5	41) d3 — d4	b8 — f8
15) b1 — d2	f5 — f4	42) e4 — e5	f8 — d8
16) g3 — e1	b8 — c7	43) e2 — g3	d8 — d5
17) d2 — c4	b4 — c6	44) g3 — e4	c7 — a5°
18) e1 — d2	d8 — g5	45) c3 — a5°	d5 — a5°
19) g1 — h1	g5 — h5	46) a1 — a5°	c6 — a5° ⁽⁴⁾
20) f1 — f2	f8 — f6	47) e4 — c3	f7 — e7
21) d1 — g1	c8 — d7 ⁽²⁾	48) c3 — a4	c7 — c4
22) g2 — g3	f4 — g3°	49) a4 — c5	g8 — f7
23) e2 — g3°	h5 — h3	50) f2 — b2	b7 — b5 ⁽⁵⁾
24) g1 — f1	h3 — h4	51) c5 — a6°	a5 — c6
25) f1 — g1	a8 — f8	52) b2 — d2	b5 — b4
26) a1 — f1	h4 — h3	53) a6 — c5	c6 — d4
27) b3 — a4	c6 — e5		

Затѣмъ игра продолжалась еще нѣсколько времени и окончилась розыгрышемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 203.

(1) Дебютъ игранъ съ обѣихъ сторонъ крайне, осторожно, даже трусливо.

(2) g6 — h4 было бы кажется лучше.

(3) Бѣлые мастерски выпутались изъ затруднительнаго положенія, а одно время атака черныхъ была очень сильна и еслибъ они воспользовались ею какъ слѣдуетъ, то одержали бы побѣду.

(4) Теперь черные имѣютъ очевидное превосходство: пять пѣшекъ противъ четырехъ и двѣ изъ нихъ пройденныя, но г. Колишъ въ концѣ этой партіи, равно какъ и въ дебютѣ, рѣшительно не достоинъ самъ себя; онъ играетъ ее хорошо только въ серединѣ.

(5) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше было бы брать пѣшку d4, а потомъ играть коня на с4.

ПАРТІЯ № 204.

(Играна въ Берлинѣ 18-го мая 1861 года; длилась три часа.)

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Лазз.	Гиршфельдъ.		
(Бѣлые).	(Черные).		
1) e2 — e4	c7 — c5	15) g5 — f6°	g7 — f6°
2) d2 — d4	c5 — d4°	16) e2 — g3	e8 — d7
3) f1 — c4	e7 — e6	17) c3 — d5	e6 — d5°
4) d1 — d4°	b8 — c6	18) e4 — d5° (3)	c6 — e7
5) d4 — d1	g8 — f6	19) g3 — h5	f6 — f5
6) f2 — f3	f8 — c5 (1)	20) h5 — f6 +	d7 — c7
7) b1 — c3	a7 — a6	21) d3 — f5°	e7 — f5°
8) g1 — e2	b7 — b5	22) g4 — f5°	h7 — h5
9) c4 — d3	d8 — b6	23) h1 — e1	c5 — f2
10) c1 — f4	c5 — f2 +	24) e1 — e2	f2 — h4 (4)
11) e1 — f1	f2 — c5	25) f6 — e4	a8 — g8 +
12) g2 — g4	d7 — d6 (2)	26) g2 — h1	g8 — g7
13) f1 — g2	e6 — e5	27) d1 — d2	h8 — g8
14) f4 — g5	c8 — e6	28) d2 — e3	b6 — e3°

- 29) e2 — e3° b5 — b4 35) c6 — a6° d7 — e7⁽⁵⁾
 30) a2 — a3 h4 — g5 36) f5 — f6 + e7 — f6°
 31) e4 — g5° g7 — g5° 37) a6 — d6° + f6 — f5
 32) a3 — b4° g5 — g2 38) d6 — h6 f5 — f4
 33) e3 — c3 + c7 — d7 39) h6 — f6 + f4 — e3
 34) c3 — c6 h5 — h4 40) f6 — f7° А за тѣмъ черные

вынуждаютъ матъ не позже
 пятого хода ⁽⁶⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 204.

(1) Съ намѣреніемъ пожертвовать коня, взявъ пѣшку e4.

(2) h7 — h6, а потомъ c8 — b7 и 0—0—0 было бы кажется
 лучше.

(3) Весь этотъ маневръ имѣетъ цѣлю помѣшать чернымъ за-
 щитить пѣшку f6 посредствомъ b6 — d8.

(4) Тутъ представляется также слѣдующая любопытная комбинація:

24. $\frac{a8-g8}{a8-g8}+$ 25. $\frac{f8-g8}{h8-g8}+$ 26. $\frac{g2-h3}{g8-g1}$ 27. $\frac{d1-d2}{g1-a1}$ 28. $\frac{e2-f2}{a1-a2}$ и
 т. д.

(5) Играя 35. $\frac{g2-c2}{g2-c2}$, черные, во всякомъ случаѣ, завѣрили се-
 бѣ ничью, но они хотятъ выиграть, и дѣйствительно выигрываютъ.

(6) А именно: 40. $\frac{a5-f2}{a5-f2}$ 41. $\frac{f7-g7}{g8-g7}$ 42. $\frac{h2-h3}{g7-g3}$ 43. $\frac{a1-f1}{f2-f1}+$

44. $\frac{\text{матъ угрозо.}}{g3-h3}$; если же бѣлые не жертвуютъ ладьями, то полу-
 чаютъ матъ еще скорѣе.

ПАРТІЯ № 205.

(Играна въ Берлинѣ 18-го мая 1861 года.)

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

БѢЛЫЕ.

ЧЕРНЫЕ.

(Бѣлые.)

(Черные.)

1) e2 — e4	e7 — e5	4) f3 — g5	d7 — d5
2) g1 — f3	h8 — c6	5) e4 — d5°	c6 — a5
3) f1 — c4	g8 — f6	6) c4 — b5 +	c7 — c6

7) d5 — c6°	b7 — c6°	14) b2 — b4 (5)	c5 — d4° (4)
8) b5 — e2	h7 — h6	15) d1 — d4°	a5 — c6
9) g5 — f3	e5 — e4	16) e5 — c6°	d6 — f4°
10) f3 — e5	d8 — c7 (1)	17) b4 — b5	c8 — b7
11) d2 — d4	f8 — d6	18) b1 — c3	b7 — c6°
12) c1 — f4 (2)	0 — 0	19) b5 — c6°	f8 — d8
13) c2 — c4	c6 — c5	20) c3 — b5 (5)	c7 — a5 +

бѣлые сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 205.

- (1) Въ настоящемъ положеніи ферзь играетъ обыкновенно на d4.
 (2) Можно бы также сыграть f2—f4.
 (3) Съ цѣлю сыграть c4—c5, если черные возьмутъ пѣшку b4.
 (4) Лучшій ходъ; вообще черные мастераки играютъ конецъ этой партіи.
 (5) Играть коня на d5 было бы конечно лучше и значительно продлило бы партію, но побѣда всетаки осталась бы за черными.

ПАРТІЯ № 206.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1861 года).

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

ЛАЗА.		МАЙЕТЪ.	
(Бѣлые).		(Черные).	
1) c2 — e4	e7 — e5	11) c4 — d3	f4 — f3
2) f2 — f4°	e5 — f4°	12) g2 — f3°	h6 — c1°
3) g1 — f3	g7 — g5	13) a1 — c1°	c7 — c6
4) h2 — h4	g5 — g4	14) d5 — e3	d8 — c7
5) f3 — e5	h7 — h5 (1)	15) f3 — f4	c7 — a5 +
6) f1 — c4	h8 — h7	16) d1 — d2	a5 — a2°
7) d2 — d4	f8 — h6	17) c2 — c4	c8 — a6
8) b1 — c3	b8 — c6	18) e3 — f5	b5 — c4°
9) c3 — d5 (2)	c6 — e5°	19) f5 — d6 +	e8 — f8
10) d4 — e5°	b7 — b5	20) d3 — c4°	a6 — c4°

21) d6 — c4°	a2 — b3	27) d4 — d7°	b7 — d7°
22) d2 — d6 +	f8 — g7	28) d1 — d7°	g8 — h6
23) c1 — c3	b3 — b7	29) c4 — d6	a8 — f8°
24) 0 — 0	h7 — h6	30) f4 — f5	g6 — g7
25) d6 — d4	g7 — h7	31) f5 — f6	и бѣлые выигрыва-
26) f1 — d1	h6 — g6 (5)		ють.

Примѣчанія къ партіи № 206.

(1) Долгое время эта защита считалась наилучшею, но теперь отдають преимущество ходу g8—f6.

(2) Можно также e5—f7°, отдавая двухъ мелкихъ офицеровъ за ладью и пѣшку.

(3) Защищать пѣшку ладьей было бы дурно по причинѣ 27. c4—d6
28. d6—f7°.

ПАРТІЯ № 207.

(Играна въ Берлинѣ въ мѣѣ 1861 года.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТРЪ-ГАМБИТЬ.

БѢЛЫЕ. (Бѣлые).	ЧЕРНЫЕ. (Черные).		
1) e2 — e4	d7 — d5	15) c1 — d2	e7 — e6
2) e4 — d5°	g8 — f6	16) d5 — e6°	f7 — e6°
3) f1 — b5 +	c8 — d7	17) g1 — h1 (1)	c7 — c5
4) b5 — c4	b7 — b5	18) f1 — e1	0—0—0
5) c4 — b3	d7 — g4	19) e2 — g3	f6 — d7
6) f2 — f3	g4 — c8	20) f4 — e4	b5 — c6
7) d1 — e2	a7 — a6	21) e4 — e2	g7 — g5
8) a2 — a4	b5 — b4	22) f3 — f4	g5 — f4°
9) e2 — c4	d8 — d6	23) d2 — f4°	f8 — g7
10) a4 — a5	c8 — d7	24) b1 — d2	d6 — d4
11) d2 — d3	d7 — b5	25) f4 — e5°	g7 — e5°
12) c4 — f4	b8 — d7	26) b3 — e6°	e5 — g3°
13) g1 — e2	d7 — e5	27) h2 — g3°	c8 — b7
14) 0 — 0	h7 — h6	28) c2 — c3	d4 — g7

29) d2 — e4	g7 — e5	34) e4 — e7 + b7 — a8.
30) e6 — d7°	d8 — d7°	35) a1 — e1 h8 — d8
31) e2 — f2	e5 — h5 +	36) f2 — f6 d3 — d6
32) h1 — g1	c6 — e4°	37) f6 — f3 + h5 — f3°
33) e1 — e4°	d7 — d3°	38) g2 — f3° и партія окончилась
выигрышемъ бѣлыхъ.

Примѣчанія къ партіи № 207.

- (1) e2 — d4 было бы кажется сильнѣе.
 (2) Неосторожный ходъ.

ПАРТІЯ № 208.

(Играна въ Берлинѣ въ апрѣль 1861 года.)

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

Гиршфельдъ.	Майетъ.		
(Бѣлые).	(Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	12) f1 — e1	h7 — h6 (1)
2) g1 — f3	b8 — c6	13) c1 — a3	g8 — e7
3) f1 — c4	f8 — c5	14) f3 — d2	d6 — c6
4) b2 — b4	e5 — b4°	15) d2 — e4	d8 — e6
5) c2 — c3	b4 — a5	16) c3 — b4	e7 — g6
6) d2 — d4	e5 — d4°	17) g1 — h1	a7 — a5
7) 0 — 0	d4 — e3°	18) b4 — b3	g6 — e5°
8) d1 — b3	d8 — f6	19) c4 — d5	e6 — d4
9) e4 — e5	f6 — g6	20) b3 — g3	c6 — d5°
10) b1 — c3°	a5 — c3°	21) g3 — g7°	и черные сдаются.
11) b3 — c3°	c6 — d8		

Примѣчаніе къ партіи № 208.

- (1) Чтобы помѣшать коню ступить на вѣтку g5, а оттуда на e4

ПАРТІЯ № 209.

(Играна въ Потсдамъ въ июль 1861 года).

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Готманъ.		Гиршельдъ.	
(Бѣлые).		(Черные).	
1) e2 — e4	e7 — e5	15) c2 — c3	a8 — d8
2) g1 — f3	b8 — c6	16) d1 — g4°	e5 — g4°
3) f1 — c4	g8 — f6	17) c1 — f4	d4 — c3° +
4) d2 — d4 (1)	e5 — d4°	18) g1 — f1	c3 — b2°
5) 0 — 0	f8 — c5	19) a1 — b1	d8 — d4
6) f1 — e1	0 — 0 (2)	20) f4 — c7°	d4 — d2 (3)
7) e4 — e5	d7 — d5	21) e1 — e2	g4 — e3 +
8) c4 — b3 (4)	f6 — e4	22) f1 — e1	d2 — e2° +
9) b1 — d2	c8 — f5	23) e1 — e2°	f8 — e8
10) d2 — e4°	d5 — e4°	24) e2 — d3	e3 — g2°
11) f3 — g5	e4 — e3	25) d3 — c4 (5)	c5 — a3
12) f2 — e3°	d8 — g5°	26) b3 — a4	e8 — e1
13) e3 — e4 (4)	g5 — g4	27) a4 — c2	g2 — e3 +
14) e4 — f5°	c6 — e5°		

и черные выигрываютъ.

ПРИМѢЧАНІЯ ВЪ ПАРТІИ № 209.

(1) Обыкновенно тутъ играется f3—g5, впрочемъ и d2 — d4 не дурной ходъ.

(2) Можно бы также сыграть d7—d6.

(3) Лучше было бы отступить этимъ слономъ на d3.

(4) e3 — d4° имѣло бы послѣдствіемъ 13. $\frac{c5 - d4^\circ}{c5 - d4^\circ +}$ 14. $\frac{d1 - d4^\circ}{g5 - e1^\circ}$
и черные сохраняютъ лишняго офицера.

(5) f8 — e8 было бы едва-ли не сильнѣе.

(6) b1 — b2° тоже не спасло бы партію.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 80.

- 1) $f7 - e5 + f5 - e5^\circ$ (A)
- 2) $f8 - f3 \quad e5 - d5$
- 3) $f3 - f5 \not\propto$

(A.)

- 1) $f5 - g5$
- 2) $f8 - h8 \quad g5 - f5$
- 3) $h8 - h5 \not\propto$

№ 81.

- 1) $b3 - b5 + c4 - d4$
- 2) $f6 - e4 + d7 - g7$
- 3) $b5 - c5 \quad c7 - c6$
- 4) $c5 - d5 + c6 - d5^\circ$
- 5) $a2 - b3 \quad d5 - e4^\circ \not\propto$

№ 82.

- 1) $g4 - e4 + f3 - e4^\circ$
- 2) $d1 - d7 \quad e5 - f6^\circ$ (A, B, C, D, E, F.)
- 3) $d7 - e6 \not\propto$

(A.)

- 2) $f7 - d7^\circ$
- 3) $b6 - d7^\circ \not\propto$

(B.)

- 2) $f7 - e7$
- 3) $d7 - e7^\circ \not\propto$

(C.)

- 2) $f7 - f6^\circ$
- 3) $b6 - c4^\circ \not\propto$

(D.)

- 2) e4 — d5 или на f5
- 3) d7 — f5 ✕

(E.)

- 2) e2 — d4 или на f4
- 3) d7 — d4 ✕

(F.)

- 2) c4 — e3²
- 3) d7 — d4 ✕

Очевидно, что если первым ходомъ черные пойдуть не такъ, какъ показано выше, а 1. $\overline{e5-e4}$ или 1. $\overline{f5-f6}$, то получать мать слѣдующимъ ходомъ, въ первомъ случаѣ посредствомъ 2, $\overline{d1-d5}$ ✕, а во второмъ посредствомъ 2. $\overline{e4-e6}$ ✕

№ 83.

- 1) f7 — f8 f4 — g3 (A)
- 2) f8 — g8 + g3 — f4 или на h4
- 3) g8 — g4 ✕

(A.)

- 1) f4 — g5
- 2) f8 — g8 + g5 — h6
- 3) g1 — e3 ✕

№ 84.

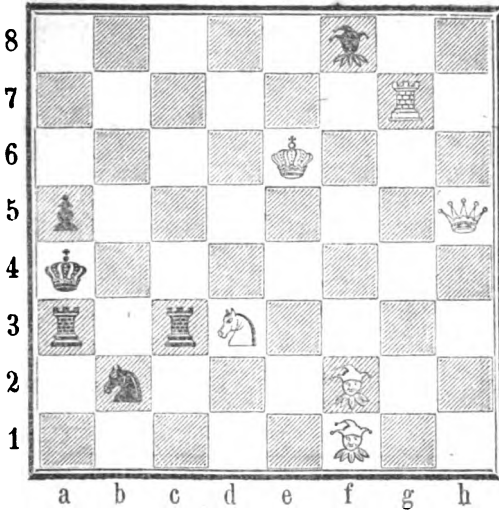
- 1) a7 — b6 d6 — d5
- 2) a1 — a8 d5 — d4
- 3) b6 — a7 король идетъ на a5, a4 или a3
- 4) a7 — c5 ✕

З А Д А Ч И.

№ 96.

Н. ОСТРОГОРСКОГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

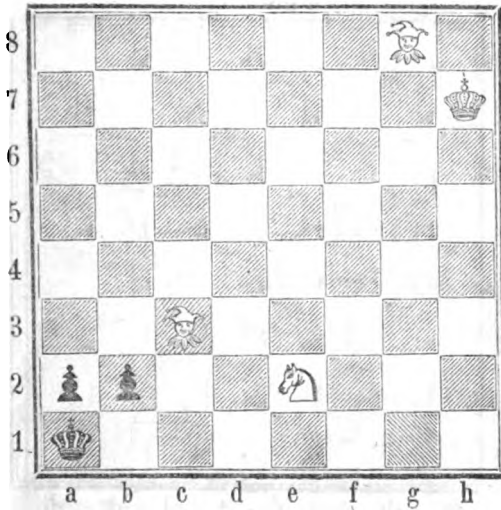
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 97.

Г-на К. . . . (въ Новгородѣ.)

ЧЕРНЫЕ.

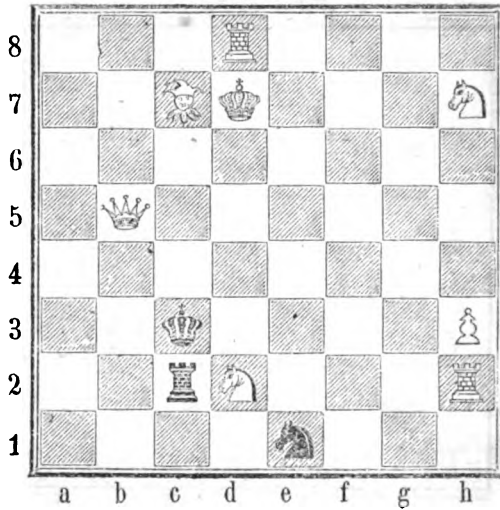
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 15 ходовъ.

№ 98.

Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

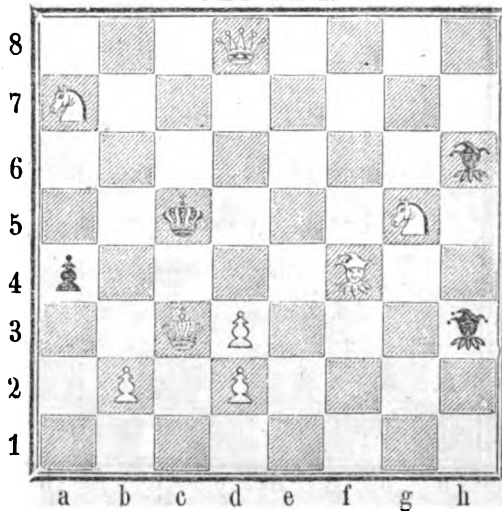
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

№ 99.

Г-НА К. (въ Новгородѣ)

ЧЕРНЫЕ.

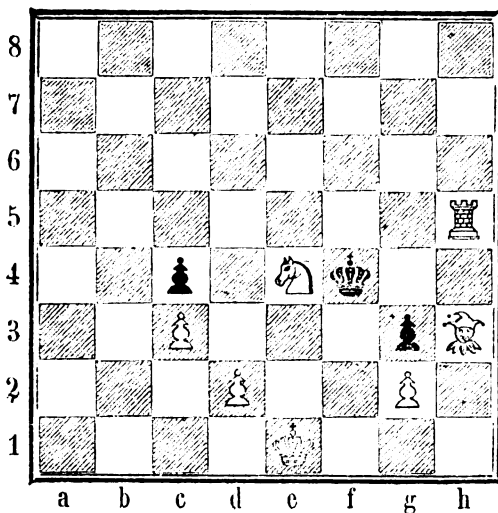
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ 100.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

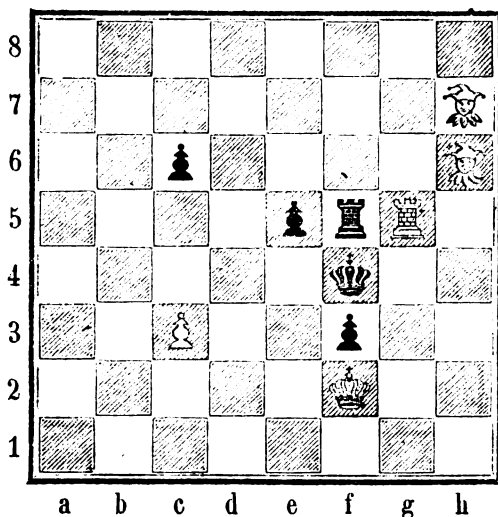
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 101.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

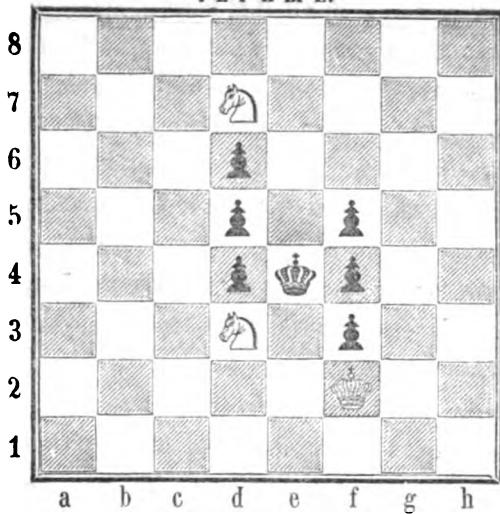
БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 102.

Н. ОСТРОГОРСКОГО.

КАРЁ.

ЧЕРНЫЕ.

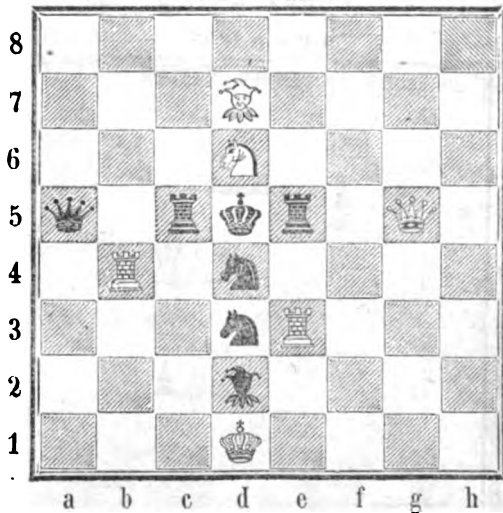
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 103.

Н. И. ПЕТРОВСКАГО (въ С.-П.—бургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 3 хода.

Послѣ двѣ задачи очень легки, но онѣ довольно красивы и будутъ радѣмся, занимательны для мало-опытныхъ игроковъ.

Корреспонденція. *Н. Остр—му* (въ Москвѣ). Признавая, по нѣкоторымъ соображеніямъ, неудобнымъ отвѣчать на Вашъ вопросъ печатно, обращаемся къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою благоволить сообщить Вашъ адресъ въ контору «Русскаго Слова» или Виктору Михайловичу Михайлову въ С.-П.—бургѣ, по Моховой, въ домѣ графа Ламздорфа.—Ваши задачи очень хороши.

И. И. Зел—му. Благодаримъ за присылку проблемъ, но печатать ихъ не будемъ, потому что онѣ ужъ слишкомъ легки. Конечно, помѣщенная въ настоящемъ Листѣ задача подъ названіемъ «*Карè*» ни чуть не труднѣе, но за то она красива, такъ сказать игрива, тогда какъ сообщенныя Вами проблемы вовсе не имѣютъ этого свойства.

Г-ну Ен—су. Ваши рѣшенія вѣрны.

Г-ну Ан—ну (въ Тобольскѣ). Вы находитесь въ заблужденіи, полагая, что разрѣшили проблему А. Д. Петрова, посвященную г-ну Ахшарумову: чернымъ стоитъ на тринадцатомъ ходѣ взять давшаго шахъ ферзя не слономъ, а королемъ и мата нѣтъ! Изъ настоящаго Листа Вы изволите усмотрѣть, что сокращеніе, сдѣланное Вами въ рѣшеніи кипергани г-на Саговскаго, также ошибочно.

С. Н. Эн—му (въ Москвѣ). Извѣстіе о матчѣ Колиша съ Андерсеномъ помѣщено въ прошломъ Листѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ЖУРНАЛА
УЧИТЕЛЬ

въ 1862 году.

Открывая подписку на второй годъ журнала «Учитель», мы считаемъ излишнимъ распространяться о цѣли и направленіи его, выказанныхъ уже въ прошлогоднемъ объявленіи. Тѣмъ болѣе излишнимъ кажется намъ—хвалиться достоинствами нашего журнала или оправдываться въ недостаткахъ его. Относительно первыхъ лучшіе судьи—сами читатели, которые знаютъ, чего имъ не доставало и насколько мы удовлетворили ихъ потребностямъ. Изъ недостатковъ же нѣкоторые, надѣмся, будутъ, по всей справедливости, отнесены насчетъ новизны дѣла, другіе — насчетъ несовершенства всего человѣческаго. Что касается насъ, то мы можемъ только утѣшать себя тѣмъ, что прилагаемъ, прилагаемъ и будемъ прилагать о журналѣ ту степень стараній и заботливости, которая причастствуетъ дѣлу, составляющему задачу всей нашей жизни. Надѣмся и впередъ доказать, что это не одни *слова*; и думаемъ, что измѣненія и улучшенія, къ которымъ мы намѣрены приступить въ будущемъ году, могутъ служить ручательствомъ за исполненіе нашихъ обѣщаній. Измѣненія и улучшенія эти будутъ состоять въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, чтобы доставить читателямъ нашимъ возможность слѣдить за всѣми существенными новыми явленіями въ отечественной педагогической литературѣ, мы присоединимъ къ библиографическому отдѣлу **педагогическое обозрѣніе**, въ которомъ бу-

демъ давать подробный критическій отчетъ какъ о всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ, появляющихся въ нашихъ специальныхъ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ новыхъ сочиненіяхъ по части воспитанія и обученія. Начнемъ же мы «обозрѣніе» рядомъ статей, въ которыхъ рассмотримъ приблизительно все, что до настоящаго времени сдѣлано нашею педагогическою литературою. Такимъ образомъ къ концу года отдѣлъ этотъ представитъ полную картину педагогической литературной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ за послѣднее тридцатилѣтіе.

Во-вторыхъ, намѣреваясь сдѣлать журналъ нашъ органомъ, посредствующимъ между родителями, желающими воспитывать своихъ дѣтей, съ одной стороны, и воспитателями, воспитательницами, наставниками, частными учебными и воспитательными заведеніями съ другой, мы съ будущаго года открываемъ въ нашемъ журналѣ новый отдѣлъ: **Педагогическій справочный листокъ**, въ которомъ, за самую умеренную плату, будутъ помѣщаться **объявленія** какъ о лицахъ, ищущихъ для своихъ дѣтей воспитателя, воспитательницу или учителя, такъ и о воспитателяхъ, воспитательницахъ, учителяхъ, пансіонахъ и частныхъ школахъ, предлагающихъ свои услуги родителямъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, уступая желанію многихъ изъ гг. подписчиковъ нашихъ, мы замѣнимъ нынѣшній форматъ журнала болѣе красивымъ и удобнымъ для чтенія форматомъ, нисколько впрочемъ не уменьшая объема годоваго изданія: вмѣсто 60 нынѣшнихъ листовъ, мы дадимъ слишкомъ 70 листовъ меньшаго формата, которые будутъ содержать тѣ же 120 листовъ въ обыкновенную 8-ую долю.

Сообразно съ упомянутыми измѣненіями, въ журналъ нашъ въ будущемъ году войдутъ слѣдующіе отдѣлы и рубрики:

ОТДѢЛЪ I.

- 1) УЧЕНІЕ О ФИЗИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА: а) *Анатомія и физиологія*, т. е. описаніе человѣческаго организма и его отправленияхъ. б) Процессъ естественнаго развитія организма отъ рожденія до возмужалости. в) *Диететика*: условія здоровья и долгой жизни, вліяніе на организмъ пищи, воздуха, жилища, занятій, и т. д. г) Человѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

III

2) **ОБЫТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:** а) Исследование душевных способностей и силъ человека; б) Процессъ развитія этихъ способностей въ различныхъ эпохи жизни.

3) **ПОПУЛЯРНАЯ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.**

4) **ПЕДАГОГИКА,** т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами человеческой природы: а) Воспитаніе *физическое, умственное, эстетическое, нравственно-религіозное* въ примѣненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе *домашнее* и *общественное* (училищевѣдѣніе); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ человека, гражданина и воспитателя.

5) **ИСТОРИЯ ВОСПИТАНІЯ:** біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспит. и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

6) **ПОПУЛЯРНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ НАУКЪ:** зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, астрономіи и пр., народнаго и сельскаго хозяйства, технологіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

1) **ДИДАКТИКА,** т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2) **МЕТОДИКА,** т. е. изложеніе различныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія по всѣмъ предметамъ.

3) **ПРИМѢНЕНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ МЕТОДЪ НА ПРАКТИКѢ,** т. е. подробно наложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно *элементарнаго*.

4) **УКАЗАНІЕ И ОБЪЯСНЕНІЕ ИСКУССТВЪ, РЕМЕСЛЪ, А ТАКЖЕ ИГРЪ** и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

ОТДѢЛЪ III.

1) **ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И БИБЛІОГРАФІЯ.** Сюда войдутъ: а) рядъ статей о педагогической теоріи, насколько она до настоящаго времени разработана въ нашемъ отечествѣ; б) отчеты обо всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ и вновь выходящихъ книгахъ

по части воспитанія и обученія; в) разборы учебныхъ пособій, руководствъ и дѣтскихъ книгъ.

2) **ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА И СМѢСЬ.** Въ перепискѣ будутъ помѣщаться отвѣты на всѣ частныя вопросы, съ которыми читатели, нуждающіеся въ какомъ—либо свѣдѣніи или совѣтѣ по воспитательной и учебной части, пожелаютъ обратиться къ намъ. Въ смѣсь войдутъ: *замѣтки* различнаго содержанія, относящіяся болѣе или мене къ воспитанію и обученію; *вопросы* и *задачи* изъ различныхъ наукъ для размысленія и рѣшенія.

ОТДѢЛЪ IV.

Педагогическій справочный листокъ. Сюда могутъ войти: а) частныя *объявленія* лицъ, ищущихъ для дѣтей своихъ наставника или наставницу, или желающихъ помѣстить дѣтей куда—либо въ пансіонъ или учебное заведеніе; б) *предложенія* лицъ, ищущихъ мѣсто гувернера, гувернантки, домашняго учителя или домашней учительницы; в) *предложенія* семействъ, частныхъ школъ и пансіоновъ, принимающихъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей извѣстнаго возраста и пола; г) *объявленія* авторовъ, издателей и книгопродавцевъ объ учебныхъ пособияхъ и руководствахъ, педагогическихъ сочиненіяхъ, дѣтскихъ книгахъ и проч.

При этомъ обращаемся ко всѣмъ иногороднымъ содержателямъ частныхъ школъ и пансіоновъ съ покорнѣйшею просьбою присылать намъ объявленія о своихъ заведеніяхъ, съ означеніемъ въ подробности всѣхъ условій пріема, платы и т. д., дабы и тѣ семейства, которыя живутъ въ помѣстьяхъ своихъ, могли чрезъ нашъ журналъ узнать о воспитательныхъ заведеніяхъ, находящихся въ ближайшихъ отъ нихъ городахъ.

За однократное напечатаніе объявленія мелкимъ шрифтомъ взимается по $\frac{1}{2}$ коп. сер. съ буквы, а за каждую букву въ заголовкѣ по $\frac{2}{3}$ к.

За особыя приложенія, какъ то: программы, каталоги и проч., берется по 3 руб. съ каждой тысячи (изъ этихъ денегъ 2 руб. идутъ въ газетную экспедицію).

Объявленія принимаются: отъ иногородныхъ въ самой редакціи, а отъ жителей Петербурга въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ П. И. Крашенинникова.

Для лицъ, незнакомыхъ еще съ нашимъ журналомъ, не лишнимъ считаемъ поименовать главные статьи, помѣщенные въ немъ въ нынѣшнемъ году.

Во 1-мъ отдѣлѣ: Что такое народное училище, и въ чемъ состоитъ его дѣло?—О томъ, какъ возникли и развивались народныя училища въ Англіи и Германіи.—Значеніе народныхъ училищъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Есть ли у насъ такія училища и какъ бы намъ учредить первыя учительскія семинаріи для образованія народныхъ учителей?—Совершающееся преобразование народныхъ училищъ въ Финляндіи. Проектъ учрежденія народныхъ школъ въ Финляндіи, составленный по порученію Финляндскаго сената. У. Сигнеусомъ. (Статья Н. Весселя.)—Опытная психологія въ примѣненіи къ воспитанію и обученію. Его же.—Дитя въ перныя годы жизни (воспитательные очерки).—Бѣлинскій, какъ педагогъ, О. Миллера.—Что всякому нужно знать изъ химіи.—О цвѣтахъ и плодахъ.—Чудеса астрономіи.—Кое-что изъ метеорологіи.—О жизни земли.—Питаніе и пища человѣка. (Статья А. Бернштейна).

Во 2-мъ отдѣлѣ: Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Священника Д. Соколова.—Примѣры общенагляднаго обученія.—О первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка. І. Паульсона.—Обученіе письму. Я. Мессера.—Наглядное обученіе ариметикѣ.—Элементарная геометрія по Дистервегу (съ 74 чертежами). Обученіе рисованію. Д. Ульянова. (Съ 60-ю чертежами).—Бесѣды о русской исторіи О. Миллера.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ: разборъ болѣе 200 книгъ для дѣтскаго чтенія Ф. Толля.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи дано сочиненіе д-ра Зигисмунда «Первое ознакомленіе дѣтей съ природой». Съ 48 рисунками въ текстѣ.

Въ заключеніе представляемъ списокъ статей, заготовленныхъ нами для помѣщенія въ будущемъ году.

Устройство однокласснаго народнаго училища. Н. Весселя.

Рядъ статей о женскомъ воспитаніи и объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Его же.

Воспитательныя игры и занятія Фрѣбеля для дѣтей втораго возраста. Съ рисунками. (Игры для дѣтей перваго возраста будутъ даны еще въ нынѣшнемъ году.)

Дѣтская діететика. Д-ра Бернарда, врача дѣтскихъ болѣзней и профессора при Вѣнскомъ университетѣ.

Педагогическіе эскизы Ф. Толля.

Что может сдѣлать воспитаніе (воспитательный очеркъ). Ф. Бёмера. Какое значеніе имѣеть гимнастика въ воспитаніи, и какъ ее устроить въ училищахъ. I Паульсона.

Законы мышленія, изложенные по Бенеке и Дресслеру.

Организмъ челоѡвка и челоѡческое искусство. Физиологическіе очерки. А. Бернштейна.—Объ инстинктѣ животныхъ. Его же.—Сокровенныя силы природы. Его же.

Письма о ботаникѣ. Соч. Линдлея. Съ рисунками.

Жизнь насѣкомыхъ. Съ рисунками.

Опытъ историческаго изложенія русской словесности со временъ Петра I, съ христоматіей, расположенной по авторамъ. Ореста Миллера.

Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской (Новый Заѡтъ). Свящ. Д. Соколова:

Общенаглядное обученіе.

Какой лучший способъ обученія грамотѣ? (Обзоръ извѣстныхъ способовъ этого обученія будетъ данъ еще въ нынѣшнемъ году).

Первоначальное обученіе отечественному языку. Курсъ третій.

Обученіе письму. Курсы второй и третій Я. Мессера.

Элементарное преподаваніе географіи (отчизновѣдѣніе).

Бесѣды о русской исторіи. Отъ Ярослава до Петра I. (Исторія до Ярослава дается въ нынѣшнемъ году.)

О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народныхъ училищахъ.

Ботаническія прогулки съ дѣтьми. И. Нордмана.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ. I. Паульсона.

Рациональное преподаваніе женскихъ рукодѣлій въ училищахъ.

Курсъ гимнастики. Съ рисунками.

Уроки рисованія по методѣ Дюпюи. Д. Ульянова.

Обученіе пѣнію въ народныхъ училищахъ. Дир. учил. Св. Петра И. Штейнмана.

Элементарная физика по Крюгеру. Съ 80-ю рисунками. Ф. Бёмера.

Христоматія къ исторіи литературы г. Миллера будетъ дана въ особенномъ приложеніи.

При нынѣшнемъ числѣ подписчиковъ (3065) мы не можемъ дать болѣе одного приложенія въ годъ; но если число подписчиковъ нашихъ увеличится, то мы намѣрены дать въ будущемъ году еще одно приложеніе, выборъ котораго будетъ сдѣланъ, смотря по доставленнымъ намъ средствамъ, изъ слѣдующихъ сочиненій, приготавлиаемыхъ къ изданію:

1) ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ, составл. по Каппу, Вельтеру и др. Часть I. Древняя исторія.

VII

2) ПОПУЛЯРНАЯ АНАТОМІЯ И ФИЗИОЛОГІЯ. Д-ра Шребера. Съ рисунками. Пер. Ф. Бёмера.

3) ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ. Практическое руководство къ изученію химіи. Соч. Штаммера. Съ рисунками. Пер. А. Вериги.

4) РУССКАЯ ФЛОРА. Руководство къ опредѣленію всѣхъ дикорастущихъ въ Россіи явнотрачныхъ растений, составленное по извѣстнымъ руководствамъ Лангмана, Вейганда, Постеля и др. Д. Михайловымъ, магистромъ ботаники.

5) КОСМОГРАФІЯ, составленная по руководствамъ Дистервега, Медера и др. В. Воленсомъ. Съ рисунками.

Журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ выходить, какъ и въ нынѣшнемъ году, два раза въ мѣсяць, 1-го и 16-го числа, выпусками не менѣе 3 листовъ въ большую 8-ую долю и въ два столбца четкой убористой печати.

Подписная цѣна за 24 выпуска въ годъ съ доставкою на домъ или съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи. 4 руб. сер., безъ доставки 3 р. 50 к. с.

Примѣчанія. Полугодовой подписки редакція не принимаетъ; но всѣ лица, кто бы они ни были, затрудняющіяся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ 2 срока: къ 1-му января и къ 1-му іюля.

Училища могутъ высылать деньги въ теченіе года, но не позже 1-го августа. При этомъ мы покорнѣйше просимъ гг. штатныхъ смотрителей, учителей и вообще лицъ, выписывающихъ журналъ для училищъ и требующихъ увѣдомленія о полученіи денегъ, выписывать журналъ черезъ дирекціи училищъ, или же прилагать *почтовую марку* на высылку имъ квитанціи. Въ послѣднемъ случаѣ мы на квитанціяхъ будемъ росписываться въ полученіи 4 р. 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отъ иногородныхъ *исключительно* въ Редакціи, а отъ жителей С. Петербурга—въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ П. И. Крашенинникова, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, въ домѣ Греффа.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги, адресуя *въ С. Петербургъ, въ редакцію журнала «Учитель», въ Галерной улицѣ № 19.*

VIII

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые подписались *непосредственно* въ редакціи.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заранѣе, дабы можно было заготовить достаточное число экземпляровъ.

Новые подписчики могутъ, если пожелаютъ, имѣть полное изданіе журнала и за нынѣшній годъ.

Редакторы—издатели **И. Шаульсонъ.**
Ш. Весель.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ 22 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЬ I.

Бѣглянка (окончаніе). С. СЛАВУТИНСКАГО.

Повѣсть про купецкаго сына Акима Скворцова и про боярскую дочку (стихотвореніе). М. П. РОЗЕНГЕЙМА.

Отжившій миръ (изъ Гейне). И. П. РАГОДИНА.

Выдержка изъ исторіи Польши (1770—1772). Д. Л. МОРДОВЦЕВА.

Сониксы (стихотв.) В. Д. ЯКОВЛЕВА.

ОТДѢЛЬ II.

ПОЛИТИКА. Обзоръ современныхъ событій. 1

Для Испаніи: Министерство О'Доннея. — Крестовый походъ на Марокко. — Попеченія губернаторовъ о политическомъ здоровьи націи. — Стѣсненное положеніе Мексики и претенвіи Франціи, Англіи и Испаніи. — Государственный долгъ Испаніи. — Трагическое положеніе Андалузій. — Броженіе умовъ. — *Esperanza*, журналъ съ самостоятельными воззрѣніями. — **Для Франціи:** Краснорѣчіе графа Морни. — Воззваніе виконта Артура де-ла-Героньеръ къ представителямъ французской аристократіи. — Шведскій король въ Парижѣ. — Неудовольствіе испанской королевы. — Платоническая честность Миреса. — **Для Англіи:** Откровенность Пальмерстона. — **Для Германіи:** Конгрессы и національный флотъ — Выходки Монитера. — Министерство Шмерлинга и его отношенія къ сеймамъ въ Пестѣ и Аграмѣ. — **Для Италіи:** Циргуляръ Рикасоли. — Объясненіе неаполитанскаго разбойничества. — Сношенія бандитовъ съ Римомъ. ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

Русская Литература. Схоластика XIX вѣка.

(XI—XVII) Д. И. ПИСАРЕВА 1

Униженные и оскорбленные. Ромашъ *Ф. Достоевскаго*.

ГРАФА Г. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО 35

Панегиристы и порицатели Петра I-го (статья 4-я).

І. И. ШИШКИНА. 50

Иностранная литература. Процессъ жизни.

Physiologische Briefe von Carl Vogt). Д. И. ПИСАРЕВА. 1

ОТДѢЛЬ III.

Современная ЛѢТОПИСЬ.

Закрытіе санктпетербургскаго университета. — О наставленіи военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Открытія ревизионной комисіи. — Маленькія неточности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. — Логика г. Герена и его благопріобрѣтенія. — Приданое г. Дюбронара. — Делеши къ д-цѣ Кларѣ и къ Союзѣ Петровнѣ. — Элегія одного акціонера. — Еще открытіе комисіи. — Путешествіе г. и г-жи Доманже. — Легетръ и 1 р. 20 к. сер. на водку. — Русскіе за границей и безгранично-щедрые иностранцы въ Россіи. — Дорожные стансы Легетра, переводъ съ французскаго. — Остроумный фארсъ главнаго общества. — Миѣзъ о каретѣ г. Гелинга, потерянной въ Псковѣ. — Моя застольная пѣсня по этому поводу. — Роскошь главнаго директора общества и доходы архитектора Бонштедта. — Что такое значить мебелировать квартиру? — Можно-ли въ Россіи добыть канцелярскіе матеріалы для общества? — Совѣтъ, думающій о благѣ Россіи, и его предложенія. — Перейра и Абаза. — Русскіе Миресы и пѣсня, посвященная имъ. — Что новаго? — *Видимое* затишье въ Петербургѣ. — Надъ Л. Камбекомъ собирается туча. — Смирдинъ и эниграмма Пушкина. — Современный нашъ недугъ и два типа редакторовъ. — *Новый сатирикъ*, и господинъ, ищущій *направленія* для своей газеты. — Петербургская начальница и ея антипатія къ русскимъ журналамъ. — Мое обращеніе къ ней. — Школьная дисциплина. — В. В. Ганка и его другъ, академикъ Дубровскій. — Гейне и его другъ г. А. Арсеньевъ. — Слухъ о новомъ романѣ г. Тургенева. — Шарлатанство А. Дюма и французскій прогрессъ. — Первый дебютъ г-жи Струйской въ двухъ комедіяхъ г. Островскаго. — Новый видъ лиховиства. — Лже-генералъ и лже-литераторъ. — Провинціальная хроника. — Нижегородскій самозванецъ. — Вѣсти съ *Чернаго озера* и появленіе всадника въ публичномъ суду. — Курьезное объявленіе. — Педагогъ, берущій взятки цвѣтами. — Закулисный театральныи миръ въ провинціи. — Закулисная элегія. — Предупредительность опеки. — Окольные пути. — Г. Солоница и его подвиги.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОВЪ (за августъ). В. М. МИХАЙЛОВА.

Къ октябрьской книжкѣ будутъ приложены остальныя главы исторіи Грота.

Въ разборѣ романа «Униженные и оскорбленные» встрѣчаются опечатки:

стр.	строка	напечатано:	должно быть
На 36	сверх. 8	облегчить	облѣчить
— 43	14	снѣзу запутанность, интрига до того велика	запутанность интриги до того велика